

1855

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. ЗР.

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

18186
9914
98181

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Коно.

ТОМЪ XIX.

ЯНВАРЬ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Контрольщик
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПО

ПАМЯТКА

ПЕЧАТАТЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20-го Января 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій*,

Ценсоръ *Н. Азатовъ*.

ТОМЪ XIX.

ВЪЗДѢЛАНІЕ — ПЕЧАТАНИЕ

1855

Оглавление XIX тома. 1855 г.

Книжка первая, январь.

I. Изящная словесность.

1. Лучшая женщина в мире. Повесть С. С. (С. 1-48).
2. Комедия в опере. Рассказ в пяти представлениях, В. Р. Зотова. (С. 1-56).

II. История и теория искусства.

Портретная галерея современников. Скриб. (С. 1-28).

III. Смесь.

1. Очерки Жмуди. Описание страны, ее нравов, языка и песен. Статья П. М. Древлянского. (С. 29-72).
2. Штабс-капитан Свищов. Рассказ П. И. Небольсина. (С. 73-102).
3. Земля и звезды. П. М. Новосильского. (С. 103-120).
4. Материалы для истории России, собранные Геннади. (С. 121-128).

Современное.

1. **Литература:** Риг-Веда и гимны Индусов. (С. 1-15). – Проспер Мериме. (Статья Густава Планша). (С. 16-19).
  2. **Театр, музыка, искусство.** Сцены и очерки парижской театральной жизни. (Статья первая). (С. 19-28).
  2. **Открытия в науках и промышленности:** Искусство дышать (С. 28-30). – Аппарат для осмотра газопроводных труб. (С. 30-31). Цемент, неразрушаемый морской водой. (С. 31). – Исследование цвета роз. (С. 32). – Ученый конгресс в Ливерпуле. (С. 32-33). – Гиероглифы и гвоздеобразные надписи. (С. 33-36). – Задача конкурса германских врачей. (С. 36).
  3. **Анекдоты, замечательные случаи и новости:** Водолечебное заведение в замке Исси. (Из письма путешественника. (С. 36-37). – Китайские пословицы о женщинах. (С. 37-38). – Сохранение пивков. (С. 38). – Праздник любителей живописи. (С. 39).
  4. **Путешествия и сцены нравов:** Белые и черные на Антильских островах. (Из воспоминаний туриста). (С. 39-45).
  5. **Мелкие рассказы и повести:** Крокодил и ученый (естественная и неестественная история). (С. 45-59). – Любовь и золото. (Рассказ Мери). (С. 59-70).
- Парижская жизнь.** Письма А. Бонавентуры. (С. 71-100).
- Лондонские письма.** (С. 101-112).

IV. Петербургский вестник.

1. Литература.

Журналистика. Литературный год. – Обзор произведений прошлого года по разным отраслям словесности. – Повести и рассказы. – Святки и перелетные птицы. – Ольга Н., Евгения Тур и Тургенев. – В. Крестовский. – Л. Н. Т. и Писемский. – Бедность «Москвитянина» и «Библиотеки для чтения» по отделу русской словесности. – Григорович, Потехин и Вонярярский. – «Бедность не порок». – Мей и Алферьев. – Драматическая литература в Петербурге и в провинциях. – Беллетристические статьи. – «Десять лет на Кавказе», составленные по статьям Мельпицкого и Шегрена. – «Горькая доля» господина Мольера. – Легкие рассказы во всех журналах и в «Пантеоне». – Переводные романы и повести. – «Холодный дом». – Переводные рассказы в журналах. – Стихотворения г. Тютчева. – Перевод «Слова о полку Игореве». – Баратынский, гр. Толстой, Некрасов, Фет, Майков, Полонский. – Мещанин Никитин. – Князь Вяземский. – «Дурочка Дуня». – Стихотворения в «Пантеоне». – Патриотические стихотворения и развитие поэзии. – Ученые произведения. – Сборники, издаваемые правительством. – Книги по отделу драматических наук, путешествий, истории литературы и филологии. – Серьезные статьи в журналах. – Несколько слов о «Пантеоне», о письмах и приложениях его, в ответ на замечания «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения». – Желания русским журналам на новый год. (С. 1-19).

2. Общественная жизнь. Подразделение времени года у разных народов. – Обычай Нового года: визиты, стихотворения и поздравления. – Один из образцов стихотворных поздравлений и нечто при этом о вечерах Благородного Собрании. – Известие о визитных карточках нового рода. – Женщина-великанша. – Новые подарки к Новому году. – Поттишоманические лампы Кумберга. – «Статистико-географическая таблица» г. Артемовского. – Маскарады и концерты. – Университетские концерты. – Прощальный концерт г. Чиарди. – Драматические новости. – «Ветеран и новбранец», г. Писемского. – Бенефисы гг. Лемениль, Мондидье и Мора: «Оселок», комедия в 5-ти действиях, «Двадцатилетние философы», «Молодость Людовика XIV», «Маркитантка», г. Кукольника в немецком переводе. – Успех малолетней артистки на Михайловском театре. – Открытие нового цирка в Петербурге. – Музыкальные пьесы и пять маршей жены Омера-Паши. – Краткая история общины Сестер Милосердия. – Поездка г. Тимма в Крым. – Деятельность нашей Американской компании. – Юбилей Н. И. Греча. – Речи и стихи юбилея. – Биографический очерк юбиляра. – Петербургские моды. (С. 35-64).

V. Репертуар русской сцены. № 1.

Женихи, или Седина в бороду, а бес в ребро. Оригинальная комедия в одном действии. Сочинение К. Вильде. (С. 1-20).

I.

ЛУЧШАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ МІРѢ.

—

I.

Въ Н — ой губерніи, на берегу рѣки Л — и раскинута деревенька, неимѣющая ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что составляетъ одну изъ усадебъ Катерины Ивановны Брониковой, дамы извѣстной и въ губернскомъ городѣ, и въ окрестностяхъ за богатую помѣщицу, владѣтельницу восьми сотъ душъ.

Мѣстоположеніе деревеньки *Черной Ручей*, вовсе не живописно. По низкому, плоскому берегу тянется десятка три крестьянскихъ избъ, за ними чернѣется лѣсъ. Направо, саженьяхъ въ пятидесяти отъ берега, господскій домъ, окруженный садомъ.

Куда ни взглянете, все одно и то же — лѣсъ да рѣка, рѣка да лѣсъ — все гладко, плоско, и невыносимо однообразно. Негдѣ отдохнуть утомленному взору, негдѣ разыграть мечтѣ.

Когда по рѣкѣ тянутся барки съ дровами, яблоками и другими продуктами, сцена еще какъ будто оживляется. Въ другое же время на тамошнихъ берегахъ все пустынно и тихо.

Въ одинъ жаркій іюньскій день, часовъ въ шесть вечера, на крыльцѣ господскаго дома, уставленномъ гортензіями, и обтянутомъ въ видѣ палатки голубымъ полосатымъ холстомъ, сидѣла или полулежала на кушеткѣ хорошенькая блондинка лѣтъ двадцати. Нарядъ ея свидѣтельствовалъ и о привычкѣ заниматься туалетомъ, и объ апатіи, о лѣни, о *laisser-aller*, которыми такъ легко заразиться свѣтской дѣвушкѣ среди уединенія деревен-

своей жизни. Женщины и особенно хорошенькія всегда любятъ заниматься своимъ нарядомъ. И это очень понятно, простительно и даже похвально. Всегда пріятно полюбоваться въ зеркало на прическу, которая къ лицу, на корсажъ платья, который ловко обрисовываетъ талію, на одну изъ тѣхъ воздушныхъ, граціозныхъ, очаровательныхъ шляпокъ, надъ которыми французенки истощаютъ всю свою изобрѣтательность, и которыя такъ мило, такъ красиво обрамливаютъ хорошенькое, свѣжее личико. Только женщина безъ вкуса или безъ сердца, какойнибудь *bas bleu*, или старуха не найдетъ удовольствія въ томъ, чтобъ быть одѣтой къ лицу, мило, хотя просто и безъ лишнихъ затѣй, но свѣжо и граціозно. Я не только не обвиняю женщинъ за то, что ихъ можетъ восхитить и очаровать новая шляпка, ловко сидящая перчатка, красивая матерія или чтонибудь въ такомъ же родѣ, но даже сознаюсь, что когда вздумаю жениться, то поставлю въ непремѣнное условіе моей будущей женѣ, чтобъ она занималась своими нарядами, и чтобъ во всякое время дня была одѣта такъ, чтобъ пріятно было взглянуть на нее.

Наденька Бронникова, та самая хорошенькая блондинка, которая сидѣла на крыльцѣ, судя по ея наряду, сознавала, что она не *bas bleu*, не старуха, а хорошенькая дѣвушка, созданная на то, чтобъ нравиться. Ея густые бѣлокурые волосы лежали волнистыми бандо. Роскошная коса, раздѣленная на-двое, по послѣдней картинкѣ *Modes Parisiennes*, облежала, какъ вѣнцомъ или гирляндой хорошенькую головку. Но тутъ и ограничивались заботы Наденьки объ ея нарядѣ. Кому нравиться въ деревнѣ? Этотъ вопросъ, вѣроятно, пришелъ ей въ голову тогда, какъ окончивъ прическу, за которою провела она никакъ не меньше часа, взглянула на себя въ зеркало и задумалась о томъ, какое надѣть платье. Передъ нею развернулась перспектива жаркаго, скучнаго, утомительнаго дня; никто не пріѣдетъ, не съ кѣмъ ни поболтать, ни пококетничать, и Наденька въ досадѣ накинула на себя легкую бѣлую блузу. Только по привычкѣ ли, или отъ нечего дѣлать, или просто залюбовавшись своею полненькою, обнаженною ручкой, она нацѣпила на нее массивный золотой браслетъ съ замкомъ.

Утро прошло очень скучно. Матап была занята со старостой. Да притомъ что дѣлать дома? Тутъ не о чемъ и поговорить. Въ городѣ другое дѣло. Тамъ матап занимають и новости, и моды, и успѣхи Наденьки въ свѣтѣ, и все, о чемъ толкують другіе — даже политика и литература.

Но лѣтомъ, въ деревнѣ, на своей волѣ, матап говоритъ себѣ съ утра до вечера съ крестьянами и бабами про посѣвъ, про бороны, про сохи, про берды,—про такія дикія вещи, о которыхъ Наденька не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, расхаживаетъ въ блузѣ и въ чепцѣ на отлетѣ по полямъ, по овинамъ, по ригамъ, амбарамъ и кладовымъ, безъ перчатокъ и безъ зонтика,—и къ концу лѣта такъ загоритъ, что Наденькѣ страшно подумать о томъ, какъ-то онѣ появятся въ городѣ.

Наденька утромъ разбирала какую-то польку, прочла двѣ страницы изъ какого-то романа, проѣхалась верхомъ до мельницы, и наконецъ сдѣлала открытіе, что лѣто, такое жаркое, несносное, невыносимое время года, что рѣшительно не стоитъ ничего дѣлать. Въ слѣдствіе этого открытія, послѣ обѣда, когда матап улеглась, и въ домѣ и окрестностяхъ наступила совершенная тишина, Наденька расположилась на крыльцѣ, на кушеткѣ. Передъ нею на красивомъ столикѣ лежала цѣлая коллекція неразрѣзанныхъ романовъ, привезенныхъ изъ Москвы, стояла рабочая корзинка съ начатой полоской *broderie anglaise*, и въ стаканѣ воды красовалась роскошная, только что сорванная роза.

Но ничто не занимало Наденьку. Она лежала, безцѣльно устремивъ глаза въ даль по прямой аллеѣ, начинавшейся отъ крыльца и оканчивающейся у забора, чрезъ который виднѣлись дорога и рѣка. По временамъ Наденька поднимала бѣленькую ручку и играла браслетомъ, любовалась имъ, и своей ручкой. Потомъ взоръ ея перебѣгалъ разсѣянно по лежавшимъ на столѣ книгамъ и останавливался на цвѣткѣ. О чемъ она думала? О многомъ, о многомъ! Она думала и о Москвѣ, и о минувшей зимѣ, и объ изношенныхъ нарядахъ, которые были еще такъ недавно свѣжи и милы и доставили ей столько пріятныхъ часовъ, и столько комплиментовъ, канувшихъ въ вѣчность, и о томъ, какіе балы, наряды и побѣды ожидаютъ ее въ грядущемъ, и наконецъ о томъ, какъ счастливы всѣ ея знакомые, живущіе теперь

по дачамъ въ окрестностяхъ Москвы или Петербурга, а не въ деревняхъ.

— Какая несносная эта мама! подумала Наденька. Въдѣ надо же ей непременно было забраться въ эту глушь! И зачѣмъ? Говорить, что имѣніе разстроено — надо присмотрѣть, — староста обманываетъ, — оброкъ худо платятъ. Какъ будто все это новость! Я какъ себя помню, какъ маленькая была, еще при покойномъ папенькѣ говорили, что имѣніе разстроено; да развѣ это мѣшало моимъ старшимъ сестрамъ веселиться, и жить на дачахъ, и выдти замужъ? Мама говоритъ, что она ихъ выдала съ горемъ, въ долгъ вошла, да чтожъ за бѣда! Ну надѣлай долговъ и для меня, все же лучше, чѣмъ провести цѣлое лѣто въ этакой глуши!

И Наденькѣ не на шутку стало и досадно, и грустно, такъ что на ея глазкахъ навернулась слезинка. Она вынула изъ стакана розу, повертѣла ее, полюбовалась ею и машинально принялась ощипывать листочки. Можетъ быть, въ эту минуту она видѣла въ невинномъ цвѣткѣ эмблему своей красоты, молодости — и терзала его, потому что страдала сама.

Вдругъ по дорогѣ мелькнула дорожная коляска, покрытая пылью. Сердце Наденьки сильно забилося. Ужъ не къ намъ ли? подумала она, но не смѣя довѣрить такой игривой мечтѣ, только приподнялась на кушеткѣ и слѣдила глазами за коляской до тѣхъ поръ, пока она проѣхавъ мимо всего забора, остановилась у воротъ. Тогда Наденька соскочила съ кушетки, пробѣжала до боковой калитки, выходящей во дворъ, пріотворила ее и остановилась въ ожиданіи, кого посылаетъ судьба. Наденька, не смотря на радость, помнила, что она въ неглиже, а въдѣ могъ же какимъ — нибудь чудомъ забраться къ нимъ въ глушь кто — нибудь изъ тѣхъ молодыхъ людей, съ которыми танцевала она зимою, и которые привыкли видѣть ее всегда въ безукоризненно-изящномъ нарядѣ. По счастью или нѣтъ, изъ коляски вышла женщина лѣтъ двадцати-четырехъ, въ дорожномъ но кокетливомъ костюмѣ, съ лицомъ утомленнымъ путешествіемъ, но такая хорошенькая, что красота ея бросалась въ глаза и безъ всякихъ аксессуаровъ.

— Кузина Марианна!

— Наденька!

И Наденька бросилась на шею кузинѣ со всею искренностью эгоистической радости.

— Душка, милочка! Дай тебя разцѣловать за это! Какимъ чудомъ ты попала сюда? Я не могу опомниться! Бѣдняжка, ты устала, пойдемъ въ комнаты.

— Я ѣду въ Москву, отвѣчала Маріанна, и по дорогѣ вздумала заѣхать къ вамъ. Оно, правда, не совсѣмъ по дорогѣ, шестьдесятъ верстъ въ сторону, ну, да все равно. Видишь — не говори что я не люблю тебя! Твое писъмо меня тронуло до глубины души, я знаю, что значить деревня въ глуши.

— Милая кузина! Я тебя разцѣлую за эту жертву, когда ты отдохнешь. Ты вѣдь у насъ погостишь?

— Да, только я сѣшу въ Москву, прибавила Маріанна, осматриваясь вокругъ, какъ птичка, влетѣвшая изъ шалости или прихоти въ отворенную клѣтку.

— Какъ здѣсь хорошо! сказала она, когда они вошли въ тѣнистую аллею. Послѣ дороги и утомительнаго жара, Маріанна съ наслажденіемъ почувствовала прохладу. — У васъ настоящій оазисъ здѣсь, среди пустыни!

— Да, отвѣчала Наденька плачевнымъ тономъ, поживи-ка ты въ этомъ оазисѣ! Вѣдь татап забралась сюда съ начала мая!

— Ну, что татап, здорова?

— Здорова. Она теперь отдыхаетъ. Я разбужу ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не буди. Сядемъ вотъ здѣсь, отдохнемъ, не повѣришь какъ я устала!

И Маріанна сѣла на крыльцѣ на кушетку.

— Кузина, ты вѣдь еще не обѣдала? Я сейчасъ велю приготовить.

— Не хлопочи. Я не хочу ничего, кромѣ стакана молока и куска чернаго хлѣба. Въ дорогѣ у меня пропадаетъ аппетитъ.

Наденька побѣжала за молокомъ.

Маріанна отъ нечего дѣлать принялась разсматривать книги, лежавшія на столикѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были разрѣзаны съ начала, другія по срединѣ. Но не одна не была разрѣзана отъ начала до конца. Только послѣдній нумеръ *Petit Courrier des Dames*,

былъ весь прочитанъ, и въ статьѣ о модахъ были сдѣланы карандашемъ замѣтки.

— Бѣдная Надя! сказала Маріанна улыбаясь, когда кухня вернулась: видно тебѣ въ этомъ оазисѣ очень скучно. Возможно ли, такая бездна книгъ, и ни одна не прочитана! И все какія интересныя! Всѣ самые новые романы! Я бы на твоёмъ мѣстѣ никакъ не утерпѣла, все бы прочитала.

— Да, тебѣ хорошо это говорить: ты свободна, ты всегда можешь дѣлать, что хочешь; наскучить въ одномъ мѣстѣ, ты ѣдешь въ другое. А мнѣ здѣсь все ужъ надоѣло. Въдь ты не можешь представить себѣ, что это за сторона. Ни одного порядочнаго человѣка! Довольно тебѣ, я дошла до такой степени отчаянія, что когда ужъ совершенно не зная куда дѣваться отъ скуки, то ѣзжу въ Брылино, вереть семь отсюда, къ такому антиподу помѣщицѣ, какой ты себѣ и вообразить не можешь. Представь себѣ, ей шестьдесятъ лѣтъ, и она никогда не ѣздитъ даже въ губернской городъ...

— Что жъ ты у нея дѣлаешь?

— Смотрю на нее и слушаю. Je m'amuse enfin. Это такой антикъ, что только ужъ отъ горя и можно поѣхать къ ней. У нее два сына служатъ въ Петербургѣ. Только и разговоровъ что про Петю да про Николу, и какіе красавцы, и какіе умницы, и ее старуху не забываютъ, пишутъ и денегъ присылаютъ, вообрази, сѣне, у нее всего имѣнія пятнадцать душъ!

— Но чтожъ за идея была у твоей маманъ забратъся сюда на все лѣто?

Да, маманъ-то здѣсь блаженствуетъ! Она здѣсь знать ничего не хочетъ. Говоритъ, что пріѣхала сюда отдыхать... Хорошъ отдыхъ! Можешь себѣ представить: съ ранняго утра надѣнетъ блузу, чепчикъ, и цѣлый день ходитъ по полямъ, по лугамъ, по кладовымъ — толкуетъ съ старостою, загорѣла такъ, что ужасъ. — Маманъ просто начинаетъ старѣться...

Зачѣмъ ты ѣдешь въ Москву?

— На свадьбу къ Анетѣ Мельниковой. Мнѣ не очень хотѣлось разстаться съ Петербургомъ: у меня такъ хорошо на дачѣ въ Павловскѣ. Я развела бездну цвѣтовъ въ саду... да нечего дѣлать, нельзя: родня и притомъ же мужнина — обидится.

— Ахъ, какая ты странная Марианна! не хотѣлось и поѣхала; я на твоёмъ мѣстѣ дѣлала бы всегда только то, что правится. Еще еслибъ твой мужъ былъ живъ, а теперь какое тебѣ дѣло до нихъ...

— Нельзя, отвѣчала Марианна, надо.

Она задумалась. Ей пришло въ голову почему же именно надо. Она была богата и независима. Вся необходимость состояла въ томъ, что Марианна вышла замужъ почти ребенкомъ, за человѣка гораздо старѣе ея, — положительнаго и холоднаго, который своею недоступностью внушилъ ей такое уваженіе и къ своей особѣ, и ко всей своей роднѣ, что даже и послѣ его смерти молодая женщина жила какъ будто подъ его вліяніемъ.

Замѣчаніе кухни въ первый разъ заставило ее сознать это. Она улыбнулась своему простодушію...

— Ты везешь съ собою много нарядовъ? спросила Наденька.

— Нѣтъ, я тамъ не долго останусь. А тебя, кажется, наряды очень интересуютъ, прибавила Марианна съ улыбкой: изъ всѣхъ этихъ книгъ только *Petit Courier des Dames* разрѣзанъ и прочитанъ...

— Наряды? да, это моя пассія, каюсь. Но здѣсь такъ скучно, что ничто нейдетъ на умъ. Видишь какъ я одѣта...

— Тебѣ хочется комплимента? не скажу, даже побраню тебя: знаешь, что мнѣ кажется? ты должна быть очень разборчивая невѣста; не можетъ быть, чтобъ у тебя, при твоёмъ хорошенькомъ личикѣ и при твоёмъ состояніи не было жениховъ. Зачѣмъ ты не выходишь замужъ? Тогда не скучала-бы какъ здѣсь теперь...

— Ахъ, Марианна, какъ ты легко говоришь объ этомъ! Выйди замужъ — тутъ много условій...

— Какихъ? Тебѣ вѣрно хочется выйти замужъ по любви? Сказала Марианна съ полугрустной и полуиронической улыбкой.

— Да, конечно, я хочу, чтобъ мой будущій мужъ былъ хорошъ собою, ловокъ, ну, однимъ словомъ, знаешь, такой мужъ, чтобъ весело было войти съ нимъ на балъ или гулять подъ руку по Невскому... Надо также, чтобъ онъ баловалъ меня, чтобъ онъ не мѣшалъ мнѣ наряжаться, выѣзжать, дѣлать что я хочу. Но это еще не бѣда, и я не беспокоюсь объ

этомъ — все это будетъ. За урода я не выйду, а что касается до баловства...

— Что жъ, ты основательно думаешь, что онъ будетъ влюбленъ въ тебя безъ памяти? сказала Маріанна съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— По крайней мѣрѣ, я постараюсь его поставить на такую ногу, чтобъ все дѣлалось по-моему. Это первое условіе...

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? неужели до сихъ поръ ты не нашла ничего похожаго на этотъ идеаль?

— Какъ не найти! Я тебѣ расскажу по секрету, вѣдь ты, кузина, не выдашь меня: я прошлою зимою чуть-чуть не вышла замужъ...

— Кто жъ помѣшалъ?

— Матап! Это цѣлый романъ.

— А она-таки вступается въ твои сердечныя дѣла?

— Въ томъ-то и бѣда, что она не любитъ сердечныхъ дѣлъ.

— Будто!

— Ну, да. Она только и твердитъ, что имѣніе разстроено, что придется продать половину, чтобъ хоть другая уцѣлѣла.

— Это неприятно. Такъ она прервала твой романъ въ самомъ началѣ?

— Ахъ, ужъ не говори! Видишь, какъ все было: мы познакомились на балѣ у Игнатьевыхъ съ однимъ пріѣзжимъ изъ Петербурга. Такой душака, что я тебѣ и рассказать не умѣю: ловокъ, милъ, любезень; какой хорошенькій! Совсѣмъ не то, что наши москвичи. Я ему понравилась, знаешь, это какъ-то сейчасъ видно. Игнатьевы познакомили его съ нами. Онъ бздилъ каждый вторникъ, всегда танцевалъ со мною мазурку, любезничалъ, ну, словомъ дѣло шло на ладъ. Матап, только что замѣтила это, сейчасъ въ тихомолку навела справки о немъ. И какъ она это все узнаетъ! Нашла вѣдь кому написать о немъ въ Петербургъ. Оказалось, что у него есть отецъ и мать, и сестры, и множество всякой родни, а имѣнія у всѣхъ только триста душъ въ Кіевской губерніи. Матап, въ одно прекрасное утро, за чаемъ завела со мною разговоръ о немъ, и призналась, что ужъ успѣла все разузнать.

Потомъ завела косвеннымъ образомъ разговоръ о томъ, что въ замужствѣ надо искать прежде всего душевныхъ качествъ, т. е. солидности, опытности, ну, а главное-то, чтобъ было у мужа хорошее состояніе; что нынче дѣвицы сами не знаютъ чего хотять, потому что гоняются за мечтами, которые годны только для романовъ, и тому подобное.

— Меня упрекать въ мечтательности. Я ее терпѣть не могу, и нисколько не вѣрю въ ту любовь, о которой пишутъ въ романахъ. Но пріятнѣе же выдти за человѣка, который нравится, нежели за какого-нибудь урода.

— Конечно, замѣтила Маріанна.

— Я и сказала это маман. Разумѣется, что еслибъ нашлся женихъ, съ тѣмъ, что называется блестящимъ состояніемъ, такъ пожалуй, ему можно было бы простить, еслибъ онъ былъ и гораздо старше меня, и не хорошъ собою.

— Даже должно простить, замѣтила опять Маріанна.

— Я это и высказала маман. Она обрадовалась. Къ намъ ѣздилъ часто тогда Бараевъ, знаешь, золотопромышленникъ, онъ вдовецъ, нехорошъ собою, мѣшокъ такой, что ужасъ, но у него, говорятъ, въ карманѣ цѣлая Калифорнія. Золотые прииски въ Сибири! Вѣдь это столько денегъ, сколько хочешь! Маман и давай меня увѣрять, что я ему нравлюсь, что она это давно замѣтила, и что еслибъ я поменьше кокетничала съ Полемъ, такъ онъ давно бы посватался... Признаюсь, эта мечта ослѣпила меня. Я подумала, подумала, мнѣ и жаль было Поля, да дѣлать нечего. Вѣдь триста душъ, можетъ быть, на пятерыхъ, перспектива не утѣшительная. На мой я ужъ и разсчитывать не смѣю, мнѣ маман наговорила, что имѣніе разстроено... Я вѣдь только слышу за не бѣдную невѣсту...

— Ты и рѣшилась забыть Поля?

— Да, отвѣчала Наденька со вздохомъ. Я стала холоднѣе съ нимъ, онъ обидѣлся, началъ ѣздить рѣже, рѣже, а потомъ уѣхалъ въ Петербургъ...

— А Бараевъ?

— Когда Поль уѣхалъ, я начала любезничать съ нимъ. Сначала все шло очень хорошо. Онъ было поддался. Ахъ Маріанна, я была въ восторгѣ! Ты только представь себѣ

такое огромное состояніе! вѣдь это значить все блага жизни, все что хочешь: жизнь въ Петербургѣ, балы, опера, наряды, сколько душъ угодно, даже за границу я бы ѣздила каждое лѣто... Я была бы въ Парижѣ, на водахъ въ Германіи, вездѣ, вездѣ, гдѣ веселятся...

— Ну, а еслибъ онъ тебя просто увезъ въ Сибирь годика на два, на три, на золотые прииски?

— Вотъ мило! Да онъ бы долженъ былъ въ глаза мнѣ глядѣть! Онъ понялъ бы, что вѣдь это жертва выйти за него... Онъ такой тюлень... я бы ему втолковала это.

Маріанна разсмѣялась. Въ ея кузинѣ было столько откровенной, простодушной испорченности, столько *gouerie naïve*, если можно такъ выразиться, что объ ней нельзя было ни жалѣть, ни сердиться на нее, можно было только смѣяться. — Наденьга была увѣрена, что все думаютъ, какъ она же, — и что иначе нельзя думать.

— Видишь ты, какая, Маріанна, ты смѣешься, а мнѣ право досадно вспоминать обо всемъ этомъ...

— Что же, развѣ худо кончилось?

— Да ужъ какъ нельзя хуже... Онъ все ѣздилъ къ намъ до весны... татап такъ вотъ ужъ и ждала предложенія... А онъ взялъ да и уѣхалъ, еще прежде насъ, въ свою сторону... Мнѣ сначала было очень досадно и обидно... а потомъ я была ужъ и рада... Пусть татап сама мнѣ теперь отыскиваетъ жениховъ... я ей это сказала...

— Чтожъ она?

— Да ей что? Она меня же побранила, что я не умѣю ни за что взяться, да и забралась сюда.

— Да, теперь понимаю, что тебѣ здѣсь не весело.

— А какъ зовутъ твой идеаль... нельзя ли его отыскать?

— Онъ въ Петербургѣ, служить, т. е. каждый день по утру гуляетъ по Невскому, а по вечерамъ веселится, счастливецъ!

— Какъ же его фамилія?

— Да тебѣ на что?

— Да полно же ревновать, мнѣ его, право, не надо. Я для тебя же хотѣла... Нельзя ли этотъ романъ поправить какънибудь.

— Ты совсѣмъ рѣшилась забыть его, или еще не прочь отъ развязки?

— Теперь?—Да, конечно,—мнѣ теперь на зло хотѣлось бы выйти замужъ по любви...

— А триста душъ на пятерыхъ?

— Это ничего.—Я вѣдь только безъ любви требую богатства. А съ любовью... la chaumière et son coeur — этого довольно. И Наденька засмѣялась. Къ тому же татап все преувеличиваетъ. Я ее понимаю... ей хочется выдать меня за какого нибудь богатаго и толстаго бютора... — Имѣніе совсѣмъ не такъ разстроено...

— Хочешь я помогу тебѣ отыскать твоего незнакомца?

— Кузиночка, душка, помоги. Это будетъ чудесно! Его фамилія Завалинъ.

— Завалинъ? Павелъ Александровичъ?

— А ты знаешь его?

— Знаю, отвѣчала Маріанна, и по ея лицу мелькнула какая-то лукавая, насмѣшливая улыбка.

— Маріанна, тутъ что нибудь не даромъ! сказала Наденька шутливо. Чему ты смѣешься? Онъ вѣрно ухаживаетъ за тобою.

— И даже очень!

— Ахъ, измѣнникъ! вскричала Наденька. Видишь какіе они всѣ гадкіе, эти мужчины, ну, стоитъ ли послѣ того любить ихъ?

— Ты забыла, что ты сама подала ему примѣръ.

— Ахъ, такъ это совсѣмъ другое дѣло! Во-первыхъ я бы не измѣнила, еслибъ не татап, а во-вторыхъ вѣдь такіе женихи, какъ Бараевъ — рѣдкость. Измѣна простительна.

— Благодарствуй за комплиментъ. Неужели же я не стою какого нибудь Бараева, мѣшка, набитаго золотомъ. Посмотри на меня...

И Маріанна граціознымъ, кокетливымъ движеніемъ приподняла свою хорошенькую головку и взглянула прямо въ глаза Наденькѣ.

Маріанна была такъ хороша, что для нея можно было рѣшиться на измѣну даже безъ упрека совѣсти. У нее былъ тон-

вій, правильный профиль, напоминающій античную красоту Греції. Въ ея черныхъ глазахъ было много и чувства, и ума. Черные блестящіе волосы отбѣняли немного блѣдную бѣлизну ея лица. Во всѣхъ чертахъ ея было что-то одушевленное, подвижное, говорящее.

Бюстомъ Маріанны можно было залюбоваться.

Всѣ ея формы были роскошны, но округлены такъ изящно, такъ граціозно, что отъ нее вѣяло чѣмъ-то воздушнымъ. Съ перваго взгляда поражала въ ней гармонія цѣлаго, начиная отъ крошечной руки съ длинными тонкими пальцами, до малѣйшаго необдуманнаго движенія... Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, отъ которыхъ не хочется отвести глазъ: имъ все къ лицу, и любить ихъ наслажденіе, потому что ни одна черта въ нихъ, ни одно движеніе не оскорбитъ чувство изящнаго.

— Ты красавица! проговорила Наденька, полюбовавшись на свою кузину. И если, въ самомъ дѣлѣ, Завалинъ ухаживаетъ за тобою, такъ ужъ лучше и не начинать...

— Не отчаивайся. Завалинъ не такой человекъ, чтобъ ухаживалъ долго безъ надежды, а я ему не подавала ее — наскучить. Знаешь что, поѣдемъ со мною въ Петербургъ. Ты погостишь у меня, я тебя выпрошу у твоей татаи. Ты появишься какъ комета. Завалинъ захочетъ отмстить мнѣ, начнетъ ухаживать за тобою, сначала съ досады, потомъ проснется воспоминанія, и я увѣрена, что если только не явится опять какойнибудь золотопромышленникъ, ты побѣдишь!

— Это чудесная мысль. Если даже и не одержу побѣды, то все-таки повеселюсь. Милая кузина!.. и Наденька принялась цѣловать Маріанну.

Въ эту минуту въ залѣ раздалось шарканье туфель, показался сперва чепецъ съ развязанными лопостями, а потомъ и вся особа татаи Наденьки, Катерины Ивановны Бронниковой, модной дамы въ столицѣ, и помѣщицы на своей волѣ въ деревнѣ, куда она пріѣхала, по ея собственнымъ словамъ, отвести душу, отъ выѣздовъ, хлопотъ и принужденія, которымъ подвергаютъ маменекъ свѣтскія дочки

Пошли объятія , распросы. Беседа продолжалась далеко за полночь , и не кончилась бы еще долго , еслибъ Наденька не напомнила татап, что кузинѣ не мѣшаетъ отдохнуть съ дороги.

II.

На другой день послѣ обѣда кузины сидѣли на крыльцѣ. Въ продолженіе утра онѣ успѣли переговорить обо всемъ , и теперь невольно поддались обѣ наитію скуки. Наденька лежала, по обыкновенію на кушеткѣ, и отъ времени до времени обращалась къ Маріаннѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ, на который слѣдоваль лаконическій отвѣтъ, которымъ и прекращался разговоръ. Маріанна безъ вниманія перелистывала первый попавшійся подъ руку романъ.

— Наденька, сказала она наконецъ, дойдя до послѣдней страницы романа и небрежно бросивъ его на столъ : скажи пожалуйста, неужели вы въ самомъ дѣлѣ живете среди пустыни? Вѣдь есть же около васъ какіе-нибудь помѣщики?

— Есть, отвѣчала Наденька.

— Такъ чтожъ вы не познакомитесь съ ними?

— Я тебѣ говорила вчера, что когда мнѣ очень горько, я ѣзжу къ Брылиной. Это еще одна изъ лучшихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ насъ живетъ вдова помѣщица, не бѣдная, у нее четыреста душъ, и пять дочерей. Но еслибъ ты видѣла ихъ — это просто невозможно вообразить. Можешь себѣ представить, вѣдь у этой помѣщицы четыреста душъ, могла бы дать дочерямъ хоть какое-нибудь образованіе, что жъ, повѣришь ли? двѣ старшія — одной семнадцать лѣтъ, другой пятнадцать, только и знаютъ, что русскую грамоту. Объ остальномъ я не говорю. Ни войдти, ни поклониться не умѣютъ. Я у нихъ была только одинъ разъ съ татап, и все время была какъ на иголкахъ. Просто не придумаешь о чемъ говорить съ ними! Чѣмъ вы занимаетесь? Гуляемъ-съ. — Вы ѣздите въ губернской городъ? — Нѣтъ-съ. — Вы читаете что-нибудь? — Нѣтъ-съ. — Что жъ вы дѣлаете зимою, по вечерамъ, наконецъ? Вѣдь я думаю вамъ скучно? — Нѣтъ-съ, мы работаемъ-съ. — Вышиваете? — Нѣтъ-съ, у насъ дѣвушки вышиваютъ. — Шьете? — Нѣтъ-съ, какъ можно! У насъ въ Москвѣ въ магазинѣ дѣвушка училась.

— Что же вы такое работаете? — Мы вяжемъ-сь. Сестрица прошедшею зимою связала себѣ одѣяло въ приданое, а я вяжу чулки-сь.

Марианна пожала плечами.

— Ну, а помѣщики?

— Ахъ, не спрашивай, изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, только есть одинъ, и даже очень порядочный, такой душка, что просто чудо. Образованъ прекрасно, богатъ, бывалъ за границей, ну, словомъ такой, что въ Москвѣ или въ Петербургѣ, на любомъ балу, при тысячѣ другихъ можно въ него влюбиться.

— Ну, вотъ видишь, сказала Марианна съ лукавою улыбкой, одинъ ужъ и нашелся.

— Да что толку! отвѣчала Наденька печально. И этотъ такой же антиподъ какъ другіе.

— Чѣмъ же?

— Да онъ вдовецъ.

Марианна разсмѣялась отъ души.

— Такъ вотъ, что по-твоему значить антиподъ! Что жъ за бѣда, что вдовецъ? Это еще не большое преступленіе, особенно если онъ образованъ, богатъ, милъ, ловокъ, какъ ты говоришь!

Наденька отрицательно покачала головой.

— Бѣда большая, отвѣчала она, потому что всѣ эти качества пропадаютъ даромъ. Это какой-то чудакъ. Представь себѣ, что онъ женился по любви, противъ воли своихъ родныхъ, потому что они прочили ему невѣсту гораздо богаче его жены. Онъ жилъ съ нею три года. Жена его умерла, но онъ до сихъ поръ влюбленъ въ нее, только ею и бредитъ. Вѣдь это предосадно. Конечно, прекрасно любить жену, но вѣдь ее ужъ нѣтъ теперь... Онъ теперь корчитъ изъ себя что-то такое интересное, нѣчто, какъ бы это тебѣ выразить... ну, хоть нѣчто въ родѣ Бейрона... Всегда серьезень, задумчивъ, — такой inabordable.

Марианна въ раздумьѣ слушала лепетъ своей кузины. Какая-то мысль пробѣжала по ея лицу и загорѣлась въ черныхъ очахъ яркимъ пламенемъ.

— Откуда ты знаешь всё эти подробности? спросила она. Онъ говорить про свою жену?

— Никогда. Мнѣ рассказывалъ Завалинъ, онъ зналъ ее.

— Знаешь, Наденька, сказала Маріанна, — я бы на твоёмъ мѣстѣ непременно попробовала вылечить его отъ бейронизма.

— Я пробовала, отвѣчала Наденька, съ такимъ серьезнымъ утвердительнымъ жестомъ, какъ будто сознавалась, что исполнила долгъ свой.

— И что жъ, неудачно?

— Такъ неудачно, что послѣ перваго погуженія отказалась продолжать. Я терпѣть не могу насмѣшекъ... а онъ... онъ очень деликатенъ, вѣжливъ и даже любезенъ, если захочешь; но у него въ глазахъ, въ улыбкѣ, даже въ голосѣ что-то такое насмѣшливое, такое тонко-дерзкое, что какъ будто онъ хочетъ сказать каждую минуту: «Не трудитесь, я васъ понимаю, но со мною все напрасно. Я не похожъ на другихъ, на тѣхъ людей, къ которымъ вы привыкли!» Вѣдь, согласишься сама, что это предосадно!

— Да, это очень жаль, отвѣчала задумчиво Маріанна. Если это правда, что онъ все еще влюбленъ въ свою жену, это доказываетъ что онъ умѣетъ любить... что онъ человѣкъ съ душою и сердцемъ. Въ нашемъ вѣкѣ это просто рѣдкость!..

— Ни чуть не жаль, отвѣчала Наденька: досадно немножко, правда, вотъ и все. Я не люблю рѣдкостей...

Маріанна лукаво усмѣхнулась и промолчала. Она вспомнила басню про лисицу и виноградъ.

Разговоръ прекратился и молчаніе длилось около четверти часа.

Наденька въ свою очередь взяла перелистывать какую-то книгу, и минуты черезъ двѣ отбросила ее съ дѣтскою досадою.

— Кузина, пойдемъ кататься на лодкѣ, сказала она съ живостью, обрадовавшись внезапной мысли.

— Пойдемъ. Кто же будетъ грести?

— Я умѣю. Я часто катаюсь одна, когда татап не видитъ.

— Ну, признаюсь, ты не совсѣмъ надежный гребець.

— Да полно! Развѣ ты боишься воды.

— Все равно, пойдемъ. Можетъ быть, я и рѣшусь.

— Ахъ, какая же ты трусиха!

Кузины вышли изъ сада и пошли вдоль по берегу рѣки.

— Вотъ лодка здѣсь, сказала Наденька, когда онѣ пришли къ небольшой рощицѣ, окаймляющей берегъ. Посмотри какъ здѣсь хорошо, это мое любимое мѣсто. И раздвинувъ вѣтви березъ, она проворно, какъ лань, подбѣжала къ самому краю воды.

Мѣсто это въ самомъ дѣлѣ было не дурно. Рѣка причудливымъ изгибомъ образовала миниатюрный заливъ. Ея прозрачныя струи медленно, лѣнливо, съ какою-то нѣгою плескали на низкій берегъ. Мѣстами вѣтвистыя березы склонялись надъ водой, какъ будто любуясь въ ней своей воздушной красотой. Въ тѣни ихъ стояла зеленая скамья.

Марианна сѣла на нее и залюбовалась рѣкою, небомъ, солнцемъ, деревьями, всѣмъ, что было передъ ней. Въ эту минуту все это было чудно хорошо. Съ неба текли волны золота и сливались съ прозрачною влагой, какъ будто лаская ее, какъ будто желая согрѣть ее пламенными объятіями. И рѣка, подъ влияніемъ этихъ пламенныхъ ласкъ, какъ красавица, очарованная могучимъ волшебникомъ, лежала спокойно въ своихъ берегахъ. Ни одна прихотливая струйка не рябила ея поверхности. Въ этой тишинѣ, въ этомъ спокойствіи и нѣгѣ своеобразной стихіи, было что-то обольстительное. Воображеніе увлеклось невольно, и предъ нимъ рисовались тѣ чудно-поэтическіе вымыслы, которые во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, выражаютъ тотъ таинственный міръ мечты и чувства, къ которому стремится человѣкъ, утомленный или неудовлетворенный существованіемъ. Казалось, что вотъ сію минуту, при ослѣпительномъ блескѣ солнца, изъ лона водъ подыметъ граціозная, безпечная, обольстительная вереница наядъ, русалокъ и ундишь, и начнутъ они свои рѣзвыя игры, купаясь во влагѣ изъ разноцвѣтныхъ камешевъ, перекидываясь съ веселымъ смѣхомъ алмазами, рубинами, яхонтами, опалами, и эхо разнесетъ по пустыннымъ берегамъ мелодическіе звуки...

— Что жъ, ѣдемъ? сказала Наденька. Садись въ лодку.

— Подожди немножко. Теперь еще слишкомъ жарко, отвѣчала Марианна. Она поддалась влиянію нѣги, которою дышало все

вокругъ нее и ей лѣнь было отвести глаза отъ рѣки, лѣнь было двинуться съ мѣста.

Наденька прислонилась къ дереву и разсѣянно смотрѣла вдаль.

— Ты просто трусишь, Маріанна, сказала она послѣ минутнаго молчанія. А въ самомъ дѣлѣ, сегодня чудный день! Посмотри какъ спокойна и прекрасна рѣка... Знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову? Мнѣ хотѣлось бы вотъ въ этакій чудный вечеръ перенестись въ Испанію, на берега, хотъ Гвадалквивира... Ты представь себѣ вотъ точно такую картину... рѣка, заходящее солнце, и вдругъ гдѣ-нибудь подъ балкономъ звуки серенады. Вѣдь это чудесно!

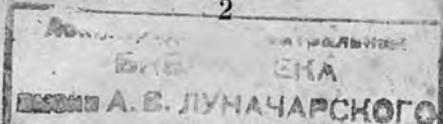
— Серенады даются вечеромъ позже, когда солнце уже зайдетъ, замѣтила Маріанна.

— Все равно... Я хочу серенаду теперь... Ахъ, Маріанна, какъ это право досадно, что ты трусишь ѣхать со мной... Еслибъ вдругъ явился какой-нибудь волшебникъ, чародѣй, или сказочный принцъ, который покаталъ бы насъ по рѣкѣ и далъ бы намъ серенаду!

— Ты что-то сегодня расположена къ фантазіямъ и поэзіи, сказала Маріанна.

— Позвольте, Надежда Сергѣевна, предложить вамъ мои услуги, раздалось вдругъ изъ-за деревьевъ.

Наденька вскрикнула, Маріанна обернулась. Передъ ними или правильнѣе позади ихъ стоялъ высокій молодой человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать одного изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые и въ пустыняхъ Сахары сохраняютъ все приемы, все привычки и все это неувлимое, неопредѣленное *сomme il faut* неподдѣльнаго, но врожденнаго денденизма. На немъ была соломенная шляпа, легкій лѣтній сюртукъ, и на шеѣ небрежно завязанъ пестрый фуляръ. Но въ этомъ простомъ и по-видимому неизысканномъ нарядѣ, было что-то кокетливое, что-то такое, что съ перваго взгляда показывало, что этотъ молодой человѣкъ занимается своимъ туалетомъ со всею заботливостью и мелочной внимательностью, въ которыхъ такъ несправедливо укоряютъ женщинъ. Онъ былъ очень хорошъ собою, но не той красотой, которая только бросается въ глаза, не говоря ничего сердцу. Въ его правильныхъ, мужественныхъ чертахъ лица было

99/4

что-то серьезное, как будто отпечаток какой-нибудь грустной мысли, или слѣдъ недавней еще свѣжей душевной боли. Это выраженіе смягчалось прелестью улыбки, кроткой и чрезвычайно привлекательной, хотя порою въ ней пробѣгало что-то насмѣшливое, близкое къ сарказму.

Глаза молодого человѣка были очень выразительны. Но ихъ глубокий, пристальный взглядъ не высказывалъ никакихъ задушевныхъ думъ. Нѣтъ, онъ напротивъ какъ будто пытался проникнуть въ ваше сердце и разгадать все, что таится въ его сокровенныхъ изгибахъ.

Маріанна въ одну минуту, безъ всякихъ соображеній, просто какимъ-то инстинктомъ, приобретеннымъ опытомъ, отгадала въ немъ того чудака антипода, того неутѣшнаго вдовца, которого за часъ предъ симъ описала ей Наденька.

— Я испугалъ васъ, простите, сказалъ онъ поклонясь и приподнявъ шляпу.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала Наденька, вы очень кстати явились съ предложеніемъ вашихъ услугъ. Вотъ, моя кузина, боится ѣхать со мною по водѣ, покатайте насъ.

Молодой человѣкъ проворно прыгнулъ въ лодку, отвязалъ ее отъ дерева и сталъ въ ней, подавъ руку Наденькѣ.

Маріанна нерѣшительно, съ боязнью на лицѣ послѣдовала за кузиной.

Вы боитесь? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Маріанна.

— Со мною не бойтесь. Я бы ни за что не осмѣлился предложить вамъ моихъ услугъ, еслибъ не былъ увѣренъ, что со мною вы не подвергнетесь ни какой опасности.

Онъ усадилъ кузину, снялъ перчатки и взялся за весла.

Лодка понеслась быстро по зеркальной поверхности.

— Кому придетъ въ голову думать теперь объ опасности, сказала Наденька. Посмотрите какъ вокругъ насъ все спокойно и тихо. Сегодня неподобный вечеръ!

— А какъ такой вечеръ долженъ быть хорошъ на югѣ, въ Испаніи, напримѣръ! сказалъ молодой человѣкъ съ своей насмѣшливою улыбкой.

— А, вы подслушали, что мы говорили, это не хорошо м-г. Огининъ! Вскричала Наденька.

— Нѣтъ, я не подслушивалъ, я только слушалъ.

— Откуда же вы явились вдругъ? Какъ вы попали въ эту сторону?

— Я шелъ мимо, и также какъ вы любовался рѣкою. Вдругъ услышалъ за деревьями говоръ, узналъ вашъ голосъ и подошелъ, чтобъ поклониться вамъ, а подойдя, заслушался, — вотъ и вся моя вина.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Маріанна, на югѣ, гдѣ нибудь за границей, или у насъ въ Крыму, лѣто должно быть вдвое очаровательнѣе здѣшняго.

У насъ природа слишкомъ однообразна. Взгляните на эту рѣку. Она хороша, но берега ее утомительно однообразны. Нигдѣ ни пригорка, все плоско и пусто.

— Это правда, отвѣчалъ Огининъ, оглядываясь по берегамъ. Но природа хороша не на одномъ югѣ. Мнѣ случилось жить одно время въ Финляндіи, въ ея сѣверной части. Увѣряю васъ, какъ ни роскошна южная природа, она не произведетъ на васъ такого впечатлѣнія, какое произвели на меня пустыни и скалы Финляндіи.

Представьте себѣ огромные лѣса, высокія скалы, на каждомъ шагу необъятныя глазу озера, цѣлыя пространства почти не населенныя, все это пустынно, сурово и мрачно, это правда, но въ этой сѣверной унылой природѣ есть что-то грандіозное, что-то живо говорящее сердцу... Я пріѣхалъ туда въ такомъ расположеніи духа, когда уединеніе убійственно. Сначала я думалъ, что умру съ тоски... И что же? Я такъ привыкъ, такъ освоился со всеѣмъ окружающимъ меня, что мало по малу началъ находить въ немъ очарованіе, котораго прежде и не подозревалъ. Если вамъ, отъ чего избави Боже, упадетъ въ сердце какое нибудь страданіе, поѣзжайте въ Финляндію: вы непременно утѣшитесь — не вдругъ, но постепенно.

Огининъ замолчалъ, но въ глазахъ его еще горѣло увлеченіе какого-то затаеннаго и вдругъ проснуваемаго чувства. Маріанна смотрѣла на него съ любопытствомъ, почти съ участіемъ; но вдругъ глаза ихъ встрѣтились. Взоръ Огинина по прежнему

сталъ задумчивъ и холоденъ , и лодка понеслась быстрѣе по водѣ. Ему вдругъ какъ будто стало досадно на себя за все , что онъ высказалъ невольно.

— Нѣтъ , мегеі за вашу Финляндію , сказала Наденька , если ужъ мнѣ случится когда нибудь страдать , то я ни за что не поѣду въ пустыню. Напротивъ , я поѣду туда , гдѣ весело ; если я не буду веселиться сама , то по крайней мѣрѣ буду видѣть , какъ веселятся другіе , и это развлечетъ меня...

— Мнѣ кажется напротивъ , прервала Маріанна , когда на сердцѣ не весело , постороннее веселье не только не развлекаетъ ; оно наскучаетъ. Иногда , правда , оно заглушитъ скорбь , но не надолго... а уединеніе , тишина и природа не заглушатъ ее но усыпятъ.

— Не все ли равно , сказала Наденька , дѣло въ томъ , чтобъ не страдать...

— Вы и не будете страдать , Надежда Сергѣевна , сказалъ Огининъ , зачѣмъ , съ какой стати? Вамъ все улыбается , какъ говорятъ поэты...

Въ словахъ его не было ничего насмѣшливаго , но въ звукѣ голоса было что-то саркастическое.

Наденька почувствовала это. Ей стало досадно и обидно.

— Вы хотите сказать этимъ , что я не способна глубоко чувствовать , что мнѣ страданіе непонятно?

— Вовсе нѣтъ , не нападайте на меня , я не умѣю защищаться. Я хотѣлъ сказать только , что страданіе не хочетъ искать васъ. Я могъ бы прибавить комплиментъ , чтобъ пояснить это , но думаю вы ихъ и такъ уже часто слышите. Одно и то же можетъ наскучить.

Между тѣмъ солнце скрылось. Рѣка подернулась прозрачною пеленой сізаго тумана.

— Пора домой , сказала Наденька : татап не знаетъ куда я увела кухню. Она теперь встала и вѣрно ищетъ насъ.

Огининъ повернулъ лодку. Черезъ нѣсколько минутъ кухни вышли на берегъ.

Наденька ожидала , что Огининъ откланяется и пойдетъ своей дорогой , но онъ пошелъ вмѣстѣ съ ними.

— Какъ я вамъ благодарна, сказала Наденька, безъ васъ мнѣ было бы очень совѣстно сегодня передъ кузиной. Она, бѣдняжка, пріѣхала къ намъ изъ великодушія, она не знала, какая это огромная жертва, и я боялась, что она будетъ ей не по силамъ. Сегодня утромъ мы переговорили обо всемъ. Послѣ обѣда я замѣтила, что на нее напала точно такая же скука, какою страдаю я здѣсь съ мая. Я потому-то и предложила ей кататься... со мною она не поѣхала бы.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ скучаете?

— Да, съ утра и до вечера, отвѣчала Наденька.

— Этому злу надо помочь. Я постараюсь, если позволите. Сегодня мы встрѣтились неожиданно и наша прогулка была очень непродолжительна. Завтра можно придумать что нибудь другое, чтобы развлекло васъ подольше.

— Мерси и за меня и за кузину, отвѣчала Наденька. Милая Маріанна, какъ я рада, что ты заѣхала къ намъ! Прибавила она лукаво, взглянувъ на нее съ усмѣшкой. Маріанна слегка покраснѣла и отвернулась, какъ будто не обративъ вниманія на эти слова.

Огининъ замѣтилъ это. Онъ промолчалъ и улыбнулся.

— Вы зайдете къ намъ? Сказала Наденька, когда они подошли къ калиткѣ сада.

Огининъ поклонился, и всѣ вошли въ садъ.

— Какъ же вы можете скучать, сказали онъ, когда они вошли на крыльцо. Видите какая у васъ бездна книгъ!

— Книги и книги, это надоѣсть, отвѣчала Наденька.

— У васъ прекрасный ройаль.

— Я не музыкантша.

— А вы играете, м-г Огининъ? спросила Маріанна.

— Да, немножко.

— Не вѣрь, м-г Огининъ артистъ. Кстати: вы были такъ добры, давеча когда поделушали нашъ разговоръ на берегу, предложили намъ ваши услуги, — за вами осталась еще половина.

— Что, серенада? спросилъ Огининъ съ улыбкой.

— Да, а кузина за то споетъ вамъ что нибудь. Она поетъ какъ соловей.

Явилась татап Наденьки, и разговоръ принялъ другое направление.

Остатокъ вечера прошелъ очень пріятно.

По неотступной просьбѣ Наденьки и Огинина, Марианна рѣшилась пѣть. У нее былъ небольшой, но очень пріятный сопрано. Въ городѣ, среди многочисленнаго общества, въ большой залѣ онъ можетъ быть и не произвелъ бы на Огинина никакого впечатлѣнія, но въ деревнѣ, среди зелени, цвѣтовъ, при открытыхъ окнахъ, въ тихій, безмятежный вечеръ, онъ проникъ ему въ сердце, и настроилъ его почти въ уровень съ сердцемъ Марианны. А Марианна сознавалась въ душѣ, что Огининъ очень, очень милъ, что онъ можетъ нравиться.

— Поздравляю тебя съ побѣдой, сказала Наденька, когда онъ остались вдвоемъ. Никогда еще Огининъ не былъ такъ любезенъ какъ сегодня.

— Полно, пожалуйста, отвѣчала Марианна, онъ всегда будетъ любезенъ со всѣми женщинами, потому что онъ человѣкъ хорошаго общества.

— Однако не былъ же вѣдь онъ любезенъ со мною, пока не было тебя. Сегодня, правда, онъ занимался мною, но все это было на твой счетъ, для тебя. О, онъ порядочный хитрецъ! Но онъ ошибется если воображаетъ, что я такая простенькая дѣвочка и не пойму его уловокъ.

Марианна ничего не отвѣчала, но въ глубинѣ души очень была рада, что это было такъ, какъ говорила Наденька, а не по другому.

III.

Марианна вышла, или лучше сказать ее выдали замужъ семнадцати лѣтъ, за эстляндскаго помѣщика барона Штольца, человека лѣтъ тридцати, очень добраго, но расчетливаго, положительнаго, не понимающаго ни женщинъ, ни поэзіи. Баронъ на лѣто увезъ жену въ Эстляндію, въ свое наследственное имѣніе. Баронъ былъ богатъ, и любилъ жену, какъ только могъ. Но сельское хозяйство, засѣянные поля, луга, овчарни, молочная, и пр., приводили его въ восторгъ. Онъ увлекся ими въ медовый мѣсяцъ и

предоставилъ женѣ полную свободу — скучать сколько угодно. Марианна, какъ почти всѣ молодыя дѣвушки, смотрѣла на бракъ сквозь призму поэзіи. До замужства, въ ея дѣвственныхъ мечтахъ мелькалъ нерѣдко идеаль супругъ, если не одареннаго всѣми совершенствами, то очень интереснаго и который жилъ только для любви, а вовсе не для сельскаго хозяйства. Баронъ былъ очень не дуренъ собою и презентабеленъ. На балахъ онъ говорилъ то же, что и всѣ и предательски скрывалъ свою страсть къ хозяйственнымъ занятіямъ.

Когда онъ предложилъ Марианнѣ свою руку и сердце, всѣ родные ея рѣшили единогласно, что лучшей партіи нельзя и желать, и что только въ замужствѣ съ барономъ найдетъ она идеаль земнаго благополучія. Марианна подумала, почему-жъ и не такъ? и вышла за барона.

Женихъ на балѣ, и мужъ въ семейномъ быту—два существа совершенно различныя.

Первый старается вамъ нравиться, любезенъ и милъ, второй зѣваетъ дома, повѣряетъ книгу приходовъ и расходовъ, и требуетъ уже чтобъ вы ему нравились. Марианна въ продолженіи медоваго мѣсяца, если еще не совсѣмъ убѣдилась въ этой истинѣ, то по крайней мѣрѣ поняла, что ошиблась. Баронъ вовсе не годился для осуществленія какого-бы то ни было идеала. Марианнѣ стало досадно. Она попробовала было скучать и для развлеченія капризничать. Но баронъ пришелъ въ такое отчаяніе, выписалъ женѣ изъ Петербурга столько модныхъ игрушекъ, такъ краснорѣчиво описывалъ ей какъ она будетъ веселиться зимою, въ вознагражденіе за скучное лѣто, и такъ великодушно зѣвалъ подлѣ нее по цѣлымъ часамъ, когда солнечный день и жажда дѣятельности манили его на поля, что Марианнѣ стало жаль его. Она рѣшилась покориться своей участи и жить день за день, не слишкомъ страдая. Такъ прожила она нѣсколько лѣтъ, забывъ о своемъ идеалѣ. Баронъ умеръ. Жажда любви проснулась въ сердцѣ Марианны съ новою силою. Но теперь она была уже опытниѣе, болѣе — она была недовѣрчива. Когда трауръ кончился и молодая вдова показала въ свѣтѣ, ее окружили поклонники. Но Марианна, не смотря на свою красоту, которую какъ женщина, вполне умѣла цѣнить, догадывалась инстинк-

тивно, что богатство ея еще заманчивѣе для поклонниковъ. Чтобъ отмстить имъ, она кокетничала съ ними. Но это не утѣшало ее. Она съ нетерпѣніемъ ждала, когда настанетъ то мгновеніе, въ которое явится ея тоскующему взору идеаль, который создала она когда-то. Огининъ сильно возбудилъ ея любопытство, съ нимъ Маріанна присмирѣла; она не смѣла кокетничать. Она разгадала его въ одинъ вечеръ и поняла, что только чувство найдетъ доступъ въ его сердце. И Маріанна принялась сентиментальничать.

На другой день поутру явился опять Огининъ. Онъ предложилъ прогулку верхомъ. Предложеніе его приняли, и утро прошло очень весело. Онъ остался обѣдать. Послѣ обѣда катались по рѣкѣ, а вечеромъ опять Маріанна пѣла, а Огининъ слушалъ ее облокотясь на рояль и любуясь ея черными очами. На слѣдующій день Огининъ явился опять часомъ раньше... на слѣдующій—опять, и такъ далѣе. Недѣля пролетѣла незамѣтно. Наденька перестала скучать; Маріанинъ было очень весело. Она даже забыла, что только заѣхала къ кузинѣ, и что въ Москвѣ ее ожидаютъ на свадьбу родные покойнаго барона. Она сблизилась съ Огининимъ очень скоро, какъ обыкновенно сблизаются въ деревнѣ, при небольшомъ обществѣ. Часто по цѣлымъ часамъ проводили они втроемъ гдѣ нибудь въ саду, подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, и каждый день находили новые предметы для разговора.

Наденька бывала чаще свидѣтельницей, нежели дѣйствующемъ лицомъ въ этихъ откровенныхъ, веселыхъ, исполненныхъ прелести бесѣдахъ. Но между Маріанной и Огининимъ происходили иногда длинныя диссертаціи по поводу разныхъ отвлеченныхъ вопросовъ. Они часто, почти всегда сходились въ мнѣніяхъ. Только одно было досадно Маріанинѣ. Иногда, среди какого нибудь занимательнаго, живаго разговора, Огининъ вдругъ улыбался какъ-то недовѣрчиво; увлеченіе, горѣвшее въ глазахъ его, вдругъ угасало и взоръ его останавливался на Маріанинѣ, по-прежнему холодный и испытующій. Казалось, онъ боялся дать волю влеченію сердца, ему хотѣлось не вѣрить, хотѣлось не любить... И Маріанна дала себѣ слово, что онъ будетъ и вѣрить, и любить.

Однажды утромъ Наденька встрѣтила Огинина въ садовой аллѣ фразой:

— Знаете какое несчастье! Кузина завтра уѣзжаетъ!

— Это точно большое несчастье, отвѣчалъ Огининъ. Въ Москву?

— Да.

— И надолго? Совсѣмъ?

— Нѣтъ, она живетъ въ Петербургѣ. Она ѣдетъ на свадьбу. Но на обратномъ пути заѣдетъ за мною. Вы не знаете нашихъ плановъ. Она хочетъ выпросить меня у татапа къ себѣ въ Петербургъ на всю осень.

— Это прекрасный планъ, потому что деревня, сельская жизнь и уединеніе совсѣмъ не по вашему характеру. Вы умираете здѣсь отъ скуки.

— О, за то я повеселюсь въ Петербургѣ!

— А кузина ваша любитъ веселиться?

— Конечно. Она много выѣзжаетъ, у нее часто бываютъ вечера. Вѣдь вы также живете зимой въ Петербургѣ?

— Да, отвѣчалъ задумчиво Огининъ.

— Можетъ быть, мы еще вмѣстѣ будемъ веселиться нынѣшнюю осень.

— Можетъ быть.

Разговоръ прекратился. Огининъ цѣлый день былъ какъ-то разсѣянъ и задумчивъ.

Вечеромъ, послѣ прогулки по рѣкѣ, Наденькѣ вздумалось играть. Огининъ и Маріанна сидѣли вдвоемъ на крыльцѣ.

Солнце давно ужъ закатилось. Въ сумеркахъ всѣ предметы приняли неопредѣленные, фантастическія формы. Съ вечерней прохладой повѣяло благоуханіе цвѣтовъ. Вечеръ былъ обольстительный; все притихло, только чрезъ отворенныя двери неслись веселые звуки какого-то вальса. Огининъ молча сидѣлъ подлѣ Маріанны и любовался ею украдкой. Не вѣрный, мерцающій свѣтъ сумерекъ придавалъ ей что-то воздушное, поэтическое. Бѣлый газовый шарфъ, наброшенный небрежно на чудную головку, вѣроятно, для защиты отъ вечерней сырости, окружалъ ее прозрачнымъ облакомъ.

— Вы ѣдете завтра? сказалъ Огининъ.

— Да, надо, отвѣчала Маріанна со вздохомъ.

— Почему-жъ надо? и въ голосѣ Огинина противъ его воли

было что-то грустно-нѣжное.

— Кузина выходить замужъ.

— Чтожь, какъ будто она не можетъ выйти замужъ безъ васъ?

— Я ѣду не надолго. Не повѣрите какъ скучно, и какъ досадно, что не всегда можно дѣлать то, что мы желаемъ.

— А какое же у васъ желаніе теперь?

— Остаться здѣсь, отвѣчала Маріанна. Я здѣсь такъ приятно провела время.

— Еслибъ это было точно вашимъ желаніемъ, вы остались бы и не поѣхали.

— Невозможно!..

— Вамъ вѣрно какъ и Надеждѣ Сергѣевнѣ деревня страшно наскучила? Признайтесь.

— Ахъ, какъ вы недовѣрчивы! Когда я говорю вамъ, что ѣду противъ воли, что хочу остаться здѣсь.

— Я вѣрю, отвѣчалъ Огининъ насмѣшливо.

Маріанна замолчала. Ей стало досадно.

— Какой прекрасный вечеръ! сказала она, спустя нѣсколько минутъ; хотите пройтись по саду?

Она встала, Огининъ также.

— Какъ прихотлива жизнь, сказала она, когда они шли рядомъ по аллеѣ; я часто размышляю о томъ, зачѣмъ иногда случай вмѣшивается въ нашу жизнь, и до сихъ поръ не могу понять зачѣмъ?—Вотъ, напримѣръ, зачѣмъ случай хотѣлъ, чтобъ я встрѣтилась здѣсь съ вами, провела приятно цѣлую недѣлю, и потомъ мы расстаемся, и наше знакомство превратится въ одно приятное воспоминаніе.

— Случай ничего не дѣлаетъ безъ цѣли, отвѣчалъ Огининъ. Онъ знаетъ, что у меня мало отраднхъ воспоминаній, и подарилъ мнѣ эту недѣлю, чтобъ въ скучныя минуты я могъ отдохнуть отъ житейской суеты, вспоминая о ней...

— А на васъ часто нападаютъ въ распахъ скучныя минуты?

— Да, какъ и на всѣхъ, кто покороче познакомился съ жизнью.

— Какъ будто жизнь до сихъ поръ не посылала вамъ на долю ничего радостнаго!

— Я не говорю этого. Напротивъ, я былъ очень счастливъ когда-то...

Голосъ Огинина слегка задрожалъ.

— И вы до сихъ поръ живете прошедшимъ?

— Жиль, отвѣчалъ Огининъ.

— А будущность? сказала Марианна. Можетъ быть, въ ней еще таится для васъ много радостнаго.

— Я не смѣю ей вѣрить. Вотъ видите, прошедшее избаловало меня, я боюсь увлечься чѣмъ бы-то ни было!

— Напрасно. Увлеченія — поэзія жизни.

— А если онѣ принесутъ только разочарованія?

— Какъ такъ?

— Напримѣръ... да возьмемъ въ примѣръ хоть любовь, — лучшее изъ человѣческихъ чувствъ. Положимъ, я встрѣтился бы случайно съ такою женщиною, въ которой бы нашелъ все, чему можетъ симпатизировать мое сердце. Положимъ, что эта женщина хороша собою какъ амуръ, и я влюбляюсь въ нее до безумія. Въ любви я страшный эгоистъ. Я захочу, чтобъ она отдала мнѣ совершенно все свое сердце, всѣ свои думы и помыслы... чтобъ она любила меня такъ, какъ я люблю ее... А если на мою бѣду эта женщина раздѣлитъ свое сердце... если она отдастъ мнѣ только одну половину, а другую сохранить для свѣта, для поклонниковъ, которыхъ вѣрно у нея много, потому что та, въ которую я влюблюсь, должна быть хороша до совершенства... это слишкомъ самонадѣянно, — но что дѣлать, у меня избалованный вкусъ. Вотъ вамъ разочарованіе! Я буду страдать самъ, буду мучить ее...

— А если эта женщина, вашъ идеалъ, будетъ любить васъ всѣмъ сердцемъ?

— Кто же поручится за это? Женское сердце измѣнчиво. Оно часто само не знаетъ чему вѣрить.

— Ахъ, вы несносны съ вашими опасеніями! сказала Марианна съ досадою. Вы нестерпимы... Если, если и если! — Развѣ можно такъ разсуждать, говоря о чувствахъ!

— Должно даже. Чувство не игрушка, отвѣчалъ Огининъ съ улыбкой.

— Прекрасно. Я желала бы знать только одно, если вы встрѣтите когда нибудь вашъ идеалъ, долго ли вы будете мучить его вашими сомнѣніями?

— До тѣхъ поръ, пока не буду убѣжденъ, что я любимъ.

— Но вы никогда не убѣдитесь, вскричала Маріанна, почти съ отчаяніемъ.

— О нѣтъ! Если судьба пошлетъ мнѣ такое благо, я постараюсь убѣдиться какъ можно скорѣе, только не въ моемъ характерѣ довѣряться опрометчиво первому впечатлѣнію.

— Боже мой, какъ это грустно! сказала Маріанна. Человѣкъ прекапризное существо... Онъ вѣчно жалуется на страданія, а счастье отталкиваетъ самъ отъ себя недоувѣрчивостью, сомнѣніемъ, опасеніями...

— Нѣтъ, отвѣчалъ Огининъ серьезно и съ чувствомъ. Я никогда не оттолкну отъ себя счастья, если оно выпадетъ на мою долю. Только сперва я во что бы то ни стало испытаю и его и себя. Чѣмъ обольстительнѣе миражъ, тѣмъ грустнѣе когда онъ исчезаетъ...

— Онъ не исчезнетъ, сказала Маріанна тихо.

— Право? Вы увѣрены?

— Увѣрена.

Огининъ не могъ устоять противъ искушенія. Онъ взялъ руку Маріанны и пожалъ съ горячимъ, дружескимъ чувствомъ.

На другой день послѣ этого разговора Маріанна уѣхала въ Москву. Она надѣялась возвратиться очень скоро, но родные, обѣды и знакомые задержали ее. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Огининъ безъ нея по прежнему часто навѣщалъ скучающую Наденьку. Но онъ уже не оставался такъ долго, какъ прежде, и по всему было замѣтно, что эти посѣщенія дань приличію. Наконецъ въ одно прекрасное утро, заныленная коляска Маріанны остановилась у воротъ.

— Я думала, ты ужъ совсѣмъ не вернешься, сказала Наденька, расцѣловавъ кузину, и всѣ мои планы на нынѣшнюю осень превратятся въ воздушные замки.

— Какъ можно! Я всегда держу мое слово, отвѣчала Марианна.

— Для меня ли полно? сказала Наденька, лукаво посматрѣвъ на кузину.

— Для кого же?

— Ахъ, Марианна, полно скрытничать. Неужели ты думаешь, я не вижу, что Огининъ влюбленъ въ тебя какъ сумасшедшій!

— Что, онъ часто бывалъ безъ меня?

— Сколько требовалъ долгъ и приличія. Долгъ потому, что я имѣю счастье быть твоей кузиной, приличія потому, что онъ все еще скрытничаетъ.

Бѣдняжка! еслибъ ты видѣла, какъ онъ скучалъ со мною tête à tête. Мнѣ не разъ хотѣлось сказать ему: не ѣздите, я вамъ позволяю, до тѣхъ поръ, пока не вернется Марианна.

— Ты фантазируешь, отвѣчала Марианна, но по лицу ея мелькнула горделивая улыбка самодовольствія.

Марианна и Огининъ встрѣтились опять, какъ люди, между которыми есть уже нѣчто общее. Опять начались прогулки, катанья и продолжительныя бесѣды. Марианна была тиха, внимательна, послушна всеѣмъ желаніямъ неутѣшнаго вдовца, какъ овечка. И съ каждымъ днемъ недовѣрчивость Огинина исчезала болѣе и болѣе. Его глаза, встрѣчаясь съ глазами Марианны, высказывали уже не насмѣшливую холодность, но живое чувство. Марианна была въ восторгѣ.

Между тѣмъ дни становились холоднѣе. На деревьяхъ блекли листья, и осенній вѣтерокъ разбрасывалъ ихъ по аллеямъ и лужайкамъ. Солнце свѣтило ярко, но не грѣло по-прежнему. Цвѣты съ каждымъ днемъ исчезали въ саду, только разноцвѣтныя георгины симметрически красовались въ длинной аллѣ. Но на нихъ было грустно смотрѣть: онѣ не разливали вокругъ благоуханія, они жили для себя, и начинали жить именно въ ту минуту, когда вокругъ ихъ умирали ихъ благоухающія соперницы...

Видъ деревни осенью невыносимъ. Наденька, ничѣмъ не занятая, живѣе всеѣхъ чувствовала это и приставала къ Марианнѣ съ просьбою ѣхать скорѣе въ Петербургъ. Дѣлать было нечего! Марианна опять разсталась съ Огининымъ, но на этотъ разъ уже

спокойная, съ увѣренностью въ сердцѣ, и по правдѣ сказать, немножко ослѣпленная этою увѣренностью. Онъ обѣщаль пріѣхать въ Петербургъ въ началѣ октября.

IV.

Прошелъ сентябрь, за нимъ октябрь, а Огининъ еще не являлся въ гостиной Маріанны, и объ немъ не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Маріанна сначала безпокоилась, потомъ скучала и наконецъ разсердилась не на шутку. Она была увѣрена, что одержала полную побѣду и не хотѣла разочароваться. За то она и рѣшилась наказать Огинина. Въ ея хорошенькой головкѣ созрѣлъ планъ мщенія, планъ опасный, рѣдко доводящій до добра, но который иногда правится женщинамъ.

Наконецъ въ одно прекрасное утро, Маріанна возвратясь съ Наденькой съ увеселительной поѣздки по магазинамъ, нашла на столикѣ въ гостиной визитную карточку, на которой мелкимъ шрифтомъ было напечатано: «Андрей Борисовичъ Огининъ.» Эта карточка привела Маріанну въ восторгъ. Она съ торжествомъ показала ее кузинѣ.

— Ты не ревнива, Наденька? спросила она шутливо.

— Что за вопросъ? кого мнѣ ревновать, отвѣчала Наденька не безъ досады, потому что ея романъ съ Завалинымъ, не предвѣщаль скорой развязки.

— Кого? ты сама знаешь!

— Если ты говоришь про Завалина, то тутъ ревность не поможетъ. Надо быть очень самолюбивой, чтобъ не видать, что онъ безъ ума отъ тебя.

— Наденька! Кузина! Успокойся и пойми въ чемъ дѣло. Мужчины очень самолюбивы. О, ты еще ихъ не знаешь! Самый умный самолюбивъ до глупости. Ты виновата сама; ты оскорбила самолюбіе Завалина, оттолкнувъ его отъ себя холодностью. Какъ же ты хочешь, чтобъ онъ такъ скоро забылъ это? Онъ ухаживаетъ за мной, просто съ досады, и очень радъ, что имѣетъ случай выказать тебѣ свое равнодушіе. Но ты не вѣрь этому. Я никогда не кокетничаю съ нимъ; ты, кажется, это видишь, и даю тебѣ слово, что устрою твои дѣла, какъ не надо

лучше. Я помирю васъ. Но прежде позволь мнѣ разъ, только одинъ разъ, именно въ первый же вечеръ, когда у насъ будетъ Огининъ, пококетничать съ нимъ, только не бойся, не серьезно, а такъ, для шутки, для мести. Мнѣ хочется побѣсить Огинина.

Наденька разсмѣялась.

— А я за то буду кокетничать съ твоимъ Огининимъ, отвѣчала она.

— И прекрасно! Можетъ быть, тебѣ это также пригодится.

На другое утро явился Огининъ съ повинной головой. Его задержали въ деревнѣ дѣла и присмотръ за хозяйствомъ. Маріанна приняла его очень ласково, была съ нимъ любезна, но ихъ разговоръ въ ея гостиной, меблированной со всѣми затѣями моды и рокоши, вовсе не походилъ на ихъ откровенныя, задушевные бесѣды въ деревнѣ. Онъ былъ какъ-то сухъ, отрывистъ, и сама Маріанна, среди этой обстановки, показала Огинину совсѣмъ другою женщиной. Въ деревнѣ онъ видѣлъ въ ней существо съ душою, съ сердцемъ, женщину-ребенка, любящую и еще сохранившую всю поэзію дѣвственныхъ мечтаній въ живомъ чувствѣ. Здѣсь... но онъ не хотѣлъ выводить никакихъ заключеній, не хотѣлъ разбирать, анализировать что такое Маріанна? Онъ рѣшился ждать. Правило очень мудрое и всегда приносящее свой плодъ.

По ередамъ у Маріанны бывали дружескія собранія; вечера, на которыхъ танцовали, играли въ карты, кокетничали, болтали очень весело и остроумно, и въ тихомолку злословили ближняго. Огининъ получилъ приглашеніе на будущую среду, и уѣхалъ какъ-то не совсѣмъ въ духѣ, съ тѣмъ неприятнымъ ощущеніемъ, которое испытываемъ мы когда ошибаемся въ какомъ нибудь ожиданіи.

Наступила среда. Было часовъ около семи вечера. Огининъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ оттоманѣ и лѣнливо курилъ сигару. Передъ нимъ на столикѣ горѣла лампа съ артистически вырѣзаннымъ абажуромъ и лежалъ раскрытый романъ Ж. Занда *La Mare au diable*. Но на этотъ разъ какое произведеніе любимаго имъ автора не могло бы сосредоточить его вниманія.

Его занималъ романъ гораздо высшаго интереса, романъ собственной жизни.

Огининъ задалъ себѣ вопросъ: любить ли онъ Марианну? Въ двадцать лѣтъ, ему не пришло бы въ голову сдѣлать подобнаго вопроса. Тогда онъ просто влюбился бы по уши. Но въ тридцать два, тридцать три года, на сердечныя привязанности смотрятъ съ другой точки. Рѣшеніе этого вопроса завлекло Огинина далеко... Онъ замечтался о минувшемъ. Онъ вспомнилъ свои студенческіе годы, Дерптъ, веселыхъ товарищей, и юношескія мечты... Огининъ въ юности былъ восторженнымъ мечтателемъ. Припомнилъ онъ хорошенькую профессорскую дочку, свою первую любовь, и улыбнулся. Потомъ онъ кончилъ курей и поѣхалъ за границу при русскомъ посольствѣ... Германія подарила ему много пріятныхъ, свѣтлыхъ воспоминаній... Черезъ три года онъ вернулся въ Россію.—Здѣсь—и на лицѣ Огинина мелькнуло грустное чувство—онъ тяжело вздохнулъ и провелъ рукою по глазамъ. Здѣсь, въ деревнѣ у своей тетушки, онъ встрѣтилъ хорошенькую, молоденькую дѣвушку, созданіе милое и доброе, сироту, которая страдала въ чужомъ домѣ, никогда не жалуясь, съ улыбкой на устахъ.—Участіе привлекло къ ней Огинина. Чѣмъ болѣе сближались они, тѣмъ болѣе онъ открывалъ въ ней совершенствъ. Онъ полюбилъ ее и посватался. Всѣ его родные возстали противъ его намѣренія. Его тетушки и кузины кричали громко, что это *mésalliance*, потому что Ольга бѣдна для него, потому что она дочь мелкопомѣстнаго помѣщика. Огининъ отвѣчалъ имъ, что Ольга умна, добра, отлично образована—и женился, не смотря на соболѣзнованія родныхъ.

Ольга любила его выше всякаго выраженія. Это была натура мягкая, наивная, неиспорченная свѣтомъ. Огининъ былъ ея руководителемъ, менторомъ. Ольга усвоила себѣ всѣ его понятія, его взгляды, его вкусы. Она избаловала его любовью. Въ обществѣ она умѣла, или, лучше сказать, научилась блистать единственно изъ любви къ мужу. Она поняла, что и самый любящій человекъ любить еще сильнѣе, если свѣтъ завидуетъ ему... Но свѣтъ не увлекалъ, не ослѣплялъ ее. Она разыгрывала въ немъ роль, и когда наступала весна, когда они отправлялись въ деревню, она бывала въ восторгѣ. «Теперь мы будемъ съ тобою

вдвоемъ, André!» говорила она, собираясь въ дорогу. И въ этомъ словѣ вдвоемъ, заключался для нея весь міръ.

Огининъ, вспомнивъ объ Ольгѣ, невольно попалъ на сравненіе между нею и Маріанной.

Въ деревнѣ показалось ему, что и Маріанна любить его, что и она способна къ такому же глубокому, истинному чувству, какъ его Ольга. Картина семейнаго счастья, желаніе испытать опять тѣ отрадныя ощущенія, подъ влияніемъ которыхъ онъ прожилъ, какъ во снѣ, три незабвенные года — увлекли его. Онъ почти влюбился...

Въ городѣ, послѣ перваго свиданія съ Маріанной, онъ задалъ себѣ вопросъ: любить ли ее? Маріанна была обольстительно-хороша. Огининъ вспомнилъ ея черные очи, ея очаровательную улыбку, граціозный, роскошный бюстъ, тоненькую талію, малютку ручку, словомъ, вся Маріанна возстала вдругъ предъ нимъ и такъ живо, что ему нетерпѣливо захотѣлось увидѣть ее.

Онъ дошелъ до результата, что если еще не любить, то можетъ сильно полюбить. Все будетъ зависеть отъ будущаго. Часы пробили восемь. Огининъ позвонилъ и сталъ одѣваться.

Черезъ четверть часа онъ вошелъ въ гостиную Маріанны, освѣщенную по праздничному. Было еще рано даже для интимнаго общества. Въ залѣ былъ только пианистъ, дремавшій у рояля. Въ гостиной сидѣла на диванѣ Маріанна, между двумя почтенными старушками, разряженными въ пухъ. Подлѣ нее на креслѣ Наденька и подлѣ Наденьки Завалинъ. Разговоръ шелъ не очень живой. Завалинъ рассказывалъ какое-то современное, свѣжее происшествіе. Огининъ, раскланявшись, поневолѣ взялъ на себя скучную роль слушателя. Мало по малу начали съѣзжаться гости; общество оживилось. Старушекъ усадили за карты, молодежь вышла въ залу. Пианистъ встрепенулся, сѣлъ за рояль, и заигралъ польку-мазурку...

Маріанна не танцевала, но Огининъ не могъ улучить ни минуты, чтобъ подойти къ ней и поговорить *tete à tete*... Она была такъ занята гостями, такъ озабочена. Наконецъ, когда все пришло въ порядокъ, когда въ залѣ устроился чинный кадрили, а въ гостиной, среди тишины, начали раздаваться восклицанія: играю въ червахъ!» «Семь!» и тому под., и все фізіономіи вы-

разили глубокое вниманіе, сосредоточенное на картахъ, Маріанна на минуту осталась одна... Огининъ хотѣлъ было подойти къ ней, но не успѣлъ еще подумать, какъ на диванчикъ подлѣ Маріанны очутился Завалинъ.

— Можетъ быть, читатель, васъ интересуетъ это новое лицо, выведенное на сцену, и вамъ хотѣлось бы составить себѣ о немъ какое нибудь понятіе. На бѣду мою, Завалинъ принадлежалъ именю къ числу такихъ людей, про которыхъ рѣшительно нечего сказать ни дурнаго, ни хорошаго. Въ его физіономіи самъ Лафатеръ не отыскалъ бы ни одной характеристической черты: гладко причесанъ, румянъ, черные усики — вотъ и все. Завалиныхъ очень много на бѣломъ свѣтѣ. Въ Петербургѣ они по утрамъ гуляютъ по Невскому, а вечеромъ любезничаютъ и иногда довольно удачно, гдѣ нибудь на балѣ, и большая часть усиливаются всѣми средствами жениться на богатыхъ. Есть Завалины и высшаго полета. Тѣ сами богаты, и вся цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобъ бросать деньги, какъ щепки, ради приданія себѣ важности. Они объѣдаютъ съ пріятелими у Дюссо... между ними въ большомъ ходу шампанское... А больше про нихъ, право, сказать нечего, какъ и о героѣ моеѣ исторіи.

— Что, вы не танцуете? спросила Маріанна.

— Еслибъ я танцовалъ, то не имѣлъ бы удовольствія разговаривать теперь съ вами.

— Я на васъ сердита, сказала Маріанна.

— За что?

— За мою кузину.

— Чѣмъ же я виновата?

— Въ Москвѣ вы за ней ухаживали, что же значить здѣсь это равнодушіе?

— Кто вамъ сказалъ, что я за ней ухаживалъ?

— Не она.

— Однако, кто жъ?

— Одинъ изъ вашихъ знакомыхъ.

— Кто жъ бы это могъ быть? сказалъ Завалинъ въ раздумьѣ, обводя глазами гостиную. Онъ здѣшній или московскій?

— Отгадайте сами.

— Это довольно мудро. А, понимаю! прибавилъ Завалинъ, увидѣвъ Огинина, который стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на танцующихъ. Это вотъ кто. И онъ указалъ глазами на Огинина.

— Нѣтъ, я даже не знала, что вы знакомы съ нимъ.

— Какъ же! и довольно коротко. Я зналъ его жену.

— Право? Сказала Маріанна съ живостью. Ахъ, расскажите пожалуйста, чтонибудь про нее, она меня очень интересуетъ.

— Почему?

— Она должно быть была что-нибудь необыкновенное, — совершенство.

— Отчего?

— Оттого-что, вы извините меня, постоянство вовсе не мужская добродѣтель, а Огининъ до сихъ поръ бредитъ своею женой.

— Да, она въ самомъ дѣлѣ была очень мила.

— Мила! этого мало, чтобъ до такой степени пріобрѣсть вліяніе надъ мужскимъ сердцемъ. Она вѣрно была красавица?

— Да, очень хорошенькая.

— Блондинка или брюнетка? Да опишите же ее хоть немножко.

— Шатинка, бѣленькая, высокаго роста, стройная, голубые глаза, но главное она была очень мила и любезна въ обществѣ.

— Вы ее коротко знали? Вы ходили къ нимъ?

— Да, я зналъ ее еще до замужства.

— Правда ли это, что его родные не хотѣли, чтобъ онъ на ней женился, потому что она была не богата?

— Она была и не бѣдна, у нее было душъ сто. Но дѣло въ томъ, что она была сирота и гостила у тетки Огинина, а та воображала о себѣ, что она аристократка, и слышать не хотѣла о томъ, чтобъ племянникъ женился на ней.

— Бѣдняжка! Я думаю, она была очень рада, когда Огининъ посватался за нее.

— Да, я думаю. Впрочемъ *c'était un mariage d'amour* съ обѣихъ сторонъ. Еслибъ она хотѣла, то могла бы выйти замужъ и прежде.

- За кого?
- За вашего покорнѣйшаго слугу.
- Bravo! Такъ вы были влюблены въ нее?
- Я былъ тогда очень молодъ. Мнѣ ее просто было жаль. Впрочемъ мы были съ нею въ перепискѣ. У меня и теперь еще цѣлы ея письма.
- Въ самомъ дѣлѣ? О чемъ же вы писали другъ другу?
- О разныхъ разностяхъ. Я ей объяснялся въ любви, предлагая и сердце и руку, она мнѣ за все обѣщалась заплатить одной дружбой. Какъ же вы хотите? Сирота, одна въ деревнѣ, она была рада, что нашелся хоть ктонибудь, кто принялъ въ ней участіе. И не подвернись тутъ Огининъ, можетъ быть, дружба со временемъ превратилась бы въ любовь.
- У васъ цѣлы эти письма?
- Да.
- Покажите мнѣ ихъ.
- Зачѣмъ?
- Потому что эта женщина очень интересуется меня.
- Не оттого ли, что васъ интересуется Огининъ?
- Можетъ быть и оттого.
- Тогда я не покажу.
- Ахъ, полноте пожалуйте! Онъ интересуется меня для кузины. Я дала себѣ слово, что непременно выдамъ ее замужъ нынѣшнею зимою. Если мнѣ не удастся помирить ее съ вами, я выдамъ ее за Огинина.
- Т. е. выйдете за него сами?
- Я никогда не выйду замужъ, отвѣчала Маріанна серьезно.
- Отчего? Ужъ не дали ли вы обѣта?
- Дала.
- Но я все-таки подожду мириться съ вашей кузиной.
- Напрасно. Я не шутя собираюсь выдать ее за Огинина. Такъ привезете письма?
- А что жъ мнѣ за то будетъ?
- Я буду танцевать съ вами эту кадрили.
- И мазурку?
- Такъ ужъ и быть, и мазурку. Когда же привезете?
- Завтра.

Въ это время кадрили кончилися. Марианна встала и ушла въ залу. Въ дверяхъ Огининъ ангажировалъ ее на слѣдующій кадрили.

— Pardon, я танцую, отвѣчала Марианна.

— Тогда третій?

— Съ удовольствіемъ. Танцуйте этотъ съ моею кузиной и будьте нашимъ vis-à-vis.

Огининъ ангажировалъ Наденьку.

— Послушай, Надя, шепнула ей Марианна, будь какъ можно любезнѣе съ Огининимъ и болтай съ нимъ побольше. Завалинь будетъ вашъ vis-à-vis. Твои дѣла идутъ прекрасно.

— Расскажи...

— Послѣ. Только если хочешь успѣха, дѣлай, что я тебѣ говорю.

Наденька воспользовалась совѣтомъ Марианны. Она въ продолженіе всего кадрили болтала безъ умолку съ своимъ кавалеромъ. Марианна любезничала съ Завалинымъ. Огинину было какъ-то неловко.

Третій кадрили онъ танцовалъ съ Марианной, но разговоръ между ними какъ-то не вязался. Марианна была въ духѣ. Она шутила очень остроумно, но Огинину было не до шутокъ. Онъ припоминалъ себѣ Марианну въ деревнѣ, мечтающую, сочувствующую природѣ, Марианну задумчивую, или простодушно откровенную и не находилъ въ ней ничего общаго съ веселой, кокетливой, остроумной Марианной, которая въ настоящую минуту стояла подлѣ него. Первая была для него окружена сіяніемъ поэзіи, вторая была существо прозаическое. Ему не такъ бы хотѣлось быть любимымъ. Чтобъ не подвергнуться вновь этимъ тягостнымъ ощущеніямъ, онъ далъ себѣ слово не танцовать больше съ Марианной.

Она приписала его дурное расположеніе духа ревности. Ревность — только доказательство самолюбія. Женщины воображаютъ, что ревность есть доказательство любви.

Весь остальной вечеръ Огинину какъ-то не удавалось сойтись съ Марианной. Наденька сама ангажировала его на мазурку. Наконецъ началась и мазурка. Завалинь танцовалъ ее съ Марианной, но между тѣмъ изподтишка наблюдалъ за Наденькой. Ему при-

шло въ голову: что, если прекрасная вдовушка, въ самомъ дѣлѣ, сосватаетъ Наденьку за Огинина?

Завалинъ давно уже искалъ себѣ богатой невѣсты. Подъ словомъ богатая, здѣсь надо подразумѣвать такую, у которой было бы хоть небольшое, но обезпеченное состояніе. Всѣ эти господа обыкновенно начинаютъ съ того, что цѣнять себя во сто тысячъ серебромъ, никакъ не меньше. Потомъ, съ лѣтами и опытностью самолюбіе ихъ все болѣе и болѣе укрощается и наконецъ, когда имъ стукнетъ за тридцать, а они еще все не женаты, то готовы помириться на двадцати, пятнадцати и даже десяти тысячахъ серебромъ.

Завалинъ думалъ: «Маріанна хороша, очень хороша и богата такъ, что это вполнѣ лакомый кусочекъ. Но она независима, избалована. Я вотъ вторую зиму ухаживаю за нею, а толку ни на грошъ. Кто ее знаетъ? Можетъ быть, она мѣтитъ за какого нибудь Кохинхинскаго принца, а какъ выдастъ кузину замужъ, я и останусь ни при чемъ. Поди тогда, еще отыскивай другую Наденьку, пожалуй, проищешь до сѣдыхъ волосъ, а у этой вѣдь все такъ триста душъ!»

И результатомъ этого соображенія было то, что Завалинъ послѣ мазурки подошелъ къ Наденькѣ. Они разговорились про Москву, припоминали тамошніе балы и бывшее. Завалинъ намекомъ упрекнулъ Наденьку въ непостоянствѣ. Она отдѣлалась шуткой, дала ему понять, будто отдала его для испытанія. Завалинъ притворился, что вѣрить, и въ этотъ вечеръ они разстались почти друзьями.

Когда всѣ разъѣхались, Наденька бросилась на шею Маріаннѣ.

— Знаешь ли, кузина, сказала она, что ты умна какъ... какъ... ну, право, не знаю съ кѣмъ бы сравнить тебя...

Маріанна улыбулась. Она заснула съ сладкими мечтами. Огининъ былъ не въ духѣ. Огининъ ревнуетъ такъ, что даже не умѣетъ скрыть ревности, значить онъ любитъ до безумія.

У.

На другой день утромъ явился Завалинъ. Онъ привезъ письма.

Маріанна прочтала ихъ нѣсколько разъ съ истиннымъ наслажденіемъ.

- Оставьте ихъ мнѣ, сказала она.
- Зачѣмъ?
- Такъ.
- На время?
- Да, я потомъ, пожалуй, отдамъ ихъ вамъ.
- Вы что нибудь затѣваете?
- Право, ничего.
- Чтожь? И эту жертву я долженъ принести безъ всякаго вознагражденія?
- А вчерашняя мазурка?
- Этого мало. То было за то, что я привезъ нисьма, а за то, что оставлю?
- Ахъ, какъ вы несносны! Ну, хотите, я васъ женю за то на моей кузинѣ? сказала Маріанна съ насмѣшкой.
- Выйдите за меня лучше сами, отвѣчалъ Завалинъ. Ему хотѣлось въ послѣдній разъ попытаться счастья.
- Я вамъ сказала вчера, что никогда и ни за кого не выйду, отвѣчала Маріанна серьезно. Право, я вамъ не шутя совѣтую, женитесь на Наденькѣ...
- Ваша кузина очень непостоянна.
- Съ чего вы это взяли?
- Прошлою зимою въ Москвѣ я былъ ея усерднымъ поклонникомъ...
- Это доказываетъ только *ваше* постоянство, прервала Маріанна съ насмѣшливою улыбкой.
- Не обвиняйте не выслушавъ. Надежда Сергѣвна была со мною очень любезна. На балахъ я былъ ея постояннымъ кавалеромъ, въ домѣ у нихъ я былъ принятъ какъ свой... И вдругъ, Богъ знаетъ, отъ чего ко мнѣ перемѣнились... и до такой степени, что я пересталъ ѣздить къ нимъ.
- А если это было испытаніе?
- Завалинъ улыбнулся.
- Положимъ, что такъ. А кто жъ мнѣ поручится, что и теперь со мной не разыграютъ такой же комедіи?
- Я, отвѣчала Маріанна.
- Вы? должно вѣрить. Но на какихъ же данныхъ основана ваша увѣренность?

— Наденька любить васъ, она мнѣ призналась, иначе, согласитесь сами, изъ чего же мнѣ хлопотать? Мысль: «меня любить!» всегда льститъ самолюбію мужчинъ, хотя бы даже они не любили сами.

Наденька была хорошенъкая дѣвушка, съ состояніемъ. Завалинъ разчувствовался, тѣмъ болѣе, что потерялъ всякую надежду тронуть Маріанну.

— Если это правда, сказалъ онъ, то будьте моимъ адвокатомъ.

— Хорошо, а письма оставите?

— Если они вамъ такъ необходимы...

— О, вовсе нѣтъ, я вамъ отдамъ ихъ на дняхъ же.

Послѣ этого разговора прошло нѣсколько дней. Завалинъ очень благоразумно отложилъ въ сторону всякія несбыточныя мечты, и принялся по прежнему ухаживать за Наденькой.

Наденька съ радостью увидѣла, что дѣла ея приняли хорошіи обороты.

— Что жъ, кузина, сказала ей однажды Маріанна, развѣ я не сдержала моего слова?

— Да, а все же этого мало, наивно отвѣчала Наденька.

— Какъ? тебѣ мало, что я возвратила тебѣ сердце твоего обожателя?

— Что въ этомъ толку? Сердце можетъ не разъ улетѣть какъ птичка.

— Понимаю: тебѣ хочется запереть его въ клѣтку. Въ такомъ случаѣ поздравляю тебя: М-г Завалинъ поручилъ мнѣ быть его адвокатомъ, т. е. просить для него твоей руки и сердца.

— Право? вскричала Наденька. Мегсі, душка Маріанна! Скажи ему, что я отдаю ему и сердце и руку, только надо написать татап, какъ ты думаешь? согласится она?

— Разумѣется.

— Я, вотъ видишь, боюсь немножко. Съ прошлой зимы ей апала въ голову мечта выдать меня за какого нибудь набоба.

— Не безпокойся. Твоя татап очень хорошо понимаетъ, что самую увлекательную мечту должно промѣнять даже на посредственную сущность. А Завалинъ, если не блистательная, то все-таки, право очень хорошая партія.

— Такъ ты напиши ей сама, а я пришину.

— Хорошо.

— Когда же?

— Да хоть сегодня же.

— Какая ты милашка, Маріанна!

И Наденька въ восторгѣ принялась цѣловать кузину.

— Неправда ли, что весело выходить замужъ? сказала Маріанна улыбаясь.

— Очень, и особенно выходить по любви. Ахъ, Маріанна, какія у меня будутъ хорошенькія наколки, коафюры — это моя страсть! Неправда ли, вѣдь Завалинъ прехорошенькій? какъ весело будетъ когда меня будутъ звать: madame! Только вѣдь это пресмѣшно сказать: «мой мужъ!» И Наденька расхохоталась.

Въ тотъ же день Маріанна написала маман Наденьки. Съ первою же почтою пришелъ отвѣтъ. Маман давала свое разрѣшеніе и благословеніе, но писала, что пріѣдетъ сама, и чтобъ до тѣхъ поръ не объявлять Наденьку невѣстою. Этотъ отвѣтъ сообщили Завалину, и съ этого же дня онъ сталъ на правахъ жениха, т. е. и утромъ и вечеромъ почти не выходилъ изъ гостиной Маріанны.

Маріанна была рада счастью своей кузины по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что Наденька была точно довольна своею судьбой, во-вторыхъ потому, что Маріаннѣ удалось устроить эту партію. А женщины всегда любятъ если имъ удастся привести въ исполненіе задуманную мысль. Иногда онѣ даже не разбираютъ хороша ли она для тѣхъ въ чью пользу онѣ хлопчуть? Довольно того, что она нравится имъ и что можно сказать: «Я это сдѣлала!» По счастью, въ настоящемъ случаѣ большого зла не было.

Одно только смущало Маріанну: Огининъ не являлся двѣ среды, въ которыя Маріанна ожидала его съ пламеннымъ нетерпѣніемъ, а онъ и не думалъ заглянуть къ ней. Маріанна догадалась, что съ огнемъ опасно шутить. Какъ быть, и какъ помочь этому?

Она рѣшилась снова попытаться за идиллію. Кокетство не удавалось съ Огининымъ, и Маріанна не шутя упрекала себя за затѣю, которая послужила въ пользу ея кузинѣ и испортила ея

собственныя дѣла. Она составила планъ дѣйствій и ждала только когда прїѣдетъ Огининъ, чтобъ примириться съ нимъ.

Письма, привезенныя Завалинымъ, должны были, по ея соображеніямъ, много помочь ей.

Прошло еще недѣли двѣ, и Маріанна начала печалиться не на шутку. Она не знала адреса Огинина и не могла послать ему пригласительной записки.

Между тѣмъ прїѣхала татамъ Наденьки. Послѣ многихъ совѣщаній съ женихомъ, рѣшили свадьбу Наденьки отпраздновать въ Петербургѣ. Невѣста съ татамъ сдѣлали визиты роднымъ Завалина. Маріанна рѣшилась сдѣлать для нихъ и для невѣсты экстраординарный вечеръ, т. е. настоящій балъ, съ оркестромъ, живыми цвѣтами и прочими необходимыми затѣями.

Наканунъ этого бала Маріанна мимоходомъ спросила Завалина:

— Вы не знаете гдѣ живетъ Огининъ? Надо послать ему билетъ.

— Поручите мнѣ, я отвезу ему самъ.

— И прекрасно.

Маріанна къ офиціальному билету прибавила крошечную, надушенную записочку очень дружескаго содержанія, въ которой выражала свои опасенія на счетъ здоровья Огинина и надежду что онъ будетъ на балѣ.

Завалинъ отвезъ билетъ и записку.

— Что, онъ будетъ? спросила Маріанна, когда Завалинъ возвратился.

— Будетъ.

— Отчего онъ такъ долго не былъ у насъ? Вѣрно онъ былъ нездоровъ?

— Нѣтъ, не знаю. Еслибъ онъ былъ боленъ, то сказалъ бы хоть слово.

Огининъ, по отъѣздѣ Завалина, перечиталъ еще разъ записку Маріанны медленно, со вниманіемъ, вникая въ смыслъ каждаго слова, какъ будто отыскивая въ немъ тайное значеніе. Потомъ весело улыбнулся и заперъ ее въ письменный столъ.

Наконецъ желанный день и часъ наступилъ.

Комнаты Маріанны ярко освѣщены. По лѣстницѣ, устланной ковромъ и уставленной деревьями, безпрестанно мелькаютъ новые гости. То модный левъ, завернутый по носу въ шубу, то хорошенькія созданія въ воздушныхъ нарядахъ, въ сопровожденіи своихъ тапан. Оркестръ проигралъ уже двѣ польки-мазурки, а Огинина все нѣтъ. Маріанна не безъ нѣкотораго чувства зависти смотритъ на свою кузину. Наденька очень счастлива. Наденька въ восторгѣ. Она въ розовомъ платьѣ, на головѣ у ней мелкіе розовые цвѣты. Она сияетъ какъ сама радость. При этой мысли Маріанна невольно взглянула въ трюмо. Никогда еще не заботилась она такъ о своемъ нарядѣ и никогда еще не была такъ хороша. На ней бѣлое креповое платье съ букетомъ бѣлыхъ камелій на корсажѣ. Въ черныхъ волосахъ дрожить и сверкаетъ нѣсколько брилліантовъ... Въ этомъ незатѣйливомъ нарядѣ есть что-то воздушно-граціозное, бѣлый цвѣтъ какъ-то поэтически гармонируетъ и съ ея греческимъ профилемъ, и съ черными глазами, и со всею ея красотой, которая живѣе привлекаетъ къ себѣ взоръ, не развлекаемый пестротой наряда.

Маріанна улыбнулась...

Вдругъ глаза ея отъ трюмо быстро обратились на отворившуюся дверь. Вошелъ Огининъ. Въ эту минуту формировался кадрили. Маріанна встрѣтилась съ Огининымъ среди общаго шумнаго движенія...

— Я думала, что вы ужъ не будете! сказала она.

— Почему?

— Потому что вы насъ совсѣмъ забыли, отвѣчала Маріанна съ грустнымъ упрекомъ.

— Вотъ ужъ это напрасно. Я не забывалъ васъ, отвѣчалъ Огининъ весело, окинувъ Маріанну глазами. Знаете, что я вамъ скажу: вы сегодня одѣты такъ очаровательно и такъ къ лицу, что васъ можно не задумавшись назвать царицей бала.

— Вы хотите лестью уклониться отъ отвѣта.

— Нисколько. Я никогда не лъщу, но на какой вопросъ ждете вы отвѣта, не понимаю.

— Отчего вы у насъ не были? Вы были больны?

— Нѣтъ, я былъ все время здоровъ, отвѣчалъ Огининъ, лукаво улыбувшись.

— Значить, вы сердились.

— Сердиться я не смѣю... но...

— Что это за но... договаривайте...

— Нѣтъ, ужъ лучше отгадайте сами. Я пойду поздравить вашу кузину: И Огининъ ловко ускользнулъ отъ Маріанны.

— Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда они опять сошлись случайно tête-à-tête въ маленькой гостиной.

Огининъ былъ въ духѣ. Онъ нѣсколько разъ танцевалъ съ Маріанной, но въ танцахъ очень не ловко вести откровенный разговоръ. Маріанна, напротивъ, была весела на столько, на сколько необходимо хозяйкѣ дома. Огининъ замѣтилъ, что ея веселость принужденная. Ему захотѣлось примириться съ Маріанной, ему казалось, что онъ уже довольно наказалъ ее. Маріанна только этого и ожидала.

— Что жъ, вы отгадали отвѣтъ на вашъ вопросъ? спросилъ онъ, садясь подлѣ нее на диванчикъ.

— Догадываюсь.

— Что же?

— Вы были сердиты за то, что я была весела первый и вмѣстѣ послѣдній разъ, когда вы были у насъ.

Огининъ улыбнулся...

— То же, да не такъ. Я не былъ сердитъ, а мнѣ было больно, тяжело смотрѣть на васъ и не потому, что вы были веселы.

— Такъ почему же?

— Потому что... Вы не разсердитесь за правду?

— Нѣтъ.

— Потому, что вы кокетничали съ Завалнымъ, отвѣчалъ Огининъ.

— Что жъ? развѣ это такое страшное преступленіе? сказала Маріанна съ улыбкой.

— И да, и нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Кокетство—стихія женщины.

Женщина создана затѣмъ, чтобъ нравиться — кокетство одно изъ ея средствъ. Но бываютъ случаи когда оно непростительно.

— Какіе же?

— А вотъ, напримѣръ, какіе: если сердце говоритъ въ пользу одного, зачѣмъ кокетничать съ другимъ?

— Тогда-то именно кокетство и простительно, отвѣчала Маріанна съ жаромъ.

Огининъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Потому что, послѣшила прибавить Маріанна, оно всегда бываетъ чѣмъ нибудь вызвано — холодною, забвеніемъ, мало ли чѣмъ?

— Маріанна, сказалъ Огининъ съ чувствомъ, послѣ минутнаго молчанія: вы никогда не любили!

Въ выраженіи лица его, въ голосѣ было что-то такое нѣжное, что Маріанна совершенно убѣдилась въ своей побѣдѣ.

— Онъ меня любить, подумала она, онъ въ моей власти.

И влѣдъ за этою мыслию ей занало въ сердце своенравное желаніе немножко помучить его, побѣсить, чтобъ отместить за то, что онъ не сдержалъ слова, не пріѣхалъ когда обѣщалъ, и за то, что пронадалъ послѣ перваго визита.

Ничего нѣтъ прихотливѣе женскаго сердца. Еще за нѣсколько часовъ Маріанна, ожидая Огинина, приходила въ отчаяніе при одной мысли, что онъ не будетъ. Теперь, когда онъ сидѣлъ подлѣ нее, когда онъ говорилъ съ нѣжностью, и ей нечего было бояться, она сейчасъ же рѣшилась употребить во зло первое проявленіе чувства въ человѣкѣ, котораго сама любила.

— Это похоже на упрекъ, сказала она въ отвѣтъ на сердечный порывъ Огинина.

— Нѣтъ... это сожалѣніе.

— Что жъ, вы вѣрно хотите сказать этимъ, что я не умѣю любить?

— Покрайней мѣрѣ, худо понимаете любовь, отвѣчалъ Огининъ и почти съ досадою, за то что слова, которыя вырвались у него прямо изъ сердца, были такъ худо поняты.

— Въ самомъ дѣлѣ? познакомьте же меня съ теоріей вашей любви, можетъ быть, она послужитъ мнѣ въ пользу.

— У меня нѣтъ теоріи на счетъ любви. Всѣ мои убѣжденія основаны на воспоминаніяхъ... Хуже этого Огининъ ничего не могъ сказать въ эту минуту.

Маріанна вспыхнула.

— Это еще любопытнѣе, сказала она, расскажите мнѣ ваши воспоминанія.

— Извольте. Ихъ можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ: я любила и была любимъ, но та, которой обязанъ я нѣсколькими невозвратимыми годами счастья, понимала любовь не по-дѣтски. Ея чувство заключалось не въ фразахъ, не въ кокетствѣ, а въ сердцѣ. Она избаловала меня.

— Она была совершенство, сказала Маріанна холодно.

— Покрайней мѣрѣ, она осуществила для меня идеаль женщины, такой, какою создало мое сердце. Истинная любовь не шутитъ, не играетъ чувствомъ.

Огининъ задумался.

Маріанна кусала себѣ губы и мала съ судорожнымъ движеніемъ широкую ленту своего пояса.

Ей пришли на память письма, которыя выпросила она у Завалина безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія.

— И вы увѣрены, что вашимъ чувствомъ никогда не играли? Что кромѣ васъ никогда никого не любили? спросила она съ ироніей.

— Увѣренъ, отвѣчалъ Огининъ. Моя жена была исключеніе изъ женщинъ.

— Это очень милая фраза. Но если я докажу вамъ, что она походила на другихъ женщинъ?

Огинина такъ забавляла досада Маріанны, и онъ такъ былъ далекъ отъ мысли въ возможность подобнаго доказательства, что отвѣчалъ шутливо:

— Тогда мы помиримся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, я не понимаю изъ-за чего мы есоримся около четверти часа. Вамъ пришла фантазія покапризничать.

Маріанна встала.

— Пойдемте со мною въ мой кабинетъ, сказала она.

Огининъ пошелъ за нею.

Она достала изъ письменнаго стола связку писемъ и молча подала ему.

— Это что такое? спросилъ Огининъ.

— Доказательство того, что вы не одни были любимы.

Огининъ поблѣднѣлъ. Онъ присѣлъ на канapé, быстро пробѣжалъ глазами первое письмо, и не дочитавъ, взглянулъ на Марианну.

— Отъ кого достались вамъ эти письма? спросилъ онъ.

— Они были писаны къ Завалину прежде вашей женитьбы.

— Онъ негодяй! вскричалъ Огининъ и всталъ.

— Куда вы? спросила Марианна въ испугѣ.

— Домой, прочитавъ на свободѣ эти письма.

— Я не отдамъ ихъ вамъ, отвѣчала Марианна. Я дала слово возвратить ихъ.

Огининъ хладнокровно вынулъ бумажникъ и спряталъ письма.

— Скажите Завалину, что вы отдали ихъ мнѣ, я возвращу ему, только пусть онъ самъ придетъ за ними.

Марианна испугалась не на шутку.

— Ради Бога, отдайте, сказала она.

— Нѣтъ. Что вы боитесь? Я не ребенокъ, я не вызову Завалина на дуэль.

— Вы мнѣ даете ваше слово, что у васъ не будетъ съ нимъ никакихъ непріятностей? спросила Марианна.

— Даю.

— Et vous ne me garderez pas rancune? Вѣдь если я достала отъ него эти письма и отдала вамъ, то потому что я не хотѣла, чтобъ письма вашей жены были въ рукахъ Завалина.

— Вы забыли, что не хотѣли сейчасъ отдать ихъ мнѣ.

— Все равно, я бы сожгла ихъ но не возвратила ему.

— Благодарю, я понимаю, что это изъ участія ко мнѣ, сказалъ Огининъ.

Онъ уѣхалъ.

Марианна весь остальной вечеръ была неспокойна.

Она сожалѣла о минутномъ порывѣ досады, который завлекъ ее такъ далеко.

На другой день она успокоилась. Она увѣрила себя, что Огининъ долженъ былъ благодаренъ ей за участіе къ нему.

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней, а Огининъ не являлся.

Марианна рѣшилась написать къ нему.

— Онъ придетъ, думала она, отправивъ письма, мы помиримся; теперь досада вѣрно ужъ прошла...

И Маріанна съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія посланнаго слуги.

Онъ принесъ ей записочку слѣдующаго содержанія:

«Простите меня, если я не рѣшусь воспользоваться вашимъ приглашеніемъ ни сегодня, ни никогда. Вы знаете сами, какое вліяніе имѣете на меня... Но письма, которыя вы отдали мнѣ, такъ болѣзненно подѣйствовали на мое сердце, что я, отдавая полную справедливость вашей красотѣ, уму, сердцу, все таки страшно боюсь вторичнаго разочарованія.»

Чрезъ нѣсколько дней была свадьба Наденьки. Всѣ были веселы, а больше всѣхъ женихъ и невеста. Только Маріанна была какъ-то печальна.

— Кузина, сказала ей Завалинъ, подойдя къ ней съ Наденькой, передъ общимъ разѣздомъ. Отчего вы сегодня какъ-то грустны?

— Я знаю, сказала Наденька, отчего: Огининъ опять пропалъ. Полно же скрытничать передъ моимъ мужемъ, онъ вѣдь тебѣ cousin теперь...

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего Огининъ не пріѣзжалъ, сказалъ Завалинъ. Вѣдь ему посылали билетъ?

— Оттого, отвѣчала Маріанна съ досадой, что всѣ вы измѣнники и никого изъ васъ не стоитъ любить.

Завалинъ и Наденька засмѣялись.

— Мегеі, кузина, за совѣтъ моей женѣ, сказалъ новобрачный.

— И за предеказаніе — прибавила Наденька.

КОМЕДІЯ ВЪ ОПЕРѢ.

[РАЗСКАЗЪ ВЪ ПЯТИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ.]

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

« СЕМИРАМИДА. »

Первое октября тысяча восемьсотъ сорокъ девятаго года было днемъ весьма замѣчательнымъ для Петербурга; не потому что въ этотъ день шелъ снѣгъ, лежавшій цѣлый день на улицахъ, хотя наканунѣ былъ прекрасный солнечный день, — подобныя перемѣны не рѣдкость въ Петербургѣ, — не потому также, что Алексѣй Степанычъ угощалъ въ этотъ день у Леграна своихъ товарищей, по случаю полученія имъ солиднаго мѣста, на долго обезпечивавшаго его будущность, — на такіе незначительные случаи и лица Петербургъ не обращаетъ вниманія; его занимало событіе гораздо важнѣйшее: въ этотъ день открывалась итальянская опера дебютомъ Гризи въ Семирамидѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, со времени прощанія петербургской публики съ Рубини, двадцать пятаго февраля сорокъ пятаго года, когда онъ, въ послѣдній разъ передъ окончаніемъ своего артистическаго поприща, явился на сценѣ большаго театра въ Сонамбуль, спѣлъ сверхъ того арію изъ Марино Фальеро, былъ вызванъ восемнадцать разъ, засыпанъ цветами и получилъ въ подарокъ золотой вѣнокъ отъ почитателей его таланта, съ того самаго дня, любопытство знатоковъ и настоящихъ любителей музыки, оставав-

шихся довольно равнодушными къ итальянской оперѣ болѣе чѣтырехъ съ половиною лѣтъ, было сильно возбуждено извѣстіемъ о появленіи на нашей сценѣ послѣднихъ знаменитостей музыкальнаго міра: Гризи и Маріо.

Поэтому немудрено, что въ день дебюта Гризи зала большаго театра наполнилась также компактно, какъ въ былые дни, когда она оглашалась могучими, симпатическими звуками голоса Рубини. Въ этотъ день сошлись въ театрѣ лица, давно уже не-посѣщавшія его, любившія и понимавшія музыку, умѣвшія цѣнить великіе таланты и невосхищавшіяся однако же ими безотчетно только потому, что они носили громкое имя, или за то, что они пѣли очень громко. Въ этотъ день были заняты и первые ряды кресель, и ложи бель-этажа; публика наполнила ихъ задолго до начала спектакля. О верхнихъ ярусахъ нечего и говорить; тамъ сидѣло ровно столько народу, сколько могло умѣститься на данномъ пространствѣ по математическому расчету; больше — физически было невозможно втиснуть туда ни одного человѣка. Не смотря на то, что спектакль еще не начинался, въ пятомъ ярусѣ господствовала уже температура, въ которой можно было вылечиться отъ застарѣлаго ревматизма.

Въ первой галерей четвертаго яруса вдыхаемый воздухъ былъ нѣсколько прохладнѣе выдыхаемаго, и сравненіе съ паровой ванной было бы не много преувеличено. Транспирація сосредоточивалась тутъ только на лбу...

Когда поднялась завѣса при громкихъ рукоплесканіяхъ, послѣ одной изъ великолѣпнѣйшихъ увертюръ, въ галерей этой оставалось пустымъ только одно мѣсто. Хоръ пропѣлъ уже торжественную интродукцію, Идрено свою каватину голосомъ нѣсколько разъ срывавшимся, вѣроятно отъ волненія и страха, что не на него падеть выборъ гордой царицы Вавилона; вотъ и Ассуръ, послѣ мелодическаго обращенія къ народу, встревоженный словами Ороэ, пропѣлъ удивительную стретту, голосомъ полнымъ выраженія, но весьма не звучнымъ и устарѣлымъ; вотъ раздались звуки чуднаго хора и марша, предшествующаго появленію Семирамиды, а пустое мѣсто все еще оставалось не занятымъ, и на него съ завистью смотрѣли многіе зрители въ галерей, потому что оно было и на первой скамейкѣ, и чрезвычайно удобное, крайнее, у самаго прохода.

Подлѣ этого пустаго мѣста сидѣла женщина, съ особеннымъ вниманіемъ слушающая оперу. Она была не первой молодости,

Одѣта просто, но съ вкусомъ, въ черное платье съ высокимъ лифомъ, безъ корсета, который, впрочемъ, былъ и не нуженъ, потому что дама эта была очень тонка и даже скорѣе худа, чѣмъ тонка; узкія плеча и плоская грудь не выкупались стройностью таліи. Лице дамы было довольно выразительно: большіе томносерые глаза смотрѣли умно, быстро и даже нѣсколько гордо изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ; маленькій, пріятный ротикъ выказывалъ рядъ бѣлыхъ зубовъ; ножка ея, упертая въ барьеръ галереи, была весьма солиднаго размѣра. Дама отличалась вообще движеніями самыми простыми и безыскусственными. Не хорошъ былъ также у нея желтоватый цвѣтъ лица и носъ—длинный, болѣе, нежели сколько этого требовала пропорціональность всего лица.

Рукоплесканія, раздавшіяся съ появленіемъ на сценѣ Семирамиды—Гризи, были вовсе не такъ сильны и продолжительны, какъ этого следовало ожидать. Публика, разучившаяся уже вѣрить на слово иностраннымъ газетамъ, хотѣла сначала слышать пѣвицу, а потомъ уже восхищаться ею, и потому самое внимательное молчаніе встрѣтило знаменитый квартетъ: «*Di tanti regi e popoli*».

Первые звуки голоса Гризи приковали къ себѣ все вниманіе дамы, сидѣвшей въ галереѣ, хотя впечатлѣніе, произведенное знаменитою пѣвицею, неудовлетворяло ожиданіямъ: голосъ ея, далеко не первой свѣжести, не смотря на всю симпатичность его, мѣстами раздавался почти крикливыми, рзкими нотами; въ немъ замѣтно было сильное утомленіе. Поэтому, когда окончился квартетъ, дама въ галереѣ откинулась на спинку скамейки съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія, или, скорѣе, печали отъ несбывшейся надежды. Театръ раздвѣлялъ, по-видимому, то же впечатлѣніе, и послѣдніе звуки квартета покрылись весьма скромными рукоплесканіями. Только одинъ голосъ съ верху закричалъ было съ особымъ одушевленіемъ: браво! и захопалъ съ увлеченіемъ, но этотъ неумѣстный порывъ ничѣмъ неоправдываемаго восторга, обратившій на себя общее вниманіе, тотчасъ же смолкнулъ среди молчанія цѣлаго театра, смущенный и испуганный своимъ одиночествомъ.

Этотъ крикъ и хлопанье очень непріятно подѣйствовали на даму въ галереѣ, потому что раздались подлѣ нея. Въ срединѣ квартета въ галерею вошелъ съ большимъ шумомъ мужчина, лѣтъ тридцати пяти, въ костюмъ изысканномъ, но не совсѣмъ

свѣжемъ: на сюртукъ его были весьма замѣтны пылинки, воротнички, маншеты и рубашка на груди измяты, бантъ галстуха сдвинуть на сторону, волосы и бакенбарды порядочно включены, хотя онъ поминутно приглаживалъ ихъ. Самое лицо мужчины было очень одушевлено и довольно красно, глаза то блестяли менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, то подергивались какою-то маслянистою нѣжностью; дыханіе выходило изъ груди довольно шумно и не ровно. По всему было замѣтно, что зритель этотъ находится не въ нормальномъ положеніи и удерживается въ границахъ порядочности только силою воли и привычкою къ хорошему тону и обращенію.

Войдя въ галерею и усѣвшись на пустое мѣсто подлѣ дамы, на первой скамейкѣ, этотъ, замѣтно пообѣдавшій кавалеръ, растянулся самымъ незастѣнчивымъ образомъ, поставилъ шляпу у себя въ ногахъ, вынулъ большія бѣлыя трубки изъ замшеваго футляра, посмотрѣлъ сначала вокругъ себя на всѣ женскія лица галереи, сдѣлалъ не совсѣмъ учтивую гримасу, взглянувъ въ трубки на Гризи, и еще неучтивѣе сжалъ губы, потомъ развалился на своемъ мѣстѣ, задвѣвъ локтемъ сосѣдку и пробормотавъ небрежно pardon, сталъ разсыянно смотрѣть на сцену, едва слушая квартетъ, по окончаніи котораго съелъ нужнымъ самымъ громкимъ образомъ выразить свой восторгъ. Ясно было, что онъ вовсе не чувствовалъ этого восторга, но полагалъ, что не восторгаться знаменитою пѣвицею, значитъ выказать себя невеждою въ музыкѣ. Поэтому его сильно сконфузило то, что крикъ его какъ-то комически замеръ въ совершенной тишинѣ и при неблагоклонномъ шепотѣ даже сосѣдей по галереѣ. Ему стало вдругъ чрезвычайно неловко, особенно когда сосѣдка, совершенно незамѣчавшая его до той минуты, посмотрѣла на него строго и съ неудовольствіемъ. Онъ отодвинулся отъ нея сколько позволяло мѣсто, и пробормоталъ самымъ смиреннымъ тономъ:

— Pardon! mille pardons!

Сосѣдка даже не наклонила головы въ отвѣтъ на извиненіе сосѣда, и отвернувшись отъ него, обратила все вниманіе на сцену. Сосѣдъ въ свою очередь нашелъ, что съ нимъ поступаютъ неучтиво. Ему показалось обиднымъ молчаніе дамы, и онъ повторилъ, настойчиво обращаясь къ ней и по-французски:

— Я имѣлъ честь просить у васъ извиненія.

— Въ чемъ это? спросила рѣзко и холодно сосѣдка, едва обернувшись къ нему.

— Я, кажется, нечаянно толкнулъ васъ?... сказалъ онъ на этотъ разъ уже по-русски.

— Не замѣтила! отвѣчала она равнодушно, смотря на сцену въ маленькія черныя трубки.

— Во всякомъ случаѣ я обезпokoилъ васъ неумѣстными аплодисментами.

— Въ этомъ вы должны извиняться предъ публикой, а не передо мною.

— Но вы моя ближайшая соседка, и болѣе другихъ имѣете права жаловаться на мою невѣжливость.

— Излишняя предупредительность можетъ также обратиться въ неучтивость.

— Но она во всякомъ случаѣ извинительна, когда происходитъ отъ искренняго желанія загладить свою ошибку. Я очень хорошо видѣлъ, что произвелъ на васъ непріятное впечатлѣніе.

— Такъ позвольте мнѣ изгладить его пріятнымъ, и слушать музыку, сказала соседка нетерпѣливымъ тономъ, совершенно отвернувшись отъ сосѣда.

Тотъ даже слегка покраснѣлъ отъ досады, и, обернувшись въ противоположную сторону, пробормоталъ не совсѣмъ кетати: сдѣлайте одолженіе! и принялся отъ нечего дѣлать слушать арію Арзаса.

Отдѣлавшись отъ извиненія сосѣда, дама вздохнула свободнѣе и вся обратилась къ сценѣ; но въ ту же самую минуту надъ ухомъ ея раздался съ противоположной стороны чей-то визгливый голосъ.

— А позвольте спросить васъ, матушка, кто это такое поетъ?

Съ удивленіемъ обернулась дама въ другую сторону. Ей улыбалась и кивала головою толстая старуха въ чепецъ съ малиновыми лентами, въ ковровомъ платкѣ яркихъ цвѣтовъ, съ самой наивной и добродушной физіономіей, на которую невозможно было разсердиться.

— Это поетъ Мерикъ, отвѣчала дама, продолжая смотреть на сцену и думая, что старуха удовлетворится этимъ отвѣтомъ, но та продолжача распросы:

— А отчего же это онъ такъ тонко поетъ, по-дѣвичьему?

— Оттого, что она дѣвушка, отвѣчала съ улыбкой соседка.

— Видишь ты! говорила старуха, покачивая головой. Дѣвушка! а надѣла панталоны и каску... Да еще никакъ при шпагѣ

разгуливаетъ. Катя, смотри хорошенько: этотъ актеръ, говорятъ, дѣвушка.

Последнія слова относились къ соседкѣ старухи съ другой стороны, чрезвычайно худощавой, красной и курносой особѣ, затянутой въ корсетъ и несводившей глазъ со сцены.

Во все продолженіе аріи Арзаса, старуха видимо не могла успокоиться и изрѣдка бормотала себѣ подъ носъ:

— Поди же ты!.. дѣвушка!.. Вѣдь умудряется же эти итальянцы! Самой бы мнѣ ужъ никакъ не догадаться... Дѣвушка!

Этими и тому подобными восклицаніями старуха очевидно, вызывала на бесѣду свою соседку, но видя, что та не отвѣчаетъ ни слова, все таки не могла успокоиться, и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ опять спросила:

— А не знаете ли вы, матушка, кого представляетъ эта... какъ бишь вы ее называли?..

— Мерикъ, отвѣчала соседка съ нетерпѣніемъ. Она играетъ Арзаса, сына Семирамиды.

— Вотъ что! это значитъ сына той, которая въ красной мантили выходила, Гризіи, чтоли... А хорошо поетъ эта Гризія?

Последняя фраза была сказана полу-вопросительно, но соседка не нашла нужнымъ отвѣчать на нее. Это не избавило ее однакоже отъ дальнѣйшихъ распросовъ при появленіи Ассура: Кто этотъ господинъ въ высокой шапкѣ, и зачѣмъ онъ пришелъ, и о чемъ разговариваетъ съ дѣвушкой въ мужскомъ платьѣ, и зачѣмъ эта дѣвушка одѣлась въ мужское платьѣ,—все это сопровождалось извиненіями въ беспокойствѣ, благодарностью за объясненія и увѣреніями въ признательности. Между распросами старуха успѣла однакоже рассказать, что она не здѣшняя, а недавно пріѣхала изъ губернскаго города, гдѣ случалось ей бывать и въ театрѣ, только не въ итальянскомъ, а оперу слышитъ она въ первый разъ, и ея Катенька тоже, а мѣста эти уступили ей съ дочерью одинъ знакомый имъ чиновникъ, и слѣдующій разъ въ театрѣ пойдетъ ея мужъ, съ другою дочерью, Лизенькой. Все это, конечно, нисколько не интересовало ея соседку, но мышало ей однакоже внимательно слушать, оперу; поэтому, при перемѣнѣ декораціи, передъ началомъ женскаго хора съ акомпаниментомъ арфы, она сказала старухѣ, чтобъ та позволила ей слушать оперу.

— Ахъ, матушка, отвѣчала старуха, обидѣвшись. Извольте слушать, сколько угодно. Я не думала, что помѣшаю вамъ. Про-

сто хотѣлось какъ съ соседкой поговорить, уму разуму понаучиться. Вѣдь нельзя же все, не отрываясь, слушать что они тамъ поютъ, надо и отдохнуть немножко. Неудобно больше разговаривать — ваша воля! Я благодарна и за то, что вы мнѣ рассказали. А что я васъ побезпокоить рѣшилась, это все потому, что вы и съ вашимъ соседомъ разговаривали. Я и думала, что коли вы кавалеру по любезности вашей отвѣчали, такъ ужъ можно было это и для дамы сдѣлать. Но видно у васъ, по столичному, это не водится. Прошу меня извинить — я не здѣшняя.

Старуха говорила съ такимъ жаромъ, что на нее зашикали съ разныхъ скамеекъ галереи нѣсколько дилетантовъ. Это до того озадачило ее, что она съ досадою и поневоле принялась слушать музыку, проворчавъ нѣсколько комплиментовъ, несовсѣмъ лестныхъ для дилетантовъ.

Сосѣдъ дамы, подвергнувшейся негодованію старухи, услышалъ нѣсколько фразъ раздраженной провинціалки и по какому-то странному чувству остался совершенно доволенъ тѣмъ, что его сосѣдка была сконфужена неожиданными импрекаціями. Не смотря на это, онъ не сказалъ ей ни слова въ продолженіе перваго акта и, повидимому, очень внимательно слушалъ оперу, только изредка посматривалъ на сосѣдку, какъ будто наблюдая, какое дѣйствіе производитъ на нее музыка.

А музыка производила на нее сильное впечатлѣніе, не выражавшееся впрочемъ ни въ жестахъ, ни въ восклицаніяхъ, ни въ закатываніи глазъ подъ лобъ, а въ однихъ глазахъ, въ едва замѣтномъ дрожаніи губъ, и легкой краскѣ, покрывавшей по временамъ ея блѣдныя щеки. Надо было сидѣть подлѣ нея, наблюдать за нею, чтобъ подмѣтить волненіе, которое она старалась скрывать, сколько могла, и наблюденіе это до того заинтересовало ея сосѣда, что онъ подлѣ конецъ акта сталъ гораздо больше заниматься ею, чѣмъ сценою, что замѣтно удивило его самого.

Когда же, съ послѣднимъ звукомъ удивительнаго финала, сосѣдка отодвинулась отъ барьера и оперлась на спинку скамейки, обмахивая лице платкомъ, все удовольствіе ея вылилось въ простыхъ, но полныхъ чувства словахъ:

— Ахъ, какъ это хорошо!

— Удивительно! подхватилъ сосѣдъ, старавшійся также казаться восхищеннымъ и увлеченнымъ. Какой ensemble! какой го-

лось у Гризи! какіе хоры, какая опера!.. какой талантъ у Россіи!

И онъ продолжалъ нѣсколько минутъ, все въ томъ же восторженномъ тонѣ, стараясь избѣгать подробной оцѣнки голосовъ и нумеровъ музыки, а тѣмъ болѣе музыкальныхъ терминовъ, но истощая за то весь лексиконъ восклицаній, восхваленій, удивленій. Сосѣдка слушала его молча, хотя съ каждою фразой сосѣда на ея лицѣ выражалось неудовольствіе, сдѣлавшееся наконецъ до того замѣтнымъ, что сосѣдъ остановился въ недоумѣніи посреди одной блистательной фразы о симпатіи между нѣкоторыми звуками и чувствами, совершенно сконфуженный тѣмъ, что его краснорѣчіе произвело такое неожиданное впечатлѣніе.

— Скажите пожалуйста, вы абонированы на это мѣсто? спросила она еще неожиданнѣе.

— На два абонементы, отвѣчалъ онъ, теряясь еще болѣе.

— Въ какіе дни?

— Среду и пятницу.

— Также какъ и я! сказала сосѣдка, чуть не съ отчаяніемъ.

Сосѣдъ хотѣлъ принудить себя улынуться и выговорить что-то о неожиданномъ удовольствіи, симпатіи и тому подобномъ, но все старанія его были напрасны. Она продолжала послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:

— И вы намѣрены бывать всякій разъ въ театрѣ?

— Непременно, отвѣчалъ онъ, хотя прежде вовсе неимѣлъ этого намѣренія.

— Въ такомъ случаѣ, если уже случай сдѣлалъ насъ сосѣдями на сорокъ вечеровъ, мы должны устроить такъ, чтобъ сосѣдство это было, по возможности, если не пріятнымъ, то по крайней мѣрѣ сноснымъ.

— Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что не могъ бы найтти сосѣдства пріятнѣе въ цѣломъ театрѣ, отвѣчалъ онъ съ самой стереотипной улыбкой.

— Незнаю, чѣмъ я могла доставить вамъ такое удовольствіе, отвѣчала сосѣдка, съ саркастической улыбкой, но тѣмъ болѣе, вы, по чувству справедливости, конечно захотите, чтобы я нашла въ моемъ сосѣдствѣ... по крайней мѣрѣ спокойствіе.

— Готовъ сдѣлать все на свѣтъ, чтобъ вы были только довольны мною, сказалъ онъ съ жаромъ.

— Я не буду требовать многого, и прошу васъ только, — если вы уже находите необходимымъ разговаривать со мною, — дѣлать

это во время антрактовъ и, если можно, не говорить мнѣ вовсе ни комплиментовъ, ни общихъ мѣстъ о музыкѣ, подобныхъ тѣмъ, которыми вы начали нашу бесѣду. Ни на то, ни на другое я отвѣчать не въ состояніи.

— Не говорить того, что вы называете комплиментами и что, по моему, обыкновенная свѣтская учтивость—очень легко, отвѣчалъ почти съ досадой сосѣдъ. Но о чемъ же прикажете говорить въ оперѣ, какъ не о музыкѣ? Незнаю, что заставляетъ васъ сомнѣваться въ томъ, что я страстно люблю ее.

— Тотъ, кто страстно любитъ музыку, не станетъ разговаривать во время пѣнія, не будетъ отзываться объ ней одними восклицаніями и фразами, сдѣлавшимися невыносимо *банальными*, — по-русски это слово переводится немножко жестко, — и наконецъ не будетъ слушать оперы, какъ говорится, однимъ ухомъ, являясь въ нее для того, чтобъ сдѣлать свой послѣобѣденный кейфъ.

— Вы слишкомъ несправедливы и жестоки ко мнѣ, отвѣчалъ сосѣдъ, совершенно озадаченный словами и тономъ сосѣдки, обращавшейся съ нимъ такъ нецеремонно. Я конечно не могу вамъ доказать осязательно, что люблю музыку, но надѣюсь, что вы сами убѣдитесь въ этомъ при послѣдующихъ представленіяхъ другихъ, лучшихъ оперъ.

— Такъ вы находите, что Семирамиду можно слушать такъ, отъ нечего дѣлать, безъ особеннаго вниманія?

— Я не говорю этого, но согласитесь, что это не лучшая опера Россини, что она немножко длинна и скучна и гораздо ниже, напримѣръ, *Отелло* и *Карла Смѣлаго*. Не сравниваю ее уже съ *Севильскимъ цирюльникомъ*, потому что это совсѣмъ другой родъ.

— Отчего же не сравнить Семирамиду и съ *Цирюльникомъ*, если вы сравниваете ее съ *Карломъ Смѣлымъ*? Въ первомъ случаѣ сравненіе было бы также удачно, какъ между эпической поэмой и водевильнымъ куплетомъ, во второмъ какъ между поэмами Данте и Гете. И та и другая изумительны и грандіозны, но между ними столько же сходства, какъ между музыкой итальянской и нѣмецкой. Что въ мелодическомъ отношеніи Семирамида выше и *Отелло*, и всѣхъ остальныхъ оперъ Россини и другихъ итальянскихъ композиторовъ — это странно доказывать человеку, знающему музыку. Изъ одного акта ея любой *Донцетти* могъ бы выкроить десятокъ оперъ.

Сосѣдка говорила съ большимъ жаромъ, сосѣдъ отвѣчалъ съ замѣтною ироніей.

— Вкусы различны и у музыкантовъ. Я знаю извѣстныхъ композиторовъ, которые не признаютъ дарованія въ Россіи, говорятъ, что онъ не годится въ подметки Моцарту.

— Есть люди, которые идутъ еще дальше и считаютъ самого Моцарта раскольниковомъ въ музыкѣ, потому что онъ не во всемъ слѣдовалъ Баху и другимъ глубокимъ контрапунктистамъ, также какъ есть люди, которые обломокъ вавилонскаго кирпича предпочитаютъ всемъ палацо итальянскихъ архитекторовъ; но приверженцы классицизма въ музыкѣ не скрываютъ по крайней мѣрѣ своихъ убѣжденій и не восхищаются притворно тѣмъ, къ чему не чувствуютъ ни малѣйшаго расположенія.

Сосѣдъ покраснѣлъ слѣгка и началъ доказывать, что можно любить музыку и не любить почему-нибудь оперу, нравящуюся другимъ. Сосѣдка оспаривала это, говорила, что на лица, одинаково образованныя, прекрасное должно производить одинаковое впечатлѣніе. Изъ нѣкоторыхъ выраженій сосѣда она увидѣла, что онъ вовсе не знаетъ музыки, въ чемъ тотъ и сознался, хотя не совсемъ охотно, но утверждалъ, что можно любить музыку, не зная ее; сосѣдка отвѣчала, что это также трудно, какъ знать музыку и не любить ее. Разговоръ сдѣлался очень бѣглымъ и оживленнымъ; они уже начали даже кое въ чемъ соглашаться другъ съ другомъ; сосѣдка выказывала большія музыкальныя познанія, сосѣдъ слушалъ ее внимательно, и всеми силами старался загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ въ началѣ ихъ знакомства. Они не замѣтили какъ прошелъ антрактъ и начался чудный дуэтъ между преступною Семирамидою и ея оскорбленнымъ сообщникомъ.

Это дѣйствіе сосѣдъ прослушалъ съ большимъ вниманіемъ, не позволяя себѣ ни одной изъ тѣхъ эксцентрическихъ выходовъ, которыми ознаменовалъ свое появленіе въ театрѣ; онъ улачивалъ однакоже всякую свободную минуту, и во время переменъ декораций и незначительныхъ речитативовъ, обращался къ сосѣдкѣ съ вопросами, на которые она отвѣчала весьма благоклонно, въ свою очередь обращая его вниманіе на лучшіе нумера оперы, на тѣ мѣста, въ которыхъ Гризи поражала своею высокою драматическою игрою. Подъ конецъ спектакля они уже разговаривали между собою какъ старые знакомые, и сосѣдъ очень удивился, что опера такъ скоро кончилась, когда въ

прежнее время казалась до того длинною, что онъ уходилъ за-долго до окончанія ея, частію отъ скуки, а частію и для того, чтобъ не отстать отъ модныхъ дилетантовъ, съ шумомъ и громомъ со всѣхъ ногъ бросающихся изъ театра при началъ послѣдней аріи или финала, какъ будто съ послѣдними звуками оперы долженъ обрушиться на нихъ потолокъ залы.

Когда опустилась завѣса, и обитатели галереи начали тѣсниться у выхода въ коридоръ, соседка, вѣроятно подъ вліяніемъ музыки, сдѣлавшаяся гораздо разговорчивѣе и мягче, сказала своему сосѣду, не вставая съ мѣста:

— Я всегда остаюсь нѣсколько минутъ, чтобъ не попасть въ толпу и не тѣсниться на подъездахъ.

— Я дѣлаю тоже самое, отвѣчалъ сосѣдъ, уже вставшій было, чтобъ уйти.

Видя, что они остались сидѣть, старуха съ дочерью тоже было поднимаясь, начала страшно беспокоиться и приставать ко всѣмъ проходившимъ мимо ея: точно ли кончилось представленіе и не будутъ ли еще чего нибудь показывать. Когда же она убѣдилась, что дѣйствительно больше ничего не будетъ, то вышла изъ галереи; проходя мимо своихъ сосѣдей, она шепнула дочери, чтобъ та смотрѣла на потолокъ, и сильно покояся на даму въ черномъ платьѣ, сказала довольно громко въ дверяхъ галереи:

— Въ этихъ театрахъ, не на однихъ актеровъ глядя, можно научиться амурничать.

Тотъ, къ кому должна была относиться эта любезность, слышалъ ее весьма явственно и вспыхнулъ отъ досады.

Дама въ черномъ платьѣ спросила, что значать эти слова и къ кому адресовались. Сосѣдъ затруднился привести точныя слова старухи, и началъ объяснять ихъ перифразами. Сосѣдка остановила его съ первыхъ словъ и потребовала такъ строго, чтобъ ей переданы были подлинныя выраженія старухи, что онъ не смѣлъ послушаться и, краснѣя, передалъ ей всю фразу, безъ всякихъ измѣненій и смягченій.

Противъ всякаго ожиданія, соседка не только не разсердилась, но даже не улыбулась презрительно, а сказала:

— Я была не совсѣмъ учтива съ нею, и она захотѣла отплатить мнѣ также неучтивостью. Это очень понятно.

— Но это не неучтивость, а глупость и злая дерзость.

— Ни то, ни другое. По ея образованію и понятіямъ это

весьма обыкновенная фраза, которая даже не очень обидела бы ее, если бы была сказана ей самой. У насъ есть своего рода кружки, въ которыхъ даже очень близкіе между собою люди, наговоривъ другъ другу самыхъ рѣзкихъ колкостей, считаютъ ихъ не болѣе какъ легкими шутками, и встрѣтятся на другой день, даже не вспоминая о томъ, что сказано наканунѣ. Въ жизни можно привыкнуть къ самому странному обращенію, и оно уже не будетъ казаться страннымъ. Все зависитъ отъ привычки, отъ взгляда на предметы. Мнѣ кажется даже, что обиду можетъ нанести намъ только лице, равное по образованію и положенію въ обществѣ. Кто оскорбляетъ челоуька выше себя — заслуживаетъ состраданія, потому что на это можно рѣшиться только въ безпамятствѣ. Кто наноситъ обиду низшему — достоинъ презрѣнія, потому что рассчитывая на безнаказанность, выказываетъ низость своихъ чувствъ.

Сосѣдъ, вмѣсто отвѣта на это разсужденіе, сказалъ только самому себѣ, что сосѣдка его большая философка.

Они вышли вмѣстѣ изъ галереи и стали надѣвать верхнее платье. Сосѣдъ замѣтилъ, что у сосѣдки темный байковый салопъ на ватъ былъ не очень новъ, и что она дала капельдинеру пятиалтынный.

— Вамъ далеко ѣхать? спросилъ онъ робко, надѣвъ теплую шинель съ бобровымъ воротникомъ.

— Не очень, отвѣчала она спокойно. Я живу у Калинкина моста.

— Стало быть, намъ почти по дорогѣ, сказалъ сосѣдъ, жившій въ Караванной.

— Прощайте! отвѣчала сосѣдка, строго взглянувъ на него и закутываясь въ бурнусъ.

Это слово было сказано такимъ тономъ, что сосѣдъ совершенно растерялся, и могъ только молча поклониться ей въ то время, какъ она спокойно прошла мимо его и спустилась съ лѣстницы.

До самага подъезда следовалъ онъ за нею въ почтительномъ разстояніи; она не повертывала головы, съѣла внизу на простые дрожки и поѣхала къ Торговому мосту. Кавалеръ ея простоялъ нѣсколько минутъ на подъѣздѣ, глядя вслѣдъ удаляющихся дрожекъ, потомъ сердито надвинулъ шляпу на брови и закричалъ голосомъ, въ которомъ проглядывало раздраженіе:

— Извозчикъ! Къ Казанскому мосту, на Мойку, двугривинный!

Онъ вхалъ на вечеръ разсѣять неприятное расположеніе духа, неизвѣстно отъ чего овладѣвшее имъ при выходѣ изъ театра, и сѣлъ на дрожки съ такимъ мрачнымъ видомъ, какъ будто отправлялся скучать, а не развлекаться.

II.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ;

«П У Р И Т А Н Е».

Никогда еще Алексѣй Степановичъ Кметьевъ не дожидался съ такимъ нетерпѣніемъ среды и итальянскаго спектакля. Въ эти три дня онъ нѣсколько разъ принимался припоминать себѣ всѣ подробности своего знакомства съ соседкой и разговора съ нею. Сознаваясь въ томъ, что она очень умна и оригинальна, онъ въ тоже время удивлялся, отчего она могла произвести на него такое впечатлѣніе. Припоминая себѣ ея черты, онъ находилъ что она не хороша собой, очень худоцава, что у нее неприятный цвѣтъ лица и длинный носъ. Стало быть, она могла нравиться только однимъ разговоромъ, да и тутъ нельзя сказать, чтобъ онъ вполне былъ доволенъ. Очевидно, что въ бесѣдѣ съ соседкой онъ игралъ второстепенную роль, больше подавалъ реплики, былъ даже нѣсколько разъ уличенъ въ незнаніи и неучтивости, что конечно не могло быть пріятно его самолюбію. Да и не смотря на умъ, въ которомъ нельзя было ей отказать, въ самой оригинальности ея замѣтно было много педантизма, въ простотѣ много афектаціи, въ строгости много чопорности. По зрѣломъ обсужденіи самыхъ мелкихъ оттънковъ бесѣды, Кметьевъ пришелъ къ тому заключенію, что его соседка, если и не искательница приключеній, то по-крайней-мѣрѣ неутышная вдова, которая не прочь утѣшиться, когда ей будутъ убѣдительно доказывать всю тщету продолжительнаго гореванья. Что она не пользуется ротшильдовскимъ состояніемъ, это доказывалъ поношенный салонъ и мѣсто въ галерей четвертаго яруса. Знаніе музыки объяснялось въ ней тѣмъ, что она была, вѣроятно, музыкальной учительницей.

И не смотря на все это, Кметьевъ не могъ не сознаться, что она все таки нравится ему, человеку уже не молодому, положительному, основательному, не позволявшему себѣ влюбляться безъ расчета даже въ періодъ отъ восемнадцати до двадцати-восьми лѣтъ, когда сердце способно на всякое увлеченіе, на всякую глупость. И теперь, когда онъ уже положилъ прочное основаніе своей будущей карьерѣ, устроилъ довольно комфортабельно свою домашнюю жизнь, когда однимъ словомъ и въ мысляхъ, и въ чувствахъ его все установилось, опредѣлилось, приняло окончательную, твердую, рациональную форму, которую онъ не намѣренъ былъ измѣнять ни для какихъ уваженій;—въ эту солидную, положительную пору жизни, Кметьеву вздумалось интересоваться какою-то эксцентрическою обитательницей галереи четвертаго яруса, и анализировать свои чувства послѣ трехъ-часоваго знакомства, изъ котораго ровно ничего не могло выдти, которое не должно было вести ровно ни къ чему.

Разъяснивъ вполне, какъ ему казалось, свои отношенія къ дамѣ въ черномъ платьѣ, Кметьевъ по-видимому довольно спокойно дожидъ до среды, пятаго октября, и отправился въ Большой театръ почти безъ всякаго волненія слушать во второй разъ Семирамиду, которую такъ плохо слышалъ въ первый.

Онъ торопился пріѣхать раньше, но засталъ уже сосѣдку на томъ же мѣстѣ, въ томъ же самомъ платьѣ, съ тѣмъ же спокойнымъ выраженіемъ лица, которое Кметьевъ называлъ безжизненностью. Онъ поклонился ей съ особеннымъ чувствомъ; она слегка наклонила голову, не выказывая особеннаго удовольствія при встрѣчѣ съ нимъ. Онъ спѣшилъ начать разговоръ, она не спѣшила отвѣчать; онъ старался навести бесѣду на предметы отвлеченные, въ толкахъ о которыхъ больше простора чувству, чѣмъ познаніямъ; она сводила разговоръ на общія мѣста, на музыку, на сцену, на то, что ихъ окружало. Онъ увлекался часто до того, что она должна была останавливать его и напоминать ему, что они пришли въ театръ для того чтобъ слушать, а не для того, чтобъ ихъ слушали. Ни во все продолженіе оперы, ни во время антракта онъ не могъ заставить сосѣдку разговариваться. Она отвѣчала холодно, учтиво и коротко, слушала музыку гораздо внимательнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Кметьевъ выходилъ изъ себя. Ему хотѣлось придратъся къ чему нибудь, завестъ исторію хоть съ женщиной, сдѣлавшей ему въ прошлый разъ такое глупое замѣчаніе, но ее въ галереѣ не было, на ея

мѣсть сидѣлъ какой-то безсловесный господинъ, поминутно утиравшійся клетчатыхъ платкомъ и говорившій только: фу, какъ жарко!

Съ сильною досадою на весь свѣтъ и на самого себя, Кметьевъ вышелъ изъ театра даже прежде сосѣдки, почти ничего не говорившей съ нимъ въ продолженіе всего втораго акта. У подъзда, одинъ изъ извожиковъ, вѣроятно, узнавшій его, сказалъ самымъ убѣдительнымъ голосомъ:

— Чтожъ, давать, что ли, баринъ, къ Казанскому-то мосту; вѣдь я возилъ васъ наемднись, по канавѣ, нальво за уголь?

— Пошелъ, болванъ! закричалъ разсерженный Кметьевъ.

И свѣвъ на другаго возницу безъ торгу, онъ закричалъ рѣзкимъ тономъ:

— Въ Караванную! да смотри у меня, живѣ!

Онъ не могъ однакоже успокоиться и въ Караванной, и лежа на диванъ въ своемъ комфортабельномъ кабинетѣ, думалъ чуть не всю ночь о томъ, отчего сосѣдка его обошлась съ нимъ такъ холодно послѣ такой откровенной бѣсъды въ первое представленіе оперы. Послѣ долгихъ размышленій, онъ пришелъ къ тому результату, что она больше ничего какъ кокетка, которая думала завлечь его притворною хлодностью, и что ему слѣдуетъ вовсе не думать объ ней, а при свиданіи, чрезъ два дня, быть къ ней какъ можно равнодушнѣе, и въ свою очередь обходиться съ нею съ самымъ убійственнымъ невниманіемъ. Для этой цѣли онъ не хотѣлъ даже ѣхать въ пятницу въ театръ, но нашель, что это будетъ неловко, и она можетъ приписать его отсутствіе тому, что онъ былъ пораженъ ея холодностью. Онъ принудилъ себя только пріѣхать въ театръ позже.

Въ этотъ день давали «Пуританъ,» это лучшее произведеніе Беллини, въ которое элегическій маэстро влилъ предъ смертью всѣ чудныя мелодіи, переполнявшія его сердце. Публики было опять множество; ждали дебюта Маріо, но нецеремонный, хотя и прекрасный теноръ, для перваго же знакомства съ Петербургомъ, не сдержалъ обещанія афиши и не вышелъ на сцену, по болѣзни. Роль Артура занялъ Гардони, зникомый уже публикѣ по прошлому сезону.

Кметьевъ вошелъ въ галерею уже во время дуэта Фрециolini съ Тамбурины, обративъ опять на себя вниманіе шумомъ и развязностью своихъ движеній. Онъ довольно фамиллярно поклонился сосѣдкѣ, мелькомъ взглянулъ на сцену и сталъ смо-

трять по ложамя, высоко поднимая руки, вооруженныя огромными трубками.

Во все продолженіе дуэта, соседка не обращала рѣшительно ни малѣйшаго вниманія на сосѣда; онъ не хотѣлъ первый начать разговора, и съ упорнымъ молчаніемъ игралъ трубками и выбивалъ ими тактъ по барьеру. Маневры его оставались незамѣченными, не смотря даже на то, что по окончаніи дуэта онъ закричалъ: bravo! чуть не громче всѣхъ.

Во время перемѣны декораціи соседка оставалась также холодна и неподвижна и, опустивъ руки на колѣни, смотрѣла впередъ какъ-то безсознательно. Это рѣшительно вывело изъ терпѣнія Кметьева, и съ досады, при появленіи Гардони, онъ такъ затянулъ вмѣстѣ съ пѣвцомъ: а te, o saга, что на него оглянулась вся галерея, а соседка, вспыхнувъ, сказала ему тихимъ голосомъ, полнымъ негодованія:

— Что съ вами? Придите въ себя! Вспомните, гдѣ вы!

Кметьевъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ обиженнымъ тономъ:

— Развѣ я сдѣлалъ что нибудь неприличное?

— Неужели вы назовете приличнымъ — пѣть громче актера?

— Ужъ и громче! Я только немножко *фредонировалъ* мой любимый мотивъ.

— Вы видите, какъ здѣсь все обратили на васъ вниманіе!

— А если это было именно моею целью? Если безъ этого на меня здѣсь рѣшительно не хотѣли обратить вниманія?

Соседка посмотрѣла на него съ удивленіемъ и отвѣчала еще тише:

— Развѣ вы не могли просто заговорить сомною безъ этихъ странныхъ выходокъ?

— Я бы не прибѣгнулъ къ нимъ, еслибъ видѣлъ въ васъ малѣйшій признакъ расположенія начать со мною разговоръ.

— Не думаете ли вы что подобными средствами можно меня принудить насильно бесѣдовать съ вами?

Кметьевъ задумался, потомъ сталъ извиняться, оправдываться, жаловаться на невниманіе къ нему сосѣдки, на слишкомъ большую разницу между ея обращеніемъ въ первый итальянскій спектакль и во второй. Она отвѣчала, что должна была такъ поступить, и просила не мешать слушать музыку, общая возобновить разговоръ въ антрактъ.

По окончаніи перваго дѣйствія, она безъ афектаціи возвратилась сама къ предмету, такъ сильно занимавшему Кметьева, и

сказала ему, что принуждена была принять съ нимъ строгій тонъ потому, что послѣ перваго представленія онъ едва не предложилъ ей быть ея проводникомъ послѣ театра, и началъ вообще обращаться съ нею какъ со старою знакомой.

— Я не думалъ, чтобъ вы могли оскорбиться искренностью моего обращенія, сказалъ Кметьевъ. Сколько могъ я судить по вашему разговору, вы мнѣ показались женщиною, стоящею гораздо выше всѣхъ пустыхъ и мелкихъ предразсудковъ, только дѣлающихъ тягостными и принужденными отношенія между лицами, взаимно уважающими другъ друга. Неужели васъ могло обидѣть предложеніе мое быть вашимъ спутникомъ по дорогѣ къ мѣсту вашего жительства, и продолжать разговоръ, начатый въ театрѣ?

— Если бъ это зависѣло только отъ меня, я бы даже приняла ваше предложеніе, потому что веселье возвращаться домой разговаривая, нежелателенъ молча, но для другихъ, и даже для васъ самихъ, я не должна была вамъ позволить дѣлать мнѣ подобное предложеніе. Другіе могли бы легко вывести изъ этого заключеніе, что я вѣтреная женщина, а вы сами могли подумать обо мнѣ еще хуже... Вижу, что вы собираетесь увѣрять меня въ противномъ, но не тратьте напрасно словъ. Уваженіе къ женщинамъ доказывается не словами, а поступками. Слова ничего не значатъ, я сама позволяю себѣ въ разговоръ не стѣсняться излишней смиренностью, тѣмъ, что французы называютъ *pruderie*, но будьте увѣрены, что вы не замѣтите за мною эксцентрическаго поступка. Такъ если намъ суждено быть всю зиму сосѣдями по театру, останемтесь лучше добрыми сосѣдями: будемъ болтать, сколько вамъ угодно, во время антрактовъ, но не требуйте, чтобъ я съ первыхъ дней знакомства обращалась съ вами какъ со старымъ другомъ, если только старые друзья существуютъ еще на свѣтѣ, гдѣ мнѣ не приходилось встрѣчать и молодыхъ.

Сосѣдка говорила непринужденно, весело, сосѣдъ отвѣчалъ еще веселѣе:

— Не знаю, какъ благодарить васъ за вашу доброту ко мнѣ. Будьте увѣрены, что я не употреблю ее во зло. Но первое условіе всякаго пріятнаго знакомства—откровенность. Если бъ вы сказали мнѣ прямо, послѣ перваго представленія «Семирамиды», что я поступилъ дурно, невѣжливо при выходѣ изъ театра, я не прожилъ бы такого невыносимаго втораго представленія той же оперы, и не поступилъ бы сегодня еще невѣжливѣе. Объ-

щайте же мнѣ безпощадно останавливать каждый шагъ мой, который почему нибудь вамъ не понравится, и произвести меня со временемъ, если я буду этого достоинъ, въ званіе вашего стараго друга, хоть вы и не вѣрите въ это званіе.

— Последняго не общаю, потому что это зависитъ не отъ меня, а отъ васъ самихъ, а первое исполню охотно, тѣмъ болѣе, что при многихъ хорошихъ чертахъ вашего характера, я замѣтила въ немъ много и невыгодныхъ сторонъ, отъ которыхъ вамъ необходимо избавиться.

— Какія же это стороны?

— Я укажу ихъ вамъ при первомъ случаѣ. Будьте спокойны, вы ничего не потеряете отъ ожиданія, а теперь слушайте ригурнель втораго дѣйствія.

— По счастью, въ этой оперѣ есть еще дѣйствіе и следовательно еще антрактъ: уже и поэтому она гораздо лучше «Семирамиды,» за которую вы такъ заступались.

Сосѣдка ничего не отвѣчала, но очень мило улыбулась и принялась слушать музыку съ большимъ удовольствіемъ. Сосѣдъ ощущалъ еще большее удовольствіе, хотя вовсе не слушалъ музыки. Финальный дуэтъ втораго акта однако же сильно подѣйствовалъ на него, и по окончаніи акта онъ принялся разсуждать съ жаромъ и дѣльно о вліяніи, которое музыка можетъ имѣть на движенія души, на порывы чувствъ. Сосѣдка слушала его благосклонно и соглашалась съ нимъ, находя, что если онъ не понимаетъ музыку, то чувствуетъ ее. Вскорѣ однако же онъ обратилъ разговоръ на то, что занимало его еще больше, и именно на самое сосѣдку. Онъ говорилъ, что для искренняго знакомства имъ необходимо узнать другъ друга, а онъ не знаетъ даже ни какъ ее зовутъ, ни кто она. Сосѣдка не весьма охотно разсказала о себѣ весьма немного. Кметьевъ узналъ только, что ее зовутъ Вѣра Петровна Гаронская, что она дѣвушка не богатая и живетъ съ своею старою матерью ея пансіономъ и уроками музыки и пѣнія, которые преподаетъ въ пансіонахъ и по домамъ. Занятая каждое утро а иногда и вечеръ, она находитъ развлеченіе и отдыхъ только въ оперѣ, которую любитъ безъ памяти. Ни средства, ни занятія, ни наконецъ собственное расположеніе духа не позволяютъ ей имѣть знакомства, ѣздить въ гости и принимать къ себѣ — на последнее обстоятельство Вѣра Петровна особенно обращала вниманіе Кметьева, объясняя это отчасти преклонными лѣтами и постоянною слабостью своей ма-

тери, и Кметьевъ поневоле понялъ, что долженъ былъ, по-крайней мѣрѣ на время, отложить всякую надежду на позволеніе представиться въ домъ своей знакомой. По ея словамъ, къ нимъ никто не ѣздилъ кромѣ трехъ старушекъ, старинныхъ подругъ ея матери и двухъ ея собственныхъ подругъ, — и то посещенія эти были очень рѣдкія, а мужчинъ въ ихъ скромной квартирѣ не было уже около десяти лѣтъ.

— А прежде вы принимали и мужчинъ? спросилъ Кметьевъ съ отъянкомъ ироніи.

— Да... иногда, отвѣчала она невольно. Прежде мы жили довольно открыто. У меня былъ братъ военный.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Умеръ! сказала она глухо, опуская голову.

Кметьевъ сталъ извиняться, что своими распросами возбудилъ печальныя воспоминанія, увѣряя, что спрашиваетъ не изъ нустаго любопытства, а изъ искренняго участія. Чтобы еще больше возбудить ея откровенность, онъ въ свою очередь разсказалъ ей всю свою жизнь, со всеми подробностями.

Онъ былъ сынъ богатаго человѣка, но оставившаго по смерти самое разстроенное состояніе. Поэтому у сына, жившаго при отцѣ роскошно, не осталось ровно ничего, когда надо было привести въ порядокъ дѣла и заплатитъ долги. Изъ достатка переходить въ бѣдность гораздо труднѣе, и потому въ первое время положеніе его было чрезвычайно тяжелое, но онъ употребилъ все усилія, чтобъ выбиться изъ бѣдности, и наконецъ достигъ положенія достаточно обезпеченнаго. Этимъ онъ особенно гордился, и не разъ съ самодовольствіемъ упоминалъ, что другой на его мѣсть, съ болѣе слабымъ характеромъ, совершенно погрязъ бы въ этихъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Онъ не скрывалъ въ тоже время, что тяжелыя обстоятельства его первой молодости, горькій опытъ, показавшій ему многихъ людей и многіе предметы въ ихъ настоящемъ непривлекательномъ свѣтѣ, сдѣлалъ его недоувѣрчивымъ, холоднымъ и отчасти эгоистомъ, но что если до сердца его довольно трудно пробиться сквозь кору, образовавшуюся на немъ отъ непріятныхъ столкновеній съ людьми, заставлявшими его разочаровываться почти во всемъ и во всѣхъ, то однажды пріобрѣтя расположеніе этого сердца, можно было смѣло надѣяться на его постоянную привязанность. На это обстоятельство онъ обращалъ также особенное вниманіе Гаронской.

О своей жизни онъ также рассказывалъ много, говорилъ, что она очень разсыпанная, что занятый по утрамъ, онъ почти ни одного вечера не проводитъ дома, имѣя весьма хорошій кругъ знакомства,—память нѣкогда блестящей жизни его отца. Собственно, у него только два свободные дня и оставались въ недѣль, да и тѣ онъ занялъ абонементомъ италіанской оперы. Кроме того онъ бывалъ часто во французскомъ театрѣ и изрѣдка въ русскомъ, посѣщалъ клубы, собранія и всевозможныя увеселительныя заведенія. Онъ признавался, что не любилъ вечеровъ, но ѣздилъ на нихъ для того, чтобъ вознаградить себя за нѣсколько лѣтъ лишеній и невозможность посѣщать свой кругъ, покаместъ обдѣлывалъ свои дѣла и устраивалъ свою карьеру. Его самолюбіе удовлетворялось знаками вниманія, оказываемаго ему лицами, которыхъ онъ не уважалъ и которыя не узнавали его, покаместъ онъ не приобрѣлъ возможности снова появляться въ ихъ кругу.

— Я не понимаю, какъ при этомъ образѣ жизни вы попали въ галерею четвертаго яруса? спросила Гаронская на этомъ мѣстѣ его рассказа. Вы компрометируете себя передъ вашими кресельными и бельэтажными знакомыми.

— Я приобрѣлъ въ свѣтъ званіе человека экономнаго, и могу позволить себѣ эту маленькую эксцентричность, надъ которой смѣюсь самъ громче всѣхъ, изъ опасенія, чтобъ не предупредили меня. Въ свѣтъ называютъ меня Гарпагономъ своего рода, и говорятъ, что я далъ себѣ слово скопить точно такое же состояніе, какое потерялъ мой отецъ. Они пожимаютъ плечами, говоря объ этомъ, что не мѣшаетъ имъ однакоже обходиться со мною за это еще съ большимъ уваженіемъ. Само собою разумѣется, что я могъ бы абонировать и кресло въ два цѣлковыхъ, но такое кресло предлагали мнѣ въ последнемъ ряду, такъ я рассчиталъ, что за тѣже деньги могу имѣть мѣсто въ галереѣ но не на одинъ, а на два абонемента. Въ последнемъ ряду кресель мнѣ было бы къ тому же не очень ловко сидѣть, — меня могли бы увидѣть тамъ мои бельэтажные знакомые, какъ вы ихъ называете. Въ первомъ ряду галереи мнѣ гораздо удобнѣе, и здѣсь меня никто не увидитъ, потому что бель-этажъ не поднимаетъ такъ высоко своихъ взглядовъ. Затертый въ девятнадцатомъ ряду кресель, я былъ бы смѣшонъ — здѣсь я только оригиналенъ.

Вѣра Петровна слушала, по-видимому съ удовольствіемъ раз-

сказъ Кметьева; она даже удивилась, что антрактъ такъ скоро прошелъ, и гораздо благосклоннѣе простилась съ нимъ по окончаніи оперы, позволивъ проводить себя до дрожекъ и сказавъ ему въ то время, когда извощикъ трогался съ мѣста:

— До свиданія!

Кметьевъ на радостяхъ далъ три гривенника возницѣ, чуть не шагомъ дотащившему его въ Караванную.

Ш.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

«Лукреція Борджіа.»

Въ теченіе октября новыя знакомые видѣлись восемь разъ въ театрѣ. Кромѣ «Семирамиды» и «Пуританъ», въ это время давали еще «Норму», «Лучію» и «Лукрецію». Въ эти три оперы никакой особенной перемѣны не произошло въ ихъ отношеніяхъ. Они только ближе сошлись, короче узнали другъ друга, сколько можно было узнать во время непродолжительныхъ, отрывочныхъ разговоровъ. Съ каждымъ представленіемъ однакоже разговоры эти дѣлались откровеннѣе, непринужденнѣе, интимнѣе: они касались всего, что только можетъ занимать людей, интересующихся ни одними модами, выигрышемъ въ преферансъ и перемѣнами въ адресъ-календарѣ. Алексѣй Степанычъ былъ образованъ довольно поверхностно; онъ имѣлъ понятіе обо всѣхъ предметахъ науки и искусства, но понятіе весьма не полное, поверхностное, сбивчивое. Въ разговоръ съ подобнымъ ему лицомъ, нахватавшимъ однихъ верхушекъ, онъ могъ даже блеснуть многосторонними познаніями, потому что зналъ немножко побольше этихъ верхушекъ, но въ бесѣдѣ съ Гаронской онъ игралъ не блестящую роль, и ни въ какомъ случаѣ не былъ оракуломъ. О наукахъ они конечно не говорили, но исторію и теорію искусствъ, музыки, живописи, скульптуры, даже архитектуры Гаронская знала гораздо лучше Кметьева, часто ловила его въ непростительныхъ промахахъ и ложныхъ сужденіяхъ. Въ одной литературѣ онъ зналъ и читалъ больше ея, но и тутъ преимущество оставалось за нимъ только по отношенію къ литературѣ современной и французской. Гаронская основательнѣе его изучила литературу

средневѣковую, англійскую и итальянскую, зная хорошо оба эти языка и лучшія произведенія ихъ, съ которыми Кметьевъ былъ знакомъ не вполне и по переводамъ. Исторію литературы, и въ особенности хронологію ея замѣчательныхъ произведеній и писателей, Алексѣй Степанычъ зналъ очень плохо, и въ этомъ случаѣ Гаронская также могла бы давать ему уроки. За то читая всѣхъ современныхъ французскихъ авторовъ и въ особенности романистовъ отъ Поль Феваля до Гондрекюра, отъ Эли Бертъ до госпожи Клемансъ Роберъ, отъ Маркиза Фудрѣ до Маркизы Дашъ, не исключая изъ этого числа болѣе знаменитыхъ или по крайней мѣрѣ болѣе плодовитыхъ писателей, Кметьевъ читалъ все и всѣхъ, и обладая огромной памятью, помнилъ все ихъ произведенія, которыя обыкновенно еще скорѣе забываются, чѣмъ пишутся. Гаронская говорила, что въ этомъ случаѣ хорошая память совершенное несчастье.

Не разъ ловила она своего собесѣдника даже въ плохомъ знаніи исторіи, но не прощая никогда хвастовства или желанія высказаться, она была снисходительна къ откровенному сознанію въ незнаніи, и не ставила себѣ въ особую заслугу превосходства надъ Кметьевымъ. Она говорила, что ей немудрено помнить все эти годы и цифры, что еще не такъ давно давала она уроки даже въ географіи и исторіи, и прекратила ихъ только потому, что занятія эти сдѣлались для нея невыносимо тягостны. Она рѣшительно не понимала, какъ можно долѣе пяти лѣтъ преподавать одинъ и тотъ же предметъ въ томъ же самомъ видѣ и размѣрѣ, и положительно возставала противъ мнѣнія, что у женщины болѣе терпѣнія.

Кметьевъ спрашивалъ: какъ же она учитъ пѣнію? Гаронская отвѣчала, что музыкальная грамматика и азбука гораздо интереснѣе азбуки и грамматики какого-нибудь языка, что впрочемъ ей это можетъ только такъ казаться, потому что она сама страстно любитъ музыку. Она не ручалась, чтобъ музыкальное преподаваніе также не надоѣло ей въ послѣдствіи.

— Когда мнѣ необходимо было жить своимъ трудомъ, говорила она, я долго думала о выборѣ рода занятій. Женскими работами жить трудно; искусство въ этомъ отношеніи сошло уже на степень ремесла, и вознагражденіе за трудъ такъ незначительно. Идти въ гувернантки или компаньонки, съ моими убѣжденіями, съ моимъ характеромъ я не могла. По моему аттестату я имѣла право открыть пансіонъ, но кромѣ необходимыхъ из-

держекъ по первому обзаведенію, на которыя у меня не было средствъ, содержательницей пансіона надо родиться. Не могла я также быть квартирной хозяйкой и готовить столъ для моихъ жильцовъ: на это надобно очень много умѣнья. Пробовала я заниматься переводами для книгопродавцевъ и издателей журналовъ, но книгопродавцы платили мнѣ за листъ перевода дешевле, чѣмъ стоить листъ бумаги, а нѣкоторые платили — обѣщаніемъ заплатить въ послѣдствіи. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я начала давать уроки въ пансіонахъ, по домамъ, и нашла, что это всего лучше и удобнѣе: берешь столько уроковъ, сколько позволяеть время и здоровье, отказываешь очень непонятнымъ ученикамъ или ничего непонимающимъ родителямъ, не связываешь себя часто невозможною обязанности выучить непременно къ такому-то сроку и въ такомъ-то объемъ какому нибудь предмету, не заботишься вдругъ о нѣсколькихъ десяткахъ учениковъ.

Изъ разговора Гаронской Кметьевъ знакомился съ ея оригинальнымъ умомъ, нѣсколько страннымъ характеромъ, не совсемъ обыкновенными понятіями. Все это очень нравилось ему и занимало его. Въ его на половину занятой и на половину разсѣянной жизни онъ не привыкъ уважать женщинъ, и имѣлъ объ нихъ не весьма высокое мнѣніе. Ему нравились многія, но, принявъ за правило: не давать себя увлекаться и не довѣрять своему чувству, онъ не испытывалъ необходимости и возможности любви безнадежной, безсознательной, говорилъ, что такую любовь сочинили литераторы, и что безъ нее также легко можно обойтись, какъ и безъ литераторовъ. Онъ потому, можетъ быть, такъ спокойно отдался чувству, привязывавшему его къ женщинѣ, съ которою такъ странно познакомился, что не считалъ опасными ни это чувство, ни эту женщину.

Трудно было рѣшить: чувствовала ли она къ нему какое нибудь особенное расположеніе. Она то отъ души смѣялась надъ нимъ, то слушала рассказы его съ участіемъ женщины, готовой любить, готовой сочувствовать. Ее занимала его непринужденная, умная, насмѣшливая беседа, въ которой проглядывалъ такъ наивно его ничѣмъ невозмутимый эгоизмъ, его очень высокое понятіе о самомъ себѣ и очень не высокое о другихъ. Чаще всего казалось, что она умѣла бы полюбить, да не могла, тогда какъ онъ могъ бы любить, да не умѣлъ.

«Норму» прослушали они довольно спокойно, не смотря на то, что Гризи была удивительна. Но Гаронская говорила, что она

пятерыхъ своихъ ученицъ заставляетъ играть фантазію Тальберга на мотивы этой оперы, къ тому же Корбари, въ корсетъ и платье со спенсеромъ, въ прическѣ à la Марія Стюартъ, въ серьгахъ съ огромными бургиньонами и со множествомъ браслетовъ на рукахъ, была очень странная Адальгиза, а вмѣсто Гардони, за болѣзней его, пѣль партію Полліона синьоръ Лавіа. Въ «Лучіи» задумчивую невѣсту Эдгарда играла то же апатическая Корбари, а съ мстительнаго брата флегматическій Колетти. Имъ аккомпанировалъ Тальяфико. Гаронская находила, что одинъ Маріо хорошъ въ роли Эдгарда, но что все-таки слушать его тому, кто помнилъ Рубини, было рѣшительно не возможно.

— Вы конечно, не подумаете, говорила она, что я хвалю Рубини только потому, что онъ уже уѣхалъ. — У насъ все толкуютъ также о томъ, что между пѣвцами не должно дѣлать сравненій, это самое ошибочное мнѣніе. Человѣкъ узнаетъ прекрасное чаще всего по сравненію, нежели по безусловному чувству прекраснаго, которое рѣдко въ комъ развивается по вдохновенію. Самое удовольствіе пріобрѣтаетъ цѣну только по сравненію его съ прежними удовольствіями. Мы поминутно сравниваемъ въ жизни одно ощущеніе съ другимъ, одного человѣка съ другимъ. Одинаково нравиться могутъ намъ только лица, возбуждающія въ насъ различныя чувства. Въ одной и той же роли, въ изображеніи одного и того же характера два актера не могутъ быть одинаково хороши. Есть, конечно, люди, для которыхъ сегодняшній обѣдъ всегда лучше вчерашняго, потому что первый уже не существуетъ, а вторымъ все-таки можно насладиться. Но большая часть людей, испытавши однажды прекрасное, не захотятъ уже восхищаться просто хорошимъ. Маріо не виноватъ, что мы прежде его слышали Рубини, но и мы то же въ этомъ не виноваты. Какъ же можно намъ не сравнивать, когда каждый звукъ, каждая нота этой роли напоминаетъ намъ другаго незабвеннаго пѣвца. Мнѣ кажется, что подобныя оперы, въ которыхъ былъ такъ недосыгаемо высокъ Рубини, можно было бы на время оставить и не давать, покаместъ масса публики не забудетъ того, кто некогда такъ сильно волновалъ ее. Забывать мы умѣемъ очень скоро.

Кметьевъ ничего не отвѣчалъ на это. Сказать, что Рубини не приводилъ на него никакого особеннаго впечатлѣнія, было совѣтно, и потому онъ предпочелъ промолчать, надѣясь на старую поговорку, что молчаніе есть знакъ согласія.

Въ «Лукреціи Борджіа» случилось, однакоже съ ними обстоятельство, имѣвшее довольно важныя послѣдствія. Отъ этой оперы Гаронская была въ восторгъ. Ее занимала эта страшная страница изъ частной жизни Италіи XVI вѣка, эта мрачная и вмѣстѣ съ тѣмъ страстная фигура Лукреціи, вызванная изъ гроба французскимъ поэтомъ и не совсѣмъ удачно положенная на музыку итальянскимъ композиторомъ. Кметьевъ не соглашался съ соседкою на счетъ достоинства этой оперы и находилъ, что все эти маски, гондолы, брави, таинственные синьоры и мстительныя синьоринны, эти отравленія поодиоцкѣ и гуртомъ, — все очень неестественно и не очень интересно.

— Васъ мало занимаетъ эта эпоха, потому что вы мало знакомы съ исторіею средневѣковой Италіи, говорила Гаронская. Все происходило почти такъ, какъ описалъ Гюго. Не могъ же онъ для вашего удовольствія заставить выпить бѣднаго Дженаро лимонадъ, вмѣсто извѣстнаго яда Борджіевъ.

— Не знаю, можетъ быть, сюжетъ и хорошъ, но въ такомъ случаѣ его испортила музыка, отвѣчалъ Кметьевъ, потому что оперу все-таки скучно слушать.

— За музыку я не заступаюсь, она дѣйствительно слаба, хоть и въ ней есть хорошіе нумера.

— Напримѣръ, застольная пѣсенка Орсини, прервалъ Кметьевъ.

— Вамъ всегда больше всего понравится плясовой мотивъ. Это очень миленькій вальсъ — и больше ничего.

— Кромъ музыки, въ этой пѣснѣ прекрасныя слова. Я очень люблю ее и часто пою.

— По-итальянски? спросила насмѣшливо Гаронская.

— Нѣтъ, по-русски. Развѣ вы не знаете ея перевода и очень близкаго?

— Не вы ли переводили?

— Избави Богъ! Во всю жизнь свою я написалъ только одни стихи. Мнѣ былъ тогда восьмой годъ, и стихи были такъ плохи, что меня за нихъ высѣкли. Но я до сихъ поръ вспоминаю съ благодарностью объ этомъ наказаніи; безъ него я получилъ бы, можетъ быть, дурную привычку молодости: сочиненіе стиховъ, которою, по несчастію, заражены многіе весьма порядочные люди, и одинъ изъ нихъ, мой пріятель, перевелъ, ужъ за одно съ прочими грѣхами, и эту пѣсню. Какъ ни плоха у меня память на стихи, но я скоро заучилъ ихъ. Послушайте и скажите мнѣ, вѣрно ли переведено.

И Кметьевъ принявъ ораторскій видъ—продекламировалъ :

Кто на свѣтъ быть счастливымъ хочеть,
Тотъ пускай не о чемъ не хлопочеть.
Всѣхъ заботъ сбросивъ тяжкое бремя,
Днемъ и ночью, во всякое время, —
Пей и смѣйся, тотъ даромъ жизнь губить,
Кто не любить, не весель, не пьеть!
Станемъ пить и любить! Кто не любить,
Кто не пьеть, тотъ, друзья, не живеть.

— Un'altra strofa, Orsino! сказала Гаронская, видя, что онъ остановился. Кметьевъ продолжалъ :

Наша молодость быстро промчится,
Торопитеесь же ею, унитесь!
Съ полнымъ кубкомъ, безъ горя и съ милой
Мы спокойны надъ самой могилой.
Пей и смѣйся! Тотъ даромъ жизнь губить,
Кто не любить, не весель, не пьеть.
Станемъ пить и любить! Кто не любить,
Кто не пьеть — тотъ, друзья, не живеть.

Последніе стихи Кметьевъ повторилъ съ особеннымъ одушевленіемъ. Гаронская сказала ему съ улыбкой :

— Вамъ болѣе всего, вѣроятно, нравится философія этой пѣсни ?

— Конечно, отвѣчалъ онъ. Въ нашей жизни любовь и вино—главныя удовольствія.

— Любовь, положимъ, объ ней толкуютъ уже столько людей и столько вѣковъ, что инаго, пожалуй, иубѣдять въ томъ, что любовь — величайшее наслажденіе въ жизни; но пора бы перестать поэтамъ воспѣвать дары Бахуса, какъ называютъ вино старые риторики. Право, чтобъ находить удовольствіе въ пьянствѣ, надобно быть не человекомъ, и если пьяница можетъ еще любить, то врядъ ли кто нибудь можетъ полюбить пьяницу.

— Зачѣмъ вы берете крайности? Пить не значитъ еще напиваться. Но даже и последнее средство, не лучшее ли оно лекарство отъ несчастной любви?

— Даже и для женщины? спросила съ горькою улыбкой Гаронская.

Кметьевъ не нашелся, что отвѣчать на это, и вздумалъ отдѣлаться не совсемъ логичнымъ афоризмомъ.

— Женщины такъ рѣдко бываютъ несчастливы въ любви... началъ онъ и остановился въ удивленіи, такъ въ одно мгновеніе измѣнилась въ лицѣ Гарюнская. Она страшно поблѣднѣла, губы ея задрожали, глаза заблестѣли; голосомъ, прерывающимся отъ волненія, она отвѣчала только два слова:

— Вы думаете?

Въ этихъ словахъ было столько глубокой, тяжелой грусти, прони, даже отчаянія, что Кметьевъ испугался за нее, и вскричалъ съ непритворнымъ участіемъ:

— Вѣра Петровна! что съ вами?

Она въ минуту посмотрѣла на него въ недоумѣніи, какъ будто непонимая, о чемъ ее спрашиваютъ, потомъ приложила къ губамъ платокъ, подавила въ груди тяжелый вздохъ и сказала съ прежнимъ спокойнымъ выраженіемъ въ лицѣ:

— Мнѣ что-то нездоровится... Къ тому же вы заговорили о несчастномъ пороку... о страсти къ вину, а одинъ изъ близкихъ мнѣ людей былъ преданъ этому пороку, и воспоминаніе объ этомъ подѣйствовало на меня очень тяжело... Не возобновляйте, прошу васъ, подобнаго разговора.

Разговоръ этотъ оставилъ въ ней все таки сильное впечатлѣніе. Въсь третій актъ она сидѣла скучная, задумчивая, и не говорила ни слова съ соседомъ. На досугъ онъ имѣлъ время передумать о томъ, что съ нею случилось.

— Что бы означала эта странная перемѣна? разсуждалъ онъ самъ съ собою. Она говорила, что я напомнилъ о близкомъ ей пьяницѣ, и говорила объ этомъ съ непритворною грустью... Къ тому же я не замѣчалъ, чтобы она когда нибудь высказывала мнѣ не правду... И все-таки она измѣнилась потомъ уже, когда я заговорилъ о несчастной любви... Развѣ она испытала ее?.. Надобно убѣдиться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что очень интересно будетъ поговорить съ нею вообще о любви. Это чуть ли не единственный предметъ, о которомъ мы еще не бесѣдовали, и сколько я могъ замѣтить, она избѣгала бесѣды объ этомъ пріятномъ, хоть и щекотливомъ предметѣ... Во что бы то ни стало, а я заведу разговоръ объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ... А это отчасти хорошо, что она любила несчастливо; значитъ, для нея остается въ любви еще неизвѣданная сторона

въ ней она можетъ испытать радости. Дурно только, если ее обмануль какой нибудь.. Надо узнать все это, непременно.

И принявъ такое твердое намѣреніе, Кметьевъ самъ успокоился и началъ пристально наблюдать за Гаронской. Вскорѣ онъ убѣдился въ томъ, что у нея должна быть печаль, и печаль сердечная. Каждое мѣсто оперы, въ которомъ былъ малѣйшій намекъ на страданія отвергнутой любви, производилъ на нее если не сильное, то замѣтное впечатлѣніе. Онъ припомнилъ, что въ «Нормѣ» и «Пуританкахъ» сильнѣе всего дѣйствовали на нее мѣста, въ которыхъ друидесса упрекаетъ въ обманъ римскаго Донъ-Жуана, или помѣшанная Эльвира оплакиваетъ мнимую измену своего Артура. По всемъ признакамъ, Кметьевъ убѣдился, что въ жизни Гаронской было какое нибудь происшествіе, въ которомъ она играла хотя отчасти роль Нормы или Эльвиры. Оставалось только узнать подробности этой житейской оперы, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, разъяснить эту темную страницу исторіи Вѣры Петровны.

По этому онъ очень обрадовался, увидѣвъ на слѣдующей же недѣль, въ первыхъ числахъ ноября, на афишѣ «Линду». Въ этой оперѣ героиня также сходитъ съ ума, какъ въ «Пуританкахъ», какъ въ «Лучии», какъ въ сотнѣ другихъ итальянскихъ оперъ, оттого что ее покидаетъ возлюбленный. Это обстоятельство представляло весьма удобный случай наблюдать еще внимательнѣе за Гаронской, и можетъ быть, заставить ее рассказать или по крайней мѣрѣ проговориться о томъ, что такъ занимало Кметьева. А что это очень занимало его, онъ не могъ уже болѣе сомнѣваться въ этомъ и объяснялъ это оригинальностью ихъ знакомства, скукой слушать инныя оперы и удовольствіемъ бесѣдовать съ умною женщиной. Онъ сознавался самому себѣ въ томъ, что она ему нравится, но не выводилъ изъ этого ни какихъ заключеній, неимѣлъ никакой особенной цѣли въ этомъ знакомствѣ, кромѣ того, чтобы пріятно провести время. Ему, конечно, было пріятно думать, что и онъ могъ также ей понравиться, но самолюбіе не ослѣпляло его до того, чтобъ онъ сталъ увѣрять себя въ этомъ, и если изрѣдка поднимались въ его воображеніи какіе-то темные замыслы, то онъ не придавалъ имъ никакого особеннаго значенія, невидя вообще ничего серьезнаго въ своихъ отношеніяхъ къ Гаронской.

Въ день представленія «Линды» онъ отправился въ театръ съ надеждою, что этотъ вечеръ объяснитъ ему многое, но надежды

его были обмануты самымъ жестокииъ и неожиданныиъ образомъ: Гаронской въ театрѣ небыло. Мѣсто ея оставалось пустымъ во все продолженіе спектакля.

Если бы спросили Кметьева: кто въ этотъ день игралъ Линду: Фреңцоллини, или Тамбурини—онъ не могъ бы сказать этого навѣрное. Проведя все представленіе въ лихорадочномъ состояніи, онъ вернулся домой въ досадѣ на весь свѣтъ и за одно ужъ на самого себя. Продумавъ всю ночь о томъ, что могло помѣшать Гаронской быть въ театрѣ, онъ поутру нашель, что думать объ этомъ очень глупо, и считая себя нездоровымъ, рѣшился искать больше развлеченій и чаще ѣздить въ театры и собранія.

Это не помѣшало ему однакоже на слѣдующее представленіе «Линды» быть опять въ театрѣ. Всю дорогу отъ Караванной до Большаго Театра онъ сердился на самого себя за то, что не могъ побѣдить въ себѣ волненія и подавить сильное бѣненіе сердца. Входя въ галерею, онъ покраснѣль отъ удовольствія, увидя, что мѣсто Гаронской занято, но въ ту же секунду стиснулъ съ досадою зубы, потому что дама, сидѣвшая на этомъ мѣстѣ, была вовсе незнакома ему.

Весь первый актъ онъ разглядывалъ съ самымъ злымъ вниманіемъ свою новую соседку, нашель ее и старую, и дурную, и смѣшную; въ немъ кипѣло сильное желаніе затѣять съ нею ссору, наказать ей колкостей и дерзостей, но все это исчезло при мысли: можетъ быть, она дастъ мнѣ какія нибудь свѣдѣнія о Гаронской.

И принявъ самый любезный видъ, онъ сказалъ, чуть не съ вѣжностью, наклоняясь къ своей соседкѣ, во время антракта:

— Позвольте узнать, вамъ вѣроятно передали это мѣсто: оно абонировано одною дамою, которая до сихъ поръ не пропускала ни одного представленія.

— Да, я получила его отъ Вѣры Петровны Гаронской. отвѣчала соседка.

— Вы знаете ее? вскричалъ Кметьевъ въ волненіи.

— Мы были подругами еще въ пансіонѣ, и вышли въ одинъ годъ съ нею.

— Я также давно знаю Вѣру Петровну и принимаю въ ней самое искреннее участіе; по этому меня сильно обезпокоило то, что ее не видно уже второй день въ оперѣ. Скажите, что съ нею? не больна ли она?

— Не думаю. Вчера я получила записку, въ которой она предлагала мнѣ свой билетъ на сегодняшнее представленіе; я ѣздила сегодня поутру благодарить ее, но не застала дома.

— И вы точно увѣрены, что съ нею ничего не случилось?

— Чтоже можетъ случиться въ ея спокойной, однообразной жизни? Нѣсколько лишнихъ часовъ занятія, которое верно и помѣшало ей быть въ оперѣ.

Кметьевъ раздумалъ на минуту, но потомъ сталъ продолжать разговоръ съ соседкой, былъ необыкновенно веселъ, остроуменъ и любезенъ, говорилъ очень умно о музыкѣ, о театрѣ, о пѣніи, объ искусствѣ, старался всеми силами приобрести благосклонность соседки, и повидимому успѣлъ въ этомъ. Въ продолженіе втораго акта, онъ пользовался каждою свободною минутою, чтобы еще болѣе расположить ее въ свою пользу и, наконецъ, въ антрактъ между вторымъ и третьимъ дѣйствіями, свелъ искусно разговоръ на Гаронскую и началъ разспрашивать объ ней ея подругу.

Свѣдѣнія, собранныя имъ о Вѣрѣ Петровнѣ, были однакоже не очень богаты: онъ узналъ прежде всего, что у нея много занятій, что она очень любитъ свою мать, старуху, постоянно больную и порядочно капризную, исполняетъ все ея желанія и ходитъ за нею какъ за ребенкомъ; что у нея есть сестра замужемъ за чиновникомъ, служащимъ въ одной изъ отдаленныхъ губерній, и много родныхъ въ Петербургѣ, но съ которыми она не видится въ слѣдствіе какихъ-то семейныхъ неудовольствій. О характерѣ ея онъ узналъ только, что она горда, довольно холодна, не прощаетъ дурныхъ поступковъ, но не забываетъ и хорошихъ, и готова всегда оказать услугу; но не потребуетъ ея ни отъ кого. Отецъ ея былъ человекъ съ состояніемъ, но подъ конецъ жизни, въ слѣдствіе какихъ-то семейныхъ огорченій, впалъ въ глубокую меланхолію и потомъ захворалъ страшною болѣзнію, отъ которой умеръ въ жестокихъ мученіяхъ.

— Да, это точно ужасная болѣзнь, замѣтилъ Кметьевъ въ этомъ мѣстѣ разказа: особенно если человекъ самъ понимаетъ все свое нравственное униженіе и чувствуетъ, что падая морально, онъ въ тоже время убиваетъ себя физически. Подобныя слабости не рѣдко оканчиваются самовозгораніемъ.

— Развѣ вамъ и это разказала Гаронская? спросила соседка съ удивленіемъ.

— Для человека, который такъ привязанъ къ Вѣрѣ Петровнѣ, не можетъ быть тайной ея жизнь, отвѣчалъ Кметьевъ уклон-

чиво, но съ чувствомъ, радуясь въ тоже время, что успѣлъ угадать одно обстоятельство въ жизни Гаронской. Болѣзнь отца объясняетъ отчасти ея скромную жизнь и нелюбовь свѣтскихъ удовольствій; но вы не упомянули о главной причинѣ ея холодности и недоверчивости къ людямъ, ея задумчивости и даже печали, объ этомъ случаѣ, который имѣлъ такое сильное вліяніе на ея жизнь.

— Я не понимаю, о какомъ случаѣ вы говорите, сказала соседка.

Кметьева озадачила этотъ отвѣтъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ съ нею не было никакого случая? подумала она. Надо непременно убедиться въ этомъ.

И она шепнулъ тихимъ и таинственнымъ тономъ:

— Я говорю о происшествіи съ Вѣрой Петровной, похожемъ нѣсколько на сюжетъ оперы, которую даютъ сегодня.

Соседка немножко смутилась и сказала:

— Вы и это знаете?

— Знаю! отвѣчала торжественно Кметьева, и сердце его сжалось отъ любопытства и досады, что подозрѣнія его оправдались.

— Почему же вы, въ такомъ случаѣ удивились, что Вѣра не пріѣхала въ оперу, спросила подозрительно соседка. Вы знаете, что она не любитъ ничего, чтобы хоть нѣсколько напоминало ей ея исторію.

— Я думала, что она найдетъ въ себѣ столько твердости характера, чтобы побѣдить наконецъ слабость духа и спокойно перенести тяжелое напоминаніе.

— Зная, какъ оно тяжело, зачѣмъ было требовать, чтобы я говорила вамъ объ немъ? сказала соседка, пристально глядя на Кметьеву.

— Я бы попросилъ васъ даже подробно рассказать эту исторію, отвѣчала она совершенно хладнокровно. Мнѣ было бы очень любопытно узнать, какъ судятъ и рассказываютъ объ ней другіе и въ особенности, какое мнѣніе имѣетъ свѣтъ о герояхъ исторіи. Вы понимаете, что зная все, что касается собственно до Вѣры Петровны, я въ тоже время очень мало знаю объ немъ. Настоящій характеръ этого лица долженъ быть гораздо яснѣе для постороннихъ, нежели для дѣйствующихъ лицъ романа.

— Я сама немного знаю объ немъ, отвѣчала подумавши соседка, хотъ и видѣла его довольно часто, когда онъ былъ жени-

хомъ Вѣры. Правда, объ немъ и прежде ходили дурные слухи, но онъ умѣлъ такъ овладѣть ея довѣренностью, что она почитала его образцомъ честности и благородства. Но если бы его и точно все считали такимъ, развѣ послѣдній поступокъ его недоказывалъ всей его низости?

— Конечно, отвѣчалъ важно Кметьевъ. Но все ли знали объ этомъ поступкѣ и видѣли его въ настоящемъ свѣтѣ?

— Въ послѣднемъ письмѣ, онъ, правда, не говорилъ ни слова о брилліантахъ, и упоминалъ только, что пришлетъ все полученное некогда въ знакъ любви и памяти, прося въ тоже время возвращенія всѣхъ его подарковъ и называя ихъ поименно, даже до послѣдней присланной имъ пары перчатокъ. Но вѣдь все родные и знакомые знали, что онъ взялъ у своей невесты единственное приданое ея, брилліанты матери, послѣдній остатокъ прежняго ихъ богатства, чтобъ новою оправой увеличить еще болѣе ихъ цѣнность.

Сосѣдка остановилась. Кметьевъ бояся прямыми распросами открыть, что ему совершенно неизвѣстна эта исторія, началъ выпытывать ея продолженіе прежнимъ дипломатическимъ образомъ.

— Я слышала, что брилліанты эти стоили до двухъ тысячъ серебромъ.

— Они стоили до десяти, отвѣчала сосѣдка. Ювелиръ, которому онъ ихъ продалъ за восемь, самъ сознался потомъ, что въ новой оправѣ уступилъ ихъ за тринадцать.

Кметьевъ остолбенѣлъ при этихъ словахъ. Онъ ждалъ только обмана, но не кражи.

— Но онъ все-таки прислалъ за нихъ деньги, когда разстроилась свадьба. Такъ, по крайней-мѣрѣ, я слышала, прибавилъ онъ, все еще не вѣря, чтобъ можно было поступить такимъ образомомъ.

— Прислалъ деньги! вскричала съ жаромъ сосѣдка. Кто же можетъ утверждать подобную нелепость. Человѣкъ, который бывши годъ женихомъ и откладывая подъ разными предлогами свадьбу, написалъ наконецъ прямо своей невестѣ, что удивляется, какъ она не поняла его желанія и сама отъ него не отказалась, что онъ просто ошибся въ расчетъ и надѣялся на большое приданое; этотъ человѣкъ могъ возвратитъ деньги за украденные имъ брилліанты? да надобно быть или идиотомъ, или раздѣлять его правила, чтобъ сказать это.

Сосѣдка говорила съ такимъ жаромъ, что на нее стали даже довольно явно негодовать нѣкоторые дилетанты въ галереѣ, которымъ она мѣшала слушать третій актъ Линды. Она и сама вскорѣ замѣтила это, и не говорила уже болѣе ничего до конца оперы. Кметьевъ и не спрашивалъ ее болѣе. Онъ узналъ довольно.

—

IV.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

« Севильскій цирюльникъ. »

Послѣ Линды давали Графа Ори. Вѣра Петровна не явилась и на это представленіе. Это уже начало сильно беспокоитъ Кметьева, какъ ни старался онъ разсѣяться, выѣзжая рѣшительно каждый вечеръ.

Увидя вслѣдъ затѣмъ на афишѣ Севильскаго цирюльника, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ она вѣрно будетъ въ театрѣ: не видѣть какъ Гризи будетъ играть Розину послѣ Семирамиды, было бы непростительно.

Онъ не ошибся; Гаронская дѣйствительно пріѣхала слушать цирюльника. Кметьевъ встрѣтилъ ее съ такою радостью, что изъ явленіемъ этой радости могла бы тронуться всякая, даже вовсе несамолюбивая женщина, но Вѣра Петровна приняла ее сухо, даже холодно.

Это видимо огорчило его; самолюбіе его было также затрунуто, и онъ рѣшился скрывать свои чувства, быть сколько можно равнодушнымъ и даже насмѣшливымъ. Поэтому онъ довольно спокойно спросилъ ее, какія важныя занятія могли ей помѣшать столько времени слушать оперу? Она отвѣчала уклончиво, что у нее скончилось къ этому времени много срочныхъ дѣлъ, которыя необходимо было окончить.

— Скажи эту фразу я, и вы непременно бы улыбнулись. Я несмѣю сдѣлать тоже, слыша ее отъ васъ.

— Потому что я не вы?

— Или потому, что вы женщина.

— Кажется, вы говорите что-то не совсѣмъ учтивое.

— Правда всегда бываетъ жестка.

— Такъ вы полагаете, что я сказала неправду?

— Я не говорю этого.

— Значить, думаете? А позвольте узнать съ какою целью, по вашему мнѣнію, я взяла бы на себя трудъ скрываться передъ вами? Развѣ не могла я отвѣчать на вашъ вопросъ просто: мнѣ такъ хотѣлось, пли даже вовсе не отвѣчать. Надѣюсь, что вы не сочли бы себя въ правѣ требовать у меня настоятельно отвѣта?

— Поэтому-то я удивляюсь, отчего вы не выбрали простаго молчанія.

— Вы однако же настойчивы!

— Скажите просто: упрямя. Я сознаю мою слабость и не выдаю ее покрайней-мѣрѣ за твердость характера.

Оба замолчали, недовольные другъ другомъ. Гаронская не ожидала такого страннаго оборота разговора. Кметьевъ, сердясь на нее, былъ готовъ на всю колкости. Даже удивительная увертюра оперы не смягчила его. Сама Гаронская прослушала ее не съ тѣмъ вниманіемъ, какого надо было ожидать отъ такой музыкантши. Тоже было съ нею и во все продолженіе первой половины акта, во время дѣйствія на улицѣ. — Кметьевъ, на оборотъ, казалось, слушалъ съ большимъ удовольствіемъ.

Видя, что онъ упорно молчитъ, она сама начала разговоръ во время перемѣны декораций.

— Вы такъ углубились въ эту музыку. Это вѣроятно ваша любимая опера?

— Отчего вы это думаете?

— Оттого, что она похожа на водевиль.

Кметьевъ нисколько не смутился при этой маленькой дерзости и отвѣчалъ очень спокойно:

— Вы правы: и въ жизни, и на театрѣ я люблю больше сцены веселья, чѣмъ трагическія. Тѣмъ болѣе я не хотѣлъ бы ни за что быть героемъ какой-нибудь драмы съ измѣнами и похищеніями. Впрочемъ, вы не совсемъ угадали мой вкусъ. Еще больше «Севильскаго цирюльника» я люблю — «Линду».

Гаронская поблѣднѣла и вздрогнула. Кметьевъ въ ту же минуту почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и сказалъ, смягчивъ тонъ, стараясь загладить неприятное впечатлѣніе, произведенное его послѣдними словами:

— На мои сужденія въ музыкѣ не должно, конечно, полагаться. Я самъ знаю, что я профанъ въ этомъ искусствѣ и не умѣю отличить фальшивой ноты отъ вѣрной. Вы одинъ раскрыли

предо мною нѣсколько тайны гармоніи. Безъ васъ я какъ-то плохо слушалъ оперу, и находилъ гораздо болѣе удовольствія въ посѣщеніи другихъ театровъ и зрѣлищъ. Мнѣ кажется, что никогда въ Петербургѣ не было столько знаменитостей и столько развлеченій во всѣхъ родахъ. Въ самое короткое время я видѣлъ выставку въ нашей академіи художествъ: удивительныя произведенія Федотова, картины Гюета, Далилу, Андрея Первозваннаго; въ театрахъ видѣлъ Фанни Эльснеръ въ Лизъ и Коленъ, у французовъ Аллана и мамзель Дажье, которую тоже можно отнести къ знаменитостямъ, если не по таланту, то по плечамъ; наконецъ на Александринскомъ театрѣ смотрѣлъ Щепкина въ Москаль Чаровникъ.

И Кметьевъ началъ распространяться о петербургскихъ новостяхъ, говорилъ умно и занимательно обо всемъ, даже о погодѣ, и о томъ, что одиннадцатаго ноября было пять градусовъ тепла, двѣнадцатаго десять мороза, а тринадцатаго пятнадцать, въ то время, когда на улицахъ не было ни снѣжинки. Но все это, даже погода, не привлекло вниманія Вѣры Петровны, не разсвѣяло ея задумчивости. Онъ и самъ понималъ, что теперь гораздо болѣе причины сердиться на него, и видя, что она сидитъ неподвижно, повидимому не слушая ни одного слова изъ того, что ей говорятъ, онъ рѣшился прекратить чѣмъ-нибудь это тягостное положеніе, и дождавшись антракта, сказалъ вдругъ неожиданно, но съ глубокимъ чувствомъ, наклонясь къ самому уху сосѣдки:

— Вѣра Петровна! Я виноватъ передъ вами. Простите меня!

Она быстро повернулась къ нему и отвѣчала насмѣшливо:

— Что съ вами дѣлается? Что за фразы? Въ чемъ вы можете быть виноваты передо мною?

— Вы очень хорошо знаете, что я оскорбилъ васъ, напомнивъ вамъ объ этой несчастной оперѣ. Не оправданіемъ, а только нѣкоторымъ извиненіемъ мнѣ служить то, что послѣ двухнедельнаго отсутствія вы встрѣтили меня такъ равнодушно, такъ убійственно холодно, тогда какъ я, беспокоясь объ васъ, готовъ былъ сдѣлать Богъ знаетъ какія глупости. Узнавъ въ адресномъ столѣ, гдѣ вы живете, я три раза подъѣзжалъ къ дверямъ вашей квартиры, но не смѣлъ явиться къ вамъ, боясь еще болѣе разсердить васъ.

— Вы видите, сержусь ли я, отвѣчала Гаронская спокойнымъ тономъ, хотя легкая краска покрыла ея щеки; но согласитесь,

что послѣ подобныхъ признаній, каждая женщина, сколько-нибудь уважающая себя, обязана прекратить всѣ сношенія съ человекомъ, рѣшающимся безъ ея позволенія преслѣдовать ее своимъ знакомствомъ. И еще этотъ человекъ выпытываетъ водевильными средствами у подружки оскорбленной имъ женщины ея тайну, колетъ ее этою тайною, узнавшаю обманомъ, и потомъ удивляется, что его не благодарятъ за это, не радуются встрѣчъ съ нимъ. Скажите пожалуйста, за кого вы меня принимаете, чего вы отъ меня хотите?

И Гаронская, повернувшись лицомъ къ сосѣду, смотрѣла на него прямо пылающими глазами. Лице ея, одушевленное гордостью, оскорбленнымъ самолюбіемъ, сознаниемъ собственного достоинства, было такъ хорошо въ эту минуту, что Кметьевъ долго не могъ отвести отъ нея глазъ и, любуясь ею, сказалъ голосомъ, полнымъ чувства и волненія.

— Вы несправедливы, вы жестоки ко мнѣ, Вѣра Петровна. Увлеченные какимъ-то непонятнымъ ослѣпленіемъ, вы приписываете поступки мои вовсе не тому чувству, которое руководило ими. Развѣ мои отношенія къ вамъ не были самыя почтительныя въ продолженіе всего этого времени? Развѣ я позволилъ себѣ хоть одно слово, хоть одинъ намекъ, которые бы доказывали неуваженіе къ вамъ? Сознайтесь сами, что въ теченіе пяти недѣль нашего знакомства, сношенія наши были самыя дружескія, самыя откровенныя. Отчего же вы хотите, чтобъ человекъ, котораго вы почтили вашимъ вниманіемъ, вашимъ расположеніемъ, не вида васъ двѣ недѣли, не сталъ беспокоиться о вашемъ отсутствіи, не захотѣлъ наконецъ узнать, живы ли, здоровы ли вы? Неужели вы находите страннымъ, что встрѣтятся съ вашею подругой, человекъ этотъ заговорилъ съ нею объ васъ? Развѣ нельзя простить ему маленькую хитрость, употребленную имъ для того, чтобъ узнать исторію женщины, въ которой онъ принималъ самое искреннее, самое горячее участіе? Эта же подруга можетъ сказать вамъ, хвасталъ ли я передъ нею вашею откровенностью со мною, говорилъ ли хоть одно слово, которое могло бы представить отношенія наши не въ настоящемъ ихъ видѣ. Повторяю вамъ, что я считаю себя виноватымъ только въ одномъ неосторожномъ намекѣ на вашу тайну; но неужели вы думаете, что я сдѣлалъ бы этотъ намекъ теперь, когда опасеніе потерять васъ навсегда раскрыло мнѣ мои настоящія чувства, объяснило то, что я только подозрѣвалъ до этого времени?

Кметьевъ говорилъ съ жаромъ, съ чувствомъ, очевидно подѣйствовавшимъ на Гаронскую. Она слушала его не прерывая, опустивъ глаза, и только при послѣднихъ словахъ сдѣлала быстрое движеніе и сказала тихо и отрывисто:

— Я, можетъ быть, точно несправедлива къ вамъ: но зная мою исторію, вы должны понимать, что я имѣю причины быть подозрительной и не доверять всему, что мнѣ говорятъ.

— Я и не требую, чтобъ вы тотчасъ же повѣрили искренности моихъ словъ. Испытайте меня, разберите всѣ мои слова, взвѣсьте всѣ мои поступки, попробуйте найти въ нихъ какую-нибудь заднюю мысль, и вы убедитесь если не теперь, то скоро, что моя привязанность къ вамъ самая безкорыстная, самая искренняя.

— Я не должна ни требовать, ни искать ни чьей привязанности, отвѣчала глухо но твердо Гаронская, потому что не могу отвѣчать на нее. Сердце мое давно умерло. Я не могу, если бъ и хотѣла, возбудить въ немъ участія къ кому бы то ни было.

Позвольте мнѣ не вѣрить смерти вашего сердца и думать, что оно находится только въ летаргій, отъ которой можетъ пробудить его другое, сильное чувство. Съ нашими ограниченными понятіями какъ-то не соединяется мысль о безграничномъ отчаяніи. Въ постоянно-измѣняющемся человѣкѣ не можетъ быть вѣчной тоски. Вы еще такъ молоды...

— Мнѣ тридцать три года, прервала Гаронская.

— Не годы стѣряютъ человѣка, а несчастія. Вы перенесли въ жизни, конечно, тяжелое испытаніе, но впереди васъ ждетъ еще многое. Одно разочарованіе не исчерпываетъ всей жизни; чувства могутъ отъ него закалиться, но не окаменѣть. Счастіе не такъ обыкновенно, чтобъ его можно было найти съ перваго шага. До него надо дойти цѣлью ошибокъ, обманываться не разъ. Какъ вдохновеніе, оно сходитъ къ немногимъ баловнямъ судьбы; обыкновенные люди должны дойти до него опытомъ, должны учиться быть счастливыми.

— Но если я не вижу счастья въ томъ, чтобъ вторично испытать всѣ волненія чувства, которое однажды такъ жестоко меня обмануло?

— Вы клевете на себя, вскричалъ съ увлеченіемъ Кметьевъ. Что можетъ быть въ жизни выше счастья... не говорю уже любить, но быть любимой, знать что другой живетъ моею жизнью, чувствуетъ моимъ сердцемъ, часто даже мыслитъ моимъ умомъ,

раздѣляетъ мои радости и страданія? Эта двойственная жизнь не составляетъ ли завѣтной, лучшей мечты каждаго изъ насъ. Я готовъ даже допустить, что теперь сердце ваше еще такъ полно былою горестью, что въ немъ нѣтъ мѣста другому чувству, но рано или поздно истинная привязанность найдетъ въ васъ отзывъ. Не признавайте даже и этого, но и въ такомъ случаѣ не убивайте въ другихъ привязанности холоднымъ равнодушіемъ. Зачѣмъ вы сами хотите оттолкнуть участіе, не требующее отъ васъ никакихъ жертвъ, никакихъ стѣсненій, не ожидающее даже взаимности? Встрѣтить подобное участіе легко, но еще легче потерять его отъ неумѣстной строгости и ложнаго пуританизма, и вы тогда будете вполне несчастны, потому что сами лишите себя возможности быть счастливой.

Онъ остановился, смотря на нее внимательно, какъ будто желая по лицу ея угадать, какое впечатлѣніе сдѣлаютъ слова его на ея сердце. Она сидѣла неподвижно, глядя въ землю, только дыханіе ея было прерывистое и чаще обыкновеннаго. Видя, что онъ ожидаетъ отвѣта, она сказала наконецъ голосомъ, въ которомъ уже не было прежняго спокойствія:

— Вы упрекаете меня въ излишней холодности и разсудительности. Я съ своей стороны могла бы сдѣлать вамъ упрекъ въ восторженности и идеализаціи. Кто бываетъ чаще правъ въ жизни: разсудокъ или сердце — это еще вопросъ не разрѣшенный. Борьба опыта съ мечтами, врядъ ли скоро окончится, а примириться они не могутъ, какъ ни стараются объ этомъ эклектики, приверженцы всевозможныхъ партій сліянія. Если вы правы въ томъ, что не следуетъ отвергать искренней привязанности, я права въ томъ, что не следуетъ всякую привязанность считать искреннею. Я сама не виновата въ томъ, что не могу повѣрить безкорыстности вашего участія; мнѣ кажется, что оно слишкомъ скоро развилось, чтобъ быть твердымъ и истиннымъ. Не обвиняйте меня въ томъ, и дайте времени заставить меня раскаяваться въ моей недоувѣрчивости. Я согласна признать, что ваше расположеніе ко мнѣ безкорыстно, но оставьте меня убѣдиться въ томъ, что это не пустая прихоть, развившаяся случайно отъ разныхъ обстоятельствъ, отъ нечего дѣлать. Я беру назадъ все мои подозрѣнія, все что могло оскорбить васъ въ моихъ словахъ, но прошу васъ остаться со мною въ прежнихъ отношеніяхъ добраго знакомаго, не идеализируя вашего расположенія ко мнѣ, не подвергая анализу нашихъ чувствъ. Оставимъ пѣхъ на свободѣ

развиваться, укрѣпляться или ослабѣвать. Время покажетъ, что въ нихъ было истиннаго, и что ложнаго. Экзальтація можетъ опозитизировать все, что угодно въ данное время, но развѣ не рѣдко приходится платить годами раскаянія за минуту увлеченія. Есть слова, которыя по обширности и многосторонности ихъ значенія, каждый понимаетъ по-своему. Приятно ли только потому, когда уже произнесено это слово, догадаться, что его совершенно различно понимали оба лица, неразрывно связанные этимъ словомъ? Человѣкъ такъ склоненъ къ діалектикѣ, что если начать разбирать и развивать свои чувства, отыскивая ихъ побужденія и причины, то можетъ увѣрить себя въ чемъ ему угодно. Общайтесь же мнѣ впередъ не заводите подобныхъ отвлеченныхъ разговоровъ, въ которыхъ почти каждому понятію можно дать какое угодно значеніе, смотря по вдохновенію, и будемъ по-прежнему дружески толковать обо всемъ, что происходитъ вокругъ насъ, оставя изслѣдованія того, что внутри насъ до болѣе удобныхъ обстоятельствъ. Согласны ли вы на это?

— Въ васъ столько теплой, сердечной доброты, что она извиняетъ вполне вашъ паракдоксальный скептическій умъ. Надѣясь вполне, что борьба этихъ двухъ враждебныхъ элементовъ окончится въ пользу перваго, я принимаю ваши условія и даю торжественное обѣщаніе не возвращаться болѣе къ области спорныхъ идей, а оставаться, напротивъ, въ границахъ самыхъ положительныхъ фактовъ. Такъ ли и достаточно ли философски объяснилъ я наши будущія отношенія?

— Совершенно такъ, отвѣчала Гаронская, весело улыбаясь. Я женщина положительная, какъ вы могли уже догадаться объ этомъ, и предпочитаю ясный, всѣдневный фактъ всякой идеѣ, обещающей можетъ быть блистательное развитіе въ будущемъ. Теперь забудемъ объ этомъ разговоръ...

— Напротивъ, я всегда буду помнить объ немъ, потому что онъ оставилъ мнѣ надежду, прервалъ Кметьевъ, совершенно довольный и счастливый.

— Не могу вамъ запретить помнить, но не забудьте, что вы обѣщали не напоминать мнѣ объ этомъ. А теперь пора намъ слушать оперу: видите, Гризи собирается пѣть вставную арію, и сосѣди начинаютъ посматривать на насъ съ неудовольствіемъ.

И они замолчали, хотя нельзя поручиться за то, что стали слушать оперу. Гаронская была задумчива, Кметьевъ не рѣшался обращаться къ ней съ пустыми вопросами. Спектакль кончился

очень скоро. Прощаясь съ сосѣдомъ, Вѣра Петровна дала ему руку, которую онъ долго не выпускалъ изъ своей руки.

— Это кажется восьмую оперу мы слушали сегодня? сказала она, садясь въ сани.

— По-моему четвертую, отвѣчалъ онъ, застегивая ей по-лость.

— Отчего это?

— Я считаю только тѣ представленія, въ которыя со мною случилось что-нибудь особенно замѣчательное.

Она улыбнулась, но не отвѣчала ни слова.

V.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

«Гвельфы и Гибеллины.»

Въ эту ночь Кметьевъ долго не могъ уснуть. Онъ думалъ о томъ, какъ иногда въ жизни дѣло зависитъ отъ слова, и какъ отъ одного неосторожнаго слова можетъ зависеть судьба цѣлой жизни. Если бы ему, человѣку, считавшему себя положительнымъ, кто-нибудь сказалъ, что онъ въ театрѣ сдѣлаетъ любовное признаніе женщинѣ, которую видѣлъ всего разъ восемь и которой онъ почти вовсе не знаетъ, такого человѣка Кметьевъ назвалъ бы сумасшедшимъ. И между тѣмъ, онъ, всегда осторожный и расчетливый, все-таки сдѣлалъ признаніе, конечно немножко аллегорически, но сдѣлалъ бы его и прямо, если бѣ она сама, какъ женщина умная, не остановила его, понимая, что не слѣдуетъ пользоваться первою минутою увлеченія. И онъ увлекся, непростительно увлекся, какъ мальчикъ, только что начинающій жить, какъ ученикъ на выпускѣ, влюбляющійся въ каждую женщину, только потому что она женщина. И что съ нимъ сдѣлалось, и какъ это сдѣлалось, и отчего сдѣлалось — онъ рѣшительно не могъ дать въ этомъ себѣ отчета. Что она недурна собою—это правда, но Алексѣю Степанычу случалось видѣть женщинъ гораздо лучше ея, и все-таки не влюбляться въ нихъ. Нѣтъ спора, что она умна, что у нея очень тонкія, благородныя чувства, иначе она не отклонила бы отъ себя полуофіціального признанія въ любви, а напротивъ, сама напросилась бы на него. Но вѣдь за умъ въ женщину не влюбляются, да нуженъ ли еще умъ

въ любви? вопросъ, подлежащій сильному сомнѣнію и разрываемый часто, къ неудовольствію ума, признаніемъ въ совершенной бесплодности его. Все это очень странно.

— Кромѣ ума и недурнаго личика — за что же любить эту женщину? Характеръ у нея слишкомъ гордъ, твердъ и подозрителенъ, что не совсемъ пріятно въ супружеской жизни, да и самая исторія ея не очень утѣшительна. Бѣдная дѣвушка, конечно, не виновата въ томъ, что ее обманули, но все-таки обманъ этотъ надѣлалъ шуму, извѣстенъ очень многимъ, и притомъ же злословіе всегда преувеличить непріятную исторію, будетъ отзываться сомнительно о самыхъ невинныхъ отношеніяхъ, пошмываться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ пренебречь толками свѣта. Все это очень непріятно!

А между тѣмъ онъ все-таки признался ей въ любви; хоть не официально. И теперь онъ связанъ этимъ признаніемъ; онъ обязанъ не отказываться отъ него, продолжать играть роль человека влюбленнаго и старающагося приобрести любовь. Последнее даже не совсемъ льстило его самолюбію. Еще еслибъ въ него влюбилась — онъ изъ великодушія, изъ благодарности могъ бы отвѣчать взаимностью. А то теперь онъ играетъ страдательную роль: вздыхаетъ, проситъ, заискиваетъ, ожидаетъ. Все это очень смѣшно!

Переходя отъ одного анализа къ другому, Кметьевъ сталъ даже сомнѣваться въ томъ, любить ли онъ Гаронскую. Конечно, она ему нравится, но отъ этого далеко до любви... и наконецъ, какая будетъ развязка этой любви? чего онъ надѣется, чѣмъ думаетъ окончить эту исторію. Неужто онъ нашелъ себѣ жену въ галереѣ четвертаго яруса? И для чего ему было забираться туда, обращать вниманіе на своихъ сосѣдокъ? И что ему въ оперѣ? что хорошаго въ музыкѣ, которую онъ слушалъ просто изъ приличія, или отъ нечего дѣлать. Музыка, что-ли, расположила его къ такому наивному, сентиментальному чувству, заставила — ни съ того, ни съ сего объясняться въ любви женщинѣ, не обращавшей на него ровно никакого вниманія, — въ чемъ онъ долженъ былъ поневоль сознаться. Все это, однако же, удивительно глупо!

И страшно недовольный собою, Кметьевъ обратился къ своимъ утреннимъ занятіямъ, къ обыкновеннымъ развлеченіямъ, съ особымъ, раздражительнымъ рвеніемъ. Онъ даже удивился, что такъ скоро прошли четыре дня, и ему надо было опять вѣхать въ оперу.

Онъ думалъ даже было не позвать, но ему стало стыдно самого себя. Смущенный вошелъ онъ въ галерею и какъ-то не ловко поклонился Гаронской. Она обошлась съ нимъ просто, непринужденно, говорила ласково, откровенно, безъ малѣйшихъ намековъ на то, что происходило между ними, обращалась съ нимъ какъ съ добрымъ, старымъ знакомымъ, не болѣе. У Кметьева отлегло на сердце. Онъ сдѣлался вдругъ очень любезенъ, веселъ, остался чрезвычайно доволенъ собою, сосѣдкою и даже оперой, и вернувшись домой, повторялъ нѣсколько разъ: какая умная, деликатная женщина!

Въ слѣдующія представленія все шло точно также. Въ декабрь пришлось имъ рѣже видѣться: спектаклей было меньше. Они видѣли всего двѣ оперы: «Любовный напитокъ», въ которой Фрецолини была очень слаба, и «Роберто д'Эвере», изъ котораго ничего не могли сдѣлать даже такіе таланты, какъ Гризи и Марио. Разговоры ихъ были по-прежнему оживлены и занимательны: только они особенно тщательно старались избѣгать говорить о себѣ и о своихъ чувствахъ. Сосѣдка отклоняла подобный предметъ бесѣды очень ловко и спокойно; если же Кметьеву случалось нечаянно попасть на него, онъ пугался, мѣшался въ словахъ и переходилъ къ другому разговору такъ неуклюже, что Гаронская, улыбаясь, поправляла его неловкость, не замѣчая по видимому его смущенія.

Нерѣдко въ антрактахъ, наскучивъ продолжительнымъ сидѣніемъ, Гаронская бродила по коридору съ своимъ сосѣдомъ, продолжая ту же непринужденную бесѣду, мѣняясь съ нимъ иногда не совсемъ снисходительными замѣчаніями о зрителяхъ четвертаго яруса и о ихъ музыкальныхъ сужденіяхъ.

Въ концѣ декабря, послѣ одного рано окончившагося спектакля, они вышли вмѣстѣ изъ театра, продолжая жаркій разговоръ о нѣкоторыхъ явленіяхъ современной литературы. Вмѣсто того, чтобъ съѣсть по обыкновенію на извозчика, Гаронская сказала, заворачиваясь въ старенькій салонъ на заячьемъ мѣху:

— Ночь тихая и теплая. Я хочу пройтись домой пешкомъ.

— Такъ позвольте и мнѣ сопутствовать вамъ, сказалъ почти невольно Кметьевъ.

— Пожалуй, если вамъ никуда не надо на вечеръ, отвѣчала просто Гаронская, и продолжала разговоръ, начатый въ театрѣ.

Кметьевъ и самъ не понималъ какимъ образомъ все это такъ устроилось, и самъ сконфуженный сначала этимъ неожиданнымъ

случаемъ, вскорѣ однако же ободрился и зашагалъ подлѣ нее, съ большимъ жаромъ защищая свое мнѣніе о скукѣ, испытываемой имъ при чтеніи въ переводѣ англійскихъ романовъ.

Они незамѣтно дошли до Малаго Калинкина моста; Гаронская остановилась у маленькаго двухъ-этажнаго домика на Екаторининскомъ каналѣ и сказала, протягивая руку Кметьеву:

— Я не прошу васъ зайти, потому что не принимаю у себя гостей такъ поздно, и еще болѣе потому, что такое посѣщеніе, выходящее изъ круга нашихъ всѣдневныхъ привычекъ, можетъ обезпokoить мою маменьку, которая теперь уже вѣроятно въ постель.

— О, помилуйте! пробормоталъ Кметьевъ, онять чего-то испугавшись. Гаронская продолжала говорить также спокойно:

— Впрочемъ, если вы хотите видѣть меня не въ одномъ театрѣ, то въ Воскресенье и по праздникамъ я обыкновенно дома отъ двѣнадцати часовъ.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ, прошептала едва слышно совершенно растерявшійся Кметьевъ.

— Не за что, отвѣчала Гаронская тономъ, отзывавшимся проницей. Вѣдь не можете же вы узнать меня ближе, если мы будемъ видѣться только въ оперѣ.

И поклонившись ему съ улыбкой, немножко насмѣшливой, она вошла въ калитку, оставивъ Кметьева на морозѣ раздумывать объ этомъ неожиданномъ эпизодѣ ихъ исторіи.

Онъ пошелъ по Фонтанкѣ быстрыми шагами, недовольный и взволнованный, закричавъ: извощикъ! Но извощиковъ въ такую позднюю пору на Фонтанкѣ не было, что еще болѣе увеличило его досаду на Гаронскую.

— Это что еще за приглашеніе сдѣлала она! разсуждалъ онъ самъ съ собою, шагая по набережной. Развѣ я просилъ о позволеніи сдѣлать ей визитъ? Съ чего взяла она, что я горю нетерпѣніемъ видѣть ея маменьку и насладиться картиною ея домашней жизни? Не думаетъ ли она доставить мнѣ удовольствіе, посвятивъ въ тайны ея хозяйства, показавъ, какъ она умѣетъ мастерски штопать чулки и дѣлать примочки больной старухѣ. А я еще удивлялся ея деликатности! Это значитъ просто, что она хочетъ поймать меня. Будь я немножко смѣлѣе, настойчивѣе — я и теперь бы могъ ужъ имѣть счастье пасть къ ногамъ ея. А тутъ подошла бы маменька, и торжественно сказала бы: дѣти мои, благословляю васъ. Нѣтъ, чортъ возьми, я еще не такъ глупъ,

чтобъ попасться на такую старую штуку... И зачѣмъ меня носило на эту галерею!

Такой краснорѣчивый, хотя не совсемъ связный монологъ продолжался всю дорогу. Кметьевъ успокоился только на другой день; на третій онъ началъ уже находить приглашеніе Гаронской вовсе не такъ предосудительнымъ. Онъ припомнилъ, что въ тонѣ, которымъ она дѣлала это предложеніе, было что-то пролическое, что онъ самъ, пожалуй, заслуживалъ небольшой насмѣшки, избегая такъ старательно во все последнее время, разговоровъ о томъ, въ чемъ прежде такъ жарко изъяснялся.

Третій день приходился въ Воскресенье. По какой-то странной совѣстливости Кметьевъ напросился самъ на какой-то пикникъ, и уѣхалъ на цѣлый день на Крестовскій, въ русскій трактиръ, кататься съ горъ и ѣсть неудобосваримые пельмени, о чемъ разказалъ Гаронской со всеми подробностями, въ слѣдующую же среду, упомянувъ, что былъ званъ на этотъ пикникъ еще за недѣлю. Гаронская съ тою же странною улыбкою выслушала его разказъ.

Наступило Рождество, и Кметьевъ началъ такъ усердно веселиться на праздникахъ, какъ давно не веселился. Онъ не пропускалъ ни одного случая принять участіе въ какихъ бы-то ни было удовольствіяхъ, самъ отыскивалъ вездѣ подобные случаи, былъ вездѣ, гдѣ только собирается публика подъ какимъ бы-то ни было предлогомъ, и такъ усердно развлекался, что не былъ даже двѣ недѣли въ оперѣ и пропустилъ первое представленіе новой оперы Верди со старыми и знакомыми мотивами. «Юанна д'Аркъ», которую почему-то особенно любила г-жа Фреццоллини,

Въ половинѣ января, въ его абонементъ давали опять «Семпирамиду.» Ему и хотѣлось, и совѣстно было ѣхать въ театръ. Поутру, вспомнивъ, что неучтиво такъ долго не давать о себѣ никакой вѣсти Гаронской, онъ послалъ къ ней съ человѣкомъ визитную карточку.

Вечеромъ онъ входилъ въ галерею чрезвычайно развязно, стараясь хоть наружно казаться свободнымъ отъ всякаго страха и упрека. На особенно любезный поклонъ его, сосѣдка отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и прервала на первыхъ словахъ его распросы о здоровьи и извиненія замѣчаніемъ, что Гризи поетъ: *Di tanti regi eropoli.* Кметьевъ началъ слушать съ особеннымъ вниманіемъ музыку.

Первый актъ «Семпирамиды» продолжается часъ и три четверти.

Во все это время молчаніе не нарушалось между сосѣдями. Никогда самые глубокомысленные дилетанты не принимали на себя такого торжественно-важнаго вида, при исполненіи какой-нибудь утомительно—ученой симфоніи закоснѣлаго фугоѣда, какимъ отличался Кметьевъ, неслышавшій въ тоже время почти ни одной ноты; чѣмъ ближе подходилъ антрактъ, тѣмъ усерднѣе углублялся онъ въ созерцаніе красотъ оперы, тѣмъ серьезнѣе становилось выраженіе его лица.

Наконецъ съ послѣдними звуками антракта надобно же было заговорить съ сосѣдкой. Кметьевъ сдѣлалъ это такъ быстро и такъ не ловко, что она разсмѣялась даже очень явно. Это еще болѣе смутило его, и толкуя о своихъ огромныхъ занятіяхъ, необходимыхъ визитахъ, принужденныхъ удовольствіяхъ, даже о нездоровьи, онъ началъ до того путаться въ рассказъ, что Гаронская прервала его словами:

— Полноте пожалуста оправдываться. Къ чему всѣ обвиненія и объясненія? Развѣ я требовала вашего вниманія, рассчитывала на ваши посѣщенія? Что вы были заняты — этому я не повѣрю, что вы были больны — этого не видно, что вы очень веселились и не видали какъ прошло время — это всего лучше доказываетъ ваша карточка, присланная ко мнѣ вмѣсто Новаго Года, сегодня, шестнадцатаго января.

— Неужели сегодня уже шестнадцатое число! вскричалъ Кметьевъ съ какимъ-то наивнымъ удивленіемъ, отвѣчая только на послѣднія слова сосѣдки. Какъ скоро прошло время!.. Оно ни для кого и ни для чего не останавливается, прибавилъ онъ глубокомысленнымъ тономъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила смѣясь Гаронская. Какую глубокую истину вы сказали. Она поражаетъ своею новизною. Вотъ что значитъ быть практическимъ, а не теоретическимъ философомъ!

Кметьевъ слегка покраснѣлъ, но не счелъ нужнымъ дать замѣтить, что понялъ эту насмѣшку, и продолжалъ въ элегическомъ тонѣ:

— Три съ половиною мѣсяца, какъ мы познакомились, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ первый разъ.

— Три мѣсяца съ половиною и одинъ день! повторила Гаронская тѣмъ же тономъ, съ примѣсью ироніи.

Кметьевъ не нашелъ о чемъ говорить больше и счелъ при-

личнымъ опустить голову, какъ будто обдумывая что нибудь важное.

Такъ онъ и продумалъ до начала втораго дѣйствія, во время котораго было уже не ловко разговаривать.

Провожая сосѣдку къ подъезду, по окончаніи оперы, онъ съ озабоченнымъ видомъ началъ вдругъ говорить ей о томъ, что долженъ вѣхать сегодня на очень скучный балъ къ баронессѣ Кугельмантель, его троюродной тетушкѣ, и что свѣтъ палагаетъ на насъ иногда очень тяжелыя обязанности.

— Мы сами налагаемъ на себя обязанности еще тяжелѣе, отвѣчала улыбаясь Гаронская, и что всего непріятнѣе въ этомъ случаѣ, даже неимѣемъ права жаловаться потому, что сами сочинили ихъ.

— Вы правы! отвѣчалъ мрачно Кметьевъ, для того, чтобъ отвѣчать что нибудь.

За то этотъ мрачный видъ превратился въ необыкновенно веселый по отъездъ Гаронской. Самымъ звучнымъ голосомъ закричалъ онъ, нагибая немного набокъ шляпу:

— Извозчикъ! Къ Казанскому мосту на Мойку, четвертакъ!

И сильно удивлялись въ этотъ вечеръ его знакомые у Казанскаго моста необыкновенно веселому расположенію его и бойкимъ остротамъ, на которыя эти знакомые отзывались самымъ нецеремоннымъ смѣхомъ.

На другое утро Кметьевъ былъ очень доволенъ собою. Онъ находилъ почему-то свой характеръ чрезвычайно твердымъ, и радовался этой твердости, какъ чему-то неожиданному. Вѣроятно для того, чтобъ сохранить эту твердость, онъ еще двѣ недели не былъ въ театрѣ, можетъ быть не былъ бы и больше, но тридцатаго января, въ бенефисѣ Маріо, назначены были «Гвельфы и Гибеллины.» Не видѣть ихъ было не возможно.

Онъ бросился добывать себѣ какой-бы то ни было билетъ, кромѣ галереи четвертаго яруса, но достать въ этотъ день мѣсто—было подвигомъ едва ли не геркулесовскимъ. Онъ долженъ былъ благодарить судьбу и за то, что у него остался его абонированный номеръ.

— Сосѣдки моей вѣрно не будетъ, думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ въ четвертый ярусъ. При ея разсудительности заплатить лишній цѣлковый — было бы не похоже на нее.

Но она однако же заплатила этотъ цѣлковый, и это обстоятельство, поразившее его неожиданностью, вѣроятно слишкомъ

ясно высказалось въ лицъ его, потому что Гаронская сказала ему, поклонившись:

— Что съ вами? чему вы такъ удивились? Развѣ вы думали не найти меня сегодня въ театрѣ?

— О, напротивъ! пробормоталъ Кметьевъ. Но я думалъ... мнѣ казалось... Два дня тому назадъ, было двадцать семь градусовъ мороза...

— А три дня — полтора градуса тепла. Это не новость въ Петербургѣ. Что же изъ этого слѣдуетъ?

— Ничего, но я полагалъ... что вы не любите Моцарта.

— Что же общаго между Моцартомъ и «Гвельфами?» спросила съ удивленіемъ Гаронская.

— То есть Мейербера, хотѣлъ я сказать.

Она не отвѣчала ни слова, но посмотрѣла на него съ такимъ выраженіемъ, что ему стало какъ-то не ловко. Поэтому онъ весь обратился на сцену.

Нельзя сказать, чтобы сначала эта музыка понравилась ему; она даже какъ-то неприятно подѣйствовала на него своею оригинальностью, самобытностью, отсутствіемъ всѣхъ рутинныхъ музыкальных формъ, пронитанныхъ итальянизмомъ. Но съ каждымъ номеромъ, съ каждымъ новымъ явленіемъ болѣе и болѣе вслушивался онъ въ эти звуки, полные огня, жизни, мысли, драматизма, и по окончаніи перваго акта заговорилъ просто и безъ афектаціи съ соседкой, спрашивая ея мнѣнія и объясненія по поводу нѣкоторыхъ не совсемъ ясныхъ мѣстъ партитуры. Она отвѣчала ему также просто и непринужденно.

Второй актъ произвелъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе: удивительные хоры, дуэтъ Марсея и Валентины, потрясающіе душу звуки голоса Маріо въ соло секстета и въ последнемъ стихъ его: *ciacun per se, per tutti il ciel*, наконецъ финаль, полный въжности, роскоши, увлеченія — все до того подѣйствовало на Кметьева, то онъ съ особеннымъ чувствомъ посмотрѣлъ на соседку и сказалъ ей нѣсколько фразъ, полныхъ вниманія и предупредительности. Она была также подъ вліяніемъ этой обаятельной музыки, сидѣла задумчивая, и слова ея отзывались невольною грустью.

Но когда начался третій актъ, когда на сценѣ появляются фанатки, когда послѣ этой поразительной сцены, гдѣ каждая нота звучитъ мрачною злобою и безпощаднымъ фанатизмомъ, раздается азловщій набатъ, когда послѣ этого потрясающаго душу хор

начинается дуэль между Раулемъ и Валентиною, стремящуюся спасти своихъ единовѣрцевъ, употребляющей все оболщенія любви, чтобъ удержать близъ нее и спасти отъ вѣрной смерти, когда среди просьбъ, слезъ, мольбы, отчаяннiя, борьбы между страстью и совѣстью, подъ отдаленный звукъ набата, раздаются полныя любви и отчаяннiя моленiя Рауля:

Stringe il periglio, il tempo vola,

Lascia mi, lascia mi, lascia mi partir, —

когда наконецъ долгъ беретъ верхъ надъ страстью, и Рауль покидаетъ ту, которая готова ему пожертвовать всею на свѣтъ, и завѣса падаетъ при страшномъ воплѣ Валентины, Кметьевъ въ волненiи поднялся съ своего мѣста и стоялъ неподвижно, смотря бессознательно на завѣсу, какъ будто ожидая, что эти чудные звуки еще повторятся. Вокругъ него, подъ нимъ, надъ нимъ, со всехъ сторонъ гремяли самыя жаркiя рукоплесканiя, раздавались восторженные крики. Онъ ничего не видалъ и не слыхалъ.

Вдругъ до его плеча дотронулась чья-то рука, и голосъ, дрожащiй отъ чувства, сказалъ :

— Пойдемте въ коридоръ. Я никогда не дожидаясь вызововъ, нарушающихъ всякую иллюзiю. Мнѣ тяжело видѣть какъ будетъ присѣдать передъ публикою Валентина, только что сейчасъ упавшая безъ чувствъ съ такимъ натуральнымъ воплемъ отчаяннiя, или Рауль, бросившiйся въ окно, вернется расшаркиваться на сцену.

— Вы правы, отвѣчалъ Кметьевъ. Эти крики и хлопанья могутъ подѣйствовать даже на нервы.

И они вышли въ коридоръ, почти совершенно пустой, потому что большая часть публики интересовалась видѣть какъ будутъ вызывать Гризи и Марию.

— Какая удивительная опера! сказалъ Кметьевъ, дыша тяжело и прерывисто.

Гаронская ничего не отвѣчала, но грудь ея подымалась высоко, а глаза блестяли огнемъ чувства, щеки покрылись легкимъ румянцемъ.

— Странно, что драма производитъ въ насъ тогда только сильное впечатлѣнiе, когда изображаетъ современныя, общедоступныя намъ чувства и страсти, а музыка, напротивъ, чтобы подѣйствовать на насъ, должна выражать положенiя, которыя уже никакъ не могутъ повториться въ наше время.

— Вы думаете, что въ наше время не можетъ случиться борьбы страсти съ долгомъ, необходимости отказаться отъ счастья быть съ любимымъ нами человекомъ и идти, если не на смерть, то на опасное дѣло?

— Подобныхъ прощаній можетъ встрѣтиться, пожалуй, много, но такое не можетъ повториться въ наше время. Оно получаетъ все свое значеніе именно отъ той исторической обстановки, которая его окружаетъ. Необходимость разлуки попадается на каждомъ шагу, но чтобы она заинтересовала насъ, надобно, чтобы къ ней вели и за нею слѣдовали событія въ родъ тѣхъ, которыя Мейерберъ взялъ основаніемъ своей оперы.

— Я говорю о сущности положенія, а не объ его исторической обстановкѣ.

— Въ такомъ случаѣ вы, конечно, правы и найдете въ каждой оперѣ что нибудь похожее на современную жизнь.

— И вамъ не случалось встрѣчать въ жизни лицъ, совершенно похожихъ на героинь оперъ? спросила грустно Гаронская.

— Если припомнить, то можно отыскать, отвѣчала Кметьевъ раздумывая. И въ жизни, какъ въ оперѣ, случается иногда полюбить по первому увлеченію.

— Положимъ, что можно, но все эти положенія въ дѣйствительной жизни будутъ натянуты, неестественны. Возможно ли, чтобы современный намъ Полліонъ такъ игралъ своими чувствами... охладѣвалъ и опять воспламенялся по своему произволу? И можетъ ли такое чувство быть прочно?

— Это правда. Однажды простывшую страсть трудно подогрѣть до той степени, чтобы она получила прежній жаръ.

— Въ этомъ я совершенно согласна съ вами, сказала Гаронская, пристально глядя на него, и даже думала, что Норма не должна была вѣрить возвратившейся страсти Полліона.

— Вы уже слишкомъ строги въ своихъ выводахъ, сказалъ Кметьевъ съ легкимъ смущеніемъ. Полліонъ могъ искренно раскаяться.

— Раскаяніе заставляетъ позабыть прошедшее, но не оживляетъ его. Оскорбителю можно простить, но любить его по-прежнему трудно для женщины.

— Не все женщины раздѣляютъ ваше мнѣніе.

— Знаю, но я говорю не за всѣхъ, а за себя. Если я помню оказанныя мнѣ благодѣянія, то ни какъ не могу и позабыть сдѣланныхъ мнѣ оскорбленій.

— Это не хорошо уже потому, что память этихъ оскорбленийъ тревожить васъ такъ долго.

— За то это спасаетъ меня отъ повторенія подобныхъ случаевъ, внушая мнѣ недоувѣрчивость и осторожность.

— Которыя однако же не составляютъ счастья въ жизни. Не лучше ли нѣсколько разъ обманываться, чѣмъ изъ постоянного опасенія быть обманутымъ, чуждаться всякаго увлеченія, отвергать, можетъ быть, искреннее чувство?

— Вы думаете, что сердце можетъ переносить много подобныхъ ролей? Неужели вы думаете, сказала Гаронская, что я бы могла быть счастлива, повѣривъ, напримѣръ, первому увлеченію чловѣка, признавшагося мнѣ въ любви, воспользовавшись этимъ увлеченіемъ, если бъ онъ даже охладѣлъ ко мнѣ и не черезъ неделю, а черезъ годъ или больше?

Кметьевъ молчалъ, опустивъ голову. Гаронская продолжала послѣ минутнаго молчанія:

— Я не обвиняю васъ въ вашемъ необдуманномъ поступкѣ, но обвиняла бы себя, если бъ увлеклась подобно вамъ, какою-то странною прихотью. А согласитесь, что другая на моемъ мѣстѣ легко бы могла воспользоваться этою прихотью, заставить васъ сдѣлать невозвратный шагъ? Стоило для этого только не много польстить вашему самолюбію, затронуть нѣкоторыя изъ струнъ вашего сердца, которыя издадутъ какой угодно звукъ подъ рукою опытной женщины. И это можно было сдѣлать такъ скоро, такъ удачно, и вы были бы увлечены, опутаны, обмануты прежде, чѣмъ могли бы придти въ себя и провѣрить свои чувства. И если бъ я была убѣждена, какъ многія изъ моихъ подругъ, что пристроить себя—главная цѣль въ нашей жизни, какую бы выгодную партію составила я, особенно послѣ исторіи со мною, немножко гласной, какъ бы всѣ хвалили меня, завидовали мнѣ, ставили меня въ примѣръ. Не правда ли, что смотря на жизнь съ вашей точки зрѣнія, чловѣка положительнаго и разсудительнаго, я поступила очень не разчетливо, сама лишивъ себя такой заманчивой перспективы.

Она опять подождала изъ учтивости отвѣта, но отвѣта не было.

— Не обвиняю васъ также и по тому, что вы довольно наказаны за ваше, ничѣмъ не извиняемое увлеченіе, говорила она: наказаны тѣмъ, что перенесли въ это время, смѣшною и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелою ролью, которую вы должны были разыгры-

вать въ отношеніи ко мнѣ. Желала бы, чтобъ вы долго не забыли этой *комедіи*, которую разыгрывали въ итальянской *оперѣ*. Комедія эта научить васъ не слишкомъ доверять вашей положительности и разсудительности, которыми вообще мужчины любить гордиться, и которыя ровно ничего не значатъ передъ двумя другими женскими качествами, болѣе или менѣе свойственными всѣмъ женщинамъ: кокетствомъ и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Хорошо, если бъ этотъ маленькій урокъ удержалъ васъ на будущее время отъ подобныхъ увлеченій. Они не опасны для женщины, уже знакомой съ жизнью и съ ея темными сторонами, но представьте себѣ на моемъ мѣстѣ дѣвушку съ горячимъ, неопытнымъ сердцемъ, съ склонностью къ идеальничанью, такихъ женщинъ гораздо больше, нежели женщинъ-резонерокъ, образецъ которыхъ вы имѣете удовольствіе видѣть передъ собою, — за что бы вы убили всѣ надежды, мечты, можетъ быть всю будущность подобной романической дѣвушки нѣсколькими минутами увлеченія, которымъ она повѣрила бы, какъ искреннему чувству? Вы легко могли бы сдѣлать и свое и ея несчастіе. Увлеченіе заразительно, и не всякая женщина станеть анализировать его и отказываться отъ удовольствія увлечь въ свою очередь.

Она остановилась. Кметьевъ все еще молчалъ и ходилъ подлѣ нея, какъ человекъ, которому читають последнее правоученіе, послѣ котораго его отпускаютъ на всѣ четыре стороны вмѣсто того, чтобъ повѣсить. Столько разнородныхъ чувствъ волновало его при неожиданномъ оборотѣ, который принялъ этотъ разговоръ, что онъ не зналъ радоваться ему или горевать, высказывать благодарность, или сожалѣніе. Чувство справедливости взяло въ немъ однако же верхъ, и онъ сказалъ наконецъ, съ глубокимъ выраженіемъ:

— Вы добрая, умная и благородная женщина, Вѣра Петровна. Я стоилъ еще и не такого урока; но поступить такъ какъ вы, на это способны не многія женщины. Я исполнѣ цѣню и уважаю васъ, и отъ души желалъ бы вамъ самаго полного счастья, хоть признаюсь, сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ вы могли его встрѣтить. Требованія ваши слишкомъ велики; врядъ-ли вы найдете человека, который былъ бы васъ достоинъ. Поэтому за вашъ снисходительный урокъ я бы позволилъ дать вамъ простой, но очень логическій совѣтъ: не требовать ни отъ современной жизни, ни отъ людей, больше чѣмъ они могутъ дать, и не упу-

скать хоть далеко не полного и не совершенного счастья, если оно только представится вамъ въ формѣ сколько-нибудь порядочнаго чловѣка.

— Я предпочитаю въ такомъ случаѣ остаться съ моимъ несчастіемъ, отвѣчала улыбаясь Гаронская.

— Ваша воля! сказала онъ съ выраженіемъ чловѣка, дающаго совѣтъ только для очистки совѣсти, но въ сущности совершенно равнодушнаго къ тому, будутъ ли слѣдовать его совѣту.

Въ это время раздались первые звуки музыки, и они спокойно сѣли на свое мѣсто, какъ будто между ними не произошло разговора, разъясниващаго ихъ отношенія и рѣшившаго ихъ участь. Они повидимому слушали съ большимъ удовольствіемъ четвертое дѣйствіе оперы.

Спускаясь съ лѣстницы шагъ за шагомъ въ густой толпѣ огромной массы народа, Кметьевъ говорилъ своей спутницѣ:

— Надѣюсь однако же, что сегодняшнее откровенное объясненіе наше не помѣшаетъ намъ остаться друзьями, и вы позволите мнѣ, теперь уже въ качествѣ друга, посѣтить васъ въ вашемъ домѣ?

— Для чего? отвѣчала тихо, но твердо Гаронская. Вы не сдѣлали этого, когда почти обязаны были сдѣлать, зачѣмъ же теперь сводить намъ болѣе близкое знакомство? Разобравъ хорошенько свои чувства, вы увидите, что въ сердцѣ у васъ должно таиться ко мнѣ все-таки хоть маленькое нерасположеніе. Вы можете въ немъ не сознаваться, не видя его причины, но оно все-таки существуетъ: я потеряла не только одни брилльянты... Стало быть, отношенія между нами не могутъ быть искренни и интимны. Я думаю, что мы оба лучше сдѣлаемъ, если дадимъ улечься, успокоиться нашимъ чувствамъ, забыть всему, что было между нами. Сезонъ скоро оканчивается. Будемъ по-прежнему видѣться въ театрѣ, не стѣсняясь болтать о чемъ придется, но отложимъ болѣе близкое знакомство до другаго времени. Потомъ, если вы все еще будете чувствовать желаніе узнать меня покороче, или если въ жизни постигнетъ васъ несчастіе и встрѣтятся обстоятельства, въ которыхъ вамъ пріятно будетъ найти въ комъ-нибудь совѣтъ, или искреннее сочувствіе — тогда я первая протяну вамъ руку, которую вы можете смѣло пожать, если не опереться на нее.

И съ этими словами Кметьевъ почувствовалъ, что Гаронская нѣжно пожала его руку. Что-то похожее на чувство сожалѣнія

пробудилось въ его сердцѣ. Онъ схватилъ эту руку и съ жаромъ поцѣловалъ ее.

— Полноте, сказала она спокойно, тихо освобождая свою руку отъ его пожатій: запахнитесь шубой, развѣ вы не чувствуете какой морозъ и вѣтеръ!

— Одно слово, вскричалъ онъ въ ту минуту, когда она уже подозвала сани. Справедлива ли вся исторія, которую мнѣ рассказывала ваша подруга? Прошу васъ, отвѣчайте мнѣ.

— Я отвѣчу безъ всякой просьбы, сказала она, садясь въ сани. Все, что вы узнали обо мнѣ, совершенная истина.

Кметьевъ поблѣднѣлъ и прислонился къ санямъ... Въ это время жандармъ закричалъ на извозчика, чтобъ тотъ ѣхалъ скорѣе и очистилъ мѣсто. Сани двинулись впередъ. Не понимая самъ, что дѣлаетъ, но чувствуя, что съ этой минуты онъ навсегда теряетъ Гаронскую, Кметьевъ, державшій полость, однимъ прыжкомъ вскочилъ въ сани и очутился подлѣ Вѣры Петровны.

— Что съ вами? Опомнитесь! сказала она строго, но безъ крика и даже не возвышая голоса, въ то время какъ извозчикъ гналъ по площади.

— Вѣра Петровна! добрая, милая Вѣра Петровна, простите меня! шепталъ онъ въ забытїи, сжимая ея руку и осыпая поцѣлуями: я не могъ понять, оцѣнить васъ... Только теперь, теряя васъ навсегда, я почувствовалъ, какъ вы дороги для меня, какъ горячо, искренно я люблю васъ.

— Оставьте меня, говорила она тихо но не безъ волненія. Вы въ забытїи, это пройдетъ... Я не сержусь на васъ, и завтра не буду помнить ничего, что вы мнѣ сказали; подумайте, вы поступили не хорошо, не прилично... Велите остановиться извозчику и выйдите.

— Нѣтъ, я не оставлю васъ, шепталъ онъ, пока вы не скажете, что простили меня, пока не общаете мнѣ, хоть со временемъ, послѣ какихъ хотите испытаній, отдать мнѣ навсегда вашу руку.

Гаронская поблѣднѣла въ свою очередь и сказала дрожащимъ голосомъ:

— И вы хотите жениться на мнѣ послѣ того, что я сказала вамъ?

Я прошу, какъ счастья, чтобъ вы вышли за меня, потому

что не стою васъ, потому что ничто не запятнаетъ благородство вашихъ чувствъ, чистоту вашего сердца.

Гаронская крѣпко сжала ему руку и прошептала, наклоняясь къ его уху:

— Благодарю васъ! эти слова вознаграждаютъ меня за многіе годы страданій. Не правда ли, вы не будете раскаиваться въ томъ, что сказали ихъ, добрый другъ мой? За нихъ можетъ заплатить только самая страстная любовь.

— Вѣра! жизнь моя... Я сойду съ ума отъ счастья, говорилъ онъ едва слышно.

— О, любите, любите меня! твердила она. Право, я столько страдала, что смыла слезами все прошедшее, что стою чистой любви... Было бы слишкомъ жестоко обмануть меня этой надеждой на счастье, на радость, на возрожденіе въ новую, свѣтлую жизнь. Вы удивлялись моей твердости, моей непреклонности? Взгляните же на меня: я со слезами прошу искренней любви, потому что страшно жить безъ любви, потому что я сама могу дать много любви тому, кто такъ просто, такъ благородно предложилъ мнѣ свою любовь.

— Да, всю жизнь, все сердце, всѣ убѣжденія — все, все отдаетъ тебѣ человекъ холодный и положительный, какъ его всѣ называли, какимъ онъ самъ считалъ себя... И первое чувство, которое меня влекло къ тебѣ, первое полупризнаніе было не увлеченіемъ, а голосомъ сердца, угадывавшимъ твою прекрасную душу. И напрасно боролся я противъ этого чувства... Оно сильнѣе меня, сильнѣе даже твоихъ убѣжденій, потому что и ты не могла противиться его обаянію, и въ одну минуту забыла все свое прошедшее.

— О, не надо, не надо прошедшаго! говорила она, кладя ему на губы свою руку. Настоящее такъ хорошо... Если оно и сонъ—я не хочу просыпаться... Но пора!..

— Надо проститься! твердила она. Мать меня ждетъ, будетъ беспокоиться...

— До завтра! говорилъ онъ чуть не въ сотый разъ. До завтра, не правда ли?

— О, нѣтъ! исполните въ послѣдній разъ просьбу подозрительной женщины, — потомъ отъ нея останется только одно страстно-покорное, вѣчно-любящее существо. Не прѣзжайте ко мнѣ три дня. Испытайте себя какъ можно строже, разберите свои чувства какъ можно безпощаднѣе, и если въ васъ останется

хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, хорошо ли вы поступили, точно ли вы любите меня и не жалуете о своей жертвѣ, покиньте меня, позабудьте, не связывайте навсегда своей участи съ моею; — я, можетъ быть, не перенесу этого, но, по крайней мѣрѣ, вы будете правы, не позволивъ себѣ послѣдовать минутному увлеченію.

Они не видѣлись ни въ эти дни, ни въ слѣдующія представленія итальянской оперы. Кметьевъ не выдержалъ бы, впрочемъ, трехдневнаго испытанія и побѣжалъ бы къ Гаронской, но на второй день такъ захворалъ простудою, что слегъ въ постель. Онъ далъ знать Гаронской, почему не могъ пріѣхать къ ней на четвертый.

Въ тотъ же день вечеромъ онъ увидѣлъ Вѣру у своего изголовья.

— Ни одного слова! говорила она, кладя палецъ на его губы, запекшіяся отъ лихорадки: докторъ запретилъ говорить. Вы одни, у васъ, нѣтъ ни родныхъ, ни семейства; вамъ нужна женщина, смотреть за вами. Когда вы выздоровѣете, то вы скажете: сидѣлка или невеста ходила за вами.

Бользнь была не опасна, но выздоровленіе шло медленно. Только черезъ мѣсяць слишкомъ Кметьевъ могъ выѣхать въ театръ на последнее представленіе итальянской оперы. Для прощанія давали «Гвельфовъ.»

Вѣроятно никогда и никто не слушалъ этой оперы съ такимъ востогомъ, какъ Кметьевъ и Гаронская. Никакія слова не передадутъ того, что высказывали ихъ взгляды. Она была однако гораздо благоразумнѣе, и часто останавливала восклицанія его, приводившіе въ совершенное озлобленіе ту же самую старуху, которая была ихъ сосѣдкою въ первое представленіе оперы. Она вертѣлась на своемъ мѣстѣ съ сильнымъ негодованіемъ.

Влюбленные не замѣчали движеній старухи, чѣмъ она оскорблялась чуть ли еще не больше. Не вытерпѣвъ, она сказала наконецъ въ антрактъ Кметьеву:

— Вы, батюшка, хоть бы спиной ко мнѣ повернулись, что ли. Оно хоть и не учтиво, но все же лучше, чѣмъ глядѣть на васъ?

— Которое это представленіе? спрашивала улыбаясь Гаронская, въ то время, какъ они выходили изъ театра.

— Все-таки пятос, отвѣчалъ онъ, потому что не сегодняш-

нее рѣшило мою участь. Такихъ, какъ сегодня, у насъ будетъ много впереди, а главныя событія моей жизни совершились все-таки только въ пяти представленіяхъ.

Свадьба Кметьева и Гаронской была послѣ Святой. Онъ выдержалъ такъ блистательно еще два мѣсяца испытанія, что Гаронская сама удивлялась его перерожденію. Послѣ свадьбы они уѣхали на дачу и вернулись только къ представленіямъ итальянской оперы. На этотъ разъ они абонировались въ ложѣ четвертаго яруса, разсчитавъ, что два кресла обойдутся имъ почти въ ту же цѣну. Съ тѣхъ поръ ихъ можно видѣть по средамъ всякую зиму въ театрѣ. Они не пропускаютъ ни одного представленія. Посѣщеніямъ оперы не помѣшало даже рожденіе маленькаго Кметьева, явившагося въ свѣтъ въ апрѣлѣ пятьдесятъ перваго года. Большой Кметьевъ сталъ даже, кажется, не только любить, но и понимать музыку, которою жена его занимается очень усердно и даже продолжаетъ давать уроки у себя на дому нѣкоторымъ изъ своихъ избранныхъ ученицъ, хотя могла бы обойтись и безъ того, потому что дохода мужа, переставшаго выѣзжать въ свѣтъ и посѣщать вечера, имъ очень достаточно для жизни не роскошной, но приличной. До сихъ поръ они все еще очень счастливы.

ВЛАДИМИРЪ ЗОТОВЪ.

II.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

СКРИБЪ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ улицѣ Сентъ-Дени, близъ рынка Des Innocents находился незатѣйливый магазинъ модныхъ вещей, подъ вывѣскою «Черной Кошки.»

Тамъ-то 25-го декабря 1791 года явился на свѣтъ Августинъ-Евгеній Скрибъ, плодовитѣйшій водевилистъ временъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Домъ, въ которомъ родился Скрибъ, существуетъ еще и понынѣ. Онъ составляетъ уголь улицы де-ла-Рейни. Только модный магазинъ уступилъ мѣсто кондитерской съ тою же вывѣскою «Черной Кошки» или правильнѣе сказать «Черныхъ Кошекъ», потому что великолѣпная пара этихъ животныхъ льпной работы красуется надъ первымъ этажемъ дома.

Скрибъ лишился отца еще въ колыбели. Госпожа Скрибъ, перепродавъ свою торговлю и выручивъ все свои деньги, переехала жить къ церкви Роха, откуда съшъ ея, едва достигнувъ четырехлѣтняго возраста, какъ говоритъ г. де Ломени, «могъ слышать перестрѣлку генерала Бонапарта, съ парижскими муниципалитетами,» въ слѣдствіе которой возникла имперія.

Знаменитый водевилистъ обучался въ училищѣ св. Варвары и въ Наполеоновскомъ лицѣ* въ которомъ Скрибъ, три года

* Бывшее училище Генриха IV.

сряду получалъ публичную награду въ присутствіи полного собранія четырехъ коллегій.

Находясь въ училищѣ св. Варвары, Скрибъ тѣсно сдружился съ своими товарищами Казимпромъ и Жерменемъ Делавинь, которые остались и въ послѣдствіи лучшими его друзьями въ жизни.

Однажды учредителямъ училища св. Варвары вздумалось обратить доходы его въ акціи. *

Старые воспитанники узнавъ объ этомъ, собрались на чрезвычайный пиръ, устроенный потому случаю, и между завтракомъ и десертомъ состоялась подписка на всю сумму акцій.

Въ эту пору жизни Скрибъ былъ уже богатъ. Одинъ онъ взялъ акцій на 70 т. франковъ, и сталъ однимъ изъ главныхъ распорядителей по училищу св. Варвары.

Скрибъ приобрѣлъ заведенію три поколѣнія воспитанниковъ. Произнесите имя Скриба въ училищѣ св. Варвары, и тысяча отголосковъ повторятъ его съ энтузіазмомъ. Поговаривали даже о томъ, чтобъ поставить, въ честь Скриба, статую на срединѣ обѣденной залы училища.

Но не станемъ предупреждать ни времени, ни событій.

Бывшая магазинщица, гордясь успѣхами своего сына, рѣшилась сдѣлать его адвокатомъ. Уже болѣе полустолѣтія среднее сословіе назначало въ стряпчие всѣхъ учениковъ—тріумфаторовъ въ дни наградъ.

Потомствомъ ихъ напоиленъ храмъ Фемиды.

Когда въ храмъ этомъ дѣлается невыносимо тѣсно, то самые ловкіе изъ судейскаго сословія, вырываясь изъ рядовъ, переходятъ изъ храма правосудія во дворецъ Бурбонскій. Адвокатъ дѣлается депутатомъ, депутатъ — министромъ.

Мать Скриба жила мало, чтобъ внушить своему сыну преданія средняго сословія, состоящія въ искусствѣ захватывать всѣ возможные правительственныя должности. Съ прискорбіемъ замѣчала она въ молодомъ человѣкѣ, по выходѣ его изъ училища, очень мало вкуса и призванія къ судейской карьерѣ. Бартоль надобдалъ ему, Кюжа развивалъ мигрень. Юноша рѣшился было работать подъ надзоромъ одного стряпчаго, которому онъ перепортилъ всѣ документы до того, что тотъ вышужденъ былъ

* Дѣло шло о выручкѣ 600 т. франковъ на перестройку нѣкоторыхъ частей зданія училища, грозившихъ разрушеніемъ.

отблагодарить своего писца и вручить ему дипломъ полной и совершенной неспособности къ судейскимъ дѣламъ.

Въ это время умерла мать Скриба.

Сынъ, следуя внушеніямъ сыновняго почтенія и любви, не отклонялся отъ направленія, дачнаго ему матерью. Но не такъ поступалъ онъ въ сношеніяхъ съ г. Боннѣ, котораго сдѣлали его опекуномъ.

«Идя въ судъ, говоритъ біографъ Скриба, о которомъ мы упоминали выше, онъ постоянно сворачивалъ въ долину Монморанси, гдѣ и блуждалъ — только не одинъ.»

Возвращаясь уже вечеромъ, онъ заходилъ въ театръ улицы де Шартръ, гдѣ его поджидалъ Жермень Делавинъ, школьный его товарищъ, съ которымъ еще на скамьяхъ училища Св. Варвары онъ уже пробовалъ сочинять двѣ-три піесы.

Одинъ изъ моднѣйшихъ сочинителей «Пьсенокъ» былъ въ то время Дюпенъ. Наши молодые друзья питали къ нему самое простодушное удивленіе. Къ нему-то обращались они съ просьбою просмотрѣть ихъ драматическіе опыты.

«Это не совсѣмъ дурно, сказалъ имъ Дюпенъ: тутъ видна неопытность, но все это не безъ цвѣтистости, не безъ остроты; есть даже много хорошихъ куплетовъ. Работайте! Я буду вашимъ руководителемъ, и все пойдетъ какъ по маслу.»

Скрибъ и Жермень Делавинъ предстали на судъ публики подъ покровительствомъ этого великаго таланта, 2-го сентября 1811 года; первое произведеніе двухъ школьныхъ друзей явилось на сценѣ театра Водевиля. Оно было принято публикою неблагоклонно. Піеса называлась «les Dervis *» (Дервиши.)

«Ну, чтожъ! утѣшались ихъ Дюпенъ, послѣ неудачи, не переставайте работать, привыкайте къ огню. Я видѣлъ на своемъ вѣку и не такія паденія.»

Молодые люди принялись за новый трудъ. Но и три послѣдующія піесы имѣли ту же участь.

«Театръ Водевиля для васъ несчастливъ, сказалъ Дюпенъ двумъ друзьямъ: бросьте его, я предлагаю вамъ свое участіе въ трудъ, чтобъ вы были приняты въ театрѣ «Variétés». Есть ли у васъ сюжетъ?»

— Есть, отвѣчалъ Скрибъ.

* Это была арлекинада.

— Подъ какимъ названіемъ?

— Саламанкскій Бакалавръ.

— Безподобно! Принесите мнѣ вашего бакалавра.

Наши друзья перестали сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ, работая вмѣстѣ съ такою знаменитостію.

Увы! партеръ театра Variétés былъ также несправедливъ, какъ и публика театра Водевилья. Талантъ Дюпена и тутъ не отвратилъ грозы.

— Ну, это ужъ слишкомъ! вскричалъ онъ послѣ этой неудачи. Кто-нибудь изъ васъ двухъ родился подѣ несчастною звѣздою.

— Вѣроятно я, сказалъ скромно Жермень Делавинь, а потому я отстраняю себя отъ всякаго участія въ трудахъ вашихъ.

Дюпенъ и Скрибъ принялись работать вдвоемъ. Они снова обратились къ сценѣ театра Водевилья. Новое дѣйствіе, подѣ именемъ «Барбанера или Горбатые», было поднесено на освѣщеніе лучами театральной рампы — публика жестокосердо задушила его въ колыбели*.

— Рѣшено! вы приносите мнѣ несчастіе, вскричалъ Дюпенъ. Прощайте.

Другой на мѣсть Скриба упалъ бы духомъ. «Но онъ, говоритъ Лупъ Гюаръ, въ своей «Galerie de la presse» принялся за работу еще съ большимъ рвеніемъ и настойчивостію. Скрибъ, разбитый не разъ публикою, научился одерживать надъ нею победы. Однажды постигнувъ эту тайну, онъ удержалъ ее за собою съ постояннымъ успѣхомъ.» Первымъ успѣхомъ молодого водевилиста была пьеса «L'Auberge ou les brigands sans le savoir—Трактиръ или Разбойники поневоля.» Сотрудникомъ въ ней былъ Делестръ-Пуарсонъ. Скрибъ сказалъ ему:

— Я узналъ причину неудачи моихъ первыхъ пьесъ.

— О это весьма важно. Чтожъ это за причина? спросилъ Пуарсонъ.

— Я шель по избитой дорогѣ. Я подражалъ стариннымъ образцамъ, не понявъ ни ихъ пути, ни пружинъ, которыми они дѣйствовали. Пора изгнать изъ водевиля пошлыя роли, какъ

* Въ это же самое время Скрибъ поставилъ комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ подѣ названіемъ «La redingote et la reguiche» (сюртукъ и парикъ) съ музыкаю де Геене. Опера торжественно упала.

Пикарь изгналъ ихъ изъ комедіи. * Словомъ я хочу слѣдовать примѣру Молиера и описывать нравы только нашей эпохи.

— Bravo! мысль славная, воскликнулъ Пуарсонъ.

Скрибъ продолжалъ:

— Прежде всего выведемъ на сцену генераловъ и полковниковъ время имперіи. Отъ военныхъ перейдемъ къ статскимъ, и спускаясь ниже, дойдемъ до купцовъ. Нотариусы, стряпчіе, мѣщане, сидѣльцы, всѣ будутъ описаны нами!

— А національная гвардія! сколько въ ней одной славныхъ типовъ! вскричалъ Пуарсонъ.

— Я объ ней и позабылъ, сказалъ Скрибъ, начнемъ съ нея.

— Охотно, охотно!

И тутъ же былъ составленъ планъ комедіи-водевиля, подъ названіемъ «Ночь Национальной Гвардіи.» ** имѣвшей блистательный успѣхъ.

Скрибъ вдругъ вышелъ изъ очарованнаго круга неудачъ. Начавъ сочинять эту піесу, онъ предложилъ условіемъ, чтобъ Жермень Делавинъ былъ въ ней третьимъ сотрудникомъ. Но Жермень отказался.

— Во мнѣ нѣтъ ни твоей настойчивости, ни твоей увѣренности, сказалъ онъ Скрибу. Работай безъ меня.

— Чортъ возьми! а кто же будетъ сочинять куплеты? возразилъ Скрибъ. На себя я плохо надвюсь, а что касается до Пуарсона, то онъ въ нихъ еще менѣ моего смыслить.

— Пожалуй, мы съ братомъ Казимиромъ сочинимъ ихъ для твоей піесы.

— Такъ будь же въ ней сотрудникомъ.

— Нѣтъ, театръ мнѣ опротивѣлъ. *** Пожалуйста не церемонься, и пользуйся нашими рифмами сколько тебѣ будетъ нужно.

Скрибъ воспользовался дружескимъ предложеніемъ.

Казимиръ и Жермень Делавинъ щедро надѣлили его піесу «Ночь Национальной Гвардіи» куплетами.

* Пикарь первый подалъ сигналъ къ драматическому возрожденію своими замѣчательными по оригинальности піесами: Скрибу принадлежитъ честь новаго литературнаго направленія на сценѣ театра улицы де-Шартръ.

** Боясь, чтобъ роль Пижона не оскорбила большинство зрителей партера, авторы піесы перемѣнили ее названіе на «Ночь въ караульнѣ», но не далѣе какъ на другой день піесу возвратили ее первоначальное прозвище.

*** Только десять лѣтъ спустя, Жермень сталъ сотрудникомъ Скриба въ піесахъ: «Полковникъ» и «Дѣтскій Бракъ», комедіи-водевиля, игранныя на сценѣ театра Gymnase.

Слѣдующіе стихи, положенные на мотивъ вальса «Valse de Navre», плоды той же самой музыки, которая произвела драму «Людовикъ XI.»

Je pars ;
 Déjà de toutes parts
 La nuit sur nos remparts
 Jette une ombre
 Plus sombre.

Chez vous
 Dormez, époux jaloux,
 Dormez, tuteurs! pour vous!
 La patrouille
 Se mouille.

Au bal
 Court un original,
 Qui d'un pas fatal
 Redoutant la fortune,
 Marche d'un air contraint,
 S'eclabousse et se plaint
 D'un reverbère éteint
 Qui comptait sur la lune.

Не приводимъ здѣсь остальныхъ стиховъ: ихъ болѣе пятидесяти, всѣ они такого же рода и той же бойкости.

Скрибъ заплатилъ съ процентами за куплеты. Казимиръ Делавинъ не начиналъ ни одного сочиненія, не посоветовавшись предварительно съ своимъ другомъ — водевиллястомъ. Онъ уже умѣлъ оценить въ какой высокой степени Скрибъ обладалъ даромъ построения плана пьесы. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, авторъ пьесы: «Дети Эдуарда» не дошелъ бы въ ней до той степени творчества, которая пріобрѣла такой блестящій успѣхъ на сценѣ театра Comédie Française.

Остановимся здѣсь не много, чтобъ опредѣлить талантъ Скриба.

Скажемъ прежде всего, что этотъ талантъ неоспоримъ, обширенъ. Никогда до Скриба ни одинъ авторъ не достигалъ столь общихъ и повсемѣстныхъ успѣховъ. Ни для кого восторгъ публики не выражался съ большимъ энтузіазмомъ при блескѣ театрального освѣщенія.

А между тѣмъ Скрибъ лишень художественности. За то онъ обладаетъ великимъ даромъ построенія, расположенія плана и еюжета пѣсы. Воздвигая свое драматическое зданіе, онъ успѣеть такъ скрѣпить всѣ части своей постройки, что дѣлаеть его несокрушимымъ.

Тщетно критика пожимаетъ плечами, тщетно съ презрѣніемъ, при процѣнкѣ дарованія Скриба, она едва процѣживаетъ сквозь зубы слово: построеніе плана, желая придать ему оскорбительное значеніе.

Построеніе на сценѣ — это творчество, жизнь.

Прежде всего надо, чтобъ дитя твердо стояло на ногахъ и не было изувѣчено. Пусть потомъ одеваютъ его болѣе или менѣе художественно, это не помѣшаетъ ему владѣть всѣми его членами, стоять твердо и дышать легко.

Основа сочиненія можетъ обойтись безъ слога—слогъ ничто безъ нея.

Вся тайна успѣховъ Скриба заключается въ этомъ. Она — даръ, главнѣйшій и необходимѣйшій для жизни и существованія всякаго сценическаго произведенія. Этотъ даръ — неотъемлемая принадлежность Скриба въ высшемъ его проявленіи.

Пѣсы Скриба, не смотря на многіе ихъ недостатки, обладаютъ могучимъ сложеніемъ. Онъ живутъ и проходятъ передъ зрителями твердою поступью, рѣдко спотыкаясь.

Послѣ успѣха его «Национальной Гвардіи», водевилить идетъ отъ торжества къ торжеству: «Флора и Зефиръ», «Подвязка Новобрачной», «Графъ Ори», «Новый Пурсоньякъ», «Проепитель», «Праздникъ Мужа», «Отель четырехъ націй», «Посѣщеніе Бедлама», «Сонабулка», «Два наставника» и двадцать другихъ пѣсѣ смѣняютъ одна другую на театрахъ Varietés и Водевиля.

Золотой рудникъ въ полной разработкѣ. Сотрудники, отягченные рукописями всѣхъ родовъ и размѣровъ, бѣгутъ въ улицу du Sentier, гдѣ живетъ счастливецъ Скрибъ. Они ждутъ въ его прихожей.

Дюпенъ и Делестръ-Пуарсонъ охраняютъ, сколько можно, входъ къ Скрибу.

Только Бразьё, Кармушъ, Мельвилъ и Сентинъ * допускаются въ таинственную дверь, и къ раздѣлу пріисковъ золотой руды.

* Авторъ «Риссиола» былъ сотрудникомъ Скриба во многихъ пѣсахъ, изъ которыхъ главнѣйшія: «Свидѣтель» «Паша и Медвѣдь» и «Герцогъ Олоньскій».

Скрибъ становится настоящимъ театральнымъ поставщикомъ. Онъ создаетъ въ огромныхъ размѣрахъ торговлю водевилями и комическими операми, наблюдая, чтобъ поставка ихъ не прекращалась ни на одномъ изъ театровъ, безостановочно и точно, часъ въ часъ, минута въ минуту.

Это тотъ же магазинъ подъ вывѣскою «Черной кошки», только магазинъ другихъ произведеній. Вместо ситца и кисеи, тутъ продаются акты, пѣсы и куплеты — все по настоящимъ цѣнамъ.

Съ первыхъ попытокъ Скрибъ выказываетъ способность къ счетамъ и выкладкамъ, не уступая въ нихъ Бомарше. Какъ авторъ «Свадьбы Фигаро» Скрибъ требуетъ немедленной уплаты по мѣрѣ выручки * за пѣсу, находя смѣшнымъ позволять другимъ богатымъ на его счетъ. Только съ 1817 года, послѣ успеха въ театрѣ Variétés пѣсы Скриба «Проситель», организовался новый порядокъ платы за драматическія произведенія. Основана театральная коммиссія и контроль. Пактоль измѣнилъ свое теченіе, и золотыя волны его полились въ карманы сочинителей. Скрибъ перемѣнилъ теченіе золотой рѣки.

Защищая свои собственные интересы, онъ защитилъ и выгоды своихъ собратій, возстановилъ реформу съ настойчивостью и правомъ успѣха.

Жатва литературнаго поля стала производиться правильно и день отъ дня становилась изобильнѣе. Лучшіе, плодороднѣйшіе колосья обогащали житницы Скриба. Смѣшленный пахарь, онъ умѣлъ воздѣлывать свою пашню такъ, что она приносила ему двойной сборъ.

Такъ шло до 1820 года.

Модному водевилісту наступилъ тридцатый годъ. Въ это время онъ жилъ вмѣстѣ съ искреннѣйшимъ изъ друзей своихъ, служившихъ въ какомъ-то министерствѣ, и на котораго Скрибъ возложилъ обязанность наблюдать за сценическими его успѣхами. Этого друга звали Фурниѣ. Иногда онъ и самъ участвовалъ въ составленіи водевилей, выдумывалъ остроту, но это не входило въ спеціальную его обязанность. Фурниѣ бѣгалъ по театральнымъ фойе, замѣчалъ впечатлѣніе, производимое на зри-

* Театральныя дирекціи часто покупали у авторовъ пѣсы за ничтожную плату. Выручка до нихъ уже не касалась. Дезожіе, Моро, Бразіе получали иногда не болѣе 25 — 30 и даже 18 ф. за актъ. Только театры Français и Водевиль платили, смотря по успѣху пѣсы.

телей пьесами друга, ловко раздувалъ между ними энтузіазмъ, смягчалъ приговоры строгихъ критиковъ, словомъ употреблялъ все усилія, чтобъ сдѣлать своего друга великимъ писателемъ.

Нерѣдко Скрибъ былъ обязанъ Фурніе большимъ числомъ аплодисментовъ.

Въ день первыхъ представленій Фурніе раздавалъ купоны и билеты въ кресла 40—60-ти друзьямъ, помещался въ срединѣ оркестра, окруженный этою дружескою когортою, и такимъ образомъ составлялъ групу хлопальщиковъ, которыхъ публика не подозрѣвала въ неискренности. Громъ рукоплесканій бѣлыхъ перчатокъ сообщался ложамя и галереямъ, которыя почти постоянно ему вторили.

Между тѣмъ новый театръ приготовлялся открыть свои представленія. Директоры его Делестръ, Пуарсонъ и Серфберъ, прежде всего постарались завербовать Скриба.

Плодовитый водевилецъ съ толпою своихъ сотрудниковъ, къ которымъ присоединились Моро, Дюмерсанъ, Дюпати, Франси и Мазеръ, начали блестящую кампанію, не уступавшую той, которая занимала зрителей десять лѣтъ тому назадъ на сценѣ театра Gymnase. Каждый новый успѣхъ не уступалъ въ успѣхъ предъидущему.

Трудно сдѣлать не только обзоръ всемъ пьесамъ Скриба, даннымъ на новомъ театрѣ подъ фирмою *Voyage-nouvelle*, но даже просто перечислить ихъ. Ихъ было болѣе полутораста. * Не было еще примѣра такому постоянному и продолжительному успѣху.

Герцогиня Беррійская много способствовала своимъ покровительствомъ успѣху театра Gymnase. Частое ея тамъ присутствіе привлекало туда и среднее сословіе, и сент-жерменскую аристократію. И та и другая публика соединялась въ нераздельномъ поклоненіи модному водевилісту.

«Въ такомъ положеніи дѣль, говоритъ де Ломени, Молиеръ образовалъ бы свою публику. Но Скрибъ не Молиеръ. Скрибъ избралъ легчайшій путь, менѣе грозившій перемѣнами, болѣе

* Кромѣ уже упомянутыхъ нами, главнѣйшими были слѣдующія: «Платоническая Любовь», «Фронтенъ», «Мужъ холостякъ», «Мишель и Христина», «Малабарская Вдова», «Дворникъ», «Отплата», «Карантинъ», «Лучшій день въ жизни», «Дѣвушка-невѣста», «Медовый мѣсяцъ», «Бракъ по разуму», «Бракъ по любви», «Крестная мать», и проч., и проч. и проч. Всѣхъ не перечесть, хотя между непоименованными много весьма замѣчательныхъ.

гладкій и спокойный. Онъ поддѣлался подъ вкусъ и требованія своей публики. Отказавшись отъ широкихъ размѣровъ искусства, отъ жесткихъ приговоровъ истины, отъ энергій сатиры, Скрибъ предпочелъ быть граціознымъ, милымъ, кокетливымъ, многоръчивымъ и остроумнымъ. Онъ вывелъ на сцену разныя положенія болѣе или менѣе трудныя и щекотливыя, прикрывая ихъ прозрачнымъ и цвѣтистымъ покровомъ.

Не подлежитъ спору, что простыя и грубыя тривіальности Молиера въ сущности гораздо нравственнѣе и благопристойнѣе сладковоркующей фразеологии и покрытыхъ флеромъ разныхъ сценическихъ положеній Скриба *.

Нашему вкусу выпало на долю видѣть любопытнѣйшій феноменъ, дотолъ никогда неявлявшійся на литературномъ горизонтѣ. Мы говорили объ этой странной маніи, вдругъ овладѣвшей нынѣшними авторами соединяться вдвоемъ, втроемъ и даже вчетверомъ, чтобъ произвести умную піесу. Оно оригинально, если хотите, но очевидно не признакъ литературнаго прогресса. Тутъ видна бѣдность творчества, недоверіе къ самому себѣ, безсиліе. Самостоятельное и мощное дарованіе не можетъ обращаться къ другому за пособіемъ къ созданію своего творенія. Не имѣть силы создать и бѣжать къ сосѣду за помощью — очень забавно!

Пожалуй, иные скажутъ, что сотрудничество не всегда бываетъ признакомъ бездарности и безсилія, а что оно иногда бываетъ дѣломъ разчета.

Справедливо. Мы не должны забывать, что уже болѣе сорока лѣтъ меркантильные нравы мелкихъ торгашей привились къ литературѣ.

Но барыши ведутъ къ разработкѣ чужаго ума, а отъ этого до корыстнаго чувства: пользоваться чужимъ умомъ и трудомъ — одинъ только шагъ.

Всегда ли честность можетъ удержаться, чтобъ не переступить этотъ роковой шагъ? Чему не были мы свидѣтелями и чего не видимъ безпрестанно передъ нашими глазами?

Отважные литературные пираты нагружаютъ свои суда чужимъ грузомъ, объявляютъ себя хозяевами и на всѣхъ парусахъ летятъ къ славы.

Мы не говоримъ этого на счетъ Скриба. Восемь лѣтъ тому

* См. Галерея знаменитыхъ современниковъ, соч. ничего незначащаго чело-вѣка. Томъ III, ст. Скрибъ.

назадъ, во время всѣмъ извѣстнаго процесса *. Движимые любовью къ истинѣ и уваженіемъ къ праву чужой собственности, мы напечатали слѣдующее: «Г. Скрибъ никогда не выходилъ изъ границъ честнаго сотрудничества и всегда объявлялъ имена своихъ сотрудниковъ. Скрибъ не только дѣлился выгодами выручки, но и славою съ тѣми, кто трудился съ нимъ на театральномъ поприщѣ. Онъ никогда не воспользовался успѣхомъ въ свою пользу и не срывалъ лавровыхъ вѣнковъ съ своихъ собратій. Скрибъ сдѣлалъ извѣстными Дюверье, Байяра, Теолона, Мельвиля и многихъ другихъ. Онъ выводилъ ихъ на сцену, и публика видѣла всѣхъ ихъ рука объ руку съ Скрибомъ. Онъ не пряталъ ихъ подъ спудъ, не задушалъ въ закулисномъ полумракѣ, чтобъ потомъ явиться одному подбирать со сцены цветы, при блескѣ освѣщенія и громъ рукоплесканій партера.

«Однимъ словомъ Скрибъ не лишалъ своихъ сотрудниковъ «того, что дороже всего для литератора — славы».

Вотъ что мы говорили тогда, и что намъ пріятно сказать и нынѣ въ похвалу Скриба.

Если сотрудничество вошло въ моду, вопреки логикѣ и здравому смыслу, то пусть будетъ извѣстно, что Скрибъ честнѣйшій и трудолюбивѣйшій изъ всѣхъ сотрудниковъ.

Не довольствуясь частью своего труда, онъ передѣлываетъ трудъ другихъ, и часто совершенно воссоздаетъ цѣлыя сцены.

Написавшій не узнаетъ ихъ самъ.

На одномъ изъ ежемѣсячныхъ обѣдовъ, даваемыхъ дирекціею, одинъ молодой водевилецъ, не бывшій никогда сотрудникомъ Скриба, сталъ относиться объ немъ не совсѣмъ прилично.

«Онъ сочинилъ 300 пѣсень съ помощью умныхъ и знающихъ людей. Выведите пропорцію, и мы увидимъ, что въ этомъ громадномъ сценическомъ трудѣ умъ Скриба относится къ уму сотрудниковъ какъ 1 — 40.»

— Могу увѣрить васъ, что вы ошибаетесь, возразилъ ему Кармушъ, присутствовавшій на томъ же обѣдѣ.

— Чѣмъ вы это докажете?

— Личнымъ моимъ свидѣтельствомъ. Я сочинилъ до пятнадцати водевилей въ сотрудничествѣ съ Скрибомъ, и могу смѣло увѣрить васъ, что во всѣхъ моихъ водевиляхъ нѣтъ ни одного слова мнѣ принадлежащаго.

* Александра Дюма съ г. Галиарде по поводу драмы «La Tour de Nesle».

Такое искреннее сознание было ручательствомъ въ истинѣ.

Многіе изъ присутствующихъ были сотрудниками Скриба, и всѣ подтвердили слова Кармуша.

Скрибъ имѣетъ страсть передѣлывать чужое; въ этомъ онъ поставляетъ свою гордость. Онъ кладетъ на нихъ свой отпечатокъ, уничтожаетъ діалоги своихъ собратовъ, замѣняя ихъ своими, сознаетъ новыя сцены, придумываетъ другія положенія, передѣлываетъ самую завязку пьесы и совершенно измѣняетъ интригу.

Трудъ—страсть Скриба. Онъ три, четыре раза передѣлываетъ пьесу, сжигая предыдущія рукописи и начиная всегда снова.

Случилось Дюпену предложить Скрибу довольно плохую пьесу, имѣвшую два акта и только двухъ дѣйствующихъ лицъ. Скрибъ прибавляетъ третью роль, измѣняетъ двѣ написанныя Дюпеномъ; вмѣсто двухъ актовъ дѣлаетъ пьесу въ одинъ актъ, измѣняетъ совершенно видъ ея, и отдаетъ ее на разучиваніе.

Три недѣли спустя, пьеса является на афишѣ для перваго ея представленія.

Скрибъ приглашаетъ Дюпена къ себѣ обѣдать.

— Любезнѣйшій, поспѣшимъ обѣдать. Я везу васъ въ Gymnase. У меня есть ложа въ бенуаръ противъ сцены. Двѣ особы займутъ въ ней мѣста напередѣ. Мы сядемъ сзади, и насъ не увидятъ.

— А! вѣрно даютъ твою пьесу «Мишель и Христина»? спрашиваетъ гость.

— Да.

— Ты сочинялъ ее одинъ?

— Нѣтъ, вдвоемъ.

— Кто же другой сотрудникъ?

— Кушай скорѣе, ты его узнаешь.

Послѣ обѣда собесѣдники отправились въ Bonne Nouvelle.

Пьеса началась. Послѣ третьей сцены Дюпенъ говоритъ Скрибу:

— Какая прелесть! что за милья роли этого военнаго и молодой трактирщицы! Превосходно! Превосходно!

Слѣдуютъ другія сцены. Дюпенъ не перестаетъ восхищаться.

— Ну, теперь я надюсь, вы угадываете, кто мой сотрудникъ? спрашиваетъ его Скрибъ.

— Нисколько! Придумать не могу!.. но тѣ!.. ни слова больше! Я не хочу пропустить ни одного слова пьесы. Она восхитительна.

— Такъ, наслаждайтесь ею, сказалъ съ усмѣшкою Скрибъ.

Актеры продолжаютъ разыгрывать пьесу, и когда дошли до девятой сцены, Дюпенъ бормочетъ сквозь зубы:

— Чортъ возьми! Какъ это похоже на второй актъ нашей пьесы... согласны вы со мною?

— Ну, что дѣлать, мы измѣнимъ свой актъ, отвѣчаетъ Скрибъ.

— Однакожъ это досадно. Идемъ какъ будто носятся въ воздухъ, и вашъ сотрудникъ ловко подцѣпилъ мою мысль... А можетъ быть вы и сами тутъ ее вклеили?

— Нѣтъ, она не моя, а моего сотрудника.

— Да кто же онъ?

— Сей-часъ конецъ, вы сами услышите его имя.

Нѣсколько минутъ спустя, завѣса падаетъ при громкихъ аплодиссентахъ, потомъ она снова поднимается. Режиссеръ выходитъ и объявляетъ, по требованію публики, что авторы пьесы «Мишель и Христина» г.г. Скрибъ и Дюпенъ.

Можно представить себѣ удивленіе послѣдняго!

— О, дурной отецъ! говоритъ ему Скрибъ, не признавать своихъ дѣтей! Хорошо ли это?

— Еще бы! сказалъ едва опомнясь Дюпенъ, когда мнѣ подмѣнили ребенка еще у кормилицы!

И Дюпенъ бросился обнимать Скриба и благодарить за сотрудничество такого рода.

Пятьдесятъ разъ Скрибъ дѣлалъ подобныя продѣлки съ своими сотрудниками.

«Валерія», пьеса, которою Скрибъ дебютировалъ на театрѣ французской комедіи * была первоначально написана въ одномъ только актѣ. Главная роль назначалась Леонтина Фѣ, любимой артисткѣ театра Gynpase. Леонтина занемогла. Авторъ уничтожаетъ куплеты и одну только строку во всей пьесѣ, раздѣляетъ очень удачно пьесу на три дѣйствія, и съ торжествомъ несетъ въ комитетъ улицы Ришелье водевилъ, передѣланный такимъ образомъ въ трехъ-актную комедію.

Она была единодушно принята.

* Въ сотрудничествѣ съ Мельвилемъ.

Госпожа Марсъ взяла себѣ роль, назначенную первоначально Леонтинь Фѣ.

Всѣ піесы Скриба могутъ обойтись безъ куплетовъ, не теряя отъ того много. Скрибъ никогда не имѣлъ претензій на стихотворство.

Если наступитъ мода писать куплеты прозою, Скрибъ тотчасъ ухватится за такое нововведеніе.

Даровитость и знаніе сцены такъ велики у этого писателя, что самыя плохіе его куплеты всегда спасены интересомъ положенія.

Не смотря на бѣдность ритма и отсутствіе вдохновенія, Скрибъ написалъ однако до трехъ тысячъ стиховъ, т. е. немногимъ менѣе Ламартина и Гюго.

Если обсуживать комическія и не комическія оперы Скриба съ точки настоящаго искусства, такой обзоръ представитъ забавное изученіе.

Напрасно думаютъ, что поэзія и музыка, эти дочери гармоніи, должны ладить между собою.

Музыка со всею силою деспотизма властвуетъ надъ несчастною своею сестрою, поэзією. Она обращается съ нею жестоко, остригаетъ ей крылья, ранитъ ее своими крошами и дублькрошами до такой степени, что несчастная предается бѣгству и уступаетъ свое мѣсто недостойной прозѣ, которая прикрывшись обрывками ея одѣянія, походитъ на одну изъ вѣдьмъ въ Макбетъ, наряженную въ одежду музы.

Вотъ почему истинные поэты никогда не ладятъ съ композиторами-музыкантами.

Последнимъ нуженъ прозаикъ, снабженный лексикономъ риѣмъ, который бы могъ по волю ихъ и прихоти обрѣзывать или удлиннять фразы и покорно соглашаться на всѣ ихъ требованія.

Керубини, Мейерберъ, Боельдіе, Россини, Герольдъ, Оберъ и Карафа доставили Скрибу болѣе милліона франковъ; но надо сознаться, что этого вознагражденія мало за всѣ пытки, перенесенныя Скрибомъ отъ этихъ господъ.

Скрибъ простодушно говоритъ, что Мейерберъ сдѣлалъ его своимъ осломъ.

Волосы Скриба посѣдѣли въ этой странной работѣ, въ которой онъ ежедневно уничтожалъ то, надъ чѣмъ трудился наканунѣ для того, чтобъ всякій разъ начинать снова и потомъ снова уничтожать.

— Вотъ здѣсь, говоритъ ему Мейерберъ, разрывая листы либретто, нашъ сюжетъ непременно требуетъ романа.

— Хорошо, отвѣчаетъ Скрибъ; какого размѣра онъ вамъ нуженъ?

— Я желаю, чтобъ все стихи были восьми-сложные.

Скрибъ спѣшитъ сочинить романъ и отсылаетъ его маэстру, который съ своей стороны также поспѣшно возвращаетъ ему романъ при запискѣ:

«Восми-сложные стихи нигде не годятся, перемѣните ихъ на шести-сложные, они легче уложатся въ размѣръ моей музыки.»

Скрибъ покоряется. Романъ передѣлывается два, три, десять разъ, и когда авторъ пробился надъ ними цѣлую недѣлю, Мейерберъ раздираетъ ему стихи передъ носомъ.

— Откуда вы взяли, что сюжетъ требуетъ тутъ романа?

— Да не я требовалъ этого, а вы!

— Неужели я? Ну, такъ мы съ вами ошиблись.

Въ другой разъ, Мейерберъ, встрѣтаясь съ Скрибомъ на итальянскомъ бульварѣ, беретъ его подъ руку и таинственно шепчетъ ему на ухо:

— Мнѣ вчера пришла въ голову великолѣпная мысль!

— Для нашей оперы?

— Да.

— Что же это за мысль?

— Я бы желалъ въ четвертомъ дѣйствіи соединить всехъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ, и написать септуоръ.

— Это невозможно! восклицаетъ Скрибъ. Три первыхъ дѣйствія уже окончены. Иныя изъ лицъ уже не существуютъ. Если кончать такимъ образомъ, то надо было объ этомъ позаботиться въ началѣ пьесы.

— Конечно, я съ вами согласенъ. Это страшный для васъ трудъ... надо все передѣлать... Но септуоръ! подумайте только объ этомъ, септуоръ!

— Будь по вашему, говоритъ со вздохомъ Скрибъ: я все передѣлаю.

Шесть недѣль посвящено Скрибомъ на передѣлку.

Мейерберъ взявъ либретто, продержалъ его у себя ровно три года, и по прошествіи этого времени говоритъ своему со-труднику:

— Раздумавши хорошенько, я рѣшилъ не сочинять *нашего* септуора. Я предпочитаю ему монологъ.

Въ третій разъ Скрибу пришлось передѣлать совсѣмъ оконченную піесу, отъ первой страницы до послѣдней.

И прочіе композиторы дѣлали Скриба жертвою своихъ странныхъ выдумокъ и безразсудства.

Оберъ обрѣзаль ему одну изъ строфъ до того, что она потеряла всякій смыслъ. Боельдіе перемѣняли порядокъ строкъ и рѣчь, и дѣлалъ изъ стиховъ какую-то ревшую прозодію. Герольдъ переставлялъ цезуру стиха, а Карафа передѣлывалъ гекзаметръ въ четырнадцати-сложный стихъ.

Даже мадмуазель Бертенъ позволила себѣ въ «*Leur garou*» * окорнать два стиха. Она вздумала было тоже позволить себѣ, шесть лѣтъ спустя, съ либретто «Эмеральды», но глухое рыканіе литературнаго льва заглушило ея пѣніе, и звуки голоса ея замерли отъ страха. Она поняла, что съ поэзією Виктора Гюго надо обращаться иначе какъ съ стихами Евгенія Скриба.

Настала однако же неблагопріятная эпоха для автора, котораго жизнь мы описываемъ. Піесы его на розовой водичѣ вдругъ стали прискучать публикѣ. Она удалилась отъ благоуханій театра Gymnase. Скрибъ не умѣлъ удержать себя въ границахъ, и забылъ, что всякій сильный запахъ причиняетъ головную боль.

Скрибъ еще сильнѣе сталъ трудиться, но уже только изрѣдка блестялъ для него лучъ успѣха.

Изъ шестидесяти написанныхъ имъ въ эту пору піесъ, обратили на себя вниманіе только «Проступокъ», «Несчастія счастливаго любовника», «Лорнетъ», «Быть любиму или умереть», «Хижина и его сердце»; только этимъ немногимъ піесамъ удалось разшевелить равнодушіе публики и напомнить автору о прошлыхъ свѣтлыхъ дѣяхъ. **

Скрибъ былъ сердитъ на революцію.

Онъ рѣшилъ отмстить ей по-своему, то есть безъ жестокости, давъ ей щелчокъ по носу — букетомъ цвѣтовъ.

* Комическая опера, игранная въ 1828 г. Она была первымъ дебютомъ на музыкальномъ поприщѣ дочери главнаго редактора *Journal de Débats*.

** Въ теченіе, десяти лѣтъ, т. е. съ 1837 до 1848 г. Скрибъ не писалъ для Gymnase. Нынѣшній его директоръ, г. Монтинья, успѣлъ склонить Скриба снова отдавать сюда его піесы, между которыми позднѣйшими были «*Une femme qui se jette par la fenêtre*» Элоиза и Абеляръ, и проч.

Успѣхъ его пьесъ «Валеріи» и «Брака по расчету» отворилъ ему настежь двери театра Французской комедіи. Черезъ эту дверь онъ ввелъ своего «Бертрана и Ратона», подсмѣиваясь изъ подтишка на намекъ, который онъ въ ней дѣлалъ на нѣкоторыхъ лица.

Во всѣхъ сочиненіяхъ той эпохи, у плодовитаго водевилиста замѣтенъ отбѣнокъ желчности. Ему хочется, чтобъ его немножко боялись, ему хочется немножко попасть въ академики.

Вотъ какъ относится въ эту эпоху Фуртуль о Скрибѣ: «Онъ трудолюбивъ и честенъ; не бывши честолюбивымъ въ началѣ, онъ имъ становится теперь черезъ-чуръ. Онъ болѣе остроумень чѣмъ тонокъ, болѣе насмѣшливъ чѣмъ комикъ, болѣе смышленъ чѣмъ умень; онъ полагаетъ свое сценическое искусство въ правдоподобіи и подражаніи сущности, не подозрѣвая даже что можетъ существовать что-нибудь за границами реальности.»

Скриба можно сравнить съ зрительною трубкой, въ которую вы смотрите черезъ большія ея стекла; — она уменьшаетъ предметы. Выводимыя Скрибомъ лица становятся карликами.

Для избалованнаго сценою ребенка, исторія становится игрушкою, онъ съ нею шутить, коверкаетъ ее, ломаетъ въ мелкіе куски.

Прочтите пьесу «Стаканъ воды», если вы хотите знать какимъ образомъ важныя событія, по понятіямъ Скриба, рождаются отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. *

* До «Стакана воды» Скрибъ представилъ на сценѣ театра французской комедіи «Тайная страсть»; «Честолюбецъ», «Товарищество» и «Сынъ Кромвеля», который заплатилъ за блистательный успѣхъ упомянутыхъ трехъ пьесъ, шумнымъ паденіемъ. Съ 1845 до 1854, на этомъ же театрѣ представлены были: «Цѣпь», «Адриенна - Лекувреръ», «Сказки королевы Наварской», «Битва дамъ» и «Моя звѣзда.»

Насъ увѣряли, что около 1838, не смотря на свои годы, мамзель Марсъ все еще не хотѣла отказаться отъ ролей молодыхъ дѣвушекъ; директоры и нѣкоторые изъ членовъ товарищества театра французской комедіи обратились къ Скрибу, чтобъ онъ упросилъ г-жу Марсъ принять роль дуэны.

— Почемужъ нѣтъ. Бьюсь объ закладъ, что я уговорю ее. Закладъ принять. Скрибъ принялся за работу и сочинилъ для нея роль бабушки. Но чтобъ подсластить пилюлю, онъ придумалъ роль жениха, который бывъ уже помолвленъ за внучку, вдругъ влюбляется въ бабушку. Окончивъ комедію, Скрибъ поспѣшилъ ее прочесть знаменитой артисткѣ. Пьеса ей чрезвычайно понравилась.

— Вы понимаете, которая изъ ролей вамъ назначена? говоритъ ей Скрибъ.

— Совершенно понимаю, но кому-то вы отдадите роль бабушки?

Этотъ сценическій родъ представляетъ много интереса, мы не споримъ, но вмѣсто того чтобъ просвѣщать, онъ затемняетъ предметы; вмѣсто того чтобъ научать, онъ вводитъ въ заблужденіе.

Льстя по расчетамъ вкусу необразованной массы, Скрибъ не замѣчаетъ, что онъ трудится для настоящаго невѣжества.

Въ тотъ день, когда Скрибъ возсѣлъ на академическое кресло, упраздненное смертію господина Арно (который ужъ конечно отказалъ бы ему въ голосъ) одинъ академикъ сказалъ довольно громко, съ намѣреніемъ, чтобъ новый кандидатъ его слышалъ:

— Этому господину мало одного кресла, ему бы надо дать цѣлую скамью, чтобъ уместить на ней его самого и сорокъ восемь его сотрудниковъ.

Другой прибавилъ:

— Съ какихъ поръ принимаемъ мы въ средѣ свою макле-ровъ?

Эти двѣ выходки доказываютъ, что въ академіи случается услышать остроумное слово, и что злость изъ нея не изгнана.

Нападкамъ на Скриба, по поводу его возведенія въ званіе академика, не было конца. Въ особенности журналы и газеты не знали мѣры въ своихъ гнѣвныхъ выходкахъ, изъ чего можно заключить, что новый кандидатъ былъ не безъ дарованія. Изъ сорока *безсмертныхъ*, можно безошибочно двадцать пять поставить ниже Скриба.

Еслибы Скрибъ былъ болѣе художественъ, еслибы онъ глубже проникъ въ человѣческую природу вмѣсто того, чтобъ коснуться ее слегка и не сходить съ поверхности ея, онъ былъ бы одинъ изъ замѣчательныхъ сценическихъ дарованій. Онъ льпилъ изъ воску, вмѣсто того чтобъ отливать изъ чугуна; онъ льстилъ настоящему во вредъ будущему — а какъ настоящее не можетъ дать безсмертія, оно дало ему — золото.

Скрибъ обладаетъ тремя милліонами франковъ.

Точность, съ которою онъ правитъ своєю финансовою ладьею, позволяетъ ему нагружать ее все болѣе и болѣе золотыми слитками, не подвергая ее опасности.

При этомъ вопросъ Скрибъ потерялъ всякую надежду усеѣха. Онъ объявилъ свой закладъ програнымъ, и отдалъ піесу на сцену театра Gymnase. Леонтина Фе взяла роль и блистательно сыграла ее 14 мая 1840. Это была отплата за роль «Валеріи.»

Авторскія права доставляютъ ему въ иные годы огромную выручку съ театральныхъ доходовъ. Бывали такія піесы, что Скрибъ на свою долю получалъ отъ ста-шестидесяти до ста-восьмидесяти тысячъ франковъ.*

Спросите у издателей о характеръ Скриба, они вамъ его опишутъ самыми черными красками: всѣ они жалуются на его корыстолюбіе.

Но тише, господа! Позвольте остановить васъ на пути зло-рѣчія. Довольно долго и много вы грабили авторовъ. Спра-ведливо наконецъ теперь опустошить немного ваши карманы. Тор-гуя чужимъ умомъ, вы можете брать умѣренные проценты, но не пользоваться всѣмъ вырученнымъ за него капиталомъ.

Скрибъ первый началъ брать съ васъ отчеты, и оттого по-лучилъ кромъ прибыли и благодарность отъ его собратій.

Вы оставляете авторамъ славу... но это не даетъ вамъ права брать у нихъ всѣ ихъ деньги. Эти деньги будутъ въ лучшихъ ру-кахъ, чѣмъ оставаясь въ вашихъ. Скрибъ служитъ тому живымъ доказательствомъ.

Ни одинъ несчастный писатель не обращался къ Скрибу безъ того, чтобы не получить отъ него помощи.

Нѣсколько извѣстныхъ чертъ благотворительности Скриба дѣлаютъ ему честь.

Разъ, раннимъ утромъ, Сентонъ является къ Скрибу въ его отель, въ улицѣ Оливье Сентъ-Жоржъ, недавно имъ купленный. У подъезда, подъ воротами, на лѣстницѣ, вездѣ онъ видитъ толпу бѣдныхъ работниковъ. Сентонъ ихъ спрашиваетъ и узнаетъ, что всякое первое число каждаго мѣсяца, Скрибъ имъ раздаетъ родъ небольшого жалованья, для поддержанія ихъ бѣдныхъ семействъ, и что это будетъ продолжаться для каж-даго работника, пока онъ не найдетъ себѣ работы.

Сентонъ, бывшій другомъ и почти ежедневнымъ посѣтите-лемъ Скриба, ничего не зналъ о томъ, что продолжалось съ давняго времени.

* Прогрессія платы книгопродавцевъ за рукописи Скрибовыхъ піесъ очень лю-бопытна. Въ 1812, Барба заплатилъ ему за его «Трактиръ» 100 ф. Въ 1816 «Графъ Ори» проданъ за 400 ф. Въ 1822 издатель платилъ за «Валерію» до 3000 ф., а въ 1833 «Бертранъ и Ратонъ» проданъ за 4500 ф. Нынче пяти-акт-ная піеса Скриба не продается имъ менѣе 5000 франковъ.

Скрибъ роздалъ такимъ образомъ болѣе 500 т. франковъ на помощь, подарки и приданое. * По этому ему можно быть расчетливымъ съ издателями и отнимать у нихъ барыши, которыхъ они не употребятъ, конечно, на такія добрыя дѣла.

Скрибъ часто помогаетъ если не деньгами, то своимъ со-трудничествомъ, что иногда бываетъ еще выгоднѣе.

Мы приведемъ по этому случаю любопытный анекдотъ.

Дама пожилыхъ лѣтъ, бывшая когда-то наставницею юношества, является къ Скрибу съ рукописью водевиля своего сочиненія, подъ названіемъ «Эмпирики прежнихъ временъ.»

— Я заваленъ въ эту минуту работою, и вамъ, сударыня, придется долго ждать.

— Что дѣлать? Я буду ждать, лишь бы вы мнѣ совсѣмъ не отказали.

Рукопись оставлена въ рукахъ мастера-сотрудника, и дама удалилась, осчастливленная надеждой.

На другой же день Скрибъ пускается въ развѣдыванія и узнаетъ, что финансовыя дѣла дамы въ такомъ плохомъ положеніи, что она близка къ нищеть.

Онъ бросаетъ свои занятія, принимается за рукопись «Эмпириковъ», поправляетъ ее, передѣлываетъ, пересоздаетъ пьесу, отдаетъ ее на сцену, и она появляется на ней менѣе, чѣмъ въ шесть недѣль.

Къ несчастію, пьеса не имѣла большого успѣха.

Содержательница пансіона снова является къ Скрибу съ двумя новыми водевилями своего изобретенія, на которые она возлагаетъ болѣе блестящія надежды.

Такая плодовитость дамы синяго чулка становилась опасною.

Скрибъ поручаетъ Гюйо, одному изъ своихъ агентовъ по театральному сбору, отдать за «Эмпириковъ» 600 франковъ своей сотрудницѣ, не смотря на то будетъ ли даваема эта пьеса или нѣтъ. Такимъ образомъ госпожа Фридель, бывшая содержательница пансіона, могла уже расчитывать какъ-бы на ежегодную пенсію. Скрибъ думалъ этимъ отъ нея отдѣлаться, но ошибся въ своемъ расчетѣ.

* Скрибъ выдалъ свою племянницу за Баяра. Этотъ послѣдній славился тѣмъ, что унижалъ достоинство чужихъ сочиненій, преграждая имъ, сколько могъ, путь къ успѣху. «Какой у меня прекрасный племянникъ, отнесся о немъ Скрибъ, но какой дурной собрать по литературѣ!»

На него посыпались рукописи дамы и ежедневныя ея поощенія.

— Будемъ работать усерднѣе, говорила она водевилисту, мнѣ «Эмпирики» приносятъ порядочный доходъ, значитъ они имѣютъ блистательный успѣхъ. Въ прошломъ мѣсяцъ мы получили, какъ я слышала, болѣе другихъ выручки.

Скрибъ ухалъ на дачу, чтобъ скрыться отъ такихъ торжественныхъ выводовъ. Госпожа Фридель никогда не узнала тайны шнуровыхъ книгъ въ конторѣ Скриба. До конца своей жизни она получала 600 ф. ежегодно, хотя и была нѣсколько обижена тѣмъ, что Скрибъ сочинилъ до пятидесяти пьесъ въ сотрудничествѣ съ Мельвилемъ, тогда какъ съ нею написалъ только одну.

Всѣ плодовиые писатели распределяютъ часами своихъ занятій, и почти никогда не уклоняются отъ однажды принятаго порядка.

Уже тридцать лѣтъ Скрибъ не изменяетъ ему. Зимой и лѣтомъ, въ пять часовъ утра онъ уже у своего письменнаго стола на высокихъ ножкахъ, что позволяетъ ему заниматься стоя. Тутъ онъ работаетъ до полудня. Потомъ завтракаетъ, слѣдитъ за ренетиціями своихъ пьесъ. На другой день тоже, и такимъ образомъ колеса фабрики драматическихъ произведеній никогда не останавливаются. *

Намъ известно изъ достовѣрнаго источника, что Скрибъ, составляя алфавитный списокъ своимъ произведеніямъ и замѣтивъ, что въ немъ нечего поставить на три слѣдующія буквы: К, У и Х, тотчасъ написалъ пьесы и на эти буквы.

Нынче алфавитный списокъ полонъ, и число пьесъ составляетъ изумительную цифру: *триста сорокъ пять* пьесъ, заключающихъ въ себѣ 897 актовъ.

Навьюченный уже такою огромною ношею, Скрибъ отъ времени до времени пускался путешествовать и въ область романа. Многіе изъ его повѣстей были напечатаны въ Siècle. **

* Одинъ авторъ женившись на богатой дамѣ, успѣлъ пустить въ ходъ нѣсколько своихъ сочиненій посредствомъ довольно большой платы директорамъ театровъ. Жена его, убѣжденная, что и прочіе сочинители употребляютъ тѣже средства для представленія своихъ пьесъ, и прочитавъ въ фельетонѣ Жюль-Жанена о представленіи трехъ пьесъ Скриба на одной недѣлѣ, вскричала: «Три пьесы разомъ! Какое мотовство! вѣдь эдакъ Скрибъ разорится!»

** Замѣчательнѣйшія «Карлъ Боски», «Безыменная любовница», «Юдифъ», «Бубновый король» и «Морицъ», «Морицъ» — были, въ которой авторъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, и всѣ прочія лица этой пьесы еще живы.

Этотъ журналъ, въ которомъ касса всегда полна деньгами, купилъ у Скриба въ одно прекрасное утро рукопись «Пикилю Аллиага» за 20 т. экю.

Абоненты *Siècle* еще и теперь хранятъ печальное воспоминаше объ этомъ приобрѣтеніи далеко не художественномъ.

Вѣроятно они не пожелаютъ болѣе такой жертвы отъ своего журнала. Слогъ Скриба можно переносить на сцену, но не въ чтеніи. Его драматическія положенія худо вяжутся между собою въ длинномъ разсказѣ, охлаждають интересъ чтенія, уничтожаютъ энергію дѣйствія, дремлютъ сами и усыпляютъ читателя.

Вырученные 20 т. экю послужили Скрибу къ приобрѣтенію части лѣса, примыкающаго къ серикурскому его парку и названнаго имъ пикилевской рощей.

Дача Скриба, Серикуръ, * настоящій земной рай.

Прорывавъ въ ней нѣсколько болотистыхъ мѣстъ, Скрибу удалось создать три рѣки, орошающія пять сотъ десятинъ земли, составляющихъ это прекрасное помѣстье.

Госпожа Скрибъ ** пыталась было обратить своего мужа къ садоводству, и тѣмъ отклонить его отъ театральныхъ трудовъ, уже тягостныхъ для челоука его лѣтъ. Но всѣ ея старанія были безуспѣшны.

Замѣтивъ, что мужъ ея часто сталъ посѣщать оранжерею съ цвѣтами, мадамъ Скрибъ вообразила, что онъ сталъ пристращаться къ цвѣтамъ. Она вздумала поздравить мужа съ такою пріятною переменною, но войдя въ оранжерею, застала его сочиняющаго водевилъ «Камелии» *** на опрокинутомъ ящикѣ съ гераніумомъ.

* Прелестное имѣніе, лежащее въ департаментѣ Сень-и-Марль, близъ де-ла-ферте-Су-Жуаръ.

** Знаменитый водевилистъ женился 48 лѣтъ на г-жѣ Біоле, вдовѣ продавца ликеровъ. Она имѣла двухъ сыновей отъ перваго брака. Одинъ изъ нихъ женился на мамзель Байаръ. Говорятъ, что Скрибъ рѣшился жениться, чтобъ избѣжать многочисленныхъ преслѣдованій дебютантокъ Парижа и его окрестностей, которыя являлись къ нему за ролями и выпрашивали ихъ улыбочками и глазками. Со времени женитьбы, здоровье Скриба поправилось. Онъ окруженъ угодливостію и вниманіемъ. Жена его и старый служитель берегутъ его и пекутся о немъ, не показывая ему о томъ вида.

*** Эта пьеса осталась въ бумагахъ Скриба по причинѣ ея названія. Успѣхъ для нея былъ сомнителенъ по одному сравненію съ «*Dame aux Camélias*», въ то время имѣвшей блистательный успѣхъ.

У себя на Серикурской виллѣ Скрибъ живетъ настоящимъ баринѣмъ. Близъ-живущіе поселяне очень любятъ двухъ супруговъ. Нѣтъ такой хижины, которую бы не посетила супруга Скриба. Неимущіе окружныхъ селеній считаютъ ее своимъ добрымъ геніемъ. Возвращаясь на зиму въ Парижъ, госпожа Скрибъ не прекращаетъ и въ немъ своихъ трудовъ на пользу несчастныхъ. Это настоящая сестра милосердія. Гордясь ею, и слѣдуя ея примѣру, всѣ богатыя дамы втораго округа соединились во имя благотворительности, и благодаря этому союзу, болѣе полутора ста неимущихъ семействъ призрѣны и успокоены.

— Не отвлекай меня отъ работы, сказалъ Скрибъ женѣ своей; я предоставляю тебѣ барыши отъ моихъ сочиненій въ пользу твоихъ бѣдныхъ.

Съ тѣхъ поръ госпожѣ Скрибъ кажется, что мужъ ея не довольно скоро сочиняетъ свои сценическія произведенія.

И то надо сказать, что сюжеты истощились для плодовитаго водевилиста. Онъ изсушилъ весь источникъ вымысла, и нынче часто, роясь въ своихъ бумагахъ, отыскиваетъ давнишніе очерки, изъ которыхъ ему подѣ часъ удастся создать полныя картины.

Выручка за его піесы продолжаетъ быть изобильною.

Скрибъ обладаетъ къ тому же однимъ средствомъ производительности, которымъ пользовался всегда: онъ пересоздаетъ чужія мысли, дурно опредѣленные и мало очерченные другими водевилистами; онъ обрѣзываетъ, выворачиваетъ наизнанку цѣлые акты, придаетъ имъ свой лоскъ и выдаетъ ихъ за новостъ. Искусство Скриба въ работѣ такого рода изумительно.

Случалось пронизательности какого нибудь директора театра замѣтить подлогъ.

— «Бѣлая Роза!» позвольте, «Бѣлая Роза», такъ кажется называлась піеса, игранная годъ тому назадъ въ театрѣ la Gaïeté, спрашиваетъ Гранье Скриба.

— Да, тамъ была играна «Бѣлая Роза», отвѣчаетъ Скрибъ.

— И сюжетъ тотъ же самый?

— Совершенно тотъ же.

— Чертъ возьми!.. но та піеса торжественно упала.

— Что вамъ до того, если у васъ она будетъ имѣть успѣхъ.

Гранье рѣшается принять либретто. Музыка на нее сочинена. Настаетъ день представленія, и «Бѣлая Роза» покрыта рукоплесканіями, самыми оглушительными.

Скрибъ присутствуетъ при всѣхъ первыхъ представленіяхъ своихъ піесъ. Если піеса падаетъ, онъ потираетъ себѣ руки и говоритъ :

— На будущій годъ я все передѣлаю!

Скрибъ характера очень мягкаго. Обращеніе его всегда вѣжливо, исполнено такта и приличія. У него назначены вечера по четвергамъ, съ цѣлію доставить себѣ удовольствіе поиграть въ вистъ, но онъ не можетъ до него добиться обремененный заботами любезнаго хозяина дома, обязаннаго заниматься своими гостями.

Мы должны остановиться въ границахъ предположеннаго нами очерка этого писателя, хотя бы еще многое можно было сказать о немъ занимательнаго.

Скрибъ нелюбимъ своими собратами-сочинителями по двумъ причинамъ:

Онъ не посѣщаетъ кофейные дома, гдѣ весьма часто эти господа съ сигарою въ зубахъ, между пивомъ и коньякомъ, находятъ вдохновенія для своихъ сочиненій. Вотъ первая изъ причинъ.

Вторая та, что почти на всѣхъ провинціальныхъ театрахъ Франціи и во всѣхъ городахъ Европы извѣстно только одно имя Скриба.

Ему приписываютъ всѣ игранныя піесы въ Парижѣ.

Не рѣдко случалось намъ самимъ видѣть афишу слѣдующаго содержанія :

«Тартюфъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, г. Скриба.

«Лукреція», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, г. Скриба.

Всѣ успѣхи ему приписываются, всѣ вѣнки сплетаются для него. Для провинціаловъ и иностранцевъ существуетъ одна театральная знаменитость, неизмѣнная, всегда блистательная — это слава Скриба.

Скрибъ счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Всѣ ему несутъ дань; никто у него не заимствуется.

Знатнѣйшія лица домогались чести быть сотрудниками Скриба.

Перо въ рукахъ Скриба сдѣлалось меркуріевымъ жезломъ.

Ему онъ обязанъ своимъ богатствомъ.

Если мы признаемъ въ знаменитомъ водевилѣ даръ построенія и основы сюжета, изъ этого однако не слѣдуетъ, что мы ставимъ его въ примѣръ во всемъ прочемъ.

Скрибъ искусный наблюдатель, но онъ не идетъ дальше поверхности и не проникаетъ въ глубину. Сочиненія его вѣрныя

отраженія безхарактерной эпохи, отраженія вѣка безъ силы и стремленія. Скрибъ мѣщанскій писатель по преимуществу, вотъ почему среднее сословіе во Франціи такъ восхищалось картинами, имъ представляемыми. Какъ это сословіе, Скрибъ также поверхностенъ; какъ оно, Скрибъ обладаетъ этимъ полужнаніемъ, составляющимъ бичъ нашей эпохи.

Скрибъ лишенъ самостоятельности.

Онъ старается стать въ уровень съ своими зрителями; онъ добровольно съуживаетъ окружность своего горизонта, влечется по избитому пути, стѣсняетъ полетъ своего мышленія и нянчится съ избитыми идеями и устарѣвшими выраженіями. Если ему попадется подъ руку оригинальная идея, онъ разобьетъ ее въ мелкіе куски, разложитъ и разжидитъ ее немилосердно до такой степени, что ее пойметъ самый лѣнливый умъ.

Скрибъ сознательно и по расчету работаетъ для посредственныхъ умовъ, т. е. для большинства.

Уличное слово, каламбуръ всегдѣ извѣстный — вотъ чего ищетъ Скрибъ. Онъ умѣетъ ихъ поставить на мѣсть и кстатѣ съ изумительнымъ успѣхомъ. И партеръ, и ложи подхватываютъ ихъ со смѣхомъ, встрѣчаютъ ихъ какъ старыхъ своихъ знакомыхъ.

Это не геніяльность, но ловкость.

Скажемъ болѣе: это биржевой курсъ, приложенный къ произведеніямъ литературы.

Когда сочинитель пренебрегаетъ слогомъ и не приноситъ своей лепты на жертвенникъ усовершенствованія языка — онъ уже не безукоризненъ.

Пусть прозаизмъ эпохи даетъ ему временной успѣхъ, пусть этотъ успѣхъ приноситъ автору золото... пусть такъ!... но пусть онъ откажется отъ будущей славы!

Созданія ума, внушенныя прихотью и модой, проходятъ и забываются вмѣстѣ съ этою модой.

Творенія Скриба состарѣются вмѣстѣ съ людьми, у которыхъ они исторгали похвалу. Ни одно изъ нихъ, и въ этомъ прискорбно сознаться, не носитъ на себѣ печати истины, которою такъ блестятъ творенія Молиера, творенія до сихъ поръ еще великія, какими они были за двѣсти лѣтъ, въ тотъ вѣкъ, который видѣлъ день ихъ рожденія.

Скрибъ никогда не общечеловѣченъ; онъ всегда въ области условій. Условія измѣняются — что тогда останется у Скриба?

Отдавъ Скрибу дань справедливости, мы должны были отдать долъ истинъ, сведя его со ступеней, на которыхъ онъ властвовалъ на новѣйшей сценѣ. Остается назначить ему мѣсто ниже великихъ писателей.

Если слогъ Скриба нельзя признать художественнымъ, если изъ множества его сочиненій, хорошо задуманныхъ, ни одно нельзя назвать монументомъ его будущей славы, нельзя все же отнять у него качества замѣчательнаго современнаго писателя.

Хотя онъ не подвинулъ искусства впередъ, не обогатилъ языка, но никто не откажетъ ему въ неподдѣльномъ дарованіи, какимъ обладаютъ немногіе драматическіе писатели: завязывать интригу и развязывать ее тысячью маленькихъ способовъ, ему одному свойственныхъ, и поддерживать постоянный интересъ въ зритель.

Когда Скрибъ наброситъ свою сѣть на зрителя и станетъ невидимо для него опутывать его, зритель уже не властенъ надъ самимъ собою. Поневоля и вопреки своему понятію и вкусу, онъ восхищается тѣмъ, что у него совершается передъ глазами. Вы связаны по рукамъ и по ногамъ — но вы не жалуетесь. Вы смѣетесь самому пошлому каламбуру, выслушиваете разговоръ, который-бы вамъ показался чудовищемъ въ чтеніи, и все это дѣлается легко и занимательно. Положеніе дѣйствующихъ лицъ приковываетъ ваше вниманіе; сѣть Скриба опутываетъ васъ болѣе и болѣе — вы его пльщикъ.

Завѣса падаетъ; вы спрашиваете: къ чему все это клонится? что все это доказываетъ?

Поздно. Вся пять дѣйствій вами прослушаны, отъ начала піесы до конца; вы не могли опомниться, вы, можетъ быть, даже аплодировали и завтра снова будете аплодировать.

Вотъ наше литературное мнѣніе о Скрибѣ, оно намъ кажется справедливо и добросовѣстно, мы его подтверждаемъ не смотря на то, что многіе, быть можетъ, съ нами несогласны. Это не помѣшаетъ однако нашему водевилисту стяжать на сценѣ новые лавровые вѣнки, употребляя къ тому извѣстные ему способы.

Съ авторами случается тоже, что и съ модами: чѣмъ болѣе ихъ осуждаютъ, тѣмъ болѣе они дѣлаются общезвѣстными.

Скрибъ въ жизни не зналъ нужды; ему не случилось быть связаннымъ путами матеріальной повседневной жизни, которые останавливаютъ полетъ многихъ дарованій. Вступая на литера-

турное поприще, онъ уже имѣлъ доходу до пяти тысячъ франковъ.

Вся цѣль его трудовъ были деньги, и онъ довелъ свое состояніе до баснословныхъ цифръ. Ни одинъ мелкій торговецъ въ лавочкѣ, ни одинъ банкиръ въ конторѣ не доводилъ своихъ дѣлъ до такой степени совершенства, до такой точности своихъ расчетовъ какъ Скрибъ. Онъ обладаетъ всеми качествами торговца; порядокъ, расчетливость, прозорливость и сметливость, все имъ пущено въ ходъ въ области словесности.

Муза Скриба собираетъ и считаетъ мѣдныя деньги и сводить итоги, какъ любая торговка.

Войдите въ кабинетъ автора «Стакана воды»: вы увидите на рабочемъ столѣ реестръ всѣхъ его пьесамъ и подъ каждою изъ нихъ графу, заключающую полный расчетъ выручки ея, какъ въ Парижѣ, такъ и на провинціальныхъ театрахъ. Скрибъ можетъ такимъ образомъ слѣдить за своими сценическими успѣхами день въ день, копейка въ копейку, цифра въ цифру, до изумительнаго итога вырученныхъ имъ барышей въ нынѣшнее время, итога, который все будетъ расти болѣе и болѣе.

У Скриба теперъ, какъ мы сказали выше, до трехъ милліоновъ франковъ состоянія.

Осуждать его за умнѣніе наживать деньги никто не имѣетъ права. Напротивъ, въ этомъ онъ совершенно правъ, тѣмъ болѣе, что нельзя употреблять деньги съ болѣею пользою какъ употребляетъ ихъ Скрибъ.

Но умъ, постоянно занятый барышами, не можетъ не пренебрегать славою. Занятый единственною цѣлью наполнять сундуки золотомъ, человекъ впадаетъ въ искушеніе пріобрѣтать во вредъ даже искусству. Онъ жертвуетъ имъ вкусу большинства, то есть посредственности; онъ впадаетъ въ заблужденіе отъ своихъ успѣховъ, принимая пещеру Плутуса за храмъ Аполлона.

Вотъ положеніе Евгенія Скриба.

Работалъ ли онъ когда-либо въ безграничномъ созерцаніи своихъ внутреннихъ силъ, въ отсутствіи всякой озабоченности, въ тишинѣ и спокойствіи разума, которые одни поражаютъ безсмертныя творенія?

Мы этого не думаемъ.

Скрибъ не разрабатываетъ поле словесности, онъ собираетъ на немъ все, что ему попадетъ подъ руку.

Въ нашъ вѣкъ паровъ и рельсовъ онъ употребляетъ ихъ и въ театральномъ дѣлѣ.

Онъ быстро лѣтитъ къ своей цѣли. Но спросите его о стра- нахъ, гдѣ пройденныхъ, о замѣткахъ, какія онъ объ нихъ сдѣ- лалъ, о наблюденіяхъ его, о его путешествіяхъ—вы поставите его въ тупикъ. Ему небыло времени ничего осмотрѣть, ничего изу- чить, ни надъ чѣмъ задуматься со вниманіемъ.

III.

ОЧЕРКИ ЖМУДИ.

ОПИСАНІЕ СТРАНЫ, ЕЯ ПРАВОВЪ, ЯЗЫКА И ПѢСЕНЬ.

Статья П. М. Древлянскаго.

Желая представить описаніе Жмуди, нравовъ, языка и пѣсень ея жителей, я имѣю въ виду составить въ предлагаемой статьѣ не болѣе какъ краткій очеркъ для полной исторіи жмудскаго края, который долженъ интересовать всякаго русскаго, и о которомъ у насъ не сдѣлано почти никакихъ отдѣльныхъ изслѣдованій; встрѣчаются только въ исторіяхъ Россіи нѣкоторые намеки на Жмудь, но и то только въ отношеніи къ событіямъ въ Русской землѣ.

Въ предлагаемой статьѣ я намѣренъ познакомить читателя съ самою мѣстностью жмудскаго края, съ образомъ жизни его обитателей, ихъ нравами, языкомъ и особенно пѣснями. Такъ какъ жмудскія пѣсни составляютъ особенность края, то объ нихъ будетъ составлена отдѣльная глава, въ которой укажется свойство и характеристическая особенность жмудской народной поэзіи; для большаго уразумѣнія этой особенности приведу образчики самыхъ пѣсень.

I.

Географическое положеніе Жмуди. — Ея границы. — Жители Жмуди. — ихъ права и обычаи. — Сравненіе ея съ Литовскимъ краемъ. — Отличительный характеръ ея. — Жмудскій языкъ. — Замѣчанія о лѣтописяхъ и историкахъ: Длугошъ, Стрыйковскомъ, Гвагнинъ, Нарбуттъ, Крашевскомъ, Юевичъ, Плятеръ, Станевичъ, Довконтъ и Незабитовскомъ. — Краткій очеркъ исторіи Жмудскаго края и его князей, на основаніи жмудскихъ и польскихъ лѣтописцевъ и историковъ.

Подъ именемъ Жмуди въ настоящее время собственно (1) разумѣется часть древне-литовскаго племени, выселившаяся въ нынѣшнюю Ковенскую губернію, именно въ Россіенскомъ, Тельшевскомъ и Шавльскомъ уѣздахъ. Впрочемъ, у польскихъ писателей (Сарницкаго и другихъ) встрѣчается мнѣніе, будто Жмудь нѣкогда занимала болѣе обширное пространство, именно кромѣ Ковенской и часть Виленской губерніи, еще Ошмянскій уѣздъ (2). Такое мнѣніе родилось у Сарницкаго и другихъ польскихъ историковъ въ слѣдствіе найденной въ Амстердамъ (3) карты Жмуди, на которой границы этой страны простирались до рубежа нынѣшней Виленской губерніи, Ошмянскаго уѣзда, именно нынѣшняго мѣстечка или стариннаго замка *Крево* (4). Въ слѣдствіе чего Крево считаютъ столицей нѣкогда бывшаго въ древности удѣльнаго жмудскаго княжества, находившагося въ XIV столѣтіи во власти Вигунда, брата Ягелла (5). Такое мнѣніе даетъ намъ право посвятить особый отдѣлъ описанію этого замка (6). — Какъ-бы то ни-было, Жмудь составляла особый край, главнымъ рубежомъ котораго слѣдуетъ назвать рѣки Нѣманъ и Невъжу, отдѣляющія его отъ древней, собственно такъ называемой Литвы, Пруссіи и Курляндіи. Такимъ образомъ границы Жмуди составляютъ Литовскій край, Пруссія и Курляндія, которыя окружа-

(1) По-крайней-мѣрѣ такъ опредѣляютъ границы своихъ селѣтбъ нынѣшніе обитатели Жмуди.

(2) Sarnciki, — Descriptio veter. et nov. Polon. Tom. I pag. 253, edit. Metzleris.

(3) Географич. карта Жмуди и Литвы, изданная въ Амстердамъ въ 1613 г. Николаемъ Радзивилломъ.

(4) Мѣстечко Крево находится въ 35 верстахъ отъ г. Ошмянъ, Велен. губ. — Изображеніе развалинъ Кревскаго замка приложено при сочиненіи: «Черты изъ исторіи и жизни Литовск. народа, Вильно, 1854 г.» — Описаніе развалинъ на стр. 16.

(5) Черты изъ исторіи и жизни Литовск. народа, стр. 17.

(6) О Кревскомъ замкѣ, см. ниже, гл. 11.

ють ее со всѣхъ сторонъ и, судя потому, что Жмудь, находясь внутри этихъ земель, всегда рѣзко отличалась по правамъ, обычаямъ и языку особенно отъ Курляндіи и Пруссіи, даютъ право заключать, что жмудскій край былъ искони самобытенъ въ отношеніи къ послѣднимъ странамъ, и если онъ породился изъ литовскаго племени, то все-таки сохранилъ въ себѣ характеръ древне-литовскаго или литовско-жмудскаго народа, но отнюдь не есть смѣсь прусскаго, курляндскаго и литовскаго племенъ, какъ думаютъ нѣкоторые нѣмецкіе писатели. Впрочемъ и отъ литовскаго племени Жмудь отличается нравами и образомъ жизни: даже самая внѣшняя обстановка жмудской мѣстности; какъ увидимъ дальше, не похожа на обстановку литовскаго края, что, можетъ быть, и отделило ее отъ Литвы. Собственно же Литва и Жмудь считаются тождественными племенами, такъ что исторія того и другаго княжества, равно и ихъ князей неразлучны, а судьбы того и другаго народа никогда не могутъ быть разсматриваемы безъ вліянія древне-вѣковыхъ событій этихъ отдельныхъ въ настоящее время двухъ странъ.

И все-таки, не смотря на вѣковое племенное тождество, Жмудь и жмудяне характеристически отличаются отъ Литвы и ея жителей. Едва переступите Нѣманъ за границы Литвы, какъ вы уже поражаестесь самымъ внѣшнимъ видомъ Жмуди, и находите большое различіе между литовскимъ и жмудскимъ краемъ. Жмудь въ топографическомъ отношеніи — это вторая Швейцарія. Какое богатство картинъ въ ней самыхъ живописныхъ, самыхъ очаровательныхъ, на которыя можно заглядѣться до забытья. Какая поэзія въ дивномъ распредѣленіи мѣстностей то гористыхъ, окаймленныхъ густыми дубровами и безконечными рощами, то отлогихъ, усыянныхъ цвѣтущими пастбищами и роскошными лугами, то ровныхъ полянъ, испещренныхъ бесчисленными протоками, ручьями и водопадами. Словомъ, вся Жмудь представляетъ взорамъ путешественника самое великолѣпное зрѣлище. Вездѣ по дорогамъ встрѣчаются богатые, хорошо обстроенныя селенія и деревни: какая чистота, опрятность, обиліе и даже своего рода роскошь замѣтны въ жизни жмудскихъ поселянъ! Дома слишкомъ щеголеваты снаружи и внутри: извнѣ большею частью окрашены бѣлою краскою и огорожены рѣшетчатыми заборами съ примѣсью доморощенной рѣзьбы. Въ комнатахъ самое милое убранство, соединяющее искусство съ простотою: полы вымощены, вымыты, скамейки чистенькія;

стѣны украшены иконами, цвѣтами и картинами. При каждомъ домѣ, на переднемъ планѣ красуются садики и цвѣтники, предметы заботы и ухаживанья чистоплотныхъ молоденькихъ жмудянокъ; за домами раскинуты необыкновенно хорошо воздѣланные огороды, всегда дающіе обильную уборку необходимыхъ въ хозяйственномъ быту овощей и вообще всякой зелени. Домашняя скотина содержится какъ нельзя лучше, въ опрятныхъ хлѣвахъ и стодалахъ, и не удивительно, если хозяева много пользы получаютъ отъ благодарныхъ животныхъ. Известно, что жмудекій сыръ славится не только въ своемъ краю, но и въ окрестныхъ мѣстахъ: его можно встрѣтить на рынкахъ виленскомъ, рижскомъ и даже варшавскомъ и берлинскомъ. Не менѣе можетъ похвалиться Жмудь и длинношерстными овцами и особенно козами, дающими большое количество прядева и пуху, изъ котораго промышленные люди дѣлаютъ самое выгодное употребленіе: одыала изъ козьяго пуха, по своей мягкости и прочности, не уступаютъ лучшимъ иностраннымъ. И вся эта скотина не бродитъ, не блуждаетъ по грязнымъ болотамъ или по улицамъ деревень безъ досмотра, но содержится въ приличныхъ мѣстахъ или въ лѣсу, на лугахъ, подъ строгимъ надзоромъ стариковъ, но не дѣтей... Отраднo проѣзжать по такой странѣ, но еще отраднѣе встрѣчать набожность и благочестіе въ жителяхъ этой страны!.. Набожность жмудянъ самая высокая, примѣрная, которою и можно объяснить ихъ радушіе и гостепріимство. Слѣды и памятники набожности жмудянъ можно видѣть на всякомъ шагу: нѣтъ деревни, нѣтъ маленькаго селенія, гдѣ бы не видѣлось нѣсколько крестовъ съ изображеніемъ Спасителя или Богоматери; такіе же кресты встрѣчаются вездѣ по дорогамъ, такъ что проѣзжая по жмудскимъ окрестностямъ, вы заблаговременно уже составляете понятіе о духѣ и настроеніи живущаго въ нихъ народа, и невольно назовете эту страну *страною крестовъ*: такое обиліе крестовъ на протяженіи всей Жмуди! Кромѣ крестовъ попадаются въ деревняхъ и на дорогахъ огромные столбы, нерѣдко каменные, съ скульптурными изображеніями святыхъ и особенно Крестителя Іоанна; всѣ эти изображенія обвѣшаны вѣнками изъ цвѣтовъ, и даже украшеніями изъ шелковыхъ матерій съ примѣсью бисера и нерѣдко парчи; кромѣ-того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся маленькія часовни и въ нихъ теплятся лампадки; свѣтъ лампады какъ-то сильно дѣйствуетъ на человека и во всякое время дня, но еще сильнѣе и благотворнѣе

дѣйствуетъ на душу Христіянина ночью, среди окружающаго его со всѣхъ сторонъ мрака, особенно если этотъ мракъ освѣненъ еще вѣтвистыми, густыми лѣсами: какое чудное, прекрасное видѣніе для усталаго путешественника, а тѣмъ болѣе путешественника въ первый разъ провѣзжающаго чрезъ эту страну! Обыкновеніе ставить кресты и часовни такъ глубоко вкоренилось въ Жмуди, что оно имѣетъ большое вліяніе и на сосѣднія земли, оно перешло и въ часть литовскаго края, въ Гродненскую губернію, а чрезъ нея въ Бѣлоруссію, именно въ Несвижскій округъ, такъ-что вкругъ Несвижа встрѣчаешь столько-же крестовъ и часовень, какъ и въ Жмуди*. — Такимъ обыкновѣніемъ, безъ сомнѣнія, Жмудь обязана духу своего народа, который по своей природѣ, въ высшей степени добръ, мягокъ и радушенъ; очевидно, что на него дѣйствуетъ и самая мѣстность, полная поэзій, изящности и благотворнаго воздуха. — До какой степени набожны, добродушны, сострадательны и услужливы жмудяне, трудно представить. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ храмы наполняются искренно-молящимся народомъ; возвращаясь изъ храмовъ, жмудяне всю дорогу до своихъ домовъ поютъ священныя пѣсни, и кто-бы ни встрѣтился на пути, безъ различія состоянія, званія и религіи, приглашаютъ къ себѣ домой разделить съ ними хлѣбъ-соль; если встрѣтившійся человекъ бѣдный, надѣляютъ его всѣмъ-нужнымъ и даже оставляютъ у себя на нѣсколько дней, мало-того, стараются даже пристроить его гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Если онъ больной, не выпускаютъ его отъ себя до тѣхъ-поръ, пока совсѣмъ не выздоровѣетъ, и затѣмъ проводятъ или отводятъ его домой. Чтобъ лучше очертить такого рода качество характера жмудянъ, расскажу одинъ случай, переданный мнѣ хозяиномъ того дома, въ которомъ произошла этотъ случай. Однажды во время страшной грозы пріѣхала, или лучше примчалась бричка, вся переломанная и почти опрокинутая; въ бричкѣ нашли полумертваго, изуродованнаго человека. Оказалось, что лошади чего-то испугались въ сосѣднемъ лѣсу и понесли бѣднаго провѣзжаго; кучеръ былъ убитъ. Найденный провѣзжій былъ еврей, казалось-бы еврею, какъ вообще человеку, пользующемуся самою невыгодною репутаціею во всей Западной Руси, нельзя было ожидать большаго сочувствія въ народѣ, презиравшемъ его братію. Но выш-

* См. Соврем. 1853 № VIII. Стат. Путешествіе по помѣсью и Бѣлорусскому краю, V отдѣлъ о *Несвижѣ*.

ло наоборотъ. Хозяинъ дома, у котораго остановили бѣшеныхъ лошадей, какъ искренній христіанинъ, не только подалъ временную помощь больному, но оставилъ его въ своемъ домѣ, ухаживалъ за нимъ, какъ за самымъ близкимъ человѣкомъ и безкорыстно всеми силами содѣйствовалъ его выздоровленію... И за-то награда за доброе дѣло была сверхъ всякаго ожиданія жмудянина: выздоровѣвшій еврей сдѣлался христіаниномъ.—Остальное время воскресныхъ дней жмудяне проводятъ въ домахъ скромно, безъ всякихъ шумныхъ пирушекъ; единственное развлеченіе молодежи на этотъ разъ составляютъ пѣсни, и то большею частью священныя. Что же касается до гостепріимства и добродушія, то и въ этомъ отношеніи жмудяне заслуживаютъ вниманіе. Они до того внимательны къ проезжимъ, что у нѣкоторыхъ даже для чужихъ людей отведены въ домахъ особыя комнаты, гдѣ проезжіи найдутъ отдыхъ и угощеніе отъ души; всякій хозяинъ подѣлится съ нимъ послѣднею крохою, и недумайте, чтобъ это дѣлалось изъ корыстолюбивыхъ видовъ, ни чуть! онъ не станетъ требовать съ васъ какой-нибудь извѣстной платы, напротивъ, предоставляетъ вашей возможности, «что милость, то и дадите!» обыкновенно отвѣчаетъ жмудянинъ на вопросъ: «сколько нужно заплатить?» А если вы бѣдный человѣкъ, онъ не возьметъ съ васъ ничего, напротивъ, снабдитъ васъ еще всемъ нужнымъ для дальнѣйшей дороги. * Мало того, если вы не знаете дороги, всякій охотно предложитъ свои услуги и провезетъ васъ версту—другую. За то если жмудянинъ замѣтитъ въ васъ какую-нибудь дурную сторону, онъ откажетъ вамъ во всякой помощи; всякій жмудянинъ считаетъ долгомъ,—ѣдетъ ли, идетъ ли, остановиться предъ часовнею или предъ крестомъ, и обнаживъ голову, перекрестится и произнесетъ какую-нибудь молитву. При встрѣчѣ съ другимъ, даже съ чужимъ, поселянинъ тоже снимаетъ фуражку и приветствуетъ его словами: «да прославится имя Христова!» или «добрый день! добрый вечеръ!» Дома жмудинъ всегда весель, разговорчивъ и уступчивъ; одѣтъ всегда опрятно: на немъ суконный жупанъ, довольно тонкое бѣлье и всегда сапоги, рѣдко встрѣчаются бѣдняки въ лаптяхъ. И нужно замѣтить, что въ Жмуди никогда не увидишь бѣдяковъ—нищихъ, ни на дорогахъ, ни въ деревняхъ: причина та, что болѣе зажиточныя семьяне недопу-

(*) Это вообще черта свойственная нашему простолюдину вездѣ, въ особен-ности вдали отъ большихъ дорогъ.

скають другихъ, болѣе бѣдныхъ, до такого состоянія. Мужчины болѣею частью невысокаго роста, свѣтловолосые и даже какъ будто рыжеватые, но за то крѣпкаго сложенія, мускулистые и неутомимые; характера твердаго, рѣшительнаго, предприимчивые, смѣлые, но довольно мстительные. Главная черта жмудянъ смѣтливость и даже проникательность, — умнѣе читать въ вашихъ глазахъ; но жмудяне не лукавы и не двуличны, любятъ свои оселища и очень рѣдко оставляютъ свой край. Между жмудянами встрѣчается много ремесленниковъ и фабрикантовъ. Женщины необыкновенно хороши собою, стройны, бѣлолицы и въ высшей степени чистоплотны, цѣломудренны и привязаны къ семейной жизни. Нарядъ ихъ очень красивъ: бѣлая сорочка съ широкими узорчатыми воротниками и нарукавниками, украшенными розовыми лентами, шерстью, шитьемъ и бисеромъ; на шеѣ узенькіе платочки цвѣтные, изъ-подъ которыхъ виднѣются крестики, ладонки и иконки; юбки цвѣтныя, шерстяныя или бумажныя; сверхъ юбки на плечахъ красивые корсеты, обтягивающіе стройную талію и обрисовывающіе грудной бюстъ; на головѣ небольшая шапочка съ разноцвѣтными кисточками или цепчикъ; а у дѣвицъ накидываются бѣлые платки; на ногахъ всегда башмаки съ каблуками и бренчащими украшеніями. Жмудскія женщины чрезвычайно трудолюбивы, добрыя матери, и не любятъ шумныхъ увеселеній; въ некоторыхъ мѣстахъ онѣ даже ведутъ безвыходную жизнь. За то днѣ хорошія рукодѣльницы, ткачихи, швеи и при этомъ агрономки. Но что особенно замѣчательно: жмудянки славятся любовью къ образованности и просвѣщенію, и въ этомъ отношеніи стоятъ выше мужчинъ; между жмудянками рѣдкая не умѣетъ читать и писать, рѣдкая не любитъ музыки; а сколько самоучекъ — художницъ! между ними много встрѣчается любителей живописи.

Изъ этого уже одного небольшого очерка читатель можетъ составить самое отрадное понятіе какъ о самой странѣ Жмуди, такъ и о нравахъ, характерахъ и образѣ жизни обитателей ея. жмудянинъ всегда веселъ, всегда доволенъ, всегда опрятенъ, и любо смотреть на него, когда онъ несется на красивой телегѣ по своимъ широкимъ, гладкимъ дорогамъ; среди кудрявыхъ холмовъ и зеленѣющихъ долинъ; жмудскія дороги широки, онѣ проходятъ болѣе чрезъ равнины, представляющія съ обѣихъ сторонъ тучныя поляны, на которыхъ волнуется море колосѣвъ, то сливающихся въ одну массу, то гнущихся и стелящихся

по самой землѣ отъ обилія и полноты налившихся зеренъ; попадаются дороги и въ лѣсахъ, но что это за лѣса? правда, они также громадны и также въковые какъ и лѣса литовскіе но какое различіе въ самыхъ видахъ этихъ лѣсовъ! Лѣса жмудскіе очищенные, свѣтлые. Сколько Литвинъ на работѣ лѣннвъ, безпечень даже въ минуту лишней или недостатка, такъ что его съ трудомъ заманишь въ сосѣдную деревню для его же пользы, для его же приобретений, а о городѣ и тѣмъ болѣе городѣ отдаленномъ или же иноземномъ нельзя и напоминать ему: онъ готовъ остаться ни при чемъ, только бы не тревожили его неповоротливости, только бы не пробуждали его отъ вѣчнаго сна, безпечности и лѣни, столько Жмудянинъ проворень, ловокъ; охотно, съ радостью спянить на свои поля и нивы, работаетъ усердно, дѣятельно и для себя и для другихъ; для пользы и благоденствія своей семьи онъ рѣшается на всевозможныя пожертвованія, на разлuku съ милыми дѣтьми, съ любимой женою, дорогими сердцу отцемъ и матерью, и идетъ въ самыя отдаленныя губерніи, не рѣдко въ чужіе края, а побывать въ Курляндіи и особенно въ Финляндіи для него стало необходимою; безъ Риги жмудянинъ не можетъ обойтись, туда онъ отправляетъ разные свои продукты и особенно ленъ и лѣняное сѣмя. Нагрузивъ огромную бричку всякимъ добромъ хозяйскимъ, онъ мчится на четверкъ лихихъ коней въ этотъ купеческій портовой городъ, и потомъ весело возвращается домой къ родной семьѣ съ безчисленными подарками. Случись горе, литвинъ падаетъ духомъ и неизлечимъ въ своей нерѣзительности, въ своемъ неумѣнн владѣть сердцемъ въ минуты тяжкихъ испытаній. Жмудянинъ и въ горѣ не теряетъ духа, онъ и тогда умѣетъ утѣшить себя: съ веселымъ лицомъ, съ пѣсенкою въ устахъ равно приветствуетъ и удачу и неудачу... Въ литовскомъ краю избы вездѣ маленькія, низенькія, почти никогда некрашенныя, неопрятныя, дымныя, съ самыми крошечными въ двѣ — три шибы окнами; рѣдкая изба съ оградою, большею частью низкіе плетни составляютъ весь передовой фасадъ жилого зданія; внутри избы не найдете деревянныхъ половъ; комната одна, рѣдко двѣ; неопрятность, нечистота поражаютъ васъ отъ порога до кровати; двери безъ затворовъ, безъ замковъ. На Жмуди, какъ выше замчено, домики красивенькіе, опрятныя, съ большими окнами, покрыты гонтами и нерѣдко краснымъ кирпичнымъ *модромъ* (родъ изразцовъ); каждый домъ дѣлится

на двѣ половины, одна заключаетъ въ себѣ гостиную комнату (секличе, seklicze), и небольшой альковъ, называемый также бок-ковкою, другую половину занимаетъ пекарня (grinicie) или кухня: здѣсь помѣщается вся челядь, рабочіе и всѣ принадлежности кухни; рядомъ съ кухнею устраивается *прихльвокъ*, т. е. темная комната съ маленькими отверстіями для больной скотины, напр. для овцы, козы и т. п. Пекарня обыкновенно бываетъ безъ пола, но всегда съ окнами въ нѣсколько шибъ. Предъ каждымъ домомъ есть огромный дворъ, огороженный рѣшеткою (zigris), посреди двора непременно красуются огромныя липы или ясени... Ничего подобнаго не встрѣтите вы въ литовскихъ деревняхъ...

Такимъ превосходствомъ предъ Литвою Жмудь, какъ уже сказано, безъ сомнѣнія обязана своему климату и счастливому мѣстоположенію. Но есть и другая причина почему Жмудь, не смотря на свое родство съ Литвою, далеко обогнала ее, особенно въ общественномъ быту. Въ то время когда собственно такъ называемая Литва была волнуема раздорами своихъ князей и особенно своеволіемъ польской республики, когда польское самовластіе старалось подавить и пригнестъ всегда твердый и непреклонный литовскій народъ, когда свирѣпствовавшая Унія употребляла всѣ усилія, чтобъ совратить литовское православіе въ новый расколъ, а чрезъ него и въ католицизмъ, — въ это время Жмудь, отдѣленная отъ Литвы политическими событіями господствовавшей въ ней Польши, и оторванная отъ нея внутренними междоусобіями своихъ родныхъ князей, изъ которыхъ одни легко подчинились вліяніямъ чуждаго по верѣ народа, а другіе боролись съ нимъ и оттого должны были враждовать между собою, — Жмудь какъ бы забытая литовскими князьями, осталась въ рукахъ ленныхъ владѣтелей и сдѣлалась странною безоружною. Взойдя на степень мирной страны, она стала пріютомъ угнѣтенныхъ князей и магнатовъ; преслѣдуемые въ Литовской землѣ, они оставляли свои родныя пепелища и спѣшили въ эту мирную, спокойную страну и тамъ поселялись со всемъ своимъ имуществомъ. Такимъ образомъ Жмудь сдѣлалась поселеніемъ людей высшаго сословія, болшею частію очевидно образованнаго; сюда выселилось множество самыхъ лучшихъ дворянскихъ древне-литовскихъ семействъ, здѣсь явились фамаліи Гедройцевъ, Кекруксовъ, Лездеекъ, Сангушекъ, Слушекъ Шемѣтовъ,

Одинцевъ, Криве, Казъ, Видмунтовъ, Талвосовъ, Скирмунтовъ, Комятовъ, Кишекъ, Олельковъ; сюда бѣжали многіе польскіе магнаты и бѣлорусскіе дворяне. Этотъ-то наплывъ дворянства и магнатства и былъ причиною того, что Жмудь скоро сдѣлалась странною образованною, и въ общественномъ быту стала выше Литвы. Очень понятно, въ Литвѣ происходили раздоры, угнетенія, преслѣдованіе всего роднаго, самостоятельнаго, и слѣдовательно народъ долженъ былъ оставаться въ невѣжествѣ, въ какомъ-то мрачномъ, угнетенномъ состояніи. А въ Жмуди, поселившіеся дворяне, люди образованные и чуждые раздоровъ, вѣдя спокойную жизнь, занимались устройствомъ своихъ новопріобрѣтенныхъ земель, просвѣщеніемъ народа, распространеніемъ гражданственности, словомъ заботились объ улучшеніи новой своей родины во всехъ возможныхъ отрасляхъ человѣческой жизни. И вотъ на Жмуди явились благоустроенныя селенія, красивая архитектура зданій; измѣнился даже самый костюмъ древній литовскій, и вышелъ ни литовскій и не польскій, но какой-то особый, именно жмудскій; завелись училища; крестьяне полюбили просвѣщеніе и вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ новую жизнь, болѣе или менѣе образованную. Видя постоянно предъ собою образованныхъ ново-поселенцевъ, народъ жмудскій заимствовалъ отъ него пріемы, увеселенія, домашнія забавы. Слѣды просвѣщенія ярко отпечатлѣлись не только во внутренней, но и во вѣншей жизни. Жмудяне какъ-бы переродились, хотя въ то же время не перестали быть литовскимъ племенемъ. Къ несчастію только, съ этимъ перерожденіемъ Жмудь должна была испытать насильственное введеніе римско-католической религіи, вмѣсто заражавшейся въ ней въ одно время съ Литвою религіи Православной. Всегда враждебныя православію, іезуиты успѣли проникнуть и въ Жмудь и, поселившись тамъ, овладѣли умами богатыхъ ново-поселенцевъ дворянъ-магнатовъ, которые, сдѣлавшись сами послѣдователями папскаго ученія, старались, по внушенію своихъ учителей, распространять его и между осѣдлымъ мѣстнымъ народомъ. Чтобъ болѣе успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, іезуиты, по обыкновенію, заманивали въ свой орденъ самыя знатныя фамиліи, и изъ нихъ приготавливали верховныхъ духовныхъ лицъ — епископовъ, проповѣдниковъ и миссіонеровъ. Отсюда въ исторіи жмудскаго духовнаго правленія встрѣчаются болѣею частью лица высшаго дворянскаго сословія, напримѣръ: Сангушки, Сапѣги, Лездейки, Тышкевичи, Гедройцы и другіе. Такъ какъ іезуи-

ты, вводя въ какой-нибудь странѣ папское католичество, всегда заботились о томъ, чтобъ уничтожить и мѣстный, родной языкъ, какъ, напримеръ, дѣлали въ Бѣлорусіи, Малороссіи и вообще въ Западнорусскихъ губерніяхъ при введеніи уни, то и въ Жмуди, распространяя католичество, они какъ агенты польской власти, употребляли всевозможныя усилія, чтобъ смѣнить языкъ жмудскій — польскимъ: очевидно это было уже тогда, когда Польша, захвативъ подъ свою власть Жмудь, долго наслаждавшуюся миромъ, стала простираť свое вліяніе и на эту мирную страну, какъ и на соплеменную ей Литву, уже давно страдавшую подъ игомъ польскаго владычества. Но въ этомъ неуспѣли іезуиты: жмудяне отстаивали свой родной языкъ; и если въ настоящее время жмудскій языкъ является нѣсколько измѣненнымъ въ отношеніи къ древне-литовскому, то, какъ увидимъ въ исторіи Жмуди, измѣнился не въ слѣдствіе вліянія польскаго языка, а въ слѣдствіе отдѣльной, особенной жизни жмудянъ — вчужь отъ жизни родоначальнаго своего племени — древне-литовскаго народа.

Но прежде нежели перейдемъ къ исторіи Жмуди, познакомимся съ самыми летописцами и историками жмудскаго края, болѣею частью неизвѣстными на русскомъ языкѣ; все они писали о Жмуди или на польскомъ, или на жмудскомъ языкѣ.

Почти первымъ летописцемъ Жмуди можно назвать Длугоша, который, впрочемъ, собралъ сказанія о жмудскомъ краѣ не отдѣльно и не подробно, а въ самомъ маломъ количествѣ и притомъ въ связи съ исторіею вообще литовскаго народа; все-таки летопись Длугоша послужила болѣею пособіемъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ о литовскомъ краѣ и въ частности о жмудскомъ племени; она написана на латинскомъ языкѣ. Болѣе всѣхъ воспользовался трудами Длугоша Стрыйковскій, который на основаніи разныхъ матеріаловъ, служившихъ дополненіемъ къ указаніямъ Длугоша, составилъ обширную хроникъ Литвы и Жмуди. Но такъ какъ летопись Длугоша исполнена была самыхъ грубыхъ ошибокъ и неправдоподобностей, то этотъ же недостатокъ отразился и въ хроникѣ Стрыйковскаго; да въ добавокъ самъ Стрыйковскій изуродавалъ многіе историческіе факты, частію за неимѣніемъ подлинныхъ актовъ, частію изъ охоты передать нѣкоторыя сказанія въ фантастическихъ и поэтическихъ видахъ. Не смотря на большую заслугу, какую оказалъ Стрыйковскій приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ возможныхъ

разбросанных матеріаловъ о Литвѣ и Жмуди, этотъ поэтъ-историкъ сдѣлалъ величайшій вредъ тѣмъ, что спаялъ эти матеріалы самыми ложными сказками, выдумками, догадками; и дѣйствительно, неопытный можетъ увлечься хроникою Стрыйковскаго. Но сколько ужасной лжи, лжи умышленной въ самомъ началѣ этой компіляціи! Достаточно прослѣдить одну генеалогію литовскихъ и жмудскихъ князей, чтобъ убѣдиться, на сколько злоупотребилъ Стрыйковскій безчисленными матеріалами, собранными имъ въ теченіе восьмилѣтняго его странствованія по Литвѣ, Пруссіи, Западной Россіи, польскимъ провинціямъ, Италіи, Германіи и Турціи. А какая смѣсь правды съ неправдою при описаніи происхожденія того или другаго города! Какая ужасная компіляція вымысловъ съ догадками въ распредѣленіи границъ и мѣстностей жмудскаго края! а казалось-бы можно было ожидать отъ него самыхъ искреннихъ изъясненій о Жмуди, потому-что онъ очень привязанъ былъ къ ней и писалъ о ней въ то время, когда былъ жмудскимъ каноникомъ (каноникъ соответствуетъ нашему протоіерею). И что всего оскорбительнѣе для правды исторической—Стрыйковскій въ своей хроникѣ не разъ клянется, что онъ самую чистую, безукоризненную истину излагалъ въ своей хроникѣ (*). А чтобъ болѣе возбудить интересъ читателя, онъ сдѣлалъ самое заманчивое и обширное заглавіе въ своемъ сборникѣ. Вотъ оно: «Kronika Polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlańskiej etc. i rozmaite przypadki wojenne i domowe Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich i innych krain Królestwu Polskiemu i W. X. Litewskiemu przyległych, według istotnego i gruntownego zniesienia pewnych dowodów z rozmaitych historyków i awtorów postronnych i domowych i Kijowskich, Moskiewskich, Sławianskich, Liflantskich, Pruskich, starych, dotąd ciemną chmurną nocą zakrytych Kronik i Latopisów Ruskich, Litewskich i Długosza, Ojca dziejów polskich i z innymi, z wielką pilnością i węzłowatą pracą (osobliwie koło dziejów litewskich i ruskich od żadnego przed tym niekuszonych), przez Macieja Osostowięjusza Strykowskiego dostatecznie napisana, złożona i na pierwsze światło z wybadaniem prawdziwie dowodnej starożytności własnym wynalezieniem, przeważnym dowcipem i nakładem nowo-wydzwignioną, przez wszystkie starożytne wieki aż do dzisiejszego roku 1582, a naprzód wszystkich

* Подобное мнѣніе о Стрыйковскомъ разделяютъ и польскіе ученые. См. Wilno od początków jego do roku 1750, (—) przez J. J. Kraszewskiego Wilno, 1840 T. I. стр. 417 — 430.

ile ich kolwiek jest ludzkich na świecie narodów, gruntowne wywo-
dy *.» — Уже самое заглавіе показываетъ до какой степени
мелочень Стрыйковскій!

Почти въ такомъ же родѣ составилъ лѣтопись о Литвѣ и
Жмуди выходецъ италіянскій Гвагнинъ, бывшій въ свое время
соперникомъ Стрыйковского, который упрекалъ его въ томъ,
будто бы онъ списалъ съ его хроники лѣтопись Литвы, и осо-
бенно «Chronica Sarmatiae». Что Гвагнина можно упрекнуть за
копированіе литовско-жмудской лѣтописи съ хроники Стрый-
ковского, это справедливо; но никакъ нельзя сказать, что его
хроника Сарматіи хотя сколько-нибудь заимствована у того
же Стрыйковского, потому-что на сколько хроника Литвы и
Жмуди Гвагнина не вѣрна, на столько справедлива хроника
Сарматіи, каковою неказалась бы послѣдняя, еслибъ она была
копіею баснословныхъ компиляцій Стрыйковского. Особенно за-
мѣчательнъ отдѣлъ Гвагнина касающійся Литвы и Жмуди: «Dedu-
ctio et origo celeberrimae gentis Litvanorum probabilis hactenus a pe-
nīne historicorum Latinoꝝ mexplanata.

За то Жмудь можетъ гордиться лѣтописью Нарбутта, этого
добросовѣстнаго изслѣдователя всего литовскаго края. Его
«Dzieje starożytnie narodu litewskiego» и «Kronika» могутъ служить
самымъ вѣрнымъ пособіемъ для историка всей Литвы вообще
и въ частности Жмуди.

Теперь обратимся къ историкамъ и вообще ученымъ, писав-
шимъ о Жмуди. Тутъ мы должны остановиться на Крашевскомъ.

* То есть—хроника Польши, Жмуди и всей Руси—Кіевской, Московской, Сѣ-
верской, Вольнской, Подольской, Подгорской, Подляской и пр., заключающая раз-
ныя событія военныя и гражданскія въ странахъ прусскихъ, мазовецкихъ, поморс-
кихъ и другихъ сосѣдственныхъ съ Царствомъ Польскимъ и Великимъ Княже-
ствомъ Литовскимъ, на основаніи подлиннаго и вѣрнаго сличенія доказательствъ
изъ разныхъ историковъ и писателей иностранныхъ и отечественныхъ и кіев-
скихъ, московскихъ, славянскихъ, лфляндскихъ, прусскихъ, древнихъ, до сихъ
поръ неизвѣстныхъ хроникъ и лѣтописцевъ русскихъ, литовскихъ и Длугоша, —
отца польской- исторіи, — съ большимъ стараніемъ и кропотливымъ трудомъ
(особенно что касается событій литовскихъ и русскихъ — никѣмъ до сихъ
поръ нетронутыхъ) составленная, написанная и въ первый разъ изданная въ
свѣтъ Матвѣемъ Осостовъюшемъ Стрыйковскимъ съ присовокупленіемъ изслѣдо-
ваній о подлинныхъ древностяхъ, — проведенная съ умѣніемъ чрезъ всѣ древ-
нія времена до настоящаго 1582 года; — при этой хроникѣ въ началѣ представ-
лены основательныя изслѣдованія о происхожденіи всѣхъ, какіе только есть на
свѣтѣ, человѣческихъ народовъ.

Этотъ всесторонній польскій ученый по справедливости можетъ быть причисленъ къ разряду лучшихъ современныхъ дьятелей на поприщъ польской литературы. Будучи по преимуществу историческимъ романистомъ, Крашевскій съ искреннимъ усердіемъ посвящаетъ свои занятія и чисто-историческимъ изслѣдованіямъ; изслѣдованія его касаются польскихъ областей и особенно Литвы и вмѣстѣ Жмуди. Въ этомъ случаѣ можно указать на «Dzieje Litwy i Wilno od początku jego do roku 1750.» — Дополненіемъ къ сочиненіямъ Крашевскаго о Жмуди можетъ служить книга г. Юцевича подъ названіемъ: Воспоминанія о Жмуди, гдѣ авторъ говоритъ о нравахъ и образъ жизни нынѣшнихъ жителей Жмуди и сравниваетъ ихъ съ древними литовскими племенами. Книга его; исполненная юмора и остротъ, отличается добросовѣстнымъ взглядомъ на Жмудъ и ея обитателей.

Къ числу писавшихъ исключительно о Жмуди, нужно отнести графа Юрія Плятера. Этотъ ученый нѣсколько лѣтъ занимался исторіею жмудскаго края, изслѣдовалъ его древности, языкъ, пѣсни и съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла составилъ записки о литературѣ жмудской. Къ несчастію, не смотря на громадность свою, труды графа, по смерти его, остались въ рукописяхъ большею частью, только нѣкоторыми изъ нихъ воспользовался Симонъ Станевичъ. Но г. Станевичъ очень мало обнарудовалъ изъ огромнаго сборника Плятера, — всего только нѣсколько сказокъ. За то онъ составилъ словарь жмудскаго языка на основаніи записокъ ученаго графа. Словарь этотъ имѣетъ важное значеніе въ отношеніи къ жмудскому языку. Всѣ же прочіе матеріалы графа Плятера остались въ рукахъ г. Станевича почти нетронутыми. Кромѣ того, г. Станевичъ напечаталъ сборникъ жмудскихъ пѣсень, доставленныхъ ему бывшимъ предводителемъ дворянства Россіенскаго уѣзда Адольфомъ Пржецишевскимъ.

Жмудскимъ писателемъ, по преимуществу можно назвать г. П. Довконта, который написалъ по-жмудски исторію Литвы и Жмуди. Сочиненіе его отличается отчетливостью и вѣрнымъ взглядомъ на родословную князей жмудскихъ. Особенно интересны замѣтки и изслѣдованія о князьяхъ: Эрдвилль, Рингвольдъ, Миндовгъ, Монтивилль, Зивибундъ, Свенторогъ, Войкелкъ, Утенесъ, Гедиминъ и Витовтъ. Исторія Довконта уже потому замѣчательна, что онъ исключилъ изъ дѣйствительныхъ историческихъ событій рассказы вымышленные и сказки, которыми

обыкновенно украшались летописи Стрыйковского и отчасти Гвагвина, и такимъ образомъ очистилъ исторію Жмуди отъ небывалыхъ мисевъ.

Но более всѣхъ изъ новыхъ писателей сдѣлалъ для жмудской исторіи и филологіи г. Незабитовскій. Въ двадцатыхъ годахъ неутомимый г. Незабитовскій обратилъ на себя вниманіе изданіемъ жмудской грамматики. Въ 1824 году въ Вильно явилась книга подъ названіемъ: *Początek czytania dla młodzi litewskiej i żmudzkiej z 50 giesnami.* Затѣмъ вышло въ свѣтъ слѣдующее сочиненіе г. Незабитовскаго: *Rys literatury języka litewsko-żmudzkiego i Prusko-Litewskiego*, т. е. очерки литературы литовско-жмудскаго и прусско-литовскаго языковъ, отъ самыхъ древнихъ временъ до времени изданія этого сочиненія. Кромъ того написалъ словарь и грамматику жмудскаго языка, и наконецъ исторію жмудскаго края.

На основаніи послѣдняго сочиненія г. Незабитовскаго, равно вышеупомянутыхъ писателей и летописцевъ и я предлагаю здѣсь краткій очеркъ исторіи Жмуди.

По мнѣнію Незабитовскаго, древняя Литва и Жмудъ извѣстны были подъ общимъ именемъ *Запуцанской* земли. Но въ отношеніи къ языку эта земля раздѣлялась на два племени: на Литву высшую, или собственно такъ называемое литовское племя, и на Литву низшую, или племя жмудское, самогитское, занимавшее прибрежныя границы Балтійскаго моря между рѣками Вислою и Нѣманомъ. Въ составъ жмудскаго племени, по мнѣнію Довконта, входитъ и семья Ятвяговъ, также племя Латышей, составляющихъ немалое народонаселеніе нынѣшнихъ Курляндской и Лифляндской губерній. Не входя въ разборъ этихъ мнѣній, съ которыми, особенно съ послѣднимъ, нельзя согласиться, потому-что Ятвяги всегда составляли особое племя, имѣвшее свой языкъ и самобытную жизнь *, я долженъ прибавить только, что Жмудъ въ древности составляла одно цѣлое съ Литвою, и пожалуй, можетъ-быть, это цѣлое извѣстно было подъ именемъ Запуцанскаго края. Составляя нѣсколько вѣковъ одно цѣлое съ Литвою, Жмудъ, въ слѣдствіе несогласій, происходившихъ внутри сосѣднихъ государствъ, дѣлалась все болѣе и болѣе независимою, и по мѣрѣ ослабленія этихъ государствъ, крыла и про-

* О Ятвягахъ, какъ жителей нынѣшняго Польска приготовлена особая статья.

цвѣтала подь благодѣтельнымъ правленіемъ заботливыхъ, миролюбивыхъ своихъ князей. Величіе власти литовской и жмудской земель особенно замѣтно было въ XIII вѣкъ, во времена мазовецкаго князя Конрада. Этотъ князь до того сознавалъ силу власти и могущества жмудскаго края, что не могъ надѣяться на свою помощь и просилъ заступничества крестоносцевъ для усмиренія и даже ослабленія Жмуди. Въ 1227 году Конрадъ вмѣстѣ съ крестоносцами вторгся въ литовско-жмудскій край и пятьдесятъ лѣтъ опустошалъ его. Но всѣ усилія крестоносцевъ ослабить Жмудь остались тщетными: они могли только остановить его процвѣтаніе на нѣкоторое время. Въ послѣдствіи Миндовгъ снова укрѣпилъ Жмудь, и не только возвратилъ ей прежнюю силу, но еще расширилъ владѣнія ея на востокъ и на югъ, въ чемъ онъ успѣлъ, потому что приготовленъ былъ къ такому образу дѣйствій завоеваніями отца своего Рингвольда. Затѣмъ слѣдуютъ лучшіе годы для Жмуди во время правленія князей: Войселка, Эрдвилла, Витенеса, Гермонда, Гильгина, Траба, Наримунта, Тройдана, Раймунда и другихъ. Всѣ эти князья недолго управляли, и смѣнялись скоро одинъ другимъ, но все-таки они подерживали благосостояніе своего края, не допускали крестоносцевъ до овладѣнія Жмудью, которые постоянно смотрѣли на Жмудь и на Литву какъ на враждебныя панскому католичеству страны, и потому хотѣли отвлечь ихъ отъ сближенія съ Русью, исповѣдовавшею православную вѣру. Наконецъ крестоносцы проникли было уже въ прусскія земли, и готовы были захватить часть сосѣдственной Жмуди, но здѣсь является герой и защитникъ неприкосновенности правъ земли жмудской Ольгердъ, за нимъ слѣдовалъ литовскій князь и жмудскій покровитель—Гедиминъ. Наконецъ всѣхъ болѣе отстаивалъ самобытность и независимость Жмуди знаменитый Кейстуть, столь прославленный въ преданіяхъ жмудскаго народа. Кейстуть такъ привязавъ былъ къ Жмуди, что для нея забывалъ Литву, и болѣею частью проживалъ въ жмудскихъ городахъ; почти во всѣхъ такъ называемыхъ *ширицныхъ* и героическихъ пѣсняхъ, въ легендахъ и былинахъ Кейстуть представляется покровителемъ и охранителемъ Жмуди; въ этихъ пѣсняхъ и былинахъ говорится, что нѣтъ дерева въ Жмуди, которое бы не было свидѣтелемъ милостей и благодѣній Кейстута, нѣтъ клочка земли, гдѣ бы онъ не ступилъ для какого-нибудь благороднаго поступка, или для исполненія намѣренія, проникнутаго соотраданіемъ и челолюбіемъ. До какой

степени Кейстутъ любилъ Жмудь, это видно изъ того, что заточеніе свое въ земль жмудской (въ Крѣвь) онъ считалъ не заточеніемъ, а переселеніемъ въ родной, отечественный край. Въ княженіе Ольгерда, Гедимина и Кейстута, Жмудь, приобрѣла много земель, не бывшихъ прежде во владѣніи Жмуди, — въ томъ числѣ Волинъ, кievское княжество и прочія области, лежащія между рѣками Двиною и Днѣпромъ, которыя въ то время принадлежали собственно такъ называемой Литвѣ, бывшей уже въ некоторой зависимости отъ Польши. По смерти Ольгерда, въ 1381 году, сынъ его Ягелло, въ слѣдствіе родства своего съ Польшею, по случаю вступленія въ бракъ съ Ядвигагою, присоединилъ Литву къ Польшѣ, и тоже хотѣлъ было сдѣлать со Жмудью. Но отдѣлившіеся отъ него жмудскіе князья возстали противъ такого намѣренія и долгое время оставались независимыми. Жмудь сдѣлалась леннымъ владѣніемъ этихъ князей, а вмѣстѣ и прочихъ знатныхъ фамилій жмудскихъ, не желавшихъ подчиниться правленію папско-католической страны. Мало того, даже сынъ Кейстута Витовтъ, герой своего времени, домогался отдѣленія всей Литвы отъ Польши, и для этого предпринималъ воинственные походы въ области польскія, стараясь силою заставить польское правительство отказаться отъ владычества надъ древнимъ достояніемъ литовскихъ князей. Къ несчастію, со смертію Витовта, польское владычество усилилось въ Литвѣ и, не удовольствовавшись властью надъ литовскимъ краемъ, вздумало домогаться и Жмуди. Но не желая раздражать сильныхъ магнатовъ, поселившихся въ Жмуди насиліемъ, оно придумало другое средство для соединенія Жмуди съ Польшею или собственно для *порядненія* со Жмудью, именно — распространеніе папскаго католичества въ земль жмудской; исполнителями такого желанія польскаго правительства были іезуиты. Эти агенты папскаго католичества уснили сдѣлать Жмудь католическою страной, такъ что и послѣ присоединенія отъ Польши къ Россіи Жмуди и вообще всей Литвы, Жмудь осталась въ католичествѣ.

Не смотря впрочемъ на сильное влияніе въ Жмуди, іезуиты не могли совершенно поработить и сгладить народность ея, потому что вздумали искоренить между народомъ отечественный древній жмудскій языкъ и замѣнить его польскимъ. Намѣреніе слишкомъ необдуманное, которое не могло быть приведено въ исполненіе въ край, который всегда былъ отдѣленъ отъ Польши, и болѣе или менѣе развивалъ родной языкъ въ то время, ког-

да Литва неизбежно должна была забывать свой, литовский, среди Польскаго владычества, соединившаго ее почти въ одно, хотя и нестройное цѣлое съ Польшею. Въ Литвѣ можно было заставить (хотя впрочемъ и тамъ это дѣлалось не вдругъ, а постепенно) народъ отказаться отъ своего языка, или по крайней мѣрѣ забыть его, когда этотъ народъ уже давно былъ подъ игомъ Польскимъ, а главное, когда видѣль, что и его Князь Ягелло, изъ угожденія своей женѣ, сталъ говорить по-польски. Но ничего подобнаго не могло случиться въ Жмуди, которая во время соединенія Литвы съ Польшею, всегда была вдали отъ всего польскаго, и главное вчужь съ языкомъ польскимъ, и, будучи леннымъ владѣніемъ удѣльныхъ, независимыхъ родныхъ князей и дворянъ, могла свободно говорить на родномъ жмудскомъ языкѣ и даже имѣть свою, собственно жмудскую литературу. Оттого-то и въ настоящее время существуетъ живой жмудскій языкъ и его литература, особенно поэзія, тогда какъ собственно литовскій языкъ считается древнимъ и даже мертвымъ, о современной же литературѣ литовскаго народа нечего и говорить: она сохранилась только въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ. Мало того, въ слѣдствіе той же причины, т. е. въ слѣдствіе того, что Жмудь долго отдѣльно жила отъ Литвы, во время подчиненія послѣдней польскому игу, Жмудскій языкъ является въ настоящее время нѣсколько измененнымъ, и въ отношеніи къ первоначальному древне-литовскому составляетъ тоже, что нынѣшнее велико-русское образованное нарѣчіе въ отношеніи къ древнему родоначальному своему языку кривичскому, или славяно-русскому.

Весь вредъ, какой могли сдѣлать іезуиты для жмудскаго языка, состоитъ въ томъ, что они успѣли поселить въ высшемъ сословіи народонаселенія Жмуди ложный стыдъ въ отношеніи къ родному языку; такъ называемый высшій кругъ предпочитаетъ жмудскому польскій языкъ. Но можно ли назвать это существеннымъ вредомъ, когда прочія сословія Жмуди говорятъ на жмудскомъ языкѣ? Мало-того, самое богослуженіе и всѣ вообще священныя обрядности совершаются на жмудскомъ языкѣ. Можно ли, повторяю, назвать этотъ ложный стыдъ существеннымъ вредомъ, когда народъ вступится за любовь къ родному языку? Да и какъ не упрекать въ ложности такого стыда, когда вожди, и князья жмудскіе, качовы Ривгольдъ, Миндовъ и Кейстуть, не стыдились говорить по-

жмудски, не смотря на то, что могли бы говорить и по-польски, еслибъ нашли свой родной языкъ недостаточнымъ или грубымъ. Можно ли не упрекать некоторыхъ жмудянъ, стыдящихся своего отечественнаго языка, предпочитающихъ ему Польскій языкъ? Да и какъ можно жмудянамъ стыдиться своего роднаго жмудскаго языка, когда въ этомъ же языкъ хранятся вѣрнѣйшіе, родоначальные источники для изученія самой страны жмудской? Вѣдь не съ помощью же польскаго языка изучать жмудянамъ свою мифологію, географію и топографію, когда названія рѣкъ, горъ, дубравъ, окрестностей, городовъ и селеній ведутъ свое начало отъ жмудскаго, а не отъ польскаго языка. Каковъ же будетъ жмудскій историкъ, знающій только польскій языкъ и незнакомый съ жмудскимъ?.. А не можетъ быть историкомъ простолюдинъ, любящій свой языкъ: историкъ долженъ быть человекъ образованный, но для этого онъ не долженъ стыдиться своего языка.

Не желая впрочемъ ограничиться вышеприведеннымъ краткимъ очеркомъ исторіи жмудскаго края, считаю нужнымъ сдѣлать некоторое дополненіе къ очерку: для этого предлагаю исторію Кревскаго замка или мѣстечка Крева въ связи съ исторіею и обстоятельствами княженія жмудскихъ князей. Выше замѣчено, что ученые считаютъ Крево столицею древняго жмудскаго княжества.

II.

КРЕВО.

Развалины кревскаго замка. Видъ развалинъ. Слѣды древнихъ украшеній замка: бастіоны, брустверы, башни; подземелье, темница. Историческое значеніе древняго кревскаго замка; пребываніе въ немъ Ольгерда и Ягелла. — Заточеніе въ кревской темницѣ Кейстута и убійство его тамъ. — Торжественный вывозъ тѣла Кейстута изъ кревской темницы въ Вильно и погребеніе его на кладбищѣ Свенторога. — Заключение Витовта въ темницѣ кревскаго замка; освобожденіе и бѣгство его въ мазовецкую землю. — Примиреніе Ягелла съ Витовтомъ по случаю вступленія перваго въ бракъ съ польскою королевою Ядвигаю. — Историческое событіе въ Кревъ; подписаніе важнаго трактата. — Кревскій христіанскій приходъ. — Паденіе кревскаго замка. — Жители Крева въ настоящее время. — Бывшій магистратъ въ Кревъ. — Разрушеніе кревскаго замка. — Курганъ и городище близъ Крева.

Въ то время, когда литовско-жмудскій народъ началъ появляться и становился замѣтнымъ въ XII вѣкѣ въ христіанской

Европѣ, когда въ послѣдствіи съ одной стороны наплывъ татарскихъ ордъ въ восточной Европѣ, а съ другой упадокъ власти Романа Галицкаго открыли этому народу путь къ сосѣдственнымъ государствамъ, въ то время литовско-жмудскіе князья, расширяя границы своихъ владѣній, строили новыя и сильныя крѣпости для защиты новопріобрѣтенныхъ земель. Къ числу такихъ крѣпостей или *твердынь*, безъ сомнѣнія нужно отнести и замокъ Кревъ или Крево. * Развалины замка, вмѣстѣ съ окружающимъ его мѣстечкомъ того же имени, въ настоящее время составляютъ собственность правительства; онѣ находятся въ округѣ Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи. Трудно представить что нибудь мрачнѣе и уединеннѣе мѣстоположенія замка Крево, и причиною этого не иное что можно полагать, какъ только то, что подобныя зданія воздвигаемы были литовцами и жмудянами для укрѣпленія своихъ границъ и для защищенія ихъ во время нападенія непріятелей. Можете себѣ вообразить: кругомъ необозримая глухая пустыня, никакого лѣса, ни малѣйшаго кустарника, деревца — глушь страшная! Посреди этой пустыни, на протяженіи какихъ-нибудь восьми верстъ раскинуто селеніе; почва, правда, не песчаная, но вся устлана безчисленными камнями. А между тѣмъ вокругъ этой глухой пустыни какое прекрасное веселое мѣстоположеніе, окаймляющее пространство отъ Ошмянъ до Боруны! Какія плодоносныя поля, роскошныя луга, рощицы и цвѣтущіе сады у помѣщичьихъ хуторовъ!.. И лишь только вступаете на грунтъ этой пустыни, какой-то могильный мракъ охватываетъ вашу душу: вамъ становится невыносимо грустно при видѣ шалашиковъ въ безпорядкѣ раскинутаго селенія; мало-того, и ваше бѣдное тѣло подвергается страданіямъ: ѣзда по камнямъ измучитъ васъ въ теченіе двухъ-часоваго путешествія. Наконецъ, посреди селенія предъ вами стелется какая-то кочкообразная масса земли, покрытая двумя рядами обнаженныхъ пригорковъ. Тутъ-то посреди этихъ пригорковъ надъ едва просачивающимся ручьемъ торчатъ древнія развалины некогда огромной кревской твердыни. Возвышаются онѣ въ долину, омываемой съ сѣвера ручьемъ, а съ востока прудомъ; съ прочихъ же сторонъ окружены чѣмъ-то въ родѣ канавъ или высохшихъ болотъ, которыя, безъ сомнѣнія, будучи наполнены водою,

* Неданно явилось въ печати на русскомъ языкѣ самое краткое описаніе кревскаго замка. См. Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. Вально 1854 г. стр. 16, 17.

защищали Крево отъ нападенія непріятелей, незнавшихъ еще огнестрѣльнаго оружія. Сохранившіяся до настоящаго времени стѣны ихъ — изъ камня и краснаго кирпича, по древнему обыкновенію, безъ штукатурки, вышиною около 20-ти аршинъ, занимаютъ въ окружности до 250-ти шаговъ. Двое воротъ съ подъемными некогда мостами вели въ замокъ, среди обширной площади котораго былъ прудъ и нѣсколько деревянныхъ зданій. Амбразуры вверху замковыхъ стѣнъ и кой-гдѣ деревянные брустверы, отъ которыхъ сохранились только концы дубовыхъ балоковъ, служили крѣпостному гарнизону удобнымъ мѣстомъ для пораженія нападавшихъ на крѣпость. На сѣверномъ углу замка, къ наружнымъ его стѣнамъ примыкала большая квадратная четырехъ-этажная башня, служившая для защиты во время нападенія и заключающая въ себѣ жилища для заложниковъ и для самыхъ князей кревскихъ. До сихъ поръ видны готическія окна въ трехъ этажахъ, но въ прежнее время башня эта была еще выше, потому-что съ третьяго этажа замѣтна лѣстница, которая вела еще вверхъ. Фундаментъ башни, вышиною шесть аршинъ и подъ нею подземелье, въ которомъ была устроена темница съ небольшимъ окошкомъ вверху, сдѣланы изъ большихъ камней. Судя по тому, что окна во второмъ этажѣ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ этажахъ, можно думать, что здѣсь устроены были комнаты для князей.

Вотъ этотъ-то замокъ во всемъ своемъ величій возвышался еще въ XIV вѣкѣ посреди описанной дикой пустыни. А быть можетъ, въ то время эта пустыня покрыта была густымъ лѣсомъ. Какъ бы-то ни было, Кревскій замокъ былъ свидѣтелемъ важныхъ происшествій и грустныхъ, печальныхъ событій. Еще прежде чѣмъ Ольгердъ овладѣлъ литовскимъ престоломъ, Крево былъ столичнымъ замкомъ, доставшагося ему по раздѣлу отъ отца Гедимина, жмудскаго княжества. Изъ этого замка онъ вызванъ былъ Кейстутомъ для вступленія на престолъ литовской монархіи. Затѣмъ долго въ стѣнахъ Крева слышались только звуки охотничьихъ рожковъ, и вмѣсто военной тревоги, въ покояхъ стариннаго замка раздавался говоръ и крикъ веселыхъ гостей-охотниковъ. Иногда только нарушалось веселье и спокойствіе въ замкѣ. Это случалось тогда, когда нетерпяція отлагательства государственныя дѣла требовали рѣшенія или совѣта властителя Литвы, или когда въ охотничьемъ затишьи его вдругъ неожиданно появлялись крестоносцы, либо странствующие миссіонеры-

проповѣдники. Въ подобвыхъ случаяхъ шумныя бесѣды и пиры смѣнялись тайными совѣщаніями; глубокое молчаніе царствовало въ кревскомъ замкѣ — составлялись и записывались важные трактаты и договоры. Но во второй половинѣ XIV вѣка, кревскій замокъ былъ свидѣтелемъ новыхъ переменъ, происходившихъ въ княжествѣ литовскомъ; въ 1381 году въ стѣнахъ его явился великолѣпный дворъ Ягелла и матери его княгини Юліи Ольгердовны; Ягелло и Юлія думали встрѣтить здѣсь Кейстута, какъ христіанина. Но постоянныя оскорбленія и непріятности, наносимыя Кейстутомъ миссіонерамъ-крестоносцамъ, ясно доказывали, что они обманулись въ своихъ надеждахъ; мало того, Кейстута обвиняли въ непріязни къ Ягеллу. Впрочемъ, все это еще не могло быть причиною окончательнаго разрыва между дядей и племянникомъ. Можетъ быть, Ягелло, не очень расположенный отъ природы къ спорамъ и войнѣ, долго еще не тревожилъ бы Кейстута въ кревскомъ замкѣ, но крестоносцы не могли болѣе сносить оскорбленій язычествовавшаго князя, и видя въ немъ непримиримаго своего врага, послали окончательно вооружить противъ него весь литовскій дворъ, жмудскихъ дворянъ и наконецъ самого Ягелла. Для этого прибѣгли къ іезуитскимъ хитростямъ и интригамъ. Склонивъ на свою сторону Скиргайла одного изъ братьевъ Ягелла, они уговорили его рѣшиться на ужасное преступленіе для того, чтобъ совершенно обвинить Кейстута. Скиргайло былъ причиною смерти Войдилла, мужа Маріи, сестры Ягеллы; между тѣмъ вину сложили на Кейстута. Такимъ образомъ возгорѣлась вражда между Ягелломъ и Кейстутомъ, кончившаяся заточеніемъ послѣдняго въ Кревъ.

1382 годъ принесъ печальную вѣсть объ успѣхъ козней крестоносцевъ. Осенью этого года Крево увидѣлъ огромную свиту вооруженныхъ рыцарей, сопровождавшихъ какого-то старика, закованнаго въ тяжелыя цѣпи. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ какой-то суровый, мрачный воинъ, одѣтый въ богатые латы и панцырь: то былъ предводитель сваты или конвоя, провожавшаго пленника въ древній замокъ, именво князь Скиргайло. Пленникомъ оказался знаменитый въ свое время герой, неутомимый врагъ и гонитель крестоносцевъ, Кейстутъ, князь троцкскій и жмудскій. У воротъ замка встрѣтилъ ихъ начальникъ крѣпости, нѣкто Прокша, подчасъ двора Ягелла, которому озлобленная противъ мнимаго убійцы своего мужа Войдилла Марія, поручила привести въ исполненіе ея мщеніе. Кейстута тотчасъ отвели въ темницу, въ

подваль башни, которая выше описана; тамъ, въ темномъ и сыромъ подземельѣ *, онъ очутился на рукахъ вѣрнаго своего слуги Григорія Омульча. Свѣтъ въ эту темницу съ трудомъ проходилъ сквозь одно маленькое окошко (отверзтіе на этомъ мѣстѣ сохранилось до настоящаго времени) и едва освѣщала покрытыя сыростью каменные стѣны этого подземелья, вокругъ которыхъ съ наружной стороны находился глубокой прудъ. Ровно четверо сутокъ пробылъ Кейстутъ въ этомъ подземномъ заключеніи, постоянно прося стражу, чтобъ дозволили ему видѣться съ Ягелломъ. На пятую ночь, когда великій воинъ засыпалъ, можетъ быть, съ мыслию о благосостояніи и счастіи своей любимой Жмуди, въ темницу вошелъ злощій Провша, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Бильгенемъ; вслѣдъ за ними явились кривскіе мѣщане: Мостевъ и Гетко, любимый слуга Ягелла Лисица Жибиятысь и нѣкто Кучукъ Зѣмянинъ. ** Готовые исполнить волю того, кто довѣрилъ имъ тайну мщенія, они предательски лишили жизни Кейстута. Испугавшись такого ужаснаго злодѣянія убійць, Григорій Омульчъ сталъ кричать; но злодѣи убили и его ***. Послѣ этого довесли Ягеллъ, что Кейстутъ самъ себя лишилъ жизни въ темницѣ. А между тѣмъ Скиргайло, какъ бы ничего не зная о случившемся, пріѣхалъ въ кривскій замокъ навѣстить великаго узника. Увидѣвъ мертвое тѣло Кейстута, онъ прикинулся испуганнымъ, и такъ ловко разыгралъ роль огорченнаго, что все присутствовавшіе повѣрили искренности его печали. Чтобъ еще лучше замаскировать свое преступленіе, Скиргайло собралъ въ Криво народное войско и свиту великаго князя, для возданія послѣдней почести умершему. И вотъ съ большимъ торжествомъ вывезли тѣло покойнаго Кейстута изъ темницы; за гробомъ, въ сопровожденіи толпы народа и войска слѣдовалъ до

* У Длугоша (lib X, p. 66 edit Lips.) сказано: «dux Kieystuth ferreis catenis vincitus, *Crevamque* ductus ad fundam turris obscurae et sordidae proicitur vinculis.»

** Названіе льць, принимавшихъ участіе въ исполненіи намѣренія Маріи, вдовы Войдидла, равно и разныя подробности разсказа о смерти Кейстута заимствованы изъ лѣтописи Длугоша, который въ этомъ случаѣ болѣе прочихъ заслуживаетъ вѣротія, потому что онъ самъ жилъ не задолго послѣ смерти Кейстута. Фамилія Кучуковъ существуетъ и теперь въ Ошмянскомъ уѣздѣ. Совсѣмъ иначе переданы обстоятельства смерти Кейстута у Стрыйковскаго и Германа Корнера.

*** Подробности убійства Кейстута описаны также и у Нарбута. *Narb. Dzieje Narodu Litewskiego. Tom. V str. 294, 295.*

самаго Вильно Скиргайло. Такъ разыгралась въ Крєвь первая ужасная драма изъ жизни знаменитаго жмудскаго героя Кейстута. Крєвскій замокъ, бывшій до сего времени мѣстомъ мудрыхъ дѣяній и совѣщаній князей, въ которомъ происходило столько общественныхъ засѣданій для пользы и блага страны, впервые обогрѣлся кровью роднаго князя. Въ Вильнѣ назначены похороны Кейстута, по обряду языческому, на мѣсть древняго замка одного изъ славныхъ князей литовскихъ — именно Гедимина. На кладбищѣ, известномъ тогда подъ именемъ Свинторога, гдѣ посреди огромнаго замка Гедимина, вѣчно горѣлъ между старинными столѣтними дубами огонь въ честь Перуна, разложили огромный костеръ изъ сухаго лѣса. На этомъ-то кострѣ возложили тѣло Кейстута, маститаго старца, жмудскаго покровителя и отца, облеченное въ дорогую княжескую мантию и опоясанное богатымъ оружіемъ; на тѣлѣ положены были мечъ, сайдакъ и копьѣ. Возлѣ покойника стоялъ вѣрный слуга его и любимый конь, на которомъ нѣкогда разъѣзжалъ Кейстутъ во время войнъ и стычекъ съ непріателемъ; немного поодаль отъ коня, стояли разныя охотничьи собаки и соколы. Затѣмъ, при звукѣ охотничьяго рожка, жрецы бросили на тѣло покойника рысьи и медвѣжьи *когти*, и наконецъ, совершивъ известныя жертвоприношенія, и произнесши на-распѣвъ панегирикъ умершему, согласно съ духомъ языческой религіи, — зажгли костеръ дровъ и все, что было на немъ или вокругъ него *. Но едва погасло тлѣвшее пламя и все превратилось въ пепелъ, какъ въ ту жъ минуту разверзлась земля, всыхнуло новое, болѣе сильное пламя, и въ мгновеніе ока поглотило остатки пепла и перегорѣвшихъ костей Кейстута, исчезли и слѣды костра **. Страхъ овладѣлъ присутствовавшими, и ужасныя страданія отразились на лицѣ Скиргайла... при этомъ похоронномъ обрядѣ, въ пос-

* Обрядъ погребенія Кейстута описанъ у Стрыйковскаго. Стрыйковскій, Литовск. хроника кн. XIII, стр. 432, изд. Богом.— Впрочемъ съ Стрыйковскимъ не сходится Длугошъ. У Длугоша сказано только, что погребеніе Кейстута совершено *ritu veteri* (Dług. lib. X, str. 66); но не упоминается о сожженіи, вмѣстѣ съ тѣломъ Кейстута, и живаго слуги его, равно коня, соколовъ и собакъ.

** Объ этомъ явленіи упоминаютъ: *Wigand*, cron. p. 298; *Voigt* V. p. 372, и Нарбутъ въ «Dzieje Nar. Litewsk. T. V. str. 297.» — Длугошъ, Стрыйковскій и Нарушевичъ не говорятъ объ этомъ событіи. — Что касается до Нарбутова, то онъ очень остроумно замѣчаетъ по поводу этого событія, онъ говорить, что это явленіе было дѣломъ языческихъ жрецовъ, приверженныхъ къ кейстуту. T. V, str. 298.

лѣдній разъ раздался голоса жрецовъ падавшаго язычества; изъ груди ихъ вышелъ послѣдній вздохъ о томъ, что они не будутъ болѣе совершать жертвъ и разводитъ огонь на этихъ языческихъ мѣстахъ, въ честь Перуна. Впрочемъ, Скиргайло и Марія неудовольствовались смертію Кейстута, ихъ месть простерлась и на ближайшихъ родныхъ его; желая совершенно выгубить родъ Кейстута, они поручили убить знаменитаго жмудскаго князя Видимунта, брата известной некогда красавицы Бируты, жены Кейстута, равно и близкаго родственника его Бутрима, наследника полонгскаго.

Спустя нѣсколько лѣтъ, ворота кривскаго замка раскрылись для новой жертвы вражды и зависти. Этою жертвою былъ молодой и храбрый сынъ Кейстута Витовтъ, слава котораго не задолго послѣ этого разнеслась по всей европѣ и была предметомъ молвы въ теченіе цѣлаго XV столѣтія. Витовтъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Кейстутомъ, и въ то время, когда отецъ его страдалъ въ темницѣ кривскаго замка, онъ сосланъ былъ въ Вильно, гдѣ и провелъ все время разлуки съ отцомъ въ виленскомъ замкѣ. По смерти же Кейстута, Витовтъ перевезенъ былъ въ Крево и посаженъ въ ту же самую темницу, гдѣ умерщвленъ былъ его отецъ. Впрочемъ Витовту позволено было взять съ собою жену Анну, съ которою онъ могъ видѣться въ известное время дня, и такимъ образомъ хоть нѣсколько облегчать тяжесть своего заключенія. Но это временное утѣшеніе среди темничнаго заключенія было предвѣстіемъ болѣе ужаснаго положенія Витовта: молодаго героя ожидала участь отца. Напрасно бояре и дворяне литовскіе и жмудскіе и даже польскіе ходатайствовали предъ великимъ княземъ о помилованіи невиннаго Витовта; напрасно обращался съ просьбою къ нему самъ магистръ прусскаго ордена крестоносцевъ объ увольненіи молодаго героя—приговоръ былъ неизмѣненъ. Геній Витовта слишкомъ ясно отразился въ его умѣ и дѣйствіяхъ, и потому заблаговременно предсказывалъ ему великую будущность, пугавшую мнительнаго Ягелла; кромѣ того, слишкомъ глубоко заронена была въ душу Ягелла подозрительность, постоянно разжигаемая наговорами и клеветами сестры и особенно Скиргайла, а этихъ причинъ, кажется, достаточно было для того, чтобъ погубить молодаго храбраго Витовта. И погибъ бы онъ, еслибъ не спасла его находчивость и хитрость женщины, его жены Анны: то, чего не могли сдѣлать ни князья, ни дворяне, ни магистръ, ни

цѣлый народъ, то сдѣлала любовь добродѣтельной и цѣломудренной жены.

Жена Витовта Анна, услышавъ, что дѣйствительно мужъ ея приговоренъ къ смерти, рѣшилась во-что-бы-то ни стало спасти его; въ исполненіи этого рѣшенія помогли ей двѣ вѣрныя и преданныя женщѣны, входившіяся при ней, съ которыми позволено было ей входить въ темницу мужа. По свидѣтельству литовскихъ летописей, одна изъ этихъ женщѣнъ, по имени Елена *, рѣшилась пожертвовать своею жизнью для спасенія храбрѣйшаго изъ сыновей Кейстута. Анна спросила позволеніе у великаго князя отправиться въ Мазовію, и распустивъ слухъ, что дѣйствительно отправится туда на двѣхъ, объявила начальнику замка, что предъ отъездомъ хочетъ послѣдній разъ видѣться съ мужемъ. Она дѣйствительно отправилась въ темницу, какъ и прежде, въ сопровожденіи двухъ женщѣнъ, но вышла изъ темницы съ одною только, другая же осталась въ замкѣ: вмѣсто ее, вышелъ въ женскомъ платьѣ, молодой Витовтъ. Спасенный такимъ образомъ отъ неизбежной смерти, Витовтъ провелъ весь слѣдующій день въ домѣ жены, а ночью, спустившись по веревкѣ изъ окна **, отправился вмѣстѣ съ преданными ему людьми къ зятю своему Янушу, мазовецкому князю; вслѣдъ за нимъ побѣжала вмѣстѣ съ дѣтьми и жена его Анна. Между тѣмъ въ замкѣ никто и не думалъ о такомъ важномъ происшествіи. Едва уже на третій день, начальникъ тюрьмы, Прокша, узналъ о бѣгствѣ Витовта; въ припадкѣ гнѣва и досады онъ бросился на несчастную Елену и собственноручно убилъ ее. Такимъ образомъ Витовтъ спасенъ былъ для славы своего народа и для пораженія враговъ, равно и неблагомыслящихъ іезуитовъ, которые подъ личиною заботливости о распространеніи христіанства, съ удивительною злобою посягали на его жизнь.

Трехлѣтнее странствованіе Витовта имѣло свои благотворныя послѣдствія. Отправившись изъ Мазовіи къ крестоносцамъ, онъ усовершенствовался въ разныхъ наукахъ и искусствахъ, изу-

* Длугошъ, Стрыйковскій и Нарушевичъ не говорятъ подробно объ этомъ обстоятельствѣ. За то Нарбутъ довольно ясно называетъ эту женщину именемъ Елены (Dzieje Litew. Nar. T. V. str. 305). Свѣдѣніе объ этомъ онъ заимствовалъ изъ найденныхъ имъ древнихъ, такъ-называемыхъ автентичныхъ актовъ.

** Длугошъ (книг. X. стр. 65) говоритъ: ac nocte insequenti per funem se ex castro demittens ad maritum sororis suae Ianussium Mazoviae ducem primum pervenit.

чилъ языкъ и обычаи нѣмецкіе. * Скоро узнавъ объ этомъ Ягелло и прислалъ къ нему своихъ дворянъ съ предложеніемъ помириться. Цель была очевидна. Въ это время во всей Европѣ говорили о новомъ, готовящемся переворотѣ въ судьбѣ двухъ народовъ: то-есть Ягелло задумалъ планъ соединенія Литвы съ Польшею подъ одною короною—и для этого долженъ былъ вступить въ бракъ съ польскою королевою Ядвигою. Для исполненія такого намѣренія, Ягеллъ нужно было согласіе всехъ князей, дворянства и народа; чтобъ устроить всякія возраженія со стороны Витовта, онъ и предложилъ ему въ его владѣніи Подлясье и Жмудь, и назначилъ съездъ въ крѣвскомъ замкѣ, въ 1385 году. Такимъ образомъ, тѣ самыя комнаты замковой башни, гдѣ Витовтъ недавно жилъ какъ пленникъ и узникъ, встрѣтили его какъ князя изъ рода Ольгерда, владѣтеля Жмуди и Подлясья, призваннаго Ягелломъ для общаго совѣщанія о будущихъ судьбахъ роднаго отечества. Въ это время крѣвскій замокъ принялъ самый свѣтлый, веселый видъ, какого не имѣлъ даже во время постояннаго пребыванія въ немъ жмудскихъ и литовскихъ князей. Въ ожиданіи съезда именитыхъ гостей изъ Кракова, Ягелло и Витовтъ, окруженные многочисленною свитой придворныхъ бояръ, князей и магнатовъ, потѣшались охотою въ окрестностяхъ крѣвскаго замка. Въ это время при Ягеллѣ, въ Крѣвѣ, находились всѣ родные его: Витовтъ, Скиргайло, Корибутъ и Лингвенисъ. Между тѣмъ въ Краковѣ происходили совѣщанія на счетъ вступленія въ бракъ Ягелла съ Ядвигою и соединенія короны Пястовъ съ короною литовскою. По окончаніи совѣщаній, выборъ палъ на Ягелла, и послы явились къ нему съ поздравленіемъ въ замокъ Крево. Это было въ августъ 1383 года. Въ числѣ пословъ находились слѣдующія лица: Николай Богорія, Кастелянъ Завихостскій, Влодекъ Огороденець, Подчашій Краковскій, Креславъ Островскій, правитель Казимірскій, Стефанъ, пробощь (священникъ, духовникъ) Ханадыйскій и Станиславъ Каза, сынъ Какаса, Кастелянъ Потоцкій ** Открылось засѣданіе въ замкѣ, и вотъ крѣвскій замокъ еще болѣе просвѣтлѣлъ отъ

* Изъ Мазовіи Витовтъ отправился въ Жмудь, и поддерживаемый крестоносцами, непереставалъ тревожить владѣнія Ягеллы.

** Всѣ эти лица поименованы у Нарушевича (книг. XXVIII. § 34); но Длугосъ прибавляетъ къ нимъ еще другія: Петра Шафранца и Гивьчка изъ Рошковичъ (Dlug lib. X. p. 99). Большая часть ученыхъ литовскихъ думаетъ, что эти прибавочныя лица относятся ко второму посольству.

такого важнаго событія, которымъ ознаменовался прїездъ Витовта въ древнее наслѣдіе своихъ дѣдовъ. Засѣданіе кончилось тѣмъ, что Ягелло охотно принялъ все предложенныя ему польскимъ правительствомъ условія, на какихъ онъ могъ только получить руку прекрасной Ядвиги; согласіе свое Ягелло скрѣпилъ печатью вмѣстѣ съ печатями родныхъ князей Скиргайла, Корибута, Витовта и Лингвенеса. Такимъ образомъ, въ кревскомъ замкѣ явился столь важный актъ или дипломъ *, имѣвшій вліяніе на послѣдующія судьбы Литвы, Жмуди и Польши!.. Въ этихъ-то нынѣшнихъ развалинахъ, куда едва заглянетъ какой-нибудь любитель старины, но отнюдь не всякій проѣзжіи или прохожіи, некогда совершилось вѣковое событіе сліянія двухъ народовъ, повлекшее за собою столько бѣдствій для Жмуди, Литвы и въ послѣдствіи для западной Руси: въ этомъ событіи проглядывало начало будущей униі...

Въ послѣдствіи времени, именно въ 1385 году, когда Ягелло, принявъ христіанство, возвращался въ литовскую землю подъ христіанскимъ именемъ Владислава, кревскій замокъ не былъ забытъ: жители мѣстечка обращены въ христіанство и причислены къ новому христіанскому приходу, учрежденному въ Кревѣ, для котораго Ягелло велѣлъ построить церковь на мѣстѣ прежняго языческаго капища Знича.

Но вотъ прошло четыре столѣтія со дня описаннаго событія. Сколько переменъ совершилось вокругъ Крева и въ самомъ кревскомъ замкѣ! Какое различіе оказалось между Кревомъ Кейстута и Кревомъ нынѣшнимъ! Правда, тотъ же ручей или источникъ протекаетъ въ долину Крева, но теперь онъ течетъ льниво и почти засыхаетъ по временамъ, а тогда, незная препятствій на пути, все мчался впередъ и лишь остановился тогда въ своемъ теченіи, когда увидѣлъ развалины вмѣсто прежнихъ красивыхъ башенъ и стѣнъ... Не стало величественныхъ бастіоновъ, исчезли нажившіеся шпицы башенокъ и куполовъ; не видать суевѣрныхъ поклонниковъ Перуна, которые жгли въ честь его костры и кормили ужей; не собираются въ окрестно-

* Этотъ важный актъ, составляющій древній памятникъ письменности въ Литвѣ и Жмуди, сохранился въ архивѣ краковскаго капитульнаго монастыря; часть этого акта приводитъ въ своей исторіи Нарушевичъ. Исслѣдованія о немъ напечатаны въ исторіи польской литературы Мухапа Вишневекаго. См. *Polniki historyj i Litteratury polskiej* T. IV. Въ этомъ сочиненіи помѣщены рисунки трехъ княжескихъ печатей.

стяхъ Крева для охоты; не привозятъ сюда пленниковъ или узниковъ... Развалины замка наводятъ на путника какое-то уныніе и ничѣмъ не напоминаютъ о томъ, кто жилъ въ немъ, кто страдалъ и умеръ... По временамъ только глухой вѣтеръ пронесется по окраинамъ развалившихся башенъ и отзовется въ душѣ прохожаго какъ-то грустно, тяжело! Слыша завыванія вѣтра въ стѣнахъ замка, прохожій невольно творитъ крестное знаменіе, и вспомнить о трагической кончинѣ знаменитаго Кейстута. Нынѣшніе жители Крева ведутъ осѣдлую, спокойную жизнь; главнымъ занятіемъ ихъ гончарство, которое доставляетъ имъ пропитаніе; немногіе занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Всѣ же они считаются крестьянами. Между тѣмъ еще въ концѣ XVIII столѣтія и даже въ началѣ XIX, жители Крева считались мѣщанами: у нихъ въ Кревѣ былъ свой магистратъ до 1795 года. Въ вѣдѣніи магистрата находились вблизи лежащія деревни Вавуки, Левексы, Мазаль, Стриги и Ревки. Привиллегіи, данныя кревскимъ мѣщанамъ, слѣдующія: Сигизмунда III, отъ 9 августа 1601 года и 7 января 1602 года; Владислава IV, отъ 20 августа 1634 года.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій, Крево оставался въ забвѣнн, такъ-что мало по малу становился незамѣтнымъ въ исторіи. Наконецъ, какъ-бы въ довершеніе совершенной гибели, кревскій замокъ подвергся общей участи городовъ, мѣстечекъ, пострадавшихъ во время татарскихъ набѣговъ на Западную Россію. Во времена Александра, Крево былъ разрушенъ Татарами, такъ что въ 1518 году, извѣстный путешественникъ Герберштейнъ, бывшій посланникомъ въ Москвѣ, проѣзжая чрезъ Крево, видѣлъ его уже опустошеннымъ. Впрочемъ о Кревѣ и его замкѣ упоминается еще въ 1613 году у одного изъ польскихъ писателей*, какъ о мѣстахъ, заслуживающихъ вниманія. А во времена Сигизмунда Августа, въ Кревѣ жилъ нѣкоторое время извѣстный князь Курбскій**.

Въ настоящее время развалины кревскаго замка стали предметомъ самыхъ баснословныхъ легендъ и разсказовъ, нерѣдко переполненныхъ анекдотами о страшилищахъ и привидѣніяхъ.

* Сарницкій упоминаетъ о Кревѣ. См. *Descriptio veter. et nov. Polon.* pag. 253, 254, Tom. I, *Collectanea Mitzleris*. Кроме того на старинныхъ картахъ помѣщается Крево, какъ мѣстечко съ крѣпостью.

** См. Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. Вильно, 1854 г., стр. 17.

Въ двухъ верстахъ отъ Крева находится курганъ, до сихъ поръ называемый Городищемъ, вышиною одиннадцать сажень. Вершина его занимаетъ 1,600 сажень пространства, а въ самой срединѣ замѣтно овальное углубленіе на двѣ сажени. По преданію народа, городище это соединялось съ замкомъ подземнымъ ходомъ, въ которомъ будто бы можно было вѣхать шестеркою лошадей, запряженныхъ рядомъ. Безъ сомнѣнія, городище это входило въ составъ укрѣпленій кревскихъ и устроено еще прежде кревскаго замка. Въ верстѣ отъ этого городища указываютъ четыре древнія могилы, которыя мѣстные жители называютъ курганами.

Вообще нужно замѣтить, что вокругъ развалинъ кревскаго замка попадается много возвышеній и рвовъ, которые не могли быть явленіемъ природы, а сдѣланы рукою человѣческою; всѣ они, вѣроятно, имѣли какое-нибудь отношеніе къ кревскому замку, какъ маленькія крѣпости къ главной большой крѣпости, которою и была кревская *твердыня*.

Вотъ рядъ событій, происходившихъ въ Кревѣ и кревскомъ замкѣ, которыя болѣе или менѣе имѣли связь съ исторіею жмудскаго края. Изложивъ краткій очеркъ историческихъ судебъ этаго края, перейдемъ къ пѣснямъ и языку его, которыя могутъ служить характеристическимъ очеркомъ жизни и духа жмудянь.

III.

О ПѢСНЯХЪ И ЯЗЫКѢ ЖМУДЯНЪ.

Характеристика жмудскихъ пѣсень; духъ ихъ. — Разные роды жмудскихъ пѣсень: пѣсни семейныя, случайныя или героическія, историческія и мифическія. Употребительныя размѣры стиховъ въ первыхъ трехъ родахъ. Особенность этихъ родовъ пѣсень. — Любовь жмудянь къ пѣнію и музыкѣ. — Происхожденіе и содержаніе мифическихъ или торжественныхъ пѣсень. — Общія замѣчанія о жмудскихъ пѣсняхъ; — образчики этихъ пѣсень въ разныхъ родахъ, сборники ихъ. — Подлинная жмудская пѣсня съ русскимъ переводомъ. — Языкъ жмудскій въ сравненіи съ русскимъ, латинскимъ и польскимъ языками.

Жмудскія (равно и литовскія) пѣсни суть не что иное, какъ анакреонтическія стихотворенія; различіе между ними то, что въ послѣднихъ проглядываютъ глубокія чувства греческаго образо-

ваннаго міра, тогда какъ въ первыхъ замѣтны нѣжныя чувствованія первобытнаго народа, который будучи отдѣленъ обстоятельствами отъ свѣта современной цивилизаціи, сохранилъ въ себѣ неподдѣльную простоту предковъ своихъ. Этою простотою пропитаны, такъ-сказать, всѣ пѣсни жмудскія, и потому, во время пѣнія, прямо дѣйствуютъ на душу. Простота ихъ доходитъ до наивности; нигдѣ не встрѣтишь въ нихъ и малѣйшей двусмысленности. Разсматривая содержаніе жмудскихъ пѣсней и углубляясь въ ихъ смыслъ, приходишь къ тому заключенію, что описываемая въ нихъ любовь у жмудянь представляется какимъ-то особеннымъ, высшимъ чувствомъ, которое будто недоступно другимъ народамъ; любовь эта представляется какою-то не земною. Грубая веселость, шумныя оргіи, неприличныя шутки— все это чуждо духу жмудскихъ пѣсней, и потому ничего подобнаго не встрѣтишь въ нихъ. Во всѣхъ пѣсняхъ жмудскихъ замѣтна какая-то сердечная грусть, грусть, если можно выразиться, слезливая, сопровождаемая слезами то радости, то печали, то восторга, то унынія. Эти радостныя слезы нѣжной дочери при встрѣчѣ давно невиданной матери, эти страданія чувствительной матери при прощаніи съ милымъ дѣтищемъ, которое она выдаетъ замужъ на чужую сторону, эта печальная и вмѣстѣ какая-то веселая тоскливость дѣвицы-невѣсты, вступающей въ бракъ съ избраннымъ юношей и прощающей съ родною семьею, любимой матерью и дѣвическою свободою, — невѣсты, вступающей въ чужой домъ, заботящейся о томъ, какъ-бы понравиться и угодить семьѣ своего мужа, — всѣ эти проявленія искренняго чувства такъ неподдѣльны, такъ высоки въ жмудскихъ пѣсняхъ, что въ этомъ отношеніи онѣ выше пѣсней многихъ другихъ народовъ.

Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ всѣ пѣсни жмудскія были на одинъ ладъ и одинаковаго содержанія: этимъ только показывается, что всѣ пѣсни жмудскія проникнуты искреннимъ чувствомъ; содержаніе же ихъ различно, точно также, какъ различны состоянія человѣческаго сердца, какъ различны общественныя отношенія мужчинъ и женщинъ, дома, въ чужой семьѣ и вообще во всѣхъ родахъ человѣческой жизни. Отсюда жмудскія пѣсни можно раздѣлить на *семейныя*, каковы напр. пѣсни любовныя, свадебныя и игрищныя; на *случайныя* или собственно *героическія*, въ которыхъ воспѣвается какое-нибудь знаменательное приключеніе, событіе и даже какой-нибудь герой, эти пѣсни можно назвать *думами*;

на историческія или военныя собственно, потому-что въ нихъ описывается какое-нибудь историческое происшествіе изъ временъ войнъ жмудскихъ и литовскихъ князей съ сосѣдними народами; эти пѣсни можно также назвать *былинами*, потому-что въ нихъ часто разсказываются похождения какого-нибудь воина или князя, обратившаго вниманіе не только своего отечества, но и всѣхъ современныхъ народовъ (наприм. былина: Витовтъ на Ворскль). Форма означенныхъ пѣсень лирико-повѣствовательная, по преимуществу разговорная. Это обыкновенно бесѣды матери съ дочерью, отца съ сыномъ, юноши съ дѣвицей (Dajnos). Начинаются, болѣею частию, какимъ-нибудь сравненіемъ любви съ явлениями природы, обстоятельствъ жизни съ процессомъ растенія цвѣтовъ, разныхъ травъ и т. п.

Разнообразіе содержанія и чувствъ, заключающихся въ пѣсняхъ, порождаетъ разнообразіе мелодіи или напѣва, зависящаго отъ разныхъ размѣровъ самыхъ стиховъ. Мелодія эта удивительно какъ соответствуетъ воснѣваемымъ въ пѣсняхъ искренне-веселымъ или печальнымъ чувствамъ, также разнообразнымъ, какъ и сама натура человека. И потому-то въ пѣсняхъ жмудскихъ болѣе всего господствуютъ размѣры ямбическій, хоренцескій и дактилическій, отдѣльно или въ смѣси; размѣры по преимуществу соответствующіе, такъ сказать, *сердечности* чувствъ. Размѣры эти болѣею частью встрѣчаются двухстопные, трехстопные и четырехстопные.

П р и м ѣ р ы :

Ямбъ двухстопный.

| — | —
) —) —)
) —) —)

Ateik mergite
 Pavasarelį.

(Приходи, милая дѣвица, въ осеннюю пору.)

Ямбъ трехстопный.

| — | —
) —) —)
) —) —)
) —) —)

Zalnerėj zalneravo

Trimittajs trimittavo

I karon iszkielavo.

(Воевали храбрые воины; — играли на громкихъ трубахъ; отправились на войну.)

Ямбъ девятисложный.

— — — — —) — — — — —) — — — — — — — — — —	— — — — —) — — — — —) — — — — — — — — — —
Jok jok broility	ne truk ilgaj.

(Повзжай, повзжай, братецъ, да не медли только.)

Мало того, попадаются ямбы десятисложные. Вотъ примѣръ подобныхъ ямбовъ.

— — — — — — — — — —) — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —) — — — — — — — — — —
Saulity lejdzias	vakars netoly.

(Солнышко спустилось низко, уже вечеръ надходить; собственно уже вечеръ близокъ.)

Иногда попадаются два равномерные стиха вмѣстѣ и составляютъ какъ-бы двустипхи (distichon.)

— — — — — — — — — —) — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — —) — — — — — — — — — —
Asz atsisakiau	savo moezutėj.
O asz nu puses	jau vassareles.

Ужъ я отрекаюсь (т. е. разсталась) отъ своей матушки; уже съ полгода не услуживаю ей.)

Двухстопный и трехстопный хорей.

— — — — — — — — — —) — — — — — — — — — —
O taj divaj
Diddi divaj buvo.

(О! это было диво, диво большое!)

Четырехстопный хорей.

— — — — — — — — — —) — — — — — — — — — —
Łaime reke, Łaime szauke.

(Лайме (собственное имя) плачетъ, Лайме кличетъ, зоветъ.)

Очень часто случается, что трехстопные хорен вдругъ замѣняются двухстопными. Напримѣръ:

— — — — — | — — — — —
 — — — — — | — — — — —

Po klevelo Szaltinatis,
 Czistas Wandinatis.

(Подъ Кленкомъ источникъ (ручей) чистый, прозрачный, вода въ немъ сладкая, прозрачная.)

Замѣчательнъ пятистопный стихъ, состоящій изъ двухъ половинъ: въ первой бываетъ два, въ другой три хорен. Размѣръ этотъ очень хорошъ: часто заключаетъ четыре стиха въ строфѣ безъ перемѣны стопъ; цезура падаетъ на третьей и четвертой стопѣ. Напримѣръ:

— — — — — | — — — — — | — — — — — | — — — — —
 Ten daržatij   žyda myronaczej
 Ten daržatij   žyda tymonaczej
 O kur musu   sessyti stovejo
 Cze gražausos   kvetkeles žydejo.

(Тамъ въ зеленомъ садикъ цвѣтеть маёранъ, тамъ въ зеленомъ садикъ цвѣтеть тминъ. Но гдѣ остановилась наша сестричка, тамъ лучше всѣхъ разцвѣла роза.)

Пѣсня эта тѣмъ замѣчательна, что во второй половинѣ ея измѣняется размѣръ. Послѣ приведенной выше картины слѣдуетъ вопросъ: «зачѣмъ ты, дѣвочка, грустишь, тоскуешь?» Съ перемѣною содержанія во второй половинѣ пѣсни и слѣдовательно самаго чувства, которое выражается въ отвѣтъ дѣвицы, измѣняется и размѣръ стиха, что производитъ, въ пѣвнн, чудную, разнообразную мелодію. Подобныхъ пѣсень очень много встрѣчается на Жмуди.

Дактилическіе размѣры.

Дактилическіе размѣры въ жмудскихъ пѣсняхъ придаютъ имъ какую-то оживленность, игривость и бойкость; обыкновенно вслѣдъ за однимъ хореемъ слѣдуютъ двухстопные дактили. Напримѣръ:

— — — — — | — — — — — | — — — — — | — — — — —
 — — — — — | — — — — — | — — — — — | — — — — —

Kajr asz ejau i Leliju daržu

Penki szeszi ant manes žurejo.

(Когда я зашла въ садикъ Леліи, то на меня смотрѣли тамъ пять, шесть (парней.)

Но есть дактилическіе размеры чистые, безъ примѣси хореевъ. Вотъ образчикъ:

— — — — — | — — — — — | — — — — —

Vakar parejau la baj welaј. (L) Вчера я возвратилась поздненько.

Въ пѣсняхъ смѣшанныхъ, то есть, гдѣ размеры перемѣшаны, бросается въ глаза то особенно, что послѣ трехъ стиховъ, напримѣръ двухъстопныхъ, слѣдуетъ трехстопный и потомъ очень часто опять повторяется онъ же послѣ другаго какого-нибудь стиха. Пѣсни съ подобными размерами считаются любимыми въ народѣ, потому-что онъ обыкновенно бывають исполнены народности; въ нихъ воспѣвается сельскій, крестьянскій бытъ. Вотъ, напримѣръ, любимая жмудянами народная пѣсня.

— — — — —
— — — — —
— — — — — — — — —

Jszbieg iszbiego

Isz Rusnes Kemo

Du jaunu žvejytelu.

(Изъ деревеньки Руснесъ проворнехонько выбѣжали двое молодыхъ рыбаковъ.)

Но что особенно придаетъ гармоніи стиха и самой мелодіи въ пѣсняхъ жмудскихъ, это то, что въ нихъ постоянно употребляются уменьшительныя слова; этимъ отличаются всѣ пѣсни жмудскія и ясно указываютъ на родство свое съ пѣснями славянскими, которыя также переполнены самыми нѣжными уменьшительными именами и названіями, наприм.: пѣсни чешскія, сербскія, польскія, малороссійскія, бѣлорусскія и даже великорусскія. Характеръ подобныхъ пѣсней жмудскихъ объясняется самымъ духомъ народа; кажется ни одно племя славянское не можетъ похвалиться тою ласковостью, мягкостью и какою-то баловливою любезностью, безъ какихъ жмудяне не могутъ обойтись въ самомъ обыкновенномъ, домашнемъ быту; безъ которыхъ они не могутъ сказать другъ другу двухъ—трехъ словъ. Такъ, братъ называетъ сестру сетричкою, сеструничкою, сестра брата братикомъ, браточкомъ, братулечкомъ; мать

дочь доченькою, дочушкою,—дочь, мать матусечкою, мамашечкою, сынъ — отца отченькомъ, татулечкомъ и т. д. Все это доказываетъ необыкновенную искренность, сердечность между жмудянами въ домашнемъ, обыкновенномъ быту, а что нравится въ обыденныхъ разговорахъ, то еще мелодичнѣе и милѣе кажется въ стихѣ, въ поэзіи и пѣсняхъ. Это доказываетъ также, что душа жмудянина тѣсно связана съ пѣснью, какъ съ чѣмъ-то роднымъ. Что-жъ удивительнаго послѣ этого, если жмудянинъ не можетъ разстаться съ пѣснью, какъ съ родною своею душою; безъ пѣсни онъ тоже, что безъ души. И въ самомъ дѣлѣ, выйдете лѣтомъ на поле во время уборки хлѣба, и вы при всякомъ жнивѣ услышите гармоническую, мелодическую пѣсню; загляните въ амбары, въ дома, во время вечернихъ посидѣлокъ при свѣтѣ горячей лучины, или когда женщины проводятъ время за ткацкими станками, за пряжею, или во время какихъ-нибудь другихъ занятій въ зимнее время, вездѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ васъ встрѣтятъ пѣснями; въ ушахъ вашихъ раздадутся звуки соответствующаго напѣва; словомъ, чуть-ли не на всякомъ шагу въ Жмуди слышится пѣніе; пѣсня служитъ выраженіемъ такого или другаго настроенія души жмудина: пѣсня сопутствуетъ ему во всякомъ дѣлѣ, пѣснью начинается и оканчивается онъ занятія. Очень понятна причина: пѣсня тамъ только раздается, тамъ только поется, гдѣ неразлучно душевное спокойствіе, гдѣ неизбежны чистота нравовъ и обычасвь; изъ какого сердца она выходитъ, на ладъ и на строй того же сердца она и поется.

Впрочемъ нужно замѣтить, жмудскій народъ и отъ природы пѣвучъ и музыкаленъ. Быть можетъ, самая страна производитъ на него такое вліяніе, потому-что страна жмудская, дѣйствительно, есть страна поэзіи, роскоши и прелестей. Что за чудная, поэтическая страна! Кого не приведутъ въ восторгъ, особенно во время майскихъ дней, великолѣпныя, богатыя окрестности Ньмана, Виліи, Дубисы и Невъжы? Кого не очаруютъ живописныя высокія горы, окаймленныя прекрасными, благоухающими долинами, орошаемыми въ разныхъ направленіяхъ безчисленными шумящими водопадами, протоками и ручьями, отражающими въ своихъ кристалльныхъ, минералородныхъ струяхъ верхушки въковыхъ дубовъ, ясеней и липъ? А какія разнообразныя рощицы, просѣки, сады, садики и цвѣтники почти при каждомъ сельскомъ домикѣ, наполняющіе воздухъ благовоніемъ

разноцвѣтныхъ кустарниковъ розъ, привлекающіе взоры ваши прелестію и красотою стокротокъ, руть, лилій, маѳрановъ и тысячи другихъ цвѣтистыхъ и вѣжныхъ растений! Какъ чудно гармонируетъ все это съ пѣснями! какая тѣсная неразрывная связь между такими украшеніями природы и поэтическимъ настроеніемъ души челоуька! Какъ все это естественно располагаетъ сердце живущаго среди такихъ красотъ чудной Божіей природы къ пѣнію и прославленію великаго мірозданія Предвѣчнаго Творца! Тутъ смолкаетъ все грѣховное, нечистое и порочное, оно уступаетъ мѣсто чистой, невинной мысли, которая, отъ полноты и избытка благодарнаго сердца, выражается въ славословіи, а этимъ славословіемъ и есть пѣсня, пѣсня полная глубокихъ чувствъ любви и благоговѣнія къ Тому, кто далъ челоуьку сердце, способное къ такимъ чувствованіямъ!.. Кто бывалъ въ жмудскихъ окрестностяхъ, тотъ самъ чувствовалъ себя такъ, тотъ самъ испытывалъ подобное настроеніе души, тотъ самъ невольно переносился мыслью къ тѣмъ прекраснымъ мѣстамъ, въ которыхъ съ восторгомъ провелъ дни и изъ которыхъ вынесъ много чудныхъ, отрадныхъ воспоминаній о этой поэтической странѣ!..

Что-же касается до музыкальности жмудянь, то можно сказать, что нѣтъ деревни, нѣтъ селенія, гдѣ бы не слышалась какая-нибудь музыка. Выше замѣчено, что по преимуществу жмудскія поселанки любятъ музыку, но нельзя не замѣтить, что и между поселанами встрѣчается много доморощенныхъ музыкантовъ. Что же касается до высшаго класса жмудскаго народонаселенія, то это въ своемъ родѣ большіе меломаны и артисты на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что многіе изъ жмудскихъ обывателей чрезвычайно любятъ заниматься музыкою, такъ-что недовольствуются домашнимъ ученіемъ, но для усовершенствованія отправляются въ чужіе края и потомъ возвращаются на родину нерѣдко великими артистами; впрочемъ, усовершенствованія эти предпринимаются единственно для себя, а не для свѣта; жмудяне въ этомъ случаѣ отличаются скромностью и чужды всякой хвастливости. Кромѣ того, рѣдкій музыкантъ, рѣдкая пѣвица не испытывали, проѣздомъ чрезъ жмудскій край, того гостепримства и ласкъ въ домахъ знати, какія могутъ испытывать артисты только въ обществахъ знатоковъ и опытныхъ цѣнителей ихъ искусства. Не меньшимъ доказательствомъ музыкальности жмудянь служитъ и то, что они создали свою родную, національную му-

зыку, выродившуюся изъ духа народа. Для этого существуютъ музыкальные сборники и разныя отдѣльныя изданія пѣсень, положенныхъ на музыку. Кромь того, въ рѣдкомъ знатномъ и даже среднемъ семействѣ не увидите библиотеки, наполненной безчисленными фоліантами музыкальныхъ произведеній всѣхъ возможныхъ прежнихъ и настоящихъ новѣйшихъ композиторовъ. Все это, кажется, довольно ясно говорить въ пользу музыкальности жмудянъ.

Кромь вышепоименованныхъ родовъ жмудскихъ пѣсень есть еще особый родъ: это такъ-называемыя торжественныя и важныя пѣсни, извѣстныя подъ общимъ именемъ *миѳическихъ*. Торжественными и важными называются онѣ потому, что нѣкогда пѣлись во время обрядныхъ торжествъ жрецами и жрицами. Очевидно начало ихъ относится къ самой отдаленной, до христіанской эпохѣ жизни жмудянъ и вообще литовскаго народа. Такого рода пѣсень сохранилось очень много, какъ потому что онѣ выродились изъ многосложной миѳологіи жмудской, такъ и потому, что миѳическая жазнь жмудскаго и вообще литовскаго народа продолжалась гораздо позже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Извѣстно, что въ XIV вѣкѣ, когда всѣ народы европейскіе были христіанами, жмудяне оставались въ язычествѣ, и приняли христіанство уже въ XV вѣкѣ; такимъ образомъ, когда у прочихъ европейскихъ народовъ все языческое просвѣтилось и озарилось новымъ свѣтомъ Христава ученія, Жмудь еще имѣла свои миѳическія обрядности, преданія, пѣсни. Очень понятно, что эти пѣсни не могли уничтожиться въ то время, когда онѣ же въ другихъ земляхъ уже давно несуществовали. Какъ бы то ни было, миѳическія жмудскія пѣсни сохранились еще въ народѣ до настоящаго времени и служатъ пособіемъ для изученія образа жизни, понятій и характера первобытнаго жмудскаго и вообще литовскаго народа. И дѣйствительно, на основаніи этихъ пѣсень можно построить довольно вѣрную исторію жизни этого народа, не говорю уже о томъ, что изъ нихъ можно заимствовать много матеріяловъ для составленія легендъ и поэтическихъ фантазій. Вспоминая въ этихъ пѣсняхъ о Перунѣ, Лаймѣ, Гильтинѣ, Поятѣ, Бирутѣ и т. п., народъ представляетъ себѣ понятія предковъ своихъ о разныхъ явленіяхъ природы и общественной жизни; притомъ изъ содержанія этихъ пѣсень народъ поучается, до какой степени заблуждались ихъ прадеды, и при этомъ сознаетъ важ-

ность христіанской жизни въ сравненіи съ заблужденіями язычества; послѣ чего неизбѣжно въ сердцѣ его чувство высокой благодарности къ Предвѣчному Міроздателю, который вывелъ его изъ мрака языческой лжи на путь истинный, свѣтлый, христіанскій. Чтобы дать понятіе о мифическихъ пѣсняхъ жмудскаго народа, расскажу содержаніе ихъ. Въ этихъ пѣсняхъ говорится, что некогда главными божествами Жмуди были *Сауле* и *Менузь*: этими именами назывались два светила небесныя — солнце (*Сауле*) и луна (*Менузь*). Такъ-какъ эти светила признаваемы были за главныя, то и божества, получившія начало отъ нихъ, считались родоначальниками всѣхъ другихъ божествъ. Такъ-какъ *Сауле* имя женскаго рода, то онъ назывался богинею, а *Менузь*, какъ имя мужское, считался богомъ и притомъ мужемъ *Сауле*. Дѣтьми этихъ божествъ считались звѣзды, называемыя по-жмудски: *Жвайздець*. *Менузь* не долго считался главнымъ божествомъ, именно до тѣхъ поръ, пока неизмѣнилъ богиню *Сауле* и не сталъ нарушать правильнаго теченія своего (какъ луна). Когда же онъ измѣнилъ *Сауле* и привязался къ *Зарь* (*Аушрине*), а потомъ небрежно исполнялъ свою обязанность, т. е. иногда опаздывалъ *ходомъ вокругъ солнца* (мнѣніе древнихъ литовцевъ), то *Сауле* наказанъ былъ высшимъ божествомъ и низведенъ на степень второстепеннаго духа*. Изъ пѣсень видно, что высшимъ божествомъ былъ *Перкунась* или *Перунъ*. Замѣчательно, что въ жмудскихъ пѣсняхъ часто упоминается число *девять*: обыкновенно раздѣляли время на *девять* извѣстныхъ періодовъ или эпохъ и приписывали этому числу разныя особенности; такъ, между прочимъ думали, что были видимы уже вмѣстѣ два, три, шесть и больше *солнць*, но когда ихъ явится *девять*, тогда погаснетъ это вѣчное светило солнце. Кромѣ того упоминается о *девяти* рѣкахъ, впадающихъ въ какое-то озеро, о *девяти* розахъ, цвѣтущихъ въ зеленомъ садикѣ, о *девяти* красавицахъ-дѣвицахъ, купающихся въ прозрачныхъ водахъ небольшой рѣчки... Говорится о *Банкнутись*, воздушномъ духѣ, который волнуется поверхность моря и отъ того образуется на ней пѣна; о *Земнесь-Матти*, подземной богинѣ, имѣющей власть возвратить или указать потерянные ве-

* Что касается до *Аушрине*, то и она наказана была: ей объявлено было, что она никогда не будетъ имѣть мужа. Есть пѣсня: *Вакаринесь*, заблудившаяся овца, въ которой перечисляются всѣ обязанности *Аушрине*, которыя она несла при богинѣ *Сауле*.

щи. Особенно часто, что видно и изъ вышеприведенной пьсни, упоминается о Лаймъ, богинь изобилія, которая показывается людямъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ зеленой, красной и черной, и тѣмъ предзнаменовываетъ въ первомъ случаѣ урожай, во второмъ войну, а въ третьемъ моровую язву. Та же Лайма известна въ жмудскихъ пьсняхъ подъ разными другими названіями: *Менуле*, *Лела*, *Кунимиршисъ* и *Медзіойма*. Впрочемъ въ некоторыхъ пьсняхъ Медзіойма называется духомъ, въ видѣ дѣвицы исполнскаго роста съ мужескою головою, въ одеждѣ изъ медвѣжьей кожи, съ лукомъ за плечами и замѣчается объ ней, что она жила на какой-то горѣ съ раздвоенною верхушкою *, гдѣ любила охотиться; изъ этого можно заключать, что Медзіойма считалась у древнихъ жмудянъ богинею охоты. Кромѣ того и Лайма въ некоторыхъ пьсняхъ называется богинею счастья; можетъ быть, это названіе справедливѣе перваго, потому-что сохранившееся въ жмудскомъ языкѣ до сихъ поръ слово *лаймоти* значитъ *сдѣлаться*, *быть* счастливымъ. Какъ богиня счастья, Лайма представлялась доброю и сострадательною; она по преданіямъ языческимъ являлась на высокой горѣ во время какого-нибудь несчастья и предвѣщаетъ перемену обстоятельствъ къ лучшему.

Вообще же о жмудскихъ пьсняхъ нужно замѣтить, что въ нихъ выражается весь духъ народа, его понятія и характеръ общественной жизни. То въ нихъ описывается видъ сельскаго домика (*пшас*), — садика матери, засаженнаго самыми лучшими цвѣтами, или сада отца, наполненнаго яблонями съ несмѣтными плодами, то рассказывается про семейныя непріятности. Вотъ, напр. пьсня въ подобномъ родѣ. Была у матери трудолюбивая дочь, работавшая охотно за двухъ, за трехъ; все, что ни приказывала ей мать, она охотно исполняла, вставала рано, готовила вкусныя кушанья; пряла проворно, ткала тонко, и берегла все въ домѣ, какъ самая вѣрная дочь. На-

* Не отъ имени ли этой богини получила названіе гора *Медзіойманская*, что въ Россіенскомъ уездѣ, близъ мѣстечка Крожь. Жмудины утверждаютъ, что Медзіойма и теперь является на этой горѣ — грустная, плачущая, но безъ медвѣжьей кожи и безъ лука.

ступило время замужства: приданое у нея большое, едва на тройку лошадей можно перевезть: подружки ее любили; жених души не слышалъ въ ней. Но дѣвица скучаетъ, груститъ, потому-что разстанется съ родною матерью: сердце ея отъ печали разрывается на части, потому-что увзжаетъ съ мужемъ на чужую сторону. Вотъ ужъ она въ клятѣ (кладовая, kletys), собираетъ свое приданое, котораго столько наложено тамъ, что подъ тяжестью разныхъ вещей гнется полъ: кажется бы веселиться, радоваться — вышла замужъ за добраго человека, — а все плачетъ, все груститъ и тоскуетъ при мысли о разлуке съ родною семьею.—То осуждается лѣнь и восхваляется трудолюбіе. Такъ, на примѣръ, одна пѣсня начинается слѣдующимъ сравненіемъ. Какъ много бываетъ въ садикъ цвѣтовъ красивыхъ, и какъ нерѣдко попадаются между ними колючіе и безъ всякаго запаха; точно также много есть и дѣвицъ, и парней старательныхъ и работающихъ, но часто встрѣчаются между ними тѣ и другіе не хозяева и лѣнтяи. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тѣхъ и другіхъ въ формѣ разсказа. «Знаю я одну дѣвицу, очень трудолюбивую: она постоянно занята дѣломъ и никогда не думаетъ о забавахъ; она до того ненавидитъ праздность, что даже и на увеселенія отправляется съ работою; отправляясь на гулянье, она не заботится о нарядахъ, и по возвращеніи съ прогулки, тотчасъ опять принимается за работу. Знаю я и парня работающаго, который также не любитъ праздности; собирается ли куда въ гости, онъ прежде приготовить все нужное въ домъ; возвратится, берется за плугъ, за грабли или за косу, словомъ неутомимый работникъ. Но знаю я также и дѣвицу не трудолюбивую. Въ головѣ у нея не занятія, а наряды; она думаетъ только о томъ, какъ бы понравиться парнямъ, какъ бы проплясать всю ночь, а потомъ весь слѣдующій день спать — въ зеленомъ огородѣ. Знаю я и парня такого же лѣниваго, который то и дѣло думаетъ, какъ бы забраться на вечернія посидѣлки, да поплясать, пошалить; прогулявши всю ночь, на другой день никакъ чему не способенъ, бродитъ по угламъ за заборами и нерѣдко скучаетъ, что не можетъ опять проплясать другую ночь сряду. Образчикъ этого лѣниваго парня очень вѣрно охарактеризованъ слѣдующими словами пѣсни:

«Пустившись на гулянкъ въ плясы,
Постукиваетъ онъ подковками;

Лишь кончилсь же *обертасы* *,

Не скажетъ слова и съ коровками.

То-есть, послѣ гулянки онъ глумится до того, что не можетъ даже говорить и съ коровами. Или, напримѣръ, описывается наказанное кокетство. Дѣвица познакомилась съ дворчанами, т. е. съ дворовою, помѣщицьею прислугою, не понравилось это ей брату, который очень хорошо зналъ, что за люди эти дворчане. Братъ страшаетъ ее тѣмъ, что расскажетъ объ этомъ ей знакомствѣ отцу. А сестра, какъ бы ничего непонимая, наивно спрашиваетъ: «Объ чемъ же ты расскажешь отцу? о томъ, что проговорила къ дворчанину два—три слова, или о томъ, что взяла отъ него кольцо?» Братъ замѣчаетъ: «Не про то расскажу я отцу, что ты проговорила къ дворчанину два, три слова, потому-что говорить съ нимъ еще не бѣда, а про то скажу я отцу, что ты обмѣнялась съ нимъ кольцомъ, потому-что этимъ нельзя шутить: если дѣвица мѣняется съ парнемъ кольцомъ, это значить, что она въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, какъ невеста съ женихомъ.» Сбылось предчувствіе брата: сестра наказана была за кокетство. Она ушла изъ родительскаго дома, потомъ, когда бросилъ ее дворчанинъ, она съ отчаянія утопилась... Или выражается раскаяніе непослушной дочери... Одну дѣвицу (съ ея согласія) увезли отъ матери, за нею пустились въ погоню братья и стали уговаривать ее возвратиться домой, общая выпросить прощеніе у матери. Но сестра сознаетъ свою виновность и боится показаться на глаза матери, которую оскорбила своимъ дурнымъ поступкомъ. «Гдѣжь ты будешь ночевать?» спрашиваютъ ее братья. Вонъ, на горъ, отвѣчаетъ, растутъ липы, тамъ будетъ мой ночлегъ, а листья этой липы будутъ моею подушкой... Что же вышло? Легла дѣвица на горъ между липъ, но сонъ несмыкалъ ей глазъ;гнулись липовыя вѣтви и листьями касались ей головы, но то не были материнскія объятія! Падали на нее листья, но то не были слова родной матери!..

Какъ жаль, что эти пѣсни Жмуди не все собраны и очень немногія изъ нихъ положены на музыку. Какіе чудные, трогательные звуки могли бы выйти въ слѣдствіе такого прекраснаго содержанія. Впрочемъ въ Жмуди есть нѣкоторые любители родныхъ пѣсень,

* *Обертасы* особаго рода танецъ, существующій въ Жмуди и въ губерніяхъ Царства Польскаго.

и говорятъ, занимаются переложениемъ ихъ на музыку. Появленіе ихъ было бы большимъ сюрпризомъ для любителей народной поэзіи. Покрайней-мѣрѣ хоть то утѣшительно для филологіи, что многіе изъ жмудскихъ и польскихъ ученыхъ стали собирать эти пѣсни: уже явились сборники г.г. Ф. Рунка, Д. Резы, К. Бродзинскаго, Л. Осинскаго, Е. А. Одынца, А. Ходзька и Ф. Заторскаго. Кромѣ того, недавно (1854 г.) явился сборникъ жмудскихъ и литовскихъ пѣсень въ русскомъ переводѣ *.

Чтобы дать понятіе о цѣломъ построеніи жмудскихъ пѣсень, привожу здѣсь одну изъ нихъ въ подлинникъ ** съ русскимъ переводомъ.

*Aplankimas usztekiejos
duktes.*

Dukte mano, Simonene,
Kur gavai tu vaikon?
Dam, dam, dali dam:
Kur gavai tu vaikon?
Mamuž, mamuž, Garbuzele,
Per sapnus parejo.
Dam, dam, dali dam:
Per sapnus parejo.
Dukte mano, Simonene
I kon tu ji vystisi?
Dam, dam, dali dam;
I kon tu ji vystisi?
Mamuž, Mamuž, Garbuzele,
I margynnes kampon.
Dam, dam, dali dam;
I marginnes kampon.
Dukte mano, Simonene,
I kon tu ji guldisi?
Dam, dam, dali dam;
I kon tu ji guldisi?
Mamuž, Mamuž, Garbuzele,
I Rasseles dankti.
Dam, dam, dali dam;
J Rasseles dankti.
Dukte mano, Simonene,
Ku tu ji valgidisi?
Dam, dam, dali dam;
Ku tu ji valgidisi?
Mamuž, Mamuž, Garbuzele,
Su Saules Piragais
Dam, dam, dali dam;
Su Saules Piragais.

Мать у замужней дочери:

Милая дочка Симонене!
Откуда взяла ты мальчика?
Мать моя, мать дорогая!
Пришелъ ко мнѣ во снѣ.
Милая дочка Симонене!
Чѣмъ ты его обовьешь?
Мать моя, мать дорогая!
Листкомъ тиміама.
Милая дочка Симонене!
Гдѣ ты его положишь?
Мать моя, мать дорогая!
На постель росы.
Милая дочка Симонене,
Чѣмъ ты его покормишь?
Мать моя, мать дорогая!
Солнечнымъ пирогомъ.

* Сборникъ этотъ помѣщенъ въ книгѣ: Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. Вильно. 1854 г, стр. 114 — 139.

** Подлинникъ передаю латинскими буквами съ польскимъ произношеніемъ. Точно также переданы отрывки пѣсень и выше въ этой статьѣ.

Dukte mano, Simonene,
 Kur tu ji nuleisi?
 Dam, dam, dali dam;
 Kur tu ju nuleisi?
 Mamuž, Mamuž, Garbuzele,
 I Bajoru vaiskon.
 Dam, dam, dali dam;
 J Bajoru vaiskon.
 Dukte, mano, Simonene,
 Kas jis per Pons bus?
 Dam, dam, dali dam;
 Kas jis per Pons bus?
 Mamuž, Mamuž, Gasbuzele,
 Iis pastos Atmonu.
 Dam, dam, dali dam;
 Jis pastos Atmonu.

Милая дочка Симонене!
 Куда ты его понесешь?
 — Мать моя, мать дорогая!
 Къ войску бояръ.
 Милая дочка Симонене!
 Чѣмъ же онъ тамъ будетъ?
 Мать моя, мать дорогая!
 Будетъ гетманомъ.
 Тамъ, тамъ, тали — тамъ *
 Будетъ Гетманомъ.

Чтобъ дать какое-нибудь понятіе о жмудскомъ языкѣ читателямъ, незнающимъ его, представляю здѣсь нѣсколько словъ одинаковаго корня съ словами другихъ языковъ.

Слова жмудскія. — Латинскія. — Русскія. — Польскія.

Ugnis	Ignis	Огонь	Ogień.
Wiejas	Ventus	Вѣтеръ	Wiatr.
Iungas	Ingum	Ярмо	Iarżmo.
Wiras	Vir	Мужъ	Maż.
Aknas	Fenestrum	Окно	Okno.
Lekty	Volare	Летѣть	Lecieć.

Очевидно, корни этихъ словъ славянскій и латинскій.

Привожу еще образчики склоненій и спряженій въ жмудскомъ языкѣ.

Я — *asz* (асъ, анъ). — Ты — *tu* (лат. *tu*). — Онъ — *anas*. — Мы — *mus* и *mėns*. — Вы — *jus*. — Они — *anjı*. — Мой, *mana* (а въ Тельшевскомъ уездѣ употребляются: *mana* и *manas*.) — Твой, *tava*. — Свой, *sava*. — Нашъ, *musu*. — Вашъ, *jusu*. — Ихъ, *juu*.

Я есмь, *esu*. — Ты еси, *esti*. — Онъ есть, *jiç*. — Мы есмы, *esma*. — Вы есте, *eset*. — Они суть, *jiç*.

Я былъ, а, о, — *buvau*. — Ты былъ, *buvaj*. — Онъ былъ, *buva* — Мы были, *buvom*. — Вы были, *buvot*; они были, *buva* и *buvo*. — Я буду, *busu* и *buvosu*. — Ты будешь, *busi* и *buvosi*. — Онъ будетъ, *bus* и *buvos*. — Мы будемъ, *busma* и *buvosma*. — Вы будете, *busti* и *buvosti*. — Они будутъ, *bus* и *buvos*.

* Прииѣвъ, нічого невыражающій, и потому въ русскомъ переводѣ употребленъ только въ одномъ куплетѣ.

ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СВИЩОВЪ.

РАЗСКАЗЪ

П. И. Небольсина.

Какъ-то давно, года четыре назадъ, если не больше, прозжалъ я самыми глухими мѣстами одной изъ отдаленныхъ и очень лѣсистыхъ восточныхъ нашихъ губерній. Такъ какъ эти мѣста прилегали къ большой судоходной рѣкѣ, то очень естественно, что страна была перерезана въ разныхъ направленихъ побочными трактами, которые соединялись потомъ въ одинъ общій путь, примыкающій къ пристани.

На пристани этой грузились больше всего товары того ряда, въ которомъ я ровно ничего непонимаю и которому рѣшительно не зналъ никакой цѣны; да они меня, признаться сказать,нисколько и не интересовали. Драгоценности эти заключались въ мочаль, въ лыкахъ, въ рогожъ, въ лубкахъ, обручахъ, шадрикѣ, поташъ, дегть, смоль и тому подобныхъ предметахъ. Говорятъ, что мильонъ народу отъ всего этого кусокъ хлѣба имѣеть; увѣряють, что мочало, не смотря на то, что оно въ ихъ глазахъ просто мочало — самое наживное дѣло, что это своего рода Калифорнiя. Да вѣдь мнѣ не торговать мочалами, не выгадывать барышей на шадрикѣ, не пускаться въ аферу на обручи; стало-быть, мнѣ и не изъ чего было оказывать тутъ пристрастiя.

Чѣмъ ближе я придвигался къ пристани, тѣмъ чаще долженъ былъ встрѣчаться съ обозами, нагруженными этимъ добромъ, или съ пустыми возами, которые на-легкѣ возвращались съ пристани. Бочки съ шадрикомъ, лагунки съ дегтемъ, кипы золотистой мочалы, цѣлыя колонны обручей, преобладающія связки лыка, огромные ворохи древесной коры и прочей этакой мелочи просто глаза мнѣ мозолили, такъ надоѣдали, что и сказать нельзя.

А ужъ сутокъ двое плелся я такими селеніями, гдѣ меня плохо кормили. Радъ-радѣхонекъ бывалъ я, когда доводилось достать сливокъ, творогу, яицъ и благо хлѣба, порядочно выпеченнаго; а если случайно удавалось мнѣ приобрести дышленка или курицу, то я немедленно завладевалъ ею и самъ готовилъ изъ нея жаркое. На хозяйку никакъ ужъ нельзя было положиться: непременно испортить, бывало, все такъ, что въ ротъ нельзя взять! Или просто сырую курицу изрубить на мелкіе кусочки и бросить въ чугуниекъ, либо въ горшокъ со щами, чтобъ она тамъ уварилась, или полуощипанную, полувычищенную, почитай всю въ пуху и въ перьяхъ птицу поставить на сковородкѣ въ печь на самый жаръ, и потомъ старается употчивать меня жаркимъ и грязнымъ, и на половину обращеннымъ въ уголь.

Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ пристани, обѣдъ мой становился вкуснѣе, и пристанища были пріятнѣе, и народъ былъ какъ будто-бы такъ половчѣе и пообщительнѣе, ну, и завтракъ ли, полдникъ ли, обѣдъ ли, ужинъ ли бывали и посѣтнѣе, и поцѣлысканнѣе. Причина та, что дорога стала большая, провзжая, подводчиковъ ѣдетъ много, всякій расчитываетъ на барышъ, всякій то за тѣмъ, то за этимъ завернетъ къ «дворнику», то есть, къ хозяину постоялаго двора, а ихъ около пристани, по всемъ окрестнымъ селеніямъ, было множество.

Къ одному изъ такихъ дворниковъ присталъ и я. Хозяинъ, крестьянинъ здоровой комплекціи, съ плутоватыми глазами, съ огромной лысиной и съ рыжей бородой, и полновѣсная его супружница съ сладенькимъ голоскомъ были ко мнѣ привѣтливы и обѣщались въ минуточку покормить меня свѣжей ущицей изъ только-что уловленныхъ стерлядокъ.

«Минуточки» этой я ждалъ очень долго, и ужасно досадовалъ на хозяина, что онъ отвѣтами своими «погодите маленько—сейчасъ подають!» только томилъ меня понапрасну и удержи-

валь мое любопытство заглянуть въ другое отдѣленіе дома, гдѣ, сколько можно было судить по числу скопившихся на дворѣ возовъ, много уже было гостей изъ крестьянскаго класса. А постоянный дворъ раздѣлялся на двѣ части. Въ одной, «сырой половинѣ», дворникъ принималъ разныхъ мелкихъ прикащиковъ и простыхъ мужиковъ, другую онъ прозвалъ «чистою половиною», и предназначалъ ее приему посѣтителей высшаго полета.

Дворникъ былъ не разговорчивъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы, которые я, для своего развлечения, время отъ времени ему предлагалъ. Онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ стоялъ близъ дверей, прислонясь къ стѣнѣ и сложивъ объ руки на тучномъ животѣ и только изрѣдка дѣлалъ ими какія-то движенія, будто поправляя поясъ, да приподнималъ то правое, то лѣвое плечо къ уху, вѣроятно стоня мухъ, которыя стаями садилась на его плотную и лоснящуюся отъ жара шею и здровенный затылокъ.

Вотъ наконецъ и стерляжья уха въ мискѣ поставлена на столъ передо мной. Столъ, какъ слѣдуетъ, покрытъ чистою скатертью, очень жиденькаго тканья, но чрезвычайно бѣлою. Въмѣсто тарелки, мнѣ поставили маленькое, глубокое блюдо, повыше обыкновенной глубокой тарелки и книзу суживающееся, такъ, что еслибъ его перевернуть дномъ вверхъ, то вышло бы вѣрное подобіе грѣнчевика или тирольской шляпы. Въ блюдѣ были положены серебряная столовая ложка, вилка, съ сломаннымъ зубцомъ, въ черномъ деревянномъ черенкѣ и ножикъ съ пожелтѣлою костяною ручкою. Направо отъ меня положена краюха свренькаго, но очень пушистаго простаго пшеничнаго хлѣба, прикрытаго отъ мухъ полотенцемъ, которое должно было замѣнить мнѣ столовую салфетку, а налѣво стояло миниатюрное, выточенное изъ простаго дерева и окрашенное красною краской глухое кресло, у котораго очень простымъ механизмомъ приподнималась подушка, а подъ подушкой скрывался порядочный запасъ крупной соли, той самой, что мы здѣсь зовемъ бузунѣмъ. Мнѣ сначала не въ домекъ было открыть это кресло, не по причинѣ небывалой сложности его механизма, а просто потому, что я незналъ назначенія его служить солонкой; но когда хозяйка внесла ко мнѣ миску съ ухой и когда я спросилъ ее, указывая на креслицо, что это за штука такая, то она мнѣ чрезвычайно ласково отвѣчала:

— Солоница, батюшка, солоница! нешто не знаете? А вотъ я вамъ и перечку подамъ: вѣрно ушицу-то перечкомъ приосыпать станете?

Подала хозяйюшка мнѣ перцу, въ известной фаянсовой посудинкѣ, у которой скругленный верхъ весь сквозился дирочками, а внизу у доньшка была затычка изъ тряпицы, вмѣсто пробки.

— Кушайте во здравіе, сударикъ! проговорила она нараспѣвъ и низко поклонилась. Но, взглянувъ случайно въ окно, она завидѣла облоко пыли, вздымаемое парюю добрыхъ коней, впряженныхъ въ простую телгу и поспѣшила, сколько при тучности своей могла спѣшить, выдти на улицу, чтобъ встрѣтить новаго постояльца.

Телѣжка подкатилась къ воротамъ постоялаго дома. Проезжій ловко изъ нея выскочилъ и черезъ минуту, сопровождаемый низкими поклонами хозяина, появился въ той же комнатѣ, въ которой сидѣлъ я.

— Честь имѣю рекомендоваться: штабсъ-капитанъ Свищовъ-съ, бойко сказалъ вошедшій посѣтитель, ловко подойдя ко мнѣ и протянувъ руку.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ онъ.

Я назвалъ себя.

— Очень радъ познакомиться! Откудова ѣдете-съ? Куда путь держите!.. А! да что это вы, никакъ вы ушицей забавляетесь? Рекомендую-съ, рекомендую-съ! стерляди здѣсь славныя-съ! чудныя-съ! Да куда это они вамъ наварили-съ? тутъ на цѣлую семью хватить! Ужъ на первый случай не составитъ ли намъ компанію? Пожалуй, подсяду-съ, подсяду съ удовольствіемъ... а вотъ хозяинъ между тѣмъ приготовить и мнѣ объедецъ... Да ты у меня смотри, рыжая борода, не угощай ушицей-то! Нѣтъ, ты, братъ, мнѣ щецъ, щецъ, да со свининкой, вотъ что, со свининкой!.. ну, и кашки, какъ тамъ знаешь!

Отдавъ такое приказаніе хозяину и получивъ мое приглашеніе разделить со мной стерляжью уху, Свищовъ обратился ко мнѣ съ новымъ замѣчаніемъ.

— Что это вы такъ неловко помѣстились? Не комфортно-съ, не корфортно! Позвольте, я переставлю вамъ столъ вотъ сюда, бочкомъ: вамъ и на ушицу будетъ хорошій видъ, да и обрачиваться будетъ не нужно, если захотите знать кто войдетъ въ комнату.

— Зачѣмъ это? пожалуйста, не тревожьтесь — мнѣ и такъ хорошо.

— Какъ хорошо-съ? помилуйте: вы сидите прямо противъ простѣнка; чтобъ взглянуть на улицу, вамъ нужно ворочаться, нагибаться, привставать съ мѣста. Нѣтъ, ужъ нѣтъ, какъ хотите... встаньте на минутку, я сейчасъ столъ передвину.

— Погодите же немножко, дайте мнѣ прежде уху съѣсть!

— Да что такая за надобность торопиться? послѣ скушаете— уха не уйдетъ!

— Садитесь-ка лучше, а это оставьте.

— Нѣтъ, ужъ я тутъ не сяду-съ! нѣтъ-съ, не сяду, пока не передвину стола. Пустите же меня, я сейчасъ это сдѣлаю.

— Пожалуйста оставьте меня, на этотъ счетъ, въ покоѣ. Какъ хозяинъ самъ распорядился, пусть такъ и будетъ. Что намъ за дѣло?.. Ну, садитесь же.

— А! да вы вотъ какіе! Вы, какъ видно, съ позволенія сказать, изъ породы спорщиковъ? вы смѣю замѣтить, пользуясь правомъ дружбы и гостепріимства, любите на своемъ поставить, а не другимъ угодить? О, да вы человекъ неугомонный! Вы не хотите быть со мною радушными? Вамъ все равно, куда бы ни засадилъ васъ мужикъ — рыжая борода? Нѣтъ-съ, я не таковъ! Я ищу-съ... комфорта! Я хочу, чтобъ мой обѣдъ былъ не только однимъ актомъ наполненія желудка: я желаю, чтобъ при этомъ мнѣ было этакъ... того... какъ бы вамъ это сказать... ну, однимъ словомъ, комфортъ во всемъ: и сидѣть, и видѣть, и наслаждаться кушаньями—всѣмъ наслаждаться. А то что это такое?

И мой Свицовъ пустился распорядиться хозяйскою мебелью. Диванъ съ правой стороны комнаты собственноручно перетащилъ онъ на лѣвую сторону; треугольный столикъ изъ задняго угла поставилъ въ передній уголъ и началъ такую суматоху, что пыль столбомъ поднялась по комнатѣ. И все это время онъ не переставалъ говорить и, по временамъ, дѣлать рѣзкія замѣчанія хозяйкѣ, которая въ полунспугѣ жалобно глядѣла на страшную перестановку, приложивъ одну руку къ щекѣ и подперши локотокъ другою.

— Диванъ долженъ тутъ стоять. Для чего? А вотъ для чего: я пріѣзжій, я усталъ съ дороги, измучился. Истомился. Вбѣгаю на постоялый дворъ и отъ утомленія бросаюсь на диванъ. Диванъ по этому долженъ стоять какъ можно ближе къ двери —

вотъ тутъ. А то мнѣ пришлось бы сдѣлать нѣсколько лишнихъ шаговъ къ той сторонѣ, а я ужъ безъ того усталъ. А коли диванъ тутъ, гдѣ я его теперь поставилъ — мнѣ и спокойно, а спокойствіе — отрада провѣжаго, а отрада-то и есть комфортъ... Вѣдь правда-съ? правда?... Вы молчите, а молчаніе есть знакъ согласія. Я человекъ съ характеромъ: сказалъ, что не стану ѣсть съ вами ухи, пока стола не передвину, вы воспротивились — и я долженъ былъ лишиться себя удовольствія имѣть въ васъ добраго собесѣдника — надо держать слово... Что это? вы, кажется, ужъ совсѣмъ кончили? пообедали?

— Пообедалъ.

— Одной ухой?

— Одной ухой.

— Полноте, пожалуйста, какъ это можно! Да вы этакъ себя только разстроите! Вы думаете, что съ ухи сыты станете! Эй, послушайте добраго совета: въ дорогъ плотнѣе объдайте. Присядьте-ка ко мнѣ, да попробуйте щецъ со свищиной, я чай, ихъ скоро подадутъ:

— Я кончилъ свой обѣдъ и сытъ совсѣмъ.

— Да что на васъ смотрѣть. Хозяйка! Подай этому господину жареную утку — я чай, у тебя большой теперь запасъ утокъ, а нѣтъ утки — подай гуська, а гуська, нѣтъ — ну, яиченку сдѣлай... Вѣдь вы станете кушать яичницу?

— Я сытъ и больше ничего ѣсть не стану.

— Ну, не станете, какъ хотите: я для вашей же пользы хлопочу. Вотъ васъ растрясетъ по дорогъ-то, вы отощаете къ вечеру, постоялаго двора большѣ не встрѣтите — и вспомните меня, да ужъ поздно! Вы какую дорогою поѣдете?

— Да думаю взять на Пусторнакъ.

— На Пусторнакъ? Вотъ это умно-съ, очень умно! Значитъ вы мой гость... вотъ я сейчасъ записочку напишу къ женѣ, чтобъ она васъ приняла въ нашемъ домѣ. А какая у меня жена-съ! у, какая прелесть-жена! Примите мое радушное приглашеніе: мы люди военные.

Собесѣдникъ мой, Свищовъ, рекомендовавшійся штабсъ-капитаномъ, былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, блондинъ, высокаго роста, довольно строенъ собою, плотенъ, но не толстъ; казался на видъ развязнымъ, даже ужъ очень развязнымъ, но одѣтъ былъ въ партикулярное платье. Я никакъ не могъ понять, отчего жъ

онъ называетъ себя военнымъ чело́вкомъ, и потому обратился къ нему съ вопросомъ :

— Такъ это вы, вѣрно, для дороги форменный сюртукъ замѣнили статскимъ?

— Да-съ, для дороги. Я служилъ въ полку; былъ въ кампаніяхъ; билъ Турокъ, ходилъ въ 1831 году въ Варшаву-съ, получилъ за отличіе чинъ штабсъ-капитана, а съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій вышелъ въ отставку съ мундиромъ.

— Теперь, видно, вы по гражданской части служите?

— Нѣтъ-съ, нигдѣ; теперь времена мирныя-съ; я ужъ выхожу плохой служака; мнѣ надо войну-съ... а теперь я занимаюсь съ воли разными постройками.

— Значить, вы архитекторъ, или инженеръ?

— Ни то, ни другое! А я понимаю комфортъ-съ и умѣю домъ выстроить съ комфортомъ. Овины, сарай, разные службы— все это по моей части. Все изучилъ наглядно, вотъ и разъѣзжаю по имѣніямъ, присматриваю-съ за разными постройками, возвожу зданія.. А между тѣмъ мало-мальски и свой уголь есть въ Пусторнакъ. Вотъ будете черезъ него провзжать, пожалуйста, у меня остановитесь. Какъ жена-то будетъ рада: все, знаете, живой чело́вкъ... ну, новости разные узнаете; вы съ нею поговорите о столицѣ, прислушайтесь къ ея сужденіямъ, она васъ просто очаруетъ — удивительная умница. Вотъ-съ, бумага, карандашикъ — сію минуту напишу къ ней.

Свищову подали обѣдъ, а для меня приготовили лошадей. Я простился, можетъ быть, навсегда съ чело́вкомъ, съ которымъ теперь случайно только встрѣтился, изъ учтивости взялъ письмо его къ женѣ и вовсе не рассчитывалъ являться къ госпожѣ Свищовой, чтобъ восхищаться блесками ея ума. Мнѣ и дѣйствительно не привелось съ нею видѣться: Пусторнакъ я проѣхалъ ночью, перемѣнилъ тамъ лошадей и уѣхалъ.

Однажды какъ-то, въ дождикъ, сидѣлъ я одинъ дома въ губернскомъ городѣ той губерніи, въ которой лежитъ и Пусторнакъ, и читалъ только-что полученныя съ почты газеты. Дождь лилъ ливнемъ, по временамъ гремѣлъ громъ; на улицѣ ни души не видно; въ комнатахъ жарко, душно. Только вдругъ въ передней раздался стукъ и заслышались чьи-то слова; голосъ мнѣ показался знакомымъ.

— Дома баринъ? спросилъ вошедшій.

— Дома-съ, отвѣчалъ слуга.

— Принимаютъ?

— Принимаютъ-сь.

— Возьми-ка братецъ, страхни хорошенко шинель, да поди, доложи барину.

— Извольте прямо пройти; пожалуйста въ залу, они тутъ-сь.

— Ты здѣшній?

— Никакъ нѣтъ-сь.

— Съ бариномъ пріѣхалъ?

— Съ бариномъ-сь.

— Изъ Петербурга?

— Изъ Петербурга-сь.

— Да самъ-то ты откуда, то же Петербургскій?

— Тамошній-сь.

— Мѣщанинъ, что-ли?

— Вольноотпущенный-сь.

— Чѣмъ ты въ Петербургъ занимаешься?

— По разнымъ мѣстамъ служимъ-сь.

— Холостъ или женатъ? дѣти есть?

— Холостой-сь.

— Какъ же тебѣ, братецъ, не стыдно? Человѣкъ ты молодой, парень, какъ видно, расторопный, а о сию пору не женишься? Чего жъ ты баклуши-то бьешь? Развѣ тебѣ не надоело? Ну, занялся бы промысломъ какимъ... ну, торговишку какую-нибудь завель... Хочешь, я тебѣ невѣсту найду, а? хочешь? Вотъ ты и женись, заведись домкомъ, да и заживи себѣ семейкой. Невѣсту славную найду. Есть на примѣтъ одна вдова, у нее дочка молоденькая; люди богатые. Отецъ былъ прикащикомъ въ Петербургъ; онъ изъ здѣшнихъ; вышелъ въ кушцы, купилъ себѣ домикъ, пустился въ торги и преважно зажилъ: да умеръ!.. Ну, гдѣ вдовѣ одной справиться? А кромѣ дочки никого наследниковъ нѣтъ: и домъ, и капиталъ все твое будетъ. Эй, братъ, послушайся меня: заведись-ка домкомъ — самъ мнѣ спасибо скажешь. А, любо, что ли? Али посватать?.. Подумай-ка хорошенько, да и скажи... А гдѣ же баринъ-то?

— Да пожалуйста-сь прямо!

— Штабсъ-капитанъ Свищовъ! проговорилъ гость, войдя ко мнѣ въ комнату, расшаркавшись. Имѣлъ уже честь завести съ вами знакомство. Припомните-сь: на постояломъ... на Рогожской пристани... еще вы уху съ стерлядями кушали... Ну, какъ послѣ того ваше здоровье?

— Благодарю васъ. Прошу садиться. Не прикажете-ли сигару?

— Нѣтъ, не прикажу-сь. До сигаръ мы еще не дотянули-сь. Начали тютюномъ, дошли до Жукова, да на томъ и порѣшили! Курить табакъ дурная привычка-сь. И здоровью и карману вредно. А вотъ то ли дѣло чайку? И не убыточно, и здорово. Вы вѣроятно въ это время чай пьете?

— Въ полдни-то? никогда!

— Ахъ, это очень полезно-сь. Советую вамъ вмѣсто завтрака всегда чай пить. Попробуйте — вотъ и я съ вами напьюсь... Приказать самоваръ поставить?

— Пожалуй, я сейчасъ велю... но вѣдь какъ же въ такой жаръ чай пить?

— Да вѣдь отъ чаю жаръ проходитъ... такъ только-сь перваго раза немножечко будто-бы обольеть, а тамъ совершенно простынешь. Да вольно же и вамъ въ такую жарынь кутаться! Гдѣ это видано: на дворъ въ тѣни до тридцати градусовъ, а вы въ сюртукъ, и все это какъ слѣдуетъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ этого нельзя-сь. Здѣсь все эти заморскія выдумки надо бросить-сь, да, бросить. Здѣсь у насъ ужъ таковъ обычай! вы никого не увидите ни въ чемъ, какъ лишь въ татарской рубахъ. Не подумайте, что это неудобно, напротивъ Татарская рубаха шьется изъ хорошей шелковой матеріи и, по крою своему, она совершенно замѣняетъ тяжелые ваши пальто. Халатъ носить — это-сь неучтиво, это доказываетъ изнѣженность, лѣность, а татарская рубаха, во-первыхъ, длинна до самыхъ пятокъ, а во-вторыхъ, рукава у ней широкіе, а въ-третьихъ, въ ней легко и чрезвычайно свободно, а въ-четвертыхъ оно очень нарядно, да и цѣнно притомъ. Это истинный комфортъ-сь. У насъ все пѣлы и все возрасты, не считая юношества, носятъ въ семействѣ татарскія рубахи. И привесело-сь, право, весело! Иной разъ войдешь къ пріятелю, такъ доложу вамъ, съ перваго раза никакъ неотличишь хозяина отъ хозяйки, или дѣдушку отъ бабушки: татарская рубаха совершенно уравниваетъ ихъ права на исключительные комплименты. А вѣдь въ этомъ своего рода удовольствіе-сь... комфортъ-сь, комфортъ!

— Надолго вы сюда пріѣхали? спросилъ я, желая завести какой-нибудь разговоръ.

— Да я здѣсь живу-сь! отвѣчалъ гость съ улыбкой и растопыривъ объ руки.

— Помнится, вы говорили, что ваше семейство живетъ въ Пусторнакъ...

— Мм-да!.. семейство мое въ Пусторнакъ... у меня тамъ свой домъ... Славный домъ: дѣсь, представьте себѣ... вотъ эта-кія бревна! замѣтилъ Свищовъ, сложивъ объ руки и отодвинувъ ихъ отъ себя на довольно большое разстояніе.

— А сами вы, значить, все больше здѣсь?

— Мм-да! я больше все здѣсь! Ну, сами понимаете — губернія, съездъ дворянства огромный, дѣла здѣсь обширныя, разныя предпріятія... трудолюбивому челоуьку занятій предстоить множество. Вотъ и я то же здѣсь не безъ дѣла.

— Все постройками занимаетесь?

— Нѣтъ... не то-что постройками, а этакъ, по разнымъ довѣренностямъ... Вотъ не хотите ли завтра со мной?

— Куда это?

— На торги.

— На какіе торги?

— Бигулова пустошь сдается.

— Что-жъ я тутъ буду дѣлать?

— Въ Бигуловой-то пустоши? Да вы знаете ли, что это за Бигулова пустошь?

— Нѣтъ, не знаю.

— А, вотъ то-то же и есть! А вы прежде узнайте про Бигулову пустошь, меня спросите, я вамъ и скажу: вотъ, батюшка, раки-то гдѣ зимуютъ! Ее еще не все знаютъ и потому на торги врядъ ли многіе явятся: наддайте пять цѣлковыхъ, такъ вы въ два, въ три года, въ Петербургъ, на Невскомъ Проспектѣ, каменный домъ въ семь этажей выстроите, а не то подмосковную въ тысячу душъ купите. Вотъ она что за Бигулова пустошь!

— Что-жъ, въ ней кладъ, что ли, зарытъ?

— Конечно, кладъ! Оно, кажется, ничего — липки, да осокорь, да сосенки, а я вамъ доложу, что лыковымъ товаромъ вы цѣлый караванъ нагрузите, сбавите цѣну, всѣхъ другихъ торговцевъ подорвете, а тамъ и загребайте себѣ золото, хоть лошатами! Только тутъ нуженъ свой глазъ, на чужой не полагайтесь!.. вѣдь вы служите?

— Я не служу.

— Какъ? совсѣмъ не служите?

— Совсѣмъ не служу.

— Да чѣмъ же вы занимаетесь?

— Мое занятіе литература.

— А, литература!.. это сказочки-то... Да, нечего сказать, хорошее занятіе... да только ужъ вы на него домъ на Невскомъ Проспектѣ не выстроите! Я самъ думаю пуститься въ литературу, да какъ посмотришь кругомъ себя — право, ничего новаго не придумаешь, все это, знаете, старое, все известно и переизвестно давнымъ давно. Ну, вотъ Пушкинъ, напримѣръ? Ну, сказалъ-ли онъ хоть что-нибудь новенькое? Рѣшительно ничего! Бойко говорилъ и сладко говорилъ, а все-таки пороху не выдумалъ. Графъ Нулинъ, Русланъ, Онѣгинъ, этакихъ людей мы повсюду видимъ. Ну, или вотъ вамъ пожалуй также Гоголь: ни одного новаго слова нѣтъ... Нѣтъ, батюшка, знаемъ мы эту литературу! А вотъ вы лучше Бигулову-то пустошь окортомите, такъ шадрикъ, лыко и мочало почище вашей литературы васъ покормятъ!

— Богъ съ ними, съ лыками да мочалами!

— Эхъ, то-то! не умете вы богатствомъ пользоваться! Не знаете, или не хотите къ нимъ трудовъ приложить. Вамъ бы хотѣлось, чтобъ золото къ вамъ въ карманы само лилось? Ну, такъ этакой Калифорніи сами поищите... А не то меня попросите: я вамъ и Калифорнію, настоящую Калифорнію открою. Вотъ скоро будутъ торги на Рахимову дачу: снимите ее, сами за то станете пятьсотъ процентовъ получать.

— Рахимову дачу?

— Да-съ, Рахимову дачу.

— Да что-жъ въ ней такое?

— А въ ней золотые прииски! Въдъ какое богатство! Это известное дѣло. Здѣсь только никто не можетъ за него взяться: нужны капиталы, а капиталовъ нѣтъ, надо составить компанію, а компанія между здѣшними невозможна, непременно навредятъ другъ другу и заведутъ тяжбу. А вы повъжайте скорѣе въ Петербургъ, соберите тысячъ двѣсти, да съ Богомъ и за работу; миллионы, сударь, миллионы въ годъ наживать станете! Я ужъ давно это дѣло обдумалъ, да силншки нѣтъ къ нему подступиться: капиталу не хватаетъ!.. А славный у васъ чайкъ! Гдѣ вы его покупаете? спросилъ Свищовъ, прихлебывая изъ стакана, который только что поднесъ ему слуга.

— Да-съ, да-съ! продолжалъ онъ, мѣшая въ стаканъ ложечкой, чтобъ остудить княтокъ. Предпріятіе важное! Нынче вѣкъ

спекуляцій промышленныхъ. Чего только человекъ не придумаетъ! И все новое-съ, новое, чего прежде и не снилось мудрейшимъ умамъ! Это почище будетъ литературы - съ.

— Все хорошо на своемъ мѣстѣ, проговорилъ я, на вопросительный взглядъ Свищова, который выжидалъ моего отвѣта.

— Такъ-то такъ-съ, а вы лучше скажите, что для промышленной предприимчивости надо родиться со способностями къ предприимчивости. Предприимчивость въ торговыхъ дѣлахъ своего рода добродѣтель, врожденное этакое свойство человека, котораго ничѣмъ ни купить, ни инымъ манеромъ пріобрѣсть нельзя. Да вотъ что я вамъ скажу-съ. Мы часто встрѣчаемъ двухъ, совершенно по видимому, похожихъ другъ на друга господъ... то есть, этакъ, я говорю на счетъ наружныхъ поврежденій и окружающихъ обстоятельствъ. Оба они не знаютъ на чемъ хлѣбъ родится, какъ стронется изба, какъ надо взнудать лошадь, и чѣмъ прокормить корову. Это я только примѣромъ, аллегорически выражаюсь. Съ другой стороны взять, оба, взятые для примѣра господина, отлично говорятъ по-французски, носятъ модные фраки, бойко танцуютъ, одинаково благовоспитаны, скромны, честны и совѣстливы. Но у одного завелось лишнихъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а другому будто съ неба свалилась цѣлая тысяча. Вдругъ, сударь мой, обоихъ посылить Господь несчастьемъ, такъ, что они только при этихъ деньгахъ и останутся, одинъ съ пятидесятью рублями, а другой съ тысячею. Вотъ и начинается работать у нихъ умъ. Они ужъ и изворачиваются разными манерами, чистенькими, совѣстливыми. Но не обоихъ ихъ природа одинаково одѣлила даромъ предприимчивости, не одинаково они и выпутываются изъ бѣды. У того, что была тысяча, черезъ годъ, другой, глядь—половина капитала ужъ и повытрясена; а у того, что пятьдесятъ цѣлковыхъ имѣлъ, посмотришь, годика черезъ два, черезъ три, завелось денежекъ тоже близко тысячи. Какъ это люди умудряются поправить свои дѣлишки, я и ума не приложу; я знаю не одинъ примѣръ, что люди богатели льтъ въ десять, въ пятнадцать. Есть люди, что скупаютъ задешево непросроченныя заемныя письма, и дѣлаютъ разныя этакія эволюціи; про этакихъ я не упоминаю: такими путями можно разомъ домъ въ два милліона выстроить. Это штука не мудреная, а вотъ прямымъ - то путемъ умѣть наживать деньги — съ этимъ талантомъ родиться ужъ надо... Ну-съ, надо правду сказать, часекъ у васъ хорошъ, а послѣ дождичка-то куда какъ хорошо парочку стаканчиковъ

осушить... Ахъ, батюшки, да скоро первый часъ? какъ я у васъ засидѣлся! Ну, когда же къ намъ пожалуете? Поспѣсивились въ Пусторнакъ жену навѣстить, хоть здѣсь когда заверните ко мнѣ.

Я замѣтилъ, что гость мой пилъ чай съ большимъ аппетитомъ и предложилъ было ему позавтракать и закусить, но Свищовъ торопливо всталъ и, собираясь меня оставить, проговорилъ:

— Чего-съ! водочки-съ? Нѣтъ-съ, благодарю, не употреблю-съ! прежде пиваль-бывало, этакъ рюмочку передъ обѣдомъ, рюмочку передъ ужинкомъ, иногда этакъ, знаете, передъ завтракомъ пропустишь рюмочку, а то и этакъ, когда случится съ пріятелемъ разопьемъ графинчикъ піэ!.. боку піэ! это было, да ужъ спыло, а теперъ вотъ ужъ лѣтъ пятнадцать не пью-съ.

— Закаялись?

— Нѣтъ, не закаялся: закаяваться — это скверное дѣло, а просто не хочу-съ, желанія не имѣю. Трата лишняя деньгамъ, а у меня жена-съ, дѣти. Это не то, чтобы что нибудь этакое, вниманія не стоящее... Ухъ, я вамъ скажу-съ, какая у меня жена-съ! просто вамъ скажу—дышу только ею. Вотъ ужъ, доложу вамъ, умница—такъ умница. Какіе у нея таланты!.. Однакожь я съ вами заговорился и забылъ, что мнѣ еще надодома въ два сходить. До свиданія-съ, до свиданія-съ! не забывайте насъ.

По условіямъ губернскихъ приличій, требующихъ непремѣнной уплаты визита въ теченіе первыхъ двадцати-четыреохъ часовъ, я на другой день утромъ отыскалъ квартиру Свищова и засталъ его дома.

Свищовъ жилъ въ ужасномъ захолустьи, въ самомъ дальнемъ краю города, за оврагами и буераками, въ надворномъ флигельчикѣ, примыкавшемъ къ старому деревянному зданію. Квартира его состояла изъ передней, она же и кухня, и другой комнаты, окна которой выходили на маленькій огородъ, цѣлымъ рядомъ долговязыхъ подсолнечниковъ отдѣлявшійся отъ загородныхъ пустырей. Комнатка была убрана очень бѣдно, но все въ ней говорило о чрезвычайной опрятности постояльца, имѣвшаго пристрастіе къ комфорту. Стѣны, не оклеенныя бумажками, были чисто-на-чисто вымыты, должно быть, пескомъ и мочалкою; нигдѣ не видѣлось ни паутинки, нигдѣ не было ни сору, ни пыли. Маленькія окна въ одряхлѣлыхъ отъ времени рамахъ, блестѣли чисто и ясно, не смотря на то, что бракованныя стекла отливались какою-то мутною, какъ будто-бы опаловою зеленою, съ разными переливами синяго и багроваго цвѣта. Полъ въ из-

бушкѣ былъ одинакій и ходилъ ходенемъ, но такъ чистъ и бѣлъ, какъ будто его только что вымыли мыломъ и известью. Въ простѣнкѣ висѣло зеркальце такое маленькое, что если глядѣться въ него близко, то ничего, кромѣ усовъ да бороды, не увидишь. Подъ зеркаломъ стоялъ простой сосновый столъ; по одну его сторону, у окна, сосновый некрашеный табуретъ, а по другую волтеровское кресло, выкрашенное бѣлою масляною краскою, но ничѣмъ необитое и украшенное, вмѣсто подушки, ременными плетешками. Вдоль одной стѣны стояла длинная узенькая скамейка; противъ оконъ тѣснились двѣ пары сапоговъ, прикрытыхъ старою ситцевою занавѣскою; возлѣ сапоговъ уютился ярко вычищенный самоваръ, а возлѣ самовара маленькій погребецъ, обтянутый не то телячьей, не то тюленьей кожей. Надъ ними повыше, висѣли на гвоздикахъ шинель, архалукъ и разныя принадлежности скромной мужской одежды. Къ третьей стѣнѣ прислонено было что-то въ родъ кушетки, съ виду походившее на древнее римское ложе съ возглавіемъ. Кажется, это была по-вычурнѣе отдѣланная простая сосновая скамья съ треугольною деревянною приставкою; она была прикрыта войлоками, поверхъ которыхъ растянута пестрый и ужъ очень потертый персидскій коврикъ. На подушкѣ лежала какая-то книга, раскрытая и перевернутая переплетомъ верхъ.

Свицова я засталъ за домашними занятіями: онъ въ кухнѣ укладывалъ что-то на полочку. Видно было что онъ самъ наблюдалъ за порядкомъ всюду.

Свицовъ видимо былъ доволенъ моимъ посѣщеніемъ и, съ первыхъ же словъ упрасивалъ меня выпить стаканчикъ чайку, тѣмъ болѣе, что время было довольно раннее.

— А я такъ вотъ всю ночь не могъ глазъ сомкнуть — ска-
заль онъ—этакое происшествіе! Надо вамъ признаться, я своей
библіотеки не имѣю, а времени свободнаго у меня множество,
къ чтенію охота большая-съ, вотъ-съ я то у того, то у другаго
пріятели и пользуюсь книжками для прочтенія. Мнѣ все равно
какая-бы книжка ни попалась, только бы достать: непременно всю
перелистую! Крылова басни, Начальныя основанія алгебры, Нѣ-
мецкая грамматика — мнѣ все равно-съ, и повѣрите-ли-съ? явет-
венную пользу на себѣ вижу-съ! Въ нѣмецкомъ языкѣ я всегда
былъ недалекъ, то есть, равнешенько таки ничего въ немъ не-
смыслилъ, а теперь мнѣ ни почему, какой вамъ угодно глаголь
проспрягать во всѣхъ видахъ. Ну, и словъ много знаю-съ и нѣ-

мецкихъ, а особенно французскихъ, только вотъ съ выговоромъ все не могу справиться. Знаете, я ужь и самъ чувствую, что у меня все выходитъ этакъ «рубѣ муа ля дрова:» ну, да что будешь дѣлать? какъ ни бьюсь и ни стараюсь, а все-таки «сѣ сонъ ля фасонъ лапти плести!»

— Чтожъ такое помѣшало вамъ сегодня спать спокойно?

— Да-съ, такъ вотъ-съ, я говорю изъ такового рода изученія набрался я много словъ иностранныхъ, а въ томъ числѣ и латынскіе вокабулы кой-какіе знаю-съ. Только, вотъ-съ, на дняхъ досталъ я преполезную книгу, читалъ все эти дни на ночь, и все хорошо. Только вдругъ, представьте себѣ, вчера читаю ужь пятую страницу — глядь: такая дичь, такая, что называется, безалаберная штука, что я думалъ-думалъ и промучился цѣлую ночь: никакъ не могъ придти въ хладнокровное положеніе.

— Чтожъ это такое? вѣрно какая-нибудь картина изъ раздирательнаго переводнаго романа?

— Нѣтъ-съ! совсѣмъ нѣтъ-съ! Не романъ-съ, а очень полезная, ученая книга-съ.

— Ну, такъ что жъ въ ученой книгѣ могло разсердить васъ: система, что ли, или основная мысль?

— Нѣтъ-съ, не система-съ и не основная мысль. Книга, однимъ словомъ, превосходная, все это такъ хорошо, прекрасно, только я просто пришелъ въ бѣшенство отъ двухъ-трехъ строчекъ, небольше. Видите ли въ чемъ дѣло. Былъ въ Россіи, очень давно, задолго до Петра Великаго... былъ у насъ одинъ путешественникъ, Контарини, и проѣзжалъ онъ по татарскимъ селеніямъ; и жилъ, знаете, долго съ татарами. Вотъ-съ, этотъ Контарини, человекъ, какъ видно, очень умный и знающій, и говоритъ у татаръ, сборы этакіе разные, то есть смисленіе производилось «новенами». Въ книжкѣ и стоитъ слово «новѣны». Новѣны, слово латинское-съ, и значить девять-съ, а Контарини - то писалъ по-латыни. Ну, и назвалъ «новены». Оно и понятно. А въ примѣчаніи-то въ книжкѣ кто-то и говоритъ: «видите, говоритъ, каковы были татары? это, говоритъ, отъ ихъ новѣнъ у насъ въ Архангельской губерніи остались доселѣ новіны, новые холсты! Вотъ, говоритъ, каковы татары! тогда еще, за столько-то сотъ лѣтъ, они знали искусство ткать изъ льна полотно!» Ну, скажите на милость, на что это похоже-съ! съ чѣмъ это сообразно?.. Я просто въ отчаяніи, я изъ себя выхожу. Татары полотно изъ льна ткуть! Татарскія новены

тоже что-русскія новины! А? слыханное ли это дѣло? А вы знаете, что «новѣна» по русски «девятка». Считаютъ въ иномъ мѣстѣ дюжинами, въ иномъ десятками, въ иномъ сороками, а татары считали и до сихъ поръ считаютъ девятками, по-латыни сказать—«нове-нами», а по-татарски сказать—«тогузъ», и взимаются у мусульманскихъ народовъ разныя этакія пошліны до сихъ поръ тодузами, говорятъ: взять съ того-то одну девятку халатовъ, взять три девятки лошадей, взять девять девятковъ барановъ... А это выдумали девятку обратить въ новину холста!.. Ну, скажите пожалуйста, можно ли отъ этого не взбѣленишься? Нѣтъ, я этого такъ не оставлю! нѣтъ, я напишу объ этомъ цѣлую статью... Этакъ пожалуй всякій подумаетъ, что утѣснители Россіи, монгольскіе варвары, выучили насъ полотна ткать!

— А книга, въ которой вы это вычитали, велика?

— Пребольшущая-съ, страницъ въ четыреста.

— И вы говорите, что книга хороша?

— Прекрасная книга, преполезная-съ, только вотъ эти четыре строчки... охъ, ужъ онъ мнѣ! Постою же я отплачу имъ за это!

Свищовъ, на котораго такъ сильно подѣйствовала невѣрная мысль, изложенная въ четырехъ строкахъ, по котораго незани-тересовала особенно ни одна изъ четырехъ-сотъ страницъ книги, по собственному его признанію прекрасной и преполезной—Свищовъ выказалъ мнѣ теперь новую сторону своего характера, сторону, которая мнѣ сильно не понравилась, напомнивъ критика въ извѣсной баснѣ Крылова. Нерасположеніе это усилилось слухами, которые случайно дошли до меня на счетъ его неуживчивости.

Мнѣ рассказывали, что Свищовъ, не смотря на все свои несомнѣнные достоинства, какъ, напримѣръ, безукоризненную честность, неутомимость въ трудахъ, распорядительность и прочія качества тогоже разбора, никакъ не могъ уживаться на мѣстѣ. Хлопоталъ объ мѣстахъ онъ много и всюду, и всюду находилъ радушіе и готовность дать ему пріютъ и спокойное занятіе, но онъ по своему характеру любилъ изъ-за пустяковъ повздорить съ всякимъ и поэтому немогъ нигдѣ ужиться.

Этого рода неудачи, въ которыхъ, Свищовъ самъ былъ всегда виноватъ, понудили его ограничить свою дѣятельность разнородными частными дѣлами, часто очень мелочными и доставлявшими ему самое ничтожное вознагражденіе, даже не

деньгами, которыми онъ очень дорожилъ, собирая ихъ на семейныя надобности, а вещами, которыя онъ выискивалъ случая обратить въ звонкую монету. Подарить ему богатый кунаецъ лошадку, онъ непременно сбудетъ ее съ рукъ, либо сосѣднему помѣщику, либо на городскомъ базарѣ. Мышки съ пшеницей, холстъ, лишнее платье, теленокъ—шли туда же: самъ же Свищовъ довольствовался немногимъ, твердо вѣруя въ пословицу: «Дастъ Богъ день — дастъ Богъ и пищу». А какъ только скопить *деньжениatz*—непрѣменно къ женѣ отошлетъ.

Мелочность выполняемыхъ порученій и безпрестанныя разъѣзды по деревнямъ сдѣлали Свищова и невзыскательнымъ ко многому, и не церемоннымъ, и весьма общительнымъ. Обстоятельства заставляли его бросаться въ разныя предпріятія, а такъ какъ средствъ къ осуществленію его плановъ не было у него никакихъ, то онъ радъ былъ случаю напасть на перваго встречнаго и представить съ самой выгодной стороны безпокоившую его въ это время и вновь придуманную спекуляцію, въ тѣхъ расчетахъ, что авось-либо удастся и ему самому воспользоваться плодами занимавшей его мысли. Неудовлетворенность настоящимъ положеніемъ огорчала его и наносила раны его самолюбію; отъ этого онъ дѣлался требовательнымъ и слишкомъ взыскательнымъ къ мнѣнію другихъ, въ тѣхъ вещахъ, которыя прямо до него не касались; страсть къ порядку доводила услужливость его до крайности и превращала ее въ навязчивость, которою онъ надоедалъ иногда всемъ окружающимъ. Впрочемъ Свищовъ, какъ кажется, не сознавалъ въ себѣ этихъ недостатковъ и вообще не любилъ, или не умѣлъ обдумывать того, что именно руководило его дѣйствіями. Онъ считалъ себя самымъ хладнокровнымъ, самымъ безпристрастнымъ, самымъ уживчивымъ, самымъ неискательнымъ человекомъ, и старался увѣрить другихъ, что онъ всеми и всемъ доволенъ, никогда на судьбу не жалуется, а если въ грустную минуту о чемъ-нибудь и задумывается, такъ развѣ о военной службѣ и о военныхъ дѣйствіяхъ, къ которымъ имѣлъ неодолимое влеченіе.

— Что можетъ сравниться съ военною жизнью? часто говорилъ онъ мнѣ, въ минуты этихъ настроеній. Вотъ тутъ, на войнѣ, я дома, я на своемъ мѣстѣ. Эхъ, славныя были времена, когда мы били турокъ! Все шли на враговъ дружно, карали злодѣевъ вѣрно... выстрѣлы, пули, атаки, сабельные удары!.. тамъ барабанъ гремитъ... тутъ раненый непріятель стонетъ, тамъ вражеское се-

леніе обдало пламенемъ, а мы-то съ пѣснями, съ бубнами, съ пляской, какъ ни въ чемъ не бывало, грозно придвигаемся къ какой-нибудь этакъ батарее или къ крепости... Вызовутъ охотниковъ: весь полкъ въ охотники! Пойдетъ дѣло на жеребій—слезы принимаютъ, кому Господь не пошлетъ счастья идти на штурмъ. Ахъ, Господи, Боже мой!.. ну, вѣрите-ли: и самъ я знаю, что мирныя времена истинная благодать Господня, а согрѣшилъ, окаянный! куда-бы какъ хотѣлось дожить до войны! Да только ужъ не съ турками, а этакъ съ кѣмъ-нибудь, знаете, почище... этакъ, знаете-съ, въ Европу-съ, въ Европу! Парлэ франсэ, руби - коли, русэ! Ля пуль, сударь вы мой! ля штыкъ, сударь вы мой! Комъ-си комъ-са, валяй его, кромсай! И Свищовъ выдѣлывалъ руками разныя движенія, въ которыхъ вполне выказывался воинственный азартъ и жажда помолодечествовать на бранномъ полѣ.

Какъ неожиданно встрѣтился я съ Свищовымъ въ губернскомъ городѣ, такъ неожиданно потерялъ его опять изъ виду, и послѣ ужъ узналъ, что онъ вывхалъ въ уѣздъ. Потомъ и мнѣ пришлось уѣхать.

Мнѣ опять довелось перемѣнять въ Пусторнакѣ лошадей; но только что я вошелъ въ почтовый домъ, какъ слѣдомъ за мной послышались по лѣстницѣ шаги, и въ дверяхъ станціонной комнаты появилась фигура моего прежняго знакомца, Свищова.

— Такъ это вы-съ? спросилъ онъ, протянувъ мнѣ объ руки. Знаете - съ, у меня какъ будто сердце чуяло! Мнѣ сегодня не сидѣлось на мѣстѣ: такъ вотъ къ окну и тянетъ. Я было и за книгу, но книга не помогала; я опять къ окну. Вижу, гонить кто-то тройку: дай - ко, моль, зайду на почтовый, нѣтъ-ли знакомыхъ? Анъ, тутъ вы и есть! Нѣтъ, ужъ теперь вы отъ насъ не отдѣляетесь! Нѣтъ, ужъ пожалуйста, хоть на часочикъ ко мнѣ забредите. Вѣдь какъ жена - то будетъ рада! Вѣдь вы не знаете, что это за женщина... Вотъ я васъ познакомлю, вы удивитесь, какая она у меня умница... Какой у нея талантъ!.. Не отговаривайтесь! вѣдь вамъ все равно ждать лошадей, что тутъ, что у меня! А вѣдь какъ близко-то: вотъ посмотрите изъ окошка... вонъ - вонъ - вонъ, видите, нальво желтенькій домикъ... еще полисадничекъ - то... двѣ березки... ну, видите? ну, вотъ это и есть!... Пойдемте!

Пошли мы и скоро очутились въ большой комнатѣ, которая служила ужъ незнаю чѣмъ: гостиной—не гостиной, потому что

Небыло узаконенной мебели, дивана, преддиванного столка и по бокамъ кресель, а была просто обширная, но низенькая комната, довольно не щедро обставленная плетеными стульями и двумя ломберными, но лишенными сукна, однакожь раскрытыми, какъ слѣдуетъ быть, столиками. Въ одномъ углу на станкѣ стояла недоконченная, съ свѣжими, сырыми еще красками, картина, изображающая какую-то народную сцену; на ближайшемъ столѣ лежала палитра и десятокъ-другой кистей.

— Вотъ-сь, это женина работа... Дунюшка! Дунюшка... Авдотья Андревна! пожалуйста къ намъ! Цѣнитель, судья, критикъ здѣсь есть... выйдите-ка къ намъ поскорѣе: вотъ и они, вѣрно, сдѣлаютъ вамъ тѣ же замѣчанія, какихъ вы отъ меня не хотѣли выслушать.

На зовъ Свицова вышла къ намъ высокая, очень красивая, но очень сухощавая брюнетка, лѣтъ подѣ тридцать, съ чрезвычайно добродушной, чеобщавшей ничего особеннаго физиономіей и съ ребенкомъ, котораго она заботливо укачивала.

— Вотъ-сь, рекомендую вамъ мою Авдотью Андревну, мою Дунюшку. А тебѣ, мой другъ, рекомендую залетнаго столичнаго жителя. Разъясни, пожалуйста, сюжетъ своей картины... Ахъ, Боже мой, ты все таки вотъ тутъ не перемѣнила? Вѣдь я тебѣ не даромъ замѣтилъ, что этому парню руку надо поднять выше, видишь, онъ прищелкиваетъ пальцемъ? Ну, и надо, чтобъ онъ былъ написанъ, этакъ, размашистѣе... Не правду ли я говорю-сь?—спросилъ Свицовъ, обращаясь ко мнѣ.—Опять же я того понять не могу, что у нея за страсть разставлять такъ фигуры? Вѣдь посмотрите, какая Дунюшка дома во всемъ хозяйка, какъ любитъ порядокъ, чистоту, а начнетъ писать картину, такъ разбрасаетъ, раскидаетъ людей, куда ни попало...

— Это, мой другъ, я для линіи;—скромно замѣтила жена Свицова.

— Помилуй, мой ангелъ, какая тутъ линія! Линія, ранжиръ, порядокъ, требуетъ стройности, а у тебя, посмотри, одинъ стоитъ ближе, другой дальше, эта на полу усѣлась, а ту вонъ ты куда посадила.

— Мой другъ, мнѣ нужны кривыя линіи...

— Что жъ это, развѣ застрѣльщиковъ выпускать? Вѣдь у тебя не застрѣльщики, матушка, а картина, развернутый фронтъ-ну, ты и поставь ихъ, хоть въ перспективѣ, да такъ, чтобъ голова противъ головы приходилась... Вѣдь такъ-сь? вѣдь

правду я говорю? А вотъ у насъ изъ-за этого споры выходятъ, да вѣдь какіе споры-то!.. Ну, вотъ представьте себѣ: для чего тутъ у нея конецъ забора видѣнъ? ни къ селу, ни къ городу!

— Ахъ, другъ мой, мнѣ тутъ нужно пятно, темное пятно... мнѣ такъ совѣтовали...

— Ну, вотъ, извольте видѣть! Ей пятно нужно! да еще темное пятно! пронически и вѣдо воскликнулъ Свищовъ. Къ чему жѣ вамъ, сударыня, въ веселенькомъ сюжетѣ темныя пятна?

Свищовъ видимо розгорячался все больше и больше.

— Да вотъ, чтобъ этотъ ребенокъ, съ рѣпой въ рукахъ, рѣзче отъ полотна отдѣлялся...

— Ну, вотъ подите! она же права выходить, я же остаюсь виноватымъ! возразилъ хозяинъ, стараясь умѣрить свое неудовольствіе и подавить гнѣвъ, готовый перейти границы.

Придирки Свищова, любившаго судить о томъ, въ чемъ онъ рѣшительно не понималъ толку, понудили меня какъ-нибудь измѣнить направленіе бѣсѣды и потому разсмотрѣвъ со вниманіемъ картину, которая доказывала въ художницѣ присутствіе воображенія, но большую неопытность и далекое непониманіе всѣхъ тайнъ искусства, я все-таки похвалилъ ея произведеніе, коснувшись особенно удачности вымысла и нѣкоторыхъ чертъ, которыя доказывали особенное прилежаніе молодой женщины и сердечное расположеніе къ задуманной мысли; потомъ завелъ разговоръ гдѣ и у кого она училась живописи и находить ли цѣнителей своего таланта?

Авдотья Андревна работаетъ кистью самоучкой, а прежде она, какъ сама сознавалась, царапала только карандашемъ. Любовь къ Свищову, которою она томилась долго, и раздумываніе о будущихъ средствахъ жизни съ человѣкомъ, которому она предалась всею душою, но который рѣшительно не имѣлъ никакого обезпеченнаго состоянія, навели ее на мысль усовершенствовать свое художественное образованіе, и искать куска хлѣба въ живописи. Какъ женщина богобоязливая, съ малолѣтства воспитанная въ страхъ Божіемъ, и притомъ обладающая порядочнымъ запасомъ доброй воли, Авдотья Андревна начала съ того, что сходила въ церковь, отслужила молебень, и прямо изъ церкви засѣла копировать икону, которою потомъ и благословила ее мать, при обрученіи со Свищовымъ. Копія была скоро написана и пожертвована въ церковь. Происшествіе сдѣлалось гласнымъ въ маленькомъ городкѣ, и самый образъ обра-

тилъ на себя вниманіе благочестивыхъ жителей. Одинъ изъ нихъ, рядскій торговецъ, прельстился искусствомъ Авдотьи Андревны и заказалъ ей работу. Съ легкой руки, заказы смѣнялись заказами, и молодая супруга рѣдко находила случаи втайнѣ отъ мужа вздыхать и горевать при трудныхъ обстоятельствахъ. Хлопоты и заботы съ первымъ ребенкомъ надолго прекратили ея занятія и громко опровергали мнѣніе о неизсякаемости этого источника доходовъ. Даже когда Авдотья Андревна совсѣмъ оправилась, заказы все-таки стали представляться съ порядочными промежутками во времени. Горожане обращались къ ней рѣже, развѣ какой-нибудь тороватый помѣщикъ изъ уѣзда неожиданно обратится къ ней съ предложеніемъ работать для украшенія храма въ своемъ селѣ.

Авдотья Андревна не терялась, постоянно сохраняя бодрость и совершенное спокойствіе духа, поддерживаемое преданностью судьбѣ и надеждою на лучшія времена. Семейство, однакожъ, стало умножаться: что годъ, то явится на свѣтъ новый представитель имени Свищовыхъ; расходы значительно увеличивались, обстоятельства какъ-то плохо клеились съ общепринятою поговоркой «гдѣ двое сыты, тамъ и третій голоденъ не будетъ»: случалось и умирали малютки, то отъ кори, то отъ какой-нибудь другой губительной дѣтской болѣзни; новые расходы тяжкимъ бременемъ падали на бѣдную мать, но она смиренно переносила диспосылаемые свыше дни печали, и утѣшалась тѣмъ счастіемъ, которое ей было доступно и которое она находила въ ласкахъ мужа и дѣтей.

Авдотья Андревна привыкла къ извѣстной манерѣ живописи, къ извѣстному пошибу и не воображала, чтобъ можно было писать иначе, какъ она пишетъ кистью, при тѣхъ условіяхъ въ заученыхъ цветахъ и очертаніяхъ линий, въ которыхъ она теперь уже понаторѣла и набила руку. Произведенія ея писанія довольно уже были распространены въ публикѣ, и потому горожане не предвидѣли надобности отягощать Свищову новыми заказами. Семейныя ея обстоятельства становились круче и круче; бѣдность и скромность граничили уже съ крайностью. Авдотья Андревна крѣпко задумалась, скрывая отъ мужа все душевныя муки, которыя ее терзали, и поддерживая его самого въ безплодныхъ бореніяхъ съ обстоятельствами. Простая мысль почти внезапно озарила истомленную страданіями женщину: ей пришло въ голову перейти на портретную живопись, а смѣтливая

находчивость указала на краснощекую дочку градскаго головы, не отличавшуюся тонкими нѣжными чертами, но видимо выросшую на пряникахъ да на ватрушкахъ.

Свицова зазвала къ себѣ на чай Аксюточку, Аксинью Дмитревну, и такъ удачно схватила и округленный ея подбородокъ, и пухлыя щеки, и тощія брови, подсурмленные нагаромъ сальной свѣчи, и такъ называемые голубые, а въ существѣ сѣроватые глазки, и русую косу, кокетливо уложенную надъ пробормомъ, что сама пришла въ восторгъ отъ неожиданной близости сходства. Рвзкаго сходства Авдотья Андревна, по дивной своей проницательности, побоялась допустить. Она придѣлала Аксюточкѣ лазоревыя очи, маленькіе уста, нѣжно-розовыя ланиты, крупными литерами подписала сверху, на ленточкѣ, которую держаль въ носикъ бѣлый голубь: «Ксенія Брюханова», и въ именины нѣжной супруги градскаго головы поднесла это произведеніе женъ головы, изумленной и очарованной такимъ вниманіемъ Свицовой.

Боже мой, сколько было радости въ семействѣ Брюхановыхъ! Какими благодѣянiями ознаменовались они для Свицовой! Старикъ Брюхановъ поднесъ Свицовой синенькую депозитку, позвалъ и ее, и мужа, и дѣтей къ себѣ на обѣдъ и на вечеръ, велѣлъ выдать ей мѣшокъ пшеничной муки и мѣру крупъ, и самъ отправилъ нашей художницѣ тѣлку да поросенка.

Свицова блаженствовала; ея материнская гордость торжествовала; самолюбіе артистки было удовлетворено; будущность открывалась въ полномъ смыслѣ слова, блестящая, тѣмъ болѣе, что Брюхановъ самъ, чрезъ нѣсколько дней, пріѣхалъ къ Авдотью Андревнѣ съ предложеніемъ снять портретъ съ него самаго и съ его супруги. Такъ-какъ предполагалось портретъ обѣихъ написать на одномъ холстѣ, и такъ-какъ стариковъ легче писать, чѣмъ молоденькихъ дѣвушекъ, да и на портреты такого рода особенной моды не бываетъ, то Брюхановъ и поторговался, чтобъ Авдотья Андревна взяла съ него красненькую бумажку. Совѣстливый голова, побужденный бѣдностью Свицовой, общался однако, кромѣ того, доставить имъ нѣсколько бревенъ и тесу, чтобъ поисправить у нихъ строеніе, и даже вызвался на свой счетъ выкрасить домъ съ лица, и съ улицы вывести нарисадникъ. Конечно, это стоило тоже большихъ денегъ, но Брюхановъ не любилъ расходовать наличный капиталъ, а строительные матерьялы ему самому дешево обходились, такъ-какъ эти предметы входили въ кругъ его торговыхъ оборотовъ.

Авдотья Андревна и тутъ на Брюхановыхъ потрафилъ. Счастье полилось со всѣхъ сторонъ и определеннымъ вознагражденіемъ за трудъ была неизмѣняемая такса десять рублей серебромъ: въ крайнихъ только случаяхъ Авдотья Андревна брала синенькую и даже зелененькую.

Авдотья Андревна своими художественными произведеніями, въ какой бы степени ни были они не художественны, расшевелила въ жителяхъ города Пусторнака симпатію къ изящнымъ искусствамъ. Въ кратковременный періодъ существованія въ Пусторнакѣ ярмарки, съѣзжались сюда торговцы съ разныхъ городовъ. Вліяніе Авдотьи Андревны произвело и на нихъ свое дѣйствіе: пріѣзжіе купцы то же заказывали ей портреты, и одинъ изъ заѣзжихъ богачей торговцевъ, неоднократно уже поощрявшій дарованіе Свищовой разными заказами, подалъ ей мысль дать своему таланту больше простора.

— Что это вы, сударыня, все портретиками да портретиками занимаетесь? сказалъ онъ ей однажды. Вы бы пустились, этакъ, въ настоящія картины-съ! Ну, вотъ я, примѣрно, того... Въ гостиной повѣшу надъ диваномъ себя, повѣшу жену, да вѣдь у меня еще двѣ стѣны остаются пустыя. Я съ нашимъ бы удовольствіемъ помѣстилъ тутъ картинку-другую живописнаго дѣла. Ась?... Подумайте-ка... попробуйте-ка, сударыня! да на первый разъ, ну, да вотъ примѣрно того... хоть бы для меня, и представьте этакъ какой-нибудь сюжетецъ! Да вы мнѣ примѣрно, того... не бусурмана какого-нибудь, или тамъ рыцаря, что ли, а вы, этакъ, что-нибудь нашинское-съ, расейское-съ, чтобъ мнѣ, этакъ, примѣрно, того... почаще на картинку-то поглядывать... ну, хоть посидѣлки тамъ, что ли, али гульбище какое, не то ярмарку, или хоть качели — что вамъ самимъ вздумается, только бы, этакъ, на счетъ нашихъ православныхъ мужичковъ. Хорошій народъ-съ! Право, стоитъ того, чтобъ на картинкахъ писать! оно и почище будетъ какой-нибудь Боболины, или какого-нибудь турки, который верхомъ по головамъ стотысячной рати скачетъ.

Свищова съ удовольствіемъ согласилась на такой вызовъ, тѣмъ болѣе, что игривое воображеніе рисовало уже передъ нею сотни, тысячи темъ, которыя, казалось, нечего было долго обдумывать — просто садись да пиши. Но когда пришлось на самомъ дѣлѣ выполнять избранную программу, у Авдотьи Андревны и руки опустились; никакъ неумѣла она приноровить дѣй-

ствующихъ лицъ картины, такъ, чтобъ изъ этого выходило гармоническое цѣлое. Тутъ только постигнула она всю трудность сочиненія, тутъ только природный умъ и вкусъ указали ей на значеніе линий, перспективы и эффекта, о чемъ она уже и прежде имѣла темное понятіе, изъ случайныхъ бесѣдъ съ людьми, знакомыми съ искусствомъ, да и къ порядочнымъ произведеніямъ случалось ей иногда приглядываться.

Картина, которая была предъ моими глазами, изображала крестьянскій дворъ. На переднемъ планѣ стоялъ мужикъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и неестественно горящими глазами; по сложеннымъ пальцамъ приподнятой руки видно, что онъ въ сердцахъ хочетъ отчаянно ими прицѣлкнуть. Возлѣ него корова съ веревочкой на рогахъ; передъ нимъ полулежала баба, глаза которой обращены были, казалось, къ воротамъ; съ другой стороны съдой дряхлый старикъ съ приподнятымъ кверху указательнымъ перстомъ; на крылечкѣ виднѣлась молодая баба, подгорюнившись, но съ тупымъ выраженіемъ лица. Въ сторонѣ стояли, сбившись въ кучу, ребяташки, а еще ближе къ переднему плану, у забора, сидѣла полукосяя бѣлобрысая дѣвченка и грызла рѣпу.

Самъ Свищовъ объяснилъ мнѣ сюжетъ картины тѣмъ, что хозяинъ дома, разсердившись на корову, что она у него весь огородъ помяла и разбила посудинку, черенки которой валялись у него подъ ногами, хочетъ ее вести на базаръ промѣнять на другую корову; баба на землѣ подбираетъ разбитые черенки. Молодая баба на крылечкѣ горюетъ о коровѣ, а съдой старикъ урезониваетъ горячаго мужика: «полно, моль, Тереха, дурить! плохо прійдется, коли новая корова не ко двору станеть!» и прочее, въ этомъ родѣ.

Какъ я ни старался расхваливать картину изъ учтивости, однакожь проницательная Авдотья Андревна замѣтила, что я говорю ей комплименты, а не сущую правду. Я указалъ ей на нѣкоторые недостатки и изумился, когда узналъ, что она пишетъ совершенно безъ натуры.

— Но отчего же у васъ этотъ мужикъ вышелъ очень хорошъ, а вотъ этотъ ребенокъ съ рѣпой прекрасенъ? Мужикъ хорошъ по позѣ, а ребенокъ очень хорошъ и по позѣ, и по выраженію: видно, что онъ съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ лакомится рѣпой... Да и платье на немъ накинута очень естественно. Но все-таки, я вижу только краски да стараніе, съ ко-

торымъ вы хотѣли изобразить одежду, но самой одежды я не вижу.

— Это можетъ быть оттого, что я однажды попросила мужа стать такимъ манеромъ, и съ него скопировала фигуру мужика. А что касается до ребенка, то, признаюсь вамъ, эту фигуру я долго рисовала съ своей дочери, только волосы и глаза сдѣлала другіе, да цвѣтъ лица немножко измѣнила. Моя дочь, точно, очень любить рѣпу, и я всегда ее лакомила, чтобъ она смиреннѣе сидѣла, когда я съ нея рисую.

— Ну, вотъ видите — вотъ вамъ и наука. Все, что вы берете изъ природы, все что вы передадите верно, съ любовью, съ изяществомъ — все это и въ картинѣ прекрасно, а все, что написано на-обумъ, не прочувствовано, то выйдетъ блѣдно, безжизненно, мертво. Если вы дорожите своимъ талантомъ, то безъ натурщика не позволяйте себѣ рисовать ни одной фигуры. Палецъ захотите рисовать — палецъ пишите съ натуры! понадобится вамъ написать ланты. лантей не осмѣливайтесь писать безъ оригинала.

— Боже мой, но гдѣ жъ мнѣ, въ нашемъ положеніи, достать натурщика?

— Я, мой ангель, я буду тебѣ натурщикомъ! радостно проговорилъ Свищовъ. Нуженъ тебѣ мужикъ — я мужикомъ наряжусь и сяду, какъ ты мнѣ прикажешь; нужна тебѣ баба—ряди меня бабой, ряди во что угодно, весь къ твоимъ услугамъ!

Двучасовая бесѣда моя съ семействомъ Свищовыхъ вертѣлась около одного и того же предмета—живописи. Авдотья Андревна рассказывала мнѣ множество сюжетовъ, неотвязно безнокоившихъ ея пылкое воображеніе, и я, дѣйствительно, не могъ не удивиться уму, провицательности, стойкости, твердости характера, и если можно тамъ выразиться, величию этой женщины, которая не смотря на удручавшія ея заботы и на тысячи мелкихъ огорченій, нарушавшихъ ея спокойствіе, находила время, находила въ себѣ столько силъ, чтобъ при кучѣ дѣтей, найти возможность предаться искусству и изученію непостижнутыхъ ею досель тайнъ. Признаюсь, что Авдотья Андревна, хоть она, какъ художница, врядъ-ли когда выйдетъ изъ посредственности, какъ женщина, больше внушаетъ мнѣ симпатіи, больше говоритъ душѣ, чѣмъ погруженная въ мечты красавица давно-протекшихъ временъ рыцарства, или лукаво-мудрствующая героиня современныхъ европейскихъ романовъ. Свищева ближе

ко мнѣ, мнѣ легче понять ея муки, мнѣ легче постигнуть всю силу ея характера, мнѣ отраднѣе понимать ея преданность долгу жены и матери, не смотря на то, что сама по себѣ — Авдотья Андревна натура простая, не модно-образованная женщина, женщина, лишенная лоска столичнаго воспитанія.

Я разстался со Свищовыми въ самомъ серьезномъ настроеніи духа и на слѣдующей же станціи обозначилъ вкратцѣ всю плодотворность моихъ встрѣчъ съ Свищовымъ и последнее свиданіе съ нимъ въ Пусторнакѣ. Время почти совершенно сгладило всѣ эти обстоятельства, смѣненные другими, важнѣйшими для меня событіями, но недавно, нынче, въ началѣ лѣта, мнѣ опять довелось заглянуть въ свои дорожныя замѣтки, чтобъ возобновить въ памяти давно-минувшее.

Я сидѣлъ дома и работалъ. Вдругъ передо мной предстала знакомая фигура въ военномъ нарядѣ.

— Штабсъ-капитанъ Свищовъ-съ, проговорилъ гость, пришаркнувъ ногой весьма значительно. Помните-ли-съ? узнали-ли-съ? Жена вамъ... Дунюшка-съ, Авдотья Андревна, приказала кланяться, велѣла отдать поклонъ-съ и наказала сказать, что она очень васъ помнитъ.

— Здорова ли Авдотья Андревна? Что дѣточки? Каково идетъ живопись?

— Дунюшка здорова-съ, очень здорова-съ! Живопись идетъ отлично-съ; Дунюшка вошла въ славу-съ, живетъ въ губерніи-съ: съ самаго губернатора портретъ писала. Его превосходительство весьма благосклонны и покровительствуютъ намъ весьма милостиво-съ. Кромѣ портретовъ, у Авдотьи Андревны много заказовъ картинъ изъ народныхъ сценъ... Сынишку въ гимназію отдалъ-съ, дочка одна воспитывается у губернатора въ семействѣ другая у его родственника-съ, помѣщика въ Большомъ селѣ. Всѣ трое склонность къ наукамъ оказываютъ большую-съ, остальные трое, самые махонькіе — дома.

— Богъ далъ новенькихъ?

— Какъ же-съ! теперь ровно полдюжины! — весело отвѣчалъ Свищовъ, съ довольнымъ видомъ, потирая руки.

— Ну, а вы какъ, сами-то?

— Счастливъ-съ! несказанно счастливъ — сами изволите видѣть! сказалъ Свищовъ, молодецки ударивъ въ грудь рукой, и сталъ горделиво охорашиваться, обращая тѣмъ мое вниманіе на

свой воинственный нарядъ. Теперь хоть умереть, такъ мнѣ больше ничего не нужно-сь.

— Что жъ вы это, къ намъ въ Петербургъ переселяетесь?

— Никакъ нѣтъ - съ. Господь Богъ благодать послалъ!

— Съ чѣмъ же васъ поздравить?

— Да съ тѣмъ же, съ чѣмъ и васъ: съ войной-сь! Я будто ожилъ теперь-сь! опять въ третью роту-сь! Опять-сь барабаны, пушки, штыки! Настоящая жизнь!

— Такъ вы въ дѣйствующую армію.

— Разумется, туда! Европу пощекочемъ! Англичане, французы—это почище турокъ-сь! Иду въ Финляндію, на морской берегъ! Какъ только узналъ про войну — сію же минуту накатавъ письмо къ прежнему начальнику, теперь генералу-сь; ихъ превосходительство соизволилъ; назначеніе скоро вышло; получилъ прогоны, получилъ все, какъ слѣдуетъ; простился съ женой, отслужилъ молебень... ранецъ на плеча, въ руки ружье — и маршъ съ Богомъ впередъ.

— И долго вы вѣхали?

— Я пѣхтурой-сь, частью пешкомъ шель, въ дурную погоду подводу бралъ-сь, такъ дотащился благополучно до пристани... А! да вы помните Рогожскую пристань, помните, еще вы уху изъ стерлядей кушали?.. Ну, вотъ тутъ я съѣлъ на барку и спустился къ Волгѣ-сь, оттуда дошелъ до города, выждалъ пароходъ, пересѣлъ на пароходъ, добрался до Твери, а изъ Твери сюда по чугункѣ-сь. Сегодня утромъ пріѣхалъ, нашель по близости, у Рождества, отличную квартиру, четвертакъ въ сутки, и завтра въ дорогу-сь; времени терять нечего, хоть поверстный срокъ и не скоро еще кончится.

Я вспомнилъ о прежнихъ тугихъ средствахъ Свищова и не могъ сдержать своего любопытства, я не разспросить его поподробнѣе объ этомъ предметѣ.

— Вамъ, я думаю, дорого обошлась эта повздка?

— Совсѣмъ нѣтъ-сь! удивительно дешево-сь! Всѣ деньги оставилъ женѣ, съ собою взялъ только пятьдесятъ цѣлковыхъ: я ужъ почти на мѣсть, а денегъ еще много осталось — думаю и тѣ женѣ переслать: скоро начну получать жалованье.

— Да какъ же вы это могли управиться?

— Да очень просто-сь, благодаря новой формѣ, походной шинели. Всю аммуницію и бѣлье-сь уложилъ я въ ранецъ; на каску надѣлъ чехоль; на офицерскіе погончики, чтобы въ доро-

гъ не запылились, надѣлъ тоже чехольчики; про случай, для войны взялъ свое старое охотничье ружье и преспокойно шель отъ села до села. Легко, вальжно-съ! погода стояла чудная; да вотъ мужики все надоедали-съ, не давали мнѣ и прогуляться-то хорошенько. Какъ дойду до села или до деревни, такъ староста съ мужиками и обступятъ.

— Куда ты, служивый?

— Да въ Питеръ, молъ, пробираюсь!

— Али на службу?

— Въстимо-дѣло, на царску службу!

— Что жъ, подводу; что ли, служивый, тебѣ надоть.

— Нѣтъ, парень! зачѣмъ мнѣ подвода! И путь не далекъ, и конѣйку беречь надо, да и какія тутъ подводы? теперъ пора рабочая, мужику дороги и конь, и руки...

— Что ты, служивый, очнись! Али мы, въ эвтое время не управимся? Въдь ты за Христово дѣло драться идешь!.. Митроха, давай подводу!.. А ты, служба, заверни пока ко мнѣ въ избу, отдохни маленько, да перекуси, чѣмъ Богъ послалъ, а мы те до того села духомъ доставимъ.

— Рады-радѣшеньки бывали мужики, когда я соглашался на ихъ просьбы, считая меня съ виду за рядоваго солдата. А когда я объяснилъ имъ, что я не солдатъ, а офицеръ, и вынмалъ изъ кошелька полтинникъ, чтобъ расчетъ сдѣлать — никто денегъ принять не хотѣлъ ни за что! Ну, что ты хочешь — не берутъ, да и полно!

— Побойся Бога, ваше благородіе! говорили, особенно старики. Въдь мы тебѣ не отъ трудовъ своихъ даримъ, а жертвуемъ отъ избытковъ нашихъ на Христову церковь. Доедай, знай, кашу-то, безъ уплаты, да и прогону твоего намъ не нужно!

Ну, вотъ поди-те же! Ну, что съ такимъ народомъ дѣлать? Схватишь мужика за бороду, расцѣлуешь его за добрыя мысли и за благородныя чувства, да поневоль и соглашаешься съ нимъ. На Рогожской пристани, на баркѣ, съ меня хозяинъ тоже ничего взять не хотѣлъ.

— Поди ты, съ своими деньгами, служба! говоритъ: барка внизъ идетъ, тягости ты никакой не сдѣлаешь, не пролежишь мѣста, да и труда про тебя никакого не нужно и уходу не надо: садись-благо, полезай ко мнѣ въ казенку!

Такимъ манеромъ я на баркѣ помѣстился въ хозяйской каютѣ и былъ на хозяйскихъ харчахъ. Ну, на пароходѣ, конечно

Другое дѣло: тутъ компанія, а не одинъ хозяинъ, съ меня взяли что слѣдовало, и помѣстили на подчalkъ въ третьемъ разрядѣ, какъ я и билетъ взялъ... Просто я вамъ скажу, не замѣтилъ, какъ и до Петербурга добрался!

Люблю войну - съ, до смерти войну люблю! говорилъ Свищовъ, когда разговоръ о постороннихъ предметахъ опять коснулся главнаго обстоятельства. Вотъ мирнаго времени сколько было, а что я изъ него сдѣлалъ? Ничего не сумѣлъ путнаго оказать, развѣ что женился, одно только доброе дѣло и есть. А вѣдь кабы вы знали, какъ бился-то? на одномъ мѣстѣ мнѣ не усидѣть; мнѣ нужно вѣчное движеніе; нужна субординація-съ, выправка, совѣстливое исполненіе долга, а гдѣ это лучше всего видно, какъ не въ военныхъ дѣйствіяхъ? Не разсуждай, не умничай, дѣлай, что велятъ! ставь голову подѣ пулю, когда нужно, вотъ и всѣ заповѣди военнаго челоуѣка.

Вотъ въ мирное-то время даже жена меня не исправила отъ передвиженій съ праваго фланга на лѣвый и съ одной позиціи на другую. Ну, опять же сказать, хлопотать, возиться много надо было, чтобъ заработать копѣйку, да все это было не порядочно-съ, отрывочно; иной разъ въ два-три мѣсяца пятьдесятъ, сто рублей заработаешь, а иной разъ цѣлые полгода сидишь себѣ безъ всякаго дѣла: ну, нѣтъ занятій, нѣтъ порученій никакихъ, да и полно! Въ полку — другое дѣло, во всемъ ранжирѣ, порядокъ; знаешь напередъ когда, гдѣ и сколько и какъ именно достанешь... по одежкѣ и протягиваешь ножки, а вотъ какъ я это время жилъ, такъ того и гляди, что сегодня много, а завтра и нѣтъ ничего! Хорошо еще, что мнѣ жена такая досталась, а то что было бы съ моимъ непосѣдствомъ? Ну, вы видѣли мою жену: теперь вы понимаете, какова она есть! А я-то и выходилъ чѣмъ-то этакимъ приставнымъ; жена вдвое противъ меня работала, а я только бѣгалъ за работой. Теперь не то-съ! теперь я полный челоуѣкъ-съ, я воинъ-съ, дѣйствующее лицо-съ! Времена изволите видѣть, какія! Дѣло, выходитъ, народное, всякій что-нибудь несетъ на алтарь отечества. У меня нѣтъ богатствъ на это, я несу самую ничтожную жертву, несу свою голову-съ, жизнь-съ, этого деньгами не оцѣнишь. Я ужъ теперь заранѣе счастливъ, а въ военныхъ дѣйствіяхъ просто буду въ полномъ благополучіи!

— Ну, скажите, пожалуйста, когда война кончится, тогда что?

— Известное дѣло что-съ! послѣ войны миръ будетъ!

— Ну, какія же ваши надежды на будущее послѣ войны? опять возьметесь за частныя порученія?...

— Нѣтъ-съ, не то-съ! Я теперь обдумалъ все. Чинъ еще мой малъ-съ, штабсъ-капитанъ не великое дѣло! А вотъ какъ мы этакъ подеремся, да какъ я кровью выслужу себѣ капитана, да маіорскій чинъ, тогда мнѣ можно будетъ подумать объ мѣстѣ, которое пятнадцать лѣтъ у меня изъ головы не выходитъ, и которое совершенно по мѣркѣ моимъ способностямъ и всему тому, что такое я есмь. Тутъ и безпрестанные разъезды, и субординація, и ранжиръ, и порядокъ, а добра-то, добра ближнему столько можно надѣлать, что умеръ—прямо въ рай дорога!

— Какое-же это мѣсто?

— Мѣсто-съ? сами догадаться можете-съ! Хочу быть исправникомъ. Коли Богъ сохранить меня отъ вражеской пули и соблюдетъ меня здрава, то въ благодарность за избавленіе отъ бѣдъ, за ниспосланіе мнѣ такого счастья въ женѣ и дѣтяхъ, буду искать мѣста исправника-съ. Вѣдь вы сообразите только, сколько тутъ благодарній, истинно-христіанскихъ дѣлъ можно сдѣлать? себя какъ можно исправить? какъ можно исправить другихъ? какъ можно очистить все прошлое безпрестаннымъ служеніемъ общей пользѣ!..

— Намъренія ваши прекрасны, но вѣдь вы законовъ не знаете?

— Выучу-съ, будьте спокойны, отговариваться невѣдніемъ ихъ не стану, да и нельзя-съ!

— Надо владѣть перомъ, быть искуснымъ администраторомъ...

— Ко всему приглядѣлся-съ и до всего самъ дойду-съ, меня на это хватить.

— Ну, помогай вамъ Богъ скорѣе дослужиться до маіорскаго чина.

— Благодарю за пожеланія, а между тѣмъ прощайте-съ. Надо еще обгять весь Петербургъ, да полюбоваться этимъ красавцемъ, а завтра, чуть свѣтъ, ухажу-съ. Прощайте-съ, не поминайте лихомъ... пробѣгайте подъ часъ приказы-съ: не найдете ли моего имени въ спискѣ убитыхъ, а то и самъ явлюсь въ маіорскомъ чинѣ.

ЗЕМЛЯ И ЗВЪЗДЫ.

I.

Извѣстно, что всякое свѣтило, восходя на горизонтъ, является наблюдателю не въ самый моментъ своего восхожденія, а черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, необходимый для того, чтобъ лучъ свѣта успѣлъ достигнуть до глаза наблюдателя. Скорость движенія свѣта такъ велика, что ее невозможно измѣрить между двумя земными предметами. Но когда мы наблюдаемъ тѣла небесныя, въ такихъ отъ насъ разстояніяхъ, что земныя мѣры въ сравненіи съ ними ничтожны, то мы прибѣгаемъ къ астрономическимъ вычисленіямъ. Эти-то вычисленія показали, что свѣтъ въ секунду времени пробѣгаетъ 230,000 итальянскихъ миль, т. е. около 400,000 верстъ.

Луна находится отъ земли въ разстояніи 258,000 итальянскихъ миль, около 448,000 верстъ, стало быть, при появленіи ея на горизонтъ, первый лучъ ея свѣта достигнетъ до наблюдателя черезъ одну секунду съ четвертью *. Солнце отстоитъ отъ насъ въ четыреста разъ далѣе, чѣмъ луна (на 102 милліона итал. миль); отчего солнечный свѣтъ достигаетъ до насъ въ четыреста разъ позднѣе, чѣмъ лунный ($1\frac{1}{4}$ сек. $\times$ 400 = 8 м). И такъ, солнечный лучъ достигаетъ до насъ почти въ

* Здѣсь мы не принимаемъ во вниманіе рефракцію свѣта.

восемь минутъ. Юпитеръ отстоитъ отъ земли, когда удаленіе его достигаетъ наибольшей величины, на 660 милліоновъ итальянскихъ миль. Разстояніе это въ шесть съ половиною разъ болѣе разстоянія отъ насъ Солнца; поэтому, лучъ свѣта отъ Юпитера долѣтаетъ до насъ въ пятьдесятъ двѣ минуты. Уранъ, пробѣгающій свой уединенный путь въ разстояніи отъ Земли на 2040 милліоновъ итальянскихъ миль, посылаетъ къ намъ свой свѣтъ въ два часа сорокъ минутъ времени, такъ, что мы видимъ восходъ Урана на горизонтъ, спустя два часа сорокъ минутъ послѣ дѣйствительнаго его появленія.

За Ураномъ открыта еще новая отдаленнѣйшая планета, Нептунъ; но отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ нашей солнечной системы до ближайшихъ къ намъ неподвижныхъ звѣздъ находится почти неизмѣримое земными мѣрами пространство.

Разстояніе отъ земли неподвижныхъ звѣздъ считалось прежде дѣйствительно неизмѣримымъ; новѣйшія вычисленія знаменитыхъ астрономовъ, Струве и Бесселя, увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Теперь мы знаемъ, что напримѣръ Сиріусъ, одна изъ блистательнѣйшихъ звѣздъ на небѣ, находится отъ земли въ разстояніи, примѣрно, 18 триллионовъ итальянскихъ миль, такъ что лучъ свѣта отъ Сиріуса пробѣгаетъ пространство, разделяющее его отъ нашей планеты, въ три года, или, другими словами: лучъ свѣта, посланный къ намъ отъ Сиріуса достигаетъ до глаза наблюдателя не ранѣе, какъ чрезъ три года.

Струве вычислилъ, что звѣзда Вега, въ созвѣздіи Лиры, посылаетъ къ намъ свой свѣтъ въ двѣнадцать лѣтъ и одинъ мѣсяць. По вычисленіямъ Гардинга и другихъ новѣйшихъ астрономовъ, найдены нижеслѣдующія числа, приблизительно показывающія соответственные разстоянія неподвижныхъ звѣздъ отъ земли:

Лучъ свѣта достигаетъ до земли:

Отъ звѣздъ 1-й величины.	отъ 3-хъ до	12-ти лѣтъ.
» » 2-й »	» » »	въ 20 »
» » 3-й »	» » »	» 30 »
» » 4-й »	» » »	» 45 »
» » 5-й »	» » »	» 66 »
» » 6-й »	» » »	» 96 »
» » 7-й »	» » »	» 180 »

Струве, принимая въ уваженіе, что звѣзда 12-й величины въ

телескопъ его кажется столь же свѣтлою, какъ невооруженному глазу звезда 6-й величины, заключаетъ, что разстояніе отъ насъ звезды 12-й величины въ сорокъ одинъ разъ болѣе разстоянія звезды шестой величины, и что, следовательно, звезда 12-й величины отстоитъ отъ Земли примѣрно на 27,000 триллионовъ итальянскихъ миль и лучъ свѣта отъ нея можетъ до насъ достигнуть не менѣе какъ въ 4000 лѣтъ. Другими словами: свѣтъ отъ звезды 12-й величины, которую мы видимъ въ телескопъ, бѣжалъ четыре тысячи лѣтъ въ пространство, пока не достигъ до нашего глаза.

Доселѣ мы ограничивались только звездами той системы, къ которой принадлежитъ наше солнце; мы и не будемъ переходить за этотъ рубежъ, между тѣмъ, какъ эта звездная система, включая въ нее и млечный путь, составляетъ въ безднахъ міроваго пространства не болѣе, какъ одинъ звездный островъ, не болѣе, какъ одно туманное пятнышко, а такихъ пятнышекъ насчитываютъ астрономы болѣе четырехъ тысячъ.

Гершель, и въ-послѣдствіи нашъ профессоръ Медлеръ, объяснили, что наша система неподвижныхъ звездъ имѣетъ форму чечевицеобразнаго пространства. Дѣйствительно, наше солнце, съ окружающими его планетами, находится въ срединѣ пространства, похожаго на два часовыя стеклышка, если соединить ихъ между собою выпалыми сторонами. Положимъ, что вся поверхность этихъ соединенныхъ стеколъ усыпана, въ равной степени, звездами, но какъ мы несравненно ближе къ тѣмъ, которыя надъ нами и подъ нами, нежели къ тѣмъ, которыя близъ ободка, то первыя звезды покажутся намъ не очень частыми, тогда какъ послѣднія сольются въ одну сплошную массу, въ млечный путь.

За этимъ млечнымъ путемъ, входящимъ въ составъ нашей звездной системы, находятся, какъ мы уже выше сказали, туманные пятна, въ видѣ продолговатыхъ хлопковъ, это совершенно отдѣльныя звездныя системы, плавающія въ небесномъ пространствѣ, столь отдаленномъ, что слабый, едва замѣтный отъ нихъ (даже въ сильнѣйшіе телескопы) свѣтъ доходитъ до насъ не въ тысячу лѣтъ, а въ тысячу тысячъ вѣковъ.

Мы не пойдемъ такъ далеко, а остановимся на звездахъ 12-й величины, посылающихъ къ намъ свой свѣтъ въ 4000 лѣтъ.

Изъ сказаннаго нами, что свѣтъ отъ какой-нибудь планеты или звезды пустился къ намъ не теперь, а назадъ тому нѣсколь-

ко секундъ, минутъ, часовъ или годовъ, яствуешь, что мы видимъ планету или звезду не въ томъ состояніи, въ которомъ она теперь находится, но въ которомъ находилась въ то время, когда лучъ ея свѣта полетѣлъ къ намъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ Сиріуса, какимъ онъ былъ назадъ тому три года; Вега, какою она была за двѣнадцать лѣтъ и одинъ мѣсяць, и т. д. до звездъ 12-й величины, которыя мы видимъ какъ онѣ свѣтились назадъ тому четыре тысячи лѣтъ. Отсюда ясно, что какая-нибудь звезда 12-й величины давнымъ давно уже погасла, а мы все еще продолжаемъ ее видѣть. И такъ, мы видимъ Луну, какъ она была за $\frac{1}{3}$ секунды; Солнце, какъ оно было за 8 минутъ; Юпитера, какъ онъ былъ за 52 минуты; Урана, какъ онъ былъ за два часа сорокъ минутъ; Сиріуса за 3 года, Вега за 12 лѣтъ и 1 мѣсяць, и звезду 12-й величины какъ она была назадъ тому 4000 лѣтъ. Положимъ теперь, что обитатель Луны смотритъ на нашу планету. Точно также онъ будетъ видѣть Землю, какою она была за $\frac{1}{3}$ секунды отъ момента его наблюденія.

Наблюдатель на Солнцѣ увидѣлъ бы Землю, какою она была за 8 минутъ передъ моментомъ его наблюденія. Наблюдатель на Уранѣ видѣлъ бы ее за два часа 40 минутъ предъ его наблюденіемъ. Положимъ, напримѣръ, что вершина Альповъ въ шесть часовъ утра озарилась первымъ лучемъ солнца, наблюдатель на Уранѣ, обладая сильнымъ зрѣніемъ или вооружась могущественнымъ телескопомъ, увидитъ на Альпахъ разсвѣтъ въ восемь часовъ сорокъ минутъ нашего времени.

Наблюдатель, еслибъ онъ находился на звездѣ Сиріусъ и озаренъ былъ зрѣніемъ, способнымъ видѣть все подробности на нашемъ маленькомъ шарикѣ, который свѣтится для него весьма слабымъ свѣтомъ, увидѣлъ бы не то, что дѣлается теперь въ Европѣ, а то, что дѣлалось назадъ тому три года.

Наблюдатель на звездѣ Вега будетъ видѣть въ настоящее время то, что случилось на Землѣ тому двѣнадцать лѣтъ и одинъ мѣсяць, и т. д. до наблюдателя звезды 12 величины, который, вооружась чрезвычайнымъ телескопомъ, увидитъ, что происходило на землѣ назадъ тому четыре тысячи лѣтъ, какъ напр. строеніе египетскихъ пирамидъ и проч.

Такимъ образомъ, въ безчисленномъ множествѣ звездъ, разсыпанныхъ по сферамъ вселенной, всегда можно отыскать такую звездочку, съ которой видно любое на землѣ событіе, какъ

бы давно оно ни совершилось, и видно какъ будто оно теперь предъ глазами совершается.

Пойдемъ далѣе... но какъ мы будемъ часто ссылаться на идею *возможнаго*, то просимъ читателя согласиться съ нами въ слѣдующемъ:

Мы называемъ *возможнымъ* то, что не противорѣчитъ общимъ законамъ природы; *невозможнымъ*—что имъ противорѣчитъ.

Въ этомъ смыслѣ, усовершенствованіе всякаго человеческого открытія до чрезвычайности—есть дѣло возможное. Такимъ образомъ, можно достигнуть до того, чтобъ пробѣгать извѣстное пространство въ опредѣленное, но чрезвычайно краткое время. Если по желѣзнымъ дорогамъ мы пробѣгаемъ десять верстъ въ десять минутъ; если, помощью электрическаго телеграфа, мы можемъ въ одну секунду времени зазвонить въ колокольчикъ, находящійся отъ насъ на разстояніи трехъ-сотъ верстъ, предположеніе, что можемъ найти средство двигаться отъ одного пункта къ другому съ изумительною быстротою, не принадлежитъ еще къ невозможному.

Повторяемъ, что подобнаго результата на практикѣ, мы, разумѣется, никогда не достигнемъ, хотя въ сущности предстоить намъ одно препятствіе: усовершенствовать до чрезвычайности извѣстные механическіе двигатели, чтобъ получить, на примѣръ, движеніе, скорость котораго превышала бы скорость свѣта^{*}; въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что не выходимъ изъ области возможнаго.

Теперь мы продолжаемъ, полагая, что читатель допускаетъ, что наша идея возможнаго не есть одна пустая мечта, хотя, съ другой стороны, и далека еще отъ пракческаго осуществленія.

Допуская это, предположимъ, что обитатель земли перенесется на звѣзду съ такимъ сильнымъ телескопомъ, что можетъ на всякомъ разстояніи въ подробности разсматривать освѣщенные мѣста нашей планеты.

Съ этимъ предположеніемъ и зная взаимное положеніе и разстоянія между неподвижными звѣздами (свѣдѣнія эти даетъ новейшая астрономія), наблюдатель могъ бы видѣть, на примѣръ, Полтавскую битву и безсмертнаго Петра, предъ русскими полками, еслибъ перенесся въ пространство между звѣздами 6-й и 7-й

* Электричество двигается скорѣе свѣта.

величины; или пожаръ Москвы 1812 года, озаряющій бѣгство изъ Россіи полчищъ двадцати народовъ, приблизясь для этого къ звѣздамъ четвертой величины.

Теперь вообразимъ наблюдателя на звѣздѣ 12-й величины, вооруженнаго необыкновенно-сильнымъ телескопомъ. Онъ могъ бы видѣть землю, какою она была назадъ тому четыре тысячи лѣтъ. Теперь представимъ себѣ, что этотъ наблюдатель несется отъ звѣзды 12-й величины съ такою скоростію, что можетъ прилетѣть на землю въ одинъ часъ. На половинѣ дороги, онъ увидѣлъ бы землю въ томъ видѣ, какъ она была за двѣ тысячи лѣтъ, и т. д.

Отсюда ясно, что еслибъ наблюдатель могъ обнять своимъ взоромъ весь вихрь изображеній, которыя послѣдовательно будутъ передъ нимъ развертываться, онъ прожилъ бы сорокъ вѣковъ и видѣлъ бы всѣ событія на земномъ шарѣ въ теченіе одного часа времени. Положимъ, что часъ времени раздѣленъ на четыре тысячи равныхъ частей, (на каждую часть придется почти по одной секундѣ), то нашъ наблюдатель увидитъ въ каждую секунду событія цѣлаго года; онъ пройдутъ предъ нимъ, со всеми подробностями и перемѣнами, отъ начала до конца, безъ малѣйшаго перерыва и пропуска, но съ неимоверно быстрою послѣдовательностію; словомъ: всѣ четыре тысячи лѣтъ, со всеми событіями, промелькнутъ предъ нимъ въ одинъ часъ времени.

Если наблюдатель захочетъ остановиться предъ тѣмъ или другимъ событіемъ и на свободѣ разсмотрѣть и изучитъ его, ему стоитъ только, остановивъ полѣтъ свой къ землѣ, понестись опять вдаль со скоростью, равною движенію свѣта.

Мы воображали, что наблюдатель летитъ отъ звѣзды 12-й величины на землю и способенъ совершить это путешествіе въ часъ времени. Пойдемъ далѣе: положимъ, что наблюдатель перелетитъ это разстояніе не въ часъ, а въ одну секунду, — тогда четырехъ-тысячный періодъ исторіи пронесется передъ нимъ столь же точно и отчетливо съ неимоверною быстротою въ секунду времени.

Отъ такой, почти мгновенной, послѣдовательности безчисленнаго множества картинъ у наблюдателя закружится голова; но, по-крайней-мѣрѣ, отсюда мы можемъ прояснить себѣ идею, что время не имѣетъ мѣры и само по себѣ какъ бы не существуетъ, а служитъ только формою, вмѣстилищемъ, безъ которыхъ мы не можемъ понять послѣдовательности событій. Еслибъ время дѣй-

ствительно существовало, если бы оно необходимо было для развитія событій, оно не могло бы всецѣло вмѣщаться въ другое несравненно кратчайшее время; но мы уже видѣли, что событія, совершившіяся въ четыре тысячи лѣтъ, могутъ во всей своей полнотѣ включиться въ одну секунду времени и отъ этого онъ не будутъ укороченными, усѣченными, напротивъ каждое событіе воспроизведется со всеми подробностями и со всеми относящимися къ нему обстоятельствами.

Продолжительность времени въ нашемъ смыслѣ не составляетъ необходимости для развитія событій. Начало и конецъ каждаго событія могутъ почти сливаться между собою и, между тѣмъ, содержать все свои фазисы во всей ихъ полнотѣ и послѣдовательности.

Мы сообщили наши мысли о *времени*, и надѣемся, что читатель, если и не вполне съ нами согласенъ, то, по-крайней-мѣрѣ, почерпнетъ нѣсколько новыхъ идей объ этомъ предметѣ.

Если намъ сдѣлаютъ возраженіе, что не все дѣянія могутъ отражаться, по причинѣ матеріальныхъ препятствій; на это будемъ отвѣчать, что мы вездѣ предполагали не столько зрѣніе настоящее, сколько возможное, и полагаемъ, что это возраженіе не отниметъ поэтической стороны отъ общности нашихъ разсужденій. Обратимся теперь къ *пространству*.

—

II.

Быстрый полетъ отъ неподвижной звѣзды къ землѣ сдвигаетъ изображенія и событія на земномъ шарѣ до того, что наблюдатель можетъ ихъ видѣть въ одинъ моментъ.

По той же причинѣ, путешествіе совершенно противоположное, позволитъ безконечно замедлить послѣдовательную перемѣну этихъ изображеній. Положимъ, что свѣтъ, отражающій какое-нибудь на землѣ событіе достигаетъ до звѣзды 2-й величины въ двадцать лѣтъ; положимъ, что наблюдатель употребитъ двадцать лѣтъ и одинъ день, чтобъ долетѣть до этой звѣзды, и что онъ оставилъ землю въ ту минуту, какъ началъ распускаться какой-нибудь цвѣтокъ, прибывъ на звѣзду, наблюдатель найдетъ изображеніе этого цвѣтка въ томъ развитіи, какого онъ достигнулъ въ одни сутки. Если воздушный путеше-

ственникъ снабженъ былъ совершеннѣйшимъ вспомогательнымъ орудіемъ зрѣнія и могъ наблюдать постепенное развитіе цвѣтка во время странствованія своего къ звѣздѣ, онъ имѣлъ возможность въ теченіе двадцати лѣтъ изучать всѣ переменны, последовавшія съ цвѣткомъ въ одни сутки. Всѣ последовательныя измѣненія въ формѣ цвѣтка всегда были передъ его глазами, какъ бы онъ находился на землѣ подлѣ цвѣтка, внимательно изучая развитіе его. Для нашего глаза почти невозможно слѣдить за порхающею бабочкой и разсматривать ея разноцвѣтныя крылышки; но еслибъ намъ возможно было слѣдовать за нею и наблюдать ея полетъ, мы могли бы разсмотрѣть и даже сосчитать всѣ блестящія пылинки на ея крылышкахъ, и это возможно наблюдателю, путешествующему въ небесномъ пространствѣ съ известною скоростію.

Такимъ образомъ мы имѣемъ, въ этомъ смыслѣ, какъ бы микроскопъ для времени, и какъ увеличительное стекло, расширяя въ нѣсколько тысячъ разъ малѣйшій предметъ, даетъ намъ возможность разсмотрѣть въ подробности атомы, изъ которыхъ состоитъ какая-нибудь пылинка, такъ точно постепеннымъ наблюденіемъ развитія какого-нибудь растенія мы можемъ подмѣтить множество любопытныхъ явленій ускользящихъ теперь отъ нашихъ взоровъ.

Молнія, ослѣпляя наше зрѣніе, не позволяетъ намъ дѣлать надъ нею наблюденій; но еслибъ мы могли слѣдовать за молніей хотя то время, которое употребляетъ свѣтъ для достиженія отъ солнца до земли, т. е. восемь минутъ, мы могли бы проникнуть въ таинственность, которою еще облечено это явленіе. Подобное наблюденіе было бы для насъ столь же любопытно, какъ наблюденіе капли воды, въ которой сильный микроскопъ открываетъ цѣлый міръ животныхъ.

Обратимся еще разъ къ тому, что событія, случившіяся на землѣ за четыре тысячи лѣтъ, отражаются теперь волнами свѣта на звѣздахъ 12-й величины. Также точно, земной наблюдатель, обладающій совершеннѣйшимъ вспомогательнымъ орудіемъ зрѣнія, видѣлъ бы на звѣздѣ 12-й величины не то, что теперь дѣлается, а то, что на ней происходило назадъ тому четыре тысячи лѣтъ. Положимъ теперь, что обитатель звѣзды 12-й величины, оставивъ ее, понесется въ дальнѣйшія сферы, онъ могъ бы, наблюдая нашу планету, разрѣшить многія геологическія проблемы, которыя и доселѣ остаются еще тайною для знамени-

тѣйшихъ натуралистовъ. Притомъ, какъ отраженіе свѣта ограничивается не одною нашею землею, обитатель каждой звѣзды видитъ событія и на всѣхъ прочихъ звѣздахъ, такъ что, исторія не только нашей планеты, но и всѣхъ міровъ, самая полная, самая вѣрная, постоянно ощущается во вселенной.

Мы уже изъясняли въ первой части, что наши предположенія хотя и не могутъ осуществиться, но основаны на началахъ не совершенно невозможныхъ. Чтобъ еще болѣе уяснить наши идеи, замѣтимъ слѣдующее: предметы отдаленные кажутся намъ меньшими съ очертаніемъ и красками не такъ явственными, противъ тѣхъ, которые находятся къ намъ ближе. Отчего же это происходитъ? Во-первыхъ, отъ устройства органа нашего зрѣнія, во-вторыхъ—отъ несовершенной прозрачности воздуха. Лучи свѣта идутъ отъ нашего глаза расходящимися, такъ, что самый малый предметъ, поставленный передъ глазомъ, наполнить пространство между двумя лучами. Если возьмемъ серебряную монету, напр. полтинникъ, и смотря прямо на солнце будемъ держать его предъ глазомъ въ разстояніи протянутой руки, монета можетъ закрыть весь солнечный дискъ. Если же мы устроимъ оптическій инструментъ, въ которомъ лучи нашего зрѣнія будутъ проходить совершенно между собою параллельными, каждый предметъ покажется намъ въ настоящемъ своемъ видѣ, равно какъ и всѣ другіе, его окружающіе, и въ настоящихъ разстояніяхъ. Конечно, мы не можемъ видѣть отдаленныхъ предметовъ, во всей ихъ цѣлости; мы увидимъ только части ихъ, пропорціонально размѣрамъ оптическаго инструмента, но каждая изъ этихъ частей ясно будетъ усмотрѣна и ни одна былинка на поверхности самага отдаленнаго отъ насъ небснаго тѣла не скроется, лишь бы атмосфера была совершенно чиста и лучи свѣта не подверглись какому-нибудь постороннему вліянію.

Послѣ этого изъясненія, перейдемъ къ новымъ разсужденіямъ.

Нашъ разумъ обыкновенно приписываетъ каждому дѣйствию свою причину. Напримѣръ одинъ и тотъ же солнечный лучъ приноситъ намъ свѣтъ и теплоту; но мы разлагаемъ его на два, на лучъ свѣта и на лучъ теплоты, потому что приписываемъ эти два дѣйствія двумъ различнымъ причинамъ.

Лучъ солнечный нераздѣльный, безцвѣтный, проходя сквозь стеклянную призму, разлагается на семь различныхъ цвѣтовъ. Можетъ быть и вся вселенная не есть ли одно нераздѣльное цѣ-

лое, которое только грубыя наши чувства и нашъ ограниченный способъ воззрѣнія и познания разделяетъ на разныя части, какъ солнечный лучъ въ призмѣ, и разлагаетъ на безконечное множество окружающихъ насъ явленій?

Всѣ замѣчаемыя нами въ предметахъ различія бываютъ двоякія: различія между предметами подлежащими нашимъ чувствамъ, каковы напр. солнце, тѣла земныя, человекъ, животныя, растенія, и разности въ предметахъ области высшей, каковы напр. мысли, истины. И такъ, для показанія пути, который можетъ довести насъ до уразумѣнія, что весь свѣтъ, можетъ быть, есть одно нераздѣльное цѣлое, мы должны разрѣшить двойную проблему: во-первыхъ показать, что всѣ истины, кажушіяся намъ различными, составляютъ одну истину, и во-вторыхъ увѣриться, что всѣ явленія и событія въ связи съ временемъ и пространствомъ въ некоторомъ смыслѣ могутъ быть почитаемы за одно нераздѣльное цѣлое. Первая часть вопроса легче и понятнѣе разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, истина существуетъ одна, и если намъ кажется, что мы можемъ отличать разныя истины, это происходитъ отъ ограниченности нашего разума, который разделяетъ и разлагаетъ единство истины.

Возьмемъ самый простой примѣръ. Человекъ есть существо смертное, еспособное мыслить и чувствовать: вотъ, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, три различныя истины. Но эта разность происходитъ отъ того, что нашъ разумъ неспособенъ вдругъ и вполне обнять идею человека, со всеми его принадлежностями. Но еслибъ было иначе, еслибъ, произнося слово *человекъ*, мы могли представлять въ умѣ своемъ все необходимое для осуществленія этой идеи, мы бы вдругъ имѣли въ виду—смертность, способность мыслить и чувствовать и не искали бы разложенія этой идеи, говоря, что человекъ во-первыхъ смертенъ и проч., точно такъ, какъ не сказали бы ничего новаго, утверждая, что четырехугольникъ имѣетъ четыре угла, потому что это свойство раздѣльно въ нашемъ умѣ съ самымъ предметомъ.

Другой примѣръ покажетъ намъ это еще яснѣе. Кто хорошо понимаетъ, что значить треугольникъ, тому не нужно извѣстнаго, что треугольникъ имѣетъ три стороны и три угла, что эти три угла, вмѣстѣ взятые, всегда равны двумъ прямымъ угламъ, что опущенные отъ вершинъ угловъ на противолежащія стороны перпендикуляры, всѣ три встрѣчаются въ одной точкѣ,

и проч., словомъ все, что только наука открыла о свойствахъ треугольника. Итакъ геометръ съ идею о треугольникѣ вдругъ весь его свойства себѣ представляетъ. Кто хорошо усвоилъ себѣ идею о нашемъ земномъ шарѣ, тотъ вдругъ можетъ себѣ представить, что земля кругла, что она имѣетъ тяжесть изъ какихъ бы химическихъ началъ ни состояла, какой описываетъ она около солнца путь, какія ея произведенія. Онъ понимаетъ на ней человека, съ его смертной природой, съ его дѣянiями, разумомъ, чувствами, какъ необходимыми слѣдствiями связи его съ землею, и никакое изъ этихъ свойствъ не покажется для него истинною особенною, отдѣльною. Наконецъ, если мы распространимъ нашу мысль на вселенную, на все творенiе, которое вмѣщаетъ въ себѣ результаты всѣхъ наблюдений, истинъ, идей, мы придемъ къ заключенiю, что для того, кто хорошо понимаетъ значенiе этого слова, выходитъ одна истина, одна идея, идея вселенной, что раздѣленiя этого всеобщаго понятiя есть творенiе чисто-человѣческое, происходящее отъ несовершенства нашихъ способностей, чему мы видѣли примѣръ въ раздѣленiи солнечнаго луча на лучъ свѣта и теплоты, потому только, что онъ свѣтитъ и грѣетъ. И такъ, вселенную въ некоторомъ смыслѣ можно принять за одно великое органическое цѣлое, и кто хорошо постигъ идею вселенной, тотъ хорошо понимаетъ и каждый элементъ, входящiй въ ея составъ.

Разрѣшивъ первую часть вопроса, перейдемъ къ другой.

Положимъ, что съ даннаго момента, напримѣръ съ сегодняшняго дня, скорость движенiя звѣздъ и земли удвоится, что годъ будетъ протекать въ шесть мѣсяцевъ, каждое время года въ шесть недель и каждый день въ двѣнадцать часовъ, что наша жизнь въ этомъ смыслѣ сократится на половину, что такимъ образомъ должайшая жизнь человека, вмѣсто осьмидесяти лѣтъ, будетъ только сорокъ лѣтъ, и что каждый изъ этихъ новыхъ годовъ будетъ содержать, въ себѣ столько разъ по двѣнадцати часовъ, сколько нынѣшнiй годъ содержитъ въ себѣ по двадцать-четыре часа. Наше дыханiе, бiенiе нашего пульса будетъ также вдвое скорѣе (натурально, это одно предположенiе), новая продолжительность нашего существованiя не покажется намъ отличною отъ настоящей. Стрѣлки на часахъ, пробѣгая по циферблату, будутъ совершать полный оборотъ—минутная въ тридцать минутъ, а часовая въ шесть часовъ. Растенiя, животныя будутъ совершать свои развитiя также вдвое скорѣе. Въ

теръ и молнія употребятъ половину времени на ихъ быстрыя движенія.

Съ этимъ предположеніемъ спрашивается: замѣтимъ ли мы какую-нибудь перемѣну? Можемъ отвѣчать съ полною увѣренностію: нѣтъ. Мы бы почли за сумасшедшаго, по-крайней-мѣрѣ, за пустаго мечтателя, еслибъ кто сталъ увѣрять насъ, что сдѣлалась какая-нибудь перемѣна. Дѣйствительно, мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго повода думать, что прежде существовалъ другой порядокъ вещей, потому что мы не имѣемъ другаго понятія о продолжительности времени, какъ чрезъ сравненія; но когда и сравнительная единица времени уменьшилась на половину, то естественно, что для нашихъ чувствъ все останется неизмѣннымъ.

Наши новые сорокъ лѣтъ пройдутъ точно такъ, какъ проходили прежніе восемьдесятъ лѣтъ; все наши дѣянія будутъ совершаться вдвое скорѣе прежняго; но какъ наша жизнь, наше дыханіе, наши движенія также пропорціонально ускорятся, то, конечно, невозможно будетъ ни измѣрить, ни примѣтить общаго прибавленія скорости. Мы можемъ даже сказать, что каждая вещь останется въ прежнемъ состояніи, и притомъ не относительно, а дѣйствительно, если только вселенная не сохранитъ видимаго знака, который бы, не участвуя въ удвоеніи скорости, далъ намъ возможность понять и измѣрить происшедшую перемѣну.

Точно такой же выйдетъ результатъ, если мы предположимъ, что время сократилось не вполнину, а вчетверо противъ настоящаго, такъ что годъ протекаетъ въ три мѣсяца, должайшая жизнь человека въ двадцать лѣтъ, и вообще наше существованіе, со всемъ окружающимъ насъ твореніемъ, уменьшилось въ этой же самой пропорціи. И въ этомъ случаѣ мы рѣшительно не замѣтимъ ни малѣйшей перемѣны, потому что единица времени, служащая намъ мѣрою, въ той же самой пропорціи сократилась.

Такимъ образомъ, если бы продолжительность нашей жизни и весь ходъ вселенной получили быстроту въ тысячу, въ миллионъ разъ большую, то-есть безконечно сократились и тогда слѣдствія были бы тѣ же. Итакъ мы можемъ вообразить всю продолжительность исторіи человечества, сжатую въ безконечно-малый промежутокъ времени, но и тогда не почувствуемъ никакой перемѣны.

Теперь мы можемъ отбросить предположеніе, что известный промежутокъ времени необходимъ для совершенія известнаго событія: такой промежутокъ болѣе случаенъ, чѣмъ необходимъ, и можетъ быть очень различенъ.

Поясимъ это примѣромъ.

Музыкальная пьеса можетъ быть разыграна скорее или тише и отъ этого цѣлостъ ея ни сколько не пострадаетъ. Промежутки, послѣдовательность тоновъ, относительная продолжительность нотъ останутся тѣ же, только впечатлѣніе музыки на слушателя будетъ другое, если все, что входитъ въ его природу, также пропорціонально не измѣнится. Положимъ, что инструментъ такъ устроенъ, что можетъ играть пьесу со всякою скоростью. Время, употребляемое инструментомъ для сыгранія пьесы, можетъ быть растянуто или сокращено до безконечности, тогда возможно будетъ выслушать въ наименьшее время самую длинную пьесу. Въ этомъ случаѣ надобно однакожь предположить, что наше ухо получило способность различать чрезвычайно быструю послѣдовательность звуковъ, также точно какъ глазъ разсматривать вихрь мелькающихъ образовъ цѣлой исторіи въ безконечно малое время.

Музыкальная пьеса, сохраняя свою цѣлостъ, можетъ быть исполнена въ безконечно-малое время; поэтому мы можемъ считать, что эта пьеса существуетъ сама по себѣ независимо отъ времени, которое необходимо на ея исполненіе. Здѣсь время только необходимо для нашихъ несовершенныхъ чувствъ, для нашего уха, такъ устроеннаго, что оно можетъ явственно различать звуки только въ нѣкоторой ихъ послѣдовательности.

Точно такъ и развитіе событій можетъ и должно не зависеть отъ времени.

Намъ возразятъ, положимъ, что время уменьшено до безконечности, но все же нельзя совершенно уничтожить нѣкоторую продолжительность событій. На это мы отвѣтимъ, что смотря даже съ точки зрѣнія положительной науки, нѣтъ разности между количествомъ безконечно малымъ и нулемъ. Притомъ это возраженіе можетъ быть опровергнуто очень просто, продолжая предъидущее сравненіе. Намъ нѣтъ надобности смотреть на потныя страницы, на которыхъ музыкальная пьеса написана. Пьеса существуетъ вся, въ цѣлости, сама по себѣ, а не чрезъ послѣдовательное ея изображеніе. Время, употребляемое музыкантомъ на прочтеніе пьесы, зависитъ не отъ сущности самой пьесы, а только отъ физической невозможности схватить содержаніе всей

страницы въ бесконечно-малое время. Возьмемъ другой примѣръ: зеркало отражаетъ всѣ предметы, предъ нимъ находящіеся, не одинъ послѣ другаго, но вдругъ, всѣ вмѣстѣ, безъ малѣйшаго промежутка времени. Всѣ эти доводы ясно показываютъ, что время не что другое, какъ условіе человеческого разума, котораго ограниченность не позволяетъ понимать вещи, какъ только раздѣльно, между тѣмъ какъ событія могутъ развиваться сами по себѣ, въ болѣе или менѣе краткій промежутокъ, нисколько не завися отъ времени. Мысль, идея является мгновенно. Она является вдругъ во всей своей цѣлости и полнотѣ, но для сообщенія ея другому нуженъ нѣкоторый промежутокъ времени, равно какъ и слушателю для понятія ея. И такъ, время не составляетъ необходимости для рожденія и существованія идеи, оно только нужно для сообщенія ея и понятія другому. Будемъ продолжать наши разсужденія: мы видѣли, что вселенная составляетъ одно недѣлимое цѣлое, и что только несовершенство нашихъ способностей заставляетъ насъ раздѣлять ее на разнородныя части въ отношеніи къ времени и пространству. Потому мы отдѣлили вопросъ о *времени* и показали, что оно само по себѣ какъ бы не существуетъ, а составляетъ только условіе по несовершенству нашихъ способностей. Намъ остается подобнымъ же образомъ разсмотрѣть идею и о *пространствѣ*.

Мы видѣли, что вопросъ о продолжительности или краткости времени имѣетъ смыслъ, когда сравниваемъ его съ определеннымъ промежуткомъ времени; при сравненіи же съ періодомъ времени бесконечнымъ, вопросъ не имѣетъ болѣе никакого значенія, потому что конечное, сравниваемое съ бесконечнымъ, обращается въ ничто. Тоже самое выйдетъ и съ пространствомъ. Вселенная, какъ твореніе, взятая до самыхъ отдаленныхъ ея границъ, до едва мелькающихъ звѣздъ и туманныхъ пятенъ, удаленныхъ отъ насъ на непостижимыя разстоянія, составляетъ одну только точку въ сравненіи съ пространствомъ, которому нѣтъ конца.

Постараемся сдѣлать это яснымъ чрезъ простое сравненіе, какъ мы дѣлали въ отношеніи къ *времени*. Положимъ, что съ сего дня всѣ размѣры вселенной уменьшились на половину и всѣ разстоянія сократились въ той же пропорціи. Намъ рѣшительно невозможно будетъ замѣтить и повѣрить, еслибъ намъ сказали, что такая перемѣна послѣдовала съ нами и со всѣмъ свѣтомъ. Мы будемъ думать, какъ Лиллипуты Гуливера, что имѣемъ нор-

мальную величину. Если все предметы уменьшены будутъ въ миллионъ, въ триллионъ разъ, мы и тогда не замѣтимъ ни малѣйшей переменны, и если наша система неподвижныхъ звѣздъ, со всемъ въ ней заключающимся, вдругъ и пропорціонально уменьшится до песчинки, мы будемъ точно также жить и двигаться на этомъ микроскопическомъ шарикѣ какъ и на теперешнемъ. Мы не дадимъ себѣ отчета ни въ какой перемены, потому что ни что не дастъ намъ идеи о другой, прежде бывшей вселенной, и вопросъ, не произошло ли перемены въ *пространствѣ*, будетъ имѣть для насъ также мало смысла, какъ и прежній вопросъ о *времени*, еслибъ оно вдругъ пропорціонально сократилось.

Полагая, что вселенная доведена до самыхъ мельчайшихъ размѣровъ, для насъ все еще трудно уничтожить идею о пространствѣ и свести его въ недѣлимую точку. Мы уже отвѣчали на это возраженіе въ отношеніи къ времени, говоря словами науки, что безконечное малое и точка одно и тоже. Покажемъ однакожъ поразительнымъ примѣромъ, безъ всякаго насилія разсудку, что расширеніе пространства, удаленіе или приближеніе предметовъ происходитъ только отъ ограниченности нашихъ способностей, отъ несовершенства нашихъ чувствъ, которые не дозволяютъ намъ взирать на вселенную какъ на недѣлимую точку, но принуждаютъ насъ разлагать ее и давать ей три размѣренія: длины, ширины и высоты. Эти три размѣренія мы, по необходимости, приписываемъ пространству, и безъ нихъ не можемъ вообразить никакого матеріальнаго существованія. Притомъ въ дѣйствительности для насъ нѣтъ длины безъ ширины и ширины безъ высоты. Въ самомъ дѣлѣ, что имѣетъ два только измѣренія, не составляетъ еще тѣла, а только служитъ раздѣленіемъ одного тѣла отъ другаго, т. е. составляетъ поверхность; также, что имѣетъ одно только измѣреніе, напримѣръ длину, не составляетъ ни тѣла, ни поверхности, но только показываетъ разстояніе одной поверхности отъ другой, т. е. линію. Итакъ, чтобы нашъ разумъ могъ понять физическое пространство, необходимо, чтобы мы находили въ немъ эти три размѣренія: или, другими словами, три размѣренія длины, ширины и высоты составляютъ существенное свойство каждаго пространства.

Существенное свойство каждой вещи таково, что, отнимая его, вещь перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Напримѣръ, равенство четырехъ сторонъ квадрата и прямые его углы составляютъ существенныя свойства этой фигуры: если одна сторона

перестанетъ быть равною другимъ, если одинъ изъ угловъ перестанетъ быть прямымъ, фигура перестанетъ быть квадратомъ, а сдѣлается другимъ четырехугольникомъ, и мы не станемъ слушать того, кто бы сталъ утверждать противное. Приложимъ это начало къ идеѣ пространства, или, все равно, къ идеѣ тѣла. Всякое ограниченное тѣло должно имѣть три размѣренія: длины, ширины и высоты, безъ чего тѣло перестаетъ быть тѣломъ.

Положивъ это, если мы какимъ-нибудь способомъ дойдемъ до неоспоримаго заключенія, что какое-нибудь тѣло не имѣетъ трехъ размѣреній, что поверхность не имѣетъ двухъ; изъ этого необходимо будетъ слѣдовать, что такое тѣло — не тѣло, что такая поверхность — не поверхность и что мы ихъ почли такими по какому-нибудь обману чувствъ или ложному разсужденію. Тоже самое можно сказать и о точкѣ. Мы называемъ точкою, что не подлежитъ дѣленію. Если мы, однакожъ, найдемъ многіе элементы, заключенные въ одной точкѣ, то или точка перестанетъ быть точкою или элементы не будутъ въ дѣйствительности различны, а только покажутся намъ такими по ограниченности нашихъ идей и несовершенству чувствъ. Эти заключенія очевидно неопровержимы и мы можемъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ, будучи увѣрены, что читатель въ этомъ отношеніи вполне съ нами согласенъ.

Есть одинъ оптическій аппаратъ, известный всѣмъ, подъ названіемъ волшебнаго фонаря. Онъ устроенъ для произведенія слѣдующихъ результатовъ. Лучи, долженствующіе воспроизвести изображенія предметовъ, нарисованныхъ на стеклѣ прозрачными красками, проходятъ чрезъ чечевицеобразное стекло, имѣющее свойство отражать падающіе на его поверхность лучи и соединять ихъ въ одну точку, называемую фокусомъ. Пройдя эту точку отраженные лучи начинаютъ расходиться въ обратномъ порядкѣ, составляя конусъ, вершина котораго есть фокусъ. Въ некоторомъ разстояніи отъ этой точки изображеніе освѣщеннаго предмета выходитъ наоборотъ, въ чемъ можно удостовѣриться, направляя конусъ лучей на стѣну, на которой предметъ будетъ изображаться тѣмъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ дальше отстоитъ отъ стѣны фокусъ. Если стекло, существенная часть этого прибора, будетъ правильно выполировано и поставлено съ математическою точностью въ должномъ направленіи, если стѣна будетъ совершенно гладкая, то, приближая къ пей волшебный фонарь до-тѣхъ-поръ, пока фокусъ упадетъ на самую

ствну, свѣтлое изображеніе предмета уменьшится до одной блестящей точки. Въ этой точкѣ будетъ заключаться цѣлая поверхность изображенія. При удаленіи фонаря отъ стѣны, точка свѣта начнетъ расширяться и камъ опять явится вполнѣ изображеніе. И такъ, эта свѣтлая точка содержитъ въ себѣ цѣлую картину со всеми ея частями, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой видъ, свои краски: весь предметъ дѣйствительно вмѣщается въ одну блестящую точку. Теперь мы убѣждены ощутительнымъ примѣромъ, что недѣлимая точка можетъ содержать въ себѣ многоразличныя части въ тѣснѣйшемъ между собою соединеніи.

Этотъ результатъ, кажется, совершенно противорѣчитъ съ общепринятыми идеями. Разрѣшеніе этого противорѣчія находится въ нашей гипотезѣ, что вселенная, или пространство, содержащее въ себѣ все доступное нашимъ чувствамъ, составляетъ одно недѣлимое цѣлое, и что кажушіеся намъ въ немъ различные элементы есть только слѣдствіе ограниченности нашихъ чувствъ и понятій.

Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ волшебнаго фонаря, мы видимъ, что поверхность можетъ уменьшаться до одной точки, которая будетъ вмѣщать въ себѣ всѣ отдѣльныя части поверхности; итакъ эти части для существованія своего не имѣютъ надобности въ пространствѣ. Точка замѣняетъ поверхность и также тѣло; но мы, по ограниченности нашихъ способностей, для разсмотрѣнія предметовъ должны расширять вмѣщающую ихъ точку, чтобъ сдѣлать изъ нея поверхность или пространство.

Итакъ мы показали, что поверхность должна быть почитаемая только за средство дѣлать доступными для нашихъ чувствъ положеніе и отношеніе предметовъ, или, другими словами, дать намъ возможность къ наблюденію ихъ. Такимъ образомъ, мы уничтожили одно изъ существенныхъ свойствъ *пространства*; отсюда слѣдуетъ, что пространство не есть нечто дѣйствительно существующее, но не болѣе какъ условіе, для понятія ограниченными нашими чувствами предметовъ.

Мы истощили аргументы, которые желали представить читателю, и показали ему, что вселенная для существованія своего не имѣетъ надобности въ *пространствѣ* и *времени*, и что только наши несовершенныя способности заставляютъ насъ представлять ихъ за дѣйствительныя и необходимыя для изясненія видимыхъ нами предметовъ и ихъ явленій.

Но смертному не дано проникнуть въ тайны дѣлъ Божескихъ.

Онъ не можетъ приподнять и малѣйшаго угла завѣсы, скрывающей отъ взоровъ его бездну мудрости творенія. Въ благоговѣйномъ трепетѣ, онъ, изъ глубины своего сердца, можетъ только воскликнуть: «Чудны дѣла Твои, Господи; вся премудростію сотворилъ еси!»

II. Новосильскій.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІІ ТЕАТРА ВЪ РОССІИ,

СОБРАННЫЕ

Г. ГЕННАДИ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

I.

(Изъ журнала *Ruthenia oder Deutsche Monatsschrift in Russland*. Herausgegeben von F. V. Albers und T. C. Brosse. 1812. 3 Band стр. 140 — 146. Это, позаимчано редакціи, отрывокъ изъ рукописныхъ записокъ актера, назначенныхъ къ печати подъ заглавіемъ: *Zoh. Engelmanns Lebenserfahrungen*).

Немного театровъ, которые бы подобно петербургскому нѣмецкому подверглись въ такое короткое время столькимъ страннымъ и различнымъ перемѣнамъ. Начало его незначительно. Какой-то господинъ Рундалеръ (*Rundhaler*) прибылъ на удачу въ Петербургъ съ наскоро собраннымъ обществомъ актеровъ. Между ними были однако нѣкоторые порядочные, какъ недавно здѣсь умершая г-жа *Мюллеръ*, *Шредеры*, мужъ и жена, и г. *Дерминъ*, нынѣ совѣтникъ (*Bathskonsulent*) въ Феллинѣ. Г. *Мире*, извѣстный въ Германіи по своимъ подвигамъ въ фехтованіи, успѣлъ черезъ подписку собрать довольно значительную сумму, принялъ на себя завѣдываніе театромъ, выписалъ нѣсколько новыхъ актеровъ изъ Германіи и игралъ сначала съ перемѣнчивымъ успѣхомъ. Нельзя было достигнуть желаемого совершенства, потому что лучшіе изъ выписанныхъ членовъ скоро вышли, именно г-жи

Фосъ и *Вейраухъ* (Wohss und Weyrauch), г. *Гейде* (Heyde) изъ Веймара и г. *Брюкъ* (Bruck'l) съ семействомъ изъ Праги. Между тѣмъ выступалъ предъ публикою нѣкто *Эвестъ* (Ewest), отставной саксонскій военный, а его сорокалѣтняя супруга имѣла духъ играть семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ. Одинъ господинъ *Боркъ*, впрочемъ, не безъ таланта, позволялъ себѣ выходить изъ своей роли и отпускалъ шуточки. Одинъ господинъ *Линднеръ* иногда, представляя героя, или отца семейства, говорилъ ужасный вздоръ.

Вотъ каковы были эти люди, которые должны были занимать благовоспитанное петербургское общество. Но было бы несправедливо судить по нимъ обо всѣхъ. Г-жи *Мюллеръ* и *Мире*, г-да *Линденштейнъ*, *Виландъ* и *Мюллеръ* и многіе другіе могли бы выйти съ честью на любую сцену.

Года черезъ полтора по открытіи этого театра, Императору Павлу Петровичу благоугодно было подчинить театръ правительственному управленію и назначить директоромъ его писателя г. *Коцебу*.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Императора Александра I-го, *Коцебу* получилъ увольненіе съ 1500 р. пенсіона и чиномъ коллежскаго совѣтника. Г. *Мире* снова получилъ управленіе и сверхъ того 25,000 рублей ежегоднаго вспоможенія отъ казны. Но такъ какъ онъ выписалъ и собралъ огромную труппу, то расходы превышали сборы, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ дирекцію. Нѣмецкій театръ порученъ былъ предварительно на три года актеру *Арресто*, съ назначеніемъ ему ежегодно на издержки прибавочныхъ 30,000 рублей. Но случай положилъ конецъ всему этому предпріятію. Ночью съ января на февраль 1806 года, театръ, по представленіи оперы *Фаншона* сгорѣлъ, и всѣ декорации, довольно хорошія, вмѣстѣ съ другими принадлежностями сдѣлались добычею пламени. Этимъ окончилось бы совершенно существованіе нѣмецкой петербургской сцены, еслибъ Императору Александру I-му не угодно было отдать нѣмецкій театръ въ управленіе г. Нарышкину.

Нынѣ, въ 1810 году, Монархъ, послѣ того, какъ управленіе это было въ рукахъ то г-на *Данкельмана*, то доктора *Мауна*, поручилъ его достойному г. *Ризенкапфу*, статскому совѣтнику и кавалеру. Отъ вліянія этого способнаго человѣка ожидаютъ многа-

го. Между актерами и пѣвцами теперь блистаютъ дѣвица *Брюкъ* (Bruck') г-жи *Дальбергъ* и *Гергардъ* (Dahlberg, Gebhardt) и г-да *Линденштейнъ*, *Эльменрейхъ*, *Цейбицъ*, *Гергардъ*, и проч.

Французскій театръ занимаетъ въ Петербургѣ первое мѣсто, какъ по значенію своей труппы, такъ и по участию публики. Последнюю составляютъ не только всѣ живущіе здѣсь французы, большею частью незнающіе другихъ языковъ, по крайней мѣрѣ нѣмецкаго, но и русскіе господа, которые любятъ французскій языкъ, потому что привыкли къ нему съ дѣтства.

Извѣстная подъ именемъ дѣвицы *Феликсъ*, г-жа *Андріе* (Andrieux) теперь исполняющая роли г-жи *Шевалье*, актриса съ большими достоинствами. Она имѣетъ 6000 р. жалованья и бенефисъ, доставляющій столько же. Тотчасъ послѣ ея дебюта были взяты по абонименту всѣ ложи за значительную плату 1000 рублей. Есть ли гдѣ нибудь въ Европѣ другая столица, гдѣ бы столько давали и могли бы давать за театральныя зрѣлища? Театръ этотъ имѣетъ искуснаго капельмейстера въ лицѣ г-на *Париса* и славнаго опернаго композитора *Боальдѣ*.

Русскій театръ до сихъ поръ не могъ стоять на высокой степени совершенства. Однако, не смотря на мое незнакомство съ русскимъ языкомъ, я могъ замѣтить, что въ немъ есть хорошіе, ловкіе актеры. Особенно хорошо играютъ народныя пьесы: *Мельникъ* и *Сбитеньщикъ*, въ которыхъ, кромѣ народныхъ пѣсенъ, нравится легкая, естественная, живая игра актеровъ.

Извѣстно, что русская драматическая литература еще бѣдна оригинальными произведеніями, хотя между немногими и есть превосходныя. Большая часть ихъ театральныя пьесъ переведены съ французскаго, а еще болѣе съ нѣмецкаго, и особенно изъ сочиненій Коцебу. *Эдиль въ Авинахъ*, г. Озерова, и опыты молодого стихотворца Ильина (*Лиза или торжество благодарности*, *Рекрутскій наборъ* и нѣкоторыя другія) обогатили русскую сцену. И въ Москвѣ появляются хорошія вещи, между которыми приводятся и знающими цѣнителями похваляются, какъ отличныя произведенія: *Клевета и невинность*, *Бѣдная Лиза*, изъ разсказа Карамзина, объ Василья Федорова, и *Ермакъ, покоритель Сибири*, Плавильщикова.

Итальянской оперы нѣтъ болѣе. Но тѣмъ блистательнѣе балетъ, который по великолѣпію и искусству вѣроятно не уступитъ никакому балету въ свѣтѣ. Стоитъ только назвать *Ле-Пика*, *Ро-*

лу Коллине (Collinet), Дидлато, чтобъ возбудить въ каждомъ выгодное предубѣжденіе, которое никого не обманетъ.

Всѣ эти театры стоятъ, говорятъ, кассѣ ежегодно 500,000 р.

—

II.

Изъ петербургскаго ежемѣсячнаго нѣмецкаго журнала: Constantinopel und St. Petersburg der Orient und der Norden. Перваго, 1805 года, девятая книжка, стр. 33 39.

Къ увеселеніямъ столицы принадлежатъ зимою балы въ клубахъ: Музыкальномъ, Нѣмецкомъ и Американскомъ и обоихъ танцевальныхъ собраніяхъ, нѣмецкіе и англійское собранія, въ которыхъ участвуютъ по особой подпискѣ, общественныя маскарады, большіе концерты проѣзжихъ артистовъ, представленіе у комедиантовъ * и фокусниковъ, а лѣтомъ гулянье за городъ и по Невѣ.

Но блистательнѣйшее и отличнѣйшее мѣсто между этими общественными увеселеніями занимаютъ театры, въ которыхъ даются представленія круглый годъ, и только прерываются великимъ постомъ, во время придворныхъ трауровъ и зимою, когда холодъ болѣе 17-ти градусовъ. При извѣстномъ великолѣпнѣи русскаго двора, можно ожидать всего лучшаго, тѣмъ болѣе, что содержаніе четырехъ театровъ русскаго, нѣмецкаго, французскаго и итальянской оперы стоитъ правительству ежегодно 500,000 рублей и можетъ быть свѣше. На содержаніе однихъ только каретъ, особенно устроенныхъ для развозки актеровъ, отпускается 26,000 рублей, и въ этой суммѣ не полагаются издержки на выѣзды въ загородные дворцы.

По достовѣрному извѣстію (въ Шторховомъ сборникѣ, Ruslandeunter Alexander I, тетрадь 2, стр. 253 и тетрадь 7, стр. 166) изъ кабинета препровождается ежегодно въ театральную дирекцію 234,000 рублей. Къ этому должно еще присоединить сборъ съ представленій русскаго и нѣмецкаго театровъ, который недавно доходилъ до 130,000 рублей. Слѣдовательно, итогъ можетъ быть 164,000 рублей. На эту сумму дирекція должна содержать фран-

* Г-нъ Робертсонъ, воздухоплаватель предпрошлой зимою выманилъ не одинъ рубль у петербуржцевъ, иногда довольныхъ малымъ, своими фантазмагоріями, а въ прошломъ году женщиною невидимкою, кинетозографією.

цузскій и русскій театры, оркестръ и балетъ, и давать жалованье служащимъ.

Французская труппа, которая даетъ иногда и оперы, стоитъ 90,000 р., русская, 35,000 р., оркестръ 60,000, балетъ 40,000; остальное идетъ на гардеробъ и прочее. Въ мартъ нынѣшняго 1805 года, по повелѣнію Государя нанята и итальянская опера, чѣмъ увеличился расходъ на 42,000 р. *Казаси*, бывшій до сихъ поръ частный директоръ ея, не только что получилъ 15,000 р. вознагражденія и мѣсто при управленіи придворною оперой, но и освобожденіе отъ своихъ довольно значительныхъ долговъ, которые были заплачены отъ двора, принявшаго также исполненіе заключенныхъ имъ контрактовъ.

Г-нъ *Мире*, содержавшій отъ себя нѣмецкій театръ и получавшій ежегодно отъ двора 5000 р. вспоможенія, также сдѣлавъ въ 1803 году представленіе о невозможности поддерживать театръ, при ежегодномъ сборѣ около 80,000 и при означенномъ вспоможеніи. Поэтому Государь Императоръ соизволилъ заплатить его долги, простиравшіеся, какъ говорятъ, до 56,000 рублей и опредѣлили выдавать ему ежегодно для поддержки 25,000 рублей. Кроме того, онъ получилъ исключительную привилегію на девять лѣтъ.

Оберъ-директоръ Императорскихъ театровъ русскаго, французскаго и итальянскаго до сихъ поръ обергофмаршалъ и оберкамергеръ *Нарышкинъ*, и съ нимъ два совѣтника и секретарь составляютъ дирекцію. Въ конторѣ театральнoй состоятъ кассиръ, бухгалтеръ, комиссаръ, переводчикъ, два штабъ-хирурга, два хирурга, гоффурьеръ, наблюдающій за чистотою въ театрѣ и освѣщеніемъ, 28 капельдинеровъ, 8 разносчиковъ, и проч.

Персональ театровъ теперь состоитъ изъ 2 суфлеровъ, 22 актеровъ и хористовъ и 14 актрисъ для всякихъ ролей. Балетъ для русской и французской сцены состоитъ изъ находящагося давно уже на пенсіонѣ балетмейстера Лепика, 11 солистовъ и 7 солистокъ, 19 фигурантовъ и 18 фигурантокъ. Нотная контора имѣетъ смотрителя, 11 копистовъ и фортепяннаго мастера. Далѣе къ обоимъ театрамъ принадлежатъ 4 декоратора, 7 живописцевъ, 1 скульпторъ и 2 красильщика, 2 машиниста и 30 столяровъ, 2 бутафора или реквизитора, 5 портныхъ съ 6 подмастерьями, парикмахеръ съ 9 помощниками, всего 219 человекъ.

Въ Императорскомъ, привилегированномъ нѣмецкомъ театрѣ,

подъ дирекціею названнаго уже Мира, считается 18 актеровъ и столько же актрисъ и суфлеръ. Для балета этого театра съ 1804 года приглашено директоромъ 20 человѣкъ. Оркестръ, кромѣ директоровъ музыки и оперы и капельмейстера, состоитъ изъ 29 человѣкъ; всѣхъ же 98 человѣкъ.

Въ Императорскомъ французскомъ театрѣ одинъ режиссеръ, 12 актеровъ и столько же актрисъ; для оперы 6 пѣвцовъ и 8 пѣвицъ и два суфлера, всего 42 человѣка.

Императорскій итальянскій театръ имѣетъ, кромѣ инспектора, 6 пѣвцовъ и 4 пѣвицы, стало быть всего 11 человѣкъ, считая и г-жу *Мачіорлетти* прима-донну.

Инспекторомъ всей придворной музыки теперь любимый сочинитель, коллежскій совѣтникъ Козловскій. Кромѣ его два капельмейстера, 4 директора, 15 концертистовъ и солистовъ и 108 музыкантовъ. И такъ, всего при театрѣ занято до 500 человѣкъ.

Французскій театръ, преимущественно передъ другими поощряется высшимъ и образованнымъ обществомъ. Въ итальянскій болѣе ходятъ смотрѣть комическія оперы, а въ нѣмецкій, когда даютъ «Русалку,» «Чортову мельницу» и тому подобныя штуки. На всѣхъ здѣшнихъ сценахъ есть хорошіе актеры, но вообще въ цѣломъ представленія могли бы идти лучше. Декораціи, костюмы и танцы лучше всего на французскомъ. Осенью и зимою французы играютъ по два раза въ недѣлю въ Эрмитажѣ; русскія, нѣмецкія и итальянскія представленія бывають при дворѣ рѣдко. Русскій театръ постоянно совершенствуется.

Извѣстно, что большой Каменный театръ служитъ попеременно для французскихъ и русскихъ спектаклей; итальянскія оперы обыкновенно даются въ новомъ маленькомъ театрѣ при Императорскомъ дворцѣ, а нѣмецкія въ Кушелевскомъ (бывшемъ Ланскаго) домѣ на дворцовой площади. Такъ какъ народонаселеніе столицы ежегодно увеличивается, и число зданій театральныхъ оказывается недостаточнымъ, то вѣроятно скоро воздвигнется новое и большее зданіе. Оно, какъ говорятъ, будетъ находиться посрединѣ боковой Апраксинской площади, окруженной только нѣсколькими лавками, и простирающейся отъ праваго берега фонтанки до сѣнной улицы, противъ новаго Банка. Кругомъ выстроятся помѣщенія для декорацій, гардероба и прочаго.

III.

Théâtre de l' Hermitage de la Majesté l'Imperatrice de toutes les Russies. 1787
St. Petersbourg. A l'Imprimerie de l'Academie des Sciences. Въ листъ, загла-
вія, посвященіе и текстъ на 2 и 7 листовъ чертежей.

Книга эта посвящена авторомъ ея и строителемъ эрмитажнаго театра, архитекторомъ *Гваренги* (Jaques Quarenghi) Императрицѣ Екатеринѣ II. Она содержитъ въ себѣ весьма краткій (на 2 стр.) очеркъ зданій театровъ древности и эрмитажнаго, построеннаго на подобіе древнихъ амѳитеатровъ. Вотъ что говорить Гваренги о постройкѣ своей:

Изложивъ въ немногихъ словахъ свѣдѣнія о театрахъ древнихъ, я бы могъ сообщить здѣсь подробное описаніе эрмитажнаго. Но по предположенной мною краткости и потому что планы достаточны, я предоставляю знатокамъ рассмотреть и сравнить ихъ, чтобъ увидѣть, какимъ образомъ я далъ театру античный видъ и примѣнить къ нему нѣкоторыя условія древнихъ зданій. Я сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній на счетъ того, чего невидно изъ плановъ.

Театръ этотъ былъ назначенъ для Ея Императорскаго Величества и Ея двора. Онъ довольно обширенъ для великолѣпнѣйшихъ представлений, и принадлежности его ничѣмъ не уступаютъ извѣстнѣйшимъ театрамъ.

Въ театрѣ этомъ нѣтъ никакихъ особенныхъ мѣстъ и, при отсутствіи этикета, всякій можетъ садиться, гдѣ хочетъ.

Я сдѣлалъ амѳитеатръ полукружіемъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что каждый изъ зрителей удобнѣе видитъ сцену; во-вторыхъ, что зрители хорошо видятъ другъ друга и доставляютъ прекрасную картину глазамъ, когда театръ бываетъ полонъ.

Я старался придать архитектурѣ театра благородство и простоту; украшенія употребилъ самыя приличныя по назначенію зданія.

Колонны и стѣны сдѣланы подъ мраморъ.

Въ коринтскихъ капителяхъ я помѣстилъ сценическія маски, по примѣру разныхъ древнихъ капителей, видѣнныхъ мною въ Римѣ и въ особенностяхъ въ Помпѣѣ.

Въ десяти углубленіяхъ *просцениума* я поставилъ статуи Аполлона и семи музъ, а надъ ними бюсты и медальоны современныхъ знаменитостей театра, именно, двухъ славныхъ композиторовъ *Жомелли* и *Буранелло* и ихъ поэтовъ *Метастазія*, *Мольера*, *Расина*, *Вольтера*, *Сумарокова* и другихъ.

Надъ авансценою и оркестромъ я сдѣлалъ своды изъ сосноваго дерева для отголоска.

Фасадъ на Неву уставленъ статуями извѣстнѣйшихъ поэтовъ Греціи.

Щедроты, излитыя на меня Ея Императорскимъ Величествомъ и еще болѣе то участіе, которымъ Ей угодно было почтить этотъ трудъ, даютъ мнѣ смѣлость думать, что мнѣ удалось исполнить планъ мой и сдѣлать этотъ театръ пріятнымъ, покойнымъ, удобнымъ для слуха и глазъ зрителей и совершить дѣло, соединяющее древнюю сцену съ нынѣшнею.

На первыхъ двухъ листахъ помѣщены гравированные чертежи древняго театра. Затѣмъ сообщены планы, фасадъ, разрѣзъ и видъ сцены театра Эрмитажа.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Риг-Веда и гимны Индусовъ. — Проспектъ Мериме (*статья Густава Планша*). **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВО:** Сцены и очерки парижской театральной жизни. (*Статья первая*). **ОТКРЫТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Искусство дышать. — Аппаратъ для осмотра газопроводныхъ трубъ. — Цементъ, неразрушаемый морскою водою. — Изслѣдованіе цвѣта розъ. — Ученый конгрессъ въ Ливерпулѣ. — Героглифы и гвоздеобразныя надписи. — Задача конкурса германскихъ врачей. **АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ:** Водолечебное заведеніе въ замкѣ Исси (*изъ письма путешественника*). — Китайскія пословицы о женщинахъ. — Сохраненіе пивовкъ. — Праздникъ любителей живописи. **ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Бѣлые и Черные на антильскихъ островахъ (*изъ воспоминаній туриста*). **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ:** Крокодилъ ученый (*естественная и не естественная исторія*). — Злато мечтанье пустое! (*разсказъ Мери.*) — Парижская жизнь. — Лондонскія письма.

Риг-веда и гимны Индусовъ.—Болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ небольшое племя воинственныхъ пастырей, вышедшее по вѣснмъ вѣроятностямъ изъ равнинъ, находящихся между Каспійскимъ и Аральскимъ моремъ, спустилось съ холодной полосы верхней Азіи въ прекрасныя страны, омываемыя Индомъ, Гангомъ и Джамунаемъ. Это было Арійское племя, увлекаемое инстинктомъ переселеній; оно рѣшительно шло впередъ, отыскивая себѣ новое отечество. Греческіе историки, писавшіе за сто или за двѣсти лѣтъ до похода Александра Македонскаго, находятъ это племя поселившимся уже подъ именемъ *Индійцевъ*. Но эти индійцы, называвшіе сами себя *почтенными людьми* (аріасъ), составляли только одну изъ трехъ вѣтвей великаго азіатскаго семейства, пранійскаго или арійскаго, колыбелью котораго были халдейскія равнины. Изъ двухъ прочихъ племенъ одно осталось на родинѣ: это было зейдское, изъ котораго происходили Мидійцы и Персы, другое было родоначальникомъ народовъ, которые, пройдя Кавказъ и слѣдуя по

обоимъ берегамъ Чернаго моря, заняли Малую Азію, а потомъ распространились по Европѣ. Это были Греки, Римляне, Кельты, Германцы, Славяне и пр. Филологія вполне подтверждаетъ связь, существующую между всѣми древними и новыми языками, на которыхъ говорили народы арійскаго племени.

Доказательство одинаковаго происхожденія не въ одномъ языкѣ. Когда начали изучать Санскритскую литературу, то нашли между народнымъ духомъ азіатскихъ племенъ и западныхъ націй неменѣе поразительныя отношенія. У индійскихъ арійцевъ замѣчаютъ направленіе къ умствованію и мечтанію, которыя раждаютъ философію и поэзію, видятъ живость воображенія. Какъ знаменитѣйшія націи древняго міра, они имѣли случай развить цивилизацію посреди варварскихъ племенъ и привить имъ свой діалектъ. Также какъ и Греки, были они одушевлены чувствами своего умственного превосходства. Гордясь своею породою какъ Римляне, они распространили свое владычество до предѣловъ извѣстнаго имъ міра. По несчастію, никакой новый элементъ, никакая животворная идея не обновила Индусовъ, отдаленныхъ отъ прочихъ великихъ націй, совершавшихъ въ свою очередь блистательные свои подвиги.

Обезсиленные долговременнымъ пребываніемъ въ климатахъ, благоприятствуемыхъ небомъ, и смѣшавшись, въ теченіи вѣковъ, съ туземными племенами, они не умѣли защищаться отъ нападений исламизма. Уже восемь столѣтій, какъ они стали упадать, но съ заботливымъ тщаніемъ сохранили свои религіозныя преданія.

Тогда какъ подъ вліяніемъ болѣе и болѣе развивающагося завоеванія и подъ владычествомъ новыхъ идей, безсознательно перешедшихъ отъ другихъ народовъ, эти преданія подвергались опасности совершенно исчезнуть, Европа приняла подъ свое покровительство памятники Санскритской литературы, и Брамины, хранившіе древніе тексты, согласились передать тайны этого діалекта европейцамъ, которыхъ страсть къ изученію внушала имъ довѣренность.

Глубокія изысканія Кольбрука и сира Вилліама Джонса о философіи Индусовъ первые открыли путь къ этимъ таинственнымъ книгамъ, скрывавшимся столько вѣковъ. Они открыли новый міръ.

Текстъ законовъ Ману, два раза напечатанный въ Калькутѣ съ комментаріями и переводомъ В. Джонса, открылъ организацію арійскаго общества, раздѣленнаго на касты за десять вѣковъ до нашего лѣтосчисленія, въ ту эпоху, когда браминство блистало, преобладая духовною силою надъ всѣми свѣтскими властями.

Магабгарата и *Рамайана*, *Иліада* и *Одиссея* этихъ народовъ, обожавшихъ героевъ, напечатаны были первая въ Калькутѣ, а вторая въ

Парижѣ. Эти поэмы обнаружили весь поэтический даръ Индійцевъ. *Пураны*, недавно переведенные Бурнуфомъ и Вильсономъ, служатъ сборникомъ всѣхъ мифологическихъ разсказовъ, всѣхъ легендъ Индусовъ.

Спекулятивная философія, драма, апологъ, столь любимый на востоцѣ, хроники—все это давно уже обнародовано въ Англіи, во Франціи и Германіи. Оставалось еще одно пріобрѣтеніе въ изслѣдоваціяхъ объ Индіи. Покуда *четыре веды*, или книги оставались манускриптами въ рукахъ Браминовъ, или въ библіотекахъ Индіи и Европы, трудно было, (чтобъ не сказать невозможно) составить себѣ идею о первобытныхъ временахъ Индускаго народа. Теперь веды обнародованы и переведены почти всѣ. Объ этихъ-то важныхъ трудахъ хотимъ мы поговорить, стараясь чтобъ всѣ ихъ поняли, а въ особенности о *Риг-Ведѣ*, составляющей предметъ нашего изученія.

Когда Аріицы достигли до Индіи, религія ихъ состояла изъ Сабензма. Они воздавали почести природѣ, превращенной въ божество; такова же была религія Халдейцевъ, Персовъ и большей части древнихъ языческихъ народовъ. Обожая Бога въ блистательнѣйшихъ его твореніяхъ, человѣкъ вскорѣ забылъ Создателя, котораго тщетно искалъ темными очами въ пространствѣ небесъ. Онъ обратился съ молитвами къ стихіямъ, которыя представлялись ему силами въ сравненіи съ его слабостью. Онъ обожалъ небесныя тѣла, которыми распредѣляются времена года и часы дня и ночи. Это помраченіе человѣческаго разсудка, это замѣненіе обожанія естественныхъ силъ природы, вмѣсто обожанія Творца, было первымъ шагомъ первобытныхъ народовъ къ многобожію (политеизму).

Раздѣленные на семейства или племена, которыя вскорѣ должны были сдѣлаться народами, Аріицы въ эту отдаленную эпоху не наполнили еще своего Олимпа безчисленнымъ множествомъ странныхъ боговъ. Земля, производящая предметы, нужные для пищи и жертвоприношеній, цвѣты и плоды, стада и хлѣбъ; вода, оплодотворяющая землю; вѣтры, распредѣляющіе временами года вліяніемъ своимъ на температуру; огонь, эмблема силы, сожигающей жертвоприношеніе; утренняя и вечерняя зари (близнецы — *Асвины*), указывающіе на часы молитвъ; луна, которую поэты благодарятъ за то, что она освѣщаетъ безъ жара; заря — символъ пробужденія природы, наконецъ тѣни предковъ (*питрисъ*), требующія части жертвоприношеній—вотъ какіе предметы были первыми божествами этихъ кочующихъ народовъ. Имъ приносили жертвы, имъ молились, имъ воспѣвали гимны и совершали обряды. Всѣ эти обряды распредѣлены въ *ведахъ*, которыя раздѣляются на четыре части: на *Риг-Веду* или книгу гимновъ: на *Ваджуръ-Веду*

(бѣлый и черный), въ которой всѣ подробности обрядовъ при жертвоприношеніяхъ; *Сама-Веда*, сборникъ гимновъ и воззваній, заимствованный изъ *Риг-Веды* и *Ядъ-Джура-веда* новѣ трехъ прочихъ.

Изъ четырехъ *ведъ* одну должно оставить въ сторонѣ, а именно четвертую и послѣднюю, потому что она произведена суевѣріемъ Брамминовъ.

Третья книга исчезаетъ передъ первыми двумя, изъ которыхъ взята. Вторая весьма важна. Названіе ея (*Яджу* отъ *Яди*, жертвоприношеніе) примѣнялось ко всѣмъ прочимъ четыремъ ведамъ, собраннымъ въ одну книгу съ поученіями, формулами и гимнами. Когда нынѣшнее распределеніе было установлено, каждая изъ четырехъ *ведъ* имѣла во время жертвоприношеній представителемъ своимъ отдѣльнаго жреца. Главный жрецъ (*адварию*) читалъ молитвы изъ *Яджу*; младшій жрецъ (готри) пѣлъ гимны изъ *Риг-Веды*, производя на огонь возліянія; пѣвчій (уд-готри) громко повторялъ мѣрнымъ голосомъ пѣсни изъ *Сама-Веды*, а Браммины, избранный обществомъ, произносилъ заклинанія заимствованныя изъ *Атарваны*.

Все религіозное и воинственное чувство Арійскаго народа видно въ гимнахъ *Риг-Веды*. Первое божество, ими призываемое — *Агни* (огонь).

«Пою *Агни* бога, жреца *Агни* великолѣпнаго, *Агни* главу жертвоприношеній. Да соберетъ здѣсь всѣхъ боговъ нашъ *Агни*, достойный восхваленія мудрецовъ (риши), какъ бывшихъ такъ и нынѣшнихъ. Да даруетъ *Агни* человѣку счастье, безпрестанно возрастающее, славное и поддерживаемое многочисленнымъ потомствомъ. *Агни*! чистое приношеніе, обхватываемое тобою со всѣхъ сторонъ воздымается къ богамъ.»

Въ этихъ простыхъ словахъ, начинающихъ одну изъ тысячи молитвъ *Риг-Веды*, больше идей нежели словъ, *Агни* (огонь) жрецъ, потому что онъ одинъ получаетъ жертву и несетъ ее къ богамъ. Блескомъ своего пламени онъ очищаетъ жертвоприношеніе. Слава его будетъ блистать на земли. У него будучи дѣти, которыя въ свою очередь будутъ совершать жертвоприношеніе его тѣни. Наконецъ жрецъ, бросивъ въ огонь очищенное масло, съ довѣрчивымъ удивленіемъ смотритъ, какъ оно поднимается къ небу, окруженное дымомъ, какъ солнце, окруженное золотистыми облаками. Потомъ посмотрите, какъ это пламя, блиставшее сперва на алтарѣ въ небольшомъ видѣ, возвышается, увеличивается и принимаетъ вдругъ исполнскіе размѣры. «Широкіе лучи, блистающіе какъ молнія, обхватываютъ *Агни*, средоточіе всякаго свѣта; центръ, въ которомъ онъ покоится, тоже что пещера льва, и пламя его почерпаетъ въ немъ безсмертную пищу, какъ въ нѣдрахъ глубокаго волкана».

Въ этихъ двухъ примѣрахъ большая разница въ тонѣ. Агни, представленный сперва божественнымъ духомъ, поглощающимъ жертвоприношеніе, является здѣсь отвлеченнымъ символомъ огня, грознаго, могучаго и почерпающаго силу въ самомъ себѣ. Такимъ образомъ въ Индійской поэзіи картины слѣдуютъ одна за другою, тѣняютъ другъ друга, перекрещиваются какъ молніи во время грозы. Каждая фраза содержитъ въ себѣ аллегорическій смыслъ, каждая аллегорія превращается вскорѣ въ легенду. Изъ того, что огонь обоготворенъ первый въ гимнахъ Риг - Веды, комментаторы заключили, что онъ первый и послѣдній, начало и конецъ (Альфа и Омега) мифологической группы Индійскихъ боговъ. Онъ предводитъ прочими богами въ званіи полководца (*сенапати*) и ему придается колесница. «Агни! привези боговъ на твоей колесницѣ».

Потомъ вдохновенный пѣвецъ, возгласивъ жаркую молитву, обращается къ совершающимъ обрядъ:

«Призываю къ этому жертвоприношенію трехъ богинь, приносящихъ радость *Илу*, *Саравати* и *Маги*. Пусть онѣ безбоязненно сядутъ на эту *кусу* (траву). Призываю и великаго *Тваштри*, умѣющаго принимать всѣ виды. Да будетъ онъ намъ другомъ».

У этихъ боговъ нѣтъ ни храмовъ, ни пагодъ. Алтарь ихъ — возвышеніе изъ дерна; онъ окруженъ оградой, около которой сидятъ внутри жертвоприносители и семейство, которое руками ихъ совершаетъ возліянія богамъ. Три богини, именуемая вмѣстѣ поэтомъ—три сестры, три музы, олицетвореніе гимна, слова и молитвы.

Нѣтъ сомнѣнія, что народъ, обожавшій поэзію въ видѣ стиховъ, и гармоническаго чтенія, чувствовалъ всю красоту своего языка. Чтоже касается до *Тваштри*, прозваннаго *Висвакарма* (котораго творенія разнообразны), это строитель, художникъ Олимпа Индійцевъ: это Вулканъ ихъ мифологіи, искусіе Греческаго Вулкана; онъ не только выковалъ стрѣлы молніи, но и невидимыя колесницы, переносящія небесныхъ жителей по волѣ ихъ и съ быстротою словъ; онъ же поддерживаетъ и починиваетъ, въ случаѣ нужды, нашу землю, потрясенную столькими переворотами. Если отнять у этого бога молотки и наковальню съ человѣческой формою, то это будетъ изображеніе огня, растопляющаго металлы, теплоты, разлитой въ воздухъ и скрытой въ нѣдрахъ земли.

Агни, огонь, самый неосязаемый и таинственный богъ, самый могущественный элементъ міра, долженъ былъ занимать первое мѣсто между богами Арійцевъ. Послѣ него слѣдуетъ *Индра*, многообразное божество, то вооруженное громомъ, какъ Юпитеръ, то стрѣляющій изъ

лука, какъ Аполлонъ. По какому случаю Индра въ первый разъ схватилъ въ руки свои молнію, объ этомъ древняя легенда въ *Магабхаратѣ* рассказываетъ высокимъ слогомъ. Надобно познакомиться съ этимъ мѣстомъ, чтобъ понять Индру. Мы постараемся сдѣлать очеркъ о немъ, сокративъ въ простомъ разказѣ этотъ длинный эпизодъ первой войны боговъ противъ Титановъ.

Давно когда-то жили *Донавасы*, или Титаны, которыхъ очень трудно было побѣдить оружіемъ. Они призывали къ себѣ *Калеясовъ* (черныхъ дѣтей *Кали*, желѣзнаго вѣка), которые тоже были весьма опасныя существа. Подъ предводительствомъ главы своего *Вритра* и вооружась всякаго рода оружіемъ, они напали на боговъ, предводимыхъ Индрою. Уже нѣсколько разъ боги вступали съ ними въ бой и не могли побѣдить ихъ. А потому вмѣстѣ съ Индрою отправились они къ верховному богу, создавшему міръ — Брамѣ. Онъ находился на высшей точкѣ небесъ, и видя всѣхъ прочихъ боговъ, склонившихся передъ нимъ, сказалъ:

— «Я совершенно знаю, о Девасы, что вы хотите совершить. Подите къ одному суровому и великодушному мудрецу, по имени Дадичи и скажите ему: дай намъ собственныя твои кости.

Девасы пришли въ пустыню мудреца, жившаго посреди сладкогласныхъ птицъ, посреди газелей и дикихъ звѣрей, привыкшихъ жить въ мірѣ подъ очами пустынника. На требованіе, объявленное ему богами, онъ отвѣчалъ:

— «Я вамъ сейчасъ отдамъ то, что для васъ будетъ полезно.

Боги взяли кости умирающаго мудреца и съ веселымъ лицомъ отдали ихъ Тваштри, сказавъ ему: «выполируй ихъ!» Тваштри принялся за работу; изъ костей мудреца выдѣлалъ онъ громовыя стрѣлы, потомъ вручилъ ихъ Индрѣ и сказалъ:

— «Этими стрѣлами, о Индра, преврати сегодня въ прахъ врага боговъ».

«Вооруженный громоносными стрѣлами и поддерживаемый могущественными божествами, Индра напалъ на Вритру. Вритра былъ защищенъ сыновьями Кали, окружавшими его огромными стѣнами, съ поднятымъ оружіемъ, подобнымъ остроконечнымъ горамъ. Тогда Девасы выдержали противу Данавазовъ (Титановъ) огромный бой, устранившій весь міръ. Мечи, поднятыя руками героевъ и ударявшіеся съ шумомъ, страшно падали на тѣла бойцевъ; головы усеяли всю землю, какъ пальмовыя листья, оторванные отъ ствола. Въ золотыхъ своихъ броняхъ, сыновья Кали, держа въ рукахъ дубины, устремились на Девасовъ, какъ на деревья горящаго лѣса. Боги не могли выдержать этого бы-

страго и сильного напора Титановъ, они были опрокинуты и съ страхомъ бѣжали.

Видя ихъ бѣгущими въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, и видя, что Вритра все возрастаетъ и усиливается, Индра почувствовала сильный упадокъ духа. Боязнь отъ мрачнаго демона произвела въ немъ такой страхъ, что Индра трепетала. Въ этомъ ужасѣ бросила онѣ на врага громовыя стрѣлы, и пораженный молніею Индры, Вритра, украшенный золотою гирляндю, упалъ. Убивъ предводителя Титановъ, Индра со страхомъ спрятался. Онѣ не чувствовала даже, что молнія ударила изъ рукъ его; онѣ былъ въ такой боязни, что не полагалъ видѣть Вритру убитымъ. Всѣ Девасы радостно привѣтствовали Индру, а прочіе боги безпрестанно убивали всѣхъ Кали, сокрушавшихся о смерти Вритры».

Арійцы почитали Индру своимъ главнымъ покровителемъ и призывали его на помощь слѣдующими гимнами:

«О Индра! приди къ намъ на помощь. Дай намъ золота, золото доставляетъ роскошь, побѣду, постоянную и прочную силу. Съ золотомъ и съ твоимъ покровительствомъ мы можемъ отразить нашихъ нѣшихъ и конныхъ враговъ. Съ твоимъ покровительствомъ, о Индра, мы беремъ за оружіе, которому ты придаешь силу молніи, и враги наши побѣждены въ бою».

Золото ослѣпляетъ уже взоры Арійцевъ. Въ этомъ блестящемъ металлѣ видятъ уже они эмблему силы и богатства.

«Когда ты хочешь усмирить волны и возвратитъ воздуху первобытную чистоту, тогда, о могущественный Индра! одѣлая насъ счастьемъ, ты мужественно поражаешь Вритру и открываешь намъ океанъ дождей.»

Вотъ Индра въ совершенномъ образѣ бога ээпра, *Jupiter et quandoque pluit, quandoque serenus*. Такъ думали греческіе философы и поэты объ ээпрѣ, а также о Юпитерѣ, летящемъ по пространству на своей крылатой колесницѣ, властитель боговъ и побѣдитель стихій. Предки индусовъ, пришедшіе съ плоскихъ возвышенностей верхней Азіи, безпрестанно должны были бороться съ болѣе или менѣе дикими ордами, занимавшими уже берега великихъ рѣкъ Индіи. На каждой странницѣ поминаютъ въ гимнахъ Рига - Веды о племенахъ, препятствующихъ празднованію жертвоприношеній. Многіе изъ этихъ гимновъ составляютъ родъ военныхъ пѣсней или молитвъ о истребленіи враговъ, столь же опасныхъ, какъ и презрительныхъ. Но тогда какъ прочіе народы, устремившіеся къ западу, опустошили все на пути, Арійцы съ энтузіазмомъ и твердостью идутъ впередъ, ограждая отъ окружаю-

щихъ ихъ варваровъ свои преданія, вѣру и раждающуюся образованность.

« — О боги! восклицаютъ они, да возможемъ мы съ вашею помощію и въ благоприятный день напасть на арміи враговъ. »

Обращаясь потомъ къ *Марутамъ* (боги вѣтровъ), они говорятъ:

« — О Маруты! подайте намъ прежнюю силу; вдохните въ нашихъ воиновъ неодолимое мужество, чтобъ они отражали всѣ нападенія непріятелей. »

Они умоляютъ также солнце-питателя (*Пушана*) удалить тѣхъ, которые захотятъ поразить ихъ.

Съвозъ лиризмъ этихъ одъ, струны человѣческихъ страстей все еще звучать.

Чтя гимны Риг-Веды, кажется, видишь семейства Арійцевъ, идущія въ густыхъ фалангахъ, глаза къ небу, лукъ въ рукѣ, то сражающихся подъ покровительствомъ Агни, Индры, Марутовъ, то поющихъ послѣ побѣды жертвоприносительные гимны. Странное дѣло! Во время этихъ интермедій и жертвъ совершается завоеваніе Индіи. О самомъ этомъ завоеваніи въ Ведахъ ничего не сказано. Имена вдохновенныхъ пѣвцовъ, жрецовъ и князей, сочинявшихъ гимны Риг-Веды и Сама-Веды всѣ сохранены, а о царяхъ, содѣйствовавшихъ своимъ мужествомъ къ основанію Арійской національности, едва упоминается.

Кто же тѣ враги, которые старались остановить нашествіе Арійцевъ и на которыхъ Веды призываютъ гнѣвъ боговъ? Скитающіеся варвары, отвратительные дикари съ включенными волосами, чернокожіе, бросающіеся на Арійцевъ во время утомительнаго ихъ шествія, или нападающіе на нихъ нечаянно, когда они селились гдѣ-нибудь.

По мѣрѣ того, какъ суевѣріе создавало новыхъ боговъ, какъ индійскій Олимпъ наполнялся Девасами, летающими на колесницахъ съ богинями, легенды изобрѣтали чудовищъ, враждебныхъ человѣку, — и у Индіи явился своя Химера, гидра, *тарраска*. И тогда же родились воины, Рама, пять Пондавасовъ, Кришна, Баларама и проч., которые освободили міръ, по примѣру рыцарей, отъ этихъ страшныхъ чудовищъ.

Между тѣмъ Арійцы, слѣдуя по теченію рѣкъ, спускающихся съ Гималая, идутъ впередъ по безвѣстнымъ имъ странамъ, не зная даже имени народовъ, какъ корабль, разсѣкающій волны незнакомаго океана. Однакоже довѣренность ихъ къ покровительству своихъ боговъ не дѣлаетъ ихъ недоступными страху. Привыкнувши вести жизнь пастырей на равнинахъ, они съ суевѣрнымъ безпокойствомъ смотрятъ на мрачные, непроходимые лѣса, изъ которыхъ дикіе ихъ непріятели нападаютъ на нихъ, какъ звѣри, похищая быковъ, лошадей, колесницы, со-

ставляющіе богатства первобытныхъ народовъ; — они съ опасеніемъ видятъ приближеніе ночи, покровительствующей порочнымъ людямъ и зловреднымъ животнымъ. Какъ скоро солнце сядетъ, они дѣлаются робкими и подобны обезоруженнымъ воинамъ. Въ эти минуты призываютъ они Индру, говоря ему:

« Умертви этихъ злыхъ духовъ, принимающихъ видъ филиновъ, собакъ, волковъ, ястребовъ. Удали тѣ зловредныя существа, кочующія и жестокія,носящія на себѣ лица мужчинъ или женщинъ. Умертви существо мужское или женское, употребляющее гибельное колдовство ». Поэтъ, говорящій такимъ образомъ, называется *Васишта*, самый серьезный и суровый изъ древнихъ мудрецовъ.

Съ радостію привѣтствуютъ опять Аріицы дневную зарю: « Заря принимаетъ опять блистательные отбѣнки, ведя за собою молитву и всеобщее пробужденіе. Она открываетъ намъ дневную дверь, она озаряетъ міръ и посѣщаетъ всѣхъ, живущихъ на землѣ. Какъ добрая мать, заря является, чтобъ покровительствовать всему человѣческому роду. Съ приходомъ ея останавливается полетъ духа ночи. »

Не утѣшительно ли для человѣчества видѣть, что за тридцать вѣковъ назадъ поэты умѣли извлекать изъ своего сердца и воображенія подобные звуки?

Изъ гимновъ Риг-Веды оказывается, что Аріицы, подобно европейцамъ, поселившимся въ Новомъ Свѣтѣ въ первые времена открытія Америки, образовали изъ себя три корпуса, были постоянные поселенцы въ *грамасахъ*. Это названіе означало неукрѣпленный городъ посреди полей, въ которомъ жили пастухи стадъ и земледѣльцы. По мѣрѣ усиленія грамасовъ, пастухи удаляются въ поле, около нихъ селятся земляшцы, расчищающіе новыя мѣста, и такимъ образомъ племена продолжали все идти впередъ.

Аріицы умѣли уже обдѣлывать желѣзо, употребляя его на оружіе и земледѣльческія вещи. Мы видѣли тоже, что золото было имъ очень хорошо извѣстно. Но настоящее ихъ богатство состояло въ быкахъ, коровахъ и лошадяхъ; быки служили для воздѣлыванія полей, коровы кормили племя молокомъ своимъ, а лошади везли колесницы воиновъ. Они говорятъ Индрѣ:

« Сдѣлай наше счастье, даруй намъ красоту тѣла, коровъ и лошадей ».

Въ словѣ *красота тѣла* видна гордость народа, желающаго сохранить чистоту своего племени посреди варваровъ. Корова сдѣлалась потомъ эмблемою Браминовъ, эмблемою земли, неприкосновеннымъ животнымъ. Корова, первое богатство Аріицевъ, сравнена поэтомъ съ лу-

чашъ развѣтающаго дня, съ прелестью зари, со всеми оттѣнками горизонта. Она подобно облаку лѣтъ на огонь жертвоприношеній питательный сокъ своихъ сосцевъ. Какое другое животное одарено такимъ плодородіемъ, щедрымъ въ своихъ дарахъ и дающимъ сокровища своего молока той рукѣ, которая ее доить? У лошади еще блистательнѣе роль. Не она ли устремляется съ ратникомъ въ бой. Самы боги Арійцевъ, подобно греческимъ, имѣютъ неутомимыхъ и чудныхъ лошадей. Индра пріѣзжаетъ къ жертвоприношенію на двухъ лазуревыхъ коняхъ. Иногда это благородное животное принимается въ мифологіи за колесницу солнца, иногда же и за самое солнце, по причинѣ быстрого бѣга и развѣвающейся гривы. Въ позднѣйшихъ легендахъ, одинъ побѣдоносный князь пошлетъ своего коня чрезъ весь міръ, и никто не осмѣлится остановить его. Онъ самъ возвратится къ своему господину и принесенъ будетъ тогда на жертву посреди величайшихъ торжествъ, которыя названы *асвамеда* (жертвоприношеніе коня).

Солнце — *Сохріа* (ходящій по небесамъ), называемое также *Савитри* (бросающій лучи) и *пушанъ* (кормилецъ) — почитается было арійцами наравнѣ съ Агни и Индрою. Эти божества представляютъ огонь, эфиръ и солнце, освѣщающее видимый міръ и развивающее понятливость людей.

— «Это ты, Савитри, говоритъ поэтъ, который одушевляетъ все эти двуногія, четвероногія животныя. О Савитри! излей сегодня на домъ нашъ кроткое и непобѣдимое покровительство. О Солнце! даруй намъ сегодня счастье, завтра счастье, всякій день счастье!»

Это блистательное солнце Индіи «простираетъ свои золотыя руки къ жертвѣ». У него и руки и языкъ изъ золота. Какъ скоро оно появится, небо принимаетъ цвѣтъ этого драгоценнаго металла. «Савитри вѣтаетъ и отражаетъ всюду золотую свою форму.»

Въ гимнахъ о солнцѣ можно чувствовать глубину небесъ и тишину утра при пробужденіи бога, который, *простирая золотыя свои руки, достигаетъ до предѣловъ небесныхъ.*

Въ гимнахъ ихъ видно уваженіе къ предкамъ. Извѣстно, что это одна изъ неразлучныхъ добродѣтелей первобытныхъ народовъ. Въ этихъ гимнахъ обращаются они къ своимъ предкамъ и воздаютъ имъ божескія почести. По этимъ гимнамъ можно видѣть всехъ родоначальниковъ арійскихъ племенъ, гораздо прежде вторженія ихъ въ Индію.

Въ гимнѣ *Сома*, — *нитри* (предки) пьютъ, какъ младенцы, эту жидкость. Сомъ составлялась изъ травы вонючки (*asclepiade*) съ молокомъ, перебродившимъ съ ячменемъ и другимъ зерновымъ хлѣбомъ. Это питье веселило боговъ. Еще сильнѣе дѣйствовало оно надъ людьми,

которымъ придавало, по словамъ поэтовъ, избытокъ жизни, здоровья, силу къ преодоленію враговъ и наконецъ блаженство по смерти. Въ честь *Сомы* древніе барды составили тысячи пѣней. Оно пользовалось божескими почестями наравнѣ съ *Инду* (луною), богомъ-покровителемъ Арійцевъ. Мудрецъ Готама обращается къ *Сомѣ* слѣдующимъ образомъ:

«О Сом! ты силенъ въ крѣпости, великодушенъ въ щедрости, изобиленъ въ богатствѣ; ты роскошенъ, ты великъ, ты наставникъ людей.»

Вездѣ видно воспоминаніе о предкахъ, уваженіе къ преданію, принесенныя изъ другихъ странъ; вездѣ мысль, что боги ведутъ Арійцевъ къ завоеванію новаго отечества. Это самая поразительная черта Ведъ.

Въ олицетвореніи *Сомы* видно, что образованность Арійцевъ была еще весьма недалеко, а потому этотъ мифъ долженъ принадлежать къ ихъ древнѣйшей эпохѣ, до переселенія арійскихъ племенъ. Народъ, воздающій такую почесть простому напитку, не знаетъ еще утонченностей жизни. Самое понятіе ихъ о богахъ своихъ совершенно матеріально. Они не иначе воображаютъ себѣ божество, какъ существомъ голоднымъ и жаднымъ, которое можно умолить только тучными жертвами.

Около боговъ: огня, зѣира и солнца, второстепенныя божества Арійцевъ были: *Заря*, *Сомы*, *Висвадevasы* (числомъ десять), *Асвины* (утренняя и вечерняя заря) и множество *Марутовъ*.

Маруты представляютъ олицетвореніе вѣтровъ, не тѣхъ легкихъ зефировъ, которые охлаждають атмосферу, но бурныхъ вѣтровъ, напитанныхъ дождями, которые низвергаются съ горныхъ вершинъ, ломають крѣпчайшія деревья, и, повидимому, летятъ вмѣстѣ, какъ стадо птицъ. Сидя на колесницахъ, везомыхъ оленями, эти непреодолимые побѣдители, вооруженные истребительными мечами, имѣютъ въ главѣ отца и предводителя *Рудра* (ужасный). Это символъ урагана и опустошительныхъ водяныхъ столбовъ, облетающихъ тропическія страны въ видѣ извы.

Въ позднѣйшей мифологіи этотъ *Рудра* будетъ съ ужасомъ обожаема подъ однимъ изъ видовъ *Сивы*, бога-истребителя.

Кромѣ того, есть гимны въ честь неопредѣленныхъ лицъ новѣйшаго апотеоза, которыхъ истинный характеръ еще не утверждёнъ истолкователями.

Обращаясь къ растеніямъ, поэтъ говоритъ:

«О матери! вы способны на сто дѣйствій, вы считаете сто породъ, вы вырастаете въ тысячѣ видахъ, — предохраните меня отъ бо-

лѣзней. Радуйтесь, о растенія, покрытыя цвѣтами и плодами! Подобно побѣдоноснымъ слонамъ, уносите вы отъ насъ далеко всѣ болѣзни.»

Это вѣрно говорить медикъ-поэтъ. Сорвавъ травку, онъ уже поклоняется ей. Съ восторгомъ восхваляетъ онъ ее, потому что уподобляетъ ее побѣдоносному царю, проникающему съ своею арміею въ человѣческое тѣло, чтобъ сражаться съ болѣзнію и одолѣть ее. Увлекаемый воображеніемъ, онъ хочетъ облечь этотъ земной предметъ всеми качествами божества.

Арійское общество, развиваясь, обнаруживаетъ уже корыстолюбіе роскоши и жестокость къ бѣдности. Гимны являются уже не исключительно священнымъ пѣніемъ, сопровождающимъ жертвоприношеніе, но формою всякаго рода вдохновеній.

Приведемъ въ примѣръ нѣсколько мѣстъ изъ гимна къ *богу игры*. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ, писанныхъ на какомъ-либо языкѣ:

«Я съ восторгомъ люблю дѣтей великаго Вибхака (раздаватель счастья.) Эти игорныя кости трепещутъ, летятъ по воздуху и сыплются по ковру. Мой восторгъ подобенъ опьянѣнію, производящему сонъ. Да хранить меня вѣчно бодрствующій Вибхака. У меня есть жена, которая никогда на меня не сердится, никогда не скажетъ дурнаго слова. Она добра ко мнѣ и къ друзьямъ моимъ. И вотъ однако же я бросилъ мою преданную жену и иду искать счастья въ игрѣ. За это теща меня ненавидитъ, а жена отвергаетъ. Если у меня бѣднякъ попроситъ милостыни, я отказываю ему, потому что участь игрока похожа на участь наемной лошади. Когда я поразмыслию, то не хочу быть болѣе несчастнымъ отъ этихъ косточекъ; но когда встрѣчаюсь съ друзьями, они увлекаютъ меня. Черныя кости, падая, издали свой голосъ, и я спѣшу къ нимъ, какъ женщина увлеченная любовію. Игрокъ является въ собраніе и съ жаромъ говоритъ самъ себѣ: «я выиграю!» Кости владѣютъ душою игрока, продавшаго имъ все свое имущество. Кости сожигаютъ игрока желаніями и соболѣзнованіями. О кости! будьте къ намъ добры и благосклонны. Не являйтесь съ ожесточеннымъ сердцемъ, храните гнѣвъ свой къ нашимъ врагамъ. Пусть другой, а не мы, томится въ цѣпяхъ этихъ черныхъ ратоборцевъ.»

Вообще надобно признаться, что нѣсколько тысячъ гимновъ, собранныхъ подъ названіемъ Риг-Веды, хотя и писаны древнимъ слогомъ и грубѣйшимъ языкомъ, не столь гибкимъ, какъ у компиляторовъ эпопей, принадлежатъ всѣ къ одной эпохѣ, продолжавшейся однако же нѣсколько вѣковъ. Нельзя допустить, чтобъ эти безчисленныя строфы излились всѣ въ нѣсколько лѣтъ. Нельзя и удивляться поэтому, если въ

періодъ Ведь оказываются измѣненія въ общественномъ составѣ и въ идеяхъ арійцевъ.

Передъ арійцами исчезли чернокожіе туземцы, обитавшіе въ южной Азіи между Гималаемъ, Иравади, Индомъ, плоскою возвышенностью Татариіи и двумя морями, омывающими полуостровъ. Для совершенія этого завоеванія, Арійцы должны были размножаться и преобразоваться. Со жрецами смѣшались воины, единственно преданные ратному ремеслу, и могущественная эта каста вскорѣ сдѣлалась преобладающею даже надъ жрецами. Мудрецы и поэты, воспѣвавшіе сперва жрецовъ и жертвоприношенія, перешли на сторону полководцевъ и королей, восхваляя ихъ великодушіе и щедроты. У князей многочисленныя стада; у нихъ золотое оружіе, блестящія латы, богатоукрашенные колесницы; наконецъ они обитаютъ въ городахъ: племя сдѣлалось уже народомъ.

Въ концѣ Риг-Веды между разными пѣснями видимъ мы гимнъ: *Желаніе въ пользу царя*, и другой еще значительнѣйшій: *Вѣнчаніе царя*.

Стансы *вѣнчанія* соединяютъ простоту съ достоинствомъ.

«Я приведу тебя посреди огады. Будь твердъ. Стой непоколеблясь. Весь народъ желаетъ тебя; да непоколеблется твое царство. Возвышайся въ величїи. Будь непоколебимъ, какъ гора и твердъ, какъ Индра. Укрѣпи свое высокое званіе. Небо твердо, земля тверда, горы тверды, весь міръ твердъ. Вожди народовъ должны быть также тверды. Къ твердому жертвоприношенію присоединимъ твердое возліаніе *Сома*. Индра да содѣлаетъ весь народъ вѣрнымъ и твердымъ въ платежѣ податей.»

Въ это время касты не существуютъ еще. Какъ же учредилась въ Индіи эта исключительная система, которую исторія находитъ въ полномъ развитіи съ XII вѣка до Р. Х? Это неизвѣстно, потому что Индусы никогда не заботились о своей исторїи, а еслибъ эта исторія и существовала, то она искренно не рассказала бы объ этомъ. Слѣдственно, когда дѣло идетъ до предположеній, вотъ какъ мы постараемся объяснить это великое общественное событіе.

Однажды достигнувъ Индіи, Арійцы привыкли къ осѣдой жизни. Они нашли истинное отечество, котораго искали. Красота странъ, благорастворенность климата, плодородность почвы очаровали ихъ. Временныя жилища превратились въ постоянныя, лагери въ селенія. Семейства размножились, работы увеличились, ремесла сдѣлались наследственными. Отецъ передавалъ сыну орудія жертвоприношенія, земледѣлія, свое поле, свое стадо. Собственность уже представляетъ каждому какъ бы долгомъ продолжать труды, которыхъ первое понятіе по-

лучили въ дѣтствѣ. Система патриархальная или семейная мало по малу исчезаетъ предъ болѣе славною организаціею.

Потомки древнихъ племенныхъ старшинъ, находясь въ первомъ ряду по своимъ познаніямъ въ богослуженіи и религиозныхъ преданіяхъ, сохранившихся между ними, управляли и пережившимися арийцами, продолжая въ качествѣ жрецовъ совершать жертвоприношенія.

Наконецъ наступила минута установленія царской власти. Таково было положеніе Арийцевъ въ эпоху составленія *Ведъ*. Всѣ люди, способные носить оружіе, принимаютъ участіе въ общей защитѣ. Въ мирное же время всѣ дѣти каждаго племени занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ. Такимъ образомъ *сословія* уже существуютъ, но специальный законъ не положилъ еще между ними непреодолимыхъ преградъ.

Национальность Арийцевъ и неоспоримое ихъ превосходство надъ народами, занимавшими до нихъ Индію, состоятъ въ трехъ предметахъ: въ религиозныхъ преданіяхъ, въ языкѣ и въ обрядахъ *Ведъ*. Кому ввѣрено храненіе этого тройнаго залога познаній? Жрецамъ, составляющимъ сословіе жертвоприносителей и учителей. Сословіе это не иначе могло пополняться, какъ изъ среды самихъ себя. Эта отдѣльность невольно должна была составить касту — *браминовъ*, или сыновъ Брамь.

Съ другой стороны защита народовъ, собирающихся на разныхъ пунктахъ, огражденіе воздѣлываемыхъ земель, превращающихся въ княжества и царства, безопасность сообщеній, учреждаемыхъ изъ одной области въ другую, необходимость отражать варваровъ, понуждаютъ воиновъ съ своими семействами посвятить себя исключительно военному ремеслу. Владѣніе участками земель съ безотчетною властію сдѣлалось привилегіею и какъ бы наградою этихъ воиновъ, всегда готовыхъ проливать свою кровь за спасеніе всѣхъ. *Кшатріасы* или воины, называемые также *дѣтьми королей* (раджа), являются слѣдственно рукою юной націи, которой брамины составляютъ главу.

Ваусіа, кушцы и земледѣльцы, столь же полезные обществу, какъ и *кшатріасы*, но занимающіеся ремеслами, требующими менѣе преданности, менѣе возвышенности духа и характера и получающіе сами выгоды и пользу отъ заботъ своихъ, должны были покорствовать первымъ двумъ сословіямъ, то есть почитать своими повелителями: *брамина*, научающаго законамъ, и *царя* съ воинами, надзирающаго за исполненіемъ законовъ.

Наконецъ, на послѣдней степеніи находятся служители. Сперва Арийцы медленно и робко подвигались впередъ въ безвѣстныхъ для нихъ странахъ, но наконецъ восторжествовали. Имъ надобно было установить отношенія

свои съ завоеваннымъ народомъ и воспрепятствовать смѣшенію чистаго племени съ толпами туземцевъ. Отъ этого составились и касты.

Религіозная и военная власть остались исключительно въ преобладающемъ племени Арійцевъ. Третья каста *vaucia* допустила уже къ себѣ тѣхъ туземцевъ, которые приняли вѣру *Ведъ*. Слѣдственно это уже смѣшанное сословіе, какъ метисы и мулаты въ Новомъ Свѣтѣ.

Что же касается до *судра*, то они конечно побѣжденные, которые принуждены служить побѣдителямъ. Положеніе ихъ можно сравнить съ Американцами въ первые вѣка завоеванія. Плоты были *судрасы* Спартанской республики. Не забудемъ, что слово *Варно* (каста) значитъ на Санскритскомъ языкѣ *цвѣтъ*. Браминъ и воинъ бѣлѣе *vaucia*, который въ свою очередь не такъ черенъ, какъ *судра*.

Будучи хранителями закона *Ведъ*, Брамины съ набожною заботливостью собирали вмѣстѣ памятники своей литературы. Они построили все пагоды, подземные храмы, великолѣпные дворцы, изумляющіе и теперь взоры путешественника, и собрали все эти огромныя литературныя произведенія, съ которыми вѣроятно вскорѣ вся Европа познакомится.

Источникъ всехъ свѣдѣній объ Индіи заключается въ Ведахъ, въ которыхъ какъ въ зеркалѣ отражаются вѣрованія, публичная жизнь и все сокровенныя чувства Арійцевъ. Въ нихъ нѣтъ ни слова исторіи, это правда, но если нѣтъ событій, то видно сердце цѣлаго народа, пылающее юною жизнію. Подъ этимъ мечтательнымъ сабезмомъ видѣнъ уже возникающій пантеизмъ, который увлечетъ будущія поколѣнія. Видно уже образованіе теократическаго общества, болѣе занятаго своею мифологіею, нежели матеріальными предметами, болѣе стремящагося къ своимъ жертвоприношеніямъ, нежели къ славѣ побѣдъ. Мы незнаемъ точнаго пути Арійцевъ со времени ихъ выхода съ плоской возвышенности Азіи. Намъ неизвѣстно, въ слѣдствіе какихъ битвъ основались они въ странѣ, названной ими Индостаномъ; но знаемъ чего они просили у боговъ своихъ, какихъ враговъ боялись, какое у нихъ было оружіе, какія земледѣльческія орудія, домашніе нравы. За неимѣніемъ исторіи, это полная картина той отдаленной эпохи, представляемая книгою гимновъ.

Духъ Веды не исчезъ тамъ, гдѣ развился. Брамины хвалятся своимъ происхожденіемъ отъ поэтовъ и мудрецовъ, сочинившихъ пѣсни Риг-Веды, и съ гордостью показываютъ длинныя генеалогическіе списки. Никто не обязанъ вѣрить имъ на-слово; но Браминны имѣютъ и другое право на всеобщее уваженіе: они въ продолженіе тридцати вѣковъ сохранили знаніе своего древняго языка. (Westminster Review.)

ПРОСПЕРЪ МЕРИМЕ (статья Густава Планша). Литературные дебюты Проспера Мериме относятся къ 1825 году; автору *театра Клары Хазуль* былъ тогда двадцать второй годъ. Никто въ то время не вѣрилъ, чтобъ писатель былъ такъ молодъ. Стало быть, онъ прямо началъ замѣчательнымъ произведеніемъ, и не смотря на его неопытность въ драматическихъ сочиненіяхъ, изданныхъ подъ именемъ остроумной актрисы, нѣтъ неувѣренности въ мысляхъ, ни неточности въ выраженіяхъ. Молодой авторъ зналъ очень хорошо то, что описывалъ. Изучивъ рано Испанію и Англію, Шекспира и Кальдерона, зная превосходно ихъ языки, онъ всегда удерживался отъ подражанія имъ. Талантъ его, развитый опытностью, сохранилъ ту же физиономію, какую имѣлъ въ 1826 году. Черезъ двадцать-девять лѣтъ онъ остался тѣмъ же, какимъ вышелъ изъ училища. Онъ не расточалъ своего таланта, не бросалъ мысли, но выбиралъ время, чтобъ писать. Вотъ отчего репутация его сохранилась такою же свѣжею и чистою, вотъ отчего никто не отвергаетъ его таланта теперь, какъ и въ то время, когда выходилъ Матео Фальконе. Сочиненія Мериме, внушенные твердыми познаніями, и теперь еще отличаются правдою.

Чтобъ оцѣнить все достоинство подобнаго писателя, мало изучать его самого, надобно еще сравнить его съ современниками. Большая часть твореній поэтической школы реставраціи носить на себѣ отпечатокъ старости, такъ что ихъ перечитываешь теперь съ удивленіемъ, тогда какъ сочиненія Проспера Мериме всегда читаются съ удовольствіемъ. Онъ не любитъ предисловія, и очень благоразумно разсуждаетъ, что всякое поэтическое произведеніе должно само выражать мысль автора, и потому нѣтъ никакой надобности объявлять объ ней заранее. Путешествуя по Испаніи, Италіи, Англіи и Востоку, онъ не восторгался мѣстнымъ колоритомъ, но обращалъ болѣе вниманія на людей и уместное движеніе. Авторъ *Матео Фальконе* заботится всегда о томъ, чтобъ быть вѣрнымъ дѣйствительности. Онъ даже не создаетъ всего сюжета своихъ сочиненій, но старается припомнить, что видѣлъ, слышалъ и читалъ, и составляетъ свой занимательный разсказъ. Послѣ этого можно подумать, что онъ избѣгаетъ идеальнаго направленія, но не смотря на это, воображеніе играетъ у него вездѣ важную роль, только оно управляется не дѣтскимъ капризомъ, а твердою, опытною волею.

Лучшимъ его произведеніемъ считается все-таки *Матео Фальконе*. Его *Этруская Ваза* оригинальна и содержитъ превосходное описаніе ревности со всеми тонкими оттѣнками. Авторъ умѣлъ сдѣлать героя интереснымъ не преувеличивая его страданій. Жаль только, что передѣ

разказомъ этимъ написанъ прологъ въ драматическомъ родѣ, который, не смотря на разсыпанное въ немъ остроуміе, гораздо ниже разказа и совѣмъ лишній. Оба эти разказа переведены и на русскій языкъ. Въ *Тамано* мы видимъ борьбу автора съ самимъ собою. Напрасно старается онъ остаться въ предѣлахъ реализма, поэзія все-таки увлекаетъ его. «Партія въ триктракъ» гораздо ниже *Тамано*. Начало растянуто безъ нужды, но конецъ превосходенъ. Стыдъ и отчаяніе молодого человѣка, рѣшившагося сплутовать въ игрѣ, его ужасъ, когда Голландецъ застрѣливается, описаны мастерски и поразительно вѣрно. Чтобы достигнуть до такого эффекта, надобно имѣть высокій талантъ.

«*Арсена Гильо*» и «*Карменъ*» произвели совершенно различныя мнѣнія. Арсена Гильо, слабая женщина, но она трогаетъ насъ и интересуемъ, потому что любила глубокою, преданною любовью. *Карменъ* тоже любопытный этюдъ женщины, хотя авторъ напрасно вначалѣ развиваетъ передъ читателемъ свои архелогическія познанія.

Когда написана была *Хроника временъ Карла IX*, романы Вальтеръ-Скотта были въ большой чести, и многіе второстепенные писатели вообразили, что нѣтъ ничего легче какъ подражать ему. По заглавію романа Мериме, можно было подумать, что и онъ пошелъ по слѣдамъ шотландскаго романиста, но съ первыхъ строкъ видно, что тутъ нѣтъ и тѣни подражанія. Притомъ это даже и не историческій романъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Карлъ IX является тутъ на минуту, и все персонажи выдуманы. Все вниманіе читателя обращено на Мержи и Діану де-Тюржи, и авторъ, имѣя цѣлью описать языкомъ XVI вѣка любовь, совершенно успѣлъ въ этомъ. Эту хронику нельзя даже назвать романомъ. Это собраніе главъ оригинальныхъ, живыхъ, живописныхъ, трогательныхъ, но не крѣпко связанныхъ между собою. Правда, что Діана и Мержи одни герои разказа, но вокругъ нихъ группировано множество лицъ, разумѣется, превосходно описанныхъ, но которыя не принимаютъ никакого участія въ дѣйствіи и только охлаждаютъ вниманіе. Можно еще упрекнуть автора въ томъ, что онъ смотритъ здѣсь на любовь какъ на болѣзнь, и описываетъ ее съ докторскою точностью, что немного странно слышать отъ поэта. Не смотря на эти мелкіе недостатки, хроника Карла IX останется одною изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ книгъ нашего времени и будетъ всегда читаться съ удовольствіемъ.

Коломба, несравненно выше романа. Здѣсь дѣйствіе не разбросано, но сосредоточено. Сюжетъ тоже не совѣмъ новъ; потому что дѣло идетъ о вендетѣ, и дѣйствіе происходитъ въ Корсику; но Просперъ Мериме успѣлъ оживить разказъ какъ вѣрностью пейзажа, такъ и описаніемъ мѣстныхъ нравовъ и особенно изображеніемъ самыхъ нѣжныхъ и самыхъ

энергическихъ чувствъ. Въ этомъ превосходномъ разсказѣ вылился весь талантъ Мериме, и кажется лучше Коломбы мудрено написать что нибудь; за то она имѣла огромный успѣхъ, и до сихъ поръ почитается образцовымъ произведеніемъ. Въ Матео Фальконе и Коломбѣ авторъ старается дѣйствовать на писателя одною истинною, и это теперь такое рѣдкое качество, что не находишь для него довольно похвалъ. Мы всегда уважали въ немъ основательныя познанія, что также не часто встрѣчается, особенно теперь, когда импровизаціи, основанныя не на наукѣ и правдѣ, въ большой модѣ.

Театръ Клари Хазуль доказываетъ въ Просперѣ Мериме большой драматическій талантъ. Кто написалъ *Инесу Мендо* и *Испанцевъ въ Даніи*, тотъ можетъ смѣло назвать себя возобновителемъ драматической литературы. Въ этихъ двухъ пьесахъ много энергіи безъ напыщенности, много эффектовъ; персонажи занимательны, дѣйствіе быстро, завязка составлена искусно. Семейство Карвахаль составлено съ поразительною вѣрностью, но не можетъ быть перенесено на сцену. Жакерія составлена изъ отдѣльныхъ сценъ. Какъ превосходно описана дерзость актрисъ въ *Каретъ* — сценахъ, достойныхъ кисти Лесажа. *Два насльдства* заключаютъ въ себя серьезную этюду. Это настоящая высокая комедія, наполненная самыми тонкими наблюденіями. На каждой страницѣ видно, что авторъ рисовалъ свои портреты съ натуры, и даже разговоръ кажется подслушаннымъ. Всѣ эти пьесы могутъ назваться образцовыми, и мы согласны съ Просперомъ Мериме въ томъ, что онъ не приспособилъ ихъ къ сценѣ, потому что толпа не поняла бы его вѣрности безъ преувеличеній, его натурального хода дѣйствія безъ нечаянностей, эффектовъ.

Подъ названіемъ *Историческихъ сценъ*. Просперъ Мериме написалъ нѣсколько страницъ, достойныхъ тоже похвалы. *Исторія дона Педро* отличается большими достоинствами. Тутъ видна страсть къ историческимъ разысканіямъ, хотя также какъ и въ другихъ историческихъ сочиненіяхъ авторъ напрасно съ такимъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ отзывается о событіяхъ.

Въ критикѣ Просперъ Мериме показалъ тоже большой талантъ, и статьи его о Мигуэлѣ Сервантесѣ, Бейронѣ, Тикнорѣ. Гротъ доказываютъ удивительную способность анализа. Жаль только, что въ этихъ этюдахъ авторъ слишкомъ надѣется на познанія читателя и выражаетъ свою мысль не совѣмъ ясно.

Этюды его объ *Исторіи древней Греціи* Грота, могутъ почтяться образцовымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ. Гротъ сдѣлалъ для древней Греціи тоже, что Нибуръ для древняго Рима. Онъ контролировалъ

Геродота, Фукидида, Ксенофонта, точно также какъ Нибуръ Титъ-Ливіа и Веллея Патеркула, только у него больше ясности и точности, чѣмъ у германскаго писателя. Просперъ Мериме прекрасно объяснилъ всѣ качества Грота и доказалъ, что посредствомъ сравненія греческихъ писателей, можно изъ противорѣчій ихъ вывести новую правду, которую не подозрѣвала древняя Греція.

Просперъ Мериме много работалъ въ статьяхъ и переводахъ по русской литературѣ. Онъ перевелъ *Шиковую даму*, *Цыганъ* и *Гусара* Пушкина, *Ревизора* Гоголя.

Во французской литературѣ онъ заслужилъ видное мѣсто, и не смотря на свои разнообразныя свѣдѣнія, умѣлъ сохранить собственный, національный характеръ. Великіе поэты могутъ принадлежать всѣмъ націямъ, но все-таки гениальные люди сохраняютъ отпечатокъ страны, въ которой развились. Англичанинъ не можетъ никакъ сдѣлаться германцемъ, точно также какъ германецъ, поддѣлывающійся подъ манеру англичанъ, просто смѣшонъ. Сравните Манфреда и Фауста, и вы увидите какъ два первоклассные гения понимаютъ одни и тѣже чувства. Отчаяніе, сомнѣніе, одинакія мысли изображаются на Рейнѣ совсѣмъ иначе, нежели на Темзѣ. Вотъ почему и Просперъ Мериме принадлежитъ не только своей странѣ, но и своему времени. Въ прошедшемъ вѣкѣ онъ былъ бы тоже извѣстенъ, но не написалъ бы ни «Матео,» ни «Коломбы.»

(Revue des deux mondes).

Сцены и очерки парижской театальной жизни (статья первая.)

Театръ также старъ какъ любовь... и также молодъ. На пьедесталѣ статуи театра, если когда нибудь ему воздвигнуть статую, надобно начертать слова: *Тутъ говорятъ, говорили и будутъ говорить!*

Какъ же послѣ этого не говорить о театрахъ и особенно о Парижскихъ?

Въ столицѣ Франціи считаютъ *восемнадцать* театровъ, которые содержатъ и кормятъ несмѣтное число семействъ. Въ театръ ходятъ рѣшительно всѣ Парижане, богатые и бѣдные, даже бѣдные больше богатыхъ.

Спектакль—это первая радость работника, бѣдняка, который согласится цѣлый день ничего не ѣсть, только бы вечеромъ проглотить пятнадцать или двадцать актовъ какой-нибудь раздражительной драмы.

Когда въ Сень-Денской равнинѣ охотники не находятъ болѣе куропатокъ, когда въ Монморанси съѣдятъ всѣ вишни, въ Энгіенѣ пѣтъ лодокъ на озерѣ, въ Аньерѣ перестаетъ играть оркестръ, въ Мабилѣ

кончаются балы—театры наполняются до-нельзя. Но даже и въ лѣтнее время они составляютъ единственное развлеченіе ремесленника, который не допьетъ и не доѣстъ, чтобъ насладиться рѣками прозы и потоками стиховъ, болѣею частію неудобосваримыхъ.

За то посмотрите въ воскресенье и въ понедѣльникъ какіе огромные *хвосты* у каждаго театра съ двухъ часовъ по полудни.

Участвовать въ *хвостѣ* тоже не маленькое удовольствіе, стоящее спектакля. Члены хвоста угощаются дешевыми яблоками, пьютъ *коко* и *оранжадъ*, составленный изъ орѣховъ и лимона, читаютъ за одинъ су тысячу глупостей, разсуждаютъ о піесѣ, критикуютъ ее, не издавши (какъ многіе критики).

Составлять хвостъ! Это такое наслажденіе, отъ котораго не откажется ни одинъ блузникъ, не смотря на жаркое солнце и проливной дождь, и если ему тотчасъ же дадутъ билетъ въ десять су и пустятъ въ залу, онъ не согласится взять его, не выстоявъ прежде восьми часовъ въ хвостѣ, потому что это удовольствіе цѣнится также дорого какъ самъ спектакль.

Въ Парижѣ существуетъ даже оригинальная промышленность, приносящая порядочный доходъ. Она состоитъ въ томъ, чтобъ прежде всѣхъ, то есть въ часъ по полудни или еще раньше, стать въ главѣ колонны, которая позже приметъ огромные размѣры, и потомъ продать желающимъ свое мѣсто, завоеванное тремя часами, проведенными неподвижно подъ снѣгомъ, дождемъ или солнцемъ. Чего люди не дѣлаютъ изъ прибыли!

Въ нѣкоторые парижскіе театры ходятъ по модѣ, по влеченію, по разнымъ причинамъ, которыя мы приведемъ ниже. Только все это относится къ публикѣ ложъ и партера, а не къ дешевымъ мѣстамъ, наполняющимся всегда восторженной толпою, страстною до зрѣлищъ всякаго рода, неразбирающею достоинства піесы, лишь бы она была длинна и эффектна.

Въ Италіанскій театръ ходятъ изъ тщеславія и слѣдую модѣ.

Въ Оперу ходятъ для того, чтобъ досыта, до пресыщенія наслаждаться музыкой.

Въ Комическую оперу ѣздятъ, чтобъ послушать какъ *говорятъ* пѣвцы.

Во *Французскомъ театрѣ* учатся какъ вести себя въ хорошемъ обществѣ.

Въ *Водевиль* любятъ хорошенькими актрисами.

Въ *Разнообразіи* скучаютъ очень однообразно.

Въ *Гимназію* собираются, чтобъ насладиться высокимъ слогаемъ и трогательными положеніями.

Въ театрѣ *Палерояля* слушаютъ очень серьезно плоскости.

На театрѣ *Сенъ-Мартенскихъ воротъ* восхищаются дикою декламациею.

Въ *Амбию* ходятъ дремать подь тихій говоръ водянистой прозы.

Въ *Лирической* театрѣ стоить только собраться, какъ тотчасъ же объявятъ, что онъ закрывается по какому-нибудь случаю.

Въ *Folie-Dramatiques* глядятъ на старые костюмы и подержанныя декорации.

Въ *Délassements comiques* собираются посидѣть на жесткихъ скамьяхъ.

Въ *Лазарі* ходятъ подышать удушающимъ воздухомъ.

Стало быть, театры Парижа имѣютъ самыя разнообразныя свойства, и тѣ, которые обвиняютъ ихъ въ скукѣ, очень взыскательны. Неужели нельзя имъ имѣть ни одного недостатка? Притомъ публика въ этомъ дѣлѣ лучшій судья, и если она наполняетъ все вышеупомянутыя театры и поддерживаетъ ихъ существованіе, стало быть, она находитъ въ нихъ удовольствіе, развлеченіе, наслажденіе. Скуку можно имѣть и даромъ, а неплатить за нея деньги.

Теперь посмотримъ какъ устроены театры, и что дѣлается на сценѣ и въ залѣ.

Вотъ маленькая дверь съ надписью: *Входъ для артистовъ*.

Если вы не артистъ, то можете войти только умиловививъ чербера этой двери, или спрятавшись между солдатами пожарной команды. Если въ это время репетиція, то войти этими путями очень занимательно для иностранца и вообще для всякаго, незнакомаго съ кулисами и желающаго видѣть артистовъ вблизи.

Генеральная репетиція еще любопытнѣе и даже стоить перваго представленія, — столько въ ней интересныхъ случаевъ, непредвидѣнныхъ авторомъ.

Репетиція важной пьесы продолжается иногда шесть или семь часовъ, такъ что если она начнется поздно, артисты расходятся уже утромъ.

Обыкновенно бываетъ, что генеральная репетиція идетъ очень дурно, и каждый артистъ говоритъ въ концѣ: *Завтра пойдетъ все лучше*. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день представленіе идетъ отлично, потому что памяти остается еще двадцать-четыре часа, чтобъ затвердить роль, и потому что каждый старается для себя, и ему никто не мѣшаетъ.

На репетиціяхъ же директоръ сердится на артистовъ.

Артисты бранять суфлера.

Суфлеръ обвиняетъ во всемъ піесу.

Капельмейстеръ поминутно дѣлаетъ выговоры музыкантамъ.

Музыканты всегда недовольны своими инструментами.

Машинисты проклинають декорации.

А декорации вдругъ, безъ всякой причины, выѣзжаютъ на сцену когда не надобно, какъ актеры, играющіе нѣмыя роли, и пугають дѣйствующихъ лицъ, которыя забываютъ отъ этого роли.

На репетиціи допускается публика, то есть знакомые автора и директора, но такъ какъ часто одну сцену повторяють разъ пять или шесть, то всѣ зрители одинъ за другимъ расходятся, слыша все одно и тоже и не понимая ни слова въ піесѣ.

Теперь перейдемъ къ артистамъ и постараемся разобрать этотъ эксцентрическій типъ со всевозможнымъ вниманіемъ, описывая не одно какое-нибудь лице, но вообще всѣхъ актеровъ и актрисъ. А такъ какъ нѣтъ правилъ безъ исключенія, то недовольные или обиженные могутъ всегда считать себя исключеніями.

Можно, подобно г-жѣ Севицье, набрать дюжины двѣ эпитетовъ, чтобъ изобразить типъ актера, существа непонятнаго, упратаго, самолюбиваго, капризнаго, раздражительнаго, добраго, великодушнаго, злаго, неблагодарнаго, и пр., и пр. Удивительно, какъ Ботаническій садъ не вздумаетъ построить въ одной изъ оранжерей маленькій театръ, чтобъ сохранить породу истинныхъ актеровъ, которая начинаетъ уже портиться и исчезать. Можно было бы приставить нѣсколько водевиллистовъ для присмотра за этой образцовой труппой, которая сохранила бы всѣ натуральныя преданія, но тогда надобно было бы вывести изъ звѣрища медвѣдей и всѣхъ дикихъ звѣрей, имѣющихъ привычку рычать, что безпокоило бы артистовъ.

Актеръ лѣнивъ какъ ладзарони, но онъ также уменъ и хитеръ. Лучъ солнца для него пріятнѣе всего на свѣтѣ, и онъ поетъ вѣчно куплетъ съ прѣвѣзомъ:

Ah! croyez moi, les bravos et les roles

Ne valent pas un rayon de soleil.

Авторъ лѣнивъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ ничего не дѣлалъ, напротивъ, ремесло его тяжело, неблагодарно, утомительно, иногда невыносимо, потому что сбываютъ минуты въ жизни, когда онъ принужденъ улыбаться тысячи взглядамъ, насмѣшливымъ или недоброжелательнымъ, когда долженъ говорить остроты и быть веселымъ, а

между тѣмъ сердце его сжимается отъ страданія, и слеза готова выкатиться изъ глазъ: слеза можетъ быть объ умершей матери, о погибнувшемъ сынѣ, о потерянномъ сердцѣ.

Никакой актеръ не любитъ играть дурныхъ ролей. Это понятно. Но непонятно то, что послѣдній фигурантъ и нѣмыя роли, тоже готовы всегда взяться за первое *амплуа*.

О роли въ нѣсколько строкъ говорятъ всегда съ такимъ презрѣнiемъ, какъ будто бы авторъ былъ обязанъ выкроить все роли по одной мѣркѣ, а между тѣмъ иногда маленькая роль очень значительна по пiесѣ и требуетъ большаго таланта. Но актеры не хотятъ знать этого и мѣряютъ свое достоинство по километру ролей.

На сценѣ и за кулисами есть свой собственный языкъ, свои термины, непонятные для посторонняго человѣка, и говорятъ, что это нарѣчiе существовало съ незапамятныхъ временъ.

Болѣе всего актеръ обладаетъ самолюбiемъ. Въ другихъ это считалось бы недостаткомъ, но въ немъ это непремѣнное качество. Авторъ безъ самолюбiя тоже, что слѣпой безъ собаки, кормилица безъ молока, ружье безъ курка; самолюбiе необходимо для него какъ румяны, и иногда достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ.

Остроумный Гарель разеказывалъ однажды, что одинъ старый фигурантъ, игравшiй всю свою жизнь слугъ, гостей, римлянъ, пришелъ къ нему однажды просить награды за свою долготѣнную службу.

— Что я могу сдѣлать для тебя? отвѣчалъ директоръ, ты знаешь, что бюджетъ мой очень тяжелъ, и я не могу дать тебѣ прибавки жалованья, по крайней-мѣрѣ теперь.

— Я и не прошу прибавки, отвѣчалъ обиженный фигурантъ. Я пришелъ попросить васъ, чтобъ вы за мои заслуги дали мнѣ наконецъ роль хоть въ нѣсколько словъ, чтобъ и я могъ считаться артистомъ.

Вотъ что дѣлаетъ самолюбiе актеровъ! Гарель согласился на просьбу фигуранта и за то же жалованье далъ ему роль въ три слова въ новой пiесѣ, назначенной 15 числа, но 7-го бѣдный директоръ принужденъ былъ закрыть свой театръ, и новый артистъ не имѣлъ случая дебютировать, но все-таки онъ былъ уже не фигурантомъ, потому что у него была *роль*.

Актеры раздѣляются на три категорiи :

- 1) Артисты.
- 2) Актеры.
- 3) Фигуранты.

Артистъ человѣкъ богатый, любитъ искусство, старается усовершенствоваться и отдѣлываетъ свой талантъ какъ скульпторъ, который

всегда находить въ своей статуѣ что нибудь неоконченное и всегда готовъ поправлять ее.

Актеръ — это человѣкъ, получающій 1,500 франковъ жалованья, который ждетъ конца мѣсяца, чтобъ получить деньги, и ходитъ на репетиции.

Фигурантъ самое несчастное созданіе. Онъ лѣтъ десять проводитъ въ напрасныхъ усиліяхъ, чтобъ вымолить у директора роль, но никто не обращаетъ на него вниманія, все смѣются надъ нимъ, тогда какъ можетъ случиться и въ фигурантъ талантъ. Наконецъ бѣднякъ, измученный непріятностями всякаго рода, бросаетъ сцену и принимается за какое-нибудь ремесло, но проводитъ остатокъ жизни сожалѣя, что не остался фигурантомъ.

Искусство актера высоко, благородно, полезно, потому что онъ учитъ современниковъ. Но увы! Гарель говоритъ, что хорошимъ актеромъ можетъ быть только человѣкъ, получающій двадцать - пять тысячъ ливровъ дохода.

Не говоря уже о мелкихъ неудовольствіяхъ частной жизни актера, сколько непріятностей ждутъ его передъ рампой, освѣщающей его лицо всегда тревожное, потому что онъ не знаетъ расположенія публики. За рампой видитъ онъ тысячи глазъ то грозныхъ, то глупыхъ, тысячи ртовъ, искривленныхъ улыбкою сожалѣнія, насмѣшки, готовыхъ зѣвнуть. Сколько разъ публика, недовольная пьесою, обвиняла въ этомъ бѣднаго актера и вымѣщала на немъ свой гнѣвъ. И артистъ обязанъ все переносить терпѣливо и выслушивать даже неумѣстныя остроты зрителей.

Актеръ вообще любитъ все игры.

Домино, бильярдъ, карты—это его любимое препровожденіе времени. Поутру въ кафе онъ веселъ, шутитъ, забываетъ объ искусствѣ, но вечеромъ это совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ принимаетъ характеръ своего амплуа, заботится о своей наружности и костюмѣ, говорить выразительно, умно, и является на сцену человѣкомъ, въ которомъ ни какъ нельзя подозрѣвать утренняго весельчака. Перемена эта происходитъ оттого, что онъ предсталъ предъ судьейо неумолимымъ, мстительнымъ, какъ Коренканецъ, капризнымъ, какъ кокетка, который сегодня уже забылъ его вчерашній успѣхъ, который въ кассѣ купилъ право быть строгимъ, и за свои деньги употребляетъ во зло это право. Передъ этимъ судьейо дрожать и преклоняются все артисты, потому что приговоры его безъ апелляцій и могутъ погубить актера. Этотъ судья — публика.

Актеръ обыкновенно завистливъ, и даже первоклассные таланты завидуютъ, если кто-нибудь изъ послѣднихъ артистовъ эффектно сыграетъ свою маленькую роль и заслужить одобреніе публики. Отъ этого происходитъ недостатокъ снисходительности, часто доходящій до злости.

Особенно женщины-артистки не могутъ видѣть хладнокровно успѣха своихъ подругъ и во время аплодисментовъ успѣваютъ замѣтить и сообщить другимъ, что такая-то совѣтъ не поняла роли, что публика не знаетъ чему аплодируетъ, не видитъ какъ актриса дурно одѣта, какъ она черезъ-чуръ набѣлена, что у ней подвязная коса, огромная нога, и пр., и пр.

И когда *отдѣланная* такимъ образомъ артистка сходитъ со сцены, та же подруга бѣжитъ къ ней навстрѣчу и говорить:

— Ты превосходно сыграла всю роль. Я радовалась за тебя!

Мужчины не такъ жестоки къ своимъ товарищамъ, потому что оцѣниваютъ не наружность, а степень таланта, но и они неумолимы, если затронуть ихъ самолюбіе.

Каждый актеръ воображаетъ себя великимъ артистомъ, и если иногда спрашиваетъ совѣта, то никогда его не исполняетъ.

Надобно однако отдать справедливость, что артисты всегда готовы помогать бѣднымъ товарищамъ чѣмъ могутъ. Иные, не имѣя денегъ, отдають платѣ и вещи, играютъ въ бенефисы, готовы сами ходить за больнымъ товарищемъ...

Вотъ характеръ актера.

Теперь посмотримъ на актрису.

Знаете ли вы, что такое уборная актрисы? Это пространство въ шесть квадратныхъ футовъ, на которомъ первое мѣсто занимаетъ зеркало, коробки съ бѣлилами, румянами и другими веществами, служащими для увеличенія красоты или уменьшенія некраивости. Въ уборной есть еще два стула, иногда диванъ и нѣсколько лампъ и свѣчей довольно дымныхъ.

Артисты остаются въ уборной очень мало времени. Едва успѣвъ надѣть костюмъ, они тотчасъ же сходятъ въ фойе, гдѣ остаются до выхода на сцену.

Нѣкоторыя уборныя украшены великолѣпно, и остроуміе или красота хозяйки привлекаютъ туда часть труппы и нѣкоторыхъ привычныхъ посѣтителей, которые сходятся въ эти будуары, чтобъ позлословить, посплетничать и побранить автора и режиссера.

Когда эти разговоры истощатся, начинаютъ разбирать публику, партеръ и особенно театраловъ, приѣзжающихъ въ театръ не для шесы, не для талантовъ, а для какой-нибудь изъ актрисъ.

Прежде въ уборныхъ актрисъ толпилось блистательное общество. Маркизы, графы, герцоги посѣщали уборныя Конта и Клеронъ и разсуждали объ искусствѣ, литературѣ, новостяхъ. Теперь только парикмахеръ имѣетъ входъ въ уборную, и тотъ не считается почти мужчиною, потому что ему нѣкогда заниматься ничѣмъ кромѣ причесокъ.

Притомъ же уборныя скрываютъ много тайнъ, которыя никто, и особенно подруги, не смѣютъ подозрѣвать. Сколько ногъ выходятъ оттуда съ икрами, которыхъ никогда не было, сколько ртовъ блистаютъ перлами, давно потерянными, сколько головъ сгибается подъ тяжестью роскошной косы, словомъ уборная даетъ молодость, красоту, стираетъ морщины, дѣлаетъ изъ простой женщины красавицу, и все это передъ маленькимъ зеркаломъ, которое разсказало бы и не такія тайны, если бы умѣло говорить.

Разумѣется, что уборныя первыхъ артистокъ великолѣпны, но фигурантки, набитыя по нѣскольку въ одной каморкѣ и получающія по двадцати су за вечеръ, не въ состояніи украсить ее, не могутъ имѣть ни дорогихъ румянъ, ни жемчужныхъ бѣлилъ, отъ которыхъ иногда зависитъ успѣхъ артистки.

Во всѣхъ театрахъ строго запрещено входить мужчинамъ въ уборныя, но мало ли можно найти предлоговъ къ нарушенію этого правила. То артистъ хочетъ пройти сцену, неудавшуюся ему въ послѣдній разъ, то авторъ идетъ предлагать роль артисткѣ, то просто можно заблудиться и нечаянно попасть въ уборную.

Фойе артистовъ представляетъ самое любопытное зрѣлище. Что можетъ быть оживленнѣе, пестрѣе, веселѣе этого собранія актеровъ, авторовъ, режиссеровъ, суфлеровъ, и просто любопытныхъ, допущенныхъ сюда по особенной милости.

Сколько людей отдали бы годъ жизни, чтобъ только попасть въ это фойе, охраняемое злымъ церберомъ. Они не подозрѣваютъ, что здѣсь ждетъ ихъ часто разочарованіе, что артистки вблизи всегда не то, что со сцены; не говоря уже о наружности, здѣсь оказывается ихъ настоящій характеръ, привычки и степень образованія, и часто бѣдный любопытный расказывается, что узналъ поближе предметъ своей страсти, казавшійся ему недоступнымъ сквозь стекла бинокля.

Фойе не всегда представляетъ веселый и оживленный характеръ. Онъ бываетъ скучнымъ и торжественнымъ, смотря по пьесѣ, которую играютъ.

Драма обыкновенно набрасываетъ мрачную тѣнь на лица артистовъ. Развѣ можно шутить и острить, когда при выходѣ на сцену актеръ или актриса должны простонать слѣдующія фразы:

— Отецъ мой (или мать) прости... я преступень (или преступна) я достоинъ смерти... я умираю!!

Оживленное и пріятное фойе бываетъ тогда, когда играютъ волшебныя пьесы и когда всѣ женщины труппы имѣютъ роли съ блистательными костюмами. Тогда вокругъ нихъ порхаютъ водевилисты, журналисты, публицисты и общаются кому роль, кому похвалу, кому букетъ. Въ эти дни бываетъ иногда такой шумъ въ фойе, что режиссеръ приходитъ и говоритъ :

— Господа, нельзя ли потише, возлѣ играютъ комедію, вы мѣшаете.

— А комедія намъ мѣшаетъ, отвѣчаетъ какой нибудь розовый демонъ и бѣжитъ за поэтомъ, чтобъ выпросить у него куплетъ, сталкивается съ волшебницей, уговаривающей журналиста, роняетъ маленькаго генія, и шумъ еще больше увеличивается.

Въ театрѣ говорятъ обо всемъ.

Это еще не значить, чтобъ говорили хорошо и умно. Тамъ болтаютъ о политикѣ, художествахъ, торговлѣ, акціяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, даже наукахъ—только съ одною цѣлью, чтобъ поболтать.

Часто многіе говорятъ вдругъ о разныхъ предметахъ, горячатся, судятъ о томъ, чего не понимаютъ, но чаще осуждаютъ отсутствующихъ.

Эта привычка осуждать тѣхъ, кто вышелъ изъ фойе, такъ въ немъ вкоренилась, что еслибы всѣ ушли на сцену и остался одинъ артистъ, то онъ позвалъ бы солдата пожарной команды, и рассказалъ бы ему ужасныя вещи про своихъ товарищей.

Въ фойе всѣхъ театровъ есть обычные посѣтители, которые всякій день акуратно приходятъ въ театръ и сидятъ въ фойе нѣсколько часовъ.— Зимой это очень выгодно, потому что дома останутся въ экономіи свѣчи и дрова. Эти люди знаютъ всѣхъ въ театрѣ, начиная съ директора до плотника, даютъ совѣты авторамъ, бранятъ актрисъ, учатъ актеровъ; привратникъ уважаетъ ихъ, ламповщикъ знаетъ по имени, словомъ всѣ до того привыкаютъ видѣть это неизбежное лицо, получившее неизвѣстно почему право на входъ въ театръ, что если онъ по какой нибудь причинѣ не придетъ въ фойе, всѣ беспокоятся и ищутъ его.

Одно изъ непріятностей фойе—это безпрестанныя лотереи, на которыя всѣ обязаны брать билеты.

Неизвѣстно, разыгрываются ли когда эти лотереи, и кто въ нихъ выигрываетъ кромѣ раздавателей билетовъ.

Авторы рѣдко являются въ фойе. Одни бываютъ только когда играютъ ихъ пьесы, другіе заходятъ для развлечения, иные привыкли приходиться всякій день въ фойе хоть на минуту.

Разговоры всегда бывают живы и веселы, но никогда не бывают неприличны. Артисты часто читают, проходят роли, и если говорят, то умно, занимательно, вѣжливо, чаще же молчатъ.

Артистки рѣдко берутъ въ руки журналъ или роль, говорятъ много и скоро и никогда не молчатъ.

Иногда бываетъ общій разговоръ, который превращается въ хоръ, гдѣ всѣ хотятъ говорить, а не слушать; но это бываетъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и то всѣ успокоиваются очень скоро и расходятся мирно. Стало быть люди, воображающіе, что въ фойе и закулисами происходят непремѣнно ужасы, жестоко ошибаются. Артисты ведутъ себя прилично и всегда стараются казаться людьми хорошаго общества.

Если кто этому не вѣритъ, можетъ самъ убѣдиться. На это есть самое легкое средство. Отдайте въ долгъ какому нибудь директору театра сорокъ тысячъ франковъ (всѣ директора нуждаются въ сорока тысячахъ франкахъ)—если только у васъ есть лишнія деньги, и вамъ открытъ будетъ фойе театра на вѣчныя времена, то есть покуда будетъ существовать вашъ должникъ. Или напишите піесу, которая доставила бы дирекціи сто тысячъ франковъ дохода. Это тоже вѣрное средство, чтобъ передъ вами были открыты всѣ двери самыхъ завѣтныхъ уголковъ театра.

ИСКУССТВО ДЫШАТЬ. — Луттербахъ издалъ недавно книгу объ искусствѣ дышать. Покуда добросовѣстные опыты техническихъ людей подтверждать его систему, мы долгомъ считаемъ сообщить ее для свѣдѣнія.

Луттербахъ опредѣляетъ, что дышать можно *девятью* различными способами.

1. Горловое дыханіе. 2. Носовое. 3. Носо-горловое. 4. Горло-носое. 5. Ослабленное. 6. Качательное. 7. Прогрессивное. 8. Продолжительное и 9 Скачками.

Последній способъ всѣхъ важнѣе. Онъ предохраняетъ отъ паралича. — Носо-горловое излечиваетъ отъ мозгового насморка, если при этомъ носить шерстяные чулки. Горло-носое—отъ грудной простуды. Дыханіе скачками съ нѣкоторою перемежкой качательнаго дыханія — изцѣляетъ отъ одышки.

«Мы рекомендуемъ, говоритъ авторъ, дыханіе скачками тѣмъ людямъ, которые заболѣютъ отъ холода. Дохнувъ такимъ образомъ пять,

шесть разъ, — они почувствуютъ во всемъ тѣлѣ теплоту пріятнѣе и продолжительнѣе, нежели отъ всякаго камня.

« Прогрессивное дыханіе излечиваетъ отъ зубной боли » . Остається объяснить и опредѣлить, что такое дыханіе *прогрессивное и скачками*.

« Для прогрессивнаго дыханія надобно дышать въ два или въ три темпа, но вдыхая какъ можно болѣе воздуха, чтобъ выпускать его слѣдующимъ образомъ. Надобно сжать губы и выпускать его съ трудомъ, какъ бы изъ поддувальника — въ одинъ темпъ для перваго раза, въ два для втораго и въ три для третьяго.

« Дыханіе скачками представляетъ почти тѣ же явленія, какъ и прогрессивное, но оно болѣе одушевляетъ тѣло. Разница состоитъ въ томъ, чтобъ второй темпъ вдыханія производить съ болшею силою и какъ бы скачками, дѣлая то же и при третьемъ. Два или три темпа выдыханія должны происходить какъ можно натуральнѣе, но все задерживая губами воздухъ. Съ другой стороны плеча должны поддерживать темпы вдыханія двумя или тремя круговыми движеніями (какъ равно и въ прогрессивномъ), какъ бы дѣлая движеніе вертѣтъ жерновѣ. При этихъ движеніяхъ, руки должны быть совершенно свободны, и оно должно происходить въ кадансѣ съ темпами вдыханія. »

Для очищенія дыханія употребляютъ *продолжительное* дыханіе. Оно производится слѣдующимъ образомъ:

« Надобно слѣдовать тѣмъ же правиламъ, какъ и въ прогрессивномъ, только вдыханіе продолжаютъ слѣдующими движеніями: когда плечи поднимаются, то и все тѣло съ ними, когда опускаются, то и корпусъ то же. Продолжаютъ каждый темпъ вдыханія, выбрасывая впередъ ноги по-очереди, тогда какъ плечи должны отводиться въ противоположную сторону. Совокупность этихъ движеній должна придавать тѣлу легкое спиральное движеніе » .

Носо-горловое дыханіе производится:

« Вдохните носомъ какъ можно болѣе воздуха (если хотите, на-примѣръ, раздуть огонь), отворотясь отъ огня, а для выдыханія повернитесь къ нему, вытяните губы и выпускайте воздухъ, неусиливаясь, и натуральнѣе, какъ вздохъ » .

« Прогрессивное дыханіе нѣсколько минутъ продолжаемое, утоляетъ лучше всего жажду » .

« Носовое дыханіе унимаетъ невольный смѣхъ » .

« Оно же успокоиваетъ временно голодь » .

«*Качательное* дыханіе позволяет переносить величайшее утомленіе безъ усталости. Оно производится приподнимая плечи во время вдыханія и опуская ихъ свободно при выдыханіи».

Любопытно будетъ узнать дальнѣйшіе опыты этой системы.

(Guèpes).

АППАРАТЪ ДЛЯ ОСМОТРА ГАЗОПРОВОДНЫХЪ ТРУБЪ. — Макко придумалъ новый аппаратъ, посредствомъ котораго можно въ самое короткое время и безъ малѣйшей опасности освидѣтельствовать газопроводныя трубы, чтобъ видѣть нѣтъ ли въ нихъ гдѣ невидимой скважины, гдѣ проходитъ газъ. Извѣстно, что этотъ выходъ газа портитъ окружающій воздухъ, удушаетъ людей и производитъ опасныя взрывы.

Пайенъ читалъ объ этомъ изобрѣтеніи въ Консерваторіи Художествъ и Ремеслъ. Онъ представилъ его въ Гигіенической Совѣтъ. Оно внесено также въ Общество Поощренія Художествъ, а Зильберманъ сдѣлалъ уже о немъ донесеніе Комитету Экономическихъ Искусствъ.

До сихъ поръ испытывали прочность газопроводовъ *зажиганіемъ*, то есть зажигали газовые рожки, и потомъ съ зажженнымъ фитилемъ проходили по всему газопроводу. Еслибъ оказалась гдѣ скважина, то газъ тотчасъ вспыхивалъ. Но это средство было чрезвычайно опасно. Если есть скважина, то газъ заранѣе уже успѣлъ накопиться, смѣшиваясь съ окружающимъ его воздухомъ и производилъ взрывъ. А потому испытатели большею частію довольствовались *зажиганіемъ* рожковъ. Если они хорошо горятъ, то и довольно. Удивительно ли послѣ этого, что газовыя общества теряютъ двадцать пять процентовъ газа отъ газометра до рожка.

Газъ достигаетъ до газопроводовъ подъ давленіемъ въ нѣсколько сантиметровъ воды. Это легкое давленіе достаточно для удобнаго его выхода. При этомъ происходитъ извѣстный всѣмъ особенный свистъ, происходящій отъ выхода газа въ узкое отверстіе. Изъ этого-то явленія извлекъ Макко основаніе своего открытія. Посредствомъ насоса вводитъ онъ въ газопроводы и въ аппараты освѣщенія — атмосферическій воздухъ, такъ, чтобы подъ довольно сильными давленіями выходъ его въ маленькое отверстіе (свищъ) производилъ указательный свистъ. Тотчасъ же отверстія заливаются, и для удостовѣренія, что отверстія уже нѣтъ, устроенъ манометръ, указывающій постоянное давленіе. Если же свищъ существуетъ еще, то манометръ опускается.

Такъ, напримѣръ, въ залѣ большой оперы Макко нашелъ въ газопроводахъ болѣе пятидесяти отверстій и множество въ другихъ публичныхъ мѣстахъ.

Зильберманъ, представляя Обществу Поощренія это открытіе, говорятъ, что изобрѣтатель нашелъ теперь вѣрное средство къ отвращенію взрывовъ и къ избѣжанію медленнаго удушенія всякаго, входящаго въ театръ, въ концертную залу, въ магазинъ или кофейню; остается самой публикѣ потребовать, чтобъ это открытіе было принято и приспособлено.

(Rev. Cont.).

ЦЕМЕНТЪ, НЕРАЗРУШАЕМЫЙ МОРСКОЮ ВОДОЮ.—Малагутти и Дюроше производили изслѣдованія для составленія цемента, неразрушаемаго дѣйствіемъ морской воды. При этихъ опытахъ нашли они, что разложеніе извести морской водою производится не всегда одинаковымъ образомъ; не всегда известь превращается въ магнезію, а какъ къ ней прибавляется угольная кислота, то измѣняющійся цементъ представляетъ смѣсь квасцового водородистаго кремнезема и дву-углеродистой извести, съ магнезією. Но бываютъ случаи, что известь пачезаетъ, не замѣняясь магнезією. Сверхъ того, при измѣненіи гидравлической извести, элементы цемента раздѣляются на два состава: одинъ, богатый землистымъ углеродомъ, другой квасцами (квасцы составляютъ основаніе глины, которая химически говоря: квасцовая кремнекислая соль), образующіе на поверхности цемента рыхло-снѣжистую поверхность, размываемую волнами. Это отдѣленіе очень медленно въ крѣпкихъ цементахъ. Последніе трескаются только отъ истребленія, мало по малу, извести.

Лучшіе цементы, противящіеся дѣйствію морской воды, составлены были гг. Пульи, Васси и Паркеромъ. Всѣ три богаты желѣзною окисью. Въ первыхъ двухъ по семи процентовъ, въ последнемъ четырнадцать, который и крѣпче прочихъ.

Въ слѣдствіе этого, Малагутти и Дюроше испытывали дѣйствіе желѣзной окиси. Они нашли, что она содѣйствуетъ къ сгущенію извести, и потому дѣлаются цементы, погруженные въ море, тверже и прочнѣе. Вообще изслѣдованія ихъ подтвердили слѣдующее:

1) Что цементы, наиболѣе оказавшіеся прочными въ морской водѣ, всегда содержатъ значительное количество желѣзной окиси. 2) Что разные составы изъ кремнезема, квасцовъ и извести даютъ, при одинаковыхъ условіяхъ, разныя реакціи, смотря по количеству содержащейся въ нихъ желѣзной окиси.

(Idem).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ЦВѢТА РОЗЪ. — Фильваль открылъ, что цвѣты розъ содержатъ въ себѣ смѣсь *двухъ* соковъ. Одинъ изъ нихъ остается безцвѣтнымъ въ кислотахъ, а другой дѣлается краснымъ. Первый становится желтымъ подъ вліяніемъ щелочей, второй дѣлается синимъ, а смѣсь этихъ двухъ цвѣтовъ производитъ зеленый. Впрочемъ этотъ цвѣтъ тѣмъ желтѣе, чѣмъ роза была блѣднѣе, а если онъ былъ краснѣе, то цвѣтъ смѣси будетъ синѣе.

УЧЕНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЛИВЕРПУЛѢ. — 20 сентября открытъ былъ въ Ливерпулѣ ученый конгрессъ нынѣшняго года. Это уже двадцатый со дня основанія этого общества. Предсѣдателемъ былъ графъ Гарроби (Harrowby), читавшій донесеніе профессора Чаулиса. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

«Со времени прошлогодняго собранія открыты четыре планеты и четыре кометы. Три планеты открыты на обсерваторіи г. Бишопа, а именно: двѣ Гиндомъ, а одна Майтомъ. Последняя замѣчена была въ слѣдующую ночь и на оксфордской обсерваторіи. Последнюю открылъ на Билькской обсерваторіи (близъ Дюссельдорфа) Лютеръ, извѣстный уже въ астрономіи открытіемъ двухъ планетъ.

Изъ кометъ открыта одна въ Берлинѣ, двѣ въ Геттингенѣ, а четвертая видна была въ мартѣ повсюду простыми глазами.

Многочисленныя открытія планетъ и кометъ въ послѣдніе годы чрезвычайно обогатили астрономическія наши познанія — и обратили все усилія науки на звѣздное небо.

Вниманіе астрономовъ устремлено было на составленіе вѣрныхъ и подробныхъ каталоговъ всехъ звѣздъ до 9-й величины. Лаландъ, Лакайль, Бессель, Аргеландеръ и Ламонъ были главными дѣйствителями въ этомъ трудѣ. Часть Бессельскаго каталога была издана въ С.-Петербургѣ, а часть Аргеландерова — въ Вѣнѣ.

Каталогъ британскаго общества 1848 года, состоящій изъ 8377 звѣздъ, преимущественно составленъ по древнимъ каталогамъ до седьмой величины включительно. Слѣдственно мѣсто звѣздъ здѣсь недостаточно достоверно. Но какъ источники указаны, то астрономъ можетъ самъ проверить ошибки. Дополненія къ этому каталогу могутъ составить отдѣльно обнародованныя новѣйшія наблюденія на гриничской, пулковской, эдинбургской, оксфордской и кембриджской обсерваторіяхъ.

Особенно слѣдуетъ упомянуть о сочиненіи Купера, въ двухъ частяхъ. Въ немъ показано прямое восхожденіе 30,186 звѣздъ отъ 9-й

до 12-й величины, которыя въ прежнія времена весьма мало наблюдались.

Определение разности долготъ посредствомъ гальваническихъ сигналовъ, сдѣлалось весьма важнымъ для астрономіи. Эта метода прежде всѣхъ примѣнена была къ Америкѣ, и потомъ введена въ употребленіе въ Англіи г-мъ Эйри.

Метода, введенная также практически въ Америкѣ, наблюдать прохожденіе звѣздъ посредствомъ гальваническаго кольца, причемъ нужно только наблюденіе глазами и осязаніемъ, безъ всякихъ вычисленій, употребляется нынѣ и на гриничской обсерваторіи.

Гальваническое кольцо приносить также пользу въ Гриничѣ для содержанія въ движеніи отдаленныхъ симпатическихъ часовъ, указывая на время посредствомъ паденія шаровъ. Посредствомъ гальваническаго тока съ королевской обсерваторіи падаетъ ежедневно въ Дилѣ одно ядро.

Г. Гартнупъ оказалъ въ прошломъ году важную услугу исправленіемъ хронометровъ.

Послѣ чтенія этой записки, президентъ напомнилъ, что англійское правительство обѣщало денежное пособіе обществу для устройства зеркальнаго телескопа, въ четыре фута отверстіе, посредствомъ котораго можно было бы ближе познакомиться съ туманными пятнами. Но, къ сожалѣнію, обѣщаніе это еще не исполнено.

По совѣту Сира Джона Гершеля, ежедневно снимается съ солнца фотографическое изображеніе, чтобъ сравненіемъ ихъ можно было видѣть періодичное измѣненіе солнечныхъ пятенъ.

Г. Гопкинсъ вмѣстѣ съ гг. Фейрборномъ и Джоулемъ производятъ нынѣ любопытные опыты надъ дѣйствіями давленія на температуру плавленія металловъ. Опыты эти могутъ служить важнымъ указателемъ къ внутреннему состоянію нашей планеты. (Athenaeum).

Гироглифы и гвоздеобразныя надписи. — Въ слѣдствіе великихъ открытій въ развалинахъ древнихъ городовъ востока, сильно, конечно, развились наши свѣдѣнія по археологіи. Но нельзя не сознаться, что изслѣдованія наши и познанія далеко еще не полны, и доказательства по составленнымъ гипотезамъ не совсѣмъ еще удовлетворительны; многіе ученые еще не согласны съ общепринятыми мнѣніями и не увлечены блистательными результатами новѣйшихъ открытій.

Какъ и всё, ученые люди часто увлекаются новыми идеями; любопытство, воображеніе дополняютъ факты. Нельзя же согласиться имъ, что всё ихъ путешествія и труды ни къ чему еще не привели.

Таково чтеніе гіероглифовъ и гвоздеобразныхъ надписей. Всякій истинный любитель науки чувствуетъ, что ему должно дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью, чтобъ не вовлечься въ ошибочныя и бездоказательныя гипотезы. Даже самъ Роулизонъ, удачно разобравшій ахеменидскія гвоздеобразныя надписи, увлекся въ ошибки, когда съ излишнею смѣлостью сталъ разбирать значеніе надписей на нимрудскомъ обелискѣ, котораго чтеніе подлежитъ еще большому сомнѣнію.

Къ этому заключенію подала поводъ извѣстная книга: *the one primitive language*, Чарльса Форстера.

Въ ней авторъ берется рѣшить самымъ простымъ образомъ важный вопросъ чтенія гвоздеобразной грамоты, почти механически и совершенно противоположную системою, нежели Гротендъ и Роулизонъ.

Вотъ его метода:

Основываясь на законъ, что всё языки въ мірѣ составляютъ только видоизмѣненія и развѣтвленія *одного* первобытнаго языка, сохранившагося еще нѣсколько въ Гимьратскомъ (древне-Аравійскомъ), утверждаетъ онъ, что и всё разныя азбуки произошли отъ одной первобытной.

По своимъ изслѣдованіямъ всёхъ письменъ, неисключая и гіероглифовъ, думаетъ онъ, что нашелъ эту первобытную азбуку, которою онъ легко объясняетъ гвоздеобразную грамоту и самымъ логическимъ образомъ, а именно, что знакъ *неизвѣстной* азбуки, встрѣчающейся въ неизвѣстномъ языкѣ, то же самое имѣетъ значеніе, какъ точно такой же знакъ въ *извѣстной* уже намъ азбукѣ. А какъ разнообразіе гвоздеобразныхъ письменъ весьма своеюравно и измѣняется въ формахъ, то, чтобъ получить сходство этихъ письменъ съ древне-Еврейскими, Сирійскими и другими буквами, онъ прибѣгаетъ къ весьма остроумному средству, а именно: ограничивая стрѣлообразныя части буквъ простыми прямолинейными, и отбрасывая ласточкины хвостики, которые принимаетъ за украшенія.

Этимъ средствомъ гвоздеобразныя буквы получаютъ сходство съ первобытною его азбукою, и всякій знакъ объясняется подобнымъ ему знакомъ, такъ что можетъ быть выраженъ латинскою буквою.

Достигнувъ до перепіски гвоздеобразной надписи латинскими буквами, стоить только взять тогда Арабскій лекенконъ Голіуса (потому что языкъ этотъ немного разнится отъ первобытнаго), и легко получится весь смыслъ фразы.

Справедливость этой методы оправдывается теперь самымъ удивительнымъ образомъ, потому что во многихъ случаяхъ, при фигурномъ изображеніи, часто стоятъ знаки, обозначающіе это изображеніе. Напримеръ, при фигурѣ льва, начертаны въ верхнемъ углу три или четыре гвоздеобразныя буквы. Сличивъ ихъ съ первобытною азбукою и переписавъ потомъ латинскими буквами, стоить отыскать это слово въ лексиконѣ древне-Арабскаго языка, и, — о удивленіе! тамъ найдется слово: левъ. Чего же вѣрнѣе?

Дальнѣйшія изысканія докажутъ эту гипотезу.

Но оставимъ предположенія Форстера, которыя впродъ до точныхъ доказательствъ можно назвать остроумными мечтами; расскажем о достовѣрномъ фактѣ.

Въ Аугсбургской газетѣ напечатано извѣстіе о разборѣ и прочтеніи г. Ротомъ мѣдной Кипріотской доски, найденной въ Идаліонѣ. Письмена на ней должны принадлежать азбукѣ языка, имѣющаго сходство съ Финійскимъ, Ликійскимъ и Греческимъ.

Какъ г. Ротъ, такъ и первый издатель этой надписи, герцогъ де-Люинъ, думали сперва, что это Египетскій текстъ, потому что нѣкоторые знаки неизвѣстнаго языка взяты съ Египетскаго. Но когда послѣ продолжительныхъ усилій нашель онъ халдейское слово *Мазіехта* (договоръ), по-еврейски *мазеха*, то и убѣдился, что это семитическій языкъ и болѣе всего халдейскій. Это обстоятельство вовсе не должно удивлять насъ, потому что Кипръ былъ издревле обитаемъ семитическимъ племенемъ Кеттеевъ или Китумовъ.

Содержаніе надписи теперь разобрано до послѣдней буквы. Это мирная прокламація, которой начало слѣдующаго содержанія:

«Прекращается страхъ, отгоняются ужасы опустошеній этимъ обнародованіемъ. Довольно было несчастій, довольно островъ трепеталъ отъ ужасовъ войны. Саламинъ (городъ на Кипрѣ) вновь возстаетъ безъ страха. Довольно всѣ претерпѣли. Сердца Фиванъ дрожать отъ этого мирнаго договора и теряютъ надежду на покореніе острова, который такъ много страдалъ отъ собственныхъ своихъ жителей. Теперь приближается радость его. Египетъ возстановитъ союзъ, надежду бѣднаго разрушеннаго Амата, Идаліона и Самина... и пр».

Это содержится въ первыхъ четырехъ строкахъ въ тридцать-одну букву. По странному случаю, не названо имени Египетскаго царя, а только главный городъ Верхняго Египта Фивы, названный еврейскимъ именемъ *Но*.

Надпись эта не имѣетъ глубокой древности, потому что вавилонско-сирійскій діалектъ ея весьма развитъ, и однакоже относится за 1100

лѣтъ до Р. Х., съ котораго времени островъ Кипръ былъ уже подъ властію Тира, и Кипріоты употребляли уже финикійскія письма.

Въ заключеніе сообщимъ еще новость.

Г. Паравей нашелъ въ древнихъ китайскихъ книгахъ гвоздеобразныя письма, подобныя вавилонскимъ, какъ равно финикійскія, египетскія и еврейскія буквы; наконецъ и созвѣздія Дендерской эклиптики. Въ слѣдствіе этого оказывается, что древняя китайская династія Ліа была Еламитская, персидская; династія Хангъ—египетская, а династія Чеу, ассирійская. Имперія Цинъ была основана только въ 256 до Р. Х. по низверженіи греко-бактрійской династіи; Китай имѣлъ въ древности египетскія, сирійскія, армянскія и ассирійскія колоніи.

Аббатъ Ламбо, бывшій двадцать лѣтъ богдыханскимъ астрономомъ въ Пекинѣ, нашелъ на оборотъ древнія катаяскія буквы на вавилонскихъ надписяхъ. (Institut).

—

ЗАДАЧА КОНКУРСА ГЕРМАНСКИХЪ ВРАЧЕЙ. — Въ собраніи германскихъ естествоиспытателей и врачей, бывшемъ въ нынѣшнемъ году въ Геттингенѣ, 20 сентября, предложена слѣдующая задача для соискательства:

«Какое вліяніе имѣетъ внутреннее употребленіе различнаго количества обыкновенной воды при разныхъ отношеніяхъ на человѣчскій организмъ?»

При этомъ долженъ быть обозначенъ химическій анализъ выпитой воды, различная температура ея, свойство и количество употребленной при этомъ пищи.

Сочиненія должны быть представлены къ іюлю 1855 года, Секретарю общества г-ну Бенеке, въ Ольденбургъ, съ запечатанною запискою подъ какимъ нибудь цитатомъ.

Премія во сто талеровъ присуждена будетъ и выдана при собраніи этого общества въ будущемъ году въ Вѣнѣ. (Erheiterungen).

—

ВОДОЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ ЗАМКѢ ИССИ. (Изъ письма путешественника). — При моихъ поѣздкахъ въ Бельвю, гдѣ я жилъ, посѣтилъ я водолечебное заведеніе доктора Леопольда Вертгейма въ Исси. Если изъ Парижа ѣхать по лѣвому берегу Сены съ поѣздомъ Версальской желѣзной дороги, то Исси лежитъ у первой станціи. Это милая деревня, которая кромѣ желѣзной дороги, имѣетъ съ Парижемъ много средствъ сообщенія, такъ что можно въ ней быть черезъ двадцать минутъ.

Я былъ уже однажды мимоѣздомъ въ замокъ Исси. Онъ нѣкогда принадлежалъ принцу Конти и великолѣпно устроенъ. Чтобы превратить подобный замокъ въ лечебницу, могло только придти въ голову такому страстному гидронату, какъ докторъ Вертгеймъ. Онъ пожертвовалъ огромною суммою, чтобы на многое число лѣтъ приспособить этотъ замокъ ко всѣмъ условіямъ своего водолечебнаго заведенія.

Въ Парижѣ нельзя было бы устроить его, потому что тамъ нѣтъ источниковъ и ключей, необходимыхъ для гидронатическаго леченія. Весь Парижъ и окрестности его пьютъ довольно нечистую воду Сены.

При замкѣ Исси есть паркъ въ сорокъ десятинъ (120 моргеновъ), въ которомъ текутъ источники чистой воды, стремящіяся изъ горныхъ ключей; они проведены въ водолечебное заведеніе для внутренняго и наружнаго употребленія.

При самомъ входѣ моемъ въ замокъ, былъ я изумленъ. Огромный дворъ содержался въ той же исправности и чистотѣ, какъ при принцѣ Конти, только теперь съ этого двора устроены входы во всѣ комнаты заведенія.

Нижній этажъ содержитъ въ себѣ общія залы, столовую, бальную залу *à la Louis XIV* съ древнею позолоченною мебелью. Изъ этой залы взшелъ я въ другую, еще великолѣпнѣе, съ камнемъ изъ бѣлаго мрамора.

Во второмъ этажѣ прекраснѣйшія комнаты для лицъ, пользующихся леченіемъ. Видъ изъ оконъ великолѣпный. Видѣтъ Парижъ и паркъ. Кабинетъ врача (въ которомъ, мимоходомъ сказать, можно было бы помѣстить огромную Парижскую квартиру), тоже въ этомъ этажѣ.

Докторъ Вертгеймъ, извѣстный своею книгою: *de l'eau froide, appliquée au traitement des maladies*, снабдилъ свое заведеніе всѣми новѣйшими улучшеніями. Сидячія и дождевыя ванны доведены до такого совершенства, какого я не видалъ нигдѣ въ Германіи. Подвижныя лѣстницы переносятъ купающихся изъ одного этажа въ другой.

Въ одномъ флигелѣ парка устроено гимнастическое заведеніе. А какія вездѣ удобства для большихъ! Какая прекрасная пища! Я знаю многихъ, которые и по выздоровленіи своемъ остаются здѣсь, чтобы промѣнять душный грязный Парижъ на здоровый и чистый Исси.

Здѣсь и зимою бываетъ много посѣтителей, пользующихся охотою въ паркѣ.

(Erheiter.)

КИТАЙСКІЯ ПОСЛОВЦЫ О ЖЕНЩИНАХЪ. — Первая мысль женщины самая умная; послѣдняя самая опасная.

— Величайшее краснорѣчіе женщины состоитъ въ томъ, что она молчитъ и краснѣетъ. Сильнѣйшее мужество ея — стыдливость.

— Умъ женщины похожъ на ртуть, а сердце на воскъ.

— Женщины не должны были бы учиться читать, потому что на свѣтъ такъ много дурныхъ книгъ.

— Женщина всего говорливѣе, когда хвалитъ своего мужа, и краснорѣчивѣе, когда жалуется на тещу.

— Размышленіе излечиваетъ мужчинъ отъ страстей, но раздражаетъ воображеніе женщинъ и дѣлаетъ ихъ страсти неизлечимыми.

— Некрасивость женщины вывѣска ея добродѣтели.

— Гораздо лучше, чтобъ женщина собственнымъ своимъ лицомъ нравилась только одному человѣку, нежели посредствомъ румянъ — тысячамъ.

— Молчаніемъ женщины болѣе всего выигрываютъ.

— Когда женщина опуститъ глаза, то хочетъ, чтобъ на нее смотрѣли.

— Если мужчины соберутся между собою, то слушаютъ рѣчи другъ друга. Женщины рѣдко слушаютъ, но больше осматриваютъ одна другую.

— Если женщина смѣется надъ сдѣланнымъ ей оскорбленіемъ, то это значитъ, что она увѣрена въ мщеніи.

— Супруга Богдыхана тоже жена своего мужа.

— Дѣвушка *принимаетъ* мужа; вдова *беретъ* его.

Одна знаменитая китайская писательница сказала:

«Женщина не можетъ себѣ дать красоты, но можетъ всегда быть любезною. Жена уже красива въ глазахъ своего мужа, если взоры ея и голосъ кротки, если она всегда тиха и чистоплотна, если одѣвается просто, но со вкусомъ; если скромна въ словахъ и поведеніи, исполняя притомъ всѣ свои обязанности во-время, прилежно и спокойно, съ любезностью и безъ жеманства».

(Athenaeum).

СОХРАНЕНІЕ ПІАВОКЪ. — Десять лѣтъ тому назадъ, Фермонъ производилъ опыты надъ сохраненіемъ пивовокъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно продолжалъ свои изслѣдованія, и вотъ полученные имъ результаты:

1. Вода Сены и дождевой воды гораздо полезнѣе пивкамъ, нежели воды въ каналахъ (Уркскомъ и др.), а особенно нежели парижская колодезная вода, насыщенная гипсомъ.

2. Фаянсовые сосуды лучше для нихъ, нежели стеклянные или муравленные, а особенно лучше каменныхъ, обыкновенно употребляемыхъ.

3. Темнота гибельна для пиявок; обыкновенный свѣтъ гораздо полезнѣе для нихъ.

4. Гораздо лучше сохранять пиявокъ въ землѣ, нежели въ водѣ. Сравнительная смертность простирается въ томъ и другомъ случаѣ отъ 75 до 80. Но и земля имѣеть нѣкоторыя неудобства, которыя уничтожены вновь-изобрѣтеннымъ аппаратомъ, подь названіемъ *карманное болото (marais portatif)*. Главныя выгоды его состоятъ: 1) въ удобномъ возобновленіи воздуха; 2) въ возобновленіи испорченной воды свѣжею. Съ этимъ аппаратомъ можно перевозить пиявокъ на далекія разстоянія. (Rev. Cont.).

ПРАЗДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИВОПИСИ.—Въ Антверпенѣ было недавно празднество древней гильдіи Св. Луки, четырехъ-сотъ-лѣтней ея годовщины. Это общество пригласило всѣхъ своихъ членовъ и любителей живописи ссудить его на нѣсколько недѣль лучшими своими картинами и другими предметами изящныхъ художествъ. Составилась самая великолѣпная выставка. Было до пяти-сотъ превосходныхъ картинъ и тысячъ пять вещей. Рубенсъ и Ванъ Дикъ были конечно главными представителями выставки. Но были и произведенія Якова Юрденса, Рембрандта, Луки Лейденскаго, Ванъ Эйка, Кентена-Метиса, Теньерса, Бергена, Жерара Доу, Гоббема, Рюисдаля, Ванъ-деръ-Гельста и проч. (Idem).

БѢЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ НА АНТИЛЬСКИХЪ ОСТРОВАХЪ (изъ воспоминаній туриста). Жители умѣренныхъ климатовъ составляютъ себѣ всегда преувеличенную идею о красотахъ и привлекательности жаркихъ и тропическихкихъ странъ. Это большею частію происходитъ отъ разсказовъ путешественниковъ, писавшихъ подь вліяніемъ перваго впечатлѣнія или слишкомъ быстрого обзора великолѣпныхъ ландшафтовъ, чуднаго неба и роскошной растительности. Но Англичанинъ г. Дей (Day) пять лѣтъ провелъ на Антильскихъ островахъ и имѣлъ вполне время изучить физическій характеръ страны и нравы жителей.

Группа Антильскихъ острововъ простирается отъ устья Ореноко въ видѣ цѣпи горъ, къ сѣверу между 10 и 16° сѣв. шир. Г. Дей поочередно переходилъ съ одного острова на другой для наблюденія и записыванія видѣннаго имъ. Написанное прочитывалъ онъ всегда тѣмъ изъ жителей, которые могли судить безпристрастно объ изложенныхъ предметахъ.

Первые острова, посѣщенные имъ, были Барбадскіе — и описаніе ихъ оставляетъ въ читателѣ самое невыгодное впечатлѣніе. Онъ болѣе указываетъ на три неблагопріятныя стороны Вестъ - Индіи: дурной характеръ и дерзость негровъ; безнравственность и дурной тонъ блага народонаселенія, и наконецъ ядовитыя насѣкомыя и змѣи.

На барбадскихъ островахъ цвѣтное народонаселеніе вчетверо многочисленнѣе блага. Система вольнонаемнаго труда успѣшнѣе принята тамъ, нежели на другихъ островахъ. Негры работаютъ тамъ только четыре дня въ недѣлю по девяти часовъ въ день, съ платою по шиллингу (30 коп. сер.) въ день. Но кто хочетъ видѣть негра во всей его лѣни и наглости, тотъ долженъ посмотрѣть на островъ Св. Троицы.

«Кто подъ жаркимъ небомъ этого острова могъ бы самъ обрабатывать землю, тотъ выгодно могъ бы купить ее. Участки ея продаются по 15 долларовъ (22 руб. сер.). Но если онъ думаетъ обрабатывать ее вольнонаемными, то она придется дорого, потому что плата за работу очень высока. Посредственный работникъ получаетъ по одному шиллингу восьми пенсовъ въ день. Ремесленники же въ городахъ получаютъ гораздо больше. Да и сговорясь съ поденникомъ, хозяинъ безпрестанно принужденъ прибавлять ему, чтобъ подстрекнуть его къ окончанію работы.

Недавно попробовали привозить сюда вольнонаемныхъ рабочихъ изъ Калькутты. Но у нихъ меньше физической силы, нежели у негровъ, хотя въ нравственномъ отношеніи они гораздо выше ихъ. Во время пребыванія Дея привезли ихъ на островъ Св. Троицы триста человѣкъ—и азіятская фізіономія ихъ рѣзко противорѣчила африканской. Черты остъ-индскихъ Кулисовъ тонки, правильны, умны,—а негры представляли подлѣ нихъ полу-обезьянъ, которыя гримасничали, видя новопріѣзжихъ.

Между ними вскорѣ произошли важныя ссоры. Негры возненавидѣли Кулисовъ за то, что тѣ будто бы пріѣхали отбивать у нихъ хлѣбъ. По многочисленности негровъ ссоры эти всегда были во вредъ Кулисовъ, которыхъ законодательство бѣлыхъ очень слабо защищало.

Производство сахара совершенно падаетъ на этихъ островахъ по причинѣ возвышенной платы, требуемой неграми, лѣности ихъ и наглости. Всѣ землевладѣльцы хотятъ вмѣсто сахара заняться хлѣбопашествомъ.

Неаполитанское *dolce far niente* составляетъ еще самую дѣятельную жизнь въ сравненіи съ лѣностью негра. Надобно привести сюда вели-

чайшаго негрофила и филантропа, и онъ убѣдится, что всѣ качества негровъ заключаются въ лѣни, дерзости и жестокости.

Бѣда вѣрить негру лошадь. Онъ будетъ выдумывать самыя утонченныя жестокости, чтобъ замучить бѣдное животное. Даже Негритянки бьютъ и мучатъ дѣтей своихъ.

Уже выше было сказано, что негры получаютъ за поденную работу по одному шиллингу и восьми пенсовъ съ готовою квартирою, съ тѣмъ, чтобы девять часовъ въ день работать. Но негръ рѣдко работаетъ и пять часовъ. Служители же при домѣ еще лѣнивѣе и наглѣе.

Вообще негры почитаютъ себя гораздо выше и лучше бѣлыхъ, отзываясь всегда о нихъ съ презрѣніемъ: *«бѣдные бѣленькіе люди!»*

Г. Дей провелъ нѣсколько дней у губернатора острова лорда Гарриса. У него были слуги всѣхъ націй: Англичане, Ирландцы, Португальцы; негры и кѣлсы. Отъ этого происходили важныя между ними ссоры, но всего труднѣе было держать въ повиновеніи негровъ. Величайшее ихъ наслажденіе состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать все на выворотъ и разсердить своего господина. Но иногда они охотно выполняютъ и буквально такія приказанія, которыя могутъ произвести безпорядки. Однажды губернаторъ велѣлъ ночью отъ себя одному негру проводить Дея до его квартиры. Дей пошелъ съ провожатымъ, но потомъ вспомнивъ, что ему надобно еще зайти къ одному человѣку, остановился у воротъ и сказалъ негру, что онъ ему уже не нуженъ и чтобы онъ шелъ домой.

— Нѣтъ, массо! отвѣчалъ онъ. Губернаторъ велѣлъ проводить васъ до квартиры—и я не оставляю васъ.

— Но я можетъ быть здѣсь останусь ночевать.

— Нельзя! или пойдемте къ вамъ на квартиру, или воротимтесь къ губернатору. Я спрошу: можно ли васъ оставить въ другомъ домѣ?

Дѣлать было нечего. Негръ не отходилъ отъ него, — и Дей пошелъ домой.

Впрочемъ Дей бранить не однихъ негровъ. Онъ говоритъ, что на островѣ Св. Троицы негры ненавидятъ бѣлыхъ, но боятся ихъ презирая, и ненавидятъ Мулатовъ. Мулаты ненавидятъ и бѣлыхъ, и негровъ,—а больше презираютъ и тѣхъ и другихъ. При малѣйшемъ предлогѣ вспыхиваютъ сцены вражды и ожесточенія. Они только солдатъ боятся; одинъ красный мундиръ разгонитъ цѣлую толпу бѣснующихся негровъ.

Нѣкоторые путешественники часто видѣли, что негры предаются неумѣренному смѣху, и вообразили себѣ, что это доказываетъ доброту

ихъ характера. Жестокая ошибка! Они злы и жестоки, хотя и трусливы. Посмотрите на ссору между самими неграми. Они никогда не становятся лицомъ къ лицу другъ съ другомъ. Они почти спиною повертываются одинъ къ другому, осыпая другъ друга ругательствами.

Являются женщины и разнимають ихъ. Но если потомъ который нибудь изъ нихъ можетъ изъ-за угла пырнуть ножомъ въ противника, онъ не пропуститъ случая сдѣлать это.

Англія дурно сдѣлала, дозволить имъ носить оружіе. У каждаго есть ножъ, бритва, а за-городомъ и другаго рода оружіе.

Послѣ острова Св. Троицы, Дей осматривалъ островъ Сентъ-Винцентъ—и *спрыи* его вулканъ, столь краснорѣчиво описанный другими путешественниками, но не произведшій впечатлѣнія надъ г. Демъ. Ему только понравилась дорога, ведущая къ нему. На вершинѣ находится кратеръ, наполненный теперь темнозеленою водою. Болѣе всего восхищался Дей дѣвственными лѣсами у смолистаго озера.

«Когда мы проникли въ эти лѣса (говорить онъ), я почувствовалъ невольный страхъ и удивленіе. Большая часть этихъ лѣсовъ развиваютъ свои вѣтви только почти на самой вершинѣ. За то они одѣты какъ бы плащемъ вьющимся растеніями, образующими около нихъ тысячи канатовъ. Всѣ эти деревья были новы для меня. Меня поразила своею странностью *Тиръ* (здѣшнее названіе), котораго стволъ, какъ стрѣла, возвышался прямо и высоко, а вершина распускается въ видѣ щитка. *Белленджеръ*, у котораго листья въ три фута, похожи на огромное копье. Однимъ словомъ тутъ было множество пальмовыхъ и алойныхъ деревъ, которыхъ названія привели бы въ тушкѣ ученѣйшаго ботаника. Изъ нихъ замѣчательнъ *Потъ-мукъ*. Это кустарникъ въ пятнадцать футовъ вышины, вооруженный иглами въ два дюйма съ половиною. Онъ всего болѣе затруднялъ проходъ по лѣсу. Повсюду царствовала самая торжественная тишина, изрѣдка нарушаемая пѣніемъ птицъ. Лѣса эти населены попугаями, обезьянами, тигровыми кошками и удавами. Всего опаснѣе нечаянно наткнуться на послѣдняго, принявъ его за сукъ или корень. За недѣлю предъ тѣмъ убитъ былъ на одной плантаціи удавъ длиною въ шестнадцать футовъ. Одна выгода этихъ лѣсовъ состоитъ въ томъ, что въ жары тамъ прохладно».

Выбравшись изъ лѣсу, путешественники отдохнули на одной плантаціи, гдѣ ихъ угостили хлѣбомъ, виноградомъ и бѣлымъ пивомъ, оставляющимъ драгоценное питье въ этихъ жаркихъ климатахъ. Этого пива много расходится въ Вестъ-Индіи, гдѣ крѣпкое пиво и портеръ вредны. Туземцы мало пьютъ воды, подливая въ нее всегда водку. Но

Французы, живущіе тамъ, кладутъ въ воду сахаръ и малинный уксусъ, находя, что это гораздо лучше и здоровѣе воды.

Вообще за столомъ не пьютъ вина, а воду съ водкою или родъ холоднаго пунша съ ромомъ, называемый *фалерномъ*,—сильно возбуждательное средство.

На Сень-Винцентѣ составляютъ еще пріятнѣе питье изъ водки, рому, вина и портеру съ лимоною коркою и мускатнымъ орѣхомъ, известное подъ названіемъ *головолома*. Другое питье составлено изъ молока кокосоваго орѣха съ сахаромъ и анисовою водкой. Однимъ словомъ, на этихъ островахъ истребляютъ огромное количество спиртныхъ напитковъ—и послѣдствія этого самыя ужасныя. Воспламенная кровь, предрасполагаютъ они къ желтой лихорадкѣ и дѣлаютъ вообще людей раздражительными.

«Спокойствіе души (говоритъ Дей) лучшее предохранительное средство отъ болѣзни. Ужасно видѣть сколько людей умираютъ отъ вспыльчивости. Малѣйшая раздражительность ведетъ къ совершенному разстройству организма».

Другая причина, долженствующая побудить здѣшнихъ жителей къ умѣренности, состоитъ въ множествѣ ядовитыхъ животныхъ, которыхъ укушеніе было бы большею частію не смертельно, еслибъ кровь не была разгорячена и въ волненіи.

Описавъ всѣ красоты здѣшней растительности и ландшафтовъ, Дей рассказываетъ и непріятность ихъ.

«Безпрестанно падаютъ къ ногамъ моимъ то ящерица съ дерева, то *сколопендръ* съ потолка или паукъ. Послѣдній здѣсь огромнаго размѣра. Онъ разведя лапами своими, занимаетъ девять дюймовъ вокругъ себя. Самка таскаетъ съ собою родъ бѣлой подушки въ полдюйма діаметра. Это гнѣздо птенца ея, который питается матерью, съѣдая иногда ея лапы».

Возвратясь однажды въ портъ Эспань, Дей описываетъ слѣдующимъ образомъ проведенную имъ ночь:

«Когда я ложился спать, то печаянно пошевелила подушкою, увидѣлъ выскочившаго изъ-подъ нея огромнаго сколопендра въ шесть дюймовъ. Я бросился за нимъ и успѣлъ раздавить его. Удивительно было то, что при этомъ отдѣлилъ я ногою голову его отъ туловища и отпихнулъ ихъ за дверь. Но поутру ихъ уже не было, они ушли. Когда я улегся, то вдругъ увидѣлъ чернаго тарангула, котораго укушеніе производитъ лихорадку. Я бросился за нимъ, но онъ ушелъ. Едва я успѣлъ опять улечься, какъ подъ подушкою у меня что-то зашевелилось. Это была *конгорей*, длинный, слѣпой червякъ; онъ безвреденъ,

но непріятель. Я его выбросилъ за окно. Но едва хотѣлъ я опять лечь, какъ увидѣлъ бѣгущаго большаго сколопендра. Я раздавилъ его ногами — и думалъ, что убилъ. Какъ я удивился, когда обѣ части тѣла начали быстро двигаться. Возвратясь нашель я на кровати еще двухъ конгорей,—и улегся. Въ остальную ночь безпокоили меня только летучія мыши, тараканы и крысы. И вотъ прелесть тропическихъ почей! Въ дождливое время года, когда всѣ эти насѣкомыя ищутъ убѣжища въ жилищахъ,—они несносны. Надѣвая сапоги, туфли, чулки—надобно всегда осмотрѣть ихъ, чтобъ не надѣть съ насѣкомыми, которыхъ укушеніе весьма опасно».

Все это дѣлается дома,—но на воздухѣ являются комары, слѣпни и другія насѣкомыя, которые то же очень сильно кусаются. Красный слѣпень самый опасный. Онъ строитъ себѣ гнѣзды въ домахъ. Эти гнѣзды составлены изъ сотни отдѣльныхъ каморокъ, весьма искусно обдѣланныхъ. Слѣпни кусаются только, когда ихъ раздражить.

Мустики больше падоѣдаютъ, нежели слѣпни. За столъ иначе не садятся, какъ подкладывая листъ бумаги на плетеные стулья.

Красный звѣрекъ проникаетъ подъ кожу и производитъ сильное воспаленіе. Другая такая же порода кладетъ подъ кожу яйца, изъ которыхъ выходятъ червячки длиною въ нѣсколько дюймовъ.

Изъ дикихъ звѣрей здѣсь самый опасный вервь, которыхъ кожа такъ толста, что свинцовыя пули не пробиваютъ ее, а тояко оловянные. И однако же, на этого звѣря охотники идутъ часто съ однимъ большимъ ножомъ и нѣсколькими собаками.

На этихъ островахъ растетъ извѣстное ядовитое дерево *мансениля*. Негры употребляютъ его для рыбной ловли, погружая вѣтви его въ воду. Отъ этого рыба, близко подплывающая къ отравленной водѣ, лишается чувствъ.

Вестъ-индская кухня весьма замѣчательна. Главное блюдо — дикіе голуби; хлѣба печенаго нѣтъ, но подаютъ игнамы, кускусы, платаны. Пшеничный хлѣбъ надобно особенно заказывать. За завтракомъ подаютъ жареныхъ червей *грю-грю*. Это бѣлый червякъ, въ полтора дюйма длины, съ черною головкою—и очень жиренъ. Преодолѣвъ отвращеніе, можно ѣсть его, и онъ вкусенъ.

Изъ бараньей крови приготавливаютъ блюдо, которое, однако же, хуже червяковъ.

Дей вообще описываетъ Вестъ - Индію не весьма привлекательною. Воздухъ чище въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ, Константинополѣ. Небо въ Египтѣ гораздо красивѣе. Здѣсь (на островѣ Св. Троицы) воздухъ сыръ, жарокъ, желтоватъ. Путешественники смотрѣли здѣсь

на многое съ преувеличеннымъ восторгомъ. Напримѣръ, Дей описываетъ, что колибри вовсе не такъ красива, какъ мы себѣ ее представляемъ. Но есть много и любопытнаго въ этихъ странахъ. Напримѣръ, самострѣльное каштановое дерево. Плоды его заключены въ оболочкѣ, которая съ трескомъ лопааясь, выбрасываетъ его далеко, какъ бы стрѣляя въ пострѣтителей. Молочное дерево, при малѣйшемъ надрѣзѣ коры, даетъ молоко, весьма похожее на обыкновенное.

Здѣсь жабы въ семь дюймовъ длины скачутъ на большое пространство, и когда ихъ преслѣдуютъ, то выбрасываютъ ѣдкую жидкость, ослѣпляющую собакъ и людей, если попадетъ имъ въ глаза.

Цѣнность имѣній здѣсь чрезвычайно упала, потому что нельзя имѣть рабочихъ. Негры рѣшительно преданы лѣни: ихъ питаетъ хлѣбное дерево и растенія, игнамы, мангусы, бананы и пр. Имъ нужны только деньги для покупки водки.

Одного только боятся они, чтобъ не подпасть подъ власть Американцевъ, которые заставятъ ихъ работать.

Въ водахъ Антильскихъ острововъ чрезвычайно много акулъ—и рыболовы, проводящіе всю жизнь у береговъ, рассказываютъ, что эти животныя издаютъ подъ водою какіе-то звуки. Рыбаки говорятъ тогда, что акула *поетъ*. Дей слышалъ это пѣніе. Оно похоже на шипѣніе паровой машины.

(Revue Britannique).

ПРОКОДИЛЬ И УЧЕНЫЙ. (Естественная и неестественная исторія).—

Заглавіе это похоже на басню, однако я рассказываю истинное происшествіе, говоритъ французскій писатель Мери.

«Городъ Бельфасть, въ Ирландіи, населенъ учеными. Ученость бѣгаетъ тамъ по улицамъ точно также, какъ остроуміе во Франціи. Когда я пріѣхалъ въ Бельфасть, меня поразила наружность его жителей. Всѣ они похожи на геометрическія фигуры точно также, какъ всѣ прохожіе въ Парижѣ напоминаютъ водевили Гимназій, Разнообразія и Пале-рояля—съ куплетами.

Адамсонъ, одинъ изъ безчисленныхъ ученыхъ Бельфаста — былъ очень богатъ, не смотря на то, что ученъ, и однако не былъ счастливъ. Всякое утро онъ задавалъ себѣ слѣдующій вопросъ: отчего путешественникъ Брюсъ не открылъ полуострова Мерозъ?

Для каждаго человѣка несчастіе состоитъ въ какой нибудь специальности. Я зналъ почтеннаго гражданина, умиравшаго съ горя, потому что онъ былъ выключенъ изъ національной гвардіи за *неспособность къ военной службѣ*. Ружье назначено держать правою рукою, а

у почтеннаго гражданина были обѣ руки лѣвыя. Не несчастіе ли это?

Адамсонъ изучалъ карту Брюса отъ Лунныхъ горъ до Гермополиса и не находилъ ничего похожаго на полуостровъ, который Геродотъ видѣлъ своими собственными глазами.

Эта мысль не давала покоя ученому Ирландцу.

И вотъ онъ наконецъ купилъ пару дублинскихъ чулковъ и отправился въ Египетъ, черезъ каналъ Св. Георга, Ламаншъ, мимо Франціи въ Средиземное море. По дорогѣ онъ ничего не видѣлъ, думая только о полуостровѣ Брюса.

Наконецъ онъ встрѣтилъ Нилъ, но не поклонился пирамидамъ, и эти монументы хладнокровно перенесли подобную невѣжливость, къ которой не привыкли. Проведя нѣсколько часовъ въ Каирѣ, онъ направилъ свой путь къ развалинамъ Карнака.

Разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на величественные колоссы Мемнона, на монументы Озимандіаса и Сезостриса, на колонны Пзиды, обелиски Луксора и всѣ чудеса Оиваиды. Онъ все шелъ вверхъ по Нилу, черезъ Латополисъ, Элеюю, Аполлонополисъ, Омбось и Сиену, которой дано варварское названіе Ассуана. Но всѣ древнія развалины не были удостоены ни однимъ знакомъ восклицанія. Какое униженіе для Египта!

Однажды жаръ былъ чрезвычайно великъ, что очень обыкновенно подъ тропиками, и ученый Адамсонъ, прельстясь свѣжестью Нила, рѣшился выкупаться въ священной рѣкѣ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ. Нигдѣ по близости не было живаго существа, даже не случилось тутъ ни одной статуи Изиды, Ибиса, Анубиса или Сераписа. Нилъ протекалъ въ таинственномъ молчаніи, омывая на лѣвомъ берегу великолѣпныя, неизслѣдованныя развалины, соединенныя цѣпью пригорковъ съ древней Элефантиной. Адамсонъ, увѣренный въ отсутствіи *полисменовъ*, поспѣшно раздѣлся, бережно сложилъ свое платье, поставилъ аккуратно сапоги на пригоркѣ, и погрузился въ живительныя волны.

Ученый благодарилъ природу, что она заботливо разлила прохладную рѣку по горячей пустынѣ, и вполнѣ наслаждался роскошнымъ купаньемъ, неизвѣстнымъ многимъ ученымъ. Припоминая свою молодость, когда онъ учился плавать на берегу Кингстоуна, онъ отплылъ дальше и очутился почти на срединѣ Нила.

Вдругъ нашъ тритонъ услышалъ чье-то тяжелое дыханіе и увидѣлъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него показалась изъ воды зеленая голова съ огромною пастью, вооруженною острыми зубами, и съ блестящими глазами.

Ученый вспомнилъ, только не много поздно, басню, начинавшуюся слѣдующими словами: *Собаки въ Египтъ пьютъ, бѣгая по берегу Нила, чтобъ не привлечь крокодиловъ.*

— О собачья мудрость! закричалъ Адамсонъ и началъ работать руками и ногами, чтобъ доплыть до маленькаго песчанаго островка.

Но крокодилъ, принадлежавшій къ самой прекрасной породѣ этихъ амфибій, кровожадный, какъ тигръ бенгальскій, или левъ Атласа, поплылъ то же вслѣдъ за ученымъ, который былъ хотя и худощавъ по причинѣ своихъ занятій, но все-таки составлялъ порядочный завтракъ для жаднаго животнаго.

Адамсонъ выскочилъ на берегъ острова, чувствуя уже на своихъ ногахъ жаркое дыханіе крокодила. Этотъ страшный жаръ послѣ холодной ванны придалъ ему новыя силы, но, выйдя на берегъ, ученый вспомнилъ, что онъ еще не избѣгнулъ опасности, потому что крокодилъ, какъ земноводное животное будетъ преслѣдовать его и на землѣ. Тогда увидя передъ собою небольшое дерево — единственное на всемъ островѣ, ученый обнялъ стволъ его и полезъ на пальму съ легкостью векши.

Къ счастью, Адамсонъ въ двадцать лѣтъ столько работалъ надъ предложеніями Эвклида, что похудѣлъ почти до нельзя и сдѣлался способнымъ влѣзать на пальмы.

Адамсонъ расположился на деревѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вѣтви и листья сплетаясь бѣгутъ во всѣ стороны въ полной свободѣ, и взглянулъ сверху на Ниль.

Глаза его закрылись на минуту отъ ужаса. Крокодилъ вышелъ изъ воды и, отряхивая блестящую чешую, шелъ прямо къ пальмовому дереву, какъ всякое четвероногое животное.

Ученый старался припомнить все, что писано о крокодилахъ у Плинія и Сааверы, а главное припоминалъ, не говорятъ ли эти натуралисты, что крокодилы могутъ влѣзать на пальмы.

— О! дай Богъ, шепталъ онъ, чтобъ ученые ошиблись, если они говорятъ, что чудовище это можетъ лазить по деревьямъ.

Вдругъ Адамсонъ почувствовалъ дрожь. Онъ вспомнилъ, что самъ напечаталъ статью въ *Belfast Review*, въ которой увѣрялъ своихъ доверчивыхъ читателей, что крокодилы лазятъ по деревьямъ точно также, какъ кошки. Въ эту минуту онъ хотѣлъ бы бросить въ огонь свою статью; но было уже поздно. Не только весь Бельфасть прочиталъ ее, но она переведена на арабскій языкъ, и ни одинъ авторъ на востокъ и даже въ Крокодилополисѣ не вздумалъ опровергнуть этого мнѣнія.

Между тѣмъ грозное животное подошло къ дереву и выказывало радость, что увидѣло свою жертву. Обойдя нѣсколько разъ вокругъ пальмы, оно остановилось, придумывая какъ бы блокировать крѣпость, которую нельзя взять приступомъ.

Не смотря на ужасное положеніе, Адамсонъ почувствовалъ сильную досаду, когда удостовѣрился на опытѣ, что крокодилъ не можетъ лазить по деревьямъ, какъ кошка, и что стало быть, его статья никуда не годится. Однако ученый все-таки мысленно далъ себѣ слово не выводить своихъ читателей изъ заблужденія, если онъ и будетъ когда нибудь въ состояніи опять приняться за ученые статьи. Когда онъ писалъ про крокодиловъ, то былъ вполне увѣренъ, что они одарены кошачьею способностью лазить по деревьямъ, и всѣ ученые повѣрили ему и подтвердили этотъ важный фактъ. Какъ же можно теперь опровергнуть это мнѣніе? Скорѣе допустить, что крокодилъ *не хочетъ* влѣзть на пальму за добычей, а дожидается, чтобъ завтракъ самъ пришелъ къ нему.

Крокодилъ принималъ уже стратегическое положеніе. Ученый составилъ въ это время другую статью, въ которой готовился описать весь умъ и хитрость этихъ животныхъ.

Растянувшись во всю длину, крокодилъ спокойно легъ на песокъ подъ жгучимъ солнцемъ, и началъ терпѣливо ожидать, чтобъ ученый слѣзъ съ дерева, помахивая между тѣмъ радостно хвостомъ при мысли о неизбежности вкуснаго кушанья.

Адамсонъ съ своей стороны наблюдалъ за чудовищемъ, и не смотря на важныя открытія для науки, все-таки дрожалъ отъ страха, чувствуя всю опасность своего положенія.

Мучительные часы ожиданія имѣютъ двѣсти сорокъ минутъ, но они то же проходятъ когда нибудь. Время идетъ иногда на костыляхъ, но все-таки идетъ, и никогда не останавливается. Послѣ короткихъ сумерокъ настала ночь, и послѣдній лучъ свѣта показалъ ученому все ту же неподвижную, горизонтальную фигуру крокодила.

Желая утѣшить себя хоть не много, Адамсонъ началъ отыскивать въ памяти примѣръ подобнаго же положенія, случившагося съ кѣмъ нибудь до него, и нашелъ только примѣръ своего соотечественника Робинзона Крузоа, родившагося въ Йоркѣ, который, послѣ своего кораблекрушенія, провелъ цѣлую ночь на деревѣ, опасаясь звѣрей. Вѣроятно дерево знаменитаго путешественника было то же пальмовое, стало быть, жить на немъ еще возможно, хотя не много жестко. Робинзонъ самъ увѣряетъ, что онъ уснулъ на деревѣ. Притомъ въ англійскихъ гостиницахъ встрѣчаются постели такія же жесткія, какъ

пальмовые листья, стало быть, положеніе бельфаестскаго ученаго не совсемъ отчаянно.

Адамсонъ мало спалъ въ эту ночь, но за то видѣлъ странные сны. Ему снилось, что онъ сидитъ предъ академиками Бельфаеста и читаетъ имъ статью, въ которой доказываетъ, что крокодилы никогда не существовали, точно также, какъ сфинксы, и Египтяне выдумали сами это баснословное животное. При этомъ онъ почувствовалъ, что на его щеки падаютъ слезы крокодила, и, проснувшись отъ ужаса, чуть было не упалъ на хвостъ своего сторожа.

Это заставило его быть осторожнѣе. Ученый рѣшился не засыпать болѣе, и для этого придерживалъ пальцами свои вѣки, чтобъ они не закрывали глаза. Чего человѣкъ не дѣлаетъ для спасенія своей жизни!

При восходѣ солнца, Адамсонъ съ отчаяніемъ увидѣлъ, что непрітель и не думалъ перемѣнять своего положенія. Крокодилъ, вѣроятно не спавшій ночью, наловилъ въ Нилѣ невинныхъ рыбъ, и въ ожиданіи свѣжаго мяса, подкрѣпилъ себя рыбною пищею.

Весь маленькій островокъ былъ покрытъ остатками несчастныхъ жертвъ, и ученый печально подумалъ: если врагъ мой будетъ по ночамъ обѣдать, а ночью блокировать меня, то, разумѣется, я скоро ослабну отъ голода и упаду въ его пасть...

При этой мысли, совершенно справедливой, волосы ученаго встали дыбомъ.

При томъ же желудокъ—эта машина, независящая отъ разсудка—громко началъ требовать пищи за два дня, потому что и наканунѣ ученый не успѣлъ пообѣдать. Голосъ желудка жаловался все громче, а бѣдный Адамсонъ не зналъ рѣшительно, что ему дѣлать.

Если бъ еще двое Бельфаестскихъ ученыхъ находились въ такомъ отчаянномъ положеніи, то, припомнивъ исторіи осажденных и кораблекрушеній, сильнѣйшій съѣлъ бы слабѣйшаго, чтобъ сохранить для науки хоть одного изъ ея представителей. Но Адамсонъ былъ, къ несчастію, одинъ, и голодъ сединялся съ осаднымъ положеніемъ, какъ это было въ Генуѣ при Массенѣ.

Между прочимъ ученый нашъ не зналъ, что пальмы производятъ плоды, называемые финиками, плоды вкусные, сочные, сытные, которыми Арабы питаются иногда исключительно, со временъ первыхъ жителей Аравіи. При первомъ золотомъ лучѣ солнца, прокравшемся между массивными листьями пальмы, онъ увидѣлъ большія грозды финиковъ и съ жадностью бросился на нихъ.

Въ Бельфаестѣ Адамсонъ кушалъ за завтракомъ кусокъ ростбифа, и

фунта два юрскаго окорока, запивая все это портвейномъ, но теперь онъ долженъ былъ довольствоваться и этими плодами пустыни, посланными ему Провидѣніемъ.

Онъ посмотрѣлъ внизъ, нѣтъ ли какихъ перемѣнъ у непріятеля, но чудовище очень спокойно грѣлось на солнцѣ.

Вдругъ страшная жажда зажглась въ груди ученаго. Это одно изъ величайшихъ несчастій осады. Притомъ же финики только усиливаютъ жажду. Какъ достать воду, которая иронически журча, струилась почти у самого корня пальмы. Это было повтореніе мученія Танталя. Широкая рѣка освѣжала пространныя земли, тогда какъ бѣдный ученый умиралъ съ жажды на своей пальмовой обсерватори.

Адамсонъ опять началъ припоминать исторію своего соотечественника Робинзона Крузо и нашель, что послѣдній былъ гораздо счастливѣе его. Правда, что Робинзонъ то же провелъ ночь на деревѣ, но на утро онъ слѣзь, убилъ нѣсколько попугаевъ, которыхъ съѣлъ вмѣсто куриць, и нашлся воды съ ромомъ. Потомъ пошелъ гулять подъ зонтикомъ, отыскалъ себѣ жилище, не встрѣтилъ ни одного крокодила и нашель еще Пятницу. Счастливый Робинзонъ! говорилъ вполголоса ученый. Счастливецъ! онъ былъ настоящимъ владѣтелемъ своего острова и имѣлъ одного вѣрнаго друга. И онъ еще былъ недоволенъ своею судьбою. Посадилъ бы я его на мою пальму и посмотрѣлъ, что онъ сталъ бы дѣлать.

Разумѣется, сравнительно, положеніе Адамсона было гораздо ужаснѣе Робинзона. Но человѣкъ всегда имѣеть привычку думать, что несчастнѣе его нѣтъ на свѣтѣ. А между тѣмъ въ этотъ самый день бѣдный французскій ученый Адольфъ Пети былъ съѣденъ крокодиломъ въ развалинахъ Омбоса! Стало быть, положеніе Адамсона на пальмѣ было еще не самое несчастное, и онъ не долженъ жаловаться на судьбу.

Въ это время легкія тучи покрыли солнце, и ученый вздрогнулъ отъ радости. Онъ разсчитывалъ на сильный дождь, и уже складывалъ вмѣстѣ свои руки, образуя изъ нихъ сосудъ, чтобъ набрать какъ можно больше этой небесной росы и насладиться ею. Но радость его была непродолжительна. Онъ вспомнилъ страшную надпись: *limite delle pioggie*, предѣлъ дождей, начертанную на картѣ Нила смѣлымъ итальянскимъ путешественникомъ Росиньолемъ, другомъ Бельцони. Пальма Адамсона была въ этомъ несчастномъ предѣлѣ, гдѣ небо только жжетъ землю, но не орошаетъ ее дождемъ.

Чтобъ напиться хоть въ воображеніи, Адамсонъ началъ читать главу изъ Тассова *Освобожденнаго Иерусалима*, гдѣ описывается, какъ

кресты носцы пили касками дождевую воду, упавшую проливнымъ дождемъ послѣ долгой засухи. Эти стихи еще больше изсушили горло ученаго, хотя и были прочитаны на полуитальянскомъ-полуанглійскомъ языкѣ.

Крокодилъ, какъ будто отгадавъ страданія бельфастскаго тантала, глоталъ цѣлые граины нильской воды, съ насмѣшкой поглядывая на верхушку пальмы. Эти шутки чудовища сердили Адамсона, и отъ волненія жажда его возрастала все болѣе.

Напрасно смотрѣлъ онъ на Ниль, надѣясь открыть какую нибудь лодку или живое существо. Никто не показывался ни вдаль, ни вблизи, потому что мѣсто это считается опаснымъ, и вся пустыня молчала какъ покойникъ. Только на почернѣвшихъ развалинахъ сидѣли ибисы, неподвижные какъ восклицательные знаки.

Мысли ученаго опять обратились къ Робинзону.

— Этотъ соотечественникъ мой, говорилъ онъ, ропталъ на свое положеніе, тогда какъ я почелъ бы его счастьемъ; но онъ имѣлъ одно важное достоинство — онъ былъ изобрѣтатель. Онъ изобрѣлъ себѣ хлѣбъ, зонтикъ, костюмъ и даже трубку. Нужда сдѣлала его гениальнымъ. На этой пальмѣ Робинзонъ нашелъ бы непременно воду. Стоить только хорошенько подумать.

И Адамсонъ началъ ломать свою голову. Внутренній жаръ увеличивалъ его жажду, такъ что по временамъ ему казалось, что у него въ горлѣ остановились горячіе уголья. Наконецъ мученіе его достигли до невыносимаго положенія.

А между тѣмъ Ниль катилъ передъ нимъ свои прохладныя, живительныя волны.

О нужда, мать промышленности! Ты никогда не покидаешь товарищей Робинзона!

Ученый захопалъ въ ладони отъ радости, какъ будто апплодируя своей мысли. Въ самомъ дѣлѣ, онъ открылъ новый гидравлическій способъ. Какъ мало надобно, чтобъ превратить въ восторгъ самое ужасное отчаяніе? Бѣдный ученый, сидя на своей пальмѣ, готовъ былъ уже отъ страданія самъ броситься въ пасть крокодила, но вдругъ счастливая мысль остановила его на краю пропасти, — онъ нашелъ средство достать нѣсколько капель солоноватой воды Нила.

Адамсонъ тотчасъ же принялся за дѣло, гордясь, что можетъ соперничать съ знаменитымъ Робинзономъ. Онъ сорвалъ нѣсколько вѣтокъ, изъ самыхъ длинныхъ, и связалъ ихъ волокнистыми полосками, оторванными отъ ствола и скрученными въ видѣ снурковъ. Послѣ этого онъ дождался, когда крокодилъ вошелъ въ воду, чтобъ не совѣтъ отвыкнуть отъ нея во время блокады, и опустил длинную вѣтвь въ

Ниль. Когда листья напитались водою, ученый осторожно поднялъ свою машину, и съ жадностью началъ обесасывать нижніе листья, зачерпнувшіе порядочное количество влаги. Никогда еще ни одинъ гастрономъ не пилъ съ такимъ наслажденіемъ рѣдкое вино, какъ бѣдный Адамсонъ наштокъ, добытый съ такимъ трудомъ.

Адамсонъ подсмѣивался надъ крокодиломъ, и нѣсколько разъ повторялъ свой опытъ, такъ что наслажденіе превращалось уже въ оргію. И Танталъ не могъ этого придумать!

Болѣе всего радовался Адамсонъ, что въ свою очередь мистифицировалъ крокодила.

Успокоенный на счетъ первыхъ потребностей жизни, Адамсонъ вспомнилъ, что въ послѣднюю ночь онъ дрожалъ не только отъ страха, но и отъ холода, и что если костюмъ пловца достаточенъ для жаровъ дня, то ночью не мѣшаетъ чѣмъ нибудь прикрыться. Была еще другая причина, которая заставляла соотечественника Робинзона подумать объ одеждѣ.—Что, если появится на рѣкѣ лодка, думалъ Адамсонъ, какъ я покажусь моимъ спасителямъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ?

И ученый, набравъ въ своемъ воздушномъ жилищѣ множество листьевъ, началъ составлять себѣ растительное пальто, которое если было не совсѣмъ модное, за то очень живописное. Изъ двухъ большихъ листовъ сдѣлана была фуражка, то же очень красивая и гораздо удобнѣе нашихъ уродливыхъ шляпъ.

Авторъ всѣхъ этихъ гениальныхъ произведеній былъ готовъ обнять себя отъ восторга. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не радоваться! Онъ былъ одѣтъ, сытъ, имѣлъ квартиру, и все это на счетъ природы. Всякое счастье относительно. Адамсонъ почиталъ себя счастливымъ, и послѣ своихъ изобрѣтеній съ пренебреженіемъ думалъ о Робинзонѣ Крюзо.

Прервавъ на минуту свои гордыя мечты, ученый взглянулъ внизъ и увидѣлъ крокодила, стоящаго подъ деревомъ съ грознымъ видомъ, какъ будто бы обдумывающаго какое нибудь дурное дѣло. Ученый не ошибся.

Крокодилъ то же съ своей стороны обдумывалъ новый планъ. Видя невозможность взять пальму приступомъ и осадю, онъ приступилъ къ другому военному средству. Огромные зубы чудовища впились въ стволъ дерева и начали грызть его. Наружность крокодила показывала, что ему уже надоѣло дожидаться, и онъ хочетъ кончить войну разомъ. Бѣдный Адамсонъ съ ужасомъ слышалъ работу огромной пасти при основаніи своего жилища.

Но и тутъ страхъ его былъ непродолжителенъ. Устройство зубовъ крокодила не позволяетъ ему перегрызать пальмъ. Они могутъ только содрать кору съ дерева. Благодѣтельная природа какъ бы съ намѣреніемъ поставила пальмы въ пустынѣ, чтобъ онѣ служили убѣжищемъ для несчастныхъ, преслѣдуемыхъ крокодилами. Адамсонъ не зналъ и этой особенности устройства челюсти крокодиловъ, хотя читалъ Плинія и Сааверса. Вотъ почему онъ ждалъ каждую минуту, что пальма обрушится подъ усиліями сапера и онъ найдетъ печальный конецъ въ живомъ гробѣ безъ эпитафіи и еще не цѣльный, а въ кровавыхъ ливре-зонахъ. И кто объявитъ Бельфасту о кончинѣ великаго своего ученаго!

Но послѣ нѣсколькихъ часовъ безуспѣшной работы, крокодилъ усталъ и отошелъ отъ дерева. Адамсонъ вздохнулъ свободно и поправилъ на головѣ тюрбанъ изъ листьевъ; непріятель все еще не отказался отъ своей жертвы. Онъ началъ бить брешь по пальмѣ своимъ бронзовымъ хвостомъ. Дерево закачалось, какъ во время землетрясенія, и Адамсонъ принужденъ былъ крѣпко держаться за стѣны своего воздушнаго дома. По временамъ кисти финиковъ, оторванныя трясеніемъ, падали на спину чудовища, и ярость его усиливалась, какъ будто бы осажденный защищался. Но ученому было не до того. Онъ думалъ, что для него можетъ придти голодное время, если весь запасъ провизіи слетитъ съ дерева.

Положеніе его становилось опять незавиднымъ, и измученный страшнымъ ожиданіемъ, онъ находилъ, что жизнь не стоитъ того, чтобъ защищать ее такъ долго, и потому рѣшился лучше умереть одинъ разъ, нежели всякую минуту выкупать мученіями. Твердо рѣшившись на это отчаянное средство, онъ раздвинулъ вѣтви пальмы и высунулъ ногу, чтобъ броситься прямо на чудовище, но другая нога его не двигалась съ мѣста. Его остановила похвальная мысль: у Адамсона не было семейства, ни жены, ни дѣтей, ни племянниковъ, стало быть, онъ, какъ единственный представитель Адамсоновъ, долженъ былъ беречь свою драгоценную жизнь. Люди всегда гениальны, когда дѣло идетъ объ отчаянныхъ средствахъ. Если бъ у него были дѣти, онъ былъ бы обязанъ сохранить имъ отца; безъ семейства онъ обязанъ былъ жить для того, чтобъ имѣть его въ послѣдствіи, говоритъ латинскій поэтъ.

Адамсонъ похвалилъ себя внутренно за свое распоряженіе и даже называлъ трусомъ за то, что впалъ въ отчаяніе отъ такой пустой причины. Можетъ быть еще дерево и выдержитъ напоръ непріятели. И рѣшившись защищать жизнь до послѣдней крайности, онъ укрѣпился какъ можно лучше, чтобъ не упасть съ пальмы.

Кто разгадаетъ когда нибудь сердце человѣка! Давно ли нашъ Адам-

сонъ былъ въ отчаяніи, а теперь онъ съ любопытствомъ смотритъ на усилія непріятели, и почти забавляется качаніемъ тонкаго дерева, крѣпко вросшаго въ почву. Онъ воображаетъ себя въ качеляхъ новаго рода, и проницески улыбаясь, остритъ надъ крокодиломъ, называя его англійскими эпитетами *goose, rascal* и *naughty boy*. Эпиграмы эти еще больше раздражали чудовище, и оно отвѣчало гремя желѣзной чешуей, чтъ ученый Бельфаста находилъ довольно гармоническимъ концертомъ.

Рѣшительно пальму нельзя было сломать. Адамсонъ торжествовалъ. Онъ вспомнилъ главу Сенеки, гдѣ говорится, что мы должны сами отыскивать счастье во всѣхъ положеніяхъ жизни, и рѣшился устроиться поудобнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, будущность его была завидная. Чего ему недоставало? Онъ былъ въ хорошемъ климатѣ, пища его не разнообразна, но здорова, уединеніе самое восхитительное, питье самое обильное. Онъ намѣревался даже наловить эіопскихъ голубей при ихъ пролетѣ и жарить ихъ на солнцѣ. Стало быть, онъ былъ обезпеченъ на счетъ жизненныхъ потребностей. Что же касается до развлеченій, у ногъ его протекала чудная рѣка, вдали видѣлись таинственныя развалины, и къ тому же его забавлялъ крокодилъ. Какъ же можно было ему скучать! Въ свободное время онъ могъ готовить сочиненіе о древней странѣ, разстилающейся передъ нимъ отъ Изумрудныхъ горъ до горы Аяса, безпредѣльной пустыни, гдѣ возвышаются храмы Юпитера и Аполлона между Вероникой и Нехезіей.

И такъ Адамсонъ рѣшился придать комфортабельность своему жилищу. Онъ раздѣлил его цвѣтущими перегородками на три комнаты, въ которыхъ гулялъ съ гордостью настоящаго хозяина дома. Въ его кабинетѣ было множество гладкихъ пальмовыхъ листовъ, на которыхъ онъ могъ писать, какъ на пергаментѣ палочкой, сдѣланной изъ коры. Въ столовой былъ запасъ свѣжихъ и сушеныхъ финиковъ; гидравлическая машина, еще болѣе усовершенствованная, была то же въ назначенномъ ей мѣстѣ. Словомъ, ученый имѣлъ все необходимое, кромѣ перчатокъ, о чемъ онъ очень сожалѣлъ. Счастье никогда не бываетъ полно.

Дни его начали протекать тихо и пріятно. Онъ вставалъ съ зарею и прислушиваясь къ пустыни, слышалъ каватину колосса Мемнона. Стало быть, по утрамъ онъ былъ въ оперѣ. Потомъ онъ забавлялся продѣлками крокодила, который все еще не отходилъ отъ пальмы, и если былъ имъ доволенъ, то бросалъ въ него гнилые финики, которые тотъ съ жадностью глоталъ, что очень смѣшило Адамсона. Послѣ обѣда онъ предавался размышленію и ученію. Онъ мысленно открывалъ

книгу изъ библіотеки, которая заключалась въ его памяти, и читалъ Геродота, слѣдуя за нимъ въ Лабиринтъ, на берега Меридова озера, или въ Арсиною—землю розъ. Въ другой разъ онъ слѣдовалъ за императоромъ Адріаномъ на берега Нила и въ городъ его, Антиной. Когда ученому приходила счастливая мысль, онъ тотчасъ чертилъ ее на своемъ панирусь и перечитывалъ нѣсколько разъ съ удивленіемъ. Въ своихъ прогулкахъ по верхнимъ вѣткамъ, онъ любилъ разсматривать долину Камбиза и оплакивалъ судьбу бѣдныхъ Египтянъ, которыхъ разбили жестокіе Персы. Передъ сномъ, Адамсонъ занимался астрономіей, любясь великолѣпными созвѣздіями. Никогда сосѣди не замѣчали за его поступками, не судили его поведенія, ни одинъ *помесменъ* не дѣлалъ ему замѣчаній, никто не требовалъ косвенныхъ налоговъ съ собственности. Онъ былъ свободенъ, какъ воздухъ, и съ улыбкой припоминалъ сарказмы Альцеста противъ человѣчества.

— Отчего Альцестъ не удался на пальму, какъ я, говорилъ онъ, или на колонну: онъ избавился бы отъ многихъ неприяностей.

Оставимъ на минуту нашего пустытника на его пальмѣ и спустимся на лѣвый берегъ Нила, гдѣ происходитъ то же, по случаю несчастья Адамсона, любопытное происшествіе.

Дарлингъ, англійскій ботаникъ, отыскивалъ желтый лотусъ на берегахъ Нила. Геродотъ говоритъ о желтыхъ лотусахъ, но Геродотъ видѣлъ много вещей, которыхъ мы не можемъ найти, напримѣръ, двѣ колоссальныя пирамиды посреди Меридова озера. Точно также и желтые лотусы могли исчезнуть съ лица земли, но это не мѣшаетъ добросовѣстнымъ ботаникамъ отыскивать ихъ.

И Дарлингъ проходилъ по ливійской степи, осматривая всѣ трещины, подозрѣвая, что въ нихъ спрятанъ желтый лотусъ.

Его провожали два Кабила, вооруженные карабинами.

Есть вещи, поражающія воображеніе, если ихъ встрѣтишь въ пустынѣ. Путешественникъ Кельо рассказываетъ, что онъ пришелъ въ ужасъ, увидя сорокъ пирамидъ на полуостровѣ Мерозъ. Разумѣется, это удивительно, но еще удивительнѣе было бы, еслибъ въ степи Сахарѣ явился хорошенькій домикъ съ надписью: кабинетъ для чтенія.

Послѣ этого Дарлингъ имѣлъ полное право вскрикнуть отъ ужаса, подойдя къ одному пригорку на лѣвомъ берегу Нила.

Онъ увидѣлъ пару сапоговъ, изъ которыхъ одинъ еще стоялъ гордо, а другой наклонился въ сторону, какъ будто уставъ отъ долгаго бездѣйствія.

Ничего нѣтъ глушѣ пары сапоговъ передъ дверью спальни въ гостиницѣ, ожидающихъ щетки привратника, но въ степи, на берегу Нила

они производят такое поразительное дѣйствіе, что невольно отступишь и вскрикнешь, какъ при видѣ змѣи.

Надобно замѣтить, что остальное платье Адамсона давно исчезло. Его унесла рѣка или проглотилъ все тотъ же крокодилъ. Только сапоги Адамсона уцѣлѣли на своемъ каменномъ пьедесталѣ.

Стало быть, удивленіе англійскаго ботаника было очень понятно.

Сначала онъ принялъ сапоги за игру природы, придавшей эту форму камнямъ, но подойдя ближе, увидѣлъ, что это настоящіе сапоги, и страхъ его удвоился, какъ будто бы передъ нимъ явилось привидѣніе въ сапогахъ.

Кабилы, родившіеся въ Омбосѣ, никогда не видали сапоговъ, но замѣтя ужасъ путешественника, сами испугались, не зная чего, и храбро выстрѣлили въ сапоги, упавшіе совершенно. Эта преданность тронула Дарлинга, и онъ, поблагодаривъ молча провожатыхъ, продолжалъ разсматривать странное явленіе сапоговъ въ пустынѣ.

Адамсонъ услышалъ выстрѣлы и невольно вдрогнулъ въ своемъ пальмовомъ жилищѣ. Посреди дикой страны выстрѣлы всегда означаютъ присутствіе образованнаго человѣка.

Онъ вышелъ изъ своей спальни, раздвинулъ вѣтви, и увидѣлъ трехъ человѣкъ, стоящихъ на берегу Нила.

Первая мысль его—было проклятіе за то, что нарушили его уединеніе, но потомъ человѣческая слабость взяла верхъ, и онъ началъ дѣлать сигналы, чтобъ его замѣтили. Онъ началъ махать своею вѣткою надъ деревомъ, а другою рукою бросалъ въ Ниль финики, которые были ему уже не нужны.

Ботаникъ, окруженный молчаніемъ, обернулся къ рѣкѣ, услыша какъ въ нее падали финики, и на этотъ разъ удивленіе его еще усилилось. Онъ увидѣлъ пальму, которая, безъ малѣйшаго вѣтра, качала одною вѣткою, и это открытіе чрезвычайно его обрадовало, такъ что онъ за него отдалъ бы все желтые лотусы.

Открывъ свой альбомъ, Дарлингъ успѣшилъ отмѣтить это новое открытіе. Онъ написалъ: «Въ верхнемъ Египтѣ есть порода пальмъ, которая, какъ алоэ, сама машетъ вертикально своею верхнею вѣткою. Мы назвали это чудное дерево пальмою-Дарлингъ.»

Послѣ этого ботаникъ нарисовалъ въ своемъ же альбомѣ эту пальму, и, за неимѣніемъ другой публики, показалъ рисунокъ Кабиламъ. Но въ это время дѣти пустыни, надѣленные лучшимъ зрѣніемъ, увидѣли человѣческую фигуру на вершинѣ пальмы, начали махать руками и показывать Дарлингу въ ту сторону.

Такъ какъ пантомиму эту не трудно было понять, то Дарлингъ

взялъ свои трубки и навелъ ихъ на пальму... И чтожь? въ третій разъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Между листьями пальмы онъ ясно разглядѣлъ лице—и еще лице Англичанина, и руку, которая махала вѣткою. Ботаникъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свой рисунокъ и замѣтку, и хотѣлъ было уничтожить эти два ложныя доказательства, но потомъ одумался, и, спрятавъ альбомъ въ карманъ, сказалъ:

— Что за бѣда, что это не правда. Все-таки я напечатаю про мое открытіе. Притомъ же, если алоэ существуетъ, то и пальма-Дарлингъ также можетъ существовать, если это угодно природѣ. Я увѣренъ, что она существуетъ, чего же больше?

Ботаникъ и провожатые его составили совѣтъ, и рѣшили помочь бѣдному путешественнику, сидящему на пальмѣ, на островкѣ Нила. Но такъ какъ для этого надобно было достать лодку, то всѣ трое пошли въ Ассуанъ, измученные двухъ-часовою ходьбою подъ жгучимъ солнцемъ и по самой ужасной дорогѣ. Дарлингъ показалъ золотую монету первому попавшемуся рыбаку, и такъ какъ этотъ языкъ понятенъ для всѣхъ народовъ, то лодка была тотчасъ же спущена на воду, и ботаникъ показалъ по какому направленію плыть, важно прибавивъ:

— Къ острову, гдѣ растеть пальма-Дарлингъ.

Подъѣзжая къ знаменитому мѣсту, Кабилы начали выражать безпокойство и переглядываться между собою. Наконецъ они не могли уже сомнѣваться, что подъ пальмою лежитъ огромный крокодилъ.

Когда сообщили объ этомъ Дарлингу, то онъ подъ сорока градусами Реомюра почувствовалъ сильную дрожь. Однако, не желая компрометировать Англій передъ дикими, онъ старался скрыть свой страхъ, который очень натураленъ въ человѣкѣ, привыкшемъ охотиться за цвѣтами, а не за звѣрами.

Кабилы же очень хладнокровно разсуждали между собою, потому что для нихъ крокодилы были не рѣдкостью, и осмотрѣвъ тщательно свои карабины, приказали гребцамъ не дѣлать лишнихъ движеній. Крокодилъ видѣлъ приближающуюся лодку, и, кажется разсуждалъ, защищаться ему или бѣжать. Но такъ какъ последнее дѣло показалось ему постыднымъ, то онъ смѣло ждалъ враговъ, приготова разинутую пасть, чтобъ проглотить перваго, кто выйдетъ на берегъ. Но кабилы, ставъ на оконечность барки, вдругъ вскрикнули, и въ одно время спустили курки. Пули попали прямо въ пасть звѣря, который судорожно, но въ то же время комически вытянулся. Черная кровь его окрасила песокъ, и глаза, наполненные слезами, закрылись. Зритель пальмовой ложи нашель, что это представленіе очень забавное, и узнавъ приближающа-

гося соотечественника по волосамъ и перчаткамъ, Адамсонъ поправилъ свое зеленое пальто, поискалъ по привычкѣ перчатокъ, и осторожно началъ сходить съ пальмы.

Кабилы всегда ерѣзны и важны, но увидя Адамсона въ его необыкновенномъ костюмѣ, никакъ не могли удержаться, чтобъ не захохотать отъ всей души. Самъ ботаникъ, успокоенный смертью крокодила, кусалъ себѣ губы, чтобъ не оскорбить соотечественника неумѣстнымъ смѣхомъ. Оба ученые пожали другъ другу руки и рассказали свои біографіи. Потомъ Адамсонъ попросилъ Дарлинга, чтобъ онъ приказалъ Арабамъ перестать смѣяться, или онъ пожалуется на нихъ своему консулу.

Тогда Дарлингъ поступилъ весьма великодушно. Онъ снялъ свое пальто и предложилъ его Адамсону, который долженъ былъ расстаться съ костюмомъ своего изобрѣтенія. Крокодила положили поперекъ лодки, и такъ какъ со временъ Байрона Англичане привыкли прощаться со всѣми землями, отъ которыхъ отъѣзжаютъ, то и Адамсонъ обнялъ свою пальму со слезами, собралъ всѣ листы, служившіе ему въ его домашней жизни, чтобъ помѣтить ихъ въ національномъ музее Charing-Cross. Дарлингъ поблагодарилъ ученаго въ блистательномъ *speech*, продолжавшемся цѣлый часъ; Адамсонъ отвѣчалъ ему такимъ же спичемъ, въ которомъ упоминалъ объ открытіи пальмы Дарлингъ, обѣщая написать объ этомъ въ бельфатской газетѣ.

Кабилы съ удивленіемъ смотрѣли на двухъ европейцевъ, которые такъ долго разговариваютъ въ пустынѣ подъ солнцемъ, способнымъ изжарить всякую голову.

Наконецъ они пустились въ обратный путь. Адамсонъ вышелъ только на лѣвомъ берегу Нила, чтобъ надѣть свои прострѣленные сапоги. Въ Ассуанѣ онъ могъ укомплектовать свой костюмъ, и нашелъ у кабилъ радушное гостепріимство.

Если бъ Адамсонъ вздумалъ въ своемъ костюмѣ войти въ какой нибудь европейскій городъ, его взяли бы въ полицію, какъ бродягу, и судили бы черезъ три мѣсяца.

Между ученымъ и ботаникомъ началась съ этого времени тѣсная дружба. Первый отказался отъ полуострова Мероз, а второй отъ желтаго лотуса, и согласились просить у правительства мѣста консуловъ въ Индіи, что они заслужили своими учеными трудами. Воспользовавшись первымъ караваномъ, друзья отправились въ Каиръ. Потомъ оба, на пароходѣ, въ Мальту, гдѣ имѣли случай доказать другъ другу дружбу тѣмъ, что Адамсонъ написалъ въ Malta-Times статью о замѣчательномъ открытіи знаменитаго ботаника Дарлинга, нашедшаго съ опасностью жизни

новую породу пальмы, рисунокъ которой былъ приложенъ тутъ же; а Дарлингъ объявлялъ свѣту о любопытномъ путешествіи извѣстнаго ученаго Адамсона въ нижній Египеть, о исправленіи карты Брюса и о новомъ способѣ убивать крокодиловъ электричествомъ. Оба сочиненія прибыли въ Лондонъ прежде путешественниковъ, и потому они тотчасъ по прибытіи были призваны въ Уэйтгалль, получили по пяти-сотъ фунтовъ стерлинговъ награды, и были посланы консулами въ двѣ лучшія индѣйскія резиденціи. Изображеніе пальмы-Дарлингъ было повѣшено въ зоологическомъ саду, а тѣло крокодила, убитаго электричествомъ, было поставлено въ залѣ Charing-Cross.

Тѣ, которые изучали человѣка, не удивятся слѣдующему концу нашей справедливой исторіи. Адамсонъ сдѣлался представителемъ Англій въ Шандернагорѣ. У него великолѣпное жилище на Гангѣ, шесть слоновъ въ конюшняхъ, десять служителей; онъ женился на прелестной креолкѣ, и живетъ роскошно, какъ набобъ. И чтожъ! посреди всѣхъ наслажденій и удобствъ, онъ часто вспоминаетъ дни, проведенные имъ на пальмѣ нильскаго острова, и даже сожалѣетъ о чудовищѣ, грозившемъ ему каждую минуту смертью. Онъ желалъ бы возвратитъ свою жажду, утоляемую каплями нильской воды, свои волненія, опасенія, наслажденія. Теперь его терзаетъ скука—эта жажда души, и онъ иногда готовъ броситъ и жену, и слоновъ, и домъ, и убѣжать къ своей пальмѣ, чтобъ провести тамъ нѣсколько дней. Если губернаторъ дастъ Адамсону отпускъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что онъ исполнитъ свое необыкновенное намѣреніе.

Неужели счастье заключается въ несчастіи?

Не оттого ли оно рѣдко встрѣчается въ свѣтѣ?

Объ этомъ стоить подумать.

(Musée des familles).

ЛЮБОВЬ И ЗОЛОТО. (Разсказъ). Это было ночью. Последніе дилижансы собирали запоздавшихъ гулякъ. Молчаливые и черные, какъ вороны, ночные муниципальные стражи пробирались по узкимъ переулкамъ; современный Вавилонъ надѣвалъ уже свой бумажный ночной колпакъ; одинъ только Генрихъ IV не сходилъ съ своего бронзоваго коня, улыбался своею вѣчною, доброю и ироническою улыбкою, и, казалось, бормоталъ что-то сквозь зубы.

Въ это время какой-то человѣкъ остановился на площадкѣ Нового моста и облокотился на перила съ небрежностью ладзарони. Онъ былъ съ головы до ногъ нищій, настоящій нищій, котораго надобно было бы

живаго поставить въ рамку, чтобъ не одна Испанія имѣла монополію нищихъ Мурильо. Его сюртукъ, какъ провинціальный актеръ, занималъ нѣсколько амшлуа, хотя не годился ни для одного. Это было и пальто, и подкладка, и жилетъ. Панталоны его имѣли непріятность быть привязанными къ башмакамъ безъ подошвъ, и безъ этой предосторожности они никакъ не исполняли бы своего назначенія. Кромѣ того, на оригиналѣ была еще шляпа, можетъ быть, когда нибудь черная, но теперь отливавшаяся рыжеватымъ оттѣнкомъ.

Вообще это былъ типъ странный, комическій, печальный. На лбу бѣдняка были уже морщины, хотя не отъ старости; носъ его былъ острый и бѣлый, глаза тусклые, на блѣдныхъ губахъ играла грустная полуулыбка... Постоявъ нѣсколько минутъ неподвижно, бѣднякъ распрямился лѣнливо, пошелъ къ лѣстницѣ, ведущей къ купальнямъ и скрылся въ темнотѣ. Можетъ быть, онъ пошелъ купаться? Нѣтъ, это было въ декабрѣ мѣсяцѣ.

На той же площадкѣ, съ противоположной стороны, молча остановился тоже молодой человекъ, закутанный въ седанское сукно, на ватной подкладкѣ.

Луна освѣщала безконечныя складки его тонкаго, серебристаго бѣлья, сапоги его блестѣли, перчатки лоснились какъ атласъ. Къ этому еще надобно прибавить, что онъ былъ не дурень собою, здоровъ, крѣпокъ и достаточной полноты.

— Надобно, наконецъ, окончить это чѣмъ-нибудь, пробормоталъ онъ: жизнь рѣшительно мнѣ нестерпима.

И, бросивъ недокуренную сигару, онъ пошелъ къ лѣстницѣ, находящейся и на этой сторонѣ моста и ведущей къ полосѣ земли, оканчивающейся подъ аркою моста. Подойдя къ самой водѣ, онъ задумался.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него первый то же думалъ, опутивъ голову внизъ, и напоминалъ своею тощею фигурою знаменитую меланхолію Альберта Дюрера.

Была полночь. Оба ночные мечтателя, съ каждымъ ударомъ часовъ, движимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, математически подвигались шагомъ ближе къ смерти. Съ двѣнадцатымъ ударомъ они были одинъ возлѣ другаго и не замѣчали другъ друга, такъ они были заняты своими мыслями. Между ними не было мѣста третьему человеку. Оба размахнули руками, какъ это всегда дѣлаютъ люди, бросающіеся въ воду, и руки ихъ столкнулись съ такою силою, что каждый считалъ кисть свою переломленною. Красивый молодой человекъ первый оправился отъ удивленія и боли, и закричалъ:

— Кто тутъ? какой нибудь фатъ?

Противникъ его еще въ первый разъ въ жизни слышалъ подобный эпитетъ, относящійся къ его особѣ, но, не смотря на это, чрезвычайно обидѣлся и покраснѣвъ закричалъ :

— Зачѣмъ вы здѣсь и по какому праву?

— По праву всякаго, кто захочетъ придти сюда. И какое вамъ дѣло до меня. Я хочу купаться на этомъ мѣстѣ. Не думаете ли вы помѣшать мнѣ?

— Какъ! вы пришли броситься въ мою воду?

— Ваша вода! Развѣ и вы имѣете то же намѣреніе?

— Непремѣнно. Только если бы я зналъ, что даже и у воды всѣ мѣста заняты претендентами, то не пошелъ бы къ Сенѣ, а выбралъ бы другую рѣку, гдѣ бы ни съ кѣмъ не встрѣтился.

— Что мнѣ за дѣло до васъ. Я брошусь въ воду на этомъ мѣстѣ, а вы идите куда хотите.

— Нѣтъ, вы ступайте въ другое мѣсто, если не хотите, чтобъ я васъ поколотилъ.

— Ахъ ты, негодяй!

— А ты интригантъ!

И оба подняли кулаки другъ на друга; но въ эту минуту луна, выйдя изъ-за облака, облила ихъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ. Противники остановились въ удивленіи.

— Боже! какая нищета! подумалъ франтъ.

— Какая роскошь! пробормоталъ бѣднякъ!

Послѣ краткаго молчанія, франтъ сказалъ:

— Какъ! вы бѣдны до крайности и хотите умереть?

— Вы такъ богаты и собираетесь утопиться!

— У меня есть на это причины, хоть я баронъ: у меня два миліона богатства, много друзей, лошадей, слугъ!

— Вы смѣтаетесь надо мною! вскричалъ бѣднякъ.

— Нѣтъ, это вы хотите играть со мною комедію. Я вамъ могу доказать, отъ-чего жизнь мнѣ тяжела. Теперь извольте говорить вы. Меня зовутъ баронъ Медерикъ де-Пампре.

— А меня Аркадъ Фреленъ. Я писатель. Жизнь мнѣ нестерпима, потому что я ничего другаго не умѣю дѣлать, и что мнѣ надоѣло жить въ нищетѣ.

— А мнѣ надоѣло быть богатымъ.

— Въ три послѣдніе дня я съѣлъ только старую перчатку и двѣ корки чернаго хлѣба.

— Я въ три дня садился за столъ восемнадцать разъ, и это мнѣ такъ опротивѣло, что я не могу больше ѣсть.

— На моемъ чердакѣ, гдѣ я живу, вся мебель состоитъ изъ стараго тюфяка и пустой кружки.

— Въ моемъ отелѣ Рульскаго предмѣстья всѣ комнаты меблированы Пуарье, стѣны покрыты бархатными обоями, на паркетахъ ковры косматые, какъ мериносы.

— Все мое состояніе на мнѣ, и вы видите, что все это такъ грязно, что поневолѣ надобно мнѣ вымыться въ Сенѣ.

— Но вы бѣдны... Я на вашемъ мѣстѣ никогда не подумалъ бы топиться.

— Если бѣ я былъ слишкомъ богатъ, то не согласился бы никогда умереть.

— Это странно!

— Это невѣроятно!

— Но вы не знаете, что женщина, которую я люблю, не хочетъ выходить заменя замужъ, потому что я богатъ.

— Единственное созданіе, которому я предлагалъ мою любовь, отвергаетъ ее, потому что я бѣденъ.

— Г-жа де-Барръ такая мечтательница!

— Жюльетта Гриньонъ такъ положительна!

— Въ такомъ случаѣ умремъ, сказалъ баронъ.

— Зачѣмъ вы пришли мнѣ мѣшать? Оставьте мнѣ хоть сегодня поспать покойно въ рѣкѣ.

— Вы многого требуете...

— Пожалуйста. За это я вамъ подарю мое платье, которое не хочу брать съ собою. Вы можете нарядиться въ мои лохмотья, если вамъ такъ надоѣло носить щегольской костюмъ.

— Какая мысль! вскричагъ баронъ, ударивъ себя по лбу. Вы хотите умереть отъ бѣдности, я отъ богатства. Переѣзжайте ролями на нѣсколько дней: вы будете барономъ, а я писателемъ. Возмите мое платье, а я ваше. Ступайте въ мой отель, распоряжайтесь моими людьми, лошадьми, погребомъ, а я въ это время вступлю во владѣніе вашимъ чердакомъ. Вы любите какую-то Жюльетту Гриньонъ, и она не хочетъ васъ слушать, такъ я попробую предложить ей мою любовь. Вы же ступайте къ вдовѣ де-Барръ, отвергающей мое имя, и прельщайте ее вашею поэтической печалью и туманными возгласами. Я увѣренъ, что она вамъ понравится, и вы то же должны быть въ ея вкусъ. Пускай она васъ полюбитъ... мнѣ теперь все равно. Ну, чтожь, принимаете вы мое предложеніе?

Поэтъ наступилъ себѣ на ногу, чтобъ испытать, не спитъ ли онъ.

— Вы хотите, вскричалъ онъ наконецъ, чтобъ я сдѣлался барономъ Медерикомъ Пампре?

— Съ условіемъ, что вы позволите мнѣ быть Аркадомъ Фреленъ.

— О, будьте имъ сколько угодно: вотъ мои лохмотья, берите ихъ всѣ.

— Вотъ и мое платье. Одѣвайтесь скорѣе.

Перемена костюмовъ въ волшебныхъ пьесахъ происходитъ не такъ скоро, какъ наши пріатели раздѣлись и одѣлись. Поэтъ въ минуту очутился весь въ черномъ сукнѣ, а лохмотья на баронѣ начали трещать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отчего стали еще живописнѣе.

— Мой ключъ отъ чердака у меня въ карманѣ, сказалъ Аркадъ, вы можете, баронъ, отправиться въ улицу Ласточки, № 20, въ шестой этажъ.

— Очень хорошо! Вы же отправляйтесь въ Рульское предмѣстье, въ отель № 10. Вы позвоните и скажете моей прислугѣ, что вы маркизь Дессаръ. Это мой двоюродный братъ, котораго я жду изъ провинціи на будущей недѣлѣ. Васъ примутъ за него, и вы расположитесь какъ хотите. Если вамъ нужны деньги, спросите у моего управляющаго, и онъ дастъ, сколько вамъ угодно.

Баронъ и поэтъ вошли вмѣстѣ на мостъ.

— Позвольте мнѣ также узнать, проговорилъ новый маркизь Дессаръ: гдѣ живетъ г-жа де-Барръ.

— Противъ моего дома... А на какомъ деревѣ поетъ ваша птичка?

— На одномъ со мною, только одной вѣткой ниже моего чердака.

— Маркизь, сказалъ баронъ: черезъ три дня въ полночь я жду васъ на этой же площадкѣ Новаго моста.

— Буду непременно, баронъ.

И оба оригинала разошлись въ разныя стороны.

Настоящій баронъ, начинавшій уже дрожать отъ холода въ своемъ сквозномъ костюмѣ, побѣжалъ искать улицу Ласточки. Старикъ, съ фонаремъ въ рукѣ и корзинкой за плечами, показалъ ему дорогу, и Медерикъ остановился наконецъ передъ домомъ, на дверяхъ котораго противоположный фонарь освѣщала № 20.

Баронъ вошелъ въ темный корридоръ, потомъ поднялся на такую крутую лѣстницу, что чуть двадцать разъ не упалъ съ нея и не расшибся. Но, съ помощію терпѣнія и величайшей осторожности, онъ добрался наконецъ до недосыгаемыхъ высотъ и очутился на чердакѣ, похожемъ на гнѣздо совы или поэта. Это были четыре стѣны неравной величины, на которыхъ лежала крыша дома. Окно, называемое табакер-

кой, было, разумѣется, не завѣшено и пропускало снопъ блага свѣта, который освѣщаль торжественно тюфякъ съ безчисленными дырами, хромой стулъ и глиняную кружку.

— Я вижу, пробормоталъ баронъ, что поэтъ не преувеличилъ своей бѣдности. Здѣсь всё гадко и некомфортабельно.

И онъ, не снимая лохмотьевъ, растянулся на тюфякъ и началъ напѣвать пѣсню.

Въ это время вся прислуга отеля была разбужена громкими криками:

— Эй вы, Лафлёръ, Жасмень, Дюбуа, Шампань, Бургиньонъ, ступайте всё встрѣчать меня. Свѣчей больше! огня! Я маркизь Дессаръ.

И всё дрожали передъ грознымъ маркизомъ Фреленъ.

Било десять часовъ, когда Медерикъ проснулся. Не открывая глазъ, онъ проговорилъ имя своего камердинера, потомъ протянулъ руку, какъ бы ища шурка отъ колокольчика, и ощупалъ одну холодную, грязную, неровную стѣну.

— Да, я и забылъ, что вчера умеръ, прошепталъ онъ.

Открывъ глаза, Медерикъ съ удивленіемъ осмотрѣлся кругомъ. Онъ такъ крѣпко спалъ, что забылъ все, что съ нимъ было. Наконецъ, изящный его костюмъ напомнилъ ему о странномъ договорѣ.

— И люди еще жалуются, вскричалъ онъ, когда могутъ спать такъ крѣпко. Это странно! Я никогда не спалъ такъ сладко, и, кажется, сегодня сталъ другимъ человѣкомъ. Холодъ изъ этой щели, занимающей должность окна, придалъ мнѣ, кажется, необыкновенный аппетитъ. Ну, чтожъ, позавтракаю. Гдѣ только у поэта его буфетъ и припасы?

И баронъ началъ дѣлать розыски на чердакѣ, но не нашелъ ничего подобнаго на что-нибудь съѣстное.

— Вѣрно Фреленъ завтракалъ въ ресторанѣ, сказалъ онъ. Пойдемъ искать ресторана.

И онъ уже собирался идти, какъ вдругъ услышалъ свѣжій и звонкій голосъ молодой дѣвушки, которая распѣвала, какъ птичка, подъ его поломъ.

— Ого! Это вѣрно каватина Жюльетты Гриньонъ. Пойду позавтракаю, а потомъ представлюсь сосѣдкѣ.

Но Медерикъ опять остановился. Онъ обшарилъ всё карманы Фрелена, то-есть теперь собственные свои, и не нашелъ въ нихъ ни одного сантима.

— Это немножко не ловко, подумалъ баронъ. Поэтъ забылъ мнѣ сказать, откуда онъ получаетъ свои доходы. Въдъ не могу же я питаться однимъ воздухомъ.

Въ первый разъ въ жизни Медерикъ началъ серьезно разсуждать о своемъ положеніи. Странное дѣло. Вчера еще этотъ человѣкъ не могъ ничего желать, потому, что у него было всего вдоволь; сердце его изсушилось, чувства притупились, жизнь опротивѣла, а сегодня онъ какъ-будто ожилъ. До-сихъ-поръ онъ не вѣрилъ, чтобъ жалобы поэтовъ были вѣроятны, чтобъ корки хлѣба были не баснословны,—а теперь онъ очень беспокоился, что ему нечего позавтракать. Въ это время опять послышался голосъ Жюльетты. Такъ какъ теперь уже незачѣмъ было откладывать визита, то Медерикъ со вздохомъ спустился однимъ этажемъ. Красивый снурокъ колокольчика и опрятная дверь поразили его очень пріятно. Только дотрогиваясь до кокетливой ленты, онъ оглядѣлъ себя съ ногъ до головы и, желая улыбнуться, сдѣлалъ гримасу, сказавъ себѣ въ утѣшеніе :

— Что за бѣда, что я похожъ на бродягу. Буду воображать, что я играю роль въ какой-нибудь чувствительной пьесѣ Клервиля.

Онъ позвонилъ; дверь отворилась.

— Здѣсь живетъ дѣвица Жюльетта Гриньонъ?

— Это я сама, пожалуйста.

Баронъ въ два шага прошелъ переднюю и очутился въ опрятной, красной комнаткѣ.

Молодая гризетка принадлежала къ рѣдкимъ созданіямъ, живущимъ въ бѣдности, но которыя умѣютъ прикрыть ее опрятностью и дешевою роскошью. Во всемъ былъ видѣнъ характеръ дѣвушки, живущей крохами, но прилично. У двери былъ хорошенькій колокольчикъ, каминъ подкрашенъ подъ мраморъ и на немъ стояли подъ стекломъ сломанные часы, стулья безъ обивки были покрыты чахлами. Въ закрытомъ альковѣ скрывалась скромная постель; полъ комнатки блестѣлъ какъ зеркало при яркомъ свѣтѣ солнца, проходившаго сквозь бѣлыя занавѣски окна. Передъ окномъ стояли большія пальцы и возлѣ табуретъ съ корзиночкой, наполненной всѣмъ нужнымъ для вышиванья.

Жюльетта немного удивилась, увидя человѣка, котораго только ко-стюмъ былъ ей знакомъ, однако поклонилась ему очень мило.

— Не удивляйтесь моему приходу, прекрасная сосѣдка, сказалъ баронъ. Я теперь Аркадь Фреленъ, писатель и сосѣдъ вашъ.

— Вы совсѣмъ не мой сосѣдъ, отвѣчала молодая дѣвушка, улыбаясь, но начиная беспокоиться.

— Точно такъ; но мы съ другомъ моимъ поэтомъ обмѣнялись нашими именами, потому-что не были довольны нашимъ положеніемъ въ свѣтѣ.

— Садитесь, сказала Жюльетта, довѣря больше честной физиономіи

барона, чѣмъ его непонятнымъ фразамъ. Я такъ уважаю г. Фрелена, что принимаю его друга даже не зная, ктò онъ и чего желаетъ.

Медерикъ сѣлъ, смотря на Жюльетту, которая принялась за работу, какъ будто была одна, сказавши вскользь:

— Вы позволите.

— Пожалуйста не церемоньтесь со мною, вскричало второе издание Аркада Фрелень.

Швея начала быстро работать иглою, какъ бы желая вознаградить потерянное время. Баронъ въ это время любовался Жюльеттой. Это была прекрасная дѣвушка, лѣтъ двадцати, съ большими черными глазами и роскошными волосами. Можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ баронъ не замѣтилъ бы ея свѣжей красоты, но въ этой бѣдной комнаткѣ, убранной артистически, въ этой тѣсной рамкѣ Жюльетта была очаровательна.

— Чтожъ! подумалъ Медерикъ: здѣсь все такъ порядочно. Нельзя сказать, чтобъ положеніе швеи было очень несчастно.

Въ это время Жюльетта, не переставая работать, успѣла уже разглядѣть своего неожиданнаго посѣтителя и подумала:

— Онъ очень не дурень, если только будетъ одѣтъ получше.

— Мамзель Жюльетта, началъ баронъ: разумѣется, что желаніе съ вами познакомиться было главною причиною моего визита; но признаюсь, у меня есть до васъ маленькая просьба, которая покажется вамъ немного странною. Вы давно знаете Фрелена и, вѣроятно, знаете также его привычки. Скажите пожалуйста, въ какомъ ресторанѣ онъ завтракалъ и обѣдалъ?

Молодая дѣвушка посмотрѣла на него грустно и отвѣчала покраснѣвъ:

— Г. Фрелень иногда дѣлалъ мнѣ удовольствіе, приходилъ обѣдать ко мнѣ. Больше я ничего не знаю о его привычкахъ.

— Какъ, вы не знаете его ресторана?

— Я думаю, что... онъ не ходилъ въ ресторанъ.

— Какой оригинальный человекъ этотъ Фрелень!

— Я не видала его уже три дня. Въ послѣдній разъ онъ отказался раздѣлать со мною завтракъ и простился со мною, сказавъ, что мы долго не увидимся, что онъ отправляется путешествовать.

— И вы вѣрно скучаете, что не видите его?

— Немного... Со смерти моего отца я привыкла жить одна. Это немного скучно, но у меня есть работа...

— Вы много работаете?..

— Сколько могу.

— Какъ вы хорошо вышиваете этотъ коверъ. Вы его положите здѣсь?

— Что вы! развѣ я вышиваю для себя!

— Такъ вѣрно кому-нибудь въ подарокъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Домъ Гернандеса, въ улицѣ Сень-Дени, даетъ мнѣ работу почти круглый годъ. Туда я ношу мои вышивки.

— И вамъ хорошо платятъ?

— Хорошо.

Баронъ думалъ, что хорошо платить за работу значитъ платить дорого, и сказалъ:

— Я очень радъ за васъ.

Гризетка улыбнулась. Наивность Медерика забавляла ее, но, въ то же время, ей чрезвычайно нравился этотъ странный человѣкъ съ добрымъ лицомъ и, кажется, съ умомъ. Бѣдная дѣвушка, осужденная на одиночество, находила какую-то прелесть въ присутствіи бѣдняка, который былъ еще бѣднѣе ея. И, однако, Жюльетта любила инстинктивно роскошь, блескъ, довольство. Она, можетъ быть, лишала себя необходимаго и просиживала ночи за работой, чтобъ придать своей комнаткѣ кокетливый видъ. Она отказалась отъ любви Аркада Фреленъ, потому, что онъ былъ очень бѣденъ. Отчего же она такъ взволнована присутствіемъ незнакомца.

— Послушайте сосѣдъ, сказала она барону весело: я не могу сказать вамъ, гдѣ ресторанный г. Фрелена, но позвольте мнѣ пригласить васъ на мой завтракъ.

И говоря это, Жюльетта улыбнулась, показывая свои фарфоровые зубки, но въ глазахъ ея выразалась грусть, потому-что она думала:

— Онъ голоденъ, а вѣрно изъ ложнаго стыда откажется отъ моего предложенія.

Баронъ замѣтилъ только обворожительную улыбку и сказалъ:

— Съ удовольствіемъ принимаю ваше милое приглашеніе.

— Хорошо. Теперь полдень: я въ это время всегда отдыхаю отъ работы. Подождите меня, я сейчасъ вернусь.

Жюльетта взяла что-то въ своемъ ящичкѣ и выбѣжала изъ комнаты, въ восторгѣ, что Медерикъ будетъ съ ней завтракать.

— Я увѣренъ, что мы хорошо позавтракаемъ, подумалъ баронъ: она взяла деньги изъ своей кассы и такъ торопилась, что даже оставила ключъ у ящика... Любопытно посмотрѣть, великъ ли у ней капиталъ.

И баронъ, не размышляя о приличіи, очень покойно выдвинулъ ящичекъ и увидѣлъ въ немъ только монету въ десять сантимовъ и книжечку съ надписью: *расходъ*.

Медерикъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не разсмотрѣть бюджета хорошенькой швей и началъ перелистывать книжечку, исписанную мелко.

— Боже мой! вскричалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ съ сильнымъ волненіемъ.

Ежедневный расходъ Жюльетты никогда не простирался больше пятидесяти сантимовъ. Она питалась хлѣбомъ, водою и молокомъ. Потомъ баронъ перешелъ ко второй половинѣ книжечки, на которой былъ приходъ и прочиталъ: «Получено изъ дома Гернандеса съ 4-го декабря по 7-е — девять франковъ, съ 7-го по 15-е — восемь франковъ пятьдесятъ сантимовъ. И каждая недѣля, сложенная вмѣстѣ, почти всегда составляла одну и ту же сумму.

Послѣ этого баронъ снова вернулся къ расходу: все хлѣбъ, вода, молоко, и ничего, рѣшительно ничего больше. Тогда Медерикъ положилъ на мѣсто книжечку, задвинулъ ящикъ и задумался. Сердце его сильно билось, губы дрожали, онъ самъ не могъ отгадать причины такого сильнаго волненія.

Молодая дѣвушка вернулась. Она принесла сухихъ плодовъ, пирогъ и бутылку пива.

— Теперь накроемте столъ, сказала она.

Медерикъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и, смотря на нее съ выраженіемъ благодарности, самой чистой, самой возвышенной, сказалъ:

— Вчера, и въ другіе дни, Жюльетта вы завтракали и обѣдали только хлѣбомъ и молокомъ; зачѣмъ же сегодня вы перемѣнили ваше обыкновеніе?

Въ первый разъ въ жизни баронъ Пампре встрѣтилъ такое великодушіе, такую доброту. Вотъ почему громко заговорило въ немъ не самолюбіе, а сердце, и если онъ покраснѣлъ, то не отъ стыда, а отъ радости, какой никогда не испытывалъ и, между тѣмъ, слезы текли по его щекамъ—новое сладостное чувство, неизвѣстное ему до этого времени.

Жюльетта была удивлена чувствительностью молодаго незнакомца, но поняла ее иначе, и сказала ему:

— Кушайте же пирогъ, кушайте плоды.

На другой день своего шумнаго явленія въ отель Пампре, Фреленъ проснулся и началъ разсуждать о странномъ случаѣ, доставившемъ ему три дня роскошной жизни. Разумѣется, что баронъ не позволитъ ему долѣе пользоваться этимъ богатствомъ, и потому въ эти дни надобно найти какое-нибудь средство къ жизни или опять спуститься подъ Новый мостъ. Аркадъ видѣлъ только одно средство къ спасенію: это женитьбу на богатой женщиѣ. Припомнивъ г-жу де-Барръ, онъ рѣшился, во что бы то ни стало, или заставить вдову влюбиться въ него, или опять идти къ статуѣ Генриха IV.

Вотъ почему онъ , какъ настоящій сынъ своего вѣка, хотя и поэтъ , прямо пошелъ къ своей цѣли. Гордый, благородный, блѣдный, одѣтый какъ настоящій маркизь, онъ явился къ г-жѣ де-Барръ.

Молодая вдова держала книгу вверхъ ногами, которой такъ занялась, что поклонилась гостю не смотря на него, чтобъ дать ему время разглядѣть себя.

Это была хорошенькая женщина, съ умными глазами, насмѣшливой улыбкой, подъ которою скрывала всѣ свои чувства; прекрасный софинксъ, въ кокетливомъ утреннемъ чепчикѣ, съ котораго падали кисти коралловыхъ фукцій на черные волосы. Она лежала на кушеткѣ такъ граціозно, что Аркадь былъ совершенно ослѣпленъ. Онъ никогда еще, кромѣ какъ въ своихъ романахъ, не видѣлъ вблизи такихъ женщинъ, и эта была такъ прекрасна, что онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, и чувствовалъ, какъ восхищеніе проходитъ въ его сердце и превращается въ любовь.

Г-жа де-Барръ поговорила съ маркизомъ Дессаръ о томъ, о семъ, но больше всего о баронѣ Пампре, своемъ оригинальномъ, влюбленномъ сосѣдѣ.

— Увы! думалъ Фрелень: нѣтъ никакого сомнѣнія! она его любитъ. Не смотря на эту увѣренность, Аркадь, какъ уполномоченный Медерикомъ, пустилъ въ ходъ всю свою любезность, всѣ средства нравиться. Онъ далъ разговору романическій оборотъ, дѣлался пасторальнымъ какъ барашекъ Флоріана, сентименталенъ какъ Берни, поэтъ и министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XV. Словомъ, онъ не говорилъ, а писалъ книгу, и такъ какъ прекрасная вдова слушала его со вниманіемъ, то онъ, по примѣру современныхъ романистовъ, превратилъ ее въ драму. Въ своей драмѣ онъ игралъ то роль конвульсивнаго Антони, то нѣжнаго Шерюбена. Онъ игралъ какъ великій артистъ, съ лорнетомъ въ глазу и съ проклятіемъ на устахъ, и, не смотря на это, не имѣлъ никакого успѣха.

Г-жа де-Барръ слушала его съ улыбкой и когда онъ въ пятomъ актѣ упалъ къ ея ногамъ и вдругъ заикнулся, увидѣвъ чудную ножку, она попросила его сѣсть на софу и сказала:

— Любезный маркизь, вы прекрасный актеръ, только извините, если я никогда не умѣла играть въ комедіяхъ. Благодарю васъ, что вы для меня истратили столько ума и таланта. Что же касается до любви, которую вы будто бы вдругъ почувствовали ко мнѣ, то я отвѣчу вамъ какъ Сильвія въ *Ирръ любви и случая*: я никогда не выйду замужъ за маркиза. Вотъ мое послѣднее слово.

— Какъ! вскричалъ Фрелень: вы отвергаете мою любовь!

И въ воображеніи его явился опять Новый мостъ и холодныя волны Сены.

— Да, маркизь. Вы знаете мою исторію. Я дочь мѣщанина, выданная изъ тщеславія за дворянина, который навсегда вылечилъ меня отъ гордости. Я молода, богата и уважаема и хочу, чтобъ мужъ былъ мнѣ всѣмъ обязанъ, чтобъ онъ былъ добрый и честный человекъ и только. Я хочу, чтобъ онъ любилъ меня, потому-что я сама хочу любить, хочу составить счастье бѣднаго человекъ.

Глаза Аркада заблестѣли, какъ будто бы передъ носомъ его остановилось солнце.

— Вы не хотите имѣть мужемъ маркиза? закричалъ онъ.

— Это моя прихоть.

— Не хотите маркиза Дессара?

— Ни барона Пампре.

— Вы находите меня вѣрно отвратительнымъ? спросилъ хитрецъ.

— Нисколько. Но вы маркизь и миллионеръ.

Аркадъ медленно всталъ съ дивана, подошелъ къ хорошенькой вдовѣ, взявъ ее за руку и сказалъ съ чувствомъ:

— Я не маркизь и не миллионеръ. Я поэтъ и бѣденъ; меня зовутъ Аркадъ Фреленъ.

Черезъ часъ онъ не могъ уже ни въ чемъ завидовать другому поэту, Алену Шартье, исторію котораго такъ трогательно описываютъ трубадуры.

Была полночь. Красивая карета съ важнымъ кучеромъ остановилась на Новомъ мосту. Ливрейный лакей отворилъ дверцы; изъ нея вышелъ писатель Фреленъ и подаль руку г-жѣ де-Барръ, женщинѣ, любящей парадоксы.

По мосту уже прохаживался баронъ и на руку его опиралась прелестная дѣвушка, какую можно только видѣть во снѣ. Она смотрѣла на небо такъ радостно, что небо должно было любоваться этимъ чуднымъ созданиемъ.

Обѣ пары сошлись вмѣстѣ и обмѣнялись поклонами. Потомъ баронъ взялъ руку Жюльетты и сказалъ:

— Рекомендую вамъ мою жену, баронессу Пампре.

— Прекрасно, отвѣчалъ поэтъ и, показывая на хорошенькую вдову, прибавилъ: честь имѣю рекомендовать г-жу Фреленъ.

Всѣ четверо сѣли въ карету и отправились въ одну улицу. Съ этихъ поръ вся ихъ жизнь сдѣлалась безконечною *partie carrée*, наполненною удовольствіями, радостями и крошечными созданіями.

Дамонъ и Фидій, Касторъ и Полуксъ, Орестъ и Пиладъ ничто передъ Фреленомъ и Пампре, дружба которыхъ тоже вошла въ пословицу. Друзья собираются воздвигнуть монументъ на томъ мѣстѣ подъ мостомъ, гдѣ познакомились.

(Le Voleur.)

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

Первая новость въ новомъ году.—Фантазія зимы.—Коммисія ученыхъ.—Астрономъ и знаки Зодіака.—Несчастія между мѣховщиками и дровяниками.—Радость мужей.—Первые балы.—Тропики въ оперѣ.—Анекдоты и случаи.—Сколько досихъ-поръ умерло людей?—Сколько добыли золота въ Калифорніи?—Музыкальный сезонъ.—Перемѣна въ управленіи Оперы.—Ангажементъ Розины Штольцъ.—Новая опера Гуно.—Комическая опера.—Воспоминаніе о Герольдѣ.—*Les sabots de la Marquise*.—Эрнестъ Буланже.—Третій лирической театръ.—Перемѣна дирекціи.—«*Письмо Маргариты*».—Италянская кампанія.—Жюльенъ и оркестръ наѣзкомыхъ.—Моцартъ и Мюзартъ.—*Глушенька*, комедія г. Мазера.—*Eva* на театръ Водевиля.—*Старый Боденъ*.—Луи Люринь.—*Система* на театръ Разнообразія.—*Un mari qui ronfle*.—*Un mari sur le gril*.—*Un breelan de maris*.—*Хищныя птицы* на театръ Веселости.—Двѣ подруги.—Маленькіе театры. *Желтый господинокъ*.—Фарсы *Folies dramatiques*.—*Père dimanche*.—Тайны изъ жизни артистоковъ.—Біографія Джуліи Гризи.—Мемуары Барнума.—Италянка и бѣлокурая коса.—Подражательницы Крувелли.—Два ключа.—Моды.—Подтяжки и гремяція юбки.—Воланы и новая пытка.—Минерва и флейта.—Новыя прически.—Женщины, подражающія мужчинамъ, мужчины женщинамъ.—Марія Ангуанета и арлекинъ.—Отчего Альфонсъ Карръ не пишетъ для театра.—Литературная собственность.—Каждый беретъ свое въ чужомъ карманѣ.—Маркитантка и маркигантъ.—Статистика слѣпыхъ.—Средство быть счастливымъ.—Дворецъ промышленности.—Быстрота путешествій.—Пирожки на Лондонской выставкѣ.—Современная благодарность.

Вотъ, наконецъ, и новый 1855 годъ, а зима все-таки продолжаетъ смѣяться надъ календарями и не думаетъ даже заглянуть въ Парижъ, который всякій день ждетъ мороза и снѣга, а видитъ или теплое, почти майское, солнце, или самый лѣтній дождь. Фантазіи этой необыкновенной зимы занимаютъ все умы и приводятъ въ смущеніе академію наукъ.

Недавно—говорятъ газеты—одинъ огородникъ, собирая картофель, вдругъ нашелъ у себя на грядкахъ ананасъ, выросшій подъ влияніемъ тепла воздуха. Лѣсничій Медонскаго лѣса увѣряетъ, что видѣлъ у

пруда стадо строусовъ, прилетѣвшихъ вѣроятно погрѣться, а одинъ обычный посѣтитель Тюльерійскаго сада слышалъ собственными ушами, какъ крокодилъ плакалъ въ большомъ бассейнѣ. Садовникъ Альфонса Карра въ Сентъ-Адресѣ былъ разбуженъ однажды страшнымъ ударомъ грома или пушечнымъ выстрѣломъ и, выбѣжавъ въ садъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что шумъ этотъ произошелъ оттого, что распустился цвѣтокъ алоя. Ртуть до того подымается въ барометрѣ, что г. Шевалье при- ставилъ къ нему часоваго, который обязанъ удерживать ее постояннымъ охлаженіемъ, по-крайней-мѣрѣ на температурѣ, необходимой для вывода шелковичныхъ червей.

Видя такой порядокъ дѣлъ, заведенія ваннъ на Сентъ собираются опять открыть подписку на купанья и только ждутъ, чтобъ вода не- много сбыла. Доктора совѣтуютъ однако купаться только рано утромъ или поздно вечеромъ, потому-что въ полдень наяды и тритоны могутъ изжариться на солнцѣ.

— Всѣ деревья въ парижскихъ садахъ цвѣтутъ снова и зелень ихъ была бы также густа, какъ въ юнѣ мѣсяцѣ, только говорятъ, что по ночамъ обрываютъ листья для успокоенія народа.

Всѣ эти феномены до того поразили публику, что правительство назначило ученую комиссію, рассмотреть этотъ вопросъ со всѣхъ сто- ронъ, найти причины необыкновенной зимы. Ученые открыли застѣ- даніе и окна въ залѣ Института, чтобъ не задохнуться отъ жара, и каждый изъ нихъ прочиталъ по прекрасной рѣчи въ нѣсколько кило- метровъ длины, но, разумѣется, вопросъ все-таки остался не разрѣшен- нымъ. Одинъ знаменитый астрономъ потребовалъ къ себѣ всѣ звѣзды, кометы и планеты и допросилъ ихъ, не онѣ ли виноваты въ такихъ безпорядкахъ, но тѣ оправдались, объявивъ, что не имѣютъ сношеній съ знаками Зодіака. Стало быть, всему виною эти послѣдніе, которые и получили строгій выговоръ отъ астронома, а особенно знакъ января мѣ- сяца, за то, что въ самый день новаго года ученый сорвалъ въ своемъ саду распустившуюся вѣтку померанцоваго дерева.

— Несчастные! сказалъ имъ на прощаньи астрономъ: вы потеряе- те довѣренность человѣчества, если будете измѣнять порядокъ вещей. Что будетъ, если вся природа, слѣдуя вашему примѣру, вздумаетъ по- забавиться надъ земнымъ шаромъ! Пожалуй и полюсы захотятъ пере- мѣнить свои мѣста, и тогда въ Гренландіи выростутъ апельсины и за- ведутся скорпіоны, а огненная земля покроется снѣгомъ и бѣлыми мед- вѣдями. Тогда и части свѣта захотятъ перемѣниться мѣстами: Евро- па отправится въ Америку, Анверъ будетъ морскою гаванью и Эква- торъ прорѣжетъ Парижъ. Что тогда будетъ съ бѣдными парижанами!

Они всё сдѣлаются неграми и не будутъ ходить въ театры Амбигю и Веселости. А сколько бѣдиль извѣдуть тогда парижанки! Чтò мы будемъ дѣлать съ сочиненіями Гумбольдта, Мальте-Брена и *Указателемъ Ришара*, которые будутъ уже никуда негодны, точно также какъ и географическія карты! Нѣтъ, это не можетъ такъ продолжиться. Лучше пускай будетъ все по-старому.

Между тѣмъ, во многихъ журналахъ описаны плачевные случаи разоренія между мѣховщиками и дровяниками, которые никакъ не могутъ сбывать своего зимняго товара. Всѣ ходятъ въ газѣ и открываютъ окна—такъ для чего же топить комнаты и кутаться въ мѣхъ. Трубочисты то же не имѣютъ никакой работы и грустно бродятъ по улицамъ, посматривая, не вѣется ли гдѣ дымокъ надъ трубою.

Парижъ замѣтно скучаетъ до-сихъ-поръ; карнавалъ кажется большимъ и хочетъ вернуться въ Венецію, чтобъ освѣжиться; одни только мужья съ улыбкою потираютъ руки и радуются отсутствію зимы, потому-что она обыкновенно разоряетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществахъ принято жить на дачахъ или въ замкахъ до перваго снѣга, и парижанки поневолѣ должны наслаждаться загороднымъ воздухомъ или жить въ Парижѣ скромно, не смѣя надѣть ни открытаго платья, ни брильянтовъ, потому что принято вообще, чтобъ лѣтомъ въ театры и собранія пріѣзжали въ закрытыхъ платьяхъ и съ длинными рукавами. Только морозы заставляли слабыхъ женщинъ открывать шею и руки и кутаться въ одни брильянты. Теперь же, когда нѣтъ этого предлога, всѣ поневолѣ донашиваютъ лѣтніе костюмы, и мужья въ восторгѣ, а модистки и брильянтички начинаютъ приходить въ отчаяніе. Однако, нѣсколько баловъ уже оживили немного эту скуку. Публичные балы и маскарады тоже составляются, хотя всѣ жалуются на невыносимый жаръ и тѣсоту. Въ оперномъ маскарадѣ была такая толпа, что не было ни какой возможности двигаться не только въ залѣ, но въ фойе и корридорахъ. Одинъ мой знакомый, сидѣвшій въ ложѣ № 23, былъ позванъ въ 26 нумеръ маленькой ручкой, махнувшей ему вѣеромъ, и онъ только черезъ полтора часа, и то съ не человѣческими усиліями, добрался до дверей ложи; но въ это время, ручка и вѣеръ, вѣроятно соскучившись ждать, скрылись. Другой мой пріятель пріѣхалъ въ полночь и снявъ одну перчатку, чтобъ достать деньги за билетъ, не могъ уже никакъ надѣть ее на руку, потому что долженъ былъ проталкиваться и защищаться и наконецъ бѣлая его перчатка была разорвана, выпачкана въ этой толкотнѣ, а онъ все-таки остался съ голою рукою.

Разумѣется, что тутъ было много комическихъ случаевъ. Пары раз-

развивались насильно, дамы исчезали, кавалеръ, прѣхавшій съ розовымъ домино, уѣзжалъ съ голубымъ.

Что касается до жара, то, кажется, подобнаго не было и на тропикахъ. Мало того, что свѣчи таяли и капали на толпу стеариновымъ дождемъ, но даже бронза люстръ чуть-было не растопилась въ этой атмосферѣ. До трехъ часовъ утра не было никакой возможности достать порцію мороженаго, и если удавалось кому-нибудь завоевать одну, то на пути изъ буфета до ложи она превращалась въ какой-то бульонъ.

Одна извѣстная актриса наколола себѣ на голову живые цвѣты, персиковый и померанцовый цвѣтъ, и возвратясь поутру домой, съ удивленіемъ увидѣла на своей прическѣ зрѣлые персики и померанцы.

Докторъ Жандронъ расчиталъ, что съ сотворенія міра умерло на земномъ шарѣ 26,628,843,285 миллионъ, 075,840 людей. Если раздѣлить это число на 3,096,006 миль, составляющихъ земную поверхность, то на квадратную милю придется по 11,826,598,732 человѣка. Что же послѣ этого значитъ отдѣльная жизнь человѣка и стоить ли ей дорожить? Однако, не смотря на это, ни кому не хочется умереть, и даже если кому не удастся лишить себя жизни, то-есть если ему помѣшаютъ и онъ самъ только ранить себя и потомъ вылечится, то еще сильнѣе привязывается къ этой жизни, полной несчастій, но не лишенной и радостей.

А вотъ и утѣшительный расчетъ одного бостонскаго журнала. Въ немъ сказано, что монетный дворъ въ Филадельфій получилъ изъ Калифорніи, со времени открытія въ ней золотыхъ росышей и до 1-го декабря 1853 года, огромную сумму въ 204,000,000 долларовъ золотомъ. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о величинѣ этой суммы, представимъ другой счетъ.

Если представить себѣ всю эту сумму серебромъ, когда каждый долларъ вѣситъ унцію (шестнадцать долларовъ на фунтъ), то вѣсъ суммы будетъ въ 12,700,000 фунтовъ. Кладя на тонну 2,000 фунтовъ, получимъ 6,375 тоннъ.

Чтобъ перевезти это огромное количество металла, надобно 6,375 вагоновъ, то-есть по одной тоннѣ въ каждый вагонъ, или по 52,000 долларовъ.

Предположимъ теперь, что каждый вагонъ запряженъ лошадыю и занимаетъ пространство въ 25 футовъ. Тогда всѣ вагоны, поставленные одинъ за другимъ, покроютъ 30 миль.

Чтобъ сосчитать такую сумму человѣку, занимающемуся этимъ дѣломъ, надобно употребить, считая по 60 долларовъ въ минуту, 3,000 въ часъ, 43,200 въ день и работая двѣнадцать часовъ въ день, не

исключая воскресеній, онъ въ годъ насчитаетъ только 15,268,000 долларовъ. Слѣдственно, ему надобно употребить *тринадцать* лѣтъ, чтобъ сосчитать всю сумму калифорнскаго золота.

Перейдемъ однако опять въ Парижъ, куда уже перешло немало этого золота.

Музыкальный сезонъ въ полномъ разгарѣ. Всѣ лирическіе театры открыли двери публикѣ и покуда представляютъ ей, большею частію, старыя, но все еще занимательныя вещи, обѣщая въ будущемъ много новаго и хорошаго.

Въ правленіи Оперы произошла большая переменѣна. Директоръ ея Рокелланъ, имѣющій привилегію съ 1847 года, уволенъ, и управление переходитъ къ министру двора, какъ это было установлено при Людовикѣ XIV, въ 1669 г., и продолжалось до 1831 года, когда правительство отдало дирекцію Оперы антрепренерамъ.

Первымъ долгомъ новаго правленія было ангажировать Розину Штольцъ, артистку, любимую Парижемъ, и которая сдѣлалась извѣстна на этомъ самомъ театрѣ. Талантъ г-жи Штольцъ принадлежитъ къ первокласснымъ: голосъ ея силенъ, обширенъ и не потерялъ еще ни одной ноты, не смотря на итальянскую методу пѣнія, употребляющую во зло утомительныя украшенія. Въ пѣвицѣ этой много страсти, увлеченія; произношеніе ея чисто, игра одушевленная—не мудрено, что публика приняла ее съ такими громкими изъявленіями радости, что Кривелли услышала ихъ во Франкфуртѣ и посѣщила вернуться и объяснить, какое недоразумѣніе заставило ее убѣжать изъ Парижа въ день представленія.

Последняя новость Оперы, сдѣлавшая большое впечатлѣніе въ Парижѣ, это пяти-актная пьеса Гуно, подъ названіемъ: *La Nonne sanglaute*.

Сюжетъ оперы взятъ изъ романа Люиса, который очень нравился въ началѣ этого вѣка. Онъ написанъ во вкусѣ романовъ Анны Радклифъ и составители мелодрамъ уже выкроили изъ него много пьесъ для потѣхи бульварныхъ театровъ. Теперь и Скрибъ, собирающій вездѣ сюжеты, сдѣлалъ изъ романа лирическую поэму, въ которой, ради композитора, могъ бы поскушаться немного на ужасы.

Сцена происходитъ въ Богеміи, въ окрестностяхъ Праги, въ XI вѣкѣ. Два семейства, графа Люддорфъ и барона Мольдау, враждуютъ между собою и осаждаютъ то одинъ замокъ, то другой. Пустынникъ берется помирить враговъ и приказываетъ соединить оба семейства бракомъ. Агнеса, единственная дочь барона Мольдау, должна выйти замужъ за Теобальда, старшаго сына графа Люддорфа. Это распоряженіе принято всеми съ радостію, кромѣ младшаго брата Теобальда, Родольфа, который давно тайно любитъ Агнесу и любимъ ею. Желая разо-

рвать этотъ бракъ, Родольфъ предлагаетъ молодой дѣвушкѣ бѣжать съ нимъ, и для этого нарядиться кровавымъ привидѣніемъ, которое, по преданію, въ полночь бродитъ по окрестностямъ замка.

Это привидѣніе—тѣнь покойницы, не находящей успокоенія въ могилѣ, потому что она была невѣстою графа Люддорфа, который бросилъ ее и уѣхалъ въ Палестину, а она заперлась въ монастырѣ. Услыша потомъ, что женихъ ея вернулся и хочетъ жениться на другой, она пошла къ нему, чтобъ напомнить его клятвы, но графъ убиваетъ несчастную. Съ-тѣхъ-поръ кровавое привидѣніе ходитъ вокругъ замка своего убійцы, и Родольфъ, вмѣсто Агнесы, встрѣчается съ нимъ и отдаетъ ему свое кольцо. Эта ошибка передаетъ его во власть привидѣнія, которое обѣщаетъ дать ему свободу, только когда онъ отмститъ за нее, убивъ злодѣя, погубившаго его. Но можетъ ли Родольфъ поднять руку на графа Люддорфа? Между тѣмъ, все готово къ браку Агнесы и Теобальда. Родольфъ въ отчаяніи, но отца его убиваютъ разбойники. Эта смерть успокоиваетъ бѣдную тѣнь. Любовники, разумѣется, соединяются и драмъ конецъ. Она бы нисколько не потеряла, если бы Скрибъ сдѣлалъ ее и въ трехъ дѣйствіяхъ: напротивъ, составитель либретто оказалъ бы этимъ большую услугу композитору.

Шарль Гуно, имѣвшій смѣлость написать музыку на эту блѣдную компиляцію, отъ которой отказались Мейерберъ, Галеви и Берлиозъ, принадлежитъ къ талантливымъ музыкантамъ, умѣвшимъ въ короткое время заслужить извѣстность. Увѣнчанный академіей музыки, онъ возвратился изъ Рима съ прочими познаніями и пристраціемъ къ религіозной музыкѣ. Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ, неизбѣжныхъ во всякой профессіи, онъ случайно встрѣтилъ настоящую артистку, г-жу Віардо, которая приняла участіе въ судьбѣ молодаго музыканта и хлопотала, чтобъ дирекція Оперы поставила на сцену его *Сафо*, имѣвшую не блистательный, но лестный успѣхъ, сдѣлавшій имя Гуно извѣстнымъ публикѣ. Послѣ этого онъ написалъ хоры къ трагедіи Понсара: *Умисъ*, и они до того понравились, что дирекція Оперы поручила ему пяти-актное либретто, что доказываетъ, какъ высоко она цѣнитъ талантъ молодаго композитора. Можетъ быть, Шарль Гуно лучше бы сдѣлалъ, еслибъ взялся за либретто въ мѣньшихъ размѣрахъ, потому что теперь во всей Европѣ одинъ Мейерберъ можетъ, не слабѣя, выдержать всѣ трудности пяти-актной оперы. Однако, не смотря на это, въ новой оперѣ очень много хорошихъ нумеровъ и имя композитора получило новый блескъ; только все-таки это далеко не образцовое произведеніе и публика вправѣ ждать отъ него лучшаго. Если спросить, какой вообще характеръ музыки Гуно? — на это очень трудно отвѣчать, потому что

у молодого маэстро еще мало оригинальности. Въ музыкѣ его замѣтно влияніе: Глюка, Вебера, Мендельсона, Мейербера и даже Берліоза, у котораго Гуно занялъ нѣкоторые эффекты звучности, потому-что больше нельзя ничего перенять у этого эксцентрическаго композитора, какъ его называлъ Луи Вельо, разбирая реквиемъ Берліоза, написанный *сильнѣе*, чѣмъ реквиемъ Моцарта, потому-что въ немъ больше тромбоновъ. Публика приняла благосклонно новую оперу, прекрасно обставленную и разыгранную.

Театръ Комической оперы всегда счастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, потому что составляетъ необходимость парижской публики, которая, какъ говоритъ Альфредъ Мюссе, ходитъ въ Большую оперу изъ приличія, чтобъ показать себя, но въ Комическую—для собственного удовольствія, потому-что тамъ музыка не покрываетъ совершенно дѣйствія, а только придаетъ больше занимательности интригѣ. Возобновленіе оперы Герольда *Pré aux Clercs* имѣло значительный успѣхъ, и публика какъ будто хотѣла вознаградить покойнаго композитора за оскорбленія критики при его жизни. Теперь Герольдъ считается однимъ изъ лучшихъ представителей французской школы; но сколько перенесъ онъ обидъ, насмѣшекъ, преждевременно доведшихъ его до могилы! Правда, что теперь отдають ему полную справедливость и имя его въ большомъ уваженіи, но все-таки не мѣшало бы, чтобъ это случилось при жизни композитора.

Les sabots de la Marquise, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, музыка Эрнеста Буланже, текстъ Карре и Жюля Барбье, имѣла тоже большой успѣхъ. Сюжетъ чрезвычайно простъ, дѣйствія мало, но все-таки піеса отличается живостію, занимательнымъ разговоромъ и прекрасными подробностями.

Одна молодая маркиза, вдова, скучаетъ въ своемъ замкѣ до того, что хочетъ поскорѣе выйти замужъ. Разумѣется, что у ней нѣтъ недостатка въ обожателяхъ, но она не можетъ рѣшиться на выборъ. Больше всѣхъ преслѣдуютъ ее два сосѣда по имѣнію, шевалье и баронъ, изъ которыхъ первый осыпаетъ ее нѣжностями, букетами, стихами, а второй до того грубъ и не знаетъ вѣжливаго обращенія, что смѣетъ смѣяться надъ изнѣженными привычками маркизы, приходитъ безъ приглашенія къ ней завтракать и посылаетъ ей въ подарокъ *деревянные башмаки*, чтобъ она не простудилась, гуляя по саду. Нѣжности шевалье ей надоѣдаютъ до того, что она отказываетъ ему въ своей рукѣ, а грубости барона, напротивъ, производятъ на нее сильное впечатлѣніе, такъ, что когда тотъ, чувствуя къ маркизѣ истинную привязанность, старается перемѣнить нецеремонность своего обращенія, она, съ

своей стороны. поддѣляется подъ его характеръ и надѣваетъ деревянные башмаки. Разуѣется, послѣ этого взаимнаго признанія молодые люди сознаются, что созданы другъ для друга и блистательный дуэтъ оканчиваетъ оперу.

Эрнестъ Булаше принадлежитъ къ талантливымъ музыкантамъ, произведенія которыхъ, не отличаясь ученостью, глубокомыслиемъ и поразительными эффектами, всегда производятъ пріятное впечатлѣніе на слушателя своею свѣжестью, наивностью, прелестью мотивовъ, оригинальностью мелодій. Его опера *Le diable à l'école* еще не забыта публикою; *Mademoiselle de Mérange* имѣла тоже значительный успѣхъ, и если *La Cachette* не понравилась, въ этомъ виновата либреттистъ, а не музыкантъ, щедро разсыпавшій въ оперѣ прекрасные мотивы. Не въ первый разъ случается, что несчастное либретто убиваетъ партитуру.

Въ этотъ разъ композитору посчастливилось достать хорошенькую піесу, и музыка его превосходно изобразила всѣ характеры и положенія лицъ. Нѣкоторые номера были повторены. Опера обставлена и сыграна со всевозможнымъ стараніемъ, оркестръ исполнялъ свое дѣло отлично, словомъ, если авторъ и артисты остались довольны публикою, то и публика не потеряла своего вечера, и вѣрно опять придетъ слушать комическій куплетъ Лизы, оканчивающійся пригвѣвомъ:

Si Nicolas m'aime

Va pour Nicolas.

Кромѣ этихъ новыхъ оперъ, послѣднее произведеніе Мейербера все еще продолжаетъ собирать публику; которая, кажется, нескоро устанетъ слушать и смотрѣть эту оперу.

Третій Лирическій театръ тоже недавно перемѣнилъ свое управленіе, что разумѣется повлекло за собою много неизбѣжныхъ перемѣнъ. Послѣ смерти Севеста, дирекція этого театра перешла къ Перрену, директору Комической оперы. Это распоряженіе можетъ быть прекрасно для артистовъ и постановки пьесъ, но композиторы могутъ тутъ много потерять. Прежде, когда директоръ Комической оперы отказывался принять оперу какого-нибудь автора, онъ еще могъ надѣяться, что третій Лирическій театръ поставитъ ее; теперь же, при одномъ директорѣ, этого быть не можетъ, и бѣдный музыкантъ не будетъ уже имѣть случая доказать публикѣ свой талантъ. Конкуренція необходима для однородныхъ предметовъ. Она заставляетъ каждый изъ нихъ употреблять всѣ свои силы и способности, чтобъ не дать торжествовать сопернику; безъ нея же оба театра, соединенные подъ однимъ правленіемъ, будутъ дѣйствовать слабо.

Самое замѣчательное произведеніе третьяго Лирическаго театра, это «Le Billet de Marguerite», комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, Лавена и Брюневика, музыка Жеварта. Интрига пуста и незначительна, но музыка замѣчательна не столько по новостямъ, сколько по искусству композитора. Жевартъ, молодой бельгійскій музыкантъ, уже доказалъ свой талантъ маленькою оперою *Жоржетта*. Въ новомъ его произведеніи больше живости, умѣнья; жаль только, что либретто не удачно, и что композиторъ, кажется, имѣетъ особенное пристрастіе къ манерѣ Верди, употребляя очень часто его эффекты. Будущность молодаго артиста еще полна надеждъ, и публика ожидаетъ съ нетерпѣніемъ его новаго произведенія.

Италіанскій театръ смѣло открылъ кампанію *Семирамидой* Россини, гдѣ явилась новая царица Вавилона, г-жа Бозио, новый Арзасъ, г-жа Борги-Мамо и новый Ассуръ—Гассье. Г-жа Бозио еще молодая пѣвица, съ выработаннымъ сопрано, который, можетъ быть, недовольно силенъ для роли Семирамиды, но въ немъ столько души и страсти, что онъ невольно заставляетъ зрителя ему сочувствовать. Пѣвица Борги-Мамо не настоящій контральтъ, но скорѣе меццо-сопрано, довольно гибкій, но недовольно звучный для сильной роли Арзаса. Въ другой роли пѣвица, вѣроятно, будетъ имѣть больше успѣха. Гассье воспитывался въ парижской консерваторіи, но отправился въ Италію, выучился тамъ владѣть звучнымъ баритономъ и возвратился оттуда съ такою удивительною методою и умѣньемъ, что его можно принять за настоящаго Италіянца хорошей школы. Роль Ассура исполнена была имъ въ совершенствѣ. Въ роли *Фигаро* онъ имѣлъ тоже большой успѣхъ, какъ актеръ и пѣвецъ, хотя еще не совершенно усвоилъ себѣ блистательный и живой языкъ этой музыки. Г-жа Гассье, его жена, дебютировала въ этотъ день въ роли Розины. Это настоящая Испанка, которая поетъ какъ Италіянка, съ удивительною легкостію и увѣренностію, такъ что всѣ трудности, трели на самыхъ высокихъ нотахъ, восходящія и нисходящія гаммы, не стоятъ ей ничего, и она, кажется, употребляетъ ихъ уже слишкомъ часто. Разумѣется, публика хлопочетъ ей съ восторгомъ, но артистка должна знать, что излишнее употребленіе украшеній не доказываетъ большаго вкуса и скоро утомитъ публику, которая все-таки предпочитаетъ *музыку* Россини всѣмъ его фокусамъ. Въ «*Saballetto*» Верди, которую Розина поетъ во время урока пѣнья, всѣ эти трудности у мѣста, но въ остальной оперѣ можно посоветовать пѣвицѣ пѣть попроще. Впрочемъ, такая примадонна можетъ почестся драгоценнымъ приобретеніемъ для оперы. Послѣ Севильскаго Цирюльника, Фреэццолини вышла въ роли *Дездемоны*, а Беттини—*Отелло*. Они ис-

полнили свое дѣло прекрасно, но все-таки не мѣшало бы, чтобъ дирекція оперы посидѣла поставить что-нибудь новое, занимательное. Парижу ужъ давно наскучило все одно и то же, и онъ требуетъ, если не новыхъ пѣвцовъ, потому-что и эти удовлетворительны, то по-крайней-мѣрѣ двѣ, три новыя оперы. Разумѣется, нельзя заставить Мейербера писать для итальянской сцены, и Россини другаго не оказывается; но все-таки можно найти десятки оперъ, которыхъ не слыхали еще во Франціи, и которыя, можетъ быть, понравятся здѣсь. Все-таки это будетъ хоть какая-нибудь перемѣна, а то даютъ вѣчно однихъ и тѣхъ же Цирюльничковъ и Отелло, которыхъ знаетъ наизусть каждый уличный мальчишка, каждая гризетка. Положимъ, что они хороши, и до-сихъ-поръ ни одинъ Верди не могъ написать ничего подобнаго, но все-таки это хорошее начинаетъ видимо надоѣдать, что замѣтно уже со втораго представленія каждой оперы. Говорять, что ко времени всемірной выставки готовятъ нѣсколько новостей, но до выставки еще далеко, а Парижъ не будетъ всю зиму слушать одного Фигаро и Отелло.

Знаменитый маэстро Жюльенъ вернулся опять въ Парижъ. После возвращенія своего изъ Нью-Йорка, онъ успѣлъ уже объѣздить всѣ провинціи Франціи и привезъ новую чудовищную польку, въ которой оркестръ подражаетъ крикамъ животныхъ и насѣкомыхъ во время тропической ночи. Тутъ всякій инструментъ изображаетъ какое-нибудь животное или насѣкомое: змѣи, москиты, огненные мухи, свѣтящіе черви, григри, стоножки, и проч., словомъ цѣлый звѣринецъ оглушаетъ слушателя разнообразнымъ шипѣньемъ, жужжаньемъ, свистомъ, крикомъ, и самъ капельмейстеръ исполняетъ партію какого-то неизвѣстнаго насѣкомаго, однимъ ртомъ, безъ помощи инструмента. Эта оригинальная полька будетъ имѣть огромный успѣхъ въ Англии, гдѣ въ искусствахъ цѣнятъ только неестественное, выходящее изъ предѣловъ изящнаго. Чтожъ дѣлать, если артисты, угождая вкусу толпы, сдѣлали изъ музыки какой-то нестройный шумъ и трескъ. Многіе ли понимаютъ истинно прекрасныя, высокія произведенія? награждаютъ ли артистовъ по заслугамъ ихъ современники? Нѣтъ. Моцартъ былъ великій композиторъ и слава его еще теперь въ полномъ блескѣ, но онъ умеръ въ бѣдности и незвѣстно даже гдѣ похороненъ, тогда какъ Мюзаръ нажился и былъ меромъ въ Отейлѣ, потому что написалъ адекій галопъ съ пушечными выстрѣлами, а не Донъ-Жуана.

Но довольно о музыкѣ. На другихъ не лирическихъ театрахъ очень много новаго, хотя нельзя сказать, чтобъ было столько же и хорошаго.

Французскій театръ поставилъ комедію въ пяти актахъ въ прозѣ,

сочиненія Мазера: «La Niaise», не имѣвшую значительнаго успѣха. И не мудрено. Двадцать лѣтъ тому назадъ Мазеръ занимался литературой, писалъ хорошенькія пьесы, какъ «Le Jeune Mari, Les trois Quartiers» и др., которыя очень нравились публикѣ. Но съ тѣхъ поръ, занявшись службой, онъ бросилъ литературу и скрылся въ своей дальней префектурѣ, гдѣ только слышалъ, что въ это время было уже нѣсколько литературныхъ поколѣній, успѣвшихъ блеснуть и исчезнуть, что въ Парижѣ была борьба классиковъ и романтиковъ, дуэль на смерть между драмою и трагедіею, и потомъ оживленіе трагедіи Рашелью. Мазеръ только слышалъ, что въ его отсутствіи произошло много переменъ во всѣхъ театрахъ, что явился какой-то Понсаръ, который уже былъ избранъ въ члены академіи, что всѣ труппы перемѣнили артистовъ; но самъ онъ, оставшись все тѣмъ же писателемъ пріятнымъ, легкимъ, представляя лица безъ характеровъ, пьесы безъ интригъ, написанныя тонко и умно, но безъ энергіи и дѣйствія, представилъ комедію въ томъ же духѣ, не подозрѣвая, что вкусъ публики уже давно перемѣнился. Теперь уже не пишетъ никто такихъ пьесъ, и удивительно, какъ французскій театръ рѣшился поставить *Глупенькую*, зная что она не выдержитъ и трехъ представлений. И для чего авторъ растянулъ пьесу на пять актовъ, когда въ ней нѣтъ дѣйствія и на два. Все дѣло въ томъ, что у барона Сальбри, почтеннаго юрикоконсультанта, жена мила, умна, разсудительна, но чрезвычайно робка, и мужъ, не подозрѣвая ея достоинствъ, считаетъ ее дурочкою, и даже стыдится, что женился на ней. Однако эта дурочка поправляетъ его разстроенныя дѣла, вышутываетъ его изъ затруднительнаго положенія, хлопочетъ, чтобъ его избрали въ генеральный совѣтъ провинціи, отъ чего баронъ, не смотря на всю опытность и умѣнье, долженъ былъ отказаться; но дурочка, не смотря на всѣ препятствія, уговорила всѣхъ и наконецъ доказала своему мужу, что она совсѣмъ не такъ глупа, какъ онъ воображалъ. Какъ ни растягивайте этотъ сюжетъ, все-таки изъ него ничего не выйдетъ, тѣмъ болѣе, что съ перваго акта видно въ чѣмъ дѣло. Напрасно лучшіе артисты, Мадлена Брoganъ, Жофруа, Сансонъ играли превосходно и старались поддержать пьесу: всѣ усилія ихъ были напрасны. Пьеса упала. Двадцать лѣтъ тому назадъ она имѣла бы такой же успѣхъ, какъ *Молодой мужъ* и другія комедіи того же автора.

На театрѣ *Водевилля* надѣлала много шума небольшая драма *Ева*. По всему видно, что она первоначально задумана и, можетъ быть, написана въ современныхъ нравахъ; но такъ какъ въ наше время и то было представлено много печальныхъ картинъ, то авторы перенесли дѣйствіе въ средніе вѣка. Однако костюмы не обманутъ никого. Ева,

молодая, бѣдная дѣвушка окружена всеми обольщеніями свѣта. Ея любви добиваются: Кларандъ, старый венеціанскій гуляка; Леліо, прекрасный повѣса, и живописецъ Буфамалькъ, добрый, благородный человѣкъ, который любитъ Еву отъ всей души. Но она выбираетъ Леліо и тотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ измѣняетъ ей. Съ отчаянія, она въ шумѣ пировъ и праздниковъ, даваемыхъ для нея Кларандомъ, хочетъ заглушить свое горе; но эта жизнь до того несходна съ ея характеромъ, что она рѣшается скорѣе умереть и, сбросивъ съ себя цвѣты и брильянты, бѣжить къ рѣкѣ. Живописецъ слѣдуетъ за ней, но не удерживаетъ ее, потому что не можетъ уже ее любить, но въ это время слышится пѣніе монахинь и Ева идетъ за ними, чтобъ провести жизнь въ раскаяніи.

Пьеса имѣла большой успѣхъ, и хотя до представленія приписывали ее Александру Дюма-сыну, но на афишѣ стоятъ только имена Менжуа и Деланда. Актриса Фаргель превосходно сыграла главную роль, и другіе артисты хорошо представили типы венеціанскихъ повѣсъ, которые останутся тѣми же и въ наше и въ будущее время.

Le vieux Vodin, водевиль въ одномъ дѣйствіи, долженъ былъ имѣть блистательный успѣхъ, за который ручалось имя автора Луи Люрина, одного изъ занимательныхъ, остроумныхъ разскащиковъ, съ особенною оригинальностью составляющихъ повѣсть, фельетонъ и даже водевиль. Недавно еще Луи Луринъ вздумалъ написать комедію для французскаго театра, и *Вольтеръ въ Фернелъ*, игранный и въ Петербургѣ, доказалъ опытность автора. Публика всегда будетъ благосклонно принимать остроумныя и хорошо написанныя пьесы, какія теперь попадаются очень рѣдко. Сюжетъ *Старика Бодена* не замысловатъ, не надобно было умѣнья и вкуса автора, чтобъ обработать его такъ умно и занимательно.

Клементина вышла замужъ за молодаго сержанта Поля Мену, но въ день свадьбы мужъ получаетъ приказаніе идти съ полкомъ въ походъ и поручаетъ свою молодую жену старой теткѣ и старому доктору Бодену. Скоро послѣ отъѣзда Поля докторъ умираетъ, а старуха дѣлается больна и теряетъ зрѣніе, но такъ какъ она очень привязана къ доктору, то племянница скрываетъ отъ нея смерть его, призываетъ его сына и проситъ его играть роль старика, покуда она не приготовитъ тетку къ этому печальному извѣстію. Молодой докторъ соглашается на это охотно, потому что ему весьма пріятно проводить время съ молодой женщиной, которая ему очень нравится и которая отъ скуки принуждена выслушивать его нѣжности. Вдругъ Поль возвращается и находитъ, что жена сдѣлалась къ нему очень холодна, тетка

же все твердить о своемъ докторѣ, *старомъ Боденъ*. Думая, что Клементина больна, Поль посылаетъ за этимъ докторомъ, и увидя молодого человѣка, понимаетъ въ чемъ дѣло. Онъ вызываетъ молодаго Бодена на дуэль и предлагаетъ женѣ разводную, но та уже оцѣнила прекрасныя качества мужа и поняла, что только отъ скуки увлеклась любезностью доктора. Стало быть, супруги мирятся и молодой старикъ отдѣльвается счастливо отъ дуэли.

Театръ *Разнообразія* поставилъ тоже нѣсколько новыхъ пьесъ.

Un système conjugal, очень забавная пьеса. Эрболень, мужъ одной хорошенькой женщины, принялъ себѣ за правило удалять отъ жены всѣхъ холостыхъ и окружаетъ ее только женатыми, почитая ихъ безопасными и добродѣтельными. Вдругъ прѣзжаетъ откуда-то его школьный товарищъ, извѣстный повѣса и волокита, Серни, и Эрболень не велитъ его принимать, но тотъ объявляетъ, что онъ женатъ, и мужъ рекомендуетъ его женѣ, оставляетъ ихъ однихъ, смѣется, когда жена жалуется, что Серни преслѣдуетъ ее признаніями въ любви, и наконецъ посылаетъ ихъ гулять въ лѣсъ. Въ эту самую минуту онъ узнаетъ, что Серни обманулъ его, что онъ совсѣмъ не женатъ и давно влюбленъ въ его жену. Можно себѣ вообразить положеніе несчастнаго мужа съ его *системой*. Однако госпожа Эрболень, не смотря на приказаніе мужа, не пошла въ лѣсъ съ Серни, и говоритъ волокитѣ о полученіи ею извѣстія, что его жена и *дѣти* захворали и просятъ его прѣхать домой. Повѣса понимаетъ, что тутъ ничего не можетъ выиграть и отправляется къ своей воображаемой женѣ.

Une mari qui gonfle, фарсъ, написанный однимъ изъ прямыхъ премниковъ Дезожье, Спроденомъ, умѣющимъ смѣшить публику не пошлостями и неирриличностями, но умными остротами, комическимъ положеніемъ лицъ, веселымъ, натуральнымъ разговоромъ. Г-жа Дардуль была бы самую счастливою женщиною въ свѣтѣ, если бы только мужъ ея не имѣлъ ужасной привычки храпѣть. Это храпѣнье не даетъ ей покоя, мучаетъ ее и она не знаетъ какъ отъ него избавиться. На балѣ въ нее влюбляется одинъ молодой человѣкъ, Попенкуръ. Послѣ многихъ комическихъ ссоръ, возвращенія г-жи Дардуль и забавныхъ сценъ, заставлявшихъ хохотать весь театръ, супруги мирятся, и мужъ общается отучиться отъ храпѣнья.

Un mari sur le gril — это ревнивецъ, который слѣдуетъ за женою какъ тѣнь, и чтобъ испытать ее добродѣтель, самъ проситъ двухъ молодыхъ людей поволочиться за нею. Но этотъ опытъ обошелся бы мужу дорого, если бъ сама жена, видя опасность, не открыла мужу, что друзья его играютъ роль влюбленныхъ очень серьезно. Тогда рев-

нивецъ прогоняетъ друзей и, увѣренный въ вѣрности жены, даетъ ей полную свободу.

Un brelan de paris. Вотъ еще запутанная исторія, гдѣ уже не одинъ мужъ, а цѣлыхъ три предъявляютъ свои права на одну женщину. Правда, что эту женщину зовутъ Роза, и она такъ хороша, что у ней можетъ быть много претендентовъ, но все — таки мужъ долженъ быть одинъ. Эта Роза родственница Шуазеля, врага г-жи Дюбарри, и полиція ищетъ ее, чтобъ посадить въ Бастилю. Роза замужемъ за однимъ виконтомъ, но не смѣетъ ни кому открыть этого, чтобъ не погубить мужа. Сама же, переодѣвшись поселанкой, идетъ въ магазинъ парфюмера, служанкой. Парфюмеръ, разумѣется, влюбленъ въ виконтессу, и чтобъ отдалить отъ нея обожателей, говоритъ всѣмъ, что она его жена. Одинъ маркизь, зайдя въ магазинъ, тоже предлагаетъ Розѣ свое сердце и руку, и когда полиція хочетъ остановить ее, то являются три мужа и требуютъ свободы жены. Полицейскій агентъ начинаетъ спорить съ маркизомъ и парфюмеромъ, но въ это время Роза и виконтъ успеваютъ бѣжать, и пьесѣ конецъ. Вся эта чепуха написана для дебюта молоденькой актрисы Полины, но даже ея магнитные глазки не могли спасти пьесы.

Театръ *Веселости* продолжаетъ ставить печальныя драмы, въ которыхъ однако много поучительнаго.

Les oiseaux de proie — хорошо задуманная пьеса, въ которой много правды. Въ ней выведены всѣ хищныя птицы, которыя выютъ гнѣзда на биржѣ, на Италіанскомъ бульварѣ, въ ложахъ оперы, въ канурѣ ростовщика, въ будуарѣ улицы Бреда.

Вотъ коршунъ Монтронъ, въ желтыхъ перчаткахъ, лаковыхъ сапогахъ, который друженъ со всѣми молодыми людьми, ожидающими наслѣдствъ и даетъ имъ въ займы деньги по двѣсти процентовъ.

Вотъ ястребъ Жоржина, занимающійся ощипываньемъ голубей жокей-клуба.

Вотъ еще голубятникъ Арменовиль, обыгрывающій навѣрное и убивающій тѣхъ, которые смѣютъ замѣтить его плутовство.

Есть еще графъ Капраника, обирающій до чиста своихъ жертвъ; воронъ Бригбуле, который ухаживаетъ за умирающими, чтобъ они оставили ему что-нибудь по духовной, и много другихъ хищныхъ птицъ, которыя всѣ собираются погубить и обобрать молодаго человѣка, наслѣдника огромнаго богатства. Но противъ этихъ хищныхъ птицъ идетъ на охоту честный, благородный человѣкъ, Шарль Реннепонъ. Онъ не только спасаетъ бѣднаго молодаго человѣка отъ когтей этихъ птицъ, но узнавъ въ голубятникѣ Арменовиль своего брата, увлеченнаго дурными

страстями и примѣрами, доводить его до раскаянія и дѣлаетъ порядочнымъ человѣкомъ.

Въ пьесѣ много эффектовъ и занимательности, какъ и должно быть въ драмѣ Деннери, извѣстнаго своимъ умѣньемъ заставлять плакать и содрогаться публику.

Театръ Палерояля поставилъ хорошенькій водевиль: «*Le sabot de Marguerite*», поправившійся публикѣ. Авторамъ уже надобно представлять смѣшную сторону парижанъ и провинціаловъ средняго сословія, и они принялись выводить на сцену поселянъ; съ ихъ нарѣчіемъ и привычками, и, вѣроятно, не раскаются въ этомъ, особенно послѣ успѣха этой небольшой пьесы, написанной для четырехъ дѣйствующихъ лицъ. Маргарита, молоденькая сирота, получила въ наслѣдство отъ дѣда ферму, но вмѣстѣ съ тѣмъ, старикъ завѣщалъ ей, чтобъ она вышла замужъ за солдата Симоно, который выкупилъ эту ферму отъ должниковъ и самъ пошелъ въ походъ. И вотъ Маргарита ждетъ этого жениха, и между тѣмъ принуждена отказывать всѣмъ своимъ обожателямъ и отсылать поминутно своихъ работниковъ на фермѣ, которые всѣ хотятъ жениться на хорошенькой хозяйкѣ. Наконецъ къ ней приходитъ наниматься молодой человѣкъ, Жанъ, тихій, скромный, молчаливый, и фермерша думаетъ, что его уже нечего опасаться, но она ошибается. Жанъ не говоритъ ей о любви, но онъ нашелъ ея деревянный башмачекъ и носить его на груди. Маргариту трогаетъ такая привязанность, но она, боясь забыть завѣщаніе дѣда, отсылаетъ Жана и беретъ другаго работника. — Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ фермерша. — Симоно. Боже мой, стало быть, ты былъ въ военной службѣ, ты спасъ моего дѣда, все здѣсь твое, не ты, а я буду тебѣ прислуживать. И Симоно начинаетъ хозяйничать по фермѣ, напивается пьянъ, все ломаетъ, бьетъ, дерется съ Жаномъ, который прибѣжавъ на шумъ, собирается поколотить хозяйку. Маргарита въ отчаяніи, что должна выйти замужъ за такого безпутнаго, и повѣряетъ свое горе Жану. Да зачѣмъ вамъ выходить за него замужъ? спрашиваетъ Жанъ. — Затѣмъ, что его зовутъ Симоно. И меня тоже зовутъ Жанъ Симоно. — Какъ же это, который изъ васъ помогъ моему дѣду? — Разумѣется, не этотъ пьяница, у котораго никогда не было денегъ и который не былъ въ солдатахъ, а я, отставной барабанщикъ 14-го легкаго полка! Пьеса кончается благополучно, и публика осталась ею довольна.

«*Les deux bonnes amies*», очень мило написанный водевиль, въ которомъ подсмѣиваются надъ женскою дружбой. Молодая вдова Габріель и Сесиль, ея пансіонская подруга, кланутся въ вѣчной дружбѣ, но вдругъ обѣ влюбляются въ одного молодого человѣка и, разумѣется, ста-

раются только как бы помѣшать другъ другу и выставить одна другую въ невыгодномъ видѣ. Вдова уже и прежде была знакома съ Жоржемъ и имѣетъ отъ него письма, но Сесиль знаетъ, что онъ богатъ, и хочетъ выйти за него замужъ, чтобъ имѣть замокъ и экипажъ. Къ счастію является еще одинъ претендентъ, который влюбляется вдругъ въ обѣихъ женщинъ и не знаетъ, которой изъ нихъ предложить свою руку. Но такъ какъ вдова опытнѣе дѣвушки, то и устраиваетъ дѣло такъ, что Жоржъ достается ей, а нерѣшительный женихъ — Сесили.

Театръ «*Délassements-Comiques*» поставилъ трехъ-актную драму, имѣвшую значительный успѣхъ, такъ что маленькій этотъ театръ наполняется непривычною публикою, аплодировавшею актерамъ и автору въ самыхъ свѣжихъ палевыхъ перчаткахъ, что здѣсь видно очень рѣдко. Если бы зала была вдвое обширнѣе, и тогда бы она наполнилась любопытными, желающими посмотреть «*l'Enfant de la Halle*».

Пьеса хорошо обставлена и разыграна, и дебютантъ, Жюлионъ, въ роли Жоржа неожиданно поразилъ публику рѣдкимъ талантомъ, увѣренностью на сценѣ и жаромъ игры.

На этой же сценѣ имѣлъ большой успѣхъ трехъ-актный водевиль: «*Un monsieur qui voit tout en jaune*». Старый холостякъ, который провелъ веселую молодость, видѣлъ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и наконецъ собирается жениться. Съ этой минуты онъ видитъ все въ желтомъ цвѣтѣ. На его невѣстѣ желтое платье, на гостяхъ желтые жилеты, лакеевъ всѣхъ вовуть *Жонъ*, самъ онъ носитъ фамилію *Жонкиль*, и наконецъ принужденъ вѣнчаться въ желтыхъ панталонахъ, потому что всѣ другіе разорваны. Этого послѣдняго удара онъ не можетъ перенести и приказываетъ одному красильщику тотчасъ же выкрасить панталоны черною краскою, что тотъ и исполняетъ. Но, разумѣется, краска, не успѣвшая высохнуть, мараетъ всѣхъ, и самъ женихъ сдѣлался похожъ на арапа. Всѣ смѣются, но онъ очень доволенъ, что избавился отъ желтаго цвѣта, и свадьба кончается благополучно.

Въ этомъ фарсѣ набрано столько остротъ, положенія такъ уморительны, лица комически, что нѣтъ никакой возможности удержаться отъ смѣха.

Вообще, маленькіе театры начинаютъ обращать на себя всеобщее вниманіе какъ по тщательной постановкѣ пьесъ, такъ по составу труппъ, которыя соперничаютъ съ большими труппами.

Маленькій театръ «*Folies dramatiques*» также начинаетъ посѣщать порядочное общество, чтобъ посмѣяться надъ забавными фарсами, въ родѣ *Une partie de Cache-cache*.

Это вовсе даже не пьеса, потому что въ ней ни дѣйствія, ни

завязки, ни развязки, а одна бѣготня женъ за мужьями, жениховъ за невѣстами. Всѣ прячутся другъ отъ друга, подсматриваютъ, подслушиваютъ, въ темнотѣ принимаютъ одного за другаго, дурачатъ другъ друга, и все остается въ томъ же видѣ, какъ въ началѣ пьесы, то есть мужья находятъ женъ, невѣсты жениховъ. Не смотря на эту суматоху безъ всякой причины, фарсъ тоже понравился, потому что смѣшить до упада.

На этомъ же театрѣ пробовали поставить и чувствительную пьесу: *Le violon du pére Dimanche*, и она заставила плакать публику. Этотъ Диманшъ, добрый старикъ, играющій на скрипкѣ каждое воскресенье, въ скромномъ трактирѣ, гдѣ собираются всѣ жители селенія, чтобъ потанцовать. Старикъ любитъ свою скрипку страстно, но вдругъ какъ-то роняетъ ее на дорогѣ, и подъехавшая телега раздробляетъ ее въ куски. Какъ изобразить отчаяніе бѣднаго музыканта! Онъ потерялъ со скрипкой свой хлѣбъ, а селеніе должно отказаться отъ баловъ. Но одна молодая швея, Франсина, сжалившись надъ старикомъ, на выработанныя и скопленные деньги покупаетъ ему скрипку. Разумѣется, это благодѣяніе скорѣ награждается, потому что одинъ богатый молодой человекъ женится на Франсинѣ и приглашаетъ старика играть на свадьбѣ.

Атеры и актрисы, уѣзжающіе на лѣто, обыкновенно говорятъ, что отправляются въ Лондонъ; но большая часть изъ нихъ остается въ Батиньолѣ, потому что при такой конкуренціи охотниковъ собирать фунты стерлинговъ, невозможно чтобъ всѣ нашли занятіе въ столицѣ Британіи. Нѣкоторыя артистки въ самомъ дѣлѣ доѣдутъ до Лондона, но тамъ, не найдя ангажемента, каждый вечеръ одѣваются великолепно и пріѣхавъ пить чай къ какой-нибудь пріятельницѣ, рассказываютъ, что участвовали въ огромномъ концертѣ, были вызваны, осыпаны букетами, и въ подтвержденіе своихъ словъ обязаны представить нѣсколько дорогихъ букетовъ. Эта комедія обходится не дешево; но артистки готовы заплатить еще больше, лишь бы не сознаться, что талантъ ихъ до того незначителенъ, что на него даже Англичане не обратили вниманія. Собравшись же въ Парижъ, каждая изъ нихъ рассказываетъ чудеса о пріемѣ, сдѣланномъ ей въ чужихъ краяхъ, о подаркахъ и собранныхъ деньгахъ, когда, въ самомъ дѣлѣ, многія изъ нихъ истратили свои собственныя деньги; вотъ до чего доводитъ самолюбіе! Всякій артистъ считаетъ униженіемъ не воспользоваться своимъ отпускомъ, чтобъ показать свой талантъ иностранцамъ, которые не обращаютъ на него никакого вниманія. Особенно въ нынѣшній лѣтній сезонъ, Лондонъ былъ до того занятъ, что ему было не до руладъ, и онъ даже не замѣтилъ Альбони, что кажется невозможнымъ. Вьетанъ и Эрнетъ играли свои

лучшія произведенія почти передъ пустыми стульями, и хорошенькая г-жа Кабель напрасно старалась своими живыми глазками и уопительнымъ голосомъ расшевелить угрюмыхъ британцевъ, не признающихъ таланта ни въ комъ, кромѣ Женни Линдъ. Только Маріо—этотъ отблескъ Рубины, и Джулія Гризи, которую Лондонъ привыкъ снисходительно слушать въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ, собрали груды гиней, прощаясь съ чувствительными островитянами и отправляясь за долларами въ Америку. Они какъ-будто предчувствовали, что Янки примутъ ихъ не совѣмъ благосклонно и не оцѣнятъ ихъ почтенныхъ, опытныхъ талантовъ.

Къ тому же еще Джулія Гризи, подобно другимъ знаменитостямъ, чувствуетъ желаніе разсказать публикѣ свою жизнь. Она диктуетъ свои мемуары другой знаменитости, Барнуму. Первый томъ этихъ любопытныхъ записокъ Барнума уже вышелъ въ Нью-Йоркѣ и переводится во Франціи. Вѣроятно, въ нихъ авторъ, описывая восторгъ, произведенный Женни Линдъ, не забудетъ неудачъ бѣдной Альбони и другихъ занимательныхъ происшествій, случившихся съ европейскими артистами, разочарованными Америкою. Мемуары эти надѣлали уже много шума; докторъ Веропъ пріостановилъ изданіе своихъ записокъ; Артаньянъ-Дюма пріутихъ съ своими; даже Селеста Могадоръ начала бояться за успѣхъ своихъ мемуаровъ. Одна только неустрашимая Жоржъ Зандъ продолжаетъ усыплять своихъ читателей разсказами о своихъ родителяхъ, до которыхъ публикѣ нѣтъ никакого дѣла.

Кромѣ мемуаровъ, парижская публика ничего не читаетъ, потому что теперь всѣ романы кажутся вялы передъ дѣйствительностью; одни журналы пользуются большимъ вниманіемъ, потому что заключаютъ въ себѣ если не правду, то все-таки что-нибудь современное, хоть насмѣшки надъ выборами академіи, хоть острооты на счетъ запоздалой комедіи Мазера, которую называютъ драхлою, плѣшивою, и совѣтуютъ автору, чтобъ онъ каждое представленіе убавлялъ по одному акту, отъ чего на пятое представленіе составитя удивительная пьеса; то наконецъ процессы артистокъ и авторовъ, даже городскія сплетни и анекдоты—все это занимаетъ гораздо болѣе, чѣмъ какой-нибудь безкопечный романъ *Графиня Шарни*, составленный изъ выписокъ, изъ газетъ и отчетовъ засѣданій законодательнаго собранія, и начало котораго не помнитъ уже ни одинъ читатель, тогда какъ конецъ, вѣроятно, еще не развился въ головѣ Мушкетера.

Недавно весь Парижъ былъ занятъ однимъ происшествіемъ, случившимся на послѣднемъ балѣ, и которое могло окончиться трагическимъ образомъ. Одинъ молодой человекъ, графъ N., путешествуя по Италіи,

влюбился въ восхитительную Итальянку исторической фамиліи и женился на ней въ Венеціи. Въ этотъ городъ пріѣхала на зиму одна парижанка вдова, славящаяся своими чудными бѣлокурыми волосами, и графъ, забывъ черныя очи и роскошную синеватую косу жены, началъ интересоваться вдовою. Когда же парижанка уѣхала, у графа явились какія-то необходимыя дѣла, и онъ, сказавъ женѣ, что ѣдетъ въ Римъ, заѣхалъ по дорогѣ въ Парижъ. Вдругъ Итальянка получаетъ извѣстіе, что мужъ ея поселился въ Парижѣ, считается первымъ поклонникомъ бѣлокурой вдовы и бываетъ съ нею на всѣхъ балахъ и театрахъ.

Графиня тотчасъ же отправляется въ Парижъ, рѣшаясь лучше умереть, чѣмъ перенести подозрѣніе въ обманѣ, и такъ-какъ во многихъ итальянскихъ семействахъ до-сихъ-поръ хранятся таинственные хрустальные кинжалы съ отравленнымъ кончикомъ, незамѣтныя скляночки съ ядомъ, то и графиня взяла небольшой золотой шарикъ, въ серединѣ котораго былъ сильнѣйшій ядъ и который стоило только раскусить, чтобъ упасть безъ жизни, какъ отъ удара грома. Итальянка хотѣла умереть, но прежде всего хотѣла узнать, вѣренъ ли ей мужъ. Это было не трудно. На другой день ея пріѣзда былъ балъ у одной изъ ея подругъ, вышедшей замужъ за французскаго капиталиста, и вдова была приглашена на балъ съ своимъ непремѣннымъ спутникомъ. Начались танцы, и графиня незамѣтно подошла къ знакомой ей парѣ, которая, подъ предлогомъ танцевъ, вела самый занимательный разговоръ. Итальянка съ завистью смотрѣла, какъ ея мужъ нагнулся надъ бѣлокурою головкой и шепталъ ей что-то; она готова была уже положить въ ротъ роковой шарикъ, и сказавъ последнее прости невѣрному, умереть у его ногъ, какъ вдругъ зоркій глазъ женщины замѣтилъ какую-то неровность въ цвѣтѣ волосъ вдовы. Сообразивъ въ одну секунду, что роскошная бѣлокурая коса красавицы должна быть подвязная, графиня быстро выхватила гребенку изъ головы соперницы и бѣлая часть волосъ вдовы упала на полъ. Разумѣется, послѣ этого ей ничего не оставалось какъ упасть въ обморокъ; но графъ въ это время увидѣлъ жену, прекрасную, любящую и съ своими собственными волосами, хотя и черными, и, забывъ парижанку, поспѣшилъ увести ее съ бала.

— Простишь ли ты меня, Біанка? говорилъ онъ ей, пріѣхавъ домой.

— Вѣдъ ты простилъ же меня, что я сорвала съ нее волосы, отвѣчала Итальянка, пряча подальше золотой шарикъ.

На дняхъ умеръ талантливый писатель, Корделье-Делану, всю жизнь бывший самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Сынъ храбраго генерала Имперіи, онъ остался безъ состоянія и занялся журналистикой и драматической литературой. Только на сценѣ его сотрудники почему-то про-

пускали его имя, хотя онъ работалъ больше всѣхъ. Разъ какъ-то удалось ему одному написать драму въ стихахъ: «*Mathieu Luc*» для открытія Одеона, но и та не имѣла блистательнаго успѣха, хотя написана превосходно. Потомъ, тоже для этой сцены, онъ написалъ *Наполеона*, и всѣ приходили въ восторгъ отъ Фредерика Леметра; но имя автора все-таки осталось неизвѣстнымъ. Всѣ воображали, что ничего нѣтъ легче какъ написать блистательную драму изъ жизни Императора, а между тѣмъ Александръ Дюма, мастеръ составлять эффектныя пьесы, не могъ сладить съ этимъ сюжетомъ, и его *Наполеонъ* претерпѣлъ рѣшительное пораженіе на театрѣ Сень-Мартенскихъ воротъ. Это было второе Ватерлоо. Делану, послѣ неудачъ на сценѣ, вступилъ въ службу и думалъ жить спокойно, какъ вдругъ революція 1848 года лишила его мѣста. Тогда онъ опять занялся журналистикою и почти одинъ наполнялъ всѣ нумера *Корсара*; но этотъ журналъ былъ остановленъ, и бѣдный Делану опять не зналъ за что приняться. Однако, это былъ чело-вѣкъ умный, образованный, дѣятельный. Всѣ непріятности матеріальной жизни не могли измѣнить его юмористическаго настроенія ума, и наконецъ судьба устала его преслѣдовать. Онъ женился на прекрасной, уважаемой женщинѣ; участь его была обезпечена, онъ уже не зависѣлъ ни отъ кого, какъ вдругъ страшная болѣзнь поразила его и онъ умеръ, не испытавъ счастья, на сорокъ-восьмомъ году жизни. За что бываетъ иногда такая напасть на нѣкоторыхъ людей и еще на талантливыхъ? Отчего же дуракамъ все удается?..

Гекторъ Берлиозъ написалъ духовную трилогію, подъ названіемъ: *Дѣтство Спасителя*; музыка и слова его сочиненія. Это произведеніе будетъ исполнено въ залѣ Герца, гдѣ готовятъ уже амфитеатръ, подобный тому, какой находится въ Консерваторіи. Повторенія этого музыкальнаго праздника не будетъ, потому что Берлиозъ торопится въ Германію, гдѣ его ждутъ для постановки оперы.

Вотъ еще замѣчательная новость, вывезенная изъ Бордо въ Парижъ. Съ 1-го декабря на всемъ протяженіи бульваровъ и въ улицахъ, вымощенныхъ макадамомъ, предлагаютъ прохожимъ для перехода деревянные башмаки за пять сантимовъ. Это спасеніе для пѣшиходовъ; только фіакры могутъ быть за это въ претензіи, потому что ихъ часто нанимали въ грязь, чтобъ только перевезти съ одной стороны улицы на другую.

Примѣръ Крувелли оказался заразительнымъ, потому что одна изъ первыхъ актрисъ Водевеля, тоже предъ начатіемъ спектакля, исчезла, только не такъ некусно какъ оперная артистка, потому что на другой же день ее остановили на станціи сѣверной желѣзной дороги, въ сопровожде-

ни очень молоденькаго сына одного почтеннаго человѣка, который обѣщаль на ней жениться *за границей*. Жениха, кажется, послалъ отецъ доучиваться реторикѣ въ какой-то коллегіумъ, а дезертерку привезли къ ея директору, который въ наказаніе не даетъ ей ни одной роли.

Вѣроятно, эта мода на побѣги и похищенія перешла черезъ проливъ, потому что въ Times, послѣ объявленія о новомъ сортѣ сигаръ, спасающихъ отъ головной боли, находится слѣдующее извѣстіе:

«Вчера Мери Б... пропала изъ родительскаго дома, когда всѣ родные, по случаю праздника, ушли со двора. Семейство, находящееся въ сильномъ огорченіи, проситъ Мери дать о себѣ какое-нибудь извѣстіе или по-крайней-мѣрѣ прислать ключъ отъ погреба, который она нечаянно захватила съ собою».

Вѣроятно, Мери Б... теперь уже далеко и не прочтаетъ родительскаго объявленія; стало быть, неутѣшное семейство можетъ послать за слесаремъ, если не хочетъ остаться совсѣмъ безъ вина. Замѣчательно, что Англичанка, отдавая какому-нибудь лорду ключъ отъ своего сердца, захватила съ собою ключъ отъ погреба. Такое увлеченіе совершенно въ англійскомъ характерѣ.

Въ Парижъ уже теперь собирается много гостей, и нѣкоторые благоразумные люди заранѣе хлопочуть о квартирѣ и пропитаніи, воображая, въ самомъ дѣлѣ, что на выставку съѣдутся столько тысячъ любопытныхъ, что негдѣ будетъ помѣститься и нечего будетъ ѣсть. Тоже самое думали и во время Лондонской выставки; однакоже всѣ посѣтители кристальнаго дворца нашли себѣ квартиры и даже совсѣмъ не дорого, и не слыхать, чтобъ кто-нибудь умеръ съ голода. Стало быть, нечего бояться и за Парижъ.

Бальный сезонъ въ самомъ разгарѣ, и потому модистки спѣшатъ изобрѣтать что-нибудь новое, необыкновенное, поразительное. Самая важная новость на дамскихъ платьяхъ,—это перехваты на корсажахъ въ видѣ мужскихъ подтяжекъ. Ихъ дѣлаютъ на простыхъ платьяхъ и на бальныхъ: изъ бархату, лентъ, кружевъ, аграманту, цвѣтовъ, зелени, и они расположены спереди и сзади, суживаясь къ кушаку и теряясь въ бантахъ. Обыкновенно на свѣтлыхъ и пестрыхъ платьяхъ дѣлаютъ эти подтяжки подъ цвѣтъ, на темныхъ же—черныя бархатныя; вообще черныя бархатъ больше всего употребляется для отдѣлки какъ визитныхъ платьевъ, такъ и бальныхъ.

Другая новость, еще неслыханная въ области моды, состоитъ въ томъ, что платья дѣлаютъ изъ трехъ матерій разныхъ цвѣтовъ. Уже и въ прошломъ году носили разноцвѣтныя тюники, но все это было двухъ цвѣтовъ, и болѣею частію, одна юбка бѣлая, другая розовая или

голубая; стало быть цвѣта были поперегъ платья. Теперь же дѣлають юбку вдоль, изъ разныхъ матерій, шивая одно полотнище синее, другое розовое, третье бѣлое и опять синее. Корсажъ долженъ быть тоже составленъ изъ трехъ цвѣтовъ. Всѣ свѣтлые цвѣта дѣлають непременно съ бѣлымъ, а темныя съ чернымъ. Иногда же и три свѣтлые цвѣта, напримѣръ палевый, свѣтлозеленый и сризвый раздѣляютъ чернымъ бархатомъ и имъ же отдѣлываютъ корсажъ. Это очень оригинально, хотя весьма театрално, но стоить только побольше носить этотъ костюмъ и онъ будетъ имѣть большой успѣхъ, потому—что чрезвычайно оживляетъ физиономію. Рукава пагодъ перестаютъ уже владычествовать надъ всѣми руками (особенно надъ худощавыми), и очень много носятъ рукавовъ съ воланами съ плеча, съ бульоне или съ большими буффами.

Мантіли и шарфы самымъ разнообразнымъ фасономъ отдѣлываются множествомъ лентъ, бантовъ, и на нихъ накладываютъ вгладъ гищюръ. Шляпки все также незамѣтны и надѣваются на самый затылокъ; прически взбиваются все выше, такъ что заколкамъ и цвѣтамъ нѣтъ мѣста напередѣ головы, и ихъ поневолю располагають на косѣ, которая лежитъ на шеѣ, такъ что en face ничего не видно кромѣ волосъ, причесанныхъ отъ лица въ нѣсколько ярусовъ, а сзади виситъ цѣлый потокъ лентъ, или огромныя гирлянды цвѣтовъ спускаются по ешицѣ и должны, кажется, щекотать плечи при каждомъ поворотѣ головы.

Мы теперь видимъ несообразность старинныхъ модъ, потому—что судимъ о нихъ по картинкамъ; но современники, видѣвшіе подъ уродливой шляпкой свѣжее личико, подъ неловкимъ нарядомъ молодья формы, никогда не замѣчали, что костюмъ этотъ смѣшонъ, тѣмъ болѣе, что всѣ женщины одѣвались и одѣваются одинаково. Неужели кто-нибудь думаетъ, что и наши моды не покажутся страшными лѣтъ черезъ двадцать или сорокъ?

Неизмѣримая ширина юбокъ лишаетъ женщину ловкости движеній и придаетъ бокамъ размѣры, которые, при станутой до-нельзя талии, кажутся не свойственными челоуѣческой природѣ. И еще на эту юбку нашьютъ съ самаго пояса нѣсколько волановъ, совсѣмъ не для того, чтобъ кто-нибудь былъ увѣренъ, что это красиво, но только для того, чтобъ нанутать на себя матерію, которой было бы довольно на три платья, и тѣмъ доказать свое богатство. Можетъ быть, эти воланы и были бы хороши, еслибъ они могли лежать на юбкѣ гладко, какъ ихъ пришила модистка, но вѣдь невозможно же стоять нѣсколько часовъ, и потому поневолю на воланы садятся, мнутъ ихъ безжалостно и потомъ взбиваютъ къверху, такъ что женщина проводитъ иногда половину вечера въ томъ, чтобъ попра-

влять сзади свои воланы и дѣлаетъ для этого некрасивыя жесты, взбивая и одергивая юбку. Этотъ маневръ, повторяемый разъ двадцать или больше, особенно если женщина танцуетъ и садится послѣ каждой фигуры, наконецъ утомляетъ носительницу волановъ, на лицѣ которой непременно выражается неудовольствіе.

Прежде всего женщина должна позаботиться о соотвѣтственности и удобствѣ своего костюма, а совсѣмъ не о томъ, чтобъ показывать соперницамъ, что она въ состояніи купить много матеріи. Неловкій нарядъ отражается непременно и на лицѣ, и въ движеніяхъ, и давно замѣчено, что женщины, одѣвающіяся просто, всегда остроумнѣе и любезнѣе живыхъ модныхъ картинокъ.

Минерва хотя богиня мудрости, была настоящею женщиною, потому-что, не смотря на восторгъ Олимпа, когда она играла на флейтѣ, богиня, увидя въ зеркалѣ свои раздувшіяся щеки, отказалась отъ похвалъ и бросила инструментъ свой на землю. Прежде всего Минерва хотѣла не казаться смѣшною и неграціозною, а она, какъ кажется, принадлежала къ первымъ красавицамъ Олимпа, хотя Парижъ и не ей отдалъ преимущество. Еслибъ на судъ его предстали богини въ воланахъ, то неизвѣстно, которая бы изъ нихъ одержала побѣду.

Но это не все. Женщины, вѣроятно, сожалѣютъ, что мода на фижмы прошла, и чтобъ приблизиться къ ней, выдумали носить подъ своими воланами такія крѣпкія, туго накрахмаленныя юбки, что изъ нихъ можно дѣлать панцири.

Про эти юбки рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Однажды на домашнемъ театрѣ играли маленькую драму, въ которой, при появленіи какого-то злодѣя, долженъ ударить громъ. Вдругъ, при поднятій завѣсы, режиссеръ вспомнилъ, что онъ не принесъ жестянаго листа, по которому надобно было выбивать раскаты грома. Другаго грома нельзя было нигдѣ достать, и пѣса лишилась бы лучшаго эффекта, если бъ не случилось за сценою оставленной безъ употребленія за излишествомъ чьей-то кринолиновой юбки, которою махали въ то время, какъ машинистъ ударялъ въ нее, что изобразило дальнюю бурю и глухіе раскаты грома, вселившіе ужасъ въ сердца преступника. Пѣса имѣла огромный успѣхъ, публика плакала, артисты были тронуты, и все это благодаря туго-накрахмаленной юбкѣ.

Другая современная мода не такъ доступна для всѣхъ, какъ кринолиновыя юбки. — Года два тому назадъ женщины, обладающія роскошными волосами, выдумали прическу, которая невозможна съ обыкновенною и даже длинною, но не густою косою. Это тоже, что модные пѣанисты сочиняютъ музыку, не поэтическую и мелодическую, а такую

какую кромѣ ихъ никто не можетъ сыграть. — Мода эта, напоминающая прически древнихъ, требуетъ, чтобъ длинная, густая коса или просто прядь волосъ положена была вѣнкомъ вокругъ головы. Это очень красиво и придаетъ лицу особенную прелесть, и потому было принято многими женщинами. Но такъ какъ кромѣ передней косы, надобно чтобъ и сзади оставалась такая же, что очень рѣдко можно встрѣтить, то начали употреблять для этого фальшивые волосы, которые вдругъ вздорожали чрезвычайно.

Это возвышеніе курса косъ дошло до того, что не всѣ карманы могутъ позволить себѣ такой расходъ, и потому женщины придумали перехитрить красавицъ, богатыхъ волосами. Онѣ кладутъ всѣ свои волосы напередъ, если только могутъ окружить ими головы, а сзади, гдѣ должна бы быть коса, составляютъ изъ лентъ, цвѣтовъ и чаще изъ бархата наклку въ видѣ шапочки, подъ которою каждый можетъ вообразить, что есть волосы. Оно и экономно, и по модѣ...

Но всѣ женскія моды, какъ бы онѣ не были несообразны, все-таки простительны, потому-что составляютъ принадлежность женщины; цвѣты, ленты, брильянты составляютъ только рамку ея красоты. Грустно только, когда женщинамъ приходится на умъ занимать какія-нибудь части мужскаго костюма. Тогда онѣ непремѣнно стараются принять тонъ, манеры, развязность, привычки прекраснаго пола, который, въ свою очередь, стараясь походить на женщинъ, принимается носить пестрые жилеты, запонки, браслеты, ленты вмѣсто галстука.

Вмѣстѣ съ модою носить жилеты, пиджаки, галстуки, полусапожки на каблукахъ, женщины начали курить, разсуждать о лошадяхъ, биться объ закладъ, играть въ карты, хвастать своею смѣлостью, а мужчины, напротивъ, затынутые въ корсетъ, начали страдать нервами, носить бархатъ, присвоили себѣ нѣжные цвѣта, носятъ цвѣтки въ петлицѣ, страдаютъ въ узкихъ сапогахъ, не могутъ согнуть руки въ маленькой перчаткѣ. Въ это же время мода нашла, что они не довольно смѣшны, и приказала имъ держать въ глазу съ немовѣрными усиліями стеклышко, хотя бы они безъ него видѣли гораздо лучше. И вотъ всѣ мужчины начали страшно гримасничать, портя красоту, если имъ Богъ далъ ее, и дѣлаясь невыносимо отвратительными, если они и безъ того обижены природою. Но дѣлать нечего, лорнетъ и тросточка съ драгоценнымъ набалдашиномъ, ни къ чему не служащая, какъ развѣ для отмахиванья мухъ, — необходимыя принадлежности каждаго франта. Прибавьте къ этому еще уродливую шляпу на завитыхъ волосахъ (или на парикѣ) и длиннополый капотъ, въ которомъ мужчины сметають съ тротуаровъ пыль и грязь, — и выйдетъ порядочная карикатура, которая

насмѣшить нашихъ потомковъ. Теперь же все это принимается серьезно, потому что таже мода требуетъ, чтобъ всё казались холодны и безстрастны. Это очень удобно, потому-что недостатокъ ума, воспитанія, неловкость — все можно скрыть подъ холодною наружностью. Близорукость избавляетъ отъ вѣжливости и дѣлаетъ даже дерзкимъ—чего же удивляться, что веселость исчезаетъ изъ обществъ, что Французы, вооружась вѣчною сигарою или картами, почти разучились говорить.

Богъ создалъ женщину слабою, нѣжною, прекрасною, нуждающеюся въ покровительствѣ и помощи, а мужчину рослаго, сильнаго, дѣятельнаго, всегда готоваго защищать свою семью, добывать для нея пищу, искать для нея удобства.

Во Франціи же просвѣщеніе сдѣлало изъ женщины почти новую амазонку, а мужчина—блѣдный, затянутый, длиноволосяый, слѣпой—привыкъ играть роль женщины, по модѣ. Можно ли послѣ этого требовать, чтобъ женщины были привязаны къ такимъ мужчинамъ, когда природа указала имъ любить того, кто можетъ ихъ защитить, кто сильнѣе ихъ, умнѣе, храбрѣе.

Если добратся до источника какой-нибудь неестественной моды, которой слѣдуютъ нехотя, и чтобъ только не слишкомъ отличаться отъ другихъ, всегда выйдетъ, что ее изобрѣлъ какой-нибудь колѣбка, чтобъ скрыть свои недостатки, или фабрикантъ, желающій сбыть свой товаръ.

Всѣ французскіе писатели, какимъ бы родомъ литературы они не занимались, пробовали свои силы на сценѣ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; одинъ только Альфонсъ Карръ, остроумный авторъ *Осъ*, никогда не вздумалъ написать ни одной пьесы, хотя въ повѣстяхъ и разсказахъ его много драмы, живости, занимательности, юмора. Разумѣется, что друзья писателя и директоры театровъ, рассчитывая на его имя, приставали къ нему нѣсколько разъ написать что-нибудь для сцены, и наконецъ онъ обѣщаль *подумать* объ этомъ и посоветоваться съ однимъ своимъ пріятелемъ.

— Я возьму, сказалъ Карръ, сюжетъ одной изъ моихъ повѣстей, которая больше всего понравилась публикѣ. Обдуманное дѣйствіе будетъ имѣть больше успѣха, да и публика, кажется, лучше любить смотрѣть то, что знаетъ. Я возьму «*Midi à quatorze heures*».

— Ни одинъ директоръ не приметъ этой пьесы, потому-что ее давали на Французскомъ театрѣ и на театрѣ Разнообразія. Она имѣла большой успѣхъ года три тому назадъ, и всѣ журналы прокричали о ней. Ты одинъ, живя въ твоемъ уединеніи, не зналъ этого.

— Ну, такъ я возьму *Гортензію*. Тамъ одинъ повѣса наряжаетъ своего друга слугою и вводитъ въ домъ дяди...

— Да, надъ этимъ долго смѣялись на театрѣ Водевиля.

— Не сдѣлать ли мнѣ драмы изъ романа *Подъ липами?*

— Эта драма уже упала торжественно въ Одеонѣ.

— Такъ я выберу какой-нибудь анекдотъ изъ *Ось*.

— Всѣ до одного были уже выведены на разныхъ театрахъ.

— Но мои романы: *Женевьева*, *Брессье*...

— Все уже истощено, избито до послѣдней сцены. Всѣ твои каламбуры, остроты, пошлости повторены были на нѣсколькихъ театрахъ; всѣ чувствительныя сцены заставляли плакать публику, словомъ всѣ, кромѣ тебя, воспользовались твоими сочиненіями, и ты не имѣешь ни какого права взять своего собственного сюжета, если не хочешь, чтобъ авторы твоихъ пьесъ не начали съ тобой процесса.

Вотъ вамъ и право литературной собственности! Бѣдный Карръ хотѣлъ-было перенести это дѣло на разсмотрѣніе литературнаго общества, но водевилисты возстали на него, обвиняли его въ зависти къ успѣхамъ товарищей, говорили, что не стоитъ хлопотать изъ такой *бездѣлицы*. Это похоже на то, когда одинъ воръ, остановленный прохожимъ, у котораго онъ укралъ платокъ, сказалъ:

— Не стыдно ли вамъ шумѣть изъ-за бумажной тряпки!

Точно также и драматурги обобрали Карра и не позволяютъ ему теперь пользоваться ни сюжетами его книгъ, ни требовать вознагражденія или хоть какой-нибудь части въ пьесахъ, подписанныхъ тремя именами, но которыя принадлежатъ одному ему. Эта привычка *брать свое въ чужомъ карманѣ* до того вкоренилась въ нравахъ французскихъ литераторовъ, что настоящій хозяинъ иногда остается въ совершенной неизвѣстности, тогда какъ тотъ, который *занялъ* у него сюжетъ, планъ и цѣлыя сцены сочиненія, пользуется славою и выгодами.

Вотъ на этотъ случай анекдотъ, разсказанный самимъ Карромъ:

Одна маркитантка разбила въ лагерѣ палатку и продавала такое превосходное пиво, какого не запомнить солдаты. За то, не смотря на нѣсколько дорогую цѣну, потому-что она брала за стаканъ по одному су, палатка ея всегда была полна жаждущими. Одинъ маркитантъ, завидя ея успѣху, устроилъ себѣ навѣсъ подлѣ самой палатки и началъ кричать: у меня продается хорошее пиво, пожалуйста ко мнѣ, у меня дешевле, по два ліара за стаканъ.

— Какъ это онъ можетъ продавать такъ дешево, думала маркитантка, слушая это объявленіе. Должно быть его пиво предурное!

Но, вѣроятно, пиво было хорошо, потому-что палатка ея опустѣла,

и все толпились въ сосѣдномъ шалашѣ, громко выхваляя славный напитокъ.

Наконецъ, уже къ вечеру другаго дня, и то вѣроятно нечаянно, забрелъ къ ней одинъ солдатъ, вѣрно не слыхавшій призыва сосѣда и спросилъ кружку пива. Маркитантка успѣшила схватить чистый стаканъ и повернувъ кранъ бочки, подставила его издали, чтобъ пиво запынилось. Но къ удивленію ея, пиво не бѣжало изъ крана, хотя она очень хорошо знала, что бочка была недавно почата. Она подула въ кранъ, прочистила его, но все-таки оттуда не вытекло ни одной капли пива.

Тогда только бѣдная женщина догадалась, отчего сосѣд продавалъ такъ дешево свое пиво. Онъ приставилъ свой шалашъ къ палаткѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла бочка съ пивомъ и, просверливъ дырку сначала въ палаткѣ, а потомъ въ бочкѣ съ противоположной стороны, наставилъ другой кранъ и распродалъ все чужое добро.

Не то же ли самое дѣлаютъ и драматическіе писатели?

По послѣдней ревизіи доказано, что во Франціи находятся 37,662 слѣпыхъ. Съ перваго взгляда это число покажется незначительнымъ; но тутъ не вычислены еще тѣ, которые страдаютъ временною главною болью, катарактами, бельмами, воспалительными болѣзнями въ глазахъ; другіе косоглазы, близоруки, видятъ предметы вдвойнѣ, и пр.

Стало бытъ, людей видящихъ не ясно или дурно, еще больше чѣмъ слѣпыхъ.

Если сравнить эту статистику съ другими отчетами о положеніи Франціи, то выйдутъ странныя сближенія.

Въ Сенскомъ Департаментѣ всего больше слѣпыхъ, а именно 1,482; и въ немъ же совершается всего больше преступленій.

Департаментъ Энекій имѣетъ самое мѣньшее число преступниковъ, и въ немъ только 361 слѣпой.

Въ Юрскомъ, который считается самымъ лучшимъ по успѣхамъ въ образованности, потому-что изъ тысячи рекрутъ только 170 не умѣютъ читать, гораздо больше слѣпыхъ чѣмъ въ Вогезскомъ, гдѣ народъ не имѣетъ почти никакого понятія объ азбукѣ. Въ остальныхъ замѣчено тоже самое; гдѣ меньше учености, тамъ меньше и слѣпыхъ. Заключение будетъ очень невыгодно для науки.

Отчего статистика не вздумаетъ сосчитать, много ли счастливыхъ во Франціи? Но счастію мѣшаетъ то, что каждый хочетъ казаться, а не быть счастливымъ.

Мало ли такихъ людей, которые отказываютъ себѣ въ необходимомъ, осуждаютъ свое семейство на лишенія, чтобъ только на улицѣ быть хо-

рошо одѣтымъ и казаться богатымъ передъ прохожими, которые даже и не посмотрятъ на нихъ. Эти люди посятятся круглый годъ, но одѣты по модѣ; они не спрашиваютъ себя: счастливъ ли я? но: думаютъ ли другіе, что я счастливъ—а это обходится иногда очень дорого.

Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно найти человѣка счастливаго, оттого, что люди сами хлопочутъ о своемъ несчастіи, ни мало не забываясь о счастіи. Большая часть людей думаютъ, что счастіе состоитъ въ томъ, чего у нихъ нѣтъ и чѣмъ обладаютъ другіе; — они смотрятъ на жизнь чужими глазами.

Другіе отъ чего-то воображаютъ, что жизнь составлена изъ однихъ наслажденій, и въ ожиданіи ихъ горько жалуется на судьбу. Они сердятся, отчего жаренныя куропатки сами не летятъ имъ въ ротъ.

Не лучше ли принять совершенно другую систему, и радоваться, если горе прошло мимо и не задѣло насъ.

Точно также должно судить и о людяхъ, съ которыми намъ суждено жить. Мы при началѣ жизни создаемъ прекрасный типъ человѣка, одареннаго всѣми качествами, всѣми добродѣтелями, и потомъ разочаровываемся и принимаемъ ненавидѣть людей, потому-что они иногда грубы, злы жадны, завистливы, эгоисты. Каждый ищетъ себѣ друга по фантастическому типу Пилада, но такъ какъ всѣ хотятъ быть Орестами, то, разумѣется, Пиладовъ и не находится.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ избѣгать людей. Недостатки извинительны въ нашей слабой, несовершенной натурѣ и потому надобно стараться и съ дурными людьми жить дружно, не требуя отъ нихъ невозможнаго и стараясь открыть ихъ хорошую сторону, которая непременно должна существовать почти въ каждомъ предметѣ.

Тогда, повѣрьте, счастіе будетъ не пустымъ словомъ. Оно зависить отъ насъ самихъ, а не отъ обстоятельствъ, и состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобъ сосѣдъ позавидовалъ вашему дорогому пальто или брильянтамъ, но въ собственномъ сознаніи, что вы довольны собой и окружающими васъ.

Разумѣется, что невозможно скоро привыкнуть къ этой мысли, и, смотря на жизнь въ розовое стекло, все-таки видишь много черныхъ пятенъ, но надобно употребить на это всю свою волю и рассудокъ, чтобъ не сдѣлаться совершеннымъ мизантропомъ, какихъ много въ наше время.

Дворецъ промышленности совершенно оконченъ и будетъ скоро наполняться товарами. Публика сбѣгается смотрѣть на его наружный видъ, напоминающій сказочныя зданія Тысячи и одной ночи. Скоро онъ закипитъ народомъ, заблеститъ тысячами чудесъ, и желѣзныя дороги будутъ

недостаточны, чтобъ привозить въ Парижъ всѣхъ любопытныхъ; по этому, торопятся оканчивать всѣ начатыя линіи, и, не смотря на недостатокъ и дороговизну работниковъ, которые мечтаютъ о воинской славѣ, къ выставкѣ будетъ открыто еще нѣсколькой сообщеній.

Путешествія теперь такъ быстры, что можно въ нѣсколько дней проѣхать всю Европу, только, разумѣется, нельзя требовать, чтобъ путешественникъ могъ что-нибудь видѣть на дорогѣ, кромѣ сторожевыхъ шестовъ.

Одинъ неутомимый вояжеръ хвасталъ, что онъ въ 1852 году въ двѣ недѣли былъ въ Италіи, Швейцаріи, Германіи и Англии.

— Стало быть, вы посѣтили и всемірную Лондонскую выставку, сказалъ ему кто-то: что же вы нашли въ ней примѣчательнаго?

— Право, я ничего не замѣтилъ, отвѣчалъ путешественникъ, потому-что пробѣжалъ по Кристальному дворцу, не останавливаясь и торопясь на желѣзную дорогу. Только и успѣлъ я при входѣ спросить себѣ три пирожка, потому-что почти умиралъ съ голоду. Славные были пирожки на Лондонской выставкѣ.

Теперь уже нельзя сказать, что путешествія служатъ къ образованію молодыхъ людей. Сидя дома за книгой, можно узнать гораздо больше, чѣмъ летая по желѣзнымъ дорогамъ.

Вотъ одинъ анекдотъ, доказывающій человѣческую благодарность:

Мой сосѣдъ сильно захворалъ ночью и старая его служанка до того испугалась, что сама упала въ обморокъ. Къ счастью, вблизи случился работникъ, по имени Норманъ, который, видя отчаянное положеніе больного, не подававшего признаковъ жизни, пустилъ ему кровь, привелъ служанку въ чувство и съѣздилъ въ городъ за докторомъ, словомъ спасъ его отъ смерти, и потомъ спокойно пошелъ къ своей работѣ.

— Вѣдь вы обязаны Норману жизнью, сказалъ я сосѣду на другой день: не худо бы поблагодарить бѣднаго работника.

— Какъ же; я приготовилъ ему два лундора, вотъ они.

Черезъ нѣсколько дней, встрѣтя больного совершенно-поправившагося, я напомнилъ ему:

— Чтожъ вы поблагодарили Нормана?

— Нѣтъ еще... я его не видалъ... но онъ ничего не потеряетъ отъ ожиданія; я сказалъ, что дамъ ему *лундоръ*,—и это все равно, что деньги у него въ карманѣ.

Опять прошло нѣсколько дней, и я, наблюдая за сосѣдомъ, спросилъ его:

— Встрѣтили ли вы наконецъ Нормана?

— Какого Нормана? Ахъ, да, я откармливаю кролика самой большой породы, котораго хочу ему подарить за маленькую услугу, оказанную мнѣ во время болѣзни. Воображаю, какъ онъ будетъ доволенъ.

Черезъ недѣлю я сказала сосѣду:

— Ну, что вашъ кроликъ?

— Удивительный, просто, я такого не видалъ еще. Вчера за обѣдомъ я съѣлъ его почти весь.

И послѣ этого, есть еще люди, которые жалуются на неблагодарность!

А. БОНАВЕНТУРА.

ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА.

Новый театр.—Коттонъ и исторія Нельсона.—Директриса сент-жемскаго театра.—Драма Рида и Тейлора.—Золотое сердце, комедія Дугласа Джерольда.—Судь надъ Маклюромъ.—Записки объ обезьянахъ.—Путешествіе лорда Карлейля.—Древняя Троя.—Абдель-Кадеръ и Абдуль-Меджидъ.—Газета Times и ея корреспондентъ.—Некрологъ доктора Филлиса, литературнаго корреспондента кристальнаго дворца.—Смерть Чарльса Кембля.—Мнѣніе мистрисъ Джемсонъ о Рашели.—Манія записокъ.—Современныя объявленія.—Банкротство и дороговизна хлѣба.—Концертъ Жюльена.

Въ Лондонѣ открылся еще новый маленькій театр. Коттонъ придумалъ очень оригинальную обстановку, чтобъ заманить публику. Зала его имѣетъ видъ корабля Нельсона *Виктори*. На шпиль, находящемся на первомъ планѣ, стоитъ самъ директоръ, который, раскланиваясь съ публикою при звукахъ пѣсни: «the girl I left behind me», знакомой всѣмъ матросамъ, начинаетъ рассказывать жизнь Нельсона, почти въ томъ же родѣ, какъ греческіе рапсоды рассказывали жизнь Ахилла. Во время этого разсказа, зритель видитъ на транспарантѣ то какой-нибудь видъ, то сраженіе, то портреты историческихъ лицъ, вдругъ рапсода во фракѣ прерываетъ иногда эпизодъ и поетъ національныя пѣсни Дибдина и современные куплеты; извѣстно, что Дибдинъ былъ морскимъ Тиртеемъ Англіи, во время войнъ республики и имперіи, и не церемонился съ Франціею; теперь же Коттонъ выпускаетъ много стиховъ изъ пѣсень поэта и, окончивъ иллюаду Нельсона, уходитъ; въ эту минуту задняя декорация исчезаетъ, и вмѣсто ея являются два огромные фрегата, Англійскій и Французскій, алегорическій символъ союза, который вѣроятно не только удивилъ, но и огорчилъ тѣнь Нельсона въ Елсейскихъ поляхъ.

Драматическій сезонъ открылся двумя новыми оригинальными пьесами. Оригинальныя пьесы такъ рѣдки въ Лондонѣ, что составляютъ эпоху, и по этому должно обратить на нихъ особенное вниманіе.

Прежде всего надобно замѣтить, что англійская комедія наконецъ нашла себѣ постоянное убѣжище въ Сентъ-Джемской залѣ, которая въ продолженіи столькихъ лѣтъ видѣла только представленія иностранцевъ, Французовъ или Германцевъ. Теперь этотъ театръ нанятъ на весь сезонъ прелестною актрисою, мистрисъ Сеймуръ. Лондонъ имѣетъ то преимущество передъ Парижемъ, что въ немъ есть и *директрисы* театровъ. Салическій законъ распространенъ и на управленіе труппами артистовъ. Недавно г-жа Целеста управляла театромъ самовластно, теперь мистрисъ Сеймуръ смѣло имъ распоряжается, ангажируетъ кого хочетъ и раздаетъ сама роли, разумѣется не забывая и себя.

Чтобъ достойно начать свое управленіе, мистрисъ Сеймуръ обратилась къ двумъ драматическимъ писателямъ, Риду и Тайлору, которые извѣстны уже многими произведеніями, имѣвшими успѣхъ на сценѣ. Эти сотрудники написали для открытія Сентъ-Джемскаго театра пяти-актную пьесу, подъ названіемъ *The rival of the king*.

Сюжетъ пьесы довольно занимателенъ, хотя растянуть и запутать. Героинею выведена миссъ Стюартъ, описанная въ мемуарахъ Граммона и Гамильтона и имѣвшая большое вліяніе въ царствованіе Карла II. Миссъ Стюартъ любитъ герцога Ричмонда, принадлежащаго къ партіи Пуританъ, которую правительство не перестаетъ преслѣдовать. Герцогъ слышитъ, что всѣ говорятъ о могуществѣ миссъ Стюартъ и почитая ее врагомъ своей партіи, не хочетъ съ ней видѣться, не смотря на свою любовь и съ отчаянія идетъ ужинать къ актрисѣ Нелль, гдѣ пишетъ бумаги, которыя могутъ окончателно погубить его. Къ счастью, добрая Нелль знаетъ хорошо строгость правилъ миссъ Стюартъ и еще лучше увѣрена, что мнимый соперникъ его въ это время занять другою, и потому миритъ влюбленныхъ. Но въ это время приходитъ извѣстіе, что поступки Ричмонда извѣстны королю, который получилъ отъ кого-то бумаги, подписанныя герцогомъ Нелль, и тотъ берется устроить дѣло. Она получаетъ обратно эти бумаги и сжигаетъ ихъ, а Карль II прощаетъ виновныхъ.

Миссъ Глинъ играла миссъ Стюартъ, а директриса взяла себѣ роль веселой, живой, остроумной Нелль Гвинъ. Авторы хотѣли какъ можно вѣрнѣе представить дворъ Карла II, и историческія подробности сохранены въ такой точности, что даже мѣшаютъ ходу пьесы. Англійская публика на этотъ счетъ гораздо терпѣливѣе французской, но и она нѣсколько разъ протестовала противъ длинноты пьесы. Не смотря на

этотъ недостатокъ, драму даютъ каждый вечеръ и аплодируютъ громко актрисѣ-директрисѣ мистриссъ Сеймуръ, какъ за ея превосходную игру, такъ и за роскошную постановку, какой давно не видали. Декорации, костюмы, аксесуары—все это ново, красиво, исторически, словомъ не всякій директоръ англійскихъ театровъ можетъ сравниться съ этой директрисой.

Другая оригинальная пьеса играется на театрѣ Принцессы, находящемся подъ дирекцію Чарльса Кина. Главная роль написана въ ней для самого Кина, но директоръ за что-то поссорился съ авторомъ ея Дугласъ Джерольдомъ, и не только не игралъ въ ней самъ, но заставилъ играть второстепенныхъ актеровъ. Авторъ пьесы протестовалъ противъ этого и напечаталъ пьесу, просить не судить о ней строго, потому что дурные актеры могутъ уронить и геніальное произведеніе. Пьеса Дугласъ Джерольда надѣлала много шуму, только, кажется, ни Чарльсъ Кинъ, ни всѣ первоклассные артисты не въ состояніи сдѣлать изъ нея порядочную комедію.

Извѣстно, что авторъ считается однимъ изъ лучшихъ англійскихъ юмористовъ, что онъ чрезвычайно любитъ парадоксы, но отъ этихъ качествъ еще далеко до истиннаго драматическаго таланта. Да и повѣствовательное дарованіе въ немъ не очень велико, въ чемъ могутъ легко убѣдиться читатели *Современника*, въ двухъ послѣднихъ книгахъ котораго напечатаны четыре разсказа Джерольда. Его разговоры остроумны по-англійски, но сцены не обдуманы и не оправданы. Его дѣйствующія лица имѣютъ особые характеры, дѣйствуютъ безъ всякой связи. Въ пьесахъ его есть идея и цѣль, но онѣ не обработаны, не объяснены. Недавно авторъ, въ романѣ *Денежный человекъ*, вывелъ современную страсть къ деньгамъ, и публика, прочитавъ названіе его новой пьесы: *Золотое сердце*, думала, что въ ней изображенъ такой же герой, у котораго вмѣсто сердца лежитъ портфель съ банковыми билетами; однако она ошиблась. Вотъ въ чемъ состоитъ сюжетъ пьесы. Джерильда, молодая провинціалка, пріѣзжаетъ съ отцемъ въ Лондонъ, и тотчасъ же являюся два претендента на ея руку. Одинъ изъ нихъ богатъ и не нравится ей, другой бѣденъ и не нравится ея отцу. Вдругъ богатый женихъ дѣлается боленъ и, чувствуя близость смерти, отдаетъ все свое состояніе—грудю банковыхъ билетовъ въ шкатулкѣ—своему счастливому сопернику. Бѣдный женихъ, разбогатѣвъ такъ печально, является съ шкатулкою къ отцу провинціалки и просить ея руки; но въ эту минуту умирающій, раздумавъ умирать, потому что онъ нарочно притворился больнымъ, приходитъ требовать назадъ своихъ денегъ. Бѣднякъ не хочетъ отдавать богатства, и провинціалка протягиваетъ свою руку мни-

тому больному, чтобъ утѣшить его въ потерѣ состоянія. Но бѣднякъ не хочетъ тоже уступать невѣсту, и видя ея отвращеніе къ деньгамъ, возвращаетъ шкатулку хозяину ея, а самъ женится. Вотъ и все. Есть нѣкоторыя сцены забавныя, другія патетическія, но пѣса все-таки слаба и если имѣла успѣхъ, то благодаря живому, блистательному разговору. Самый большой эффектъ имѣла сцена, когда наивная провинціалка съ восторгомъ описываетъ все чудеса и все недостатки Лондона, который она видѣла съ купола Св. Павла.

Геймаркетскій театръ ангажировалъ комическаго актера Гудсона, прѣхавшаго изъ Америки. Онъ превосходно играетъ прландскіе фарсы, только новаго еще ничего для него не написали.

Въ литературѣ еще меньше замѣчательнаго. Только и являются, что книги о театрѣ войны. *Путешествіе Генри Скотта* имѣло успѣхъ. Важное происшествіе, особенно для моряковъ, составляетъ возвращеніе капитана Маклюра, принужденнаго бросить свой корабль посреди льдовъ. Онъ былъ призванъ въ военный судъ, точно также какъ капитаны Келлетъ и Бельчеръ. Они были оправданы при громкихъ изъясненіяхъ радости.

Ученое британское общество имѣло засѣданія годоваго конгресса и въ немъ говорилось и читалось такъ много любопытнаго и достойнаго замѣчанія, что изъ всего останется самый толстый компактный томъ. Очень интересна записка профессора Овена объ обезьянахъ. Овенъ не согласенъ съ мнѣніемъ Фурье и доказываетъ, что обезьяны безъ хвостовъ болѣе всего приближаются къ человѣку развитіемъ своихъ понятій. Изучая скелетъ этого животнаго, зубы и черепъ, профессоръ даже анатомическими доказательствами подтверждаетъ, что обезьяна существовала раньше человѣка, потому-что находили ископаемыхъ обезьянъ, но ни одного человѣка. Овенъ, подобно Blumenbachу, допускаетъ только три формы *genus homo*, тогда какъ обезьяньихъ породъ чрезвычайно много... Единство человѣческой природы доказываетъ онъ остеологіей, которую должно изучать какъ можно внимательно, особенно когда дѣло идетъ о *четверорукихъ* животныхъ. Ископаемая челюсть, найденная недавно во Франціи, принадлежитъ допотопной обезьянѣ изъ породы *длиннорукихъ*. Овенъ увѣряетъ, что обезьяна эта современница *Макака Эосена*, найденнаго въ графствѣ Сьюфолькскомъ... Британская гордость сознается, что первыми жителями Англіи были обезьяны.

Большой успѣхъ имѣло изданіе путешествія лорда Карлейля, который предпринялъ его въ іюнь 1850 года и возвратился въ мартъ 1854. Въ книгѣ 350 страницъ, наполненныхъ замѣчаніями и размышленіями, въ видѣ журнала. Туристъ быстро проѣхалъ Германію, Дунайскія про-

винціи, Турцію, Грецію, Сирію, останавливался во всѣхъ столицахъ, посѣщаль дипломатическій корпусъ и высшее общество. Его имя отворяло передъ нимъ всѣ двери, и хотя лордъ не говоритъ этого, но можно догадаться, что за радушный пріемъ аристократъ-литераторъ платилъ своимъ остроуміемъ, занимательнымъ разговоромъ и познаніями, потому-что лордъ Карлейль принадлежитъ къ людямъ, которые не забываютъ классиковъ, даже въ парламентѣ, и которые знаютъ Гомера и *Виргилія* также твердо, какъ *Шекспира*. Разумѣется, что въ подобномъ путешествіи цитаты древнихъ какъ-нельзя-больше у мѣста. Лордъ Карлейль отпрапляется искать мѣсто, гдѣ былъ городъ *Пріама*. Онъ сознается, что на пароходѣ пилъ превосходное шампанское, но что ему гораздо больше доставилъ удовольствія стаканъ воды, почерпнутой въ *Скамандрѣ*. «Въ то время, какъ союзные флоты крейсировали у этихъ береговъ, говоритъ авторъ, здѣсь устроился небольшой городъ изъ лавочекъ, гдѣ продавали грогъ, трубки, персидскіе ковры, и—чего *Ахиллъ* никакъ не ѣлъ—пирогъ съ трюфелями. Мы обѣдали съ командирами пароходовъ, людьми образованными. Черепаша и беркшейрскій баранъ доставили намъ такой обѣдъ, какого не подавали и въ палаткѣ *Агамемнона*.»

Въ двѣнадцати миляхъ отъ *Симонса*, англійскій консулъ *Кальверъ* пользуется классическимъ счастіемъ, владѣя виллою и двумя фермами, изъ которыхъ одна находится въ самой *Троянской долины*. Разумѣется, что эти пріобрѣтенія сдѣланы на имя жены консула, потому-что турецкій законъ не позволяетъ мужчинамъ не мусульманамъ владѣть землями въ *Турціи*. Недавно *Кальверъ*, разрывая землю на своей *тройской фермѣ*, нашель груды сожженныхъ костей и подъ ними скелетъ. «Мѣсто, гдѣ найдены кости, находится близъ каменной стѣны безъ цемента. «Не кости ли это *троянецевъ*, сожженные *Пріамомъ* во время перемирія, описаннаго въ VII книгѣ *Иліады*?» восклицаетъ лордъ *Карлейль* и проситъ, чтобъ ученые занялись этимъ важнымъ вопросомъ. Но до того ли теперь ученымъ!

Лордъ *Карлейль* не былъ въ *Берлинѣ*, потому-что торопился въ *Константинополь*. Первое, что поразило его въ этомъ городѣ, это страшная нечистота, и онъ поспѣшилъ въ *Бруссу* къ *Абдель-Кадеру*. «Эмиру сорокъ-шестой годъ, говоритъ путешественникъ, и онъ не старше своихъ лѣтъ. Онъ не красавецъ, но наружность его очень пріятна, обращеніе ласково и полно достоинства. Онъ отзывается съ большимъ уваженіемъ о лордѣ *Лондондерри*, что очень понятно.»

Распросы его о положеніи *Турціи* доказываютъ, что онъ не принимаетъ въ ней большаго участія. Эмиръ былъ съ нами очень вѣжливъ и любезенъ. Онъ показалъ намъ шагу, подаренную ему *Луц-Наполеономъ*

и, не смотря на рамазанъ, угостилъ насъ трубками, кофе, шербетомъ и пр., что было очень лестнымъ исключеніемъ для насъ».

Между соотечественниками своими, служащими въ Турціи, туристъ не можетъ нахвалиться докторомъ Сандвичъ, который занимаетъ мѣсто султанскаго врача и корреспондента газеты «Times». Благодаря его покровительству, лордъ Карлейль видѣлъ одну изъ одалыкь сераля, молодую черкешенку, двѣнадцать лѣтъ.

Не мудрено, что «Times» прежде всѣхъ знаетъ, что дѣлается на Востокѣ, когда корреспондентъ его такъ близокъ къ Абдуль-Меджиду и дамамъ гарема. Но говорятъ, что гoliaвъ журналовъ недоволенъ тѣмъ, что новости приходятъ нескоро, и собирается устроить собственную почту на Востокъ. Ему это ничего не стоить. Не бросилъ ли онъ милліонъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобъ обезпечить свою корреспонденцію съ Индією. Каждый номеръ этого журнала стоить пять пенсовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Times платитъ только за одинъ штемпель, хотя бы газета вышла на восьми страницахъ, на десяти, или даже на шестнадцати, онъ раздаетъ ежегодно шестнадцать милліоновъ номеровъ, четыре милліона въ три мѣсяца, милліонъ двѣсти-тысячъ въ мѣсяць, или, наконецъ, пятьдесятъ тысячъ номеровъ въ день (въ воскресенье этотъ журналъ не выходитъ). Times расходуется вдвое и даже втрое больше, чѣмъ всѣ остальные лондонскіе журналы, взятые вмѣстѣ. Чистый доходъ отъ этого журнала превышаетъ пятнадцать милліоновъ и сборъ съ объявленій равняется почти той же суммѣ... Послѣ этого, нечего удивляться, что корреспонденты Times получаютъ жалованье, какъ высшіе государственные сановники Англій.

Но, увы! редакторы Times смертны, какъ и остальные мелкіе люди, даже и тѣ, которые, подобно доктору Филиппу, въ то же время занимаютъ должность *литературнаго директора кристальнаго дворца*. Вотъ званіе, неизвѣстное до нашего времени и изобрѣтенное самимъ докторомъ Самуиломъ Филиппомъ. Онъ управлялъ въ журналѣ объявленіями, программами, сношеніями и объясненіями съ другими журналами и проч., по предмету Сейденгамскаго дворца. Въ Лондонѣ нѣтъ пустаго, неблагоприятнаго труда, и потому положеніе Филиппа было очень выгодно и завидно. Притомъ же онъ обладалъ самымъ разнообразнымъ талантомъ писателя и занималъ публику, не знавшую даже его имени, потому-что онъ не подписывалъ никогда ни своихъ статей, ни романовъ, и одни его сотрудники знали, что онъ написалъ превосходный, правоописательный романъ Caleb Stukeley, критическія біографіи и множество статей, разбросанныхъ во всѣхъ журналахъ и доказывающихъ рѣдкій талантъ и мягкое, чувствительное сердце челоуѣка, обреченна-

го на раннюю смерть, потому—что докторъ Филипсъ самъ зналъ, что у него чахотка, и ждалъ каждую осень, что онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ послѣдними листьями. Въ послѣднее время онъ, казалось, поправился и все надѣялся, что молодость спасетъ его, но на все поздравленія онъ отвѣчалъ грустною улыбкою, прибавляя: «рано развившіяся дѣти не доживаютъ до старости.»

Въ самомъ дѣлѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ, Самуиль Филипсъ считался необыкновеннымъ ребенкомъ. Отецъ его имѣлъ лавочку хрустала и канделябровъ, и когда маленькому Самуилу минуло пять лѣтъ, онъ выучился дѣлать разные фокусы картами, и притомъ говорилъ бѣгло и краснорѣчиво, какъ настоящій фокусникъ. Память у ребенка была такъ обширна, что онъ зналъ наизусть тирады изъ трагедій, и старикъ воображалъ уже, что Самуиль пріобрѣтетъ славу на сценѣ. Скоро извѣстія о чудномъ ребенкѣ распространились, и онъ попалъ въ аристократическіе салоны. Актриса Бартлетъ дала ему нѣсколько уроковъ декламации, герцогъ Суссекскій пригласилъ къ себѣ маленькій феномень, и одинъ пѣвецъ, Псаакъ, получивъ бенефисъ въ Геймаркетскомъ театрѣ, желая привлечь публику, далъ между прочимъ одинъ актъ Ричарда III, въ которомъ главную роль игралъ двѣнадцатилѣтній Самуиль Филипсъ. Публика приняла его съ восторгомъ, и старикъ говорилъ со слезами: «Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ Чарльсъ Кемблъ увидѣлъ моего маленькаго Сама: онъ бы призналъ талантъ въ моемъ сынѣ!» И чтожъ, когда Самуиль явился во второй разъ на сценѣ, Дрюриленскій артистъ былъ въ оркестрѣ и аплодировалъ маленькому феномену. Старый Филипсъ спросилъ на другой день трагика: «совѣтуете ли вы сдѣлать мнѣ Сама актеромъ?»—Нѣтъ, отвѣчалъ Чарльсъ Кемблъ: въ вашемъ сынѣ большія способности, но на сценѣ онъ будетъ только удачнымъ подражателемъ, тогда какъ въ другомъ родѣ можетъ быть создателемъ. Пошлите его въ школу, чтобъ онъ окончилъ свое воспитаніе.» Старикъ былъ такъ уменъ, что не почелъ совѣтъ артиста слѣдствіемъ зависти и отдалъ своего Гамлета въ лондонскій университетъ. Тамъ онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи, и герцогъ Суссекскій, не перестававшій ему покровительствовать, перевелъ его въ Кембриджскій университетъ, а потомъ въ Гёттингенскій, въ Германію, гдѣ онъ получилъ титулъ доктора правъ. Самуиль, принадлежа къ еврейскому семейству, перешелъ въ христіанство, но, не смотря на это, альдерманъ Саломонсъ, тоже еврей, взялъ его къ себѣ въ секретари. Ему предлагали также мѣсто наставника во многихъ аристократическихъ семействахъ, но онъ предпочелъ заниматься литературой, потому—что здоровье его было очень слабо. Къ несчастію, у него не было никакого состоянія и онъ своею работою

долженъ былъ содержать мать и жену (отецъ его умеръ передъ этимъ). Тогда Филипсъ написалъ первыя главы *Калеба Стуклей* и послалъ ихъ въ Blackwood's magazine. Ожидая отвѣта, бѣдный, неизвѣстный авторъ дошелъ до крайности, но къ счастью, редакторы скоро прислали ему сказать, что романъ его принять, и въ письмѣ былъ билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ. Филипсъ былъ спасенъ. Съ этихъ поръ, онъ началъ посылать повѣсти въ другіе журналы, гдѣ ихъ принимали благо-склонно, хотя безъ имени автора, и публика съ удовольствіемъ читала эти оригинальныя произведенія. Филипсъ вздумалъ-было самъ издавать журналъ John-Bull, но черезъ годъ продалъ его и опять сталъ писать во всѣхъ журналахъ. Наконецъ, редакція Times поручила ему литературную критику, и отчеты его, вѣрные и безпристрастные, неразъ беспокоили Теккерея и Чарльса Диккенса. Впрочемъ, если критикъ былъ иногда очень строгъ, это можно приписать болѣзненному разстройству, а совѣмъ не зависти или пренебреженію къ таланту другихъ. Онъ самъ очень хорошо зналъ, что Давидъ Коннерфильдъ гораздо выше Калеба, но это не мѣшаетъ, чтобъ и въ Чарльсѣ Диккенсѣ не было недостатковъ. *Путеводитель въ Кристальномъ дворцѣ*, составленный Филипсомъ, отличается необыкновенною отчетливостію. Въ день открытія Сейдегемскаго дворца; Филипсъ, во время церемоніи, въ красномъ докторскомъ плащѣ, сталъ на колѣни передъ королевою Викторією и вручилъ ей экземпляръ каталога, котораго было напечатано сто тысячъ. Въ эту минуту, Самуилъ долженъ былъ припомнить свои дебюты на сценѣ и въ умѣ его вѣроятно мелькнула какая-нибудь шекспировская тирада.

Умеръ тоже и замѣчательный артистъ, остановившій драматическое поприще маленькаго Сама. Чарльсъ Кемблъ знаетъ теперь разгадку стиховъ, которые онъ такъ часто декламировалъ въ Гамлетѣ:

To be or nor to be, that is the question,
To die, to sleep! perchance to dream.

Чарльсу Кемблѣ было почти восемьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ послѣдній изъ этого семейства артистовъ. Джонъ Кемблъ, мистриссъ Сиддонсъ, Чарльсъ и ихъ дочери и племянницы: Аделаида и Фанни, одна пѣвица, другая трагическая актриса и писательница, всѣ уже исчезли другъ за другомъ.

Чарльсъ Кемблъ былъ превосходенъ въ комедіи и романтической драмѣ: повѣсой и любовникомъ, онъ всегда отличался изящною игрою, и благородство это отразилось и въ его сочиненіяхъ. Впрочемъ, все се-

мейство Кембль отличалось прекрасными манерами; Чарльсъ игралъ свободно и натурально нѣжнаго Ромео, мечтателя Гамлета и также превосходить былъ въ комедіяхъ Шеридана. Онъ умѣлъ придать каждой роли отбѣнокъ благородства, не отнимая у ней страсти и трагическаго характера. Словомъ, онъ былъ на сценѣ такой же джентльменъ какъ и въ частной жизни. Его принимали въ высшихъ обществахъ, писатели цѣнили его литературный талантъ, и даже, не смотря на старость, онъ все еще считался однимъ изъ львовъ Англій.

Вышла замѣчательная книга мистрисъ Джемсонъ, автора *Легенды о живописи и любви поэтовъ*, подъ названіемъ: *Размышленія, воспоминанія и фантазіи*. Писательница, посѣщая все столицы, описываетъ знаменитости всехъ странъ и судить о нихъ очень оригинально. Вотъ напримѣръ оцѣнка игры Рашели, которая тѣмъ замѣчательнѣе, что написана женщиною, извѣстною изученіемъ шекспировскихъ героинь.

«Кто видѣлъ Рашель семь или восемь лѣтъ тому назадъ и посмотритъ ее теперь (въ 1853 году), тотъ сознается, что она не сдѣлала никакихъ успѣховъ, не приобрѣла ни одного новаго качества для совершенства своего искусства: явное доказательство, что она не великая артистка въ полномъ значеніи этого слова. Рашель превосходная актриса, но она никакъ не можетъ быть лучше, никогда не заставить забыть и сама не забываетъ, что она на сценѣ... вотъ почему люди, одаренные возвышеннымъ умомъ и рѣдкою чувствительностію, понимаютъ, что въ ней недостаетъ многого. Роли, въ которыхъ она сильно поражала, напримѣръ Федры и Герміоны, остались строгими, грубыми типами, какъ этюды, вылитые изъ бронзы. Если же она явится въ новой роли, въ игрѣ ея нѣтъ свѣжести. Въ послѣдней сценѣ *Адріенны Лекуврѣръ*, которую бѣгутъ смотрѣть все искатели сильныхъ ощущеній и которую превозносятъ все критики, мнѣ кажется, что Рашель совершенно ошибается, возбуждая въ такой сильной степени ужасъ зрителей,—это уже выходитъ изъ законной сферы искусства. Эта сцена напоминаетъ мнѣ анекдотъ про живописца Беллини и турецкаго султана. Султанъ, разсматривая его картину: *Отсѣченіе главы*, объявилъ, что она не вѣрна въ медицинскомъ отношеніи, потому—что мускулы должны сжаться, когда они разрублены. Для подтвержденія своихъ словъ султанъ позвалъ одного изъ невольниковъ и, отрубивъ голову несчастному, далъ артисту урокъ практической анатоміи. Точно также и Рашель въ *Адріеннѣ Лекуврѣръ* изображаетъ очень вѣрно дѣйствіе яда и предсмертныя конвульсіи, (говорятъ, что она изучила эту сцену въ госпиталѣ). Но если бы она была великою, моральною ар-

тистною, то чувствовала бы, что истина въ искусствѣ совсѣмъ не рабское подражаніе, приводящее въ восторгъ толпу, что главная цѣль его — изящество и поэзія, а не механическое воспроизведеніе подробностей. У Рашель нѣтъ гениа, но только талантъ, и этотъ талантъ постепенно ослабѣваетъ... потому—что не поддерживается моральною мыслію. Я помню что первый разъ, когда я видѣла ее въ Герміонѣ, она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе и осталась въ моей памяти въ неизмѣнномъ видѣ. Это впечатлѣніе не изгладилось и теперь. Ея длинный, худой корпусъ, съ граціозными, плавными движеніями, узкое лицо, искривленная челюсть, высокій лобъ, глаза блестящіе необыкновеннымъ свѣтомъ и которые, кажется, глядятъ въ одно время во все стороны, ея зловѣщая улыбка и красныя губы, все это дѣлаетъ Рашель похожею на Ламію. Въ Лидіи и Говолин она доходитъ до предѣловъ порока и злобы съ такою точностію, что я чувствую къ актрисѣ сильное удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе. Каждое ея движеніе, каждый шагъ, выраженіе лица, складки туники, все это изучено до совершенства, но я чувствую, что со всеѣмъ этимъ вліяніе актрисы всегда внѣшнее, поверхностное и что талантъ ея дѣйствуетъ только на умъ, а не на чувства.»

Кажется, что мистрисъ Джемсонъ требуетъ отъ артистовъ невозможнаго. Говорятъ, что Тальма самъ сознавался, что никогда не импровизировалъ эффекты, а тоже изучалъ ихъ. «Не смотря на правило Горациа, говорилъ онъ, когда я заставляю публику плакать, глаза мои остаются сухи; когда я Гамлетомъ, заставляю всеѣхъ содрогаться отъ ужаса, я самъ не вижу ни привидѣнія, ни кинжала его. И когда я въ декламации изливаю всю мою душу, то стараюсь приберечь мои силы къ концу пьесы, и потъ, который я частотираю съ лица, происходитъ отъ усилій, чтобъ все мои движенія были правильны и граціозны.»

Тоже самое говорилъ и Чарльсъ Кемблъ. Рашель принадлежитъ къ той же классической школѣ; стало быть мистрисъ Джемсонъ напрасно ищетъ въ ней чувствительности, несообразной съ ролями, и какого-то моральнаго идеала въ Герміонѣ. Рашель превоеходна въ нѣкоторыхъ родахъ, и хорошо дѣлаетъ, что не стремится за идеаломъ, существующимъ только въ германской критикѣ.

Сочиненія дамъ скоро наводнятъ всю литературу. Объявляютъ, что въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ записки Леди Блессингтонъ, имѣвшей при жизни большое вліяніе на лондонское общество. Они будутъ состоять, болѣею частью, изъ ея корреспонденціи. Нашъ вѣкъ съ любопытствомъ бросается на все автобіографіи, вотъ почему

все издатели требуютъ однихъ мемуаровъ живыхъ или мертвыхъ лицъ, и почему въ одинъ мѣсяцъ явились: *Записки Томаса Мура*, *Записки живописца Гейдона*, *Мемуары геолога Миллера*, *Записки теолога Джея*, *Записки квакерши мистрисъ Опи*, и пр.

Промышленность тоже пускается въ современность, чтобъ завлечь покупателей. На всѣхъ стѣнахъ наклеены афиши съ слѣдующими объявленіями: *Помада соединенныхъ армій*, (это куаферъ посвящаетъ имъ свою помаду, *пальто Альма* (новый фасонъ); *сапоги à la Сентъ-Арно* (этотъ же сапожникъ дѣлалъ когда-то сапоги à la Веллингтонъ); *Хересъ Балаклавскаго лагеря* (этотъ купецъ вѣроятно послалъ нѣсколько бутылокъ въ Крымъ); *панталоны à la Лордъ Рагланъ*.

Не смотря однако на эти объявленія, банкротства въ Лондонѣ постигаютъ то мелкихъ торговцевъ, то богачей. Вопросъ о хлѣбѣ занимаетъ все умы. Теперь хлѣбъ также дорогъ, какъ былъ въ прошедшемъ январѣ. За кварталъ платятъ 85 шиллинговъ. Урожай былъ въ Англіи превосходный, но все-таки хлѣба недостаточно. Всегда должны были привозить въ Англію хлѣбъ; въ нынѣшнемъ же году изъ Франціи нельзя ожидать привоза, потому-что тамъ урожай былъ не великъ, особенно на югѣ и внутри страны. Въ Америкѣ тоже жатва была не обильна. Въ Одессѣ хлѣбъ дешевъ и его продаютъ по 15 шиллинговъ за кварталъ, но оттуда его нельзя вывезти. Стало быть Англіи нельзя надѣяться на привозъ хлѣба, цѣна котораго должна еще возвыситься до будущей жатвы.

Музыкантъ Жюльенъ продолжаетъ съ большимъ успѣхомъ свои концерты. Каждый вечеръ къ нему собираются до шести тысячъ слушателей. Въ концертахъ его участвуетъ пѣвица Анна Тильонъ, пріѣхавшая съ нимъ изъ Америки, имѣющая привычку проглатывать половину нотъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ пѣть. Эта пѣвица представляетъ собою союзъ Франціи и Англіи, потому-что она родилась въ Калькуттѣ, въ англійскомъ семействѣ, но начала пѣть въ парижской Комической оперѣ. Вотъ почему она поетъ попеременно то французскую, то англійскую арію. Жюльенъ тоже непременно въ каждомъ концертѣ помѣщаетъ «Partant pour la Syrie» и «God save the Queen». Но самое эффектное произведеніе композитора называется *кадриль англійской арміи*, въ которомъ, какъ говорятъ, *сраженіе при Альмѣ* переложено на музыку. Сожалѣемъ о тѣхъ слушателяхъ, которые приходятъ въ эти концерты, не заложивъ себѣ уши ватуою.

Театръ Мери-лебонскій поставилъ драму, имѣющую претензію на шекспировскую школу. На сцену выведены пуризане и кавалеры при Карлѣ II. Пьеса названа: *Любовь и ролялизмъ*. Она имѣла значитель-

ный успѣхъ, потому-что авторъ ея, Робсонъ, принадлежитъ къ извѣстнымъ и искуснымъ драматургамъ.

Въ Геймаркетѣ вздумали-было поставить патріотическую пошлость, но она упала при громкихъ свисткахъ. Изображеніе сраженія при Альмѣ каждый вечеръ собираетъ многочисленную публику въ циркъ Астлея, гдѣ англійская кавалерія многочисленнѣе чѣмъ въ Крыму. Этотъ же сюжетъ играютъ на маленькомъ театрѣ Странда, только *безъ лошадей*.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА ВЪ 1854 ГОДУ.

Литературный годъ.—Обзоръ произведеній прошлаго года по разнымъ отраслямъ Словесности.—Повѣсти и разказы.—Святки и Перелетныя птицы.—Ольга Н*, Евгенія Туръ и Тургеневъ.—В. Крестовскій.—Л. Н. Т. и Писемскій.—Бѣдность Москвитянина и Библиотеки для Чтенія по отдѣлу русской словесности.—Григоровичъ, Потѣхинъ и Вонлярдскій.—Бѣдность не порокъ.—Мей и Алферьевъ.—Драматическая литература въ Петербургѣ и въ провинціяхъ.—Баллетристическія статьи.—Десять лѣтъ на Кавказѣ, составленные по статьямъ Мельницкаго и Шегрена.—«Горькая доля» госпожня Моллера.—Легкіе разказы во всѣхъ журналахъ и въ Пантеонѣ.—Переводные романы и повѣсти.—Холодный домъ.—Переводные разказы въ журналахъ.—Стихотворенія г. Тютчева.—Переводъ слова о полку Игоревѣ.—Баратынскій, гр. Толстой, Некрасовъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій.—Мѣщанинъ Никитинъ.—Князь Вяземскій.—Дурочка Дуя.—Стихотворенія въ Пантеонѣ.—Патріотическія стихотворенія и развитіе поэзіи.—Ученыя произведенія.—Сборники, издаваемые правительствомъ.—Книги по отдѣлу математическихъ наукъ, путешествій, исторіи литературы и филологіи.—Серьезныя статьи въ журналахъ.—Нѣсколько словъ о Пантеонѣ, о *письмахъ* и приложеніяхъ его, въ отвѣтъ на замѣчанія Отечественныхъ Записокъ и Библиотеки для Чтенія.—Желанія русскимъ журналамъ на новый годъ.

Давно уже было замѣчено неудобство составлять общій выводъ о движеніи литературы, въ концѣ гражданскаго года, въ срединѣ зимы, въ самый разгаръ ея дѣятельности, въ эпоху, когда обыкновенно появляются ея ученыя произведенія. Не говоря уже о томъ, что вообще въ теченіи одного года трудно подмѣтить какія либо особенности и измѣненія въ направленіи и характерѣ литературы, отчетъ за этотъ годъ слѣдовало бы составлять лѣтомъ, а новый начинать съ сентября. Каждый

замѣчалъ также, что литературная дѣятельность замѣтно ослабѣваетъ лѣтомъ, стало быть, это былъ бы лучший исходный пунктъ начала новаго литературнаго года. Подобное же, совершенно рациональное дѣленіе видимъ мы въ нашемъ театральномъ годѣ, оканчивающемся и начинающемся великимъ постомъ, когда прекращается дѣятельность спектаклей. Въ торговомъ мѣрѣ также большая часть годовыхъ расчетовъ и сдѣлокъ оканчивается обыкновенно къ веснѣ, или точнѣе къ Святой недѣлѣ, къ апрѣлю. Удобство подобнаго же дѣленія для литературы было бы очевидно.

Но *usus tyranus!* и мы волей-неволей должны отдавать отчетъ читателямъ въ томъ, что сдѣлала наша литература въ прошедшемъ 1854 году. Указанія на главныя замѣчательныя произведенія литературы и журналистики и критическую оцѣнку ихъ читатели встрѣчали постоянно на страницахъ нашего журнала. Намъ остается слѣдовательно представить численный, статистическій перечень статей и произведеній по главнымъ отраслямъ наукъ и литературы, какъ вышедшихъ отдѣльно, такъ и появившихся въ журналахъ, и сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ явленій. Въ прошломъ году мы разбирали дѣятельность каждаго изъ нашихъ журналовъ отдѣльно; опытъ указалъ намъ, что гораздо удобнѣе и полезнѣе представить обзоръ произведеній по каждому изъ отдѣловъ словесности. Опредѣленіе дѣятельности журналовъ займетъ уже второстепенное мѣсто въ этой оцѣнкѣ.

Начнемъ съ произведеній белетристики и отмѣтимъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ, по порядку ихъ появленія.

Прежде всего, еще даже въ концѣ 1853 года, вышелъ рассказъ М. И. Михайлова «Святки». Рассказъ этотъ, перепечатанный безъ измѣненія изъ Отечественныхъ Записокъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній г. Михайлова, начавшаго такими замѣчательными произведеніями, какъ «Адамъ Адамычъ», «Няня», и оканчивающаго такими незамѣчательными какъ «Перелетныя птицы», «Святки», такой граціозный, теплый, умный, занимательный рассказъ, что «Перелетныя птицы», въ сравненіи съ нимъ, кажутся еще скучнѣе, длиннѣе, невнтереснѣе, хотя первымъ рассказомъ г. Михайловъ началъ, а вторымъ окончилъ 1854 годъ, и повидимому долженъ былъ бы идти *crescendo*. Изъ уваженія къ «Святкамъ», мы не возвратимся уже болѣе къ «Перелетнымъ птицамъ». Можно разбирать путаницу; есть охотники разматывать запутанный шелкъ, развязывать узлы и тому подобное, но искать чего нибудь въ совершенной пустотѣ—значитъ совершенно бесполезно затруднять себя. Тамъ нѣтъ людей, о какихъ же характерахъ мы будемъ говорить? Тамъ ничего не дѣлаютъ, какая же цѣль романа? Написать

четыре части, листовъ двадцать печатныхъ? Въ нашемъ журналѣ, въ 1853 году, въ смѣси былъ напечатанъ небольшой рассказъ г. Савинова: «Переметная жизнь», гдѣ героями были также провинціальныя актеры, и г. Савиновъ разсказывалъ похождения ихъ просто, съ комической точки зрѣнія, не ухищряясь до мелодраматическихъ происшествій въ родѣ пожаровъ, похищенія денегъ изъ нагрудника антрепенера, неправдоподобной любви порядочной дѣвушки къ весьма непорядочному актеру и тому подобное. Сознаемся откровенно, что «Переметная жизнь», очевидно навѣявшая г. Михайлову «Перелетныхъ птицъ», нравится намъ гораздо больше уже и потому, что она гораздо сжатѣе, короче и написана безъ всякихъ претензій, а въ романѣ г. Михайлова даже всѣ лучшія сцены исчезаютъ въ океанѣ ненужныхъ и неинтересныхъ подробностей, въ неизобразимой и невыносимой растянутости. Третьей части могло бы, напримѣръ, и вовсе не быть; въ ней все тоже, что въ двухъ первыхъ, съ тою разницею, что актрисы труппы Неруковича не курили, а у толстенкаго антрепенера онѣ курятъ. Къ числу невѣроятностей отнесено и то, что героиня романа, Ольга, дѣвушка очень небогатая, черезъ чуръ легко знакомится со всею аристократіею города: это совершенно невозможно; нигдѣ такъ не строги къ выбору знакомствъ какъ въ провинціи. Хотя бы дѣвушка была вторая Рекамье по уму и красотѣ, но если отецъ ея былъ управителемъ, а мать ходила въ платкѣ, ее не примутъ въ лучшее общество. И потомъ, забывъ аристократическія притязанія своей Ольги, авторъ заставляетъ ея мать распорядиться наймомъ квартиры и показывать лично эту квартиру... актеру! прятать въ своемъ карманѣ ключъ отъ этой квартиры, провожать актера, защищая его отъ собакъ!.. Но что бы сказало общество, если бы узнало объ этомъ? Хорошо, что авторъ заставилъ общество не знать этого, хотя оно у него и представлено всезнающимъ по общепринятому, избитому и не совсемъ вѣрному правилу. Если маменька показываетъ квартиру Мирвольскому, она должна была прежде показывать ее и другимъ, какъ же, послѣ этого, находились на балахъ кавалеры для ея дочери? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать, очевидно, много. И неужели Ольга, красавица, умница, никогда не видала ничего привлекательнѣе Мирвольскаго въ истасканномъ костюмѣ Гамлета? Неужели до него ей никто не говорилъ о любви?.. Впрочемъ, если мы начнемъ разбирать, почему и прочія дѣйствующія лица романа поступаютъ нелогичнѣе его героини, то этотъ вопросъ будетъ еще затруднительнѣе того, который задавалъ себѣ Мирвольскій, играя Гамлета.

Мы потому увлеклись неприятымъ ощущеніемъ, произведеннымъ на насъ «Перелетными птицами», что не ожидали отъ г. Михайлова

такого слабаго произведенія, и судимъ о немъ такъ строго потому что считаемъ этотъ романъ исключеніемъ, за которымъ явится, конечно, произведеніе въ родѣ «Святокъ.»

Повѣсти «Суженаго конемъ не объѣдешь» *Ольги Н** и «Заколдованный кругъ», *Евгеніи Туръ* (92-ой Т. От. Зап.) читаются легко, хотя ложны въ своемъ основаніи. Первая гораздо выше второй. Въ Современникѣ (№ 1, 3 и 10) три разсказа г. Тургенева «Муму», «Два пріятели» и «Затишье», не принадлежа къ лучшимъ произведеніямъ этого замѣчательнаго писателя, составляютъ все-таки пріятное приобрѣтеніе для русской литературы. Г. Тургеневъ такой мастеръ разсказывать, что его прекрасный слогъ, полный поэтическихъ описаній и тонкой наблюдательности, заставляетъ забывать, что часто лица, выводимыя имъ въ повѣстяхъ, не весьма натуральны и происшествія, случающіяся съ ними, не совсѣмъ правдоподобны, что въ особенности замѣтно въ «Затишьѣ». «Муму» занимаетъ первое мѣсто между всѣми этими разсказами.

Лучшій романъ, появившійся въ Отечественныхъ Запискахъ (№№ 5, 6 и 7), и вообще въ литературѣ прошлаго года, безъ сомнѣнія, «Испытаніе» В. Крестовскаго (псевдонимъ дамы-писательницы). Мы представили въ свое время подробный разборъ этого замѣчательнаго произведенія, и не будемъ повторять вполнѣ заслуженныхъ похвалъ, съ которыми отозвались объ этомъ романѣ всѣ русскіе журналы, кромѣ Библиотеки для Чтенія, рецензентъ которой, въ отдѣлѣ Журналистики, сказалъ, что онъ радуется тому, что В. Крестовскій не помѣщаетъ своихъ статей въ этотъ журналъ. Явившійся почти въ тоже время отдѣльный романъ *Евгеніи Туръ* «Три поры жизни», показала огромную разницу между этими писательницами и превосходство автора «Испытанія» надъ произведеніями г-жи Туръ, которой однакоже никакъ нельзя отказать въ замѣчательномъ дарованіи. О дарованіи этомъ не слѣдуетъ судить по роману, «Три поры,» едвали не самому слабому изъ всѣхъ произведеній Е. Туръ.—Въ концѣ года появился также въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 209 и 210) небольшой разсказъ В. Крестовскаго. «Въ дорогѣ», полный чувства, ума и граціи, при самомъ простомъ содержаніи, написанный прекрасно, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера даровитой писательницы.

Г-жа Т. Ч., принадлежащая также къ числу замѣчательныхъ нашихъ писательницъ, издала только вторымъ изданіемъ уже всѣмъ извѣстные и давно оцѣненные всѣми по достоинству: «Путевыя Замѣтки», но вновь не написала ничего.

Въ Современникѣ помѣщены также двѣ лучшія повѣсти прошлаго года: «Отрочество» Л. Н. Т. и «Фанфаронъ» А. Писемскаго. Мы

объ нихъ уже говорили. Первая удивительный, безыскусственный очеркъ, написанный прекраснымъ языкомъ, замѣчательный мастерскимъ анализомъ тонкихъ, почти неуловимыхъ чувствъ, и впечатлѣній ребенка, дѣлающагося отрокомъ; второй очеркъ «Фанфаронъ», также замѣчательный по меткой наблюдательности автора, вѣрно и полно обрисовавшаго одинъ изъ типовъ, часто встрѣчающихся и возбуждающихъ чаще грустное чувство нежели веселый смѣхъ. Если въ чемъ можно сдѣлать упрекъ г. Писемскому, такъ это въ тонѣ его произведеній, не всегда отличающемся изящностью. Очень хороша также повѣсть Ольги Н., помѣщенная въ послѣдней книгѣ «Современика»: «Не такъ живи какъ хочется.» Это лучший разсказъ неизвѣстной писательницы, только въ 1853 году выступившей на литературное поприще и уже обратившей на себя общее вниманіе. Содержаніе послѣдней повѣсти ея очень просто: молодой человѣкъ, увлеченный первымъ пыломъ молодости, влюбляется въ хорошенькую дѣвушку и дѣлаетъ ей предложеніе, не разузнавъ хорошенько ни ея характера, ни наклонностей, не испытавъ себя, не провѣривъ своихъ собственныхъ чувствъ. Въ послѣдствіи оказывается, что онъ не любилъ ее искренно, потому что трудно было полюбить эту апатическую натуру, а былъ только влюбленъ въ нее. Положеніе молодаго человѣка тѣмъ тяжелѣе, что невѣста его не имѣетъ ни родныхъ, ни состоянія, и все таки любить его по-своему, а самъ онъ вскорѣ полюбитъ сильно женщину, вполне достойную его любви, понимающую и оцѣнивающую его. Долгъ беретъ однакоже верхъ надъ страстью, и герой разсказа женится на своей хорошенькой куклѣ, чѣмъ и оканчивается повѣсть, хотя очевидно драматическое положеніе ея не исчерпано и можетъ развиваться въ занимательный этюдъ. Нѣсколько небрежный и мѣстами неправильный языкъ мѣшаетъ немного пріятному впечатлѣнію, производимому повѣстью доровитой разсказицы.

Москвитянинъ былъ особенно бѣденъ замѣчательными повѣстями и разсказами въ прошломъ году. Лучшею статьею по этому отдѣлу былъ «Отрывокъ изъ семейной хроники» С. А., весьма любопытный, но очень короткій. Статьи, помѣщенные въ этомъ же отдѣлѣ, въ высшей степени занимательныя: «Дневникъ студента» С. Ж. и «Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ и современныя ему театральныя знаменитости.» С. А. принадлежатъ къ исторіи литературы, театра и нравовъ, но не къ беллетристическимъ произведеніямъ.

Еще бѣдиѣ въ этомъ отношеніи была Библиотека для чтенія. Мы не можемъ назвать рѣшительно ни одной повѣсти прошлаго года, которая могла бы занять мѣсто въ исторіи литературы. Вѣроятно, понимая ама свою бѣдность по этой части, Библиотека для Чтенія, въ объявленіи

объ изданіи журнала на 1855 годъ, не упоминаетъ сама о своихъ статьяхъ, а говоритъ только глухо, что въ ней участвовали такіе-то писатели. Правда, что за то она для чего-то пересчитываетъ всѣхъ писателей, участвовавшихъ въ ней въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1850 года, Лучшими беллетристическими статьями Библиотеки, были небольшіе физиологическіе очерки, помѣщенные въ смѣси и принадлежащіе большею частью С. Максиму: Сергачъ, Швецы, Маляръ, Извоцикъ, Знай сверчокъ свой шестокъ.

Въ прошломъ же году вышли отдѣльными изданіями нѣкоторыя произведенія, помѣщенные прежде въ журналахъ: «Рыбаки» г. Григоровича, «Крестьянка» г. Потѣхина и «Всѣ сочиненія г. Вонлярлярскаго.» Всѣ эти произведенія не выдержаны но въ нихъ есть замѣчательныя подробности и прекрасно очерченные отдѣльные эпизоды. Въ «Рыбакахъ» есть превосходныя картины природы, въ «Крестьянкѣ» нѣкоторые типы, вѣрные дѣйствительности, рѣзко выдаются между лицами идеализированными до послѣдней степени возможности. У Вонлярлярскаго неправдоподобныя событія и неестественные характеры сглаживаются легкимъ занимательнымъ разказомъ и живымъ слогомъ. Успѣху его разказовъ, писанныхъ безъ всякихъ претензій, сильно вредитъ сухое, надутое предисловіе К. П. написанное ученически, съ риторическими возгласами, въ которомъ, со словъ какого-то отставнаго и исписавшагося фельетониста, силится поставить Вонлярлярскаго чуть не выше Лермонтова.

Къ разряду беллетрическихъ произведеній, появившихся въ драматической формѣ, относятся: комедія г. Островскаго: «Бѣдность не порокъ,» очень слабая пьеса, но написанная авторомъ съ дарованіемъ, избравшимъ, къ сожалѣнію, ложную дорогу; комедія Мирзы Феть Али-Ахундова, полныя любопытныхъ картинъ жизни закавказья, «Женихъ изъ ножовой линіи,» комедія А. И. Чуровскаго, въ которой есть много удачно подмеченныхъ и переданныхъ чертъ, «Наѣзники» недурная комедія г. Стаховича, драмы г. Мея «Сервилія» изъ римской жизни г. Алферьева и «Діагоръ» изъ греческой, написанныя звучными стихами, переводъ Софокловой «Антигоны,» вѣрный, но весьма не поэтической.

Изъ другихъ произведеній въ этомъ же родѣ, но немного слабѣйшихъ назовемъ: переводъ леди Гартюфъ, комедіи г-жи Жирарденъ (Пантеонъ № 8.) Ветеранъ и новобранецъ г. Писемскаго (От. Зап. № 9.) Людмила и Люба, драма гр. Растончиной (Пантеонъ № 6). Красный мундиръ,» комедія Шеридана (Пантеонъ № 2). Къ совершенно неудавшимся переводамъ принадлежитъ переводъ «Макбета» г. Лиховина и «Причудницы» г. Пятницкаго. Въ особенности жаль труда, потрачен-

наго на плохой переводъ пустой комедіи Лопе-де-Вега. Замѣчательно, что въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ печатается такъ мало книгъ, сравнительно со столицами, въ прошломъ году вышло болѣе всего пьесъ. Въ одной Одессѣ появилась драма: «Черная дама» и три водевиля: «Пари или жена замышляетъ, а мужъ умудряетъ,» «Суевѣрный женихъ или круговращеніе столовъ» и «Кредиторы, или одураченная любезность.» Самыя названія этихъ любопытныхъ произведеній съ ихъ непремѣнными: *и.и.*, доказываютъ, что они не уступаютъ здѣшнимъ водевилямъ.

Въ прошломъ же году было *пять* новыхъ изданій «Горя отъ ума» отдѣльно, и полное собраніе сочиненій Грибоѣдова и Крюковского; также сочиненія П. Каратыгина, водевилиста съ дарованіемъ, которое было бы еще замѣчательнѣе, еслибъ не губилось страстью къ каламбурамъ. Вышла также драма г. Кукольника «Маркизантка.»

Намъ остается назвать еще нѣсколько менѣе замѣчательныхъ беллетрическихъ произведеній, имѣющихъ относительное достоинство, хотя и не принадлежащихъ къ числу капитальныхъ явленій литературы. Къ такому роду произведеній отнесемъ: два замѣчательные разсказа г. Бибикова, въ Москвитянинѣ: «Послѣдній Патито» и «Уличные зрѣлища въ Италиі,» «Мелочи изъ запаса моей памяти» г. Дмитріева (тамъ же) статьи, относящіяся прямо къ исторіи литературы, но помѣщаемыя постоянно Москвитяниномъ въ отдѣлѣ Словесности. Слѣдующія статьи Современника: «Петровъ день» «Федулычъ» два охотничьи разсказа П. Основскаго; «Десять лѣтъ на Кавказѣ» А. З. замѣчательные очерки, литературно-этнографическаго содержанія. Послѣдняя статья въ октябрьской книгѣ очевидно составлена изъ разныхъ источниковъ. Такъ, начиная съ 122 стр. идутъ заимствованія изъ статьи г. Мельницкаго помѣщенной въ томъ же Современникѣ въ майской книгѣ 1853 года, со страницы 101-й. Все, что г. А. З. говоритъ о Хевсурахъ, г. Мельницкій сказалъ объ Осетинахъ; остальное взято изъ Шегрена. Это заимствованіе особенно ясно на страницахъ 130, 131-й статьи А. З.; страница 134 взята изъ газеты Кавказъ. Составлять подобнымъ образомъ статьи нетрудно. «Воспоминанія кавалерійскаго офицера» П. П. также довольно интересны, какъ разсказъ Ив. Быкова «Дядя Василій и Ямщикъ Степанъ»; сюда же отнесемъ «Опытъ о хлыщахъ» г. Панаева, написанный легкимъ языкомъ и заключающій въ себѣ довольно вѣрные снимки съ нѣкоторыхъ фанфароновъ. Мы принуждены однакоже исключить изъ разряда сколько нибудь замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній два большіе романа, печатавшіеся къ «Современникѣ» нѣсколько мѣсяцевъ: «Мелочи жизни» г. Станицкаго (онъ вышелъ и отдѣльною книгою) и «Бѣдная дѣвушка» г. И. Панаева. Въ первомъ нѣтъ ни

мысли, ни правдоподобія, ни занимательности, и его не могутъ спасти отъ забвенія нѣсколько сносныхъ сценъ. Второй романъ не имѣетъ ни одной подобной сцены, и объ немъ было бы неумѣстно распространяться, какъ о произведеніи весьма слабомъ, ученическомъ.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» читаются легко два произведенія: романъ графини Ростопчиной «Палаццо Форли» и разсказъ г. Дружинина «Двѣ встрѣчи»; первому много вредитъ его итальянскій сюжетъ, вовсе не интересующій русскаго читателя, второму—претензіи на свѣтскость и любезность. Къ чему, напримѣръ, г. Дружининъ говоритъ, что Рубини прекрасно пѣлъ ариетту *D'un rescator ignobile* въ Лукреціи Борджіа, когда онъ отроду не пѣлъ нигдѣ и никогда этой оперы. Остальныхъ повѣстей Библіотеки вовсе нельзя причислить къ изящной словесности, хотя въ этомъ отдѣлѣ появлялись и весьма странныя произведенія въ родѣ «Листка изъ записной книги Н. К.» о которомъ мы упоминали въ свое время. Не можемъ же мы назвать литературными—произведенія въ родѣ современнаго разсказа г-жи Лейлы, романа Тонни, «Мечты и дѣйствительности» или «Горькой Доли» г. Моллера. Имя это первый разъ появляется въ печати, и не смотря на все желаніе наше быть снисходительными къ начинающему автору, мы должны сказать, что такъ начинать не слѣдовало бы, и весьма не мѣшало бы, прежде чѣмъ пускаться въ сочиненіе, ознакомиться съ разными приговорительными къ тому науками. Сюжетъ разсказа до того пусть, неестественъ и неинтересенъ, что мы не сказали бы ни слова объ этой повѣсти, еслибъ не видѣли въ ней громаднхъ претензій на все, чѣмъ могутъ отличаться повѣсти: на юморъ, анализъ чувствъ, знаніе свѣта и людей, краснорѣчіе и остроуміе. Видно, что г. Моллеръ читалъ прилежно нѣкоторыя изъ русскихъ повѣстей, но перенялъ изъ нихъ только самыя слабыя стороны. Для заимствованія необходимо имѣть все таки вкусъ, котораго мы вовсе не нашли у г. Моллера. Содержаніе повѣсти вертится на томъ, что герою ея не удаются его попытки жениться. Но не говоря уже о томъ, какъ неправдоподобны всѣ лица, окружающія героя, самъ онъ до того валь и неинтересенъ, что вполнѣ заслуживаетъ свою участь, и доля его вовсе не горькая, а только неизбежная; другой онъ и не могъ имѣть по безцвѣтности своего характера.

Въ «Москвитянинѣ» только одинъ «Выборъ сердца» г. Сумарокова можно прочесть безъ скуки. Въ особенности помѣщавшіеся въ послѣднихъ книгахъ этого журнала разсказы до того слабы, что даже странно видѣть ихъ въ печати; къ такимъ разсказамъ принадлежатъ: «Панъ Москаленко», «Отрывокъ изъ записокъ почтмейстера», «Яша», «Ста-

рый другъ лучше новыхъ двухъ», повѣсть Яша кромѣ того не окончена. Привычка помѣщать повѣсти и романы безъ конца, кажется перешла въ «Москвитинянь» изъ «Современника» и «Библиотеки для Чтенія».

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» читались легко два слабые разсказа, но написанные даровитыми авторами: «Статуя Весны» г. Полонскаго и «Каленикъ» г. Фета. За то намъ никогда не случилось читать въ этомъ журналѣ такихъ плохихъ повѣстей, какъ «Костенька» г. Лапина, «Заднѣпровскія сцены» г. Глинки и «Леночка» г. Тулубьева. Первая покрайней мѣрѣ пустая вещь, безъ претензій, но во второй замѣтно сильное поползновеніе на юморъ и оригинальность; въ послѣдней ровно ничего не замѣтно, кромѣ совершеннаго отсутствія всякаго литературнаго значенія.

Нашъ перечень беллетрическихъ произведеній былъ бы не полнымъ, еслибъ мы не сказали ни слова о повѣстяхъ и разсказахъ «Пантеона». Не претендуя на безсмертіе ихъ въ исторіи литературы, мы думаемъ, что они были прочтены безъ скуки всѣми, кого занимаютъ произведенія русской словесности. Между этими разсказами назовемъ: «Канарейку» и «Два Дон-Кихота» В. Савинова, «Первый маскарадъ»; и «Исторія одного паука и двухъ пріятелей» В. Зотова, «Сосѣдку» романъ А. Чужбинскаго; «Сказаніе о моей бабушкѣ и о баронѣ Отто» и «Первая любовь» С. С., эти двѣ повѣсти автора, въ первый разъ являющагося на литературномъ поприщѣ, конечно обратили на себя вниманіе читателей простотою, задушевностью разсказа и прекраснымъ языкомъ; «Три женскія жизни», романъ г-жи Тальцовой, «Купеческая дочка» г-жи Юрьевой и «Двѣ рукописи» г-жи Бибицкой. Эти десять повѣстей и романовъ, заключая въ себѣ много замѣчательнаго, читаются легко и съ удовольствіемъ.

Вотъ и все богатство оригинальной русской беллетристики въ прошломъ году. Переводная не отличалась богатствомъ и разнообразіемъ. Почти годъ тянулся въ двухъ журналахъ «Холодный домъ» Диккенса. Въ талантѣ этого писателя было бы странно сомнѣваться, но мы должны сказать, что «Холодный домъ» едва ли не слабѣйшее его произведеніе. Онъ очень длиненъ и запутанъ, хотя многочисленныя событія его почти ничѣмъ не связаны между собою. До пятидесяти лицъ кружатся для того, чтобъ каждому не сойдя съ мѣста, не двинувъ дѣла ни на волосъ, все-таки ничего не сдѣлать на этомъ мѣстѣ. Идемъ въ этомъ романѣ мы не видимъ ровно никакой; лица его чисто англійскіе оригиналы, можетъ быть и очень вѣрныя дѣйствительности, но все не интересные для насъ. На что намъ нужны и дѣдушка Смолль-

видъ, миллионъ разъ бросающій свою подушку, которую могъ бы бросить одинъ разъ, и быть оттого неменѣе скучнымъ, и неинтересный Крукъ и другія лица, болѣе или менѣе заставляющія сомнѣваться въ ихъ историческомъ существованіи. Самый языкъ романа очень вычуренъ. Англичане имѣютъ виды на Востокъ, Диккенсъ вполне подтверждаетъ это: онъ похитилъ восточное краснорѣчіе. Онъ не скажетъ, напримѣръ, что человекъ застрѣлился, а объяснитъ, что римлянинъ показываетъ пазьцемъ съ потолка, пойми кто можетъ! Люди у него дѣлятся на злыхъ и добрыхъ непремѣнно, середины нѣтъ. Злодѣи имѣютъ всѣ змѣинныя манеры, добродѣтельные всѣ красавцы. Женщины очень сбиваются одна на другую, и въ «Холодномъ домѣ» Диккенсъ рѣшительно повторяется. Эсвиръ и Агнеса (въ Копперфильдѣ) Ада, Дора, (въ Копперфильдѣ же) и Флоренса (въ Домби), леди Дедлокъ и Эдиоъ (въ Домби), все это почти одинъ и тѣже лица. Нѣсколько прекрасныхъ сценъ не выкупаютъ недостатковъ романа. Прочтя его, спрашиваешь себя, изъ-за чего все это дѣлалось? точно ли необходимъ былъ весь этотъ народъ для хода дѣйствія, точно ли всѣ они имѣли надобность еуетиться? спрашиваешь, и не получаешь отвѣта. Англійскіе романы вообще длинны и скучны (Диккенсъ составляетъ исключеніе, и только въ «Холодномъ Домѣ» впалъ въ этотъ же недостатокъ), но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они вошли въ моду въ нашу литературу, потому что десяти-томные романы Дюма найдены несбыточными. Почему же «разумнѣе и достойнѣе» звать за англійской литературой, нежели «тратить время за французской?

Кромѣ «Холоднаго дома», «Отечественныя Записки» успѣли помѣстить на своихъ страницахъ, въ теченіе года, только конецъ очень слабаго романа Жоржъ-Занда «Волинщики», и начало довольно пустаго Чарльса Ливера «Семейство Додовъ за границей», о которомъ мы еще будемъ говорить. Въ прежніе годы въ Смѣси этого журнала помѣщались постоянно, подъ рубрикою «Разказы современныхъ иностранныхъ писателей» занимательныя небольшія повѣсти и очерки нравовъ. Въ прошломъ году отдѣлъ этотъ вовсе исчезъ изъ журнала, чтобъ дать мѣсто вѣроятно болѣе *ученымъ* статьямъ.

«Холодный домъ» вытѣснилъ также и изъ «Современника» всѣ переводные разказы. Этотъ журналъ успѣлъ однакоже помѣстить, кромѣ безконечнаго романа, три хорошенькіе разказа Теккерея «Жизнь и приключенія майора Гагагана, Балъ у мистрисъ Перкинсъ и Поѣздка въ Парижъ». Такіе разказы, какъ «Характеры Джеррольда, могли бы, конечно, и не являться въ «Современникѣ», также какъ вовсе не слѣдовало бы ему переводить во второй разъ разказъ Тео-

дора Пави «Шерюмаль», болѣе года тому назадъ напечатанный уже въ нашемъ журналѣ.

О переводныхъ романахъ и повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Библиотекѣ для Чтенія» мы можемъ сказать, что романы эти были едвали короче помѣщаемыхъ въ другихъ журналахъ, но являлись чаще потому, что въ каждой книгѣ журнала этого помѣщалось до десяти печатныхъ листовъ иностранной словесности. Выборъ этихъ переводовъ отличался особенною безцвѣтностью, и кромѣ романа «Дези Бернесъ», хотя тоже очень длиннаго, но довольно интереснаго, всѣ остальные переводные рассказы сухи и скучны до послѣдней крайности. Языкъ переводовъ также плохъ, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ переводъ пустѣйшаго романа «Сусанна Дюшменъ» А. Никитина.

Почти тоже самое мы должны сказать и о переводахъ въ «Моквитянинѣ»: они не отличались ни языкомъ, ни выборомъ. Только одни Сцены изъ жизни художника, соч. Генриха Мюрже, составляютъ яркое исключеніе между плохими или старыми рассказами; плоше и старѣе всѣхъ, конечно, Питеръ Симпль, переведенный черезъ чуръ плохо, что мы постараемся доказать въ послѣдствіи.

Иностранныя повѣсти и рассказы, помѣщаемые въ «Пантеонѣ», отличались небольшимъ объемомъ и по возможности правильнымъ языкомъ. Изъ такихъ рассказовъ назовемъ только замѣчательнѣйшіе: «Билетъ въ тысячу франковъ», Первая картина Корреджіо, Рассказы Странствователя, Правый глазъ сфинкса, Живой фавнъ, Африканскія плѣнницы, Коралловый браслетъ, Антонина, Мать и дочь, Скачка въ большомъ циркѣ Калигулы, Ривке-Тике-Такъ, Костяныя копи, Невѣста Беллини, Эйсташъ Блеро, Призракъ, Ласточка съ золотымъ ожерельемъ, Рѣдкій голосъ, Корсиканская кровь, Апельсины Маркизы, Сесилія и Агата, Заокеанійскія сцены, Фея, Планета и ея спутники, и проч. и проч. Такихъ рассказовъ помѣщено въ «Пантеонѣ» до *тридцати*.

Отдѣльно вышедшіе переводные романы не представляютъ ни одного замѣчательнаго явленія, о которомъ можно было бы упомянуть.

Тожѣ можемъ мы сказать и о стихотвореніяхъ. Замѣчательнѣе другихъ было собраніе стихотвореній О. Тютчева, явившееся сначала въ «Современникѣ». Мы разбирали ихъ подробно, и не смотря на краснорѣчивый панегирикъ, написанный «Отечественными Записками» въ видѣ антикритики на нашу рецензію, остаемся при нашемъ прежнемъ мнѣніи. Между стихотвореніями г. Тютчева есть десятокъ хорошихъ, десятка два посредственныхъ, и десятка три плохихъ. Еслибъ г. Тютчевъ исключилъ изъ своего «Собранія» плохія стихотворенія и исправилъ слабыя, оно много бы выиграло.

Роскошное изданіе новаго перевода Слова о полку Игоревѣ, подъ названіемъ «Игорь, князь Сѣверскій» приносить честь добросовѣстному переводчику г. Гербелю. «Пѣсни разныхъ народовъ, также роскошно изданныя и переведенныя г. Бергомъ, читаются съ удовольствіемъ и заслуживаютъ вниманія, хотя собраны не систематически.

«Современникъ» болѣе всѣхъ журналовъ помѣстилъ въ прошломъ году стихотвореній. Кромѣ полнаго собранія г. Тютчева, онъ напечаталъ пятнадцать стихотвореній Баратынскаго, нѣсколько графа А. К. Толстаго, Некрасова, Фета, Майкова, Полонскаго, Никитина и др. Изъ стихотвореній Баратынскаго хороши только семь, о которыхъ мы уже говорили (см. 10 № Пантеона). Въ графѣ Толстомъ мы видимъ поэта весьма замѣчательнаго и ожидаемъ подтвержденія нашего мнѣнія отъ будущихъ его произведеній. Г. Некрасовъ напечаталъ два хорошія произведенія: «Муза», и «Въ деревнѣ»; изъ стихотвореній г. Фета безукоризненно хороши только два: «На Днѣпрѣ» и начинающееся стихами:

«Люди спать, мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ».

Г. Майковъ напечаталъ въ «Современникѣ» три замѣчательные стихотворенія: «Юношамъ» «Подражаніе древнимъ» и «Весенній бредъ»; изъ стихотвореній Полонскаго — лучшее «Колокольчикъ». Въ прошломъ же году явился замѣчательный поэтъ-самоучка мѣщанинъ Никитинъ, напечатавшій въ «Современникѣ» хорошее стихотвореніе «Жена ямщика».

Въ противоположность «Современнику», «Библіотека для Чтенія» была бѣднѣе всѣхъ остальныхъ журналовъ по отдѣлу стихотвореній. Она напечатала только нѣсколько стихотвореній Никитина, отрывокъ изъ трагедіи Алферьева и «Музу» Бенедиктова, очень граціозную пьесу.

«Москвитяинъ» былъ богатъ стихотвореніями, но хорошихъ въ немъ было немного; лучшіе были патріотическаго содержанія и принадлежали князю Вяземскому: «Отдохнувь отъ непогодъ» и «У васъ, господь изъ шайки Бонапарта»; хорошо также стихотвореніе г. Шевырева «Къ Англіи». Нѣсколько стихотвореній графини Ростопчиной, подъ названіемъ «Зеленая книга», также очень недурны. О стихахъ гг. Раича и Стаховича не упоминаемъ. Переводъ Дантова «Ада» заслуживаетъ уваженія какъ трудъ большой и дѣльный, но слабый по исполненію и тяжелому стиху.

«Отечественныя Записки», не печатавшіе долгое время стиховъ на своихъ страницахъ, въ послѣднее время отступили отъ принятыхъ ими правилъ, и въ прошломъ году напечатали тридцать шесть стихотвореній, кромѣ помѣщенныхъ въ Смѣси стиховъ г. Никитина. Изъ этихъ про-

изведеній хороши слѣдующіе: «Дурочка Дуня», идилія г. Майкова, едва ли не лучшее стихотвореніе прошлаго года по мысли и исполненію; «Аспазія» и «Ребенокъ» его же; «Клермонтскій Соборъ» тогоже автора прекрасенъ по картинному стиху. «Лѣсъ, Дѣвочки» и Весталка Н. Щербины, «Призваніе»—Дельвига», «Муза» г. Фета, одно стихотвореніе Огарева и одно Яхонтова. Остальные двадцать пять стихотвореній, принадлежащія большею частью тѣмъ же авторамъ—слабы.

Въ «Пантеонѣ» помѣщено немного стихотвореній: «Свиданіе» и «Знаменитой артисткѣ» В. Зонова, понравившіеся даже «Москвитяини», весьма строгому къ петербургскимъ поэтамъ; на послѣднее стихотвореніе одинъ петербургскій журналъ написалъ даже пародію, что конечно очень лестно для автора, потому что этотъ журналъ постоянно печатаетъ пародіи на Жуковского, Гейне и Фета. Кромѣ того, «Пантеонъ» напечаталъ шесть стихотвореній Н. О. Щербины, одно гр. Сологуба, одно О-ва и три Грекова; послѣднія гораздо лучше пьесъ того же автора, помѣщенныхъ въ двѣнадцатой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Отличительною чертою русской поэзіи прошлаго года было преобладаніе въ ней патріотическихъ стихотвореній. Современные событія, война въ предѣлахъ отечества, низкіе поступки враговъ нашихъ, черты геройства и патріотизма, все это вдохновило почти всѣхъ нашихъ поэтовъ и послужило поводомъ множества стихотвореній въ восторженномъ и историческомъ родѣ. Само собою разумѣется, что при одинаковомъ чувствѣ, одушевляющемъ нашихъ поэтовъ, степень дарованія ихъ весьма различна, и между этими стихотвореніями есть превосходные, но есть и похвальные единственно по чувству, а слабые по исполненію. Къ первому роду принадлежатъ, кромѣ уже упомянутыхъ нами стиховъ кн. Вяземскаго, стихотвореніе неизвѣстнаго автора: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ», слѣвашагося народнымъ въ Россіи; къ нему ближе всего подходитъ стихотвореніе, начинающееся стихами: «Вашу ручку, серъ Неиръ». Къ лучшимъ, серьезнымъ произведеніямъ въ этомъ родѣ принадлежитъ «Разговоръ въ Кремлѣ» К. Павловой, изданный отдѣльно. Замѣчательны также стихотворенія молодого поэта съ дарованіемъ Н. Арбузова. Слабѣ другихъ были многочисленныя брошюры г. Татаринова. Больше всего патріотическихъ стихотвореній появилось въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ».

Вотъ все богатство русской литературы 1854 года по отдѣлу изящной Словесности. Особенно замѣчательнаго вышло немного, но произведенія, составляющія эпоху въ литературѣ, являются не каждый годъ, и было бы странно требовать періодическаго повторенія подобныхъ яв-

леній. Къ тому же, умственная дѣятельность, произведя менѣе по одному отдѣлу, въ другомъ проявляется съ удвоенною силою. Если прошлый годъ былъ не богатъ замѣчательными русскими повѣстями, русская поэзія развилась съ новою силою и произвела много пріятныхъ явленій. Еще болѣе замѣтно это усиленіе дѣятельности въ произведеніяхъ серьезныхъ, ученыхъ и специальныхъ. Этими произведеніями прошлый годъ былъ очень богатъ, и намъ не остается ничего болѣе, какъ перечислить лучшія изъ подобныхъ книгъ и статей. Подробной оцѣнки ихъ не дозволяетъ намъ ни цѣль, ни объемъ нашей статьи, а повтореніе передъ каждою книгою эпитетовъ: прекрасно, превосходно! было бы излишнимъ.

Первое мѣсто между учеными произведеніями принадлежитъ конечно Сборникамъ, издаваемымъ разными правительственными учрежденіями и специальными обществами. Въ этихъ Сборникахъ нѣтъ ни одной статьи, которая не имѣла бы относительнаго интереса, и весьма многія изъ нихъ удивили бы европейскихъ ученыхъ богатствомъ свѣдѣній и вѣрностью выводовъ, еслибъ европейскіе ученые читали по-русски. Изъ числа такихъ изданій назовемъ: Ученыя Записки и извѣстія Академіи Наукъ, Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, Записки, Этнографическій и Статистическій Сборникъ Географическаго общества, Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Труды комиссіи для описанія губерній Кавказскаго учебнаго округа, Записки военно-Топографическаго депо, Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи; Разрядныя книги, и проч. Сюда же относятся и календари Кавказскій, Новороссійскій, Виленскій. Нѣкоторыя изданія начатыя частными лицами, также могутъ занять почетное мѣсто на ряду съ этими Сборниками, какъ на примѣръ «Русская старина» г. Мартынова, вышедшая въ новомъ изданіи, Древніе акты и грамоты рязанскаго края, «собранные А. Пискаревымъ, архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» Н. Калачева.

По отдѣлу астрономіи и математическихъ наукъ вышли «Таблицы,» формулы и численныя данныя, составленныя Липинымъ «Общепонятная физика» и «Механика»: г. Писарева.

По отдѣлу путешествій и Этнографіи: «Шестой континентъ» и «Южный Полюсъ» г. Новосильскаго, два изданія статей, появившихся сначала въ Пантеонѣ. Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, «Разказы проѣзжаго» П. Небольсина, относящіеся впрочемъ скорѣе къ чисто литературнымъ произведеніямъ. Библіотека путешествій изд. А. Плюшара, «Проектъ Ломоносова, «Экспедиція Чичагова, для открытія пути черезъ сѣверный Океанъ.

По отдѣлу исторіи словесности, филологіи и философіи: «Очеркъ

древнѣйшаго періода греческой философіи» М. Каткова, новое изданіе полной русской хрестоматіи, г. Галахова; Обь отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ А. Гильфердинга; Сумароковъ и современная ему критика г. Булича; О поэзіи соч. Аристотеля, переводъ г. Ордынскаго; Опытъ біографіи Н. Гоголя, замѣчательный только по его письмамъ новое изданіе обще-сравнительной грамматики русскаго языка, Памятники старо-славянскаго языка, изд. г. Перевлевскимъ.

Исчисляемъ теперь замѣчательнѣйшія серьезныя статьи въ журналахъ, начиная съ Отечественныхъ Записокъ.

«Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени», три статьи И. Е. Забѣлина, заключающія въ себѣ описаніе родинъ, крестинъ и иманинъ при дворѣ, воспитанія царевичей, и ихъ начальнаго образованія. Еслибъ статьи г. Забѣлина были переведены на одинъ изъ иностранныхъ языковъ, западная Европа удивилась бы свѣдѣніямъ этого ученаго и превознесла бы его въ тысячѣ своихъ журнальных листковъ. Дѣйствительно, надо удивляться огромности его познаній. Г. Забѣлинъ знаетъ до-Петровскую русь такъ, какъ будто онъ жилъ въ то время. Последняя статья его о древнихъ букваряхъ и способахъ обученія чтенію и писанью имѣетъ отношенія къ исторіи литературы, и лица, спеціально занимающіяся ея изслѣдованіемъ, найдутъ множество любопытныхъ и новыхъ фактовъ въ этой превосходной статьѣ. Къ историко-критической литературѣ принадлежатъ также двѣ статьи профессора Соловьева «Н. И. Карамзинъ и разборъ его исторіи російскаго государства,» одна статья его же: Географическія извѣстія о древней Россіи, и три статьи, доставленныя, какъ сказано въ предисловіи, отъ начальства публичной бібліотеки, заключающія подъ скромнымъ названіемъ «Библіографическихъ отрывковъ», въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія объ изданіяхъ: Наказа Императрицы Екатерины II и сочиненіяхъ Вармунда и Мѣховскаго. Изъ историческихъ сочиненій, относящихся до изслѣдованія исторіи западной Европы, замѣчательно сочиненіе Минье о первомъ соперничествѣ Карла V и Франциска I; разборъ книгъ: Клемана: Жакъ Керъ и Карль VII, сдѣланный г. Теокистовымъ, о Римской исторіи Швиглера и Герлаха, изслѣдованія объ Альпійскихъ этрускахъ Коха, г. Кудрявцева и книги Доци о Сидѣ. Г. Грановскаго. Двѣ статьи г. Яковлева о Помпеѣ, и г. Ротчева, воспоминанія о его путешествіи, читаются съ удовольствіемъ, хотя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Ротчевымъ о заатлантическихъ странахъ, необходимо подвергнуть такому же контролю, какъ замѣтки г. Небольсина о калмыкахъ, киргизахъ, башкирцахъ и другихъ инородцахъ, которыхъ г. Небольсинъ эксплуатируетъ съ большею пользою для себя, если не для читателей. Четыре статьи г. Дружини-

на о Вальтеръ-Скоттъ и его современникахъ, статья объ Антиговѣ г. Шестаковѣ и о графѣ Ростопчинѣ и литературѣ 12-го года г. Тихонравова—составляютъ замѣчательное приобрѣтеніе для исторіи литературы; еще любопытнѣе по фактамъ двѣ статьи С. Ж—ва: «Воспоминанія стараго театрала.» «Жизнь, нравы и смысленость насѣкомыхъ,» двѣ статьи Н. У—ва, хорошая компиляція, не заключающая впрочемъ въ себѣ ничего новаго. Къ этому же отдѣлу надобно причислить нѣсколько дѣльныхъ разборовъ русскихъ книгъ по разнымъ спеціальнымъ предметамъ, и всѣ шестнадцать статей въ отдѣлѣ иностранной литературы, компилированныя искусною рукою, отбросившею всѣ неинтересныя для русскаго читателя подробности, но сохранившею всѣ главныя черты статей, занимающихъ огромное количество листовъ въ иностранныхъ журналахъ.

Современникъ бываетъ обыкновенно гораздо бѣднѣе Отечественныхъ Записокъ статьями подобнаго рода. Мы можемъ назвать только слѣдующія: «Дельвишъ», двѣ превосходныя статьи В. П. Гаевского, оканчивающіяся смертью разбираемаго имъ поэта, но не заключающія въ себѣ еще обзора изданій его сочиненій. «О романахъ въ старинной русской литературѣ А. Пыпина, молодаго писателя, всего во второй разъ появляющагося въ печати съ трудомъ, въ высшей степени замѣчательнымъ; статьи г. Соловьева: «Герардъ Фридрихъ Миллеръ» г. Геннади: «Макаровъ и его журналъ Московскій Меркурій, Ковалевского.» Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи, г. Зернина: Императоръ Василій Македонянинъ, также очень замѣчательны. Къ хорошимъ компиляціямъ отнесемъ также «Жизнь и драматическія сочиненія Шеридана» и Лекціи Теккерея объ англійскихъ юмористахъ г. Дружинина. Прибавивъ къ этому опытъ біографіи Гоголя Н. М. Путешествіе по Бѣлорусскому краю М. Шпилевского и статью г. Сенюткина о военныхъ дѣйствіяхъ донцевъ въ 1773 и 1774, статьи любопытныя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ подробностямъ, мы получимъ все богатство Современника по ученому отдѣлу. Вѣроятно, количества статей ради, журналъ этотъ въ своемъ объявленіи, самъ причисляетъ къ этому отдѣлу статьи въ родѣ: «Объ искренности въ критикѣ по поводу простанародныхъ романовъ» П. В. А—ва, или «Воспоминаніе о Гоголѣ господина Лонгинова, сообщающаго потомству извѣстія громадной важности, что Гоголь училъ русскому языку этого господина Лонгинова. Подобныя произведенія не принадлежатъ ни наукѣ, ни литературѣ, и вспоминать объ нихъ съ удовольствіемъ могутъ развѣ только одни авторы ихъ.

Отдѣлъ наукъ въ Москвитянинѣ наоборотъ гораздо богаче его Словесности. Вѣроятно по этой причинѣ онъ помѣщаетъ въ послѣдній

отдѣлъ статьи, относящіяся прямо къ исторіи литературы, каковы Воспоминанія гг. и Аксакова, Дмитріева, о которыхъ мы уже говорили; изъ другихъ назовемъ: Суворовъ подъ Туртукаемъ, инструкція Волынскаго, рескрипты Екатерины II, письма Потемкина и почти всѣ матеріалы русской исторіи; Людовикъ XVIII, двѣ превосходныя статьи, консульство и имперія, извѣстія о Ломоносовѣ, Богдановичѣ и Пушкинѣ, и другія небольшія, но весьма любопытныя статьи, помѣщавшіяся въ смѣси: пребываніе Пушкина въ Одессѣ, о портретѣ его, Воспоминанія учителя, родина Гоголя; всѣ статьи г. Желѣзнова. «Картины аханнаго рыболовства, Башкирцы, Уральская старина» такъ рѣзко противорѣчащія своею правдивостью статьямъ г. Небольсина о тѣхъ же предметахъ; наконецъ большія статьи: Царь Алексѣй Михайловичъ пр. Зернина, Христіане въ Сиріи и Мессопотаміи, пр. Березина, Изслѣдованія о балтійскихъ славянахъ г. Гильфердинга, матеріалы къ объясненію «Божественной комедіи» Д. Мина, Шеллингъ, Европейская Турція, Саллустій, письма Либиха о химіи и Шлейдена о ботаникѣ.

Бѣднѣе всѣхъ журналовъ по отдѣлу наукъ, какъ и вообще по всѣмъ отдѣламъ, была конечно, Библіотека для Чтенія. Придумавъ замѣнить живой интересъ современныхъ статей о разныхъ отрасляхъ науки географическимъ словаремъ, большею частью перепечатаваемымъ изъ Энциклопедическаго словаря, журналъ этотъ помѣщаетъ на своихъ страницахъ статьи всякаго рода, безъ особой системы и безъ строгаго выбора. Лучшими учеными статьями были все таки статьи самаго редактора журнала, г. Сенковского, замѣчательныя по многимъ положеніямъ, не смотря на парадоксы.

Перечислимъ наконецъ главнѣйшія статьи ученаго и серьезнаго содержанія, помѣщенныя въ Пантеонѣ, независимо отъ мелкихъ извѣстій по части новѣйшихъ открытій въ наукахъ и промышленности, сообщаемыхъ постоянно въ отдѣлѣ Современное: Сѣверо-западный проходъ и Путешествіе съ Гумбольдтомъ въ небесныя пространства, Изъ журнала русскаго путешественника, Бѣдствія на морѣ, Послѣднія арктическія экспедиціи *Ш. Новосильскаго*, Воспоминанія русскаго путешественника, *А. Ротчева*, Основныя начала животнаго организма, Незвѣстный островъ на тихомъ океанѣ; Фра Анджелико да Фіезоле, Павелъ Андреевичъ Федотовъ; весьма замѣчательная статья *В. Толбина*, Итальянская живопись, Христофоръ Колумбъ. *А. Ламартина*, Жасменъ и провансальская поэзія, французскіе протестанты въ Европѣ, Эдмундъ Кинъ и мистрисъ Сидонсъ, Беллини, статья *г. Сьрова*, Бѣлоруссія *Г. Шилевскаго*, (три статьи). Послѣдній судебный поединокъ во Франціи, Корсика въ 1848 году, Проперцій, Языки въ Остѣ-Индіи, Аркадскіе

и Шотландскіе острова, Китайскій дипломатъ, историческій очеркъ Молдавіи и Валахіи, Пржезня и нынѣшняя Турція, Венеція, письмо *Н. П. Мундта*, Вильмень, островъ Эгина, рассказы и путешествія доктора Ивана, Западный берегъ Суматры, Историческія замѣчанія *Гизо* на Шекспира, Современная комедія въ Испаніи, Народныя пѣсни сербовъ, Лужицко-Сербское нарѣчіе, Кернеръ, Фаригагенъ фонъ-Энзе, Уго Фоскола, Египетъ и Нубія, (*два статьи*) Литовскій языкъ и его отношенія къ славянскому, Фелисіенъ Давидъ; и наконецъ цѣлое сочиненіе извѣстнаго Араго «Оба Океана» (*четыре статьи*).

Заговоривъ о Пантеонѣ, скажемъ объ немъ еще нѣсколько послѣднихъ словъ для полной оцѣнки его дѣятельности въ прошломъ году. Читатели наши могутъ видѣть сами, исполнилъ ли онъ ихъ ожиданія и оправдалъ ли названіе *литературно-художественнаго журнала*. Не распространяясь о будущемъ, можемъ только увѣрить читателей, что въ нынѣшнемъ году Пантеонъ будетъ не хуже прошлаго, а употребитъ всѣ старанія придать какъ можно болѣе интереса своимъ рубрикамъ, обнимающимъ всѣ отрасли литературы, художествъ, новѣйшихъ открытій, общественной жизни Петербурга, провинціальной жизни Россіи, и проч. Читатели видѣли все разнообразіе сообщаемыхъ нами извѣстій. Въ Смѣси помѣщаемъ мы постоянно письма изъ Парижа, Лондона и другихъ столицъ Европы обо всемъ, что случается любопытнаго въ мірѣ литературы, искусствъ, наукъ и общественной жизни. Отечественнымъ Запискамъ угодно было заподозрить наши лондонскія письма, сказавъ что они *слово въ слово* переводятся изъ *Revue britannique*. (О парижскихъ письмахъ рецензентъ Отеч. Записокъ неговоритъ ничего, потому что здѣсь указаніе на какой либо журналъ было бы уже явною несправедливостью.) Само собою разумѣется, что пишущій эти письма не самъ сочиняетъ новости, а разсказываетъ такія, которыя сообщаются и въ *Revue britannique*, и въ другихъ журналахъ. Тутъ дѣло все въ сортировкѣ этихъ новостей и способѣ изложенія, которымъ онѣ передаются. На голословное показаніе Отеч. Записокъ, мы можемъ поэтому отвѣчать только слѣдующее: пусть рецензентъ ихъ укажетъ намъ на *какойнибудь* журналъ, изъ котораго мы перевели новости того же лондонскаго письма, въ томъ же 10-мъ номерѣ Пантеона, начиная, напримѣръ, съ 69-й страницы и до самаго конца письма. Бездоказательныя обвиненія обращаются на самого обвинителя.

Подъ рубрикою «Современнаго» по отдѣламъ литературы, искусствъ, открытій въ наукахъ и промышленности, путешествій и мелкихъ разсказовъ мы помѣстили *двѣсти* статей; нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ болѣе печатнаго листа и представляютъ въ сжатомъ видѣ сокращенія

большихъ сочиненій (каковы напримѣръ статьи о Египтѣ и Нубіи.) Нашъ *Вѣстникъ* по отдѣлу Журналистики, Библиографіи, Общественной жизни, театровъ петербургскихъ и новостей изъ провинцій представляетъ самую полную картину русской дѣятельности по этой части. Репертуаръ сообщаетъ всѣ лучшія современныя пьесы. Наши художественныя приложенія заслужили всеобщее одобреніе, и только рецензентъ Журналистики въ Библиотекѣ для Чтенія, выразившись однажды очень любезно, что мы прилагаемъ къ журналу *любочныя картинки*, остается недоволенъ тѣмъ, что мы даемъ портреты замѣчательныхъ лицъ нашего времени, писателей, артистовъ, музыкантовъ, художниковъ, и послѣ приложенія портрета г. Перро, балетмейстера нашихъ театровъ, челоѣка съ огромнымъ дарованіемъ, чьи балеты, имѣвшіе успѣхъ на нашей сценѣ, славятся въ цѣлой Европѣ, спрашиваетъ про-нически: чтоже будетъ дальше? Можемъ отвѣчать на это, что дальше будутъ еще портреты другихъ лицъ, извѣстныхъ не менѣе г. Перро.

У насъ принято въ новый годъ изъявлять свои желанія всѣмъ знакомымъ. Пожелаемъ же Библиотекѣ для чтенія, прощаясь съ нею въ 1854 году, умѣрить нѣсколько несправедливую строгость приговоровъ своего рецензента по отдѣлу Журналистики, оставить свой географическій словарь, помѣщать поменьше плохихъ переводныхъ романовъ и побольше хорошихъ оригинальныхъ, перестать слегка смотрѣть на науку и критику. Москвитянину пожелаемъ быть построже въ выборѣ повѣстей, систематическихъ и критическихъ сужденій, и выходить по акуратнѣе. Въ то время, когда мы пишемъ эту статью, недостаетъ еще двухъ нумеровъ Москвитянина за прошлый годъ. Современнику пожелаемъ поменьше дендизма и свобичности, побольше серьезнаго взгляда на литературу, которой постоянно предпочитается *литературный ералашъ*, побольше твердости въ сужденіяхъ и поменьше толковъ по поводу русской Журналистики; фельетонное направленіе, хлыщи и новый поэтъ уже черезъ чуръ не современны. Новый поэтъ самъ недавно восклицалъ въ порывѣ откровенности: вѣдь мы уже не ребята! Искренно желали бы мы видѣть на дѣлѣ примѣненіе этой неоспоримой истины. Наконецъ Отечественнымъ Запискамъ пожелаемъ поменьше пустыхъ повѣстей и кромѣ «истины въ жизни, истины въ наукѣ» побольше жизни и истины въ рецензіи журналовъ.

II.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Русская музыкальная критика.—Новости сезона: вновь поставленныя оперы на итальянской сценѣ: *Сафо*, *Пачини* и *Сивардъ Саксонецъ*, Верди.

Всякому свое дѣло, свое любимое или спеціальное занятіе дорого. Всякій желаетъ себѣ и дѣлу своему преуспѣнія. Желанія эти возобновляются всегда съ какою-то особенною силою при наступленіи новаго года. Значить, кетати будетъ теперь, отъ лица всѣхъ, кто пишетъ и кто читаетъ музыкальныя статьи въ русскихъ журналахъ и газетахъ высказать искреннее желаніе, чтобъ эта отрасль журналистики нашей, эта порода фельетоновъ и современныхъ замѣтокъ сколько нибудь улучшилась со стороны дѣльности, серьезности взгляда. Конечно, музыкальная критика у насъ пока еще не процвѣтала; музыкальная образованность наша еще такъ молода, а теперь и не слишкомъ благопріятное время для ея процвѣтанія. Кому теперь дѣло до искусства и его критики, когда всѣ глаза и всѣ уши съ жаднымъ любопытствомъ слѣдятъ только за событіями политическими? Кого займутъ теперь вопросы художественные, когда у всѣхъ на умѣ и на языкѣ одинъ вопросъ: что новаго въ Крыму, подъ Севастополемъ? что слышно изъ-за границы? Но вѣдь пишутся же музыкальные разборы, печатаются же музыкальные фельетоны во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ, по старому; если пишутся, печатаются, должно полагать, что и *читаются*, а если читаются, то и *оцѣниваются*. Значить и теперь можно желать улучшенія. Какъ не пожалѣть о читателяхъ такого рода статей. Чѣмъ ихъ, бѣдныхъ, зачастую угощаютъ, въ надеждѣ (увы! довольно основательной) что кому же придетъ охота принять эти дѣла къ сердцу, серьезно вникать въ эту эфемерную болтовню! Притомъ же, чтобъ указать промахи разнаго рода по части музыкальной, для этого надобно порядочно знать эту часть. А для того, чтобъ знать, надобно учиться, заниматься. Гдѣ же всего этого требовать отъ нашей музыкальной публики?—Но намъ, специалистамъ, весь этотъ порядокъ музыкально-критическихъ дѣлъ до крайности непріятенъ, досаденъ. На каждомъ шагу, то есть, почти въ каждомъ русскомъ музыкальномъ фельетонѣ, встрѣчаются такія обмолвки, такіе недосмотры, такія несоразмѣрности въ похвалахъ и въ порицаніяхъ, иногда такое отсутствіе пониманія дѣла, что хотѣлось бы, еслибъ была возможность, указать все это всѣмъ и каждому встрѣчному и поперечному, открыть всѣмъ глаза, вывести этихъ

гг. музыкальных знатоковъ на чистую воду... Жаль, что все это мало кого занимаетъ. Трудно пускаться въ полемику, хотя бы въ музыкальную, когда наживаешь себѣ личныхъ враговъ изъ-за двухъ, трехъ строчекъ правды! Но чтожъ дѣлать! Правда должна взять свое! А чтобъ она взяла свое, надо, чтобъ ее знали, надо высказывать ее при каждомъ удобномъ случаѣ.

Я сказалъ это въ видѣ вступленія, для того, чтобъ читатели моей *музыкальной хроники* были увѣрены напередъ, что при каждомъ удобномъ случаѣ я буду указывать на разные промахи въ русскихъ музыкальных рецензіяхъ, съ покорнѣйшей просьбой указывать и на мои въ свою очередь. Буду себя считать особенно счастливымъ, если такого рода полемика хоть сколько нибудь разшевелитъ нашихъ музыкальных фельетонистовъ,—хоть на короткое время выведетъ ихъ изъ сладкой дремоты, безпечности и самонадѣянности.

Но довольно объ этомъ. Перейдемъ къ операмъ и дадимъ отчетъ о *новостяхъ* нашей итальянской сцены. Музыкальная хроника моя постоянно будетъ ограничиваться отчетомъ о тѣхъ только операхъ, которыя въ нынѣшній сезонъ *въ первый разъ* поставлены; говорить о возобновленныхъ или просто повторенныхъ (съ другими исполнителями) не представляется необходимымъ, потому что обо всемъ этомъ толковано и перетолковано вдоволь, исключая, можетъ быть, со стороны серьезной критики, философіи искусства; но ей здѣсь не мѣсто. Превратить бѣглый журнальный обзоръ въ ученый трактатъ, точно также некстати, какъ подъ серьезнымъ заглавіемъ и въ видѣ брошюры или даже книги въ двухъ или трехъ томахъ выпустить въ свѣтъ, ни больше, ни меньше, какъ фельетонъ! Иные и на это пускаются, но зачѣмъ же имъ подражать!

Собственно новыхъ оперъ (не считая *Фаворитки*, которая бывала уже исполнена итальянскою труппой) было въ этотъ сезонъ до сихъ поръ четыре: Сафо, Поліевкъ, Сивардъ Саксонецъ и Волшебный стрѣлокъ. На этотъ разъ буду говорить только о *Сафо*—Пачини и о *Сивардѣ*, Верди.

Сафо—лирическая трагедія въ трехъ актахъ. Одно имя «Сафо» даетъ уже понятіе о содержаніи этой лирической трагедіи. Кому неизвѣстно, что въ древней Греціи жила стихотворица, до того знаменитая своимъ талантомъ, что заслужила названіе «десятой музы» Кому также неизвѣстно поэтическое преданіе объ этой десятой музѣ: какъ она горѣла страстію къ нѣкому юношѣ именемъ Фаону, и выражала эту страсть въ самыхъ восторженныхъ импровизаціяхъ; какъ сей юноша, можетъ быть

ничего не смысля въ поэзии, не раздвѣляя пламенной любви Сафо и любилъ другую; какъ Сафо съ тоски и отчаянія, съ своей лирой въ рукахъ, взбѣжала на Левкадскую скалу и оттуда бросилась въ море. Такого рода простота поэтической основы очень благоприятна для оперныхъ сюжетовъ, и нельзя не пожалѣть, отчего либреттистъ г-на Пачини не удовольствовался *этою* основой, а нашелъ необходимымъ до того неказить извѣстное преданіе, что при исполненіи оперы, трудно, безъ помощи либретто, догадаться о настоящемъ ходѣ драматическаго дѣйствія. Самая катастрофа, столько простая и натуральная въ общезвѣстномъ видѣ, въ оперѣ Пачини принимаетъ какой-то двойственный характеръ. Не то сама Сафо добровольно кидается въ море, не то она приеждена къ такой смерти, какъ преступница, за то, что въ порывѣ ревности въ Фаону, во время брака его съ соперницей, Клименой, опрокинула жертвенникъ Аполлона. Совершенно безъ всякой нужды прибавлена къ сюжету совсѣмъ посторонняя исторія, что Сафо и соперница ея Климена, — родныя сестры, дочери жреца Алкандра. Разсчитывая, что у насъ, особенно теперь, гораздо больше читателей *газетъ*, чѣмъ журналовъ, болѣе или менѣе толстыхъ, я не нахожу надобности излагать полного содержанія оперы Пачини, потому что это было бы повтореніемъ двухъ статей, напечатанныхъ объ этой оперѣ въ Сѣв. Пчелѣ и въ Спб. Вѣдомостяхъ. Первая статья принадлежитъ г. Ростиславу, либретто оперы разсказано тамъ довольно обстоятельно. Вторая статья, подписанная Z., читается съ большимъ удовольствіемъ. Тутъ, кромѣ содержанія оперы, можно найти нѣсколько вариантовъ преданія о Сафо, о Левкадской скалѣ и занимательное разъясненіе сбивчивости, которая встрѣчается въ мнѣніяхъ нашей публики по случаю композитора *Пачини*. Я позволю себѣ привести все это мѣсто изъ статьи г. Z. съ небольшими добавленьицами. «Имя Пачини у насъ извѣстно любителямъ музыки; знаютъ, что былъ или есть какой-то композиторъ Пачини, что этотъ композиторъ пользуется извѣстностью, что о немъ когда-то слышали, что о немъ было когда-то говорено, но когда и что именно было говорено, когда онъ жилъ и что писалъ, на счетъ всего этого вы услышите самыя разнорѣчивыя толки. Одни причисляютъ его къ до-россійевской эпохѣ итальянскихъ композиторовъ, другіе называютъ его знаменитымъ композиторомъ, имѣющимъ важное значеніе въ исторіи музыки, третьи, наконецъ, *молодымъ* композиторомъ, принадлежащимъ къ современной школѣ, преемникомъ уже не Россини или Донизетти, но Верди, новою звѣздой, появившеюся въ послѣднее время на горизонтѣ итальянской музыки, и пр и пр. Въ исторіи итальянской музыки извѣстенъ Пиччини, (род. въ 1728, близъ Неаполя, умеръ въ 1800,

во Франціи; особенно замѣчательнъ соперничествомъ съ великимъ Глюкомъ и поводомъ къ войнѣ глукистовъ и пиччинистовъ съ 1776 по 1781) композиторъ, который писалъ въ продолженіе всей второй половины прошлаго столѣтія, и такимъ образомъ сочинилъ до *полтора*ста оперъ, и много церковныхъ композицій (между операми его особенною извѣстностью пользуются въ серьезномъ стилѣ *Дидона*, въ комическомъ—*Cecchina* или: *La buona figliuola*). Далѣе существовалъ еще другой Пиччини, (Луиджи, сынъ предыдущаго—прибавлю я) композиторъ, который писалъ легкія оперетки: произведенія этого Луиджи Пиччини были въ большой модѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка и давались на парижскихъ театрахъ. Былъ наконецъ Луиджи Пачини, знаменитый пѣвецъ Буффо, который умеръ въ 1837 году. *Джіованни Пачини*, авторъ «*Ніобы*» «*Послѣдняго дня Помпей*», «*Сафо*» и многихъ другихъ оперъ, сынъ названнаго нами пѣвца Луиджи Пачини, родился въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія, слѣдовательно композиторъ отнюдь не молодой, не новичекъ между композиторами, а равно и не преемникъ Верди». Къ этой длинной исторіи о Пачини и Пиччини, весьма не бесполезной для нашей публики, слѣдуетъ еще прибавить, что *Джіованни Пачини*, авторъ *Сафо*, хотя принадлежалъ постоянно къ огромной толпѣ подражателей Россини, но какъ человѣкъ съ талантомъ, былъ замѣченъ и отличенъ самимъ великимъ маэстро, который даже поручилъ ему окончить одну изъ своихъ оперъ скороспѣлокъ, кажется, *Matilde di Shabran*, что и было исполнено Пачини съ честію.

Сюжету «*Сафо*» какъ-то несчастливится на театрѣ. Многіе драматурги избирали этотъ поэтическій анекдотъ. Есть, на примѣръ, (не пересчитывая всѣхъ) трагедія знаменитаго Грильпарцера (автора *Прародительницы*, *die Ahnfrau*), нигдѣ не имѣвшая особеннаго успѣха. Была опера извѣстнаго композитора и теоретика Рейха, но послѣ двухъ, трехъ представленій въ Парижѣ, (въ двадцатыхъ годахъ) канула въ Лету. Такая же судьба постигла другую новѣйшую оперу на тотъ же сюжетъ, написанную для Віардо молодымъ композиторомъ Гуно (*Gounod*). На итальянской сценѣ за сюжетъ «*Сафо*» принялся композиторъ не безъ таланта, но и не съ особенно замѣчательнымъ дарованіемъ. Что въ немъ главное — отсутствіе оригинальности, это замѣтно для каждаго слушателя хоть сколько нибудь знакомаго съ музыкальными формами, просто сказать, для каждаго обычнаго посѣтителя итальянской оперы. И въ этомъ случаѣ не могу не сослаться опять на статью г. Z. Тамъ очень вѣрно оцѣнено, къ какому разряду оперъ надобно отнести «*Сафо*» и какъ несправедливо было бы требовать чего нибудь серьезнаго, удовлетворенія строгимъ законамъ искусства, и пр. и пр. отъ такихъ эфемерныхъ произведеній,

которыя пишутся для *одного* карнавальнаго сезона и если перебираются за Альпы, то совершенно случайно. Весь процессъ сочиненія такого рода оперъ, какъ Сафо, уловленъ г-мъ Z. какъ нельзя удачнѣе, и сравненіе съ «Сарданапаломъ» Алари, оперою, написанною по тому же рецепту «легкихъ заимствованій» и по своей безтолковости, не имѣвшей успѣха на Петербургской сценѣ (въ 1852) еще болѣе поясняетъ дѣло.

«Въ оперѣ Сафо» говоритъ г. Z. «есть много пріятнаго, много эффектнаго, того, что нравится публикѣ. Опера не скучна, не утомительна, но слушая эту музыку даже съ удовольствіемъ (большимъ или меньшимъ или почти безъ онаго—дѣло вкуса) больше ничего отъ нея и не требуйте: не старайтесь *углубляться* въ ея красоты и содержаніе. При первой попыткѣ къ такому разбору, вы откроете цѣлый рядъ заимствованій, мыслей отнюдь не новыхъ, не принадлежащихъ автору, а взятыхъ имъ отовсюду, гдѣ только можно было взять. Тутъ встрѣтитесь со всѣми вашими старыми знакомыми (Россини, Мейерберомъ и т. д.). Композиторъ возьметъ одинъ, другой мотивъ, вставитъ сюда собственное вдохновеніе, и иногда довольно недурное, свяжетъ все это вмѣстѣ, ловко сгруппируетъ и сдѣлаетъ такимъ образомъ нѣчто эффектное. Главное достоинство оперы Пачини именно то, что въ ней новое и старое примиряются довольно удачно, только весь характеръ этой оперы доказываетъ недостаточность силъ автора создать что нибудь существенное.

Нельзя не быть вполне согласнымъ съ такимъ выводомъ, точно также, какъ нельзя не раздѣлять взгляда г. Z. на дѣятельность и манеру Пачини вообще. Жаль только, что перебирая композиторовъ, которыхъ Пачини «обобралъ» для своей Сафо, г. Z. упомянулъ Бетховена довольно некстати. Очень можетъ быть, что одинъ мотивъ изъ аріи тенора въ 3-мъ актѣ Сафо близко напоминаетъ первые такты вальса извѣстнаго подъ названіемъ: «*Sehnsuchtswalzer*,» спорить объ этомъ сходствѣ не буду, потому что вполне вѣрю г-ну Z., а самъ рѣшительно не припомню мотивовъ аріи Фаона. Но дѣло въ томъ, что *Sehnsuchtswalzer*, произведеніе *вовсе не Бетховена*, совершенно *ложно* ему приписанное. Достоверно извѣстно, что этотъ вальсъ (по крайней мѣрѣ первая его половина) принадлежитъ Францу Шуберту и ничего похожаго на этотъ мотивъ и на это названіе *нѣтъ* въ полномъ спискѣ произведеній Бетховена *.

* Желающіе могутъ справиться съ полнымъ тематическимъ каталогомъ сочиненій Бетховена, изданнымъ у Брейткопфа и Герцеля, а также съ книгою г. Ленца *Beethoven et ses trois styles* vol II.

Читатели видятъ уже, что опера «Сафо» такое блюдо итальянской страши, на которомъ вовсе не слѣдуетъ долго останавливаться. Если одинъ музыкальный рецензентъ взялъ на себя терпѣніе довольно подробно указать всѣ особенно удачныя и особенно неудачныя мѣста въ этой оперѣ и сдѣлалъ это съ полнымъ успѣхомъ, то другому остается только сослаться на этотъ разборъ, если не повторить его отъ слова до слова. Такое перепечатаніе было бы здѣсь неумѣстно, потому что С. Петербургскія вѣдомости у всѣхъ въ рукахъ, а я въ этой статьѣ безъ того уже довольно много пользовался фельетономъ г. Z.

Въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ нумеровъ оперы я не могу согласиться съ г. Z. только въ одномъ пунктѣ: онъ находитъ, что предсмертная импровизація Сафо *граціозна*, но не довольно торжественна, какъ бы требовало положеніе. А я скажу, что это чуть ли не самое слабое мѣсто во всей оперѣ. Это и не граціозно, а просто подслащенная водица! Слабо, какъ большая часть всей оперы.

Великолѣпная постановка «Сафо» на нашей сценѣ и вполнѣ отчетливое, добросовѣстное исполненіе скрадываютъ многія слабыя стороны самой партитуры. Г-жа Тедеско въ главной роли очень на мѣстѣ. Обработанный ея голосъ съ своими энергическими, металлическими звуками, придаетъ особенную выразительность всѣмъ сколько нибудь счастливымъ музыкальнымъ мыслямъ автора, всѣмъ сколько нибудь выдающимся моментамъ драматическаго дѣйствія. Сцена въ храмѣ Аполлона, при отчетливомъ пѣніи и умной игрѣ г-жи Тедеско выходитъ очень эффектна, хотя еще побольше страстности и порыва никакъ не повредили бы дѣлу. Г. Дебассини (Алкандръ) и г. Тамберликъ (Фаонъ) много содѣйствовали успѣху оперы. Въ роли Климены выступила на итальянскую сцену бывшая артистка французской труппы г-жа *Бурде*. Ея голосъ, меццо-сопрано, по свойству, довольно пріятному, заставляеть радоваться увеличенію оперной труппы такимъ приобрѣтеніемъ для *могсеаух d'ensemble*. Но на первый разъ г-жѣ Бурде еще довольно много вредила нѣкоторая робость и непривычка къ широкому оперному пѣнію и огромной сценѣ Большаго театра. Партія Климены вообще, какъ мнѣ показалось, превышаетъ средства г-жи Бурде. Эта роль второй примадонны, какъ наримѣръ, г-жи Маррай. Хоры шли превосходно, и тутъ нельзя не замѣтить вліяніе опытнаго ихъ дирижера, г. Дюча. Хоры въ новѣйшихъ операхъ итальянскаго репертуара составляютъ такую важную часть всей пьесы, что нельзя довольно нарадоваться, что и съ этой стороны у насъ постановка оперъ блистательна.

Другая новая опера: *Сивардъ Саксонецъ*, соч. Верди, имѣетъ сюжетомъ одну изъ самыхъ глубокихъ и всесвѣтно знаменитыхъ драмъ Шек-

спира. На итальянской сценѣ эта фантастическая опера въ четырехъ актахъ, уже лѣтъ шесть пользуется громкою славою въ Италиі и очень любима и у насъ, въ Одессѣ. Еще не слышавъ оперы, не зная отсюда ни одного такта, я всегда думалъ, что эта драма (Macbeth) слишкомъ серьезна и слишкомъ кровава для оперной сцены, и по самой основѣ своей, вовсе не музыкальна. Съ другой стороны мнѣ было жалко, досадно, зачѣмъ маэстро Джузеппе Верди такъ дерзко и самоувѣренно положилъ руку на одно изъ лучшихъ созданій перваго драматическаго поэта въ свѣтѣ! Мало развѣ было для синьора Верди репертуара драмъ Гюго и Дюма! Нѣтъ! хватился и за Шиллера (I Masnadieri, Luisa Miller) а теперь и за Шекспира! Съ предубѣжденіемъ пошелъ я въ оперу, прослушалъ ее очень внимательно, провѣрилъ свои впечатлѣнія, и результаты этой повѣрки постараюсь теперь передать вамъ, какъ сумѣю. «Summa summagum» я нашелъ въ Верди несравненно больше таланта, чѣмъ обыкновенно полагалъ, судя по другимъ его операмъ, въ которыя, признаюсь, даже и не вслушивался никогда порядкомъ, такъ онѣ мнѣ были антипатичны. Теперь же, нисколько не призадумавшись сказать, что собственно музыкальная жилка несравненно богаче въ Верди, чѣмъ въ другихъ новѣйшихъ итальянскихъ композиторахъ. Верди писатель съ неотъемлемымъ талантомъ, все дѣло только въ томъ, что онъ, какъ итальянецъ, прямо подъ вліяніемъ современнаго вкуса публики, а современный этотъ вкусъ въ Италиі и во Франціи, да кажется, и въ цѣломъ свѣтѣ неразлученъ съ какою-то особеннаго рода пошловатостью и пристрастіемъ къ ложнымъ, внѣшнимъ эффектамъ музыки балетной, танцевальной, сильно разившейся въ последнее десятилѣтіе.

Случалось ли вамъ, читатель, видѣть гдѣ нибудь на провинціальной сценѣ молодого и даровитаго трагическаго актера, который, со всѣмъ пыломъ юности и любви къ своему дѣлу, горячо возьмется за роль, напримѣръ, Гамлета, возьмется съ твердымъ намѣреніемъ сыграть на славу, перещеголять Мочалова и Каратыгина, которыхъ, быть можетъ, и не видалъ. Врожденная способность указываетъ ему особенно—выдающіяся мѣста чудесной драмы, онъ увлекается ими, но вкусъ его не развитъ, способность не осмыслена глубокимъ изученіемъ великихъ образцовъ, примѣры передъ его глазами втиснули его, быть можетъ, безъ вѣдома въ самую дужинную рутину, и онъ впадаетъ въ непрерывныя преувеличенія, то некстати кричитъ и бѣснуетъ, то шепчетъ едва слышно, становится подъ часъ каррикатурень, подъ насъ ничтоженъ, потому что пропускаетъ безъ вниманія все, гдѣ нѣтъ мелодраматическихъ ядовъ и княжаловъ, и гдѣ иногда у Шекспира кроется самая глубина философіи, однимъ словомъ, при всей врожденной способности—искажаетъ

роль. Мнѣ кажется, что это довольно схожій портретъ Верди и его отношенія къ пьесѣ Шекспира. Это особенно не обидно для Верди, потому что даже исполнѣ Россини въ своемъ «Отелло» иногда тоже сбивается на такого-же провинціального Гамлета. Это даже и не индивидуальная ихъ сторона, а вина всего поворота итальянской оперной музыки и всей натуры итальянцевъ въ отношенія къ драмѣ и къ поэзіи вообще. Россини выкупилъ свой грѣхъ противъ Шекспира такими безсмертными мелодіями, какъ пѣня гондольера и романсъ Дездемоны, такую сверкающею красотою, какъ въ дуэтѣ Отелло и Яго и во многихъ другихъ мѣстахъ оперы. Но вѣдь это Россини! такого генія драматическая музыка еще не скоро дождется. Уже при Беллини и Доницетти формулы итальянской музыки начали мельчать и опошляться больше и больше отъ сближенія съ пошловатыми ритмами обыденной танцевальной музыки. Съ другой стороны вліяніе «неистовой» романтической школы во Франціи, въ эпоху Гюгô и Дюма, пагубно отразилось на мелодраматической, *преувеличенной* декламациі позднѣйшихъ итальянцевъ (начиная съ Доницетти) и на всѣхъ ложныхъ эффектахъ, столько же въ свою очередь принятыхъ, условныхъ и слѣдовательно несносныхъ, какъ и старинныя ходульныя трагедіи и ихъ исполнители псевдо-классической эпохи. Недостатки и преувеличенія и пошловатость въ операхъ Доницетти (серьезныхъ) выросли до вполне-сформированной системы въ операхъ Верди, который какъ будто рожденъ, чтобъ быть типомъ композитора *трагическихъ* оперъ итальянскаго стиля нашего времени, — времени упадка искусства, или по крайней мѣрѣ, эпохи неопредѣленной, переходной. Мелодіи нынѣшнихъ итальянцевъ или избитая итальянская кантилена à la Доницетти (т. е. иногда искаженный Россини, иногда переслащенный Беллини), съ постояннымъ впаданіемъ въ одни и тѣже обороты фразъ, такъ, что нѣтъ никакой возможности запоминать или различать эти мелодіи, чрезвычайно похожія одна на другую, или преувеличенная, пересиленная декламациія почти безъ всякаго мелодическаго интереса, но и безъ истиннаго драматизма, т. е. безъ особенной красоты и безъ особенной правды выраженія, или наконецъ, просто танцевальныя мелодіи во вкусѣ нынѣшнихъ полекъ, полекъ-мазурокъ, кадрилиныхъ фигуръ въ $\frac{6}{8}$, и т. д. Пошловатость всего этого вѣстѣ дошла до крайнихъ предѣловъ, и вотъ стихія, изъ которой синьоръ Верди еще неосвободился. Между тѣмъ никакъ нельзя не видѣть въ этомъ композиторѣ поразительной доли музыкальнаго воображенія, иногда исполненнаго сильной энергіи, порядочнаго запаса довольно-свѣжихъ гармоническихъ и даже мелодическихъ мыслей, которымъ только убійственная рутинна и дурно-направленный вкусъ не даютъ настоящаго развитія. Однимъ словомъ, талантъ замѣтенъ вездѣ, какъ и въ на-

шемъ провинціальному Гамлетъ. Нельзя также не видѣть въ Верди многихъ похвальныхъ стремленій—напримѣръ, стремленія придать какъ можно больше жизни хорамъ, стремленія быть по возможности рѣзко-характеристичнымъ: отдѣлять, обрисовывать хотя нѣкоторыя, особенно-замѣчательныя драматическія положенія и обрисовывать при пособіи всѣхъ *нынѣшнихъ*, богатыхъ средствъ гармонизаціи и оркестровки... Во всей оперѣ, о которой идетъ у насъ рѣчь, распорядокъ сценъ довольно-близокъ къ Шекспировскому оригиналу. Не знаю, заслуга ли это самаго Верди, или его либреттиста (человѣка, какъ видно толковаго), знаю только, что это—успѣхъ нашего времени и немаловажный. Стоитъ припомнить либретто Россиніевского Оттелло, гдѣ Шекспировская пьеса искрошена безъ всякаго милосердія, изуродована варварски, и безъ малѣйшаго выигрыша со стороны музыкальной, потому-что безтолковость, запутанность либретто чрезвычайно вредитъ оперѣ. Припомните такое-же искаженіе Шекспировой «Ромео и Джульеты» въ оперѣ Беллини. У Верди, напротивъ, передъ нами проходитъ рядъ сценъ, какъ нельзя больше пластическихъ, понятныхъ (предполагая конечно, что всѣ мы хорошо знакомы съ Шекспировскою пьесою)—*всѣ* главные моменты дѣйствія сохранены безъ искаженія; прислушиваясь къ тексту, можно найти даже всѣ особенно-выдающіяся фразы оригинала... Впрочемъ, этого лучше не дѣлать: иначе какъ-то неловко станетъ, наряду съ цвѣтами итальянскаго краснорѣчія встрѣтить вѣчно-памятныя, завѣтныя выраженія Шекспира въ такомъ видѣ:

«Il sonno per sempre, Glamis, uccidesti!

Non v'è che vigilia, Caudore, per te! *)

или: Arabia intera rimondar si piccol mano

Co'suoi balsami non puo!»

Особенно, не забудьте, что музыка Верди никакъ не увеличиваетъ, не усиливаетъ такихъ мыслей, а конечно, ослабляетъ ихъ, портитъ.

Но это уже другой вопросъ, вопросъ по силамъ ли Верди была такая задача, или вообще, требовалось ли положить на музыку эту бессмертную драму въ формѣ итальянской оперы? А уже если она выбрана опернымъ сюжетомъ, то *возможно*—близкое сходство либретто съ оригиналомъ, одно изъ первыхъ условій, и если оно выполнено довольно-исправно, тѣмъ больше чести авторамъ.

* Вторая строчка—*прибавка* итальянскаго либреттиста, и искажаетъ глубокий смыслъ первой.

Прослѣдимъ всю оперу въ главныхъ чертахъ.

Небольшая прелюдія, гдѣ сначала странные фантастическіе звуки довольно-удачно рисуютъ въ воображеніи вѣдьмъ, которыя принимаютъ такое страшное участіе во всей драмѣ, а потомъ то жалобная, то энергическая музыка заимствована изъ сцены лунатизма въ послѣднемъ актѣ. Какъ прелюдія, эта музыка довольно-хорошо готовится къ дѣйствію на сценѣ. Завѣса поднимается: открытое поле, громъ и молнія; являются три вѣдьмы. Такъ у Шекспира, точно такъ и въ оперѣ. Только вмѣсто *трехъ*, являются *три хора* вѣдьмъ, одинъ за другимъ. Фантазія музыканта бываетъ капризна, и ни въ какомъ случаѣ ее нельзя строго учитывать и размѣрять. Воображеніе Верди требовало хора, а не единичнаго пѣнія, но поэтическая мысль Шекспира много пострадала отъ этого музыкальнаго измѣненія. Какъ-то странно видѣть такое большое скопище, цѣлую толпу, именно старухъ-вѣдьмъ, и это множество ихъ лишаетъ сцену того колорита таинственности, который у Шекспира тутъ на первомъ мѣстѣ. Притомъ же, казалось бы что и съ музыкальной стороны, и для всѣхъ «предсказаній» очень бы довольно было *трехъ* единичныхъ голосовъ, то отдѣльныхъ, то слитныхъ въ одномъ фантастическомъ аккордѣ. Не знаю также, почему Верди не воспользовался указаніемъ Шекспира, что при самомъ поднятіи завѣсы, вдалькѣ идетъ сраженіе. Это было очень возможно для музыки, даже и въ *соединеніи* съ пѣніемъ вѣдьмъ Ихъ вступительный хоръ не лишень характера фантастическаго, но и не безъ пошловатости, вообще не рельефенъ, не довольно страшень и оставляетъ мало впечатлѣнія. Приходятъ полководцы, Сивардъ и Банко. Вѣдьмы обѣщаютъ корону самому Сиварду и потомству его товарища, Банко; небольшой дуэтъ ихъ обоихъ (баритонъ и басъ). Музыка всей этой сцены недурна, не грѣшитъ противъ драматической правды, но и не особенно поразительна. Вся сцена проходитъ довольно ровно. По уходѣ полководцевъ, вѣдьмы опять собираются хоромъ, но ихъ хоръ (конецъ интродукціи) здѣсь уже почти совсѣмъ безхарактеренъ, безцвѣтенъ. Перемена декораціи: Входитъ супруга Сиварда, (опять какъ у Шекспира) съ письмомъ отъ мужа въ рукахъ. Эта сцена тревожнаго волненія, возбужденнаго предсказаніемъ вѣдьмъ, врядъ ли вполне доступна выраженію музыкальному— у Верди здѣсь вышла женская бравурная арія по обыкновенной мѣркѣ. Характеръ супруги Сиварда, столь важный для пьесы, музыкою почти не обрисованъ вовсе. Между *andante* и *allegro* аріи, Леди Сивардъ получила извѣстіе, что у нихъ въ замкѣ желаетъ переночевать высоко-вельможный гость. Кровавый планъ мелькнулъ уже въ головѣ супруговъ. Речитативъ здѣсь довольно вы-

разительнѣе при всей краткости сцены. Маршъ сначала издали, потомъ вблизи, прибытіе знатнаго гостя. Верди не задумывается надъ такими вещами, — первая попавшаяся идея въ ритмѣ марша (здѣсь $\frac{6}{8}$) вотъ и дѣло кончено. Музыка здѣсь такая, что какъ будто мы все слышали ее по сту разъ; оркестровано шумно, но не черезчуръ. Особенно удачно и красиво вышло даминуендо. Гостя проводили его въ опочивальню. Начинается большая ночная сцена между хозяевами замка; сперва Сивардъ одинъ; онъ колеблется, потомъ съ книжкою въ рукахъ вбѣгаетъ въ опочивальню гостя. Намбреній болѣе или менѣе драматическихъ, подробныхъ, разрывочныхъ здѣсь у Верди довольно. Все это ночное убійство, съ такою ужасающею правдою воплощенное Шекспиромъ—въ музыкѣ, опять по очень понятнымъ причинамъ, вышло не сильно. А жаль! Эта сцена, хотя быть можетъ черезчуръ кровавая для оперы, могла быть превосходно передана музыкою, со стороны этихъ страшныхъ, тайныхъ голосовъ, которые слышатся Сиварду и женѣ его среди безмолвія ночнаго. У Верди забыто ни одной реальной подробности: есть и крикъ совы, и колоколь, но нѣтъ — *общаго настроенія*, которое одно должно быть настоящимъ результатомъ музыки. Дуэтъ супруговъ, послѣ совершенія убійства, обработанъ композиторомъ «*con amore*» и чрезвычайно понравился публикѣ—но... формы и формулы итальянской оперной музыки слишкомъ мало отвѣчаютъ требованіямъ такого сюжета, оттого впечатлѣніе, даже при отличномъ исполненіи, не можетъ быть удовлетворительно. Первый актъ кончается большимъ *troupeau d'ensemble*, общій ужасъ по обнаруженіи злодѣяства. Здѣсь опять, по принятому синьоромъ Верди обычаю (какъ въ Эрнани, напимѣръ), довольно длинная, но эффектная часть *adagio*, для однихъ голосовъ (секстетъ съ хоромъ) безъ оркестра. Голоса ведены красиво. Заключительное *allegro*, какъ всегда, *очень* шумно, но къ счастью коротко.

Во второмъ дѣйствіи хоръ (?) наемныхъ убійцъ которымъ поручено Сивардомъ лишить жизни полководца Банко, бывшаго его товарища. Въ хорѣ этомъ довольно красивомъ, въ обще-итальянскомъ вкусѣ, но довольно бессмысленномъ со стороны драматической, замѣчательна оркестровка: очень простая фигура альтовъ сдѣлана постояннымъ акомпаниментомъ и выступаетъ довольно эффектно. Въ сценѣ убійства Банко (въ тѣсѣ) онъ самъ, ничего не зная о приказаніи Сиварда, выражаетъ свое тайное предчувствіе въ *adagio*, въ родѣ элегическомъ, весьма недурномъ съ вокальной стороны. Только что онъ и сынъ его, отрокъ, скрылись за деревьями, слышны стоны умирающаго, и отрокъ бѣжитъ отъ преслѣдующихъ его убійцъ. Все это въ порядкѣ сценъ похоже на Шекспира.

Остальную часть второго акта занимает пиръ Сиварда, на которомъ страшнымъ мстителемъ является ему тѣнь только что убитаго Банко. Музыка пира не блеститъ оригинальностью, также какъ и задравная пѣснь (Brindisi) супруги Сиварда, хотя довольно красивая. Въ сценѣ окровавленнаго привидѣнія, которое вдругъ появляется за столомъ, на главномъ мѣстѣ, вдохновенія, Верди гораздо счастливѣе. Мелодія определенной здѣсь пѣть (да и быть ей не слѣдовало), но въ этой изступленной декламации Сиварда есть что-то близкое къ правдѣ, по крайней мѣрѣ, музыка эта не въ разногласіи съ своею задачею и приводитъ въ волненіе. Конечно, много, слишкомъ много тутъ надо приписать самой пьесѣ, этому богатому и глубокому вымыслу, котораго тайна далась, кажется, *одному* Шекспиру. Контрастъ между этою ужасною сценою и возобновленіемъ пира, одно изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ оригинала, которые очень благоприятны для музыки. Но по моему мнѣнію, Верди здѣсь воспользовался далеко не всею, что представляла ему поэтическая задача. Тутъ невольно придетъ въ мысль умъ Мейербера. У него такая сцена непременно вышла бы сильною. Контрасты, антитезы—его настоящая стихія. У Верди послѣ двукратнаго появленія тѣни Банко, музыка этого акта оканчивается квартетомъ (Сивардъ, жена его, одна изъ пирующихъ дамъ, Макдуфъ) съ хоромъ. Это Largo, довольно красивое въ голосахъ, но безъ определенного драматическаго характера, и по самому свойству медленнаго мѣрнаго движенія не довольно выгодно подводитъ къ опущенію завѣсы и совершенно охлаждаетъ впечатлѣніе сцены съ призракомъ.

Третій актъ самый занимательный для глазъ, — это сцены въ пещерѣ вѣдьмъ, сцены привидѣній, въ параллель волчьей долины во Фрейшицѣ;—и весьма недурной по музыкѣ, потому что фантастическое довольно удается маэстро Верди. Интродукція акта, хоръ вѣдьмъ, которыя варятъ въ огромномъ котлѣ свои адскія снадобья. Отголоски изъ этой музыки были слышны въ прелюдіи передъ началомъ оперы. Мысль этого тройственнаго хора вѣдьмъ проведена композиторомъ очень последовательно, какъ и въ цѣлой оперѣ. Жаль только, что встрѣчаются тутъ фразы до крайности пошловатыя и слишкомъ знакомыя въ оборотахъ.

Оркестровка мѣстами очень эффектна, хотя понятно, что тутъ не безъ заимствованій изъ Вебера и, еще больше изъ его продолжателя со стороны фантастической—Мейербера. Входитъ Сивардъ, и, послѣ вопроса: *Che fate voi misteriore donne?* и отвѣта вѣдьмъ: *un' orga senà nome*, заклинаетъ вѣдьмъ открыть ему будущее. Вѣдьмы исполняютъ это, вызывая цѣлый рядъ призраковъ, которые, одно за другимъ, въ таин-

ственныхъ угрозахъ предрекаютъ Сиварду его судьбу. Всѣ привидѣнія и всѣ ихъ предсказанія взяты изъ Шекспира *слово въ слово*. Что касается до музыки, то она довольно въ согласіи съ текстомъ. Предвѣщанія привидѣній, призраковъ, тѣней, оракуловъ по слѣдамъ Глука получили въ музыкѣ почти стереотипную формулу. Это декламация на одной, неизмѣнной нотѣ, съ сопровожденіемъ аккордовъ медленно чередующихся въ гармоніи, болѣе или менѣе фантастической. Такъ гласитъ оракулъ и поютъ духи тартара, въ «Альцестѣ» Глука, такъ поетъ Донъ-Жуану статуя командора у Моцарта—такъ поетъ хоръ невидимыхъ демоновъ въ волчьей долині, такъ отвѣчаетъ Наина на распросы Фарлафа (въ оперѣ: Русланъ и Людмила). Это сдѣлалось уже общимъ достояніемъ композиторовъ, и некстати было бы здѣсь упрекать Верди въ заимствованіи, хотя многіе изъ отвѣтовъ привидѣній чрезвычайно близко, даже самымъ паденіемъ фразы, напоминаютъ «командора». Самое лучшее оправданіе для Верди въ этомъ случаѣ, сходство нѣкоторыхъ фразъ его *въдѣмъ* съ фразами «Наины» въ Русланѣ (даже въ послѣдованіи аккордовъ), хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Верди не знаетъ оперы М. И. Глинки. Пѣніе самого Сиварда въ его обращеніи къ тѣни Банко, (которая и здѣсь, въ пещерѣ, страшнѣе для него всѣхъ другихъ,) эта кантилена вышла довольно плоска, какимъ-то декламационнымъ общимъ мѣстомъ. Вздволнованный страшнымъ предрѣченіемъ, Сивардъ падаетъ на землю безъ памяти, и чтобъ возвратить его къ жизни, чтобъ успокоить его истерзанную душу, колдуньи наводятъ на него волшебный сонъ. Пещера озаряется крошечнымъ голубымъ сіяніемъ, свѣтлыми облаками; на нихъ, и среди ихъ появляются ундины и сильфы въ граціозныхъ группахъ. Мысль этой поэтической сцены заимствована также изъ Шекспира и довольно удачно. Воздушные танцы при волшебной декорации и при незатѣйливой, но истинно-граціозной музыкѣ этого «*chœur dansé!*» (колдуньи своимъ пѣніемъ аккомпанируютъ балету) не могутъ не произвести самаго пріятнаго, отраднаго впечатлѣнія, особенно послѣ мрачныхъ, кровавыхъ предыдущихъ сценъ. Расчетъ простой, но вѣрный, и всегда увѣнчивается полнымъ успѣхомъ. У насъ эта сцена, великолепно поставленная, необыкновенно всѣмъ понравилась. Послѣ балета, вѣльмы исчезаютъ вмѣстѣ со всѣми видѣніями. Сивардъ пробуждается одинъ, въ темной пещерѣ. Аріей его, короткой и довольно-энергической, оканчивается третій актъ.

Въ послѣднемъ—сначала хоръ, выраженіе общей грусти и печали народа отъ притѣсенной тирана Сиварда, хоръ, какъ почти всегда у Верди, въ двухъ частяхъ: въ минорѣ и потомъ въ мажорѣ. Музыка здѣсь ничѣмъ особенно не замѣчательна. Затѣмъ арія Макдуфа (тено-

ра) элегическое *adagio*. О его правдѣ драматической можно судить изъ того, что слышавъ эту арію въ первый разъ, и не зная ея текста, я нашелъ тутъ выраженіе тихой грусти влюбленнаго, или что-то въ этомъ родѣ. Оказывается, что дѣло идетъ о глубокой тоскѣ и печали Макдуфа, потому что Сивардъ, чрезъ наемныхъ убійцъ, лишилъ его жены и дѣтей. Этого бы нельзя и *ожидать* по музыкѣ, элегической, правда, но въ самыхъ общихъ чертахъ, и, главное, слишкомъ мягкой, кроткой для такого трагическаго положенія. Перемѣна декораціи: замокъ Сиварда, покой его супруги. Прелюдія въ оркестрѣ подготавливаетъ сцену лунатизма тѣми же звуками, которые уже были слышны въ первой прелюдіи. Въ самой сценѣ лунатизма есть отлично-хорошія намѣренія, но цѣлое — не совсѣмъ удачно. Тутъ всего больше видно, какъ не под силу таланту Верди, хотя огромному, борьба съ такимъ исполномъ, какъ Шекспиръ. Тутъ всего досаднѣе становится, *зачѣмъ* эта чудная драма превращена въ итальянскую оперу!

Заключительныя сцены: «приближеніе бирнамскаго лѣса», предсказанное Сиварду въ пещерѣ вѣдьмъ и теперь совершающееся, сраженіе и смерть Сиварда — несравненно удачнѣе. Музыка сраженія отчасти напоминаетъ хоръ изъ Нормы: *guerra, guerra*, впрочемъ, это мѣшаетъ ей быть очень хорошею. Тутъ есть характеръ дикой воинственности и чего-то рѣшительнаго, что и требовалось сюжетомъ. Смерть Сиварда подъ мрачные звуки, въ родѣ похороннаго марша, оканчиваетъ оперу. Такого рода трагическій финаль (какъ напримѣръ и въ *Отелло*) по моему мнѣнію, невыгоденъ для оперы. Большая симфонія, которая бы окончилась отрывочными минорными звуками, непремѣнно оставила бы тоже впечатлѣніе неудовлетворительное. Въ музыкѣ, для конца большой оперы почти непремѣнно нужно торжество, ликованіе, гдѣ бы элементы пришли къ своему окончательному примиренію. Иначе все какъ будто еще нѣтъ конца, все еще чего-то недостаетъ. Впрочемъ, бывали примѣры оперъ и знаменитыхъ, съ чисто-трагическимъ окончаніемъ (*Армида—Глука, Медея—Керубини* и другія).

Изъ разбора этого, читатель, даже не слышавшій оперы «Сивардъ», увидитъ, что музыка здѣсь вообще очень замѣчательна, мѣстами эффектна, красива, но что равновѣсія ея съ поэтической задачей Шекспировскаго текста и искать не слѣдуетъ. Верди, какъ ожидать надобно, можетъ написать оперы и на *Гамлета*, и на короля *Лира*, и на *Коріолана*, и оперы эти могутъ выдти довольно замѣчательны и занимательны, но переложеніемъ Шекспировыхъ идей на музыкальный языкъ конечно *не будутъ*, потому что для этого слишкомъ многого требуется, чего почти нельзя спрашивать отъ итальянскаго композитора. Пошлова-

тость всей «закваски» ихъ оперъ никакъ неполадить съ поэзію Шекспира.

Объ исполненіи оперы Сивардъ на нашей сценѣ скажу немного словъ, и безъ того разборъ мой вышелъ черезъ чуръ длиненъ. Если отъ самого Верди не слѣдуетъ требовать равновѣсія съ выбранною имъ задачею, то тѣмъ меньше слѣдуетъ требовать *высоко-трагической* игры отъ оперныхъ пѣвцовъ, хотя бы столько даровитыхъ и образованныхъ, какъ г-жа Тедеско и г. Дебассини: имъ поручены главные роли пьесы. Прекрасный голосъ, прекрасная наружность, отчетливая игра, отчетливое пѣніе обоихъ артистовъ очень гармонировали, если не съ драмой Шекспира, то съ музыкой Верди и съ тѣмъ, какъ вся пьеса осуществлена на нашей оперной сценѣ. Роль Сиварда принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ лучшимъ и самымъ эффектнымъ въ репертуарѣ г. Дебассини. Въ небольшой роли Макдуфа, г. Беттини былъ очень на мѣстѣ и арію свою, въ послѣднемъ актѣ, спѣлъ такъ хорошо, что публика потребовала повторенія. Голосъ этого артиста—теноръ, самаго нѣжнаго свойства, въ родѣ нашего русскаго тенора г. Булахова, только еще болѣе кроткій, матовый (voilé). Надо однако пожелать г. Беттини побольше одушевленія въ сценѣ финала 1-го акта, когда онъ, въ смятеніи выбѣгаетъ изъ опочивальни вельможнаго гостя, убитаго Сивардомъ и восклицаетъ: «оггоге! оггоге! оггоге!» Слова эти прозвучали въ устахъ г. Беттини до нельзя холодно, равнодушно. Партіи другихъ лицъ слишкомъ незначительны въ этой оперѣ, кромѣ, быть можетъ, еще роли Банко, которую очень хорошо выполнилъ г. Тальяfico. Постановка оперы такъ тщательна (декораціи и костюмы много напоминаютъ извѣстные рисунки Рецша къ этой драмѣ и, при увлекательности самой пьесы, такъ эффектна, что даже независимо отъ музыки, опера эта постоянно будетъ привлекать зрителей; музыка же, какъ я сказалъ, большинству очень нравится, и опера имѣетъ блистательный успѣхъ.

А. СВРЮЪ.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Подраздѣленіе времени года у разныхъ народовъ.—Обычай новаго года: визиты стихотворныя поздравленія.—Одинъ изъ образцовъ стихотворныхъ поздравленій и нѣчто при этомъ о вечерахъ Благороднаго Собранія.—Извѣстіе о визитныхъ карточкахъ новаго рода.—Женщина-великанша.—Новые подарки къ новому году.—Потипоманическія лампы Кумберга.—«Статистико-географическая таблица» г. Артемовскаго.—Маскерады и концерты.—Университетскіе концерты.—Прощальный концертъ г. Чарди.—Драматическія новости.—«Ветеранъ и новобранецъ», г. Писемскаго.—Бенефисы гг. Лемениль, Мондидье и Мора: «Оселокъ», комедія въ 5 дѣйствійхъ, «Двадцати-лѣтніе философы», «Молодость Лудовика XIV», комедія; «Маркитантка», пьеса г. Кукольника въ нѣмецкомъ переводѣ.—Успѣхи малолѣтней артистки на Михайловскомъ театрѣ.—Открытіе новаго Цирка въ Петербургѣ.—Музыкальныя пьесы и пять маршей жены Омера-Паши.—Краткая исторія Общины Сестеръ Милосердія.—Повѣдка г. Тимма въ Крымѣ.—Дѣятельность нашей Американской компаніи.—Юбилей Н. И. Греча.—Рѣчи и стихи юбилея.—Библиографическій очеркъ юбиляра.—Петербургскія моды.

Вотъ наконецъ наступилъ и новый годъ, первый день котораго многіе ожидаютъ съ какимъ-то нетерпѣніемъ, позабывая, что онъ, прежде всего прочаго, еще немного поближе подвинетъ насъ къ старости. Помня только о томъ, что новый годъ можетъ быть счастливѣе для нихъ, чѣмъ прошедшій, чающіе благополучныхъ переменъ, съ нетерпѣніемъ и чуткою акуратностью поджидаютъ приближенія часовой стрѣлки къ послѣдней минутѣ полуночи, и привѣтствуютъ секунды перваго часа залпомъ шампанскаго и громкихъ поздравленій. Нѣкоторые нарочно стараются отогнать отъ себя всякія хлопоты и непріятности, страшатся карточного проигрыша, дружескихъ ссоръ, семейныхъ непріятностей, печальныхъ вѣстей, въ томъ предположеніи, что весь слѣдующій новый годъ долженъ пройти при тѣхъ же жизненныхъ условіяхъ, при какихъ застала насъ первая его минута. Счастливы живущіе надеждою; желаемъ всѣмъ имъ всего лучшаго. Всѣ дѣлѣютъ эти сладостныя мысли съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ раздѣленіе всего времени года на извѣстные части, а онѣ существуютъ давно, почти съ самыхъ первыхъ вѣковъ. Первою единицею, принятою для подраздѣленія годичнаго времени, почитались всегда *сутки* или *день*, и вотъ какъ его различно раздѣляли народы древняго міра: Іудеи и Римляне дѣлили день на четыре части, считая первый часъ отъ восхожденія солнца и кончая день закатомъ; имъ подражали Вавилоняне, Сирійцы, Персы и новыя

Греки, межъ тѣмъ какъ древніе Аѳиняне, Китайцы и древніе Италіяны начинали день наоборотъ — отъ захода солнца; Арабы — съ полудня, Египтяне — съ полуночи. Вторая единица времени, недѣля, не была такъ разнообразна, и различалась только названіемъ дней. Такъ египетскіе астрологи именовали дни известными имъ планетами: Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ, Солнцемъ, Венерой, Меркуриемъ и Луною, и полагали, что каждая изъ нихъ управляетъ однимъ изъ двадцати-четырехъ часовъ сутокъ. Тоже самое можно замѣтить и у Французовъ, и если принять въ соображеніе древнее названіе дней— di—Jups, di—mars, di—merceres, di—vendres, di—sate, di—menge, то это предположеніе окажется очень правдоподобнымъ. Два дня недѣли англійскаго календаря также удержали свое названіе отъ планетъ: sunday (воскресенье) отъ Солнца, monday (понедѣльникъ) отъ Луны. Прочіе: tuesday, wednesday, thursday, friday получили свое названіе изъ сѣверной мифологіи, а послѣдній — saturday, отъ планеты. Тоже самое замѣтно и въ нѣмецкихъ: Sontag, Montag, Dienstag, Donnerstag, Freytag. Наименованія нашихъ русскихъ дней заимствованы отъ порядка, по которому они слѣдуютъ за первымъ днемъ седмицы, воскресеньемъ, и только одна суббота осталась отъ еврейскаго языка; такъ, напримѣръ: понедѣльникъ, первый день послѣ начатія недѣли, вторникъ — второй, среда — середній въ недѣлѣ, четвертокъ — четвертый, пятница — пятый. За недѣлями слѣдуетъ третья единица годичнаго времени, мѣсяць, котораго названіе во всѣхъ европейскіхъ языкахъ происходитъ, кажется, отъ греческаго слова *μήνη*, особенно въ англійскомъ — (moon — луна, month — мѣсяць.) Подраздѣленіе мѣсяцевъ у разныхъ народовъ тоже было различно. Египтяне полагали всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ равными, прибавляя къ нимъ по окончаніи года пять дней дополнительныхъ; Греки шесть мѣсяцевъ считали въ тридцать дней, а остальные въ двадцать-девять и уже гораздо послѣ прибавили недостающіе одиннадцать дней. Основываясь на свидѣтельствѣ Варрона, Светонія и Цензорина, можно допустить, что годъ Римлянъ, при Ромулѣ, состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ, изъ которыхъ первый, въ честь бога Марса, называли мартомъ, второй апрѣлемъ, отъ латинскаго слова *aperire* (отверзать), въ ознаменованіе того, что въ это время земля, разверзая свои нѣдра, становится способною къ плодородію; май посвященъ былъ Майѣ, матери Меркурія, июнь принялъ названіе въ честь Юноны; прочіе мѣсяцы носили именованіе числительное. Наименованіе мѣсяцевъ у Римлянъ подвергалось разнымъ измѣненіямъ, потому что многіе императоры, какъ-то: Тиберій, Клавдій, Неронъ, Домиціанъ старались посредствомъ ихъ увѣковѣчить свое имя; но только двумъ изъ нихъ, Августу и Юлію Цеза-

рю, по имени котораго *квинтиль* былъ переименованъ въ июль, удалось украсить своими именами прежніе римскіе мѣсяцы. Юлій Цезарь, носившій званіе римскаго первосвященника, желая исправить безпорядокъ, существовавшій въ подраздѣленіи годичнаго римскаго времени, рѣшился наконецъ заняться правильнымъ подраздѣленіемъ гражданскаго года, и поэтому вызвалъ изъ Александріи астронома Солисена, который и положилъ основаніе такъ называемому юліанскому календарю. Сохраненіе этого календаря было ввѣрено жрецамъ, но они вскорѣ опять испортили его подраздѣленія, и только Августъ возстановилъ его въ прежней цѣлости. Образчиковъ этого перваго римскаго календаря не сохранилось, и только изъ сочиненій Геминія и Петавія видно, что январь посвященъ былъ Юнонѣ, февраль Нептуну, мартъ Минервѣ, апрѣль Венерѣ, май Апполону, июль Меркурію, июль Юпитеру, августъ Церерѣ, сентябрь Вулкану, октябрь Марсу, ноябрь Діанѣ, декабрь Вестѣ. Названіе римскихъ мѣсяцевъ, послѣ ихъ исправленія, перешло во всѣ европейскіе календари, также и въ нашъ, хотя Славяне имѣли свои хорошія наименованія мѣсяцевъ, а Карлъ Великій составилъ для нѣмцевъ также очень выразительныя наименованія. Грегорианское преобразование Юліанскаго календаря папою Григоріемъ XIII, показывающее глубокую ученость произведшаго его калабрійца Лиліо, произошло послѣ Никейскаго Собора и не вдругъ было принято даже во многихъ католическихъ государствахъ. Въ Римѣ приняли его тотчасъ же послѣ папскаго декрета, въ 1582 году, но въ католической Германіи только черезъ два года, и то, по настоянію императора Рудольфа II; въ протестантской Германіи въ 1600 году, равно какъ и въ Швейцарскихъ кантонахъ, принужденныхъ къ тому оружіемъ и денежными пенями; въ Англіи въ 1752 году. Начало новаго года праздновалось различно. Во Франціи, во времена Карломана, начинали годъ днемъ Рождества Христова, 25 декабря, до Карла IX, который, декретомъ 1563 года, постановилъ празднованіе 1 января. Иногда начинали даже новый годъ во Франціи (около 755 г.) то съ 1 марта, то со дня Пасхи, въ XII и XIII столѣтія. Германія начала праздновать новый годъ съ 1 января въ 1500 г., Англія въ 1752. Въ первыя времена христіанства новый годъ праздновали у насъ съ 1 марта, потомъ съ 1 сентября и наконецъ, въ 1700 году, также съ 1 января. И такъ вотъ краткій очеркъ исторіи того пространства времени, въ которое мы такъ недавно вступили и которое каждому изъ насъ суждено проходить не совѣмъ одинаково: инымъ въ полномъ благополучіи, а другимъ:

Съ радостями *темными*, съ *свѣтлыми* печалами.

День Нового года для всѣхъ насъ день великій, и особенно *велико-хлопотливый*; у кого изъ насъ нѣтъ знакомыхъ, родныхъ и друзей, которыхъ необходимо поздравить; у кого нѣтъ такихъ домовъ, въ которыхъ можно возобновить давно-покинутое знакомство, благодаря могущественному обычаю всеобщаго поздравленія. Визитныя карточки, печатныя объявленія о поздравленіи, всѣмъ извѣстны, слѣдовательно объ нихъ распространяться нечего. Скажемъ только для иногородныхъ нашихъ подписчиковъ, о поздравленіяхъ *особеннаго* рода, которыя, быть можетъ, неизвѣстны во многихъ нашихъ провинціальныхъ городахъ. Эти особенныя поздравленія — стихотворныя воззванія къ гостямъ и членамъ швейцаровъ различныхъ клубовъ, и *таковыя же* господъ разсчитчиковъ афишъ, газетъ и визитныхъ карточекъ. Кстати о визитныхъ карточкахъ.

Основываясь на иностранныхъ газетахъ, въ Парижѣ вошли недавно въ моду визитныя карточки совершенно новаго рода, именно съ факсимиле имени и фамиліи и съ литографированнымъ портретомъ. Можно почти положительно сказать, что онѣ и у насъ войдутъ скоро если не во всеобщее употребленіе, то ужъ навѣрное между многими.

Изъ всѣхъ общественныхъ учреждений, только одно Благородное Собраніе праздновало встрѣчу Нового года баломъ веселымъ, живымъ, шумнымъ. Это рѣшительная новость у насъ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ обычай этотъ существуетъ давно. Тамъ всѣ собранія встрѣчаютъ Новый годъ маскерадомъ или баломъ, не смотря на то, что въ нашей древней столицѣ семейная жизнь развита по преимуществу. Вездѣ тѣснота, говоръ и смѣхъ. Обычай этотъ прекрасный: тутъ встрѣтятся непременно всѣ знакомые, близкіе сердцу и родные, и съ первымъ ударомъ полуночи братски обнимутся и поздравятъ другъ друга съ новымъ гостемъ, желая, чтобъ онъ принесъ съ собою дары счастья.

Въ нашемъ Благородномъ Собраніи Новый годъ былъ встрѣченъ громкимъ тушемъ трубъ и литавръ. Онъ засталъ одну часть гостей за ужиномъ, другую за веселой полькой. Вмигъ все встрепенулось и остановилось, и за громкимъ тушемъ, возвѣстившимъ наступленіе Нового года, раздались звуки народнаго гимна: «Боже, Царя храни!» Пробки захлопали, бокалы запѣнились—и первый, привѣтственный тостъ Новому году былъ—о здравіи, благоденствіи и побѣдѣ любимому Монарху. Затѣмъ уже пошли обычныя поздравленія и привѣтствія, и всѣ семейства членовъ собранія встрѣтили Новый годъ въ одной семьѣ и какъ одна семья.

Услужливый швейцаръ, Мартынъ Марковскій, не преминулъ и тутъ разнести всѣмъ обычное, печатное, остроумное свое поздравленіе. Для оригинальности приводимъ его здѣсь въ подлинникъ:

Вотъ опять мы здѣсь встрѣчаемъ,
Какъ бывало, новый годъ:
Не скучаемъ, счастья чаемъ,
Смотримъ съ гордостью впередъ!

А давноль насъ англичъ бойкой
Всѣхъ забрать хотѣлъ въ полонъ?
Только съ крѣпкой неустойкой
Ко дворамъ вернулся онъ!

Что россійская столица —
Не расчухали враги:
А она у насъ Жарь-птица:
Рукъ, смотри, не обожги!

«Въ Питеръ мы пойдемъ объѣдать!»
Сирь Неширь имъ говорить.
А какъ вдругъ пришлось отвѣдать,
Такъ желудокъ не варить!

Повертѣлися въ заливѣ,
Не нагнавъ на Русскихъ страхъ,
Да и рады, и счастливы,
Что ушли — хоть на тощахъ.

И какъ будто не бывало
Этихъ грозныхъ супостатъ!
Также блещетъ наша зала,
Также ножки пляшутъ въ ладъ.

Сохраняя хладнокровье,
Чтимъ добро мы у враговъ:
Пьемъ ихъ портеръ на здоровье,
Тянемъ редереръ ихъ вновь.

А они лишь молятъ небо,
Какъ-бы даръ благихъ судьбъ:
«Дайте русскаго намъ хлѣба!»
Не дается русскій хлѣбъ!

Такъ пируйте же всѣ члены,
Всѣ честные господа!

Въ Русскомъ царствѣ цѣтъ измѣны,
 Русь по-прежнему тверда!

И вотъ вновь мы здѣсь встрѣчаемъ,
 Какъ бывало, новый годъ:
 Пляшемъ, пьемъ и величаемъ
 Православный нашъ народъ!

Даже я питать дерзаю
 Гордость русскую въ груди,
 И усердно поздравляю
 Васъ со славой впереди.

Вознесетъ Господь отчизну,
 Нашимъ недругамъ на страхъ,
 Мы надъ ними справимъ гризну,
 Тамъ — на Крымскихъ берегахъ!

Пусть, по ихнему — тоскуемъ,
 Безъ сельдей себѣ сидимъ....
 Мы жъ танцуемъ и ликуемъ
 И сардинки ихъ ѣдимъ.

Будьте жъ веселы, какъ прежде,
 Сохраните русскій жаръ —
 Вотъ что — въ радостной надеждѣ —
 Вамъ желаетъ вашъ швейцаръ!

Вообще, нужно замѣтить, что вечера Благороднаго Собранія бывають всегда необыкновенно оживлены, разнообразны и проводятся до самой поздней ночи очень весело, благодаря той общей непринужденности, которая постоянно на нихъ царствуетъ. Всѣ члены и гости составляютъ какъ будто одно общее многочисленное семейство, чуждое щепетильной разборчивости и какого-то страннаго отчужденія отъ новыхъ, появляющихся въ собраніи лицъ. Поэтому-то пріѣзжіе и предпочитаютъ вечера этого собранія, въ которомъ, кромѣ постоянныхъ баловъ и маскератовъ, существуютъ вокальные и инструментальные музыкальные вечера каждую недѣлю въ извѣстный день во время поста. Въ концертахъ этого собранія, кромѣ извѣстныхъ, нарочно приглашаемыхъ артистовъ, имѣють обыкновеніе участвовать артисты-любители, члены и гости:

изъ числа которыхъ можно съ большою похвалою упомянуть о многихъ ламахъ и дѣвицахъ, артисткахъ-любительницахъ.

Мы уже говорили въ прошедшемъ фельетонѣ о диковинкѣ женскаго пола, безрукой дѣвухѣ, которую, вѣроятно, видѣли уже многіе. Теперь Петербургъ можетъ посмотрѣть на другую диковинку того же пола, только въ иномъ родѣ — именно на женщину-великаншу, которая показываетъ себя въ Пассажѣ. Ростъ этой женщины, въ самомъ дѣлѣ изумительный, и съ перваго разу производитъ неприятное впечатлѣніе своимъ отклоненіемъ отъ обыкновенной женской природы.

Ко дню Новаго года, какъ и къ Рождеству Христову, многіе имѣютъ обыкновеніе дѣлать подарки. Поэтому промышленность напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы придумать что-нибудь новенькое, привлекательное, изящное. Тутъ хватаются за все, что только занимаетъ умы въ настоящую минуту. Одинъ изъ нашихъ ламповыхъ фабрикантовъ, Кумбергъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ изобрѣлъ уже двѣ лампы, на которыя получилъ привилегію, теперь, воспользовавшись появленіемъ у насъ сильной страсти къ *поттишомани*, то есть, къ воспроизведенію посредствомъ искусства наклеиванія фигуръ, поддѣльныхъ этрусскихъ и японскихъ вазъ, приготовилъ къ праздникамъ много разнообразныхъ и красивыхъ лампъ, на стеклянныхъ подставкахъ, которыя очень легко посредствомъ этого новаго искусства превратить въ какую вамъ угодно китайскую или японскую вазу. Лампа вещь необходимая и въ высшей степени полезная, особливо у насъ, въ Петербургѣ, гдѣ люди, по большей части, заняты каблетной работой, и гдѣ зимній день начинается въ половинѣ десятаго часа, а оканчивается въ три. По части изобрѣтательности въ ламповомъ дѣлѣ, Кумбергъ просто человѣкъ гениальный; не говоря уже о его *сѣверныхъ* лампахъ, которыя почти во всеобщемъ употребленіи, какъ самыя простѣйшія по устройству, онъ теперь придумалъ такъ называемую, *двойную лампу*, чрезвычайно красивую снаружи, и въ то же время, какъ нельзя болѣе практическую, и главное *экономическую*. За три рубли у него можно имѣть такую лампу, которую не стыдно поставить на любой письменный столъ и даже въ гостиную, и которая, пожирая всего на одну копейку жиру въ часъ, замѣняетъ собою отъ 6 до 10-ти свѣчей и горитъ десять часовъ безъ всякихъ поправокъ. Это простое и прекрасное русское изобрѣтеніе, право, стоитъ дорогихъ заморскихъ хитростей, которыя рѣдко оправдываютъ свое назначеніе и свою дороговизну.*

Русскій человѣкъ, если захочетъ приложить ума, то всегда при-

* Магазины Кумберга находятся въ Малой Садовой, въ домѣ Демидова.

думаетъ что-нибудь прекрасное, вполне практическое, и притомъ такъ просто, что глядишь и дивишься, какъ это прежде никому не пришло въ голову. За примѣромъ далеко ходить нечего: вотъ передъ нами прекрасная «Статистико – географическая таблица», составленная артистомъ Императорскихъ С.-петербургскихъ театровъ, С. С. Артемовскимъ. Издатель, посвятившій ее Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу, удостоился получить за нее въ награду отъ Государа Наслѣдника драгоценный брилліантовый перстень. Не можемъ не обратить особеннаго вниманія родителей на этотъ добросовѣстный и тщательно составленный трудъ, который, по вѣрнѣйшамъ, скоро войдетъ во всеобщее употребленіе при изученіи статистики и географіи нашего отечества, и даже можетъ служить настольнымъ, справочнымъ листомъ и для всѣхъ взрослыхъ при какихъ-нибудь сложныхъ и требующихъ многочисленныхъ источниковъ занятіяхъ географическихъ и статистическихъ. Таблица эта расположена авторомъ на большомъ листѣ, раздѣленномъ на четырехугольники, въ которыхъ размѣщены, по алфавитному порядку, всѣ области и города русской имперіи. Каждый изъ этихъ четырехугольниковъ заключаетъ въ себѣ губернской или областной гербъ, подробно изображенный, поименованіе всѣхъ уѣздныхъ городовъ, показаніе числа жителей каждаго изъ нихъ, рѣки, при которой стоятъ городъ, разстоянія его отъ губернскаго города, и отъ Петербурга и Москвы; важнѣйшія примѣчательности каждаго города; показаніе градусовъ сѣверной широты и долготы, подъ которыми онъ находится, пространство, положеніе мѣстности, число жителей всей губерніи или области. Въ нѣкоторыхъ показаны возвышенія губернскаго города надъ уровнемъ моря, и историческія о немъ свѣдѣнія, какъ-то: время основанія, перемѣны, происходившія въ немъ въ продолженіе времени, достопримѣчательности и проч. Независимо отъ всего этого, въ составъ таблицы входитъ алфавитный указатель всѣхъ городовъ, которые означены цифрами, очень легко помогающими найти тотъ четырехугольникъ или, лучше сказать, ту область или губернію, къ которымъ городъ принадлежитъ. Въ отношеніи типографическомъ, таблица издана не только опрятно, но даже съ нѣкоторою роскошью, которою не привыкли отличаться подобныя изданія, выпускаемая въ свѣтъ съ цѣлю обучить дѣтей чему-нибудь легко и пріятно. Нельзя не повторить г. Артемовскому полной благодарности отъ имени всѣхъ родителей и наставниковъ и не пожелать новыхъ силъ для какого-нибудь подобнаго полезнаго труда.

Общимъ и главнымъ времяпровожденіемъ сдѣлались у насъ въ настоящее время танцы и начавшіеся уже концерты. Мы упомянули уже о

блистательномъ концертѣ, данномъ въ Дворянскомъ Собраніи въ пользу вдовъ и сиротъ защитниковъ Севастополя, скажемъ теперь также и объ университетскихъ концертахъ, заслуживающихъ вниманія. Въ этихъ концертахъ, которые ничто иное, какъ музыкальныя упражненія студентовъ здѣшняго университета, постоянно собирается много публики, не смотря на то, что разыгрываемая въ нихъ классическая музыка не имѣетъ большаго успѣха между нашими петербургскими любителями. Большому стеченію публики очень много помогаетъ неимоვნю малая цѣна за входъ, отъ которой насъ отучили иностранные артисты, назначающіе цѣны, просто опустошительныя для многихъ семействъ, желающихъ побывать въ концертѣ какого-нибудь вновь прибывшаго виртуоза въ полномъ своемъ фамильномъ составѣ. Цѣна за входъ въ университетскую музыкальную залу почти-что у насъ еще неслышанная, именно, билетъ на десять концертовъ, въ которыхъ самыя трудныя пьесы исполняются очень отчетливо, мужской стоитъ *пять рублей*, а дамскій *три рубля* серебромъ. Какъ, при такой неимоვნю дешевизнѣ, не споспѣшествовать такому полезному учрежденію, развившему у насъ въ непродолжительное время столько талантовъ? И въ-самомъ-дѣлѣ, съ-тѣхъ-поръ, какъ существуютъ эти концерты, мы слышали многихъ молодыхъ музыкантовъ-любителей, за которыхъ нельзя намъ не порадоваться, какъ за новыя пріобрѣтенія нашей отечественной музыки; вмѣстѣ съ этимъ и масса нашей публики также развиваетъ свой музыкальный вкусъ, пріучаетъ слухъ къ истиннымъ музыкальнымъ красотамъ и становится сама образованнымъ судьей, не прибѣгая къ отзывамъ музыкальныхъ рецензентовъ. Не стоитъ ли, послѣ этого, благодарить того, кому первому пришла благая мысль учредить университетскіе концерты, какъ чловѣка, положившаго начало общаго сочувствія къ изящному и благодарить еще тѣмъ болѣе, что подобное учрежденіе стоитъ немалыхъ хлопотъ и трудовъ. Въ числѣ исполнителей много прекрасныхъ солистовъ, объ именахъ которыхъ мы сообщимъ нашимъ читателямъ въ свое время.

Заговоривъ о концертахъ, добавимъ, что очень недавно давалъ прощальный концертъ г. Чарди, о которомъ мы уже упоминали въ прошедшемъ году. Онъ пропѣлъ намъ на своей флейтѣ нѣсколько послѣднихъ мелодій и уѣхалъ за границу, оставивъ намъ впрочемъ вмѣстѣ съ нимъ прибывшаго въ Петербургъ товарища, кларнетиста, г. Каваллини, который ангажированъ въ оркестръ нашей Италіанской оперы и котораго прекрасныя соло вызываютъ постоянно громкія рукоплесканія. Артистъ этотъ не даромъ пользуется наименованіемъ лучшаго кларнетиста въ Европѣ послѣ Блаза. Онъ будетъ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для нашего опернаго оркестра, имѣющаго полное право, по своему уди-

вительному составу, называться также первымъ оркестромъ между всеми европейскими театральными оркестрами.

Другихъ, особенно замѣчательныхъ, музыкальныхъ новостей пока мѣсть нѣтъ, кромѣ продолженія изданія въ нынѣшнемъ году музыкальнаго журнала г. Бернара «Нувелистъ», который вступаетъ теперь въ *шестнадцатый* годъ своего существованія, что лучше всего рекомендуетъ его достоинство. Тутъ и прекрасный выборъ пьесъ, извѣстнѣйшихъ композиторовъ, и главное—дешевизна цѣны—10 рублей серебромъ. Каждая тетрадь «Нувеллиста» заключаетъ въ себѣ пять пьесъ для фортепяно, различной трудности, и два романа, русскій и французскій; къ этому присоединяется еще «Альбомъ молодыхъ пѣанистовъ»; совершенно отдѣльная тетрадь, содержащая двѣ легкія пьесы для дѣтей, съ аппкатурой. Кромѣ всего этого при «Нувелистѣ» прилагается особенное «Литературное прибавленіе», которое знакомитъ отчасти съ концертами, даваемыми въ Москвѣ и Петербургѣ, съ новыми операми, представленными на главнѣйшихъ европейскихъ театрахъ, съ объявленіями о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Россіи и за границу, съ описаніемъ новѣйшихъ музыкальныхъ инструментовъ, изобрѣтенныхъ въ послѣднее время, и проч. Чего же больше за эту цѣну? Пересчитывать всѣ хорошія пьесы, вошедшія въ составъ «Нувеллиста» въ прошломъ году, было бы очень длинно, и потому мы ограничимся здѣсь наименованіемъ только, въ числѣ прочихъ, ноктюрны Шульгофа, одной изъ послѣднихъ композицій этого замѣчательнаго виртуоза. Изъ отдѣльно-изданныхъ *легкихъ* музыкальныхъ пьесъ, имѣетъ особенный успѣхъ «Плачь Чухонца», соч. г. Самойлова, о которомъ было уже говорено и съ котораго г. Иоганнъ Гунгль, проѣздомъ въ Москву, сочинилъ въ Петербургѣ хорошенькую польку, изданную Деноткинымъ.

Къ этимъ нашимъ петербургскимъ новостямъ можно будетъ, пожалуй, добавить еще одно музыкальное извѣстіе, удивившее недавно весь музыкальный европейскій міръ. Это появленіе въ печати пяти маршей для фортепяно, сочиненныхъ женою Омера-Паши. Вѣроятно, нѣжная супруга этими маршами хотѣла возбудить храбрость своего, неизвѣстно за что, прославленнаго супруга.

Такъ-какъ особенно замѣчательныхъ драматическихъ новостей въ настоящемъ году еще нѣтъ, то мы сообщимъ покуда послѣднія декабрскія. На русской сценѣ давали небольшую патріотическую пьесу г. Писемскаго, подъ названіемъ «Ветеранъ и новобранецъ», драматическій случай изъ 1854 года. Нынѣшняя война, точно также какъ и отечественная война двѣнадцатаго года, выказала столько высокихъ порывовъ любви и преданности; столько родителей жертвуютъ теперь совершенно безропотно сво-

ими дѣтьми, что драматическій случай г. Писемскаго, изображающій одно изъ такихъ явленій отечскаго самоотверженія, не могъ не возбудить общаго сочувствія, тѣмъ болѣе, что первое представленіе этой пьесы совпало у насъ съ обнародованіемъ Высочайшаго манифеста, выражающаго увѣренность въ общую готовность Россіи стать отъ стараго до малаго передъ рядами враговъ за славу и благоденствіе отечества. Весь интересъ этой пьесы и весь эффектъ основывается на той сценѣ, гдѣ отставной полковникъ Алексѣй Петровичъ Михайловъ, узнавъ о смерти двухъ своихъ сыновей, которую отъ него скрывали, благословляетъ на царскую службу послѣдняго сына, молодаго гимназиста. Эффектъ этой сцены и торжественность ея тѣмъ болѣе поразительны, что въ предшествовавшихъ явленіяхъ старикъ, не предчувствуя печальнаго извѣстія и вспоминая прошедшее время, поетъ съ пріятелемъ своимъ Макаромъ Макаровичемъ и отставнымъ солдатомъ Селифантьевымъ, веселыя солдатскія пѣсни. Г. Самойловъ (полковникъ Михайловъ), вызвалъ громкія рукоплесканія въ послѣдней сценѣ благословенія сына на службу. Г. Жулевъ очень удовлетворительно сыгралъ роль новобранца-гимназиста и прекрасно прочелъ извѣстное стихотвореніе Пушкина:

О чемъ шумите вы, народные витиі.

Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи...

Г. Мартыновъ, въ роли простодушнаго старичка Макара Макарыча, бывшаго также въ старое время военнымъ и припоминающаго разныя приключенія изъ своей жизни, былъ очень вѣренъ изображаемому имъ лицу. Роль денщика Селифантьева исполнялъ г. Григорьевъ, а роль дяди молодаго новобранца, Власія Матвѣевича, г. Каратыгинъ—оба они сдѣлали изъ своихъ ролей все, что только зависѣло отъ ихъ сценической опытности. Вотъ единственная новость на нашей русской сценѣ въ послѣднее время года.

На французской сценѣ были даны два бенефиса: г-жею Лемениль, поставившею «*La pierre de touche*» (Оселокъ), комедію въ пяти дѣйствіяхъ Эмиля Ожье и Жюля Сандо, «*Les philosophes de vingt ans*» поговорку въ одномъ дѣйствіи, г-жи Бертонъ, и комическую сцену «*Un scandale.*» и бенефисъ г. Мондидье, давшаго пяти-актную комедію Александра Дюма, подъ названіемъ «*La jeunesse de Louis XIV.*»

Содержаніе комедіи «*La pierre de touche*» заимствовано изъ романа Жюль-Сандо, того же названія. Два артиста, музыкантъ Францъ Вагнеръ и живописецъ Шпигель, оба бѣдняки, живутъ чрезвычайно дружно, не смотря на несходство характера. Францъ Вагнеръ не можетъ примириться съ своимъ положеніемъ: онъ гордъ, всякая бездѣ-

лица его сердить, а равнодушіе публики къ его произведеніямъ приводитъ его постоянно въ раздражительное состояніе. Живописецъ Шпигель, напротивъ, типъ самаго беззаботнѣйшаго и веселаго существа въ мірѣ. Онъ любитъ двоюродную сестру Франца, сироту, которую они воспитали общими силами, хотя сами были въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Узнавъ, что въ двоюродную сестру влюбленъ самъ Францъ, добрый Шпигель отказывается во имя дружбы отъ всякихъ сердечныхъ надеждъ. Музыкантъ дѣлаетъ предложеніе, и дѣвушка, чувствовавшая къ нему взаимность, соглашается быть его женою. Быть можетъ, они зажили бы очень счастливо, еслибъ дѣла музыканта не приняли вдругъ совершенно неожиданнаго оборота. Какой-то меломанъ банкиръ, выслушавъ однажды симфонію Вагнера и узнавъ, что авторъ ея бѣденъ, вздумалъ оставить ему все свое состояніе, въ ущербъ своимъ дальнимъ родственникамъ, разорившемуся барону Бергхаузену и графинѣ Розенфельдъ, сильно рассчитывавшимъ на его наслѣдство для поправленія своихъ дѣлъ. Оба друга и невѣста Франца приглашаются на чтеніе завѣщанія въ замокъ, принадлежавшій покойному чудаку, и узнаютъ, что Вагнеръ вдругъ сдѣлался милліонеромъ. Сцена чтенія завѣщанія создана авторами превосходно. Удивленіе и радость Франца и Шпигеля, неудовольствія родственниковъ, получившихъ только небольшую пенсію и невозмутимое хладнокровіе нотаріуса, который не выражаетъ никакого сочувствія къ такому столкновенію интересовъ, придали большую занимательность всему второму дѣйствію комедіи. Едва только Францъ Вагнеръ сталъ богачемъ, графиня начинаетъ ловить его въ свои сѣти, съ намѣреніемъ женить на своей глупенькой дочери, а баронъ Бергхаузенъ, прельщаемый богатствомъ, не менѣе графини хлопочетъ усыновить молодого музыканта. Францъ дѣлается тщеславнымъ, покидаетъ мало-по-малу прежнихъ друзей своихъ, и наконецъ отрекается отъ званія, которымъ начинаеть гнушаться. Добрый Шпигель и простодушная дѣвушка долго переносятъ всякія непріятности, въ надеждѣ, что бывший другъ ихъ возвратитъ имъ прежнюю свою привязанность и образумится, но наконецъ теряютъ всякое терпѣніе, и убѣдясь, что богатство испортило его сердце, навсегда его покидаютъ. Неизвѣстно, женится ли Францъ на дочери графини, но авторы даютъ понять въ концѣ пьесы, что она всего вѣроятнѣе выйдетъ замужъ за своего двоюроднаго брата, молодого офицера, который ей нравится больше богатства Франца, сдѣлавшагося, вѣроятно въ глазахъ ея, точно также, какъ и въ глазахъ зрителей, человѣкомъ презрѣннымъ, не имѣющимъ ни чести, ни совѣсти. Спрашивается, какую нравственную цѣль имѣли сочинители при составленіи этой комедіи, которой завязка совершенно неправдоподоб-

на? Ровно никакой, потому что идея — будто богатство должно непременно дѣлать человѣка худшимъ, ложна и отвратительна. Конечно, выродки бываютъ вездѣ, но они составляютъ исключеніе и не должны быть выводимы на сценѣ. Особенно неестественна сцена, въ которой Вагнеръ, услышавъ свою симфонію, принесшую ему все счастье, которую разыгрывали по распоряженію Шпигеля, думавшаго пріятно удивить своего друга, приказываетъ музыкантамъ остановиться, рветъ ноты и восклицаетъ, что онъ уже не артистъ и больше имъ быть не желаетъ. Эта комедія, не смотря на дарованіе ея авторовъ, не имѣла успѣха ни у насъ, ни въ Парижѣ, и всѣхъ поразило, что два талантливые литератора написали пьесу на странную тему: деньги губятъ талантъ. Почти также неестественна, но утѣшительнѣе, поговорка г-жи Бергонъ: «Двадцатилѣтніе философы». Вотъ ея содержаніе: Одна молодая дѣвушка пріѣзжаетъ къ молодому человѣку просить, чтобъ онъ уговорилъ своего брата жениться на ея сестрѣ. Оба они начитались романовъ и вслѣдствіе того возстаютъ противъ брака, но вскорѣ впрочемъ излечиваются отъ этого безразсудства, благодаря содѣйствіямъ молодой дѣвушки (Фелиція Тетаръ), которая, открывъ наудачу молитвенникъ, читаетъ, что союзъ двухъ сердець освящается бракомъ. Отъ этихъ нѣсколькихъ словъ разлетается въ прахъ вся ихъ ложная философія, и пьеса оканчивается бракомъ. Кромѣ этихъ двухъ пьесъ, данъ былъ также водевиль: *Un scandale*, замѣчательный тѣмъ, что дѣйствіе въ немъ происходило не только на сценѣ, но даже и въ залѣ. Фарсъ этотъ очень забавенъ и потѣшилъ публику. Въ немъ участвовали гг. Лемениль, Тетаръ и г-жа Мила. Г-жа Мила и Лемениль сидѣли въ ложѣ, а Тетаръ въ восьмомъ ряду кресель. Особенно хороша была г-жа Мила, игравшая роль гризетки, вышедшей замужъ за глупаго старика. Въ заключеніе представлена была полуфранцузская и полурусская сцена, подъ названіемъ: *На Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного двора*. Въ ней нѣтъ ничего остроумнаго, кромѣ декорации, представляющей какую-то фантастическую улицу и домъ, на которомъ написано было крупными буквами: «*Это изображаетъ гостинный дворъ*». Публику очень раземѣшила эта шутка, напоминающая времена Шекспира, при которомъ декорации, большею частію, только подразумевались. Въ этой пьесѣ участвовалъ г. Мартыновъ. Въ бенефисъ свой, г-жа Лемениль явилась на сцену въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни и играла роль старой гувернантки, вступавшей въ замужество четыре раза и всегда очень неудачно.

Въ бенефисъ г. Мондидье дана была только одна пьеса: «*Молодость Лудовика XIV*» съ слѣдующимъ примѣчаніемъ на афишѣ: *Эта пьеса*

по трудности ея обстановки и по своей продолжительности будетъ представлена одна. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней участвовали почти все артисты нашей французской труппы, и она продолжалась ровно пять часовъ. Въ этой комедіи, въ которой Александръ Дюма остается вѣрнымъ своей методѣ впутать зрителей въ нескончаемую интригу, нужно слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за пятью разными интригами. Подробно разсказать ея содержаніе нѣтъ возможности, и потому объяснимъ сюжетъ вкратцѣ. Дѣйствіе происходитъ въ Венсенскомъ дворцѣ, въ сентябрѣ 1658 года. Лудовикъ влюбленъ въ племянницу кардинала Мазарини, Марію Манчини, въ то время, когда королева Анна Австрійская, мать Лудовика, хочетъ женить его на принцессѣ Маргаритѣ, дочери Терезы Савойской. Новость эту король узнаетъ отъ дочери смотрителя Венсенскаго дворца, Жоржетты, прозванной *Любопытною*, которая, спрятавшись подъ столомъ въ одной изъ дворцовыхъ залъ, подслушала тамъ нѣсколько государственныхъ тайнъ. Несообразностей въ этой пьесѣ бездна. Король встрѣчается съ Мольеромъ, читающимъ ему монологи произведенія самого Дюма, дежуритъ ночью за мушкетера Бушаванна, влюбленнаго въ камеристку принцессы Маргариты, узнаетъ отъ нея, что принцесса влюблена въ своего двоюроднаго брата и наконецъ разговариваетъ съ самой Маріей Манчини, которая, принявъ его неизвѣстно почему за герцога Гиша, отдаетъ ему обратно письма, когда-то ею полученные отъ самого герцога. Въ пятомъ и последнемъ актѣ Лудовикъ прощается съ Манчини, выручаетъ изъ бѣды Карла Стурта, давъ ему въ займы миллионъ, и наконецъ женится на Маріи Терезіи Испанской, дозволивъ врагу кардинала Мазарини, герцогу Конде, возвратиться во Францію. Нѣкоторыя сцены были разыграны превосходно и произвели большой эффектъ, какъ напримѣръ, все сцены между Лудовикомъ и Мольеромъ (г. Бондуа), сцена прощанія короля (г. Дешанъ) съ Марією Манчини (г-жа Плессе). Прочіе артисты, г-жа Вольнясъ (Анна Австрійская), г-жа Мила (Жоржетта), г-жа Поль Эрнестъ (камеристка принцессы Маргариты, Шарлота), и г. Лемениль, (обойщикъ Покленъ, отецъ Мольера), исполнили свои роли съ большимъ искусствомъ; но публика наша раздѣлилась въ мнѣніяхъ. Одни находили комедію прекрасною, благодаря искусству Дюма завлекать своихъ слушателей сказочнымъ вымысломъ, другіе — нелѣпою и неспособною выдержать никакой здравой критики. Но какъ о вкусахъ и убѣжденіяхъ спорить нельзя, то прибавимъ съ своей стороны только одно, что пьеса эта была поставлена на сцену превосходно и особенно замѣчательна необыкновенною роскошью и изяществомъ костюмовъ семнадцатаго вѣка. Говорить о литературномъ и

историческомъ достоинствѣ этой комедіи Дюма, которая не была еще играна въ Парижѣ, не смотря на то, что имѣла большой успѣхъ въ Брюсселѣ, рѣшительно не стоитъ, и потому мы обратимся къ бенефису г. Мора, извѣстнаго и лучшаго нѣмецкаго комика, съ большимъ успѣхомъ игравшаго роль петербургскихъ нѣмцевъ на русской сценѣ, въ водевиляхъ: «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ», «Праздникъ на острову» и многихъ другихъ. Не смотря на то, что самъ г. Моръ тяжело боленъ, попечительная Дирекція Императорскихъ театровъ устроила бенефисъ для этого старѣйшаго артиста изъ нѣмецкихъ актеровъ. Въ немъ приняли участіе артисты разныхъ труппъ. Въ бенефисъ г. Мора давали пьесу Кукольника, «Маркитантка», переведенную на нѣмецкій языкъ самимъ бенефициантомъ, балетъ «Маркобомба» и, кромѣ того, г-жи Поллертъ-Юнке и Берндорфъ, лучшія актрисы нѣмецкаго театра, декламировали сцену сочиненія г. Толлерта, подъ названіемъ «Комедія и Трагедія», а г. Самойловъ три раза прочелъ чухонскую балладу, которая привела всѣхъ нѣмцевъ въ неудержимый восторгъ. Въ заключеніе театральныхъ извѣстій, скажемъ о необыкновенныхъ успѣхахъ на нашей французской сценѣ маленькой Фелиции Тетаръ. Въ послѣднее время она все чаще и чаще появляется на сценѣ и возбуждаетъ общія рукоплесканія своею замѣчательною игрою со смысломъ и должной интонаціей, которую она придаетъ каждому слову. Желательно, чтобъ этотъ замѣчательный сценическій талантъ развивался постепенно и не ослабъ совершенно въ послѣдствіи, чему бывали многіе примѣры.

Къ этимъ театральнымъ новостямъ можемъ еще присоединить извѣстіе о новомъ циркѣ, который откроется на Масляницѣ, подъ управленіемъ извѣстнаго петербургскаго публикѣ клоуна, г. Виоля. Въ представленіяхъ примутъ участіе: Пачифико, Шанеле, Зигристъ, Валерьянъ и г-жи Брюлова, Марія Лейба, Агриппина и Виоль; всего въ этой новой конной труппѣ г. Виоля будетъ участвовать шестнадцать артистовъ, уже участвовавшихъ въ составѣ труппы прежняго цирка и, болѣе или менѣе, извѣстныхъ нашей публикѣ. Нѣтъ надобности говорить, что этотъ новый циркъ найдетъ достаточное число посѣтителей, благодаря той извѣстности, которую успѣлъ приобрести себѣ ея директоръ своимъ искусствомъ и умѣньемъ тѣшить зрителей всѣхъ сословій, начиная отъ первыхъ рядовъ креселъ до превыспренняго райка.

Мы полагаемъ, что въ настоящее время единодушнаго стремленія къ общественной пользѣ и вспоможенію, всѣмъ интересно будетъ узнать хотя вкратцѣ исторію учрежденія челоѣколюбивой Общины Се-

стерь Милосердія, изъ которыхъ многія уже подаютъ теперь помощь защитникамъ Севастополя, подъ пулями и ядрами непріятельскими. Главными источниками содержанія Дома Милосердія были щедроты Императорской Фамиліи и особенное участіе въ дѣлахъ Общины Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Маріи Николаевны и Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Особенное сочувствіе къ учрежденію Общины Сестеръ Милосердія выразила, въ 1853 году, Е. А. Рюмина, урожденная княжна Шаховская, пожертвованіемъ 2,800 руб. сер. Осуществленіе порядка по всемъ частямъ Общины и совершенное ознакомленіе Сестеръ Милосердія съ ихъ служеніемъ, въ духѣ молитвы, безкорыстія и терпѣнія, принадлежатъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Мѣра эта есть чтеніе устава Общины въ собраніи Сестеръ и лицъ, готовящихся къ вступленію въ Общину, и находящихся на испытаніи. Это чтеніе устава возложено на священника, и выполняется еженедѣльно, по субботамъ, предъ полуднемъ. Чтеніе это особенно имѣетъ благотѣльное дѣйствіе на вновь вступающихъ. Направляя всѣ зависящія отъ него средства къ развитію и усиленію духа любви и христіанскаго смиренія и кротости между Сестрами и призрѣваемыми въ этомъ заведеніи, комитетъ предположилъ, надъ главными входами въ разные отдѣлы Общины, начертать особенныя надписи, заимствованныя изъ Священнаго Писанія. Надъ входами въ церкви: «Господи, услыши молитву рабъ Твоихъ и людей Твоихъ, о нихъ же помолятся на мѣстѣ семъ». Въ часовенной комнатѣ, гдѣ временно становятся умершіе: «Блаженни мертви, умирающіе о Господѣ». Въ отдѣленіи Сестеръ: «Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ». Надъ отдѣленіемъ испытуемыхъ, приготовляющихся ко вступленію въ Сестры Милосердія: «Искуси мя, Господи, и испытай мя». Надъ главнымъ входомъ въ больницу: «Боленъ бѣхъ и посѣтите Мене». Надъ палатами больницы, первую: «Прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніе, и Азъ упокою вы»; надъ вторую: «Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши»; надъ третью: «Сила моя въ немощи совершается» и надъ четвертую: «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси». Надъ отдѣленіемъ кающихся: «Иди отсель и ктому не согрѣшай». Надъ входомъ въ нормальную школу: «Оставьте дѣтей и не возбраняйте имъ прійти ко Мнѣ; таковыхъ бо есть Царствіе Небесное». Надъ исправительною школою: «Блюдайте да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ». Изъ отчета Общины Сестеръ Милосердія видно, что въ 1853 году оказано было пособіе приходящимъ 3,261 человѣку; призрѣно въ больницу 2,618 человекъ и въ 1854 году, по устройствѣ приемной компаты при аптекѣ

было оказано пособіе 25,805 человѣкамъ. Рачительное хожденіе за больными, при удовлетвореніи ихъ религіозныхъ потребностей, привлекаетъ въ больницу Общины такое число недужныхъ, что вакансіи въ ней всегда рѣдки. Нельзя тутъ не прибавить, что и низшій классъ народа сознаетъ всѣ преимущества сердобольнаго женскаго ухода за больными. Въ отдѣленіи Сестеръ въ 1853 было 25 человѣкъ; въ отдѣленіи Испытуемыхъ 9 и вновь принято 10. Въ больницу, въ теченіе года поступило 288, выздоровѣло 254. Такъ какъ больница Общины устроена собственно для больныхъ женскаго пола, то и въ самыхъ операціяхъ врачеванія особенно было обращено вниманіе на болѣзни исключительно свойственныя женскому полу. Теперь Сестрамъ Милосердія предстоитъ обширное поле дѣйствій на новомъ, болѣе благородномъ и возвышенномъ поприщѣ. Вѣроятно, скоро нѣкоторые изъ челоуколюбивыхъ подвиговъ Сестеръ Милосердія будутъ изображены на патриотическихъ рисункахъ современной войны. Кстати, о рисункахъ. В. Э. Тиммъ отправляется на дняхъ (если ужъ не уѣхалъ) въ Севастополь, чтобы снимать разные виды, долженствующіе интересовать каждаго русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что мы увидимъ рисунки нашихъ непреодолимыхъ укрѣпленій, печальные виды союзныхъ лагерей, и эти корабли, которые наносили до сихъ поръ вредъ только частной собственности. Припомнивъ это обстоятельство и взятіе англичанами нашего компанейскаго кругосвѣтнаго корабля «Ситха», на которомъ находились товары многихъ русскихъ торговцевъ, мы должны невольно упомянуть, что и наша Россійско-Американская компанія, также въ прошедшемъ году испытала благородство англійскаго флота и его понятія о правахъ частной собственности. Не смотря на то, доходы компаніи отъ продажи мѣховъ, чая, колоніальныхъ произведеній и другихъ предметовъ, простирались до 670,474 руб. сер. Промыслы за пушными звѣрями производились совершенно удовлетворительно; рѣчныхъ и морскихъ бобровъ было добыто болѣе обыкновеннаго, но лисицъ, выдръ и песцовъ гораздо менѣе, почему для размноженія этихъ звѣрей приказано прекратить на время промыслы на нихъ, въ отдѣлѣ Кадьякскомъ и на островахъ Беринговѣ и Мѣдномъ. Морскіе коты постоянно размножаются, въ особенности на островахъ Прибылова, св. Павла и св. Георгія, лежащихъ на Беринговомъ морѣ. Главное правленіе, въ видахъ усиленія сбыта морскихъ котиковъ, приступило къ выдѣлкѣ ихъ шкуръ въ Петербургѣ, по иностранному способу. Бобровъ, морскихъ и рѣчныхъ котиковъ, медвѣдковъ, выдръ, лисицъ чернобурыхъ, сиводушныхъ и красныхъ, песцовъ голубыхъ и бѣлыхъ, рысей, соболей, волковъ, медвѣдей и котовъ морскихъ было добыто 34,553 шкуры; хвостовъ бобровыхъ, котиковыхъ

и медвѣдковыхъ 1,148 штукъ и, кромѣ того, 4 пуда 27 фунтовъ бобровой струи и 30 пудъ моржевыхъ клыковъ, на сумму 38,454 р. сер. Вторая и важнѣйшая статья торговли Россійско-Американской компаніи была — чай, котораго, по причинѣ внутреннихъ волненій въ Китаѣ, нельзя было вымѣнивать на Кяхтѣ. Россійско-Американская компанія, будучи не въ состояніи отвратить этого обстоятельства, сдѣлала опытъ размѣна своихъ мѣховъ на чай къ Кульдовинѣ и Чугучакѣ, двухъ городахъ западнаго Китая, вновь открытыхъ для мѣшовой торговли. Но хоть въ этихъ предѣлахъ и было запасено китайцами достаточное количество чая, по мѣха компаніи не пошли въ ходъ, по новости этого рода товара и незнанію достоинствъ и цѣнности его китайскими купцами. Однако же китайцы сдѣлали, въ видѣ опыта, мѣну небольшого количества чая на мѣха. Такимъ образомъ, тамъ и въ приморскомъ городѣ Шангуль, получено 3,697 цибиковъ чаю, на сумму 421,037 руб. сер. Въ 1853 году посланы были изъ колоній въ Калифорнію и на Сандвичевы острова корабль «Кадьякъ» и бригъ «Шелеховъ», съ грузомъ соленой рыбы и разнаго рода пиленого и круглаго лѣса, и въ замѣнъ ихъ вывезены изъ Сан-Франциско и Голлуду грузы соли и другихъ предметовъ, нужныхъ для колоніи. Главную выгоду по торговлѣ съ Калифорніею компанія имѣла отъ возникшей въ Сан-Франциско торговли льдомъ, и на трехъ корабляхъ тамошней Американско-русской торговой компаніи, вывезено, въ 1853 году, до 4,133 тоннъ льду. Для усиленія этой торговли, наша компанія приказала заготовить, какъ можно болѣе льду въ Ново-Архангельскѣ и на островѣ Кадьякъ, и для сохраненія его устроить тамъ ледники. Ледникъ былъ конченъ въ 1853 году, но Американско-русская торговая компанія, стараясь ослабить соперничество Бостонской ледяной компаніи, производящей въ Сан-Франциско значительную торговлю льдомъ, привозимымъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, устроила своимъ инженеромъ и на свой счетъ въ Ново-Архангельскѣ ледникъ на 2000 тоннъ и провела отъ него деревянную дорогу до озера. Она выстроила также ледникъ и въ Сан-Францискѣ для 1000 тоннъ льду. Внутренняя торговля Россійско-Американской компаніи получила выгодное развитіе отъ увеличенія числа жителей въ Петропавловскѣ, чрезъ поставку провіанта и отъ снабженія Камчатки товарами. Въместо посылки ихъ изъ колоній, какъ это дѣлалось прежде, начали, съ 1851 года, прямо отправлять въ Петропавловскъ изъ Россіи и Гамбурга, особыя кругосвѣтныя суда съ провіантомъ, матерьялами, припасами и мануфактурными издѣліями. Необходимость въ доставкѣ значительнаго груза въ колоніи, понудила компанію, кромѣ корабля «Сит-

ха» (взятого англичанами), купить еще одно новое, дубовое, трехмачтовое судно въ 900 тоннъ, названное «Камчатка». На этихъ двухъ судахъ отправлено осенью 1853 года, товаровъ и припасовъ иностранныхъ на 189,984 руб. сер. Въ 1853 году, Россійско-Американская компанія имѣла въ своемъ распоряженіи кругосвѣтные корабли: Ситху, Камчатку, Цесаревичъ, Николай I, Князь Меншиковъ, Кадьякъ, Великій Князь Константинъ, бригъ Охотскъ, бригъ Шелеховъ и шкуну Тунгусъ. Въ Ново-Архангельскомъ адмиралтействѣ, кромѣ иныхъ работъ, продолжалась постройка подвижнаго, пароваго лѣсопильнаго завода, также отдѣланъ и вооруженъ новый пароходъ Николай I.

Въ заключеніе скажемъ о двухъ замѣчательныхъ празднествахъ, которыми окончились общественныя петербургскія новости прошлаго года.

Послѣднія числа декабря были ознаменованы юбилейнымъ обѣдомъ графу Ѳ. П. Толстому и празднованіемъ пятидесятилѣтняго литературнаго юбилея Н. И. Гречу.

Независимо отъ торжественнаго юбилея графа Толстаго, о которомъ мы уже говорили, многочисленные знакомые даровитаго представителя русскихъ художествъ и почитатели его таланта вознамѣрились дать ему, по подпискѣ, частный торжественный обѣдъ, который и былъ отпразднованъ въ С.-Петербургскомъ Шахматномъ клубѣ, въ средѣ друзей, короткихъ знакомыхъ, литераторовъ, художниковъ и артистовъ. На этомъ обѣдѣ, который болѣе казался искренно-родственнымъ, были прочтаны въ честь юбиляра стихи А. П. Майковымъ, А. П. Пелонскимъ В. Г. Бенедиктовымъ и А. П. Глинкой, супругой нашего ветерана-поэта Ѳ. Н. Глинки, талантъ которой также давно извѣстенъ русской читающей публикѣ, по ея стихотворнымъ и прозаическимъ сочиненіямъ и по хорошимъ переводамъ изъ Шиллера. Молчаливая зала сухаго разчета шахматной игры обратилась въ этотъ день въ беззаботный, веселый пріютъ, въ которомъ приносилась чистосердечная дань торжеству искусства, приготовляя празднователей къ новому, славному торжеству во имя литературы, трудолюбія и строгой науки.

Прошедшій годъ былъ богатъ юбиларными празднествами. Два юбилея—двухъ достойнѣйшихъ, всѣми уважаемыхъ людей, были отпразднованы еще до осени: юбилей безстрашнаго морехода, доблестнаго воина, опытнаго начальника, перваго преобразователя Камчатки, вписавшаго свое имя въ исторію—словами: *Японія, Дарданеллы*, адмирала Петра Ивановича Рикорда, и перваго русскаго медальера, врѣзавшаго въ металлъ вѣчную память незабвеннаго 1812 года, графа Ѳедора Петровича Толстаго. Теперь мы должны занести въ нашу лѣтопись еще одно изъ рѣдкихъ общественныхъ празднествъ, которыми ознаменовались по-

слѣдніе дни истекшаго 1854 года. Мы говоримъ о торжественномъ юбилеѣ одного изъ старѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ литераторовъ-публицистовъ: Николая Ивановича Греча. Въ декабрѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ ученой и литературной дѣятельности Николая Ивановича; по этому случаю всѣ почтатели его заслугъ, литераторы, ученые и сановники, съ Высочайшаго соизволенія, рѣшились почтить его торжественнымъ поздравленіемъ и обѣдомъ. Юбилей этотъ совершился 27 декабря, въ залѣ Перваго Кадетскаго Корпуса, самой обширнѣйшей въ Петербургѣ. Съ четырехъ часовъ пополудни къ огромному зданію Перваго Кадетскаго Корпуса начали съѣзжаться многочисленные экипажи, богатые кареты и скромные сани, смотря по средствамъ спѣшившихъ выразить свое чувство виновнику почетнаго праздника. Гостей встрѣчали корпусные офицеры на верху великолѣпной лѣстницы и провожали въ приемную залу, въ которой смѣшивались въ живописномъ безпорядкѣ всѣ знаменитости нашей столицы: генералы, придворные, ученые, артисты, поэты, журналисты, книгопродавцы. Зрѣлище это представляло какъ бы одно огромное даровитое семейство, собравшееся чествовать своего достойнаго члена. Не смотря на то, что иностранцевъ на этомъ праздникѣ было очень немного, однако же Франція, Германія, Швеція, Швейцарія и Италія нѣсли своихъ почетныхъ представителей. Въ четыре часа пріѣхалъ Н. И. Гречъ; всѣ сѣли за столъ, а юбиляръ былъ помѣщенъ противъ портрета Государя Императора. На одной изъ сторонъ залы устроена была эстрада, окруженная цвѣтами и растениями, изъ-за которыхъ мелькали дамскія шляпки и сверкали любопытные взоры. Между прекрасными зрительницами юбилея присутствовало и семейство Н. И. Греча. На прекрасномъ, многочисленномъ этомъ обѣдѣ, кромѣ главныхъ учредителей юбилея, генераль-адъютанта Якова Ивановича Ростовцова и тайныхъ совѣтниковъ: Александра Максимовича Княжевича, Владиміра Ивановича Панаева и графа Федора Петровича Толстаго (адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, по случаю болѣзни, въ праздествѣ не участвовалъ), присутствовали г. Министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ и директоръ Императорской Публичной Библіотеки баронъ М. А. Корфъ. По возглашеніи задравныхъ тостовъ: за Государя Императора, Государыню Императрицу, Императорскую Фамилію, Августѣйшаго хозяина, благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній, за благоденствіе Россіи, за наше чудное войско, за русское просвѣщеніе и честнаго дѣятеля въ пользу его, почтеннаго юбиляра, сопровождавшихся громкими и единодушными кликами, поднесена была г. Гречу большая серебряная позолоченная ваза, въ византійскомъ вкусѣ, работы извѣстнаго нашего художника Сазикова. На крышѣ вазы изображенъ русскій па-

рень, читающий книгу. На четырехъ сторонахъ ея надписи: на одной «*Николаю Ивановичу Гречу*», на другой «*1804—1854*», на третьей: «*Сынъ отечества 1812 года*», на четвертой: «*Русская Грамматика*». Вслѣдъ за этимъ начались поздравленія и рѣчи, въ которыхъ приняли участіе и кадеты 1-го Кадетскаго Корпуса. Вотъ искренній, безъискусственный привѣтъ ихъ:

«Родной дѣдъ вашъ, инспекторъ классовъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, былъ, около ста лѣтъ тому назадъ, руководителемъ образованія нашихъ давнишнихъ сослуживцевъ.

«Отецъ вашъ родился въ нашемъ домѣ.

«Воспитанники нашего корпуса и всѣхъ военно-учебныхъ заведеній учились, въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, родному языку по вашимъ наставленіямъ.

«Имя Греча не можетъ не быть для насъ дорого.

«Отъ лица всѣхъ военно-учебныхъ заведеній привѣтствуемъ, съ любовью и благодарностью, полувѣковой юбилей вашей полезной для насъ дѣятельности».

Молодой нашъ литераторъ В. Р. Зотовъ прочелъ на этомъ обѣдѣ слѣдующее стихотвореніе, которое единственно заставили повторить:

Не легко прожить полвѣка
 Въ наше время; но свершивъ
 Назначенье чловѣка,
 Жизнь идеѣ посвятить,
 Вѣрнымъ быть добру и чувству; —
 Но полвѣка другомъ быть
 И наукѣ и искусству,
 И въ обоихъ заслужить
 Уваженіе отъ свѣта
 Службой чистой и прямой, —
 Какъ завидна участь эта!
 Какъ высокъ удѣлъ такой!

Помнишь ты иное время,
 Видѣлъ ты другихъ людей;
 Возмужало быстро племя
 Молодыхъ твоихъ друзей,
 И другое поколѣнье
 Возросло уже въкругъ нихъ:
 Въ дѣтяхъ тоже уваженъ,

Память тажъ заслугъ твоихъ.
 Тайники роднаго слова
 Передъ нами ты открылъ,
 Языка для насъ роднаго,
 Рѣчи правильной училъ.

И въ годину испытанья
 Чисто русскій твой журналъ
 Къ чувству русскому воззванья
 Не напрасно расточалъ;
 Онъ былъ эхомъ чувствъ Россіи
 Въ незабвенный, славный годъ,
 Въ годъ, когда поля родныя
 Нашъ отстаивалъ народъ,
 И за край нашъ православный
 Бились храбрые отцы,
 Какъ теперь, съ отвагой равной,
 Бьются дѣти молодцы.

Съ той поры, при первыхъ тучахъ,
 Собиравшихся вдали,
 Голосъ твой въ листкахъ летучихъ
 Вновь гремѣлъ. Родной земли
 Развивая учрежденья,
 Ты умно разоблачалъ
 Всѣ сосѣдей ухищрелья,
 Козни западныхъ началъ.
 Рѣчью бойкой, звучной, меткой
 Ты врагамъ давалъ урокъ
 И казнилъ насмѣшкой ѣдкой
 Дерзость, низость и порокъ.

Педагогъ и литераторъ,
 Нашъ грамматикъ, романистъ,
 Въ сходкахъ дружескихъ ораторъ,
 Журналистъ и юмористъ,
 Мужъ добра, другъ правды, чести,
 Старець, полный юныхъ силъ,
 Всѣ дары, всѣ свойства вмѣстѣ
 Ты въ себѣ соединилъ, —

И пока въ странѣ родимой
 Не умреть родная рѣчь, —
 Будетъ жить и всѣми чтимый
Николай Ивановичъ Гречъ!

За этимъ привѣтствовали Н. И. его превосходительство А. М. Княжевичъ и литераторъ-воинъ, полковникъ Лебедевъ. Почтенный юбиляръ отвѣчалъ на эти выраженія искреннаго къ нему сочувствія также рѣчью, полною чувства и глубокой признательности, въ которой онъ, скромно и отъ полноты души, говорилъ о своей молодости, о своей нѣжно-любимой матери и, не останавливаясь ни на одномъ изъ близкихъ своихъ друзей, упомянулъ только о бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, графѣ Уваровѣ, какъ о своемъ благодѣтелѣ и объ одномъ почтенномъ мѣщанинѣ, который оказалъ ему помощь при первомъ появленіи журнала «Сынъ Отечества». Тройной, сплошной рядъ слушателей мѣшалъ многимъ разсѣлывать вполне весь смыслъ благодарственной рѣчи Н. И., сказанной имъ вятнымъ, умилненнымъ голосомъ. Нельзя при этомъ не упомянуть, что заслуги Н. И. Греча глубоко отозвались и въ другихъ, даже не литературныхъ нашихъ сословіяхъ, именно и въ средѣ московскаго купечества. Такъ московскій купецъ Редуевъ, содержащій гостиницу желѣзной дороги и сдѣлавшійся въ недавнее время извѣстнымъ въ Москвѣ своими кулебяками, привѣтствовалъ Н. И. чисто русскимъ привѣтствіемъ, хлѣбомъ-солью. Прочитавъ извѣщеніе о торжествѣ юбилея, онъ прислалъ почтенному юбиляру московскую кулебяку съ петербургской рыбой. Нельзя не порадоваться такому выраженію нашего русскаго народнаго чувства ко всему полезному и прекрасному!

Труды Н. И. Греча, приобрѣтшіе ему право на торжественное засвидѣтельствованіе уваженія и благодарности, очень многочисленны, и потому представимъ вкратцѣ очеркъ всей его дѣятельной литературной жизни. Родъ Греча ведетъ свое начало изъ Богеміи, и его предки, протестанты, избѣгая гоненій католическаго духовенства, удалились въ Пруссію. Одинъ изъ нихъ, Михаилъ Гречъ, переселился въ Россію, но въ какое именно время — неизвѣстно. Сынъ его, Иванъ Михайловичъ, родившійся въ Россіи, учился въ Марбургскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ и поеступилъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, учителемъ въ Митавскую гимназію. Въ 1736 году, при образованіи высшихъ классовъ учрежденнаго за четыре года передъ тѣмъ, Сухонутнаго (нынѣ 1-го) Кадетскаго корпуса, главный директоръ его, фельдмаршалъ графъ Минихъ, помѣстилъ его, по рекоменда-

дѣи Бирона, преподавателемъ философскихъ и историческихъ наукъ въ эти новые классы. Въ это время учебные классы Кадетскаго корпуса назывались: *Рыцарскою Академіею*. Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого, вскорѣ по прибытіи въ Россію изъ Голштиніи Великаго Князя и Наслѣдника престола Петра Θεодоровича, Грець имѣлъ счастье преподавать Его Императорскому Высочеству, а потомъ и августѣйшей Его супругѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ всемірную политическую исторію. Въ послѣдствіи онъ былъ инспекторомъ классовъ корпуса, и въ свое двадцати-четырех-лѣтнее служеніе образовалъ множество воспитанниковъ, стяжавшихъ потомъ громную славу, и въ числѣ ихъ двухъ фельдмаршаловъ: графа П. А., Румянцова-Задунайскаго и графа М. О. Каменскаго. Отецъ Н. И. Греча, бывший оберъ-секретаремъ Сената, умеръ въ крайней бѣдности, оставивъ своему семейству въ наслѣдство только честное имя, а старшему сыну, Николаю Ивановичу, родившемуся въ Петербургѣ, 3-го августа 1787 года, всѣ заботы и попеченія объ осиротѣломъ семействѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ Николай Ивановичъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ достойной своей матери и роднаго ея брата А. Я. Фрейгольда, друга и со-воспитанника фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго. Считая его благодѣтелемъ своего дѣтства, Н. И. поставилъ ему памятникъ въ своемъ романѣ: «Поѣздка въ Германію» въ лицѣ Александра Яковлевича Пятигорскаго. Служебное и литературное поприще свое началъ Н. И. съ 1804 года и вступилъ, *первымъ* по времени, вольнымъ слушателемъ въ новоучрежденный тогда Педагогическій Институтъ, что нынѣ Императорскій С.-Петербургскій Университетъ. По утрамъ онъ ходилъ на лекціи, послѣ обѣда самъ занимался преподаваніемъ, какъ для содержанія себя, такъ и для воспитанія двухъ своихъ сестеръ. Независимо отъ преподаванія уроковъ, Николай Ивановичъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ и товарищей, принялъ участіе въ изданіи «*Журнала для пользы и удовольствія*» и помѣщалъ статьи (именно первые русскіе синонимы) въ «*Журналъ Россійской словесности Н. П. Брусилова.*» Въ 1805 году, девятнадцати лѣтъ отъ роду, опредѣлился онъ учителемъ русской словесности въ славившійся тогда женскій пансіонъ М. Х. Ришаръ, а въ 1806 году въ гражданскую службу, сперва канцелярскимъ служителемъ, потомъ секретаремъ С.-Петербургскаго Ценсурнаго Комитета. Съ этихъ поръ его дѣятельность можно раздѣлить на двѣ: служебную, ученую и литературную. Вотъ краткое обзорѣніе послѣдней:

Въ 1806 году перевелъ онъ съ нѣмецкаго «Германія въ глубокомъ униженіи своемъ», за которую былъ растрѣлянъ, по повелѣнію

Наполеона, Ниренбергскій книгопродавецъ Пальмъ, и также нѣмецкое сочиненіе Шредера «Нѣкоторыя мысли о современныхъ происшествіяхъ». Въ 1807 году, онъ сдѣлался редакторомъ историческаго и политическаго журнала «Геній время», издателемъ котораго былъ Шредеръ. Журналъ этотъ продолжался съ юня 1807 по сентябрь 1809 года. Въ 1808 г. Н. И. перевелъ романъ Коцебу «Леонтина» и драму Цюкке «Иполитъ и Розвида», представленную въ бенефисъ А. Д. Каратыгиной, а также издалъ «Таблицу русскихъ склоненій» и переводъ «Всеобщей географіи» Гаспари. Въ 1809 г. издавалъ вмѣстѣ съ Шредеромъ «Журналъ новѣйшихъ путешествій», существовавшій съ октября 1809 г. по октябрь 1810 года. Н. И. былъ избранъ въ члены С.-Петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, и принималъ въ послѣдствіи участіе въ изданіи его журнала «С.-Петербургскій Вѣстникъ», издалъ «Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ», а въ 1811 г. «Опытъ о русскихъ спряженіяхъ». Въ 1812 году Н. И. Гречъ началъ изданіе журнала «Сынъ Отечества» и продолжалъ его до 1828 года одинъ, а съ этого времени по 1838 годъ, вдвоемъ съ Ѳ. В. Булгаринымъ, подъ названіемъ: «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ». Въ 1814 г. онъ перевелъ оперу «Швейцарское семейство», въ послѣдующемъ году занялся прилежно русскою грамматикой, а въ 1817, во время пребыванія своего въ Парижѣ, писалъ письма о своихъ путешествіяхъ и преимущественно занимался изученіемъ возникшей въ то время, Ланкастерской методы взаимнаго обученія, что дало ему возможность, въ 1818 г., вмѣстѣ съ графомъ Ѳ. П. Толстымъ, Ѳ. Н. Глинкой и В. И. Григоровичемъ учредить общество образованія училищъ по этой методѣ и составить потребныя для того руководства и таблицы. Въ 1822 г., Н. И. издалъ учебную книгу русской словесности, съ прибавленіемъ къ ней «Опыта исторіи русской литературы». Въ 1825 году началъ изданіе «Сѣверной Пчелы, въ 1829 году основалъ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», въ 1831 г. издалъ романъ «Поѣздка въ Германію» и черезъ два года написалъ новый романъ «Черная Женщина». Въ 1835 году основалъ, въ сообществѣ съ генераломъ Барономъ Зеделеромъ, «Военный Энциклопедическій Лексиконъ», въ 1837 году писалъ письма о своемъ путешествіи по Англіи, Франціи и Германіи. Тамъ познакомился онъ и сблизился со многими знаменитостями наукъ и литературы: съ Гете, Гумбольдомъ, Тикомъ, Тидге, Крейцеромъ, Цюкке, Миттермайеромъ, Томасомъ Муромъ, Талейраномъ, Викторомъ Гюго, Александромъ Дюма, химикомъ Дюма, Карломъ Нодде и многими другими. Замѣтки этихъ путешествій

вышли потомъ отдѣльною книгою, подъ заглавiемъ «Путевыя письма». Въ 1839 году, Н. П. открылъ публичныя чтенiя о русскомъ языкѣ, а въ 1841 началъ издавать съ Н. В. Кукольниковъ и Н. А. Полевымъ журналъ «Русскiй Вѣстникъ»; во время вторичнаго своего путешествiя за-границу, въ 1843 и 1844 г., писалъ «Парижскiя письма». Извѣстность и занятiя Н. П. Греча поставили его въ весьма близкiя, частiю самыя дружескiя отношенiя ко многимъ современнымъ ему отечественнымъ знаменитостямъ. Въ числѣ ихъ, не упоминая живыхъ, можно назвать Державина, Дмитрiева, Карамзина, Крылова, Жуковского, Гнѣдича, Грибоѣдова и Пушкина. Н. П. былъ членомъ всѣхъ частныхъ литературныхъ обществъ въ Россiи и сверхъ того: Минералогическаго, Фармацевтическаго и Географическаго. Кромѣ этого, онъ состоитъ членомъ Упсальской Академiи наукъ, Франкфуртскаго филологическаго общества и Вашингтонскаго національнаго института. Полувѣковая труженническая жизнь, посвященная на общую пользу, доставила Н. П. Гречу почетное мѣсто въ исторiи русской литературы.

Отъ этого торжественнаго извѣстiя, мы, къ сожалѣнiю, должны перейти къ печальной новости въ нашемъ художественномъ мiрѣ. 29 октября прошлаго года, скончался въ Петербургѣ молодой и даровитый нашъ историческiй живописецъ, академикъ С. Ф. де-Ладвезъ, московскiй уроженецъ, котораго огромная картина «Распятiе Спасителя» обращала на себя общее вниманiе на послѣдней выставкѣ. С. Ф. де-Ладвезъ началъ свое художественное образованiе въ Московскомъ училищѣ живописи и вапни и потомъ перешелъ въ академическiя классы, въ которыхъ, по своимъ способностямъ и прилежанiю, скоро былъ замѣченъ. По окончанiи курса, онъ былъ посланъ въ Италию, гдѣ и провелъ шесть лѣтъ. Занимаясь изученiемъ великихъ образцовъ, С. Ф. де-Ладвезъ снялъ, въ продолженiе этого времени, много замѣчательныхъ копiй съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и, между прочимъ, съ знаменитой картины Павла Веронеза: «Похищенiе Европы». Копiя эта заслужила всеобщее одобренiе на венецианской художественной выставкѣ и удостоилась также одобрительнаго отзыва бывшаго президента академiи Его Императорскаго Высочества герцога Лейхтенбергскаго. Въ Итали де-Ладвезъ написалъ оригинальную картину, изображающую внутренность турецкой бани; картина эта куплена Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ. По возвращенiи своемъ въ Россiю, де-Ладвезъ успѣлъ также нарисовать двѣ большiя картины *Распятiе* и *Воскресенiе*. С. Ф. де-Ладвезъ, какъ художникъ, былъ замѣчательнымъ копистомъ, обладалъ хорошимъ колоритомъ, экспрессией и бойкою кистью; какъ чело-

вѣкъ, онъ былъ очень образованъ. Смерть постигла его на 36 году въ самомъ разгарѣ творческихъ силъ.

Заклучимъ нашу лѣтопись извѣстиемъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Господствующій цвѣтъ платьевъ нынѣшней зимою сѣрый. Для пышныхъ нарядовъ употребляютъ сѣрый дамъ, такихъ ибѣжныхъ переливовъ, что онъ напоминаетъ о блескѣ жемчуга и хрустала. Самыя модныя платья затканы розовыми букетами или бѣлыми шелковыми разводами. Хороши также сѣрыя гроденаплевые платья, съ затканными сѣрыми же бархатными или атласными полосами. Головные уборы, по большей части, дѣлаются черныя, бархатныя или кружевныя, съ красными розами и кружевными лопастями. Съ одной стороны украшаются они бархатнымъ шу, а съ другой тремя букетами розъ съ зеленью. Локоновъ нынче совсѣмъ не носятъ, но прически дѣлаютъ разнообразныя; каждая дама выбираетъ ту, которая ей къ лицу. Теперь въ большой модѣ такъ называемыя *андалузскіе токи*; они состоятъ изъ маленькой шапочки изъ чернаго бархата, украшаются черными перьями и камнями или стеклярусомъ; также можно ихъ убирать золотыми шнурками. Вышивки и кружева становятся съ каждымъ днемъ все богаче и роскошнѣе. Жилеты подъ кофточки всегда обшиваются широкими кружевными или вышитыми фалборками; широкіе подрукавники также обшиты кружевами. Юбки или вышиты внизу, или ихъ дѣлаютъ съ сплошными фалборами, или съ кружевными прошивками, между которыми тянутся полоски изъ мелкихъ складокъ. Обувь всегда составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ предметовъ туалета. Въ холодную, но сухую погоду, дамы надѣваютъ полусапожки черныя, атласныя, вышитыя шелкомъ, или изъ той же матеріи, какъ и платье. Чулки носятъ бѣлые *филь-д'екосъ*, съ подкладкою изъ розоваго кашемира. Въ мокрую погоду употребляютъ глянцевоыя полусапожки и къ нимъ черныя шелковые чулки *à-jour*, также съ розовымъ кашемировымъ подбоемъ.

Перчатки для прогулокъ употребляются темныхъ цвѣтовъ; для визитовъ свѣтлыя цвѣтныя, а для театра и вечеровъ бѣлыя — но всегда лайковыя.

Муфты въ нынѣшнемъ году въ особенной модѣ харьковскія и сѣрыя изъ спибрскихъ кроликовъ, съ длянными черными хвостами.

Вотъ нѣсколько изящныхъ нарядовъ, которые мы подмѣтили передъ новымъ годомъ.

Нарядъ 1. Юбка ну-де-соа, кофта гладкая съ неотрѣзными ба-сканами, закрытая доверху, застегнута пуговками. Обшита въ два ряда широкими бархатными лентами. Рукава доходятъ только до локтей и также обшиты вдоль бархатной лентой. Воротничекъ гладкій, двойной, батистовый. Бѣлые батистовые подрукавники, на обшивкѣ. Прическа à la Марія Стюартъ, съ черными бархатными лентами.

Нарядъ 2. Платье атласное, съ двумя воланами обшитыми собо-лемъ. Пальто бархатное, съ висящими рукавами, обшито также собо-лемъ. Рукава въ плечахъ убраны аграмантожъ. Застежка пальто также аграмантовая. Шляпка бѣлая атласная, едва прикрывающая голову, уба-рана букетомъ изъ марабу, который прикрѣпленъ бѣлыми розами. По-ля шляпки окаймлены густо блондою.

Нарядъ третій. (1). Крошечная шляпка, едва закрывая полго-ловы, изъ атласа, съ гирляндю изъ мелкихъ розъ подъ полями, кокет-ливо поддерживается съ одной стороны маленькимъ бантикомъ, концы котораго доходятъ до щеки. Платье изъ муаръ-антикъ, съ высокимъ лифомъ. Небольшой кружевной воротничекъ и такіе же подрукавники. Креола изъ шерстяной матеріи, убрана бархатомъ или аграмантомъ. Костюмъ простой, но изящный.

Нарядъ четвертый. (2) Шляпа, пышно убранная ружевами, какъ сверху, такъ и подъ полями, гдѣ, между кружевомъ, разбросаны мелкіе цвѣты; плоская тулья. Черное атласное платье безъ всякихъ украше-ній, кружевные рукава не закрываютъ нитки жемчуга, которая укра-шаетъ руку вмѣсто браслета, что очень идетъ къ этому скромно-ко-кетливому наряду. Пальто изъ бархата, съ небольшимъ воротничкомъ, застегнутое доверху, съ рифами изъ аграманта, которымъ убраны и полы пальто, въ видѣ шахматовъ.

Нарядъ пятый. (3). Сборчатая атласная шляпка, окаймленная у полей такою же легкою буфою и убранная подъ полями преимущественно цвѣтами, перемежающимися съ блондою. Вышитый воротничекъ падаетъ на кофточку изъ ну-де-суа или гладкаго атласа, у которой рукава состав-ляютъ три оборки, одна шире другой, обшитыя чернымъ кружевомъ. Ниже локтя уже начинаются широкіе кружевные, или тюлевые подру-кавники, по которымъ кой-гдѣ раскиданы бантики изъ лентъ. Того же цвѣта лента, собранная буфою, сдерживаетъ рукавъ у кисти руки; какъ кофта, такъ и три волана платья обшиты чернымъ кружевомъ и вышиты тоненькимъ сутажемъ. Напередѣ кофты, до самой талии, идетъ рядъ пуговокъ, которыя книзу постепенно уменьшаются. Юб-ка батистовая, съ двумя воланами, крупно сплюсненными, не закрываетъ ножки, обута въ бархатную туфлю и черный шелковой чулокъ а журъ.

Нарядъ шестой. (4.) Бархатная шляпа съ плоскою тульею, убранныя блондами и перьями марабу, которыя прикалываются букетомъ надъ полями, нѣсколько наклонными къ лицу. Верхняя часть полей окаймлена блондою, тогда какъ съ половины шляпы блонда густыми складками падаетъ назадъ, почти закрывая короку. Подъ полями блондовый чепчикъ безъ украшеній. Бархатный бурнусъ съ пелериною, въ видѣ шали, обшивается въ три ряда лентою полу-моарь, полу-бархатною.

Нарядъ седьмой. (5.) Платье изъ дамъ. Бархатная шляпа. Поля обшиты широкими кружевами, откинутыми назадъ. Фасонъ шляпы простенькій, гладкій. Густо собранная блонда, перемѣшанная съ мелкими цвѣтами, красиво облегааетъ вокругъ лица. Пальто бархатное въ видѣ трехъ воротниковъ, падающихъ одинъ на другой, вышитыхъ шелкомъ вгладь, точно такъ же вышивается и кокетка пальто, обрисовывающая плеча, или четвертый маленькій воротникъ, на который откинутъ большой богато-вышитый или кружевной воротничекъ. Платье изъ муарь-антикъ.

Нарядъ восьмой. (6.) Атласная шляпка, убранныя съ каждой стороны перьями, безъ всякихъ другихъ украшеній. Подъ полями или гирляндочка, или густо-собранныя блонда. Платье изъ клѣтчатой матеріи, съ открытою въ видѣ шали, полкою, сдерживаемою въ талии двумя бантами. Полка обшивается узенькимъ воланомъ изъ той же матеріи съ выѣчкою, а подъ воланомъ широкимъ кружевомъ. Рукава убранны такъ же.

Нарядъ девятый балный. (7.) Платье газовое, убранныя въ три ряда маленькими буфами изъ тюля. Гирлянды изъ розъ, съ густою зеленою, ниспадая кругомъ всего платья, отъ талии до второй буфы, дѣлаютъ этотъ костюмъ необыкновенно великолѣпнымъ. Открытый лифъ, котораго густыя складки сдерживаются на груди букетомъ цвѣтовъ, имѣетъ едва замѣтный шнуръ и коротенькіе рукавчики, состоящіе изъ трехъ буфъ. Густая зелень съ двумя розами съ каждой стороны, украшаютъ голову дамы.

Нарядъ десятый. (8.) Шляпка изъ неразрѣзнаго бархата, убранныя цвѣтами и блондами. Полка изъ чернаго бархата, застегивается у самой шеи небольшими аграфами, и убирается или аграмантомъ, или лентою, сложенною въ видѣ мелкихъ буфъ и обшивается широкимъ кружевомъ; рукава, едва прикрывающіе пол-руки, убранны также; платье изъ гладкаго пу-де-соа.

Нарядъ одиннадцатый. (9.) Шляпа, убранныя цвѣтами и кружевомъ. Широкій вышитый воротникъ. Платье изъ гладкой матеріи, отдѣланное четырьмя воланами, которые внизу обшиваются широкою

бархатною или атласною лентой подъ цвѣтъ, сверхъ этой ленты идетъ узенькая ленточка въ нѣсколько рядовъ. Кюточка-мускетеръ, застегнутая до шеи, съ фальшивыми отворотами, убирается маленькими пуговками и такими же, какъ и на воланахъ, лентами. Рукава разлѣзные, переплетенные узенькою лентою. Нижніе рукава съ двумя кружевными оборками; они не должны быть длинны.

Нарядъ двѣнадцатый. (10.) Бѣлая атласная шляпка, тулья убрана сборчатыми лентами. Букеты изъ марабу на каждой сторонѣ шляпки придерживаютъ широкую блонду, откинутую назадъ и прикрывающую поля. Пальто бархатное, съ всякими рукавами, обшивается соболемъ въ два ряда. Платье изъ дамъ.

Нарядъ тринадцатый. (11.) Шляпа, убранная кружевомъ, съ маленькимъ бантикомъ, который сдерживаетъ кружево, почти закрывающее тулью, равно какъ и небольшой букетъ, приколотый низко, у самой тульи шляпы. Тальма черная атласная, обшитая широко бархатомъ. Платье съ тисненными воланами.

Нарядъ четырнадцатый (12.) Шляпа очень маленькая, едва прикрывающая голову, отдѣлана буффами, которые отдѣляются одинъ отъ другаго узенькимъ кружевомъ. Вообще шляпа исключительно отдѣлана только кружевомъ, безъ всякихъ стороннихъ украшеній. Пальто бархатное, отдѣланное аграмантомъ и бахрамою. Платье изъ пу-де-соа, воланы обшиты бархатною широкою лентою въ одинъ рядъ.

Англійское шитье постепенно вытѣсняется изъ употребленія. Оно замѣняется болѣе прихотливымъ, болѣе изысканнымъ шитьемъ. Нужно ли говорить, что все, что видятъ передъ собою мои прекрасныя читательницы, вышивается гладью, если это по батисту или лансуку, а если захотятъ вышивать по тюлю, то на него накладывается кисея и вышивается выметкою.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ЖЕНИХИ,

или

СЪДНИА ВЪ БОРОДУ, А БѢСЪ ВЪ РЕБРО.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

К. ВИЛЬДЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧЪ ЩЕПЕНСКІЙ.

КАТЕНЬКА, его дочь.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ТОЛБИНЪ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛУШИНЪ, помощникъ и старый другъ Щепенскаго.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, у Щепенскаго.

Хорошо убранная комната; слышны звуки фортепьяно и пенье.

I.

ЩЕПЕНСКИЙ, одинъ (*въ креслахъ, съ газетой въ рукахъ*). Браво, Алексѣй Степанычъ! браво, богатѣйшій теноръ! чортъ бы тебя и съ твоимъ теноромъ, удивительно! непостижимо! просто безсовѣстно! (*вскакиваетъ*). Спрашивается, что онъ хочетъ? Какая цель его посыщеній? непонятно! Молодой человекъ, пріятной наружности, имѣніе въ 500 душъ,—прекрасное имѣніе въ Тамбовской губерніи, лѣсу много и рѣка,—приходитъ ежедневно, иногда два раза въ день придетъ,—ухаживаетъ за Катенькой—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—таетъ, вздыхаетъ, поетъ чувствительные романы—надо замѣтить: голосъ очень пріятный, итальянская метода и фальцетъ самый нѣжный; да что фальцетъ—поведеніе самое фальшивое: полгода тянетъ насъ за душу, а толку все нѣтъ. Наконецъ, что же изъ этого выйдетъ? отцу надо подумать: пойдутъ, пожалуй, еще сметни... А что тутъ прикажете дѣлать? на что рѣшиться? отказать Алексѣю Степановичу отъ дому—не хочется; все-таки надѣвешся, авось сдѣлаетъ предложеніе... надежда всегда поддерживаетъ человека до самой гробовой доски. На счетъ этого даже стихи есть... Мученье! адское мученье! ночи не сплю напролетъ, все думаю... изобрѣтаю всякія хитрости, чтобъ его, того, подтолкнуть немножко, да путнаго ничего не придумаешь... Шшъ! кажется, они идутъ сюда; улепетну поскорѣ... быть можетъ, поговорятъ, полюбезничаютъ и поладятъ! кто знаетъ? Это вообще часто бываетъ въ жизни: когда меньше всего ожидаешь, тутъ-то фортуна и подъѣдетъ на золотой колесницѣ. (*Уходитъ на цыпочкахъ*).

II.

КАТЕНЬКА и **ТОЛБИНЪ** входятъ съ лѣвой стороны.

Толбинъ. Не правдали, сколько чувства въ этомъ романсѣ?... какая свѣжесть мотива! и какъ вы прекрасно акомпанируете, Катерина Николаевна.

КАТЕРЬКА. Благодарю за комплиментъ; а вы очень мило поете—мы съ вами квиты.

ТОЛЕВИЧЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь... я очень люблю когда вы въ хорошемъ расположеніи духа... (*смотритъ на часы*) Ахъ, Боже мой! я и не зналъ, что такъ поздно... а мнѣ давно пора... До свиданія, Катерина Николаевна... Вы не сердитесь на меня, что я такъ засидѣлся?

КАТЕРЬКА. Напротивъ; я даже хочу удержать васъ... куда вы такъ спѣшите? останьтесь, посидите; вы видите я одна: мнѣ будетъ скучно.

ТОЛЕВИЧЪ. Если вы думаете, что моя беседа можетъ разогнать вашу скуку, то я долженъ предупредить васъ, что вы очень ошибаетесь... мнѣ самому грустно! страшно грустно! (*кладетъ шляпу*).

КАТЕРЬКА. Что это съ вами? полноте, Алексѣй Степанычъ! какъ вамъ не стыдно грустить? какая у васъ можетъ быть причина?

ТОЛЕВИЧЪ. Ахъ! эту причину вы хорошо знаете, Катерина Николаевна... посудите сами: каждый день моей жизни раздвѣляется на двѣ половинны.

КАТЕРЬКА. На утро и вечеръ — это очень понятно, а главное очень ново.

ТОЛЕВИЧЪ. Вамъ все смѣшно! нѣтъ! я дѣлю его иначе: время, которое я провожу у васъ, съ вами, Катерина Николаевна—это радостная половина; остальные часы для меня: грусть, хандра, спянь, уныніе,—все, что вамъ угодно, словомъ, это другая, скучная часть моего дня.

КАТЕРЬКА. Вы очень любезны; но позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что все это ни больше ни меньше, какъ сотое повтореніе вашего признанія? Вы меня любите—положимъ... но я все-таки не могу понять, почему вамъ грустно теперь, въ эту минуту, когда вы со мной?

ТОЛЕВИЧЪ. Ахъ, Боже мой! очень просто, потому-что я предвижу, что черезъ десять минутъ надо будетъ окончательно взять шляпу и отправиться домой, въ эту одинокую, безпорядочную, закуренную квартиру холостяка,—гдѣ все пусто, мертво! Ахъ, Катерина Николаевна! если бы вы знали: дома, когда я одинъ, я только вполнѣ чувствую, какъ сильно люблю васъ!

КАТЕРЬКА. Да, я могу себя представить, какъ вы вспоминаете обо мнѣ, съ трубкой въ рукѣ и съ бумагой передъ глазами... Я знаю, что вы любите мечтать! для васъ, кажется, счастье въ воображеніи лучше счастья въ дѣйствительности. Не правда-ли?

Толькинъ. Нѣтъ, я этого не скажу, но по-моему—нечего торопиться.

Катенька. Хотите, я вамъ скажу правду, Алексѣй Степановичъ?

Толькинъ. Сдѣлайте милость.

Катенька. Вы никогда не будете счастливы, потому, что у васъ нѣтъ характера, потому, что вы сами не знаете, чего хотите.

Толькинъ. Не спору; вы совершенно правы; но что же прикажете дѣлать? Я человекъ нерѣшительный; маменька тоже всегда пишетъ мнѣ изъ деревни, что я мокрая курица и старая баба. Но вѣдь судите сами: себя не перемѣнишь. У меня всегда такъ... въ моей жизни сколько было случаевъ: люблю, люблю страстно, пламенно, безумно, а дойдетъ дѣло до..... ну, и не могу!

Катенька. Да, что же васъ пугаетъ? развѣ такъ страшно...

Толькинъ. Жениться?! такъ страшно, что я и подумать боюсь... только скажутъ: женись, меня точно кипяткомъ обварить... но, ради Бога, Катерина Николаевна, не сердитесь на меня.

Катенька (съ досадою). Напротивъ, очень вамъ благодарна за откровенность. Значить, между нами все кончено?

Толькинъ. О, нѣтъ! нѣтъ! даю вамъ честное слово, что рѣшусь, рѣшусь непременно; но теперь, въ настоящее время не могу... рано еще... мнѣ всего 27 лѣтъ... черезъ годъ или полтора—извольте!

Катенька. Мнѣ кажется, вы сходите съ ума, Алексѣй Степановичъ! ужъ не думаете ли вы, что я умру безъ васъ... Вы меня смѣшите!.. «Извольте», какъ будто я его упрасиваю! Скажите, пожалуйста!

Толькинъ. Ну, вотъ вы и разсердились! Боже мой! да, что вамъ стоитъ подождать годъ или два... мы оба молоды... узнаемъ другъ друга покороче, а счастье отъ насъ не уйдетъ.

Катенька. Нѣтъ, ошибаетесь: уйдетъ? я полюблю другаго и выйду замужъ... вотъ увидите... Я вамъ докажу.

Толькинъ. Вы меня только страшаете, Катерина Николаевна.

Катенька. У васъ презабавное самолюбіе, но признаюсь вамъ, оно начинаетъ меня бѣсить.

Толькинъ (беретъ шляпу). Посердитесь и перестанете; я приду попозже, если позволите.

Катенька. Хоть вовсе не приходите, мнѣ это рѣшительно все равно.

Толькинъ. До свиданія, Катерина Николаевна! дайте ручку.

КАТЕНЬКА. Ступайте, и не приходите, трусь, безхарактерное существо!

ТОЛЫНЪ (*цѣлуетъ ея руку*). Мокрая курица и проч., и проч.; Перестаньте же, не сердитесь... я рѣшусь, можетъ быть, и скоро... вѣдь стоитъ только собраться съ силами, переговорить съ Николаемъ Антонычемъ, а тамъ и дѣло въ шляпѣ.

КАТЕНЬКА. Отчего-же вы не хотите сдѣлать это сейчасъ.

ТОЛЫНЪ. Сейчасъ? Теперь? просить вашей руки? помилуйте, что вы! какъ можно такъ скоро! бухъ да и въ воду... надо прежде обдумать... дайте сроку.

КАТЕНЬКА. Нечего сказать, хороша ваша любовь! будьте здоровы, пламенный обожатель. (*Садится и беретъ журналъ*).

ТОЛЫНЪ. Надѣюсь еще имѣть удовольствіе васъ видѣть сегодня. (*Уходитъ*).

III.

КАТЕНЬКА, (*одна, бросаетъ книгу и вскакиваетъ со стула*). Постой мальчишка! рано... не могу... надо подумать... и это мужчина!.. а между тѣмъ я все-таки люблю его... И чего онъ боится, желала бы я знать? отказа? конечно, нѣтъ! папинька только и думаетъ, какъ бы поскорѣе это устроить; въ моемъ согласіи онъ давно увѣренъ, даже слишкомъ увѣренъ... Неужели онъ смѣется надо мной? нѣтъ! нѣтъ! я его знаю! онъ странный, нерѣшительный, но у него доброе, благородное сердце... онъ меня любить!.. если бъ я могла только придумать.

ЩЕПЕНСКИЙ (*выглядывая изъ дверей, шопотомъ*). Что, ушелъ?

КАТЕНЬКА. Ушелъ... войдите... къ чему такая таинственность, папаша?

ЩЕПЕНСКИЙ (*входя*). Ничего не сказалъ?

КАТЕНЬКА. Все тѣже фразы!

IV.

КАТЕНЬКА и ЩЕПЕНСКИЙ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Дрянъ, и больше ничего!.. Да что съ нимъ воду толочь! я напрямки скажу ему: Милостивый государь! Вы любите мою дочь и она васъ любитъ; но вы, по характеру своему, не сумѣете составить свое собственное счастье, а потому я предупреждаю ваше желаніе и объявляю вамъ, что согласенъ выдать за васъ мою Катю... будьте счастливы! Затѣмъ торжественное благословеніе, слезы умиленія, всеобщее поздравленіе и дѣло съ концомъ, тогда ужъ онъ назадъ не попятится.

КАТЕНЬКА (*съ испугомъ*). Что вы, что вы это, папаша! какъ можно!.. вы не знаете, что онъ сдѣлаеть!

ЩЕПЕНСКИЙ. А что такое онъ сдѣлаеть?

КАТЕНЬКА. Онъ перестанеть ходить къ намъ!.. вотъ и все!

ЩЕПЕНСКИЙ. Велика бѣда! перестанеть ходить! и прекрасно! плакать не будемъ! я тебѣ говорю, Катенька, ты дура, ничего не понимаешь! а изъ этого такой выйдетъ скандалъ, что Боже упаси!

КАТЕНЬКА. Ахъ! еслибъ вы только захотѣли, папаша, мнѣ пришла въ голову гениальная мысль!.. Но вы не согласитесь на эту комедію.

ЩЕПЕНСКИЙ. Говори!.. я самъ только и думаю, какъ бы этакъ!.. ну, что у тебя тамъ за комедія въ головѣ? ты, вѣрно, нашла средство дать толчокъ нерышительной натурѣ?

КАТЕНЬКА. Да, папаша! и какое вѣрное средство! если вы только согласитесь, я ручаюсь вамъ, что Алексѣй Степанычъ сегодня же сдѣлаеть предложеніе форменное, окончательное, такъ, какъ слѣдуетъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Мудрено! а впрочемъ, послушаемъ. Я готовъ на какую угодно комедію, чтобъ избавиться отъ этого безпокойства, отъ этого вѣчнаго ожиданія. Ты должна выйти замужъ!.. во что-бы то ни стало, это твое назначеніе: женщины на то сотворены, чтобъ быть супругой и матерью.

КАТЕНЬКА. Слушайте же, папаша. Вотъ мой планъ: чтобъ побѣдить нерышительность Алексѣя Степаныча, надо, во-первыхъ, возбудить его ревность, во-вторыхъ, внушить ему опасеніе, что онъ легко можетъ потерять мою руку, если не ухватится за нее тотчасъ же; не правда ли?

ЩЕПЕНСКИЙ. Правда, правда!.. Удивительное соображеніе! Какъ разсуждаетъ? По пунктамъ, чортъ возьми!..

КАТЕНЬКА. Слушайте дальше, папаша. Для этого намъ необходимо имѣть третье лицо, то-есть жениха, за котораго будто бы вы непременно хотите выдать меня, понимаете?

ЩЕПЕНСКИЙ. Ну, ужъ тутъ я ничего не понимаю.

КАТЕНЬКА. Ахъ, вѣдь это такъ ясно! если вы скажете Алексѣю Степанычу, что у меня есть женихъ, если онъ увидитъ меня съ нимъ—ревность заговоритъ, сонная любовь прѣснется, вспыхнетъ и тогда онъ объяснится.

ЩЕПЕНСКИЙ. Каково придумала?! что за необыкновенный умъ! Поцѣлуй меня, Катя! но знаешь что? хорошо ли это будетъ, пускаться на такія хитрости?

КАТЕНЬКА. Это такъ невинно, папаша; къ тому же я увѣрена, что Алексѣй Степанычъ не будетъ сердиться, если все узнаетъ. Я сама ему все открою. Добрый, милый папочка! Скажите, что вы согласны.

ЩЕПЕНСКИЙ. Оно, быть можетъ, не совсѣмъ ловко; ну да впрочемъ, правда, это для его же счастья... такъ и быть, предложеніе принято! но позволь, душечка... не радуйся... у насъ за малымъ остановка! нѣтъ никого, кому бы можно поручить роль твоего поддельнаго жениха.

КАТЕНЬКА (*грустно*). И въ самомъ дѣль! я объ этомъ и не подумала! Что же дѣлать, папаша, гдѣ найти его? Боже мой! какое несчастіе!

ЩЕПЕНСКИЙ. Экая досада! въ самомъ дѣль жалко! Это часто бываетъ въ жизни: бездѣлица, суцая бездѣлица, глядь, уничтожить важное предпріятіе.

ЛУШИНЪ (*за сценой*). Дома Николай Антонычъ?

СЛУГА (*отворяя двери*). Дома-съ, пожалуйста.

V.

ТѢ ЖЕ и ЛУШИНЪ.

ЛУШИНЪ. Дома Николай Антонычъ? принимаетъ? ха, ха, ха! что глаза-то вышучилъ? здорово, старый другъ! ну, обними меня! обними покрѣче стараго товарища!..

ЩЕПЕНСКИЙ. Позвольте, милостивый государь... что за нежности? съ кѣмъ я имѣю честь?.. ба-ба-ба! что за притча? Вася, Василій Васильевичъ, ты ли? ахъ, старый дружище! не узналъ, право не узналъ! Э, братъ, да какъ ты перемѣнился.

ЛУШИНЪ. Что, постарѣлъ немножко? а ты думалъ въ деревнѣ не старѣются?!

ЩЕПЕНСКИЙ. Давно-ли въ Петербургъ? вѣдь мы съ тобой пятнадцать лѣтъ не видались; вотъ обрадовалъ такъ обрадовалъ. (*Обнимаются*).

ЛУШИНЪ. Сегодня только что пріѣхалъ изъ Саратова, выбраться не успѣлъ, прямо къ тебѣ. (*Тихо*). А это у тебя что за дама? а я-то запросто пріѣхалъ: въ такомъ случаѣ можно, того... поворотить олоблѣи...

ЩЕПЕНСКИЙ. Помилуй, братецъ... что за глупости! взгляни хорошенько... ну, какая это дама; неужто ты забылъ мою Катю? помнишь, ты ее на рукахъ носилъ въ деревнѣ?..

ЛУШИНЪ. Слепота! столбнякъ! не узналъ... Впрочемъ, и узнать

трудно... ведь я ее трех лѣтъ оставилъ... а теперь... (*Ей*): Позвольте засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе... весьма пріятно возобновить знакомство... Вы меня, конечно, не помните, да оно и невозможно... а я васъ вотъ какихъ зналъ-съ.

КАТЕЧКА. Папенька часто говорилъ мнѣ объ васъ.

ЛУШИНЪ. Не мудрено, что говорилъ... мы съ папашей закадычные пріатели... Впрочемъ, если позволите, я рекомендую себя въ полной формѣ, и за тѣмъ, прошу со мной быть безъ церемоній: я Василій Васильевичъ Лушинъ, имѣю 50 лѣтъ отъ роду, помещикъ Саратовской губерніи, 246 душъ по послѣдней ревизіи, служилъ въ гусарахъ, въ отставку съ 1841 года, проживаю въ деревнѣ, а нынче пріѣхалъ въ Петербургъ по собственной надобности. Вотъ вамъ и вся біографія. (*Николаю Антоновичу*): Скажи пожалуйста, какъ у васъ тутъ: къ ручкѣ подходить, или прямо въ щечку?

ЩЕПЕНСКИЙ. Смотря по обстоятельствамъ... тебѣ можно и въ щечку.

ЛУШИНЪ (*ей*). Если не разсердитесь. (*Цѣлуетъ ее*). Чувствительно благодаренъ; а помнишь, Николай! бывало ни за что не хотѣла поцѣловать меня... ведь я васъ вотъ какихъ помню... Упрашиваешь бывало, и такъ-то, и этакъ-то: Катечка! милочка! позвольте разочикъ въ губки...—Подите! у васъ колючки на лицѣ... ха, ха, ха! больше ничего отъ нея не добьешься!

ЩЕПЕНСКИЙ. Что объ этомъ толковать! глупа была; за то теперь, могу похвастать, такая умница, что чудо! Это всегда такъ бываетъ въ жизни: черезъ-чуръ умные дѣти глупѣютъ съ лѣтами, а глупый ребенокъ подрастетъ, поумнѣетъ.

ЛУШИНЪ. Славно сказано! однако, того... знаешь ли, братецъ... у меня въ желудкѣ, какъ говорить мой сосѣдъ Копошенко, чертъ на скрипкѣ играетъ... нельзя-ли водочки... прикажи, братъ, подать графинчикъ очищенной или бальзаму... червячка заморить, я съ утра ничего не ѣлъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Сейчасъ все будетъ!.. Эй, Петрушка! подавай водки, да спроси тамъ, нѣтъ-ли чего-нибудь закусить.

СЛУГА (*уходитъ и вскорѣ является съ подносомъ*).

ЩЕПЕНСКИЙ. У насъ, любезнѣйшій, таковъ обычай: для милаго дружка и сережка изъ ушка; что въ печи, то на столѣ мечи... жаль вотъ—шампанен нѣтъ, а то мы бы съ тобой росли бутылочку; впрочемъ, ты ведь у насъ въ Петербургъ не одинъ день пробудешь... разоъемъ въ другой разъ.

ЛУШИНЪ (*пѣтъ*). Ладно, ладно... я отъ этого не прочь... мы, братъ, тоже служили въ гусарахъ... Ай да, водка! сладка, да забориста.

ЩЕПЕНСКИЙ. Повтори, когда нравится.

ЛУШИНЪ (*пѣтъ; Катенькѣ*). За ваше здоровье... дай Богъ вамъ жениха хорошаго! а ты, Николай, выдай поскорѣе дочь замужъ, да прѣзжай ко мнѣ въ деревню... ужъ я тебя попотчую... у меня есть вишневка... спасибо скажешь!..

ЩЕПЕНСКИЙ. Вотъ въ томъ-то и штука, что ее надо пристроить сперва... а это дѣло не легкое!..

ЛУШИНЪ. Ужъ будто и нѣтъ жениховъ? Быть не можетъ!

ЩЕПЕНСКИЙ. Есть одинъ вздыхатель... да въ женихи попасть не хочеть... вотъ беда!

КАТЕНЬКА. Да... вообразите, Василій Васильичъ, какое несчастье! Папаша, душечка! попросите Василя Васильича... онъ вѣрно не откажетъ намъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Съ ума ты сошла... человекъ только что прѣхаль, а ты ужъ ему и арканъ на шею.

ЛУШИНЪ. Что такое? чѣмъ я могу служить? напередъ даю слово.

КАТЕНЬКА. Вотъ видите, папаша, Василій Васильичъ согласенъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Пустое, пустое! и не думай, я и просить не стану... вбила себѣ въ голову какую-то комедию, да и насъ стариковъ за фалды тянетъ; если хочешь, проси сама... Что, струсила? я напередъ знаю, что онъ никогда не согласится на эту штуку.

КАТЕНЬКА. Ну, посмотримъ... ступайте, распорядитесь на счетъ объѣда, а я между тѣмъ объясню Василю Васильичу наше горе.

ЛУШИНЪ. Да, да, ужъ мы объяснимся, поди хлопочи по хозяйству.

ЩЕПЕНСКИЙ. Иду, иду... (*Уходитъ*).

VI.

ЛУШИНЪ и КАТЕНЬКА.

ЛУШИНЪ. Ну-съ, мы васъ слушаемъ; вразумите, въ чемъ я могу быть вамъ полезенъ?

КАТЕНЬКА. Дайте слово, что вы не откажете.

ЛУШИНЪ. Да я ужъ даль... помилуйте, назадъ не возьму, только скажите, а я душевно радъ помочь; вѣдь я васъ вотъ какихъ помню, и съ старикомъ мы давнишніе друзья.

КАТЕНЬКА. Василий Васильичъ! добрый, милый Василий Васильичъ! вы не сердитесь, что я васъ такъ называю?

ЛУШИЧЪ. Напротивъ, очень пріятно; за что тутъ сердиться!

КАТЕНЬКА. Ну, такъ выслушайте же меня! сядемте вотъ здѣсь. *(Садятся на диванъ)*. Хотите быть моимъ женихомъ?

ЛУШИЧЪ *(вскакивая въ величайшемъ смущеніи)*. Что вы, что вы, Катерина Николавна, шутите, смѣетесь; вѣдь я васъ вотъ какихъ помню; нѣтъ! какъ это можно, подумайте, мнѣ ужъ пятьдесятъ стукнуло.

КАТЕНЬКА. Успокойтесь, садитесь. Это совсѣмъ не такъ страшно! Вы будете моимъ женихомъ только часа на два или на три, не больше.

ЛУШИЧЪ. Часа на два или на три? А! Это другое дѣло, но зачѣмъ? хоть убейте, ничего не понимаю. Комедію вы что ли хотите представить?

КАТЕНЬКА. Ну да, комедію... Видите-ли: у меня женихъ, то есть, не женихъ, а молодой человекъ, который меня любитъ и котораго я люблю; но онъ не рѣшается просить моей руки, все откладываетъ, такой характеръ нерѣшительный,—мы и придумали съ папашей пріискать мнѣ мнимаго жениха.

ЛУШИЧЪ. Да, чтобъ подбить того... знаю: знаю, вѣдь я служилъ въ гусарахъ... и вы надѣетесь на меня, плутовка?

КАТЕНЬКА. Не только надѣюсь, но увѣрена, что вы согласитесь, Василий Васильевичъ! отъ васъ зависитъ мое счастье... неужели вы не хотите, чтобъ я была счастлива?

ЛУШИЧЪ. Хочу, очень хочу... да дѣло, видите ли, такое шишковатое: въ мои лета пускаться на такія шутки не ловко, не хорошо! чего добраго, другіе узнаютъ—будутъ смѣяться!

КАТЕНЬКА. Василий Васильичъ! я васъ прошу изъ дружбы къ папенькѣ, изъ привязанности ко мнѣ, если вы хоть немножко меня любите.

ЛУШИЧЪ. Какъ не любить? еще бы не любить такую хорошенькую... вѣдь я васъ вотъ какихъ помню; но судите сами, умница моя... нельзя: да я и взялся за это дѣло не съумѣю... вѣдь я женихомъ никогда не былъ.

КАТЕНЬКА. Я васъ научу—это не такъ трудно. Послушайте, мы будемъ сидѣть, какъ теперь, другъ подле друга, вотъ такъ—здѣсь на диванѣ... Вы будете мнѣ рассказывать что-нибудь, говорить любезности, это вамъ не трудно... вы такъ любезны... стоитъ только захотѣть...

ЛУШИНЪ. Разумьется, стоитъ захотѣть; все пойдетъ! мы не даромъ служили въ гусарахъ. А ручку целовать можно? не будете сердиться?

КАТЕНЬКА. Нисколько! это въ роли... Вы увидите, какъ у насъ все пойдетъ хорошо; скажите только, что вы согласны.

ЛУШИНЪ. Такъ и быть, извольте. Ужъ видно съ вами нельзя поставить на своемъ. Экая шалунья! кокетка! (*Цѣлуетъ руку*). Глазенки-то, глазенки, такъ и бѣгаютъ! (*Про себя*) Да, чортъ возьми... еслибъ лѣтъ двадцать съ костей долой—шутка вышла бы другая.

КАТЕНЬКА. Ахъ, какой вы милый!

ЛУШИНЪ. Что за дьяволенокъ!

VII.

ТЪ ЖЕ и ЩЕПЕНСКІЙ.

ЩЕПЕНСКІЙ. Эхъ! да у васъ, кажется, дѣло идетъ какъ по писанному,—имѣю честь поздравить жениха и невесту, ха-ха-ха!.. Ну, обними же меня, Василій Васильичъ! нечего сказать, истинные друзья всегда узнаются въ бѣдѣ, а признаюсь тебѣ, я никакъ не думалъ, чтобъ ты согласился.

ЛУШИНЪ. Что съ ней будешь дѣлать?

ЩЕПЕНСКІЙ. Милости просимъ по мѣстамъ... Алексій Степанычъ сейчасъ будетъ; я видѣлъ изъ окна, какъ онъ подъѣхалъ. Смотри же, Василій Васильевичъ: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ... не ударь лицомъ въ грязь.

ЛУШИНЪ. На счетъ этого будь покоенъ... я, братъ, служилъ въ гусарахъ... обрабатываю статью на-славу... посмотри, какъ вскипятимъ молодчика!

ЩЕПЕНСКІЙ. Прекрасно! а я буду здѣсь у дверей и явлюсь по-позже... когда дѣло будетъ въ самомъ разгарѣ... Тише... кажется, звонять... (*Уходитъ*).

VIII.

ЛУШИНЪ, КАТЕНЬКА и потомъ ТОЛБИНЪ.

КАТЕНЬКА (*на диванѣ*). Начинайте, Василій Васильичъ: будьте нежны, страстны, разговорчивы,—словомъ, постарайтесь взбѣсить его, за остальное я ручаюсь.

ЛУШИНЪ. Взбѣшу непременно... онъ у меня напляшется, не беспокойтесь, я служилъ въ гусарахъ... позвольте вашу ручку, Катерина Николавна, для подкрѣпленія силъ не мѣшаетъ.

КАТЕНЬКА (*тихо*). Дверь отворяется... вотъ онъ, бѣдняжка!

(Громко) Ахъ, Василій Васильичъ! какъ вы крѣпко жмете мнѣ руку. (Тихо Клушину) Скажите, что у меня хорошенькая ручка.

ЛУШИНЪ (также ей). Я и самъ это знаю; не нужно подсказывать... (Прямо) Премилая ручка! такъ бы вотъ все и цѣловаль... да, нечего сказать... перемѣнились вы, Катерина Николавна... давно ли, кажется, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я васъ зналъ ребенкомъ, а теперь, прїѣзжаю и нахожу красавицу, восхитительную дѣвушку, умную, любезную, очаровательную.

КАТЕНЬКА. И прибавьте, что эта дѣвушка, которую вы такъ расхваливаете... ваша невѣста.

ТОЛБИНЪ. Его невѣста? Что это значитъ? (Отходитъ въ сторону и прячется за занавѣску).

ЛУШИНЪ (тихо ей). Спрятался! (Громко). Да, да, именно нахожу невѣсту; экой я, право, счастливецъ, какъ подумаешь! И за что судьба меня такъ наградила, самъ не понимаю... чѣмъ я заслужилъ вашу привязанность? — я старикъ, безъ образованія, дуракъ, ну, могъ ли я думать, что вы согласитесь отдать мнѣ свою руку? А вышло иначе, сдѣлалъ предложеніе — и совершенно неожиданно получилъ согласіе.

КАТЕНЬКА. Потому-что папенька уже пять лѣтъ какъ далъ вамъ слово.

ЩЕПЕНСКІЙ (у дверей пальво). Пять лѣтъ какъ я далъ ему слово. Отлично!

ТОЛБИНЪ. Пять лѣтъ! Боже мой! я не вѣрю ушамъ своимъ.

ЛУШИНЪ. Да, правда, мы съ нимъ давно порѣшили, но все-таки безъ вашего согласія ничего бы не вышло, и не скажите вы, мнѣ бы пришлось отчаливать съ носомъ и вернуться въ деревню.

КАТЕНЬКА. Можетъ быть; но почему же вы могли мнѣ не понравиться? Я люблю такихъ стариковъ, какъ вы; къ тому же вы вовсе не старикъ, прошу этого не думать.

ЛУШИНЪ. Неужели? и вы меня любите? въ самомъ дѣлѣ не шутя.

КАТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой! какіе вы странные, Василій Васильичъ! отчего же вы не вѣрите? Вы добры, у васъ прекрасный характеръ, и я, конечно, буду съ вами счастлива. Не правда ли?

ЛУШИНЪ (все больше и больше оживляясь). О, что до этого, я вамъ за себя ручаюсь. (Цѣлуетъ ей руку). Чего бы вы ни захотѣли, все для васъ сдѣлаю, а ужъ какъ мы заживемъ съ

вами, другіе завидовать станутъ; поѣдемъ въ деревню... я люблю деревню; а вы?

КАТЕНЬКА. Очень люблю!

ЛУШИЦЪ. И прекрасно... Вы увидите, какъ у меня тамъ хорошо... домъ большой, барскій, старинный домъ, садъ богатѣйшій, хозяйство у меня устроено, какъ нельзя лучше... вездѣ порядокъ и на старинный ладъ, вишневка какая! тоже старая, все старое, какъ и самъ хозяинъ... Ну, право, вы не соскучитесь; люди все такіе добрые, ласковые и любить васъ будутъ, а я то, ужъ и говорить нечего! То-то будутъ удивляться, какъ мы съ вами прикатимъ въ деревню, сейчасъ все узнаютъ, что вотъ-дискать баринъ съ молодой женой пріѣхалъ и пойдутъ толки: «Что за хорошенькая! да какая пригожая! да гдѣ онъ старый хрычъ поддѣлъ такую красоточку? А мой сосѣдъ, Копошенко? ну, что съ нимъ будетъ, я и самъ не знаю... *(Цѣлуетъ ея руку)*. Душечка! прелесть моя! нельзя ли поскорѣе за свадьбу?»

КАТЕНЬКА. Надо переговорить съ папенькой.

ЛУШИЦЪ. О, если за нимъ только дѣло, такъ свадьба будетъ скоро... А вы что на это скажете?

КАТЕНЬКА. Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше...

ЛУШИЦЪ. Что за умница! ай да Василій Васильевичъ! въ сорочкѣ родился! и неужели вамъ не жаль будетъ уехать отсюда? оставить Петербургъ?

КАТЕНЬКА. Разумѣется, немножко будетъ скучно, но что дѣлать? съ папенькой жаль будетъ разстаться.

ЛУШИЦЪ. А кромѣ папеньки, скажите по совѣсти... есть еще другіе... на примѣръ, какъ его... Алексій Степанычъ... этотъ молодой человекъ, про котораго вы мнѣ говорили, признайтесь—вы къ нему были не равнодушны?

КАТЕНЬКА. Да, была! это правда! но это такое безхарактерное существо, что его и любить нельзя... Вообразите, онъ не могъ рѣшиться просить моей руки... почему? я сама не знаю... папенька къ нему очень расположенъ, мнѣ онъ тоже нравился: кажется, стоило только слово сказать, такъ нѣтъ же: онъ все свое твердилъ: не могу, рано, подождите... Вы пріѣхали, возобновили свое предложеніе и я согласилась. Посудите сами, ждать, все только ждать, что же наконецъ изъ этого выйдетъ? Онъ думаетъ, что я нуждаюсь въ его любви, что кромѣ его у меня не найдется жениховъ. Ошибаетесь, Алексій Степанычъ!

ЛУШИИЪ. А теперь вы ужъ его не любите? разлюбили? и хорошо сдѣлали! верченая голова! не стоитъ никакого вниманія.

КАТЕНЬКА. Я тоже думаю: и даю вамъ слово, что забуду его совершенно.

ЛУШИИЪ. Милочка моя! благодарю. (*Цѣлуя ея руку*). Благодарю за это обещаніе.

ТОЛБИИЪ (*выходя*). А я благодарю васъ за постоянство, Катерина Николаевна!

КАТЕНЬКА (*вскрикиваетъ*). Ахъ, Алексѣй Степанычъ! (*про себя*): Теперь онъ объяснится! (*Убѣгаетъ*).

IX.

ЛУШИИЪ и ТОЛБИИЪ.

ЛУШИИЪ. Милостивый государь! мнѣ кажется, вы бы могли войти потише... Вы испугали Катерину Николаевну.

ТОЛБИИЪ. А вамъ какое дѣло?

ЛУШИИЪ. Это неприлично! невѣжливо!

ТОЛБИИЪ. Я не спрашиваю вашихъ совѣтовъ, милостивый государь! (*Быстро ходитъ взадъ и впередъ*) О, это ужасно! непристительно! и я! я самъ же виноватъ!

ЛУШИИЪ. Разумется, вы виноваты: вѣбжали въ комнату, какъ угорьльй... прошу васъ, быть поосторожнѣе въ другой разъ. Вы помѣшали нашему разговору; понимаете ли вы, милостивый государь?!

ТОЛБИИЪ. А вы думаете, очень пріятно быть зрителемъ вашихъ нѣжностей, милостивый государь? Очень весело слушать ваши рассказы о деревенской жизни!

ЛУШИИЪ. Я вовсе не просилъ васъ присутствовать при нашемъ разговорѣ; вольно вамъ стоять за занавѣской и подслушивать.

ТОЛБИИЪ. Вы забываетесь!

ЛУШИИЪ. Нѣтъ, вы забываетесь — прошу васъ, потише! я не трусливаго десятка: я, батюшка, служилъ въ гусарахъ... слышите ли, почтеннѣйшій.

ТОЛБИИЪ. Что мнѣ за дѣло до того, гдѣ вы служили? А! вы хотите жениться на Катеринѣ Николаевнѣ, любезнѣйшій? будьте увѣрены, что я вамъ этого не позволю.

ЛУШИИЪ. Я не стану и просить вашего позволенія. Скажите пожалуйста! опекунъ вы, что-ли, ей! Кажется, у нея есть отецъ?

ТОЛБИИЪ. Катерина Николаевна васъ не любитъ!

Лушинъ. Нѣтъ, извините, любить; а вамъ досадно, что она не хочетъ выйти за васъ? вотъ въ чемъ штука? прозвали, что дѣлать! а теперь поздно, я вамъ ее не уступлю: хоть волкомъ войте, а она будетъ моею.

Толбинъ. Не будетъ!..

Лушинъ. Будетъ!..

Толбинъ. Посмотримъ! я сейчасъ иду къ Николаю Антоновичу.

Лушинъ. И я съ вами. Увидимъ, чортъ возьми, кто кого переспоритъ!

X.

ТЪ ЖЕ и ЩЕПЕНСКІЙ.

Щепенскій (*жметъ руку Василья Васильича*). А! Алексѣй Степанычъ! здоровы-ли вы? что у васъ тутъ за горячій разговоръ, господа? Вы знакомы?

Толбинъ. Немножко... только-что познакомились.

Щепенскій (*Лушину*). Что, каковъ молодой человекъ? не дуренъ?

Лушинъ (*въ волненіи ходитъ по сценѣ*). Нечего сказать, хорошъ! (*Про себя*). Грубіянь! онъ въ-самомъ-дѣлѣ думаетъ жениться на Катенькѣ! мы еще посмотримъ!

Щепенскій (*Толбину*). Какъ вамъ нравится Василій Васильичъ? не правда-ли, славный человекъ?

Толбинъ. Прекрасный человекъ! (*Въ волненіи ходитъ по сценѣ*). Старый уродъ! онъ серьезно думаетъ поставить на свосмь... но я переговорю съ Катенькой, съ Николаемъ Антонычемъ, и женось, хоть онъ тресни!

Лушинъ (*останавливаясь*). Послушай, Николай, мнѣ нужно сказать тебѣ словечко.

Толбинъ (*тоже*). Я тоже долженъ объяснитьсь съ вами, Николай Антонычъ.

Лушинъ. Вотъ въ чемъ дѣло...

Толбинъ. Позвольте, я сперва начну.

Лушинъ. Нѣтъ, я первый буду говорить.

Щепенскій. Позвольте, позвольте, господа! я тутъ ничего не разберу. (*Лушину*). Не мѣшай теперь, сдѣлай милость, дай ему говорить. (*Толбину*). Если вамъ угодно пойти ко мнѣ въ кабинетъ, я къ вашимъ услугамъ, Алексѣй Степанычъ.

Толбинъ. Да, да, пойдѣте... пойдѣте! я скажу вамъ все, что у меня на душѣ... Быть можетъ, уже поздно, но я долженъ объяснитьсь.

Щепенскій (*отворяя дверь направо*). Милости просимъ... (*Про себя*). Ну, пріятель! прыгай на удочку.

XI.

Лушинъ (*одинъ. Посль минутнаго молчанія*). Что я дѣлаю? что я говорю? Опомнись, образумься, Василій Васильичъ! какую ты горячку порешь?! вѣдь это была шутка! подумай! (*указывая на дверь, изъ которой вышелъ Алексій Степанычъ*): вотъ этотъ — этотъ настоящій женихъ, а ты что? неужели ты въ самомъ дѣлѣ говорилъ, какъ душа чувствовала? неужели ты... влюбленъ!! Стыдно, старикъ! посмотри на себя—тебѣ пятьдесятъ лѣтъ, и ты задумалъ жениться, не шутя, хотѣлъ сдѣлать предложеніе, съума я что ли сошелъ? голова кругомъ идетъ: глазки, ножки, ручки—такъ вотъ все и мелькаетъ предо мной! Довольно подурачился; полно! завтра же уѣду въ деревню... рѣшено, ѣду... (*идетъ къ дверямъ*): Но надо же проститься; не ловко ухвать, не сказавъ ни слова; да, еще разочикъ поцѣлую эту маленькую руку, а тамъ валяй по вѣзмъ безъ оглядки... Она идетъ сюда! Душка! прелесть моя!.. нѣтъ! не хочу уѣзжать, остаюсь!.. женюсь!.. что, въ самомъ дѣлѣ, въ шуты я имъ достался что ли?.. Смѣлуй, Василій! Покажи себя!

XII.

ЛУШИНЪ и КАТЕНЬКА.

Катенька. Чудно! безподобно! все идетъ какъ нельзя лучше, какъ я рада, какъ я счастлива! въ эту минуту Алексій Степанычъ проситъ моей руки у папаши.

Лушинъ. Пусть его проситъ; мы ему откажемъ. Катерина Николавна, душечка! сдѣлайте мнѣ одолженіе, бросьте вы этого молокососа...

Катенька. Какъ бросить? я васъ не понимаю: отказать Алексью Степанычу? но объ чемъ же мы старались все время?—Ахъ, да! какъ я не догалива, я и не замѣчаю, что вы все еще продолжаете роль жениха.

Лушинъ. Нѣтъ, не продолжаю, а только начинаю входить въ нее... послушайте, Катерина Николавна, ну, что вамъ въ этой мокрой курицѣ? Чѣмъ онъ могъ вамъ понравится? что въ немъ хорошаго? Послушайте моего совѣта: не выходите за него, откажите ему... ну, я понимаю, вамъ хочется выйти замужъ... такъ чтожь? если за этимъ дѣло, многіе найдутся, люди солид-

ные, положительные... не дальше, какъ я самъ... я... я—на васъ женюсь, право!

КАТЕНЬКА. Вы?.. вы, Василий Васильчъ?..

ЛУШИЦЪ. Да, я... что тутъ удивительнаго... въ мои лѣта странно немножко; но, право, я самъ не знаю, что со мною сдѣлалось, что вы изъ меня сдѣлали въ этотъ часъ какой-нибудь... служилъ я въ гусарахъ, былъ молодъ, ухаживалъ... но такой чертовщины никогда не испытывалъ...

КАТЕНЬКА. Боже мой! могла ли я думать?

ЛУШИЦЪ. Да, да; вы думали: онъ старикъ, у него сердце камень, а вышло не такъ... словомъ, я влюбленъ... смѣйтесь... влюбленъ, какъ юноша, жить безъ васъ не могу... Катерина Николаевна! Катечка! не губи ты меня... брось молодого,—ему что? онъ утѣшится, а я пропаду, грѣшно тебѣ будетъ!

КАТЕНЬКА. Василий Васильчъ? будьте благоразумны, посудите сами, вѣдь мнѣ всего восемнадцать лѣтъ.

ЛУШИЦЪ (живо). А мнѣ сорокъ девять! разумеется, старъ немножко, да что лѣта? пустое! Ты теперь не смотри на меня, совсѣмъ не смотри... я не брился, десятью годами старше кажусь, а выбрюсь, причешусь, приодвнусь,—право, еще молодецъ молодцомъ! За то ужъ какъ я буду любить тебя! — Онъ молодъ... у него вѣтеръ въ головѣ ходитъ; черезъ мѣсяць сама жалеть будешь, что вѣшла за него,—помяни мое слово!..

КАТЕНЬКА. Василий Васильчъ! простите меня, не сердитесь на меня, ради Бога!.. я не виновата передъ вами... еслибъ я могла предвидѣть, что вы серьезно меня полюбите,—я не стала бы просить васъ... Согласитесь, могу ли я принять ваше предложеніе... я дала слово, я люблю Алексѣя Степаныча...

ЛУШИЦЪ. Все это такъ, воображеніе, и больше ничего, да и онъ тебя не любитъ... Это что за любовь?

КАТЕНЬКА. Я знаю, въ эту минуту вамъ кажется, что никто не можетъ любить меня больше васъ... теперь вы дѣйствительно говорите, какъ чувствуете: можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ вамъ нравлюсь; но это минутное увлеченіе, Василий Васильчъ! Увидѣли свѣженькое личико, поцѣловали ручку, которая несовсѣмъ дурна... вотъ и любовь! А выспнитесь—и все пройдетъ. Василий Васильчъ! дайте мнѣ слово, что вы все это забудете? Вы не захотите отравить мое счастье? не правда ли?

ЛУШИЦЪ. Не проси меня, Катя! лучше смѣйся надо мною, легче будетъ! И въ самомъ дѣлѣ, какъ сообразить хорошенько-

глупо! смешно! инвалидъ влюбился! старикъ влюбился! И чего онъ дурачится? шутя попалъ въ женихи на одинъ часъ, съ тѣмъ только, чтобъ подбить другаго — и самъ попался, болванъ! *(Со слезами)* Дуракъ я! набитый дуракъ!

ЩЕПЕНСКИЙ *(За сценой)*. Катя, Катенька!

КАТЕНЬКА. Иду, иду, папаша. Вы слышите, меня зовутъ... перестаньте, Василій Васильевичъ... поздравьте меня, я невѣста! и вы помогли составить мое счастье!

ЛУШИНЪ *(беретъ ее за руку)*. Да, я. Я самъ наложилъ на себя руки; но я не отдамъ тебя никому, ни за что не отдамъ!

КАТЕНЬКА. Опомнитесь! что вы дѣлаете? пустите меня!

ЛУШИНЪ. Да, ты права... ступай, ступай, я не держу тебя, будь счастлива.

XIII.

ТѢ ЖЕ, ЩЕПЕНСКИЙ и ТОЛБИНЪ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Что же ты не шла? Онъ насилу объяснился; онъ, наконецъ, рѣшился, и проситъ твоей руки...

ТОЛБИНЪ. Да, Катерина Николавна...

ЩЕПЕНСКИЙ. Позвольте, ваша рѣчь впереди... я знаю, что вы давно любите другъ друга, и потому согласился: теперь прошу васъ сказать мнѣ, Катерина Николавна, какого вы мнѣнія объ Алексѣ Степанычѣ!..

КАТЕНЬКА *(бросаясь къ нему на шею)*. Папаша! добрый папаша!

ЩЕПЕНСКИЙ. Что, не бось рада, плутовка, что поставила на своемъ?..

ТОЛБИНЪ. Ваша шутка меня проучила, Катерина Николавна! теперь я понимаю, что счастье надо ловить на лету!... *(подходя къ Василію Васильевичу)*: я не знаю, какъ благодарить васъ, Василій Васильичъ.

ЛУШИНЪ *(угрюмо и холодно)*: Не стоитъ благодарности...

ЩЕПЕНСКИЙ *(жметъ Василію Васильевичу руку)*. Добрый Василій Васильичъ! вотъ ужъ истинный другъ! и вѣдь какъ странно! какая удивительная случайность! Мы съ Катей придумали планъ... все прекрасно, вдругъ я говорю: ахъ, чортъ возьми! вѣдь жениха-то у насъ нѣтъ. Кого бы? въ ту самую минуту дверь открывается и мой Василій влетаетъ, какъ снѣгъ на голову! мы его и произвели, ха, ха, ха!

ЛУШИНЪ. Да, произвели! спасибо... превеселая комедія... радуй-

тесъ, смѣйтесь—и я съ вами посмѣюсь—очень, очень забавно!
(смѣется сквозь слезы).

Щепенскій. Что ты за чепуху городишь? пойдемъ лучше выпьемъ водочки (смотритъ на часы) пятый часъ, пора за столъ садиться.

Лушинъ. Благодаримъ покорно... я по-горло сытъ! вотъ какъ сытъ! дохнуть не могу!—я вамъ не товарищъ.

Щепенскій. Какъ не товарищъ?

Лушинъ. Дѣло есть... слышное... завтра ѣду.

Щепенскій. Ёдешь? быть не можетъ! что съ тобой, Василій? собирался у насъ погостить, и ужъ на другой день хочешь вхвать? Развѣ жизнь петербургская тебѣ не нравится?

Лушинъ. (глядя на Катю). Она-то мнѣ нравится, да я ей не нравлюсь... старъ больно!

Щепенскій. Бредишь, любезнѣйшій! полно, полно! останься обѣдать съ нами, по-крайней-мѣрѣ... Выпьемъ за здоровье жениха и невесты, а тамъ, пожалуй, я тебя держать не стану.

Лушинъ. Сытъ и пьянъ! ничего не хочу! прощай, Николай!

Щепенскій. Что съ нимъ дѣлать? упрямя, какъ лошадь! (обнимаются).

Лушинъ. Прощайте, Катерина Николавна! дайте ручку... вотъ такъ... въ послѣдній разъ. (Цѣлуетъ руку, тихо ей). Будьте счастливы и не поминайте меня лихомъ... бываютъ такіе случаи!.. сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро: не смѣйтесь надо мною. (громко). Ну, прощайте, прощайте, друзья мои... безъ нежностей... а то, чего добраго, прослезимся—стыдно будетъ, вѣдь я служилъ въ гусарахъ... а ты, Николай, прѣзжай ко мнѣ въ деревню, или напиши словечко, расскажи, когда была свадьба, какъ живутъ молодые... я порадуюсь вашему счастью!.. (въ сторону), грѣхъ меня (идетъ къ дверямъ) попуталъ,—Богъ поможетъ: авось образумлюсь!!.

Щепенскій. Она сама тебѣ напишетъ; прощай, Василій! Саратовскимъ мой поклонъ... (возвращается). Станный человекъ! что съ нимъ сдѣлалось? прѣхалъ, попалъ въ женихи для смѣху и убѣжалъ! А хлопотъ-то сколько было! ай-да женихи, курамъ на смѣхъ! этотъ на силу рѣшился, а поддѣльный—съ ума спятилъ, оба съ норовомъ! Впрочемъ, я вообще замѣтилъ въ жизни...

Катенька (перебивая его). Пойдемте обѣдать, панаша... Эту сентенцію вы сообщите намъ въ другой разъ!

9914

18186

БИБЛИОТЕКА
А. В. ДУМАЧАРСКОГО